

В.В.СЕДОВ

ГЕРМАНЦЫ

ФИННО-УГРЫ

БАЛТЫ

СЛАВЯНЕ
В ДРЕВНОСТИ

ФРАКЦИЙЦЫ

САРМАТЫ

ИЛЛИРИЙЦЫ

ИТАЛКИ

ГРЕКИ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.В.Седов

СЛАВЯНЕ
В ДРЕВНОСТИ

Москва 1994

(20)

A 19335

Книга издана в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований «Славяне в древности и раннем средневековье» (код: 93-06-10352)

Руководитель проекта В.В.Седов

Книга посвящена проблеме становления славян и их ранней истории. Она охватывает период от II тысячелетия до н.э. по середину I тысячелетия н.э. В начале этого периода в Средней Европе существовала древнеевропейская общность, из которой образовались кельты, италики, иллирийцы, германцы и славяне. Завешается он «великим переселением народов». В течение указанного времени культура славян развивалась при взаимодействии с кельтами, германцами, скифо-сарматами и другими древними этносами, испытала влияние провинциально-римской цивилизации.

Редактор Н.В.Лопатин

Издательство
«Научно-производственное
благотворительное общество
«Фонд археологии»

C 0504000000—003
193(03)—94

051 / 35

ББК 63.4 (2)

ISBN 5-87059-003-5

© В.В.Седов, 1994 г.

Предисловие

Исследование посвящено отдаленным периодам истории и культуры славян, не отраженным в письменных источниках. Основано оно преимущественно на археологических данных. Современная археология располагает обширнейшими материалами, достаточно конкретными, географически локализованными и часто относительно хорошо датированными источниками, количество которых заметно увеличивается с каждым десятилетием. Одним из крупных достижений археологии последнего времени стало выявление и обстоятельное изучение славянских памятников V—VII столетий — периода, когда славяне и их деяния впервые довольно информативно описаны в исторических трудах современников. Это была уже крупная этноязыковая группа, расселившаяся на обширных пространствах Европы. Археологические материалы свидетельствуют, что славяне в начале средневековья в культурном отношении были далеко не монолитны. Достоверно славянские древности V—VIII вв. стали надежной основой для научных поисков более ранних памятников славян.

Исследовательская цель, поставленная при работе над этой книгой, заключалась в том, чтобы все накопленные к настоящему времени факты археологии, в той или иной мере относящиеся к истории, культуре и этногенезу славян, охватить на предельную глубину, систематизировать и проанализи-

ровать методами современной науки. Многие крупные и частные вопросы, анализируемые или затрагиваемые в настоящем исследовании, нашли отражение в обширной славистической литературе, при этом высказано множество нередко противоречивых мнений, предположений и просто догадок. Анализ взаимосвязей между материалами разных эпох и территорий позволил разобраться во всей мозаике точек зрения, существующих в науке. Проблема становления славянского этноса и его ранней истории на современном этапе не может быть познана изолированно от исторических процессов, имевших место в соседних, а порой и отдаленных регионах Европы. Начальная история славян самым тесным образом переплетается с историей кельтов и германцев, скифо-сарматов и балтов. Воссоздать историю ранних славян можно лишь в комплексе с анализом древностей других европейских этносов, с учетом конкретных ситуаций в европейской предыстории.

После научного осмысления материалов археологии и определения связей между ними автором осуществлялась проверка полученных результатов путем соотнесения их с данными других наук — прежде всего лингвистики, топонимики, этнологии. При этом была привлечена и проштудирована вся доступная славистическая литература.

На пути исследования автор встретил

немало трудностей, обусловленных в основном недостаточностью источникового фонда для разрешения некоторых этноисторических вопросов. Поэтому отдельные построения настоящей работы носят гипотетический характер. Насколько они оправданы — покажут дальнейшие изыскания.

Исследование по истории и культуре ранних славян задумано в двух книгах. Настоящая монография охватывает период от времени выделения славянского этноса из

массива индоевропейских племен Европы до «великого переселения народов» (конец IV—V вв. н.э.). Это период, когда славяне составляли этническое и языковое единство. Вторая часть исследования — «Славяне в раннем средневековье» — будет посвящена истории дифференциации славян на отдельные народности, созданию ими первых государственных образований, зарождению городской жизни, развитию ремесла, культуры и искусства.

История знаний о древних славянах

Древние авторы о ранних славянах

Первые определенные исторические и географические сведения о древних славянах, называемых венедами (венетами), содержатся в трудах греко-римских авторов первых веков н.э. О том, что под этим именем действительно скрываются славяне, свидетельствует ряд факторов. Историк VI в. Иордан прямо отождествляет венедов и славян. В эпоху средневековья германцы, соседствовавшие со славянами, называли их венедами, что зафиксировано многими историческими источниками. До сих пор в нововерхненемецком диалекте и немецких верхне- и нижнелужицких говорах *Wenden/Winden* — название славян. Этот этноним для наименования славян распространился и в прибалтийско-финской среде (финск. *venaja*, эстон. *vele*, карел. *velea* — 'русский').

Относя этноним *венеды*, встречающийся в источниках первой половины I тыс. н.э., к славянам, большинство исследователей полагает, что это не самоназвание славянского этноса. В источниках раннего

средневековья, происходящих из бесспорно славянской среды, славяне никогда не именуют себя венедами. Очевидно, так называли славян их соседи [1].

Впервые этноним *венеды* встречается в «Естественной истории», написанной Гаем Плинием Старшим, погибшим при извержении Везувия в 79 г. н.э. [2]. Этот труд является своеобразной энциклопедией античных знаний, в нем содержится описание Римской империи, ее истории и географии и приводятся сведения о Северной Европе. Сочинение Плиния отражает комплекс известных античности знаний о географии Европы, Северной Африки и Ближнего Востока. Сведения о народах, которые не входили в непосредственный контакт с Римской империей, весьма неконкретны. Плиний называет венедов в числе племен, заселявших территорию восточнее Вислы и соседящих с группой германских племен — ингевонами: «Некоторые передают, что она населена вплоть до реки Вистулы сарматами, венедами, скирами, хиррами...» [3].

Ингевоны (ингвеоны) — общее название германских племен, заселявших побережье Северного и Балтийского морей и низовья Рейна, Везера и Эльбы. Скиры — наиболее юго-восточное германское племя. В начале нашей эры они жили, по всей вероятности, в верхнем течении Вислы. Хирры — неизвестное племя. Кроме Плиния они никем

не упоминаются. Сарматы в I в. н.э. заселяли все Северное Причерноморье, достигая на севере Киева, а на западе занимали Пруто-Днестровское междуречье вплоть до низовьев Дуная. Где-то между ингевонами, скирами и сарматами около Вислы и в более восточных землях и следует локализовать венедов Плиния.

К концу I в. н.э. относятся сведения о венедах римского историка Публия Корнелия Тацита (55—120 гг. н.э.). Одно из его произведений, «О происхождении и местах обитания германцев», целиком посвящено описанию жизни и этногеографии германских племен. Рассказывая о племенах, живших восточнее германцев, он называет венедов: «Здесь конец Свебии. Отнести ли певкинов, венедов и феннов к германцам или сарматам, право не знаю... Венеды переняли многое из их (то есть, певкинов) нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой все; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне» [4].

Певкины во времена Тацита занимали северную часть Нижнего Подунавья. Фенны — финские племена, заселявшие обширнейшую территорию лесной зоны Восточной Европы от восточного побережья Балтики до Урала. Свебия — область расселения германских племен. Следовательно, по Тациту, венедам принадлежали пространства от Балтийского побережья до Карпат и на юго-востоке до сарматского региона.

Несколько конкретнее этногеографическая информация греческого географа, астронома и математика Клавдия Птолемея (89—167 гг. н.э.), жившего в Александрии в Египте. Его труд «Географическое руководство», как полагают исследователи, был написан в 30-х гг. II в. н.э., но при этом были использованы сведения, содержащиеся в недошедшем до нас сочинении географа I в. н.э. Марина Тирского. В нем нашли отражение и малоизвестные территории Ев-

ропы с сотнями географических названий. Согласно Птолемею, венеды — одно из крупнейших племен Европейской Сарматии, западным пределом которой была река Вистула (Висла). Западнее Вислы начиналась уже Германия. С юга Европейскую Сарматию ограничивали Карпаты и северный берег Понта (Черного моря), а севера — Венедский залив Сарматского океана (Балтийского моря). «Заселяют Сарматию очень многочисленные племена: венеды — по всему Венедскому заливу; выше Дакии — певкины и бастерны; по всему берегу Местиды — языги и роксоланы; далее за ними внутрь страны — амаксонии и скифы-аланы... И меньшие народы населяют Сарматию: по реке Вистуле ниже венедов готоны, затем финны, затем сулоны... Восточнее названных, снова ниже венедов, суть галинды и судины и ставаны вплоть до аланов» [5].

На основании этих данных венедов следует локализовать в бассейне Вислы между побережьем Балтийского моря и Карпатскими горами, за которыми жили певкины и бастарны. Самые низовья Вислы заселяли готоны (готы). Восточными соседями венедов, очевидно, были западные балты (галинды и судины). Как далеко простирались земли венедов на юго-востоке, определить невозможно.

На Певтингеровой таблице — карте мира, в дошедшем до нас виде изготовленной в XII—XIII вв., но восходящей к позднеимперскому времени (III в. н.э.), — венеды обозначены в двух местах (рис 1). Один раз венеды-сарматы локализованы южнее Балтийского моря и северо-западнее бастарнов. При перенесении этого этнонима на современную карту он оказывается на территории, расположенной севернее или северо-восточнее Карпатских гор, то есть где-то в верховьях Вислы и Днестра. Второй раз этноним *венеды* на Певтингеровой карте помещен рядом с гетами и даками, то есть между Дунаем и Днестром [6].

Причины двукратного нанесения на карту этнонима *венеды* объясняется исследователями двойко. Е.Ч.Скржинская высказала предположение, что поскольку Певтингерова таблица отражает сведения о дорогах

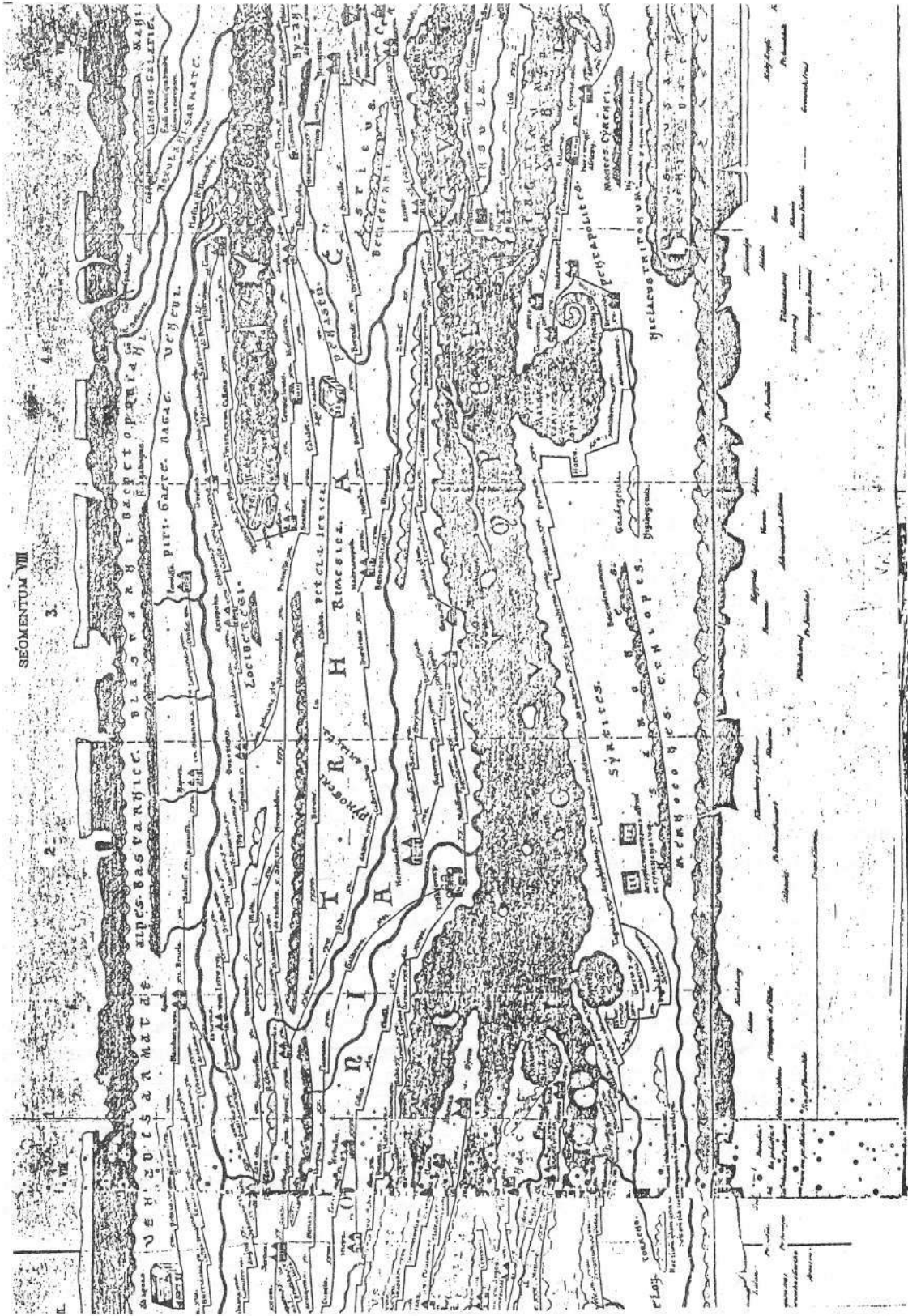

Рис. 1. Сегмент VIII Певтингеровой карты с этнонимами «venedisatmatae» и «venedi»

времени римского императора Августа, обозначение венедов в двух местах обусловлено пересечением их территории двумя путями, один из которых соединял земли венедов с областью бастарнов, а другой — с регионом даков [7]. Другие исследователи полагают, что надпись на карте «венеды» между Днестром и Дунаем говорит о перемещении к III в. н.э. части славян-венедов на юг от прежнего региона их расселения [8].

Начиная с VI в. н.э. исторические сведения о славянах более значительны и многообразны. Теперь славяне называются уже своим именем. Византийские авторы (Прокопий Кесарийский, Агафий, Менандр Протиктор, Феофилакт Симокатта, Маврикий и другие) описывают в основном славян Подунавья и Балканского полуострова, что обусловлено историческими событиями VI—VIII вв.: славяне в ту пору переходят Дунай и вторгаются в пределы Восточно-римской империи. Только Прокопий Кесарийский дает также некоторые данные об этногеографии Северного Причерноморья.

Обширная информация византийских авторов о различных сторонах жизни и быта славян касается уже их раннесредневековой истории и культуры и только отчасти может быть использована для ретроспективной характеристики их предыстории.

Для исследования проблемы славянского этногенеза несомненный интерес представляют сведения, содержащиеся в сочинении готского епископа Иордана «Гетика» [9]. Оно было закончено в 551 г., но автором широко была использована не дошедшая до нашего времени «История готов» в 12-ти книгах Кассиодора, писавшего между 526 и 533 гг. В произведении Иордана описаны не только исторические события, современные автору, но и более раннего времени (IV—V вв.). По Иордану, венеды суть славяне. Он сообщает, что «многолюдное племя венетов» в его время было известно под разными названиями: «...все же преимущественно они называются склавенами и антами» или «...ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов» [10]. Имеются в этом сочинении и географические координаты расселения венедов: «Меж-

ду этими реками (Тисой, Олтом и Дунаем) лежит Дакия, которую наподобие короны ограждают скалистые Альпы (Карпаты). У левого их склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов» [11]. Для Иордана, как и для его греко-римских предшественников, венеды — крупная этническая общность, проживавшая где-то на территории, связанной с бассейном Вислы.

Представления о древних славянах в хрониках и исторических сочинениях эпохи средневековья

Средневековые славянские хронисты и историки долгое время не были знакомы с античной традицией и развивали независимые представления о прародине славян и их древнейшей истории.

Древнерусский летописец Нестор — автор «Повести временных лет» (XII в.), — исходя из библейского предания, согласно которому родиной всего человечества была Передняя Азия, начинает историю славян с вавилонского столпотворения, разделившего человечество на 72 отдельных народа и вызвавшего расселение их в разных направлениях.

Далее летописец сообщает: «От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словенескъ... По мнозехъ же времянех сели суть словени по Дунаеву, где есть ныне Угорьска земля и Болгарска. И от техъ словенъ разидошася по земле и прозвашася имени своими, где седше на которомъ месте» [12]. Итак, по Нестору, древнейшей территорией славян

после их прихода из Передней Азии были земли по нижнему течению Дуная и Паннония. Поводом для их широкого расселения с Дуная, как сообщает летопись, было нападение волохов. Лежат ли в основе этой легенды сведения, почерпнутые из народных русских преданий, сохранившихся воспоминаний, или она книжно-клерикального происхождения — сказать трудно.

Летописный рассказ о расселении всех славян с Дуная стал основой так называемой дунайской (или балканской) теории их происхождения, весьма популярной в сочинениях и хрониках средневековых авторов. Последние дополняли эту легенду вымышленными подробностями, произвольно изменяли ее.

Польский историк первой половины XIII в. Богухвал в «Хронике Польши» писал, что колыбелью всех славянских народов была Паннония [13]. Он сообщает, что прародителем славян был Пан. Его сыновья возглавили расселение славян из Дунайских земель: Чех двинулся в Чехию, Лех — в Польшу, а Рус — в Россию. Так было положено начало чешской, польской и русской народностям. Эти домыслы Богухвал подкреплял фантастическими словотолкованиями (например, Коринфия выводится из славянской лексемы *корыто*, а Германия — из *ярмо*).

Его современник магистр Винцентий Кадлубек, автор «Польской истории» (около 1200 г.), выдающегося литературного произведения и в тоже время своеобразного исторического источника, освещающего польские события до 1203 года [14], пишет о бесчисленном множестве славян, обитавших в древнейшие времена в Закарпатских землях. О приходе славян из Азии он ничего не знает, но определенно указывает на старейшие селения их в Паннонии и Болгарии. Ссылаясь на предания, Кадлубек говорит о нашествии вlahов и о сражениях славян с пришельцами. В конце концов славяне и вlahи помирились и поделили между собой европейские земли — вlahам досталась вся Греция, а славяне освоили широкие пространства от Болгарии до Хорватии и более северные земли от Дании

до России. Вся эта территория славянского мира изображается Кадлубеком как огромная держава, равновеликая Римской империи, главенствующую роль в которой играли предки поляков — вандалы и лехиты. В результате успешной войны с римлянами властители славянской державы занимали римские города, нанесли поражение Александру Македонскому и Цезарю и т.п.

Козьма Пражский (XIII в.) писал только о происхождении чехов: их предки после вавилонского столпотворения перешли через три реки и осели на Влтаве и Лабее около горы Рипейской.

Чешский летописец Далмил, писавший «Хронику» между 1282 и 1314 гг. и использовавший при этом многие сведения из старых народных сказаний и песен, говорит о сложной начальной истории славян [15]. После вавилонского столпотворения они поселились по соседству с греками в Иллирике. Впоследствии славяне распространились широко. Вельможа Чех проживал в Хорватии (Великой или Карпатской, локализуемой на северных склонах Карпат, на верхней Висле). Он совершил убийство и вынужден был со своим родом уйти из этой земли и поселиться около горы Рипа и страна эта стала называться Чехией. Кроме чехов из Карпатской Хорватии вышли дунайские хорваты.

Хроника Прибика Пулкавы из Раденина создавалась во второй половине XIV в., в период расцвета чешской государственности. Это историческое произведение о прошлом Чехии содержит рифмованное изложение чешской истории от эпохи «разделения народов» до 1310 г. [16]. Освещение вопроса о происхождении чехов начинается с библейских реминисценций. Славяне выводятся из Сенарской равнины, откуда после вавилонского столпотворения разошлись многие народы. Славяне, пройдя Халдею и преодолев Боспор, расселились в Болгарии, Сербии, Далмации, Хорватии, Боснии, Каринтии, Истрии и Крайне, то есть в Балкано-Дунайских землях. В дальнейшем «один человек из Хорватии по имени Чех», убивший вельможу, бежал со своим родом и нашел новую родину — Че-

нию. Его брат (или приятель) Лех со своим родом переселился в Польшу, а потомки из этого рода в дальнейшем расселились в Поморье, Кашубии и на Руси.

Другие чешские историки и географы XV—XVI вв. во многом повторяли своих предшественников, допуская произвольные домыслы. Иногда историю древних славян связывали с Александром Македонским, который будто бы пожаловал славянам грамоту «за службу верой и правдой».

Знаменитый польский историк Ян Длугош (1415—1480 гг.) в своих работах использовал данные русских и чешских летописей, но более широко излагал информацию своих предшественников [17]. Он выводил славян из Сенарской равнины. После вавилонского столпотворения они поселились в Паннонии — древнейшей своей прародине, а также в Болгарии, Сербии, Боснии, Хорватии, Далмации, Иллирии, Каринтии и других землях по Адриатическому, Ионийскому и Эгейскому морям. Из этого древнего ареала вышли Чех и Лех, которые со своими соплеменниками заселили северные земли восточнее Эльбы, а позднее и Русь.

Вплоть до XV в. легенда о дунайском происхождении славян господствовала в исторических сочинениях.

В начале XII в. ученым-энциклопедистом Гвидо из Пизы, известным в исторической литературе как «Равеннский географ», написан трактат в шести книгах «*Historiae variae*» — компилятивное произведение, в котором был использован ряд античных латинских сочинений и в основном не дошедший до нас вариант «Космографии» анонимного клирика из Равенны, составленный на основе трудов римских авторов. Появление произведения Гвидо свидетельствует о зарождении интереса к греко-римской античности среди образованных итальянцев. В сочинении «Географика» Гвидо дал географический обзор, в котором речь идет и о ранних славянах [18]. Они выводятся из Скифии, находящейся между землями финнов, норманнов, карпов и роксолан, несколько в стороне от древней (степной) Скифии. И в других местах свое-

го сочинения Гвидо различает две Скифии — Скифию, где жили славяне, и Большую Скифию, в которой, как позднее сообщает ученый, господствовали хазары. По всей вероятности, «Славянская Скифия» Гвидо была западной частью птолемеевской Сарматии, то есть областью между Балтийским морем и Карпатскими горами.

В Баварской хронике конца XIII в. рассказывается, что славяне были потомками Хама и происходят из Месопотамии. Оттуда они пришли в Европу и расселились «до Вислы и до Дуная», вытеснив проживавших здесь германцев. Историк XII в. из Черногории, известный нам как Поп Дуклянин, предполагал этническое единство славян с готами. Последние расселились на Балканах в конце V — начале VI в. н.э. и здесь произошло этническое преобразование готов в славян.

В XV—XVI вв. особенно популярной стала теория, согласно которой славяне в древности были сарматами. Предки славян опять-таки выводятся из Передней Азии. Они продвинулись вдоль черноморского побережья и осели в южной части Восточной Европы. Здесь они были известны античным авторам как сарматы (а также роксоланы, скифы, алаи). Постепенно из Северного Причерноморья славяне расселились на запад, юго-запад и север.

К сторонникам сарматской теории этногенеза славян принадлежит чешский ученый первой половины XV в. Дубравский [19]. Он был знаком с некоторыми произведениями римских и византийских историков. Согласно Дубравскому, родиной славян была Птолемеева Сарматия, ограниченная с запада Вислой, Сарматским океаном и Карпатами, а с востока Доном. Проживавшие здесь сарматы и были славянами. Своё название они получили от термина *слава* ('славные').

Если Дубравский связывал древних славян с Сарматией Птолемея, то польские авторы XV—XVI вв. склонны были локализовать их в Восточной Европе. Так, львовский архиепископ Григорий из Санока (умер в 1479 г.) в своих сочинениях проводил мысль о происхождении всех славян, в том

числе и поляков, из Сарматии-Руси. Предки поляков первыми, оставив прародину, поселились на Висле. Это были античные венецы. По мере увеличения численности они проникли в Дакию и Мизию и постепенно заселили Далмацию и Иллирию. Эта точка зрения, как полагал историк, подтверждается языковыми данными: славяне, проживающие ныне на территории от Балтики до Адриатики, говорят «на одном языке с незначительными оттенками» [20].

Первая книга полного географического описания «Польша», написанная крупнейшим польским историком XVI в. Мартином Кроммером (1512—1589 гг.) почти целиком посвящена началу славянства [21]. Он критикует предшествующие теории происхождения славян. Прародиной их, по его представлениям, была Сарматия в Восточной Европе. Это были сарматы, а также венецы письменных источников. Сюда предки славян пришли из Месопотамии. Из Сарматии славяне сначала начали расселяться в западном направлении по Висле, Одру и Эльбе, а затем пересекли Дунай и освоили Балканы. В итальянской гуманистической литературе XV—начала XVI в. было распространено представление, что «вандалы» письменных источников соответствуют славянам (склавам). Кроммер критиковал это, утверждая, что вандалы и славяне-венецы были народами разного происхождения.

Гипотезу о сарматском происхождении славян развивали многие историки, в том числе автор трактата «Описание Европейской Сарматии» А.Гваньини (1538—1614 гг.), утверждавший, что предками славян были сарматы России, а пришли они сюда из Ассирии под водительством Гомера. Часть славян-сарматов в древности именовались энетами, вышедшими из Пафлагонии [22].

Среди польских историков средневековья проводилась также мысль о происхождении славян из Московии. Так, Бернард Ваповский (1456—1535 гг.) в своей «Хронике», охватывающей период истории с древнейших времен до 1535 г. [23], считал, что славяне и роксоланы (по его представлениям — тоже славяне) ведут свое начало из земель, где было расположено некое озеро

Словеное в Московии (где-то в древней Новгородской земле). Имя *славяне/словене* и ведет свое начало от этого озера. Поляки, чехи, болгары и русские происходят от Моссха (Москвы), сына Яфетова. Из Московии славяне постепенно расселились на Днепре, на Дунае и в других областях Европы.

Ссылаясь на «Хронику» Ваповского, Христиан Варшевицкий выводил поляков из Новгорода Великого, утверждая, что язык новгородцев больше всего похож на польский, а сами новгородцы по своему облику во многом схожи с мазовецкой шляхтой [24].

Польский историк XVI в. Мацей Стрыйковский (1547 — после 1582 г.) сведения по ранним славянам черпал в русских, польских и болгарских хрониках, но в вопросах происхождения их следовал за Ваповским. Он утверждал, что славяне с глубокой древности жили в Московии, а русский язык является древнейшим славянским языком. Западные и южные славяне вышли из этой стародавней земли и, смешиваясь с местными народами, освоили пространство между Балтийским морем, с одной стороны, и Адриатическим и Эгейским морями, с другой. Комментируя Плиния, историк считал, что венецы и западные сарматы были славянами.

Вместе с тем, цитируя строки гомеровской «Илиады», Стрыйковский писал, что славяне-энецы прославились своими рыцарскими деяниями еще во времена Троянской войны и имели свои поселения в Пафлагонии. Этноним *славяне* произведен от *слава* и неслучайно составной частью ряда славянских антропонимов (Владислав, Свентослав, Борислав, Пржемислав) стало это слово [25].

Альберт Крантц в книге «Вандалия» пытался обосновать тождество славян с вандалами древних источников [26]. В основе его построений были, во-первых, схожесть этнонимов *венецы* и *вандалы*, во-вторых, один и тот же регион проживания (венецы вполне определенно им связывались с Вислой, а из лангобардских преданий следует, что и вандалы когда-то жили на Висле).

Мысль о генетическом родстве венецославян и вандалов проповедовали также

польские историки конца XVI в. Мартин и Иоаким Бельские. Первый из них в сочинении «Хроника всего мира» утверждал, что славяне вели крупные войны с римлянами и во время правления императора Юстиниана проникли в Иллирийскую землю и там широко расселились [27].

По-иному излагается древнейшая история славян Мартином Бельским в последнем издании «Польской хроники», где был выделен специальный раздел «О энетях». Энетов Гомера историк относил к славянскому этносу. Во времена Птолемея энеты или энеды, полагал он, были самым многочисленным народом Сарматии. Пришли они туда из Малой Азии, где проживали близ Черного моря по соседству с пафлагонцами, с которыми были в языковом родстве. После падения Трои пафлагонские энеты в главе с Антенором вместе с другими защитниками города направились в сторону Италии и осели в Иллирии. Рост населения заставил их расселиться в Истрии, Далмации, Мезии и соседних землях. Энеты стали называться иллирами, далматами, истрами и другими именами. Во времена Аттилы энеты основали Венецию. Рассказывает Мартин Бельский и о грамоте Александра Македонского, данной славянам за их «славные дела». Эта грамота — фальсификат чешского происхождения, принимавшийся историками того времени за подлинный документ [28].

Бытовала в польской литературе рассматриваемого периода и теория о дунайском происхождении славян. Так, современник Б.Ваповского Матей Меховит (Мацей Меховский, 1457—1523 гг.), решительно отвергая мысль о расселении всех славян из Московии, ревностно отстаивал положение о происхождении поляков из Хорватии и Далмации. Он писал, что славяне являются исконными жителями Македонии, Далмации, Истрии и Албании; во всех этих землях до самой Фессалии славянский язык употреблялся с самых древнейших времен. Если бы западные славяне происходили от русских, — отмечал историк, — то языки их должны походить на русский; но на самом деле чехи и поляки по языку значительно

разнятся от русских, они ближе к далматинским славянам. Русские, согласно Матвею из Мехова, произошли от рода Руса, брата Чеха и Леха, переселившегося в Восточную Европу также из древней Иллирии [29].

Южнославянские средневековые авторы считали, что предки южных славян вышли из северных стран — из Польши и Чехии. При царе Анастасии или Константине они перешли через Дунай около Бедыня (Видина) и заселили Охридскую и Болгарскую земли. Но поскольку из исторических источников было известно, что в Далмации некогда жили готы, то утверждалось о тождестве славян и готов. В Сербии и Болгарии славяне считались людьми из племени готов. Сербские летописцы исторических даков рассматривали как предков сербов.

Распространенность теории о северном происхождении славян в южнославянской историографии очевидно обусловлено тем, что среди южных славян длительное время сохранялось предание о расселении их на Балканском полуострове с севера. Впрочем, иногда предпринимались попытки утвердить и автохтонность славянского населения. Так, в хронике Фомы Сплитского (XIII в.) излагается версия об автохтонности хорватов Далмации.

Однако целостного изложения этногенеза славян в южнославянских хрониках и литературных сочинениях долгое время не было. Первым обстоятельно попытался изложить этот процесс историк из Дубровника Туберо-Черва (Приевич), живший в 1490—1522 гг. [30]. Русские жители Европейской Сарматии, утверждал он, были предками всех славян. Отсюда часть славян направилась на запад, перешла Вислу и достигла Эльбы. Эти славяне позднее стали называться поляками и чехами. Другая группа славян опустилась на юг и заселила Дунайские земли, часть которых позднее у них отняли угры. Около 600 г. славяне, уточняет историк, появились в Иллирии и принудили побежденных жителей принять славянский язык.

Что касается России, то здесь господствующей оставалась легенда о дунайском происхождении славян. Сведения началь-

вой летописи излагались во всех поздних хрониках и азбовниках. Попытка систематического изложения русской истории до эпохи Ивана IV включительно предпринята в «Степенной книге», написанной между 1560 и 1563 гг. В этом произведении прародина славян помещается в Иллирии [31]. В XVI—XVII вв. «Степенная книга» была одним из популярнейших исторических сочинений. Рассказ Нестора о расселении славян из Подунавья повторил и С.Герберштейн [32].

От Мавро Орбини до П.И.Шафарика

В этот период, охватывающий более двух столетий (XVII — начало XIX вв.), вопросы происхождения и начальной истории славян освещаются в исторических трудах более широко и более многообразно. Ученые предлагают различные индивидуальные воззрения, высказывают множество догадок, предположений, строят гипотезы, иногда, впрочем, довольно фантастические. Весьма распространено было этимологизирование: опираясь на довольно случайные, не имеющие никакого значения, сходства звуков в названиях племен, народов, местностей, богов авторы исторических произведений на этих шатких основаниях строят свои теории относительно славянского этногенеза. Очень распространено было отождествление славян с иллирийцами, кельтами, гетами, даками, сарматами, готами, скифами и другими этническими образованиями древности.

Если раньше рассмотрение вопросов происхождения и древнейшей истории славян составляло лишь небольшие части исторических трудов и хроник, то теперь появляются целые монографии, посвященные этой проблематике. Таковым, прежде всего, является сочинение югославского историка рубежа XVI и XVII вв. Мавро

Орбини, в котором древним славянам отводится не только вся территория Европы, принадлежащая им и поныне, но и ряд регионов, которые будто бы были оставлены славянами еще в давние времена под воздействием различных обстоятельств [33]. Это была первая попытка сводного издания некоторых ранневизантийских известий о славянах. При этом историк использовал значительное число доступной ему литературы, восприняв содержащуюся в ней информацию некритическим образом.

История древнего славянства излагается Мавро Орбини несколько запутанно. Европейским местом происхождения всего рода Яфетова он считал Скандинавию. Отсюда вместе с германцами вышли и славяне. Первым местом расселения их была Сарматия, откуда они скоро и распространились на широких пространствах Европы. Историк видит славян во многих племенах — вандалах, гетах, иллирийцах, готах, аланах, аварах и других. Далее идет речь об иллирийцах (славянах), которые получили жалованную грамоту от Александра Македонского, о переселении Чеха и Леха со своими соплеменниками из Далматинской Хорватии, о войнах Само с аварами и франками и многом другом. Славяне, утверждает ученый, не имели своих выдающихся исследователей и писателей, поэтому их ранняя история оказалась неосвещенной в древних трудах, но они имели знаменитых воинов, чем и славились, начиная с эпохи Александра Македонского.

Книга Мавро Орбини во времена Петра Великого была переведена на русский язык и издана [34].

Рассказ первого русского летописца о первоначальном проживании славян в Дунайских землях и расселении их оттуда по-прежнему оказывал заметное влияние на исторические сочинения. Иллирию как родину всех славян рассматривал в своих работах сербский языковед М.Френцель (1628—1706 гг.). Только около 500 г. н.э. славяне, как полагал он, пришли в Сарматию, в то время опустевшую, и основали в ней три царства. Чех со своими соплеменниками занял Чехию с Лужицей, Лех посе-

лился на Висле, а Рус — около Москвы.

Сторонниками дунайского происхождения славян были А.-Л.Шлецер и Х.А.Шлецер. Первый считал славянской прародиной Иллирию, отстаивая мысль о славянском начале иллирийцев и венетов. Он полагал, что в Паннонии, Норике и Каринтии римляне знали славян, но называли их иными именами [35]. Х.А.Шлецер писал о принадлежности славян к европейским народам; поэтому выводить их от скифов или сарматов никак нельзя. Древнейшей славянской землей, по Х.А.Шлецеру, была северная часть Нижнего Подунавья вплоть до Днестра, а может быть, до Южного Буга на востоке. Исследователь пытался показать, что расселение славян с Дуная было не одноактным процессом. Уже в первые столетия нашей эры, как можно судить по античным источникам, славяне-венеды освоили земли к северу от Карпат, в том числе бассейн Вислы, а в VI в. в Северном Причерноморье между Дунаем и Днепром появились славяне-анты. Рассказ русского летописца о расселении славян с Дуная Х.А.Шлецер относил к последней стадии миграции их — освоению Русской равнины. Этот процесс он датировал временем около 635 г. и обуславливал притеснением славян волохами, в которых видел болгар-тюрок [36].

Гипотезы о дунайском происхождении славян придерживались и многие западноевропейские исследователи XVIII в. Так, И.Х.Гаттерер полагал, что предание о расселении славян с Дуная, переданное начальной русской летописью, является историческим свидетельством, поэтому древних жителей Подунавья даков и гетов следует считать предками славян и антов Иордана и Прокопия. В древности они подчинялись господству римлян, как и позднее находились под властью готов [37].

П.Катанчич видел древних славян в иллирийцах и даках. Много внимания он уделил географическим названиям Паннонии и Дакии, среди которых видел немало славянских топонимов, свидетельствующих, по его представлениям, о давнем расселении славян в этих местностях [38]. Автохтон-

ным населением Иллирии считал славян немецкий ученый К.Г.Антон. К славянам он относил иллирийских венетов, винделиков (винды-венеды, согласно его представлениям) и нориков [39]. Книги К.Г.Антоня были для своего времени значительным лингво-этнографическим исследованием, посвященном славянству, и побудили П.И.Шафарика к созданию своего труда.

В польской и чешской исторической литературе рассматриваемого периода господствовало представление о происхождении славян из Сарматии. При этом одни авторы имели в виду Европейскую Сарматию Птолемея, другие выводили славян из Причерноморской Скифии или из Московии.

Пражский ученый Иоанн-Матвей Судетский, работавший в начале XVII в., утверждал, что предками всех славян были сарматы Северного Причерноморья, которых он отождествлял еще с русскими. Около 457 г., как полагал он, эти сарматы продвинулись в западном направлении, осев в разреженных восточногерманских землях. Сарматы, поселившиеся в Польше, стали поляками, в Чехии — чехами, а в целом по «своим славным делам» стали называться славянами [40].

Мысль о происхождении славян из Сарматии проводится в трудах многих польских историков, в том числе в сочинениях И.Пасториуса, П.Пясецкого, Ст.Клячевского. Такой же точки зрения придерживались чешские историки А.Стредониус, Б.Бальбин, Ф.Публичка, составитель славянской грамматики П.Долежал и другие. Немецкий лингвист Г.В.Лейбниц отнес язык славян-сарматов к скифской ветви яфетических наречий, вместе с языками гуннов, аваров и хазар [41]. От скифов вели славянский язык и другие языковеды этого времени.

О происхождении славян из Русских земель писал хорватский ученый из Шибеника Фауст Вранич, работавший в самом начале XVII в. [42]. Он отмечал, что античные географы страну, которая ныне называется Русью, именовали Сарматией. Более тысячи лет назад из Руси или Московии вышел народ, который, перейдя Дунай и отвоевав у греков Фракию, расселился на

те территории и стал называться болгарами. Другая часть славян расселилась в Польской земле вплоть до побережья Балтийского моря и Дании на территории, оставленной прежними жителями — вандалами и готами. Еще одна группа славян из Руси расселила Чехию, Моравию, Силезию и Лужицу. В свою очередь из Польских земель имело место переселение славян в южном направлении. Они пересекли Карпатские горы и заняли Паннонию, Далмацию и Македонию.

В XVII—XVIII вв. сарматская теория происхождения славян получила развитие. Уже в начале XVII в. Ф.Клювер писал о венедах-сарматах, которые и были предками славян. Областью их первоначального расселения было не Северное Причерноморье, а земли, примыкающие к Балтийскому морю. Здесь венеда-сарматы проживали не только в эпоху Плиния, Тацита и Птолемея, но и в более отдаленные времена. Излагая генеалогию от Ноя, Ф.Клювер утверждает, что от его сыновей произошли кельты и германцы, и сразу обращается к венедам-сарматам, из чего можно было бы полагать, что они были таким же европейским этносом. Однако в дальнейшем историк отмечает, что венеда были сарматами и их родиной была Сарматия [43].

Следующий шаг в разграничении славян-венедов от сарматского населения Северного Причерноморья был сделан чешским историком Яном Христианом Иорданом [44]. Он прямо писал, что нужно разграничивать славянских сарматов-венедов от скифов и сарматов, которые были неславянскими племенами Юго-Восточной Европы. Вандалы, аланы и роксоланы также не были славянами.

Согласно Я.Хр.Иордану, сарматские венеда, в то время когда скифы и сарматы обитали в Южной России, проживали под именем меотидов между Азовским морем, Доном и Волгой по соседству с гуннами. Эта территория и была европейской прародиной славян. Оттуда они в III в. н.э. переместились к Карпатам и на Дунай, а в последующие столетия из этой второй прародины начали широкое расселение.

Это был прогрессивный момент в изучении ранней славянской истории. Однако он не внес коренных изменений в этногенетические построения современников. Старые точки зрения не исчезли, они распространялись по-прежнему, нередко дополняясь разными домыслами.

Начиная с XVI в. русские историки и мыслители имели возможность познакомиться с западноевропейскими историческими и географическими произведениями, в частности, с сочинениями польских авторов. С конца этого столетия составители поздних летописей (например, Густынской) и авторы хронографов стали дополнять историю древних славян вымыслами. При этом сказывалось влияние произведений польских историков и прежде всего «Польской хроники» М.Бельского. Появились рассказы о Чехе и Лехе; о грамоте Александра Македонского, жалованной славянам; о происхождении этнонима *славяне* от слова *слава*; о россах; о многотимом граде Мосхве (от Мосоха); о различных языческих идолах славян Ладе, Коляде, Купале, Позвиде... Эти фантастические данные о начальной истории славян и Руси вошли в свод Иннокентия Гизеля, выдержавший на протяжении 62 лет 18 изданий [45]. Здесь сообщается, что названные «от славных делес своих» славяне ведут свое происхождение от Мосоха, шестого сына Яфета. В эпоху Петра Великого увидела свет еще одна книга, в которой происхождение славян излагалось компилятивно в духе западноевропейских сочинений того времени [46]. В российской историографии к подобным произведениям принадлежат исторические сочинения М.В.Ломоносова, который отождествлял славян с различными древними племенами [47].

В.Н.Татищев в вопросе о начале славянства не создавал собственной теории. Труды польских историков Длугоша, Кромера, Стрыйковского и Бельского оказали существенное влияние на изложение древнейшей истории славян. Однако в некоторых случаях они были приняты русским ученым критически. Прародиной славян, по В.Н.Татищеву, была Россия, но родство славян со

скифами и сарматами отрицалось [48].

Для историографии несомненный интерес представляет книга архиепископа Свято-Архангельского монастыря в Ковеле И.Раича, написанная уже в конце XVIII в. [49]. История славянства возводится им к Троянской войне. Ене́ты — будущие вене́ты-винды — защищали Трои́ю от греческого войска. Оттуда славяне морем отправились в Адриатику и поселились там, где позднее была Венецианская республика. Иллирийцы восходят к тем же древним славянам. Из Адриатики славяне постепенно расселялись на широких пространствах. Ссылаясь на античные и византийские источники, И.Раич далее пишет, что скифы, сарматы и готы были собирательными названиями для нескольких племен и народов. Среди них значительное место принадлежало и славянам. Одновременно этот историк излагает и иное представление о начале славянства: один из потомков Яфета, Вандал, переселился со своим племенем из Азии в Европу и обосновался около Вислы; народ этот стал называться вандалами. Постепенно расселяясь, вандалы, которые были славянами, освоили четвертую часть Европы. Какое из этих мнений было для автора предпочтительным — читателю понять нельзя.

В западноевропейской научной литературе уже в начале XVIII в. утверждалось, что эне́ты Пафлагонии и вене́ты-славяне были разными этносами. Исследователи отрицали происхождение вене́тов Италии из Малой Азии, высказывались предположения о том, что они пришли из Галлии и были близки к галлам-кельтам [50].

Новый этап в изучении древнейшего периода славян начался во второй половине XVIII в. Это было время «славянского возрождения», национально-освободительной борьбы и зарождения интереса к изучению культуры, народных традиций, фольклора и литературы славянских народов. Возникает потребность в критическом переосмыслении средневековых гипотез в славянском этногенезе. В научной среде возникла мысль об издании всей информации о народах Северной и Восточной Европы, содержащейся в сочинениях византийских

авторов. Первый свод известий о ранних славянах вошел в упомянутое выше сочинение Я.Х.Иордана, увидевшее свет в 40-х гг. XVIII в. [51]. В 70-х гг. на латинском и русском языках был опубликован труд И.Штриттера, в котором историческая информация византийцев содержалась в четырех томах. В своде источников нашла отражение история славян и других древних народов Причерноморья и Кавказа [52].

В этой связи прежде всего следует остановиться на деятельности польско-русского историка Я.Потоцкого (1761—1815 гг.). Он активно изучал греческие, римские и византийские памятники письменности, собирая информацию по истории ранних славян. Выяснить происхождение их он ставил целью своей жизни. Задумав опубликовать все исторические сведения о славянах, начиная с похода Дария на Скифию, историк сумел издать три книги [53]. В первой содержатся извлечения из средневековых хроник и сочинений (Козьма Пражский, Гельмольд, Галл Аноним, Длутош, Стрыйковский и др.). В следующей книге собраны этнографические заметки и материалы по топонимике, фиксирующей проживание славян в Германии, в третьей — сведения древних и средневековых авторов о скифах, сарматах и славянах. Я.Потоцкий считал скифов славянами [54].

В 30-х гг. XIX в. увидел свет труд баварского ученого К.Цейса, содержащий сведения древних авторов по ранней истории европейских народов [55]. В третьем томе этого издания были собраны и отшлифованы все известные к тому времени известия о славянах византийских, средневековых, западноевропейских и восточных авторов.

Особое место в изучении славянских языков и начальной истории славян занимает чешский филолог Й.Добровский (1753—1829 гг.). Этот исследователь утверждал, что славяне не были даками, гетами, фракийцами или иллирийцами. Славяне — отдельный европейский этнос, наиболее близкими к ним по языку являются литовцы. Й.Добровский развивал теорию, согласно которой первоначальным местом расселения славян в Европе были земли в

верховьях Вислы, Одера, Моравы и Лабы. Названия этих рек он считал славянскими по происхождению. В период между 300 и 600 г.н.э. из этого славянского ареала началось широкое расселение. Предки восточных славян двигались в восточном и северном направлениях и освоили всю Русскую равнину. Часть славян продвинулась на запад, заселив поречья Одера и Эльбы (предки сербов-лужичан, полабских и балтийских славян). Значительные группировки славян продвинулись на Дунай и распространились по Балканскому полуострову. На славянской прародине остались лишь предки поляков и словаков [56].

И.Добровским была научно обоснована теория о первоначальном разделении общеславянского языка на две ветви — восточную, производными от которой стали русский, иллирийский (болгарский и сербский), хорватский и словенский языки, и западную (предки чехов, словаков, поляков и лужичан). Исследователь полагал, что этноним *славяне-словене* связан со славянским термином *слово* или же произведен от гипотетического топонима *Slavy*.

В последний период своей научной деятельности И.Добровский коренным образом пересмотрел прежнюю свою точку зрения относительно ранней истории славян [57]. Теперь он допускал мысль о том, что веныды Тацита были германцами, проживавшими на Висле, и от них расселившиеся в этом регионе славяне восприняли этот этноним. Славяне же происходят от плиниевых и птолемеевых сербов, обитавших близ устья Волги, и оттуда они пришли в Европу вместе с гуннами или вслед за ними.

Хотя вклад З.Д.Ходаковского (1784—1825 гг.) в разработку вопросов этногенеза славян весьма невелик, пройти мимо его изысканий никак нельзя, поскольку он одним из первых обратил внимание на необходимость привлечения материалов археологии и этнографии для реконструкции древней истории славян [58]. В результате собственных экспедиционных работ, а также на основе топонимических, этнографических и фольклорных данных исследователь попытался составить представление о

городищах, распространенных в пространстве от Эльбы на западе до Камы на востоке и от Северной Двины на севере до Балканского полуострова и Адриатики на юге. Он утверждал, что все городища очень похожи между собой, и, опираясь на народные сказания и песни, рассматривал эти археологические памятники как культовые места, где языческие славяне совершали различные ритуалы. Городища являются памятниками славян и свидетельствуют об их проживании на широкой территории с самых отдаленных времен.

Серьезным подходом к историческим и лингвистическим данным выделяются работы польского исследователя В.Суровецкого [59]. Согласно его изысканиям, славянский язык является самостоятельной ветвью того первоначального языка, от которого произошли все европейские и «индейские» языки. Веныды-славяне наряду с четырьмя другими главными народами (фракийцами, кельтами, германцами и скифами) с незапамятных времен были жителями Европы и занимали в эпоху Тацита, Плиния и Птолемея обширную территорию от Вислы до верховьев Днепра и Волги, примыкая к Балтийскому морю. Их земли были удалены от античных цивилизаций, поэтому славяне менее других народов были известны древним писателям. Только после падения гуннской державы они приблизились к Дунаю, начали широкое расселение и стали хорошо известными раннесредневековым авторам. Только численностью, превосходящей все другие европейские этносы, можно объяснить, полагал этот исследователь, то, что славяне в относительно короткое время заселили огромную территорию, на которой прежде жили скифы, сарматы, аланы, роксоланы, иллирийцы, геты, бастарны, маркоманны, готы и др.

Коротко вопрос о начальной истории славян был изложен крупнейшим русским историком начала XIX в. Н.М.Карамзиным (1766—1826 гг.). Основываясь на данных греческих и римских авторов, он считал, что в первые века н.э. славяне-веныды проживали в Повисленье между побережьем Балтийского моря и Дакией. Допустимо

предположение, что они размещались здесь и раньше, в I тыс. до н.э. Упомянутые Геродотом енефы на реке Эридан, жившие в местностях, откуда вывозился янтарь, вероятно, были славянами. Может быть, отмечает Н.М.Карамзин, андрофаги, меланхлены и невры Геродота также относятся к славянскому этносу, но через несколько фраз оговаривает: «историк не должен предлагать вероятностей за истину». Неизвестно, когда славяне пришли из Азии. История застаёт их в Европе, а по своим обычаям и нравам, отмечает историк, славяне заметно отличаются от азиатских народов. С конца V в. н.э. византийские хронисты свидетельствуют о широком расселении славян на Дунае, в Адриатике и на Балканском полуострове.

Посвятив свой труд истории России, Н.М.Карамзин пишет и о древних народах Восточной Европы — киммерийцах, скифах, сарматах, готах, аланах, гуннах, уграх, болгарах, финнах и других, считая их неславянскими. Он признаёт, что на Русской равнине славяне были относительно поздними поселенцами. Пересказывая информацию Начальной русской летописи о расселении славян из Дунайских земель, историк допускал, что жители Дакии и геты, покоренные Траяном, могли быть предками русских славян [60].

От П.И.Шафарика до Л.Нидерле

В 30-е гг. XIX в. увидели свет исторические работы П.И.Шафарика и лингвистические изыскания Ф.Боппа, которые существенным образом повлияли на дальнейшее развитие научных знаний по этногенезу и древнейшей истории славян.

Трудам по древней истории славян чешского ученого П.И.Шафарика (1795—1861 гг.) безусловно принадлежит выдающееся место

в историографии XIX столетия. Впервые была исторически осмыслена вся информация античных и средневековых авторов о ранних славянах и их ближайших соседях. Исследователем были проанализированы греческие, латинские, византийские, арабские, немецкие и славянские памятники письменности, а также лингвистические и этнографические данные, какими располагала наука его времени. Труд П.И.Шафарика выделяется критическим подходом к источникам и большой эрудицией. Исследователем был собран обширнейший этнографический материал, по существу были заложены основы славянской этнографии [61].

Не касаясь вопроса об индоевропейцах и их древней миграции в Европу, П.И.Шафарик утверждал, что начало славян следует искать в Европе; они развлеклись где-то по соседству с родственными индоевропейскими племенами кельтов, германцев, литовцев и фракийцев. Уже в глубокой древности славяне, по П.И.Шафарика, занимали обширные пространства Средней и Восточной Европы. Описанные Геродотом будины, невры и борисфены (так исследователь называл скифов-земледельцев и скифов-пахарей) были юго-восточной ветвью славян. В IV в. до н.э. под натиском кельтов славянское население Паннонии и Иллирика вынуждено было переселиться к своим родичам за Карпаты. По мнению П.И.Шафарика, это событие и получило отражение в летописи Нестора. Но и после этого славянский ареал оставался весьма обширным — от Одера до Днепра и от Карпат до побережья Балтики и озера Ильмень.

Античным авторам, согласно этому исследователю, славяне были известны под именем венедов, которое не было самоназванием их. Собственно славянскими этнонимами были *сербы* (споры Прокопия Кесарийского), *ставаны* (славяне), *вельты* (велеты), *карвоны* (кривичи) и другие.

Еще в конце XVI в. Ф.Сосети указал на несомненную связь отдельных европейских языков с санскритом, но это долгое время не оказывало никакого воздействия на этногенетические построения исследователей.

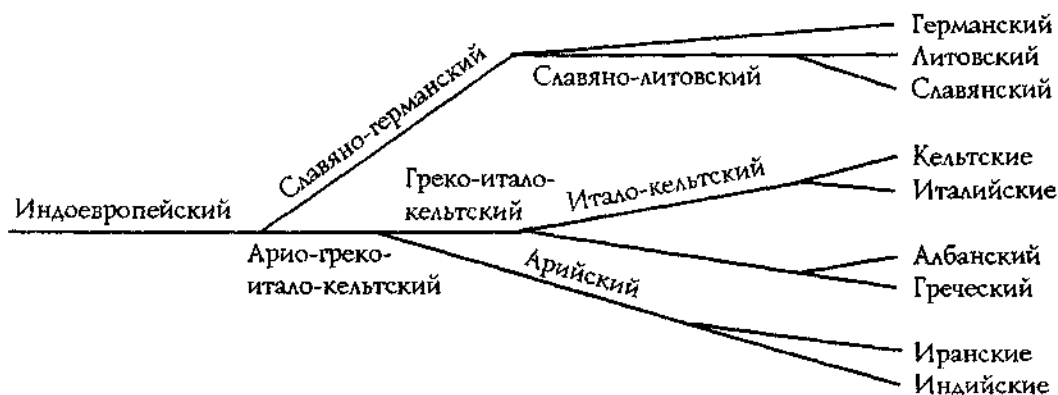

Рис. 2. Схема членения индоевропейского языка А.Шлейхера

Во второй половине XVIII в. европейские ученые смогли ближе познакомиться с санскритом. Тогда же появилась мысль о родстве славянского языка с латинским, греческим, немецким, персидским и санскритом. П.Х.Левек, И.Леванда, Х.Аделунг и некоторые другие высказывали догадки о происхождении латинян, греков, германцев и славян от единого древнего народа, о возникновении их языков из единого праязыка. Правда, в области этногенеза открытие европейской наукой санскрита на первых порах привело к несколько фантастическим построениям. Происхождение славян стали связывать с индусами или персами, полагая, что славянский язык эволюционировал от древних языков этих народов. Так, польский ученый В.С.Майевский выводил славян прямо от древних индов (индусов), а С.Рохуш-Сестрженьцевич утверждал, что славяне и скифы происходят от древних персов-мидийцев [62].

Немецкий лингвист Ф.Бопп неоспоримо показал, что славянский язык принадлежит к индоевропейской (индо-германской) языковой семье, в которую входят также греческий, кельтский, италийский, германский, иллирийский, литовский, индо-иранские и другие, в том числе исчезнувшие ныне языки. Все они развились из единого общеиндоевропейского языка [63]. Формирование отдельных языков, по представлениям Ф.Боппа и других ученых XIX в., обусловлено было изолированным развитием индо-

европейских диалектов, а также ассимиляцией иноязычных племен.

В результате научных достижений Ф.Боппа вопрос о происхождении славян встал на новый путь осмысления. С этого времени к разработке этногенетической проблематики активно подключилось языкознание. Лингвисты прежде всего попытались установить степени родства между отдельными индоевропейскими языками и выявить последовательность их отделения от праиндоевропейского языка.

Одним из основоположников сравнительно-исторического изучения славянских языков был австрийский и словенский лингвист Ф.Миклошич (1813—1891 гг.). Его перу принадлежит первая сравнительная грамматика славянских языков, включающая фонетику, морфологию, словообразование и синтаксис, и первый общеславянский этимологический словарь. Благодаря его трудам прояснилась не только общая картина развития языка древних славян, но и принципы его эволюции и дифференциации [64].

Авторитетная схема членения индоевропейских языков (рис. 2) разработана была создателем теории родословного дерева немецким лингвистом А.Шлейхером (1821—1868 гг.). Собранные к тому времени данные позволили исследователю вписать славянский материал в сравнительную грамматику индоевропейских языков и полагать, что славяне принадлежат к балто-славяно-

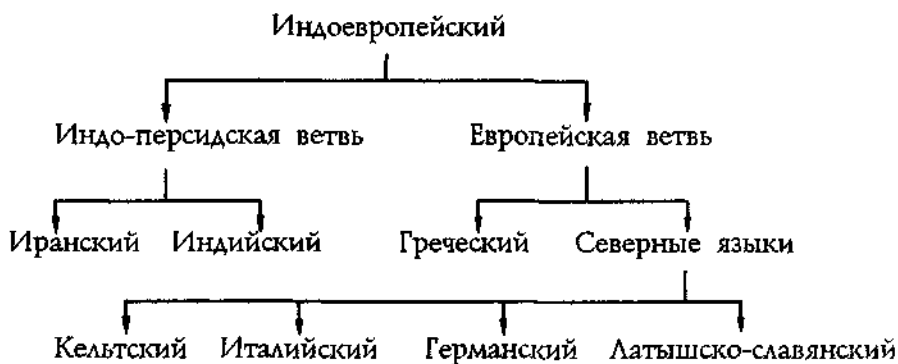

Рис. 3. Схема дифференциации индоевропейского языка Э.Лотнера

германской ветви родословного дерева [65].

В те же годы были высказаны и другие мнения относительно последовательности дифференциации индоевропейского языка. Так, М.Мюллер полагал, что первоначальным было членение индоевропейцев на две ветви — северо-западную, из которой вышли позднее европейские этносы, и южную, которая объединяла предков азиатских народов [66]. Свою родословную схему предложил и Э.Лотнер (рис. 3). В ней постулировалась общность, в которую входили предки европейских этносов, исключая греков [67].

В 70—80-е гг. XIX в. русским языковедом А.С.Будиловичем (1846—1909 гг.) был собран и систематизирован обширный лексический материал славянских языков [68]. В результате было выделено 565 слов, относящихся к праславянскому языку, и 378 лексем древнеславянского периода. Анализ праславянского лексического фонда позволил исследователю охарактеризовать древнейшую территорию славян, их прародину, как земли с обилием озер и рек, сочетающие равнинные и всхолмленные местности, удаленные от моря, с умеренным климатом. Согласно А.С.Будиловичу, это Поднепровье, Побужье и Подкарпатье. Флористическая и фаунистическая лексика праславян полностью соответствовала этому ареалу. Исследователь считал, что первые века нашей эры были гранью между праславянской и древнеславянской эпохами. Следовательно, праславянский язык нужно относить

в основном к I тыс. до н.э. Таким образом, праславяне были жителями северо-западной Скифии. Это было, заключает А.С.Будилович, будины Геродота.

Работы историков по ранним славянам послешафариковского периода можно разделить на несколько групп. Большая часть исследователей продолжала утверждать, что начало славян связано с Дунайским регионом, откуда они в разное время расселились в разных направлениях.

Русский историк С.М.Соловьев (1820—1879 гг.) изложил эту проблему довольно кратко, сообщаются только конкретные исторические факты [69]. Он пишет, что славяне не помнили о своем приходе из Азии, но сохранилось предание, записанное в Начальной летописи, о первоначальном местожительстве их на берегах Дуная. С отсылкой к П.И.Шафарику историк говорит о следах пребывания славян (географические названия) в Подунавье. Античные авторы первых веков нашей эры знают славян под именем венедов, которые жили около Вислы, между германцами, финнами и сарматскими племенами. Начиная с VI в. славяне расселяются широко. Согласно Иордану, многочисленные венеды к этому времени разделились на славян, проживавших в верховьях Вислы и на востоке до Днепра, и антов, локализуемых в Припонтийских землях. Дальнейшее распространение славян излагается С.М.Соловьевым уже по русским летописям.

Не как легенда, а как историческое сви-

детельство рассматривается сообщение Начальной летописи о славянской прародине на Дунае и широком расселении славян оттуда целым рядом историков, в том числе Д.Я.Самоквасовым.

Р.С.Каульфус утверждал, что славяне были жителями Балканского полуострова с незапамятных времен. По его мнению, названия многих рек этого ареала, в том числе Истра, имеют славянское происхождение [70]. Автохтонность славянского населения в Иллирии защищал львовский историк А.Белевский, который считал древними славянами даков и гетов [71]. Аналогичную точку зрения развивали польский ученый И.Лелевель и немецкий исследователь Л.Концен [72]. Последний пытался показать, что славяне в Дунайских землях были древнейшими насельниками, которых вытеснили кельты-завоеватели. Остатком древнего славянского массива, по его мнению, были венеты, жившие на северном побережье Адриатики.

Югославский ученый Ф.Рачки выделял значительный пласт топонимов Паннонии и Дакии, который считал славянским. Это давало ему основание для утверждения, что славяне были очень древними жителями этих земель, а исторические иллирийцы, венеты и бессы славянского происхождения [73]. Словенский исследователь Я.Цупан считал, что в доримское время весь дунайский регион принадлежал к территории распространения славянского языка [74]. О том, что славяне в Иллирии и Фракии были древним и автохтонным населением, писали И.Г.Куно, Ф.Гельвальд, И.К.Сакцинский, Д.Герстеняк, Ф. Сасинек и многие другие [75]. Обосновывалось это в основном топонимо-историческими соображениями. Исследователи опирались на некоторое сходство географических названий со славянскими лексемами, достаточно вольно этимологизировали названия местностей и древние этнонимы из славянских языков. Мальбрэн считал, что названия рек с окончанием *-ава* (*-ава*) на Дунае славянского происхождения [76]. И.К.Сакцинский в своих построениях использовал и некоторые этнографические материалы, отмечая, что

народные празднества, восходящие к славянскому язычеству, отмечены в Паннонии и Италии [77]. Большинство исследователей считали, что славяне в Подунавье обитали с глубокой древности вплоть до средневековья, но высказывались мнения о вытеснении дунайских славян кельтами. Об этом, в частности, писал немецкий ученый К.Маннерт, полагавший, что адриатические венеты были той частью славян, которая оказалась не затронутой кельтской экспансией [78].

Д.Я.Самоквасов полагал, что даки и геты были славянами, и относил рассказ Нестора о расселении славян из Подунавья ко времени покорения их римлянами (влахами) при Траяне. Значительная часть славян при этом не смирилась с римским господством и ушла из Дакии в северопричерноморские, днепровские и польские земли. Клады римских монет, находящиеся в этих регионах, как считал этот историк, были зарыты славянами-переселенцами, принесшими монеты из Дакии [79].

Близкую точку зрения развивал киевский историк Н.Леопардов, который рассматривал днепровских (и вообще русских) славян потомками гетов и даков, расселившихся во времена Траяна из Дунайских земель [80].

Во второй половине XIX в. к разработке этногенеза славян пытались подключиться антропологи. Еще в середине столетия шведский ученый А.Ретциус объединил древних германцев, кельтов, римлян, греков и индо-иранцев в группу «долихоцефальных ортогнатов», а финно-угров, литовцев, этрусков, басков и славян отнес к «брахицефальным ортогнатам». В европейской антропологии в этой связи родилась теория о двух первоначальных расах, представители которых заселили Европу в древности и из которых образовались исторические этносы.

Многие антропологи, в частности немецкие, считали, что длинноголовая (белокурая) раса была в Европе коренной и принадлежала индоевропейцам. Население же, представленное короткоголовой расой (оно отличалось более темным цветом кожи и каштановыми волосами), было пришлым и «аризировано» (индоевропеизировано) первым.

Среди французских антропологов господствовало мнение о кельтско-славянском начале брахикранной расы; она была начальной расой индоевропейцев, которые распространили индоевропейский язык на длинноголовых соседей. Поскольку основные особенности брахикранного антропологического типа близки строению среднеазиатских народов, исследователи полагали, что протославяне вместе с другими индоевропейскими племенами пришли в Европу из Средней Азии. Накануне железного века германцы принадлежали к длинноголовой расе. В результате их расселения кельты и славяне оказались разделенными, славянам достались более восточные земли.

Более обстоятельно рассмотрел этногенез славян парижский антрополог М. Заборовский. Прародину индоевропейцев он локализовал в Юго-Восточной Европе и утверждал, что славяне сформировались в Дунайских землях, когда индоевропейцы уже широко расселились по Европейскому континенту. Ранних славян исследователь причислял также к короткоголовому антропологическому типу, к которому относились еще кельты и иллирийские венеты, а в историческое время — южные славяне. Исходный регион этого антропологического типа, по М. Заборовскому, размещался в Южной Европе, а славянская прародина — в пространстве между Дунаем и Адриатическим морем. Отсюда славяне стали расселяться за Карпаты, распространяя обряд трупосожжения и употребление металлов [81].

Накопление антропологических материалов и привлечение описаний славян раннесредневековыми авторами позволило говорить о принадлежности их к долихоцефальной расе. И только позднее под воздействием метисаций с другими племенами внешний облик славян претерпел изменения. Этой точки зрения придерживались антропологи К. Пенка, А. П. Богданов, Д. Н. Анучин и другие.

Среди историков господствовало мнение, что древние славяне были давними насельниками Европы, занимавшими ее обширные пространства. Так, А. Шембера относил к ранним славянам не только иллирийцев и

даков, но и кельтов, живших в Иллирии, нориков и адриатических венетов, а также часть населения Германии. По его представлениям, свевы Тацита были славянами, а раннесредневековые полабские славяне были прямыми их потомками [82]. О древнем славянском ареале, простиравшемся на западе до Рейна, писал и В. Кентжинский [83].

На весьма близких позициях стоял и варшавский ученый И. Первольф [84], которому принадлежит интересный обзор средневековых взглядов по раннему славянству [85]. К этой группе исследователей можно причислить слависта О. М. Бодянского, известного издателя древнерусских и древнеславянских исторических и литературных памятников. Его работы характеризует тесная связь исторических и филологических данных. В созданном им лекционном курсе «Славянские древности» он отстаивал тезис об автохтонности славян в Средней Европе и во многом следовал за П. И. Шафариком [86].

Отнесение адриатических венетов к славянскому этносу в литературе второй половины XIX в. было широко распространено. Наиболее обстоятельно попытался обосновать это мнение А. Гильфердинг. Для этого он привлек и топонимы в земле венетов, и антропонимы на надгробных плитах [87].

Целый ряд исследователей разрабатывал концепции о первоначальном местожительстве славян в Восточной Европе. Довольно оригинальную теорию славянского этногенеза в 70-х гг. XIX в. изложил чешский историк Я. Э. Воцель (1803—1872 гг.). Он утверждал, что славяне подобно другим индоевропейским народам пришли из Азии через Кавказские горы. В очень давний период, дату которого определить не представляется возможным, славяне поселились в Восточной Европе к югу от Валдайских гор и к северо-востоку от Карпат (на востоке — до Дона). Южной границей их расселения был рубеж лесостепи со степью. Невры и будины Геродота — славянские народы, впервые зафиксированные письменными памятниками. Языковедение указывает на тесную связь славян с литовцами, которые в это время достигли юго-восточ-

ного побережья Балтийского моря, но когда и каким образом литовцы оторвались от славян, сказать трудно. Возможно, отмечает историк, какая-то часть славян во времена Геродота продвинулась к Дунаю, но никаких данных для обоснования этого предположения у нас нет. В эпоху Геродота славяне еще не имели общего имени. В римских источниках они известны как *венеды*, *анты*, *слоры* (*сербы*) и *склавины*. *Венеды* и *анты* — названия славян иноплеменниками, *сербы* и *славяне* — собственные этнонимы. Для характеристики жизни, быта и культуры древних славян Я.Э.Воцель использовал данные языкознания. Предприняты были им и робкие попытки привлечь для своего исследования и материалы археологии [88].

Заслуживает упоминания и работа казанского филолога А.А.Некрасова (1837—1905 гг.). Утверждая, что все европейские языки имеют азиатское происхождение, он дискутировал с теми авторами, которые полагали миграцию германо-литовско-славянской группы в Европу вокруг Каспийского моря по его восточному и северному берегам. По мнению этого исследователя, славянская группа обособилась от остальных арийцев в долинах южнее Кавказского хребта. Теснимые ассирийцами, славяне двинулись на запад по южному побережью Черного моря. Перейдя проливы не останавливаясь, славяне продвинулись далеко на север — основная масса их осела на восточноевропейских просторах. Отколовшаяся небольшая часть славян мигрировала на запад и осела в местности, где ныне находится Венеция. Это были венеты, известные по древним источникам. В своих построениях А.А.Некрасов использовал исторические, лингвистические и мифологические данные. Много внимания он уделил и географическим названиям, которые довольно натянуто трактуются как славянские и обнаруживаются по всему пути движения славян из Азии в Восточную Европу [89].

Историк и филолог В.И.Григорович, прежде всего, подчеркивал, что скифы, сарматы, иллирийцы и фракийцы не были

славянами. По его представлениям, славянам с древнейших времен, по крайней мере с VII в. до н.э., можно отвести обширные пространства между Балтийским и Адриатическим морями, а на востоке до истоков Днепра и Дона. С вторжением кельтов в Иллирию и Паннонию (это были волохи Нестора) проживавшая здесь часть славян в последние века I тыс. до н.э. покинула Подунавье. В этой связи славяне продвинулись в северо-восточном направлении до озера Ильмень. В течение длительного времени кельты были западными и южными соседями славян: исследователь перечисляет ряд слов, по его мнению, заимствованных славянами от кельтов. Уже до нашей эры славяне соприкасались также с германцами: в готской лексике есть славянские заимствования. Регион между нижней Вислой и Неманом принадлежал соседям славян — айстам, то есть литовцам и родственным им племенам. На северо-востоке славяне контактировали с финскими племенами, а на юго-востоке — со скифами, занимавшими южнорусские земли от Дона до Южного Буга. Вслед за П.И.Шафариком В.И.Григорович полагал, что древним самоназванием славян было *сербы*, а в письменных источниках они упоминаются под разными иными этнонимами: *будины*, *невры*, *венеды* и др. [90].

В 80-х гг. XIX в. увидела свет монография А.Ф.Риттиха, содержащая историко-географическое и этнографическое описание всего славянского мира [91]. Согласно концепции этого исследователя, славяне (славянорусы, по терминологии автора), как и другие племена арийцев, когда-то вышли из Индии и в течение какого-то времени проживали в Передней Азии южнее Черного и Каспийского морей, где следы их расселения сохранились в названиях местностей. Какова была их жизнь в древней прародине — сведений нет, но они, нужно полагать, как и все арийцы, были кочевыми скотоводами. Из Передней Азии по долинам Риона, Терека и Кубани славяне двинулись на север и осели на Днепре и Дону. Здесь они овладели земледелием, которое стало основой их хозяйственной деятель-

ности. Во времена Геродота славяне известны под именем будинов, невров и меланхленов. Появление в Северном Причерноморье скифов вынудило славян к миграции в западном направлении. А.Ф.Риттих полагает, что за несколько веков до нашей эры они освоили земли до Вислы и почти все Подунавье. Более того, славяне проникли на кельтскую территорию, где островами-колониями жили на Рейне, Роне, Луаре и на побережье Адриатики.

Монографическое исследование В.М.Флоринского представляет интерес прежде всего как обширная сводка фактологических данных по ранней и раннесредневековой истории славян [92]. Что касается этногенетических построений, то здесь автор в основном излагает мнения других историков.

Местом формирования индоевропейцев, по В.М.Флоринскому, была Восточная Месопотамия — территория между Тянь-Шанем, Гиндукушем и Персидским заливом. Отделившаяся от индоевропейской массы северо-восточная ветвь (германо-балто-славянская общность) поселилась первоначально в Юго-Западной Сибири и смежных землях Средней Азии по соседству с Аму-Дарьинским регионом (по А.Шлейхеру). Оттуда и вышли славяне, уже в I тыс. до н.э. заселившие обширные пространства Европы. Помимо венецов Плиния, Тацита и Птолемея, занимавших часть Европейской Сарматии, к славянам В.М.Флоринский причислял венетов Адриатики, венетов Галлии и енетов, выброшенных штормом на побережье Балтики, которые будто-бы были предками средневековых балтийских славян. Славянами, по В.М.Флоринскому, были также киммерийцы и скифы.

Расселение славян из восточноевропейской прародины пытался научно обосновать хорватский историк Т.Маретич [93]. Он решительно отвергал предание, записанное в Начальной русской летописи о проживании древних славян на Дунае, утверждая на основе свидетельств античных письменных источников, что в Подунавье они появились довольно поздно — в Румынии и Трансильвании вместе с гуннами, а в Панно-

нии — вместе с аварами. Исследователь полагал, что авары помогли хорватам и сербам, которые были их союзниками, освоить среднедунайские земли.

Есть среди работ второй половины XIX в. и книги по ранней истории славянства, содержание которых ныне выглядит курьезно или фантастически. Так, чешский автор Я.Коллар с легкостью читал по-славянски надписи на надгробиях Этрурии. Умбрини и Лациума, в богах Италии видел славянские языческие божества [94]. Историк Классен трактовал надписи на этрусских и осских надгробиях на пяти славянских языках. Впрочем, и финикийские надписи им читались по-славянски [95]. Чертков полагал, что славянами были пелазги [96]. Все эти авторы пытались утверждать, что древнейшим местом расселения славян была Италия. Ряд других исследователей находили следы древнего расселения славян в Средней Азии [97].

В конце XIX в. славянская археология находилась в самой начальной стадии накопления источниковой базы. Однако уже тогда возникла мысль о необходимости привлечения археологических материалов для освещения древнейшей истории и культуры славянства. К последним десятилетиям XIX в. относятся первые попытки использования данных археологии для анализа славянского этногенеза. Так, киевский археолог И.А.Хойновский писал, что выводы по древнейшей истории славян, опирающиеся только на письменные сообщения, кажутся часто необоснованными, не имеющими прочного фундамента. Многолетние занятия археологией убедили исследователя в необходимости широко использовать для этих целей «вещественные памятники» [98].

И.А.Хойновским была предпринята попытка дифференцировать южнорусские древности на скифские, сарматские, гето-фракийские, антские, полянские и древянские. Однако это еще не приводит к каким-либо серьезным историческим построениям. Изложение начальной истории славян велось этим исследователем вне зависимости от археологии. Он полагал, что родиной всех славян был Карпатский регион, откуда

они расселялись в разных направлениях в течение длительного периода.

Г.Ванкель всесторонне сопоставил орнаменты, характерные для керамики и бронзовых сосудов гальштатской культуры, с узорами этнографических народных вышивок славян Моравии и показал их взаимосвязь. Это дало основание исследователю говорить о том, что в начале железного века славяне составляли часть населения гальштатской культуры и заселяли восточные земли ее ареала [99].

Наибольший интерес в отношении привлечения археологических данных представляют исследования основателя чешской археологии Й.Л.Пича. Он попытался показать, что древнейшей археологической культурой славян была лужицко-силезская (800—600 гг. до н.э.) и, следовательно, прародинной их были земли между Вислой и Эльбой (Лужица, Силезия, Южный Бранденбург и часть Великопольши). Это был регион, где образовался «многочисленный народ славян» и откуда началось славянское расселение, заключал исследователь [100].

В 80-х гг. XIX в. была опубликована двухтомная «История славян» Е.Р.Богуславского [101]. Это малокритическая компиляция, но написанная с глубоким знанием фактологического материала в области истории и лингвистики. По представлениям автора, славяне были автохтонным населением на широкой территории Европы, от Рейна до Западной Двины. В земли славян неоднократно проникали дружины германцев, которые были более организованными в политическом отношении. В последующих работах Е.Р.Богуславский развивал эти положения, широко привлекая данные истории, языкознания и топонимики [102].

К последним десятилетиям XIX в. относится ряд интересных обобщений по истории язычества и мифологии древнего славянского мира [103].

Любор Нидерле и его время

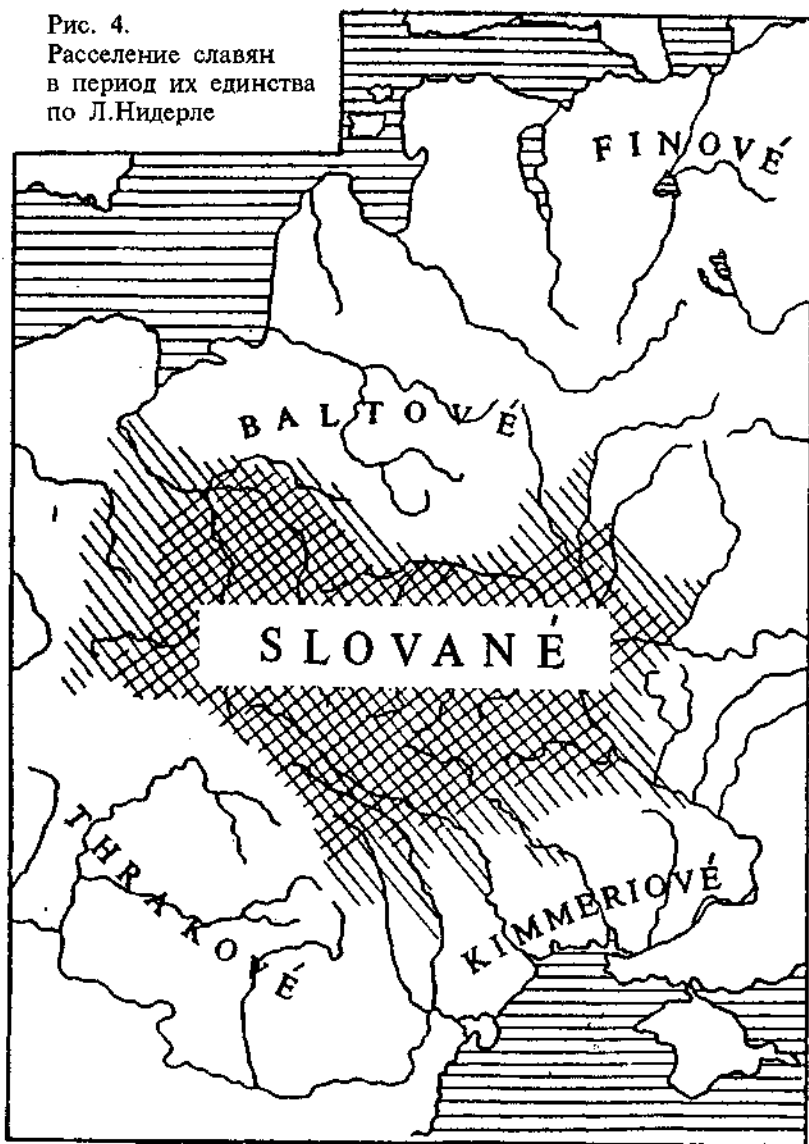
Самым значительным вкладом в изучение этногенеза, истории и культуры древних славян в начале XX в. являются изыскания чешского ученого-энциклопедиста Л.Нидерле (1865—1944 гг.). Им были детально проанализированы и критически обобщены достижения различных наук — истории, лингвистики, этнологии, антропологии и археологии. Труды Л.Нидерле выделяются не только обширностью использованных научных данных, но и основательностью и глубиной их осмысления.

Основные исследования Л.Нидерле — трехтомный труд «Славянские древности» и издание «Жизнь древних славян» (также в трех томах) — содержат энциклопедическую информацию по ранней и средневековой истории, культуре и быту всего славянского мира, не потерявшую научную значимость и поныне [104]. В сжатом виде эти материалы и исторические выводы были изложены автором в «Руководстве по славянским древностям», переведенном на многие европейские языки [105].

Первую часть первого тома «Славянских древностей» Л.Нидерле целиком посвятил проблеме происхождения и становления славянского этноса, подвергнув переоценке все данные, которыми располагала наука в начале XX в.

Согласно Л.Нидерле, праиндоевропейский язык распался на отдельные языки в начале II тыс. до н.э. Наряду с другими индоевропейскими языками в течение II тыс. до н.э. существовал балто-славянский язык, в результате членения которого в I тыс. до н.э. (может быть, и несколько раньше) образовался праславянский язык. С его образованием и начинается история славян. Праславянский язык существовал и эволюционировал в течение многих столетий, может быть, около двух тысячелетий. Исто-

Рис. 4.
 Расселение славян
 в период их единства
 по Л.Нидерле

рические условия в конце концов привели к постепенной его дифференциации, результатом чего стало формирование самостоятельных славянских языков.

Место первичной славянской прародины, то есть территории, где произошло выделение славян, остается неизвестным и может быть определено лишь гадательно. Показав несостоятельность основанной на русской летописи дунайской (или балканской) теории происхождения славян, Л.Нидерле в виде предположения говорит, что древними славянами были невры, будины и скифы-пахари Геродота. Однако пря-

мых доказательств для обоснования этого в распоряжении науки нет.

Современная наука, продолжает исследовать, может определить территорию, на которой жили славяне на поздней стадии своего исторического и языкового развития. На основании свидетельств историков римского периода, учитывая взаимоотношения праславянского языка с соседними древними языками, а также данные топонимики, Л.Нидерле весьма осторожно обрисовывает область славянского расселения в начале нашей эры. Она находилась к северу и северо-востоку от Карпат, на востоке достигала Днепра, а на западе — верховьев Варты (рис. 4). При этом исследователь замечает, что западные пределы славянского ареала, возможно, придется продвинуть к Эльбе, если будет доказана славянская принадлежность полей погребений лужишко-силезского типа. Северными соседями славян были балты, которые длительное время разграничивали славян и финнов.

Славянская этноязыковая общность в I тыс. н.э., отмечает Л.Нидерле, не представляла единого целого. Диалектные различия постепенно возрастали и вели к распаду праславянского языка. Весьма обстоятельно освещает исследователь и процесс расселения славян в Подунавье, на Балканах, а также в северном и северо-восточном направлениях. Он рассмотрел истоки формирования болгарского, сербохорватского и словенского языков и народностей, полагая, что протоболгары заселяли юго-восточные районы праславянского ареала, протословенцы жили где-то в верховьях Вислы по соседству с проточехами,

а предки сербо-хорватов — между прото-словенцами и протоболгарами. Западная ветвь славян также рано распалась на несколько локальных групп, на основе которых в начале средневековья формируются отдельные народности. Восточные же славяне устойчиво сохраняли свое единство, составляя «прарусскую» народность.

Проанализировав собранные к тому времени материалы по антропологии древних народов Европы, Л.Нидерле пришел к заключению, что ранние индоевропейцы (праарийцы, по его терминологии) не представляли собой единый антропологический тип. Уже на поздней стадии индоевропейского языкового единства в антропологическом строении европейского населения имел место процесс взаимодействия нескольких типов, и прежде всего северо-европейского долихоцефального светловолосого со средне-европейской брахицефальной темной расой. Исследователь утверждал, что европейские исторические этносы, в том числе и славяне, формировались не на основе «чистой расы» с антропологической точки зрения. Ранние краниологические материалы и свидетельства письменных источников явно говорят об отсутствии антропологического единства на праславянском этапе. Антропологическое строение праславян сложилось в результате взаимодействия двух названных больших антропологических типов.

Работы Л.Нидерле оказали существенное влияние на дальнейшее изучение древней истории славян и освещение их этногенеза. Вместе с тем, в начале XX в. различными исследователями для научного анализа рассматриваемой проблематики были найдены новые дополнительные аргументы, предложены новые теории этногенеза славян.

В решении этногенетических вопросов все больше и больше внимания лингвисты стали уделять лексике праславянского языка, которая непосредственно связана с географическими условиями обитания ранних славян. Безусловно, такая лексика может дать важные факты для определения древнего ареала славянского расселения. Первые попытки в этом направлении были

предприняты еще в 70-х гг. прошлого столетия югославским ученым Б.Шулеком [106], но авторитетными они стали в начале XX в. в результате изысканий польского ботаника Ю.Ростафинского [107]. Этот исследователь прежде всего обратил внимание на то, что название дерева бука не является исконно славянским, а лексемы граба, тиса и плюща славянского происхождения. Следовательно, славянская прародина находилась вне ареала бука, но в пределах распространения растений со славянскими названиями. Далее Ю.Ростафинский отмечал, что названия ели и можжевельника славяне не знали, поскольку эти термины в разных славянских языках звучат неодинаково. Следовательно, славянскую прародину нужно локализовать между восточной границей распространения бука (она в начале XX в. проходила по линии Кенигсберг — Кременец — Одесса) и западными рубежами ареала ели и можжевельника, который достигал правобережья Днепра. Таким образом, исследователь определял область расселения славян в древности как Припятское Полесье со смежными более северными землями Верхнего Поднепровья.

Ботаническая аргументация славянской прародины Ю.Ростафинского наукой была воспринята двояко. Многие ученые, исследовавшие начальную историю славян, приняли ее, она стала для них одним из существенных показателей в определении ареала ранних славян. К числу таковых принадлежат такие крупные исследователи, как А.А.Шахматов и М.Фасмер. Вместе с тем, аргументация Ю.Ростафинского подверглась серьезной критике со стороны других ученых. Так, берлинский славист А.Брюкнер обратил внимание на изменчивость ботанических терминов. Он предположил, что на славянской прародине был известен белый бук, который славяне называли грабом. По мере расширения территории славянского обитания в земли произрастания красного бука славяне могли перенести название первого на второй. В дальнейшем в одних праславянских диалектах древнее название бука исчезло, а в других было перенесено на бузину [108]. Т.Милевский указал, что

Ю.Ростафинский в своих построениях недоучел климатические изменения. Особенно это касается бука, восточная граница распространения которого в конце бронзового и начале железного века в условиях суббореального климата была иной (бук не был известен восточнее Эльбы — Заале), чем в настоящее время [109].

В основе построений чешского исследователя Я.Пейскера лежит анализ некоторых старославянских слов, относящихся к культурной лексике [110]. Славянскую прародину он ограничивал болотистыми пространствами бассейна Припяти, допуская, впрочем, распространение славян уже в доисторические времена за пределы Припятского Полесья. Полагая, что многие животноводческие термины (*скот, бык, вол, коза, молоко, творог* и др.) были будто бы заимствованы славянами из германских языков, а позднее из тюрко-татарских, исследователь утверждал, что славяне в древности находились в подчинении или зависимости от своих соседей (скифов, готов, гуннов, авар). Я.Пейскер отрицал распространение у древних славян скотоводства, которое было позаимствовано ими только в раннем средневековье. Что касается венедов античных авторов, то исследователь видел в них кельтов, о чем будто бы говорят кельтские гидронимы в Повисленье. Гипотеза Я.Пейскера была встречена славистами весьма критически.

С конца XIX в. при определении места расселения ранних славян, наряду с историческими и лингвистическими данными, все шире и шире исследователями привлекаются материалы топонимики. В 1901 г. появилось интересное исследование филолога и историка А.Л.Погодина (1872—1947 гг.), в котором на основе сведений древних авторов дан очерк истории славян начиная с первых веков н.э. и предпринята попытка обрисовать раннюю славянскую территорию на основе анализа водных названий [111]. Изыскания по этой проблематике им были продолжены и подробно изложены в «Лекциях по славянским древностям» [112].

А.Л.Погодин утверждал, что ранние славяне — отдельная ветвь индоевропейцев;

история их восходит к глубокой древности и продолжается до начала средневековья, когда имело место их широкое расселение. Ареалом ранних славян были Подолия, Галиция, Волынь и восточные земли Польши. Здесь выявляется довольно много гидронимов славянского происхождения. Геродоту славяне были известны как *невры*, римскими авторам — под именем *венеды*. Это и была прародина славян, где произошло их выделение из индоевропейской общности.

Северной границей славянского мира, по А.Л.Погодину, была Припять. Исследователь обращает внимание на различие речных названий к северу и к югу от этой реки и заключает, что земли севернее Припяти, так же как нижнее и среднее течение Западного Буга, принадлежали уже литовским племенам. На востоке рубеж славянских земель проходил по Днепру, на юге соответствовал границе между Киевской и Подольской губерниями (здесь славяне соседствовали со скифо-сарматским населением). Далее южная граница славянского ареала уходила к Карпатам, поднималась по Сану к Висле и далее к Варте, и может быть, достигала Одера. Названия рек в бассейне Вислы и правые притоки Одера, согласно А.Л.Погодину, славянские. Юго-западными соседями славян были кельты, а в среднем течении Одера — германцы. Отмечая, что гидронимы *Одер-Одра* не раз встречаются в разных местах славянского расселения, исследователь полагал, что Одер в своем нижнем течении был издревле славянской рекой.

Ссылаясь на работы А.Будиловича и других лингвистов, А.Л.Погодин писал, что словарный состав живых и мертвых славянских языков позволяет характеризовать земли первоначального обитания славян как территорию равнинную с обилием рек и болот. Намеченный им ареал, заключает автор, полностью соответствует этим лексическим выводам.

Анализом водных названий в связи с локализацией раннего славянского ареала много занимался польский лингвист Я.Розвадовский [113]. Его выводы со временем претерпевали некоторые изменения, дета-

лизировались, но основа оставалась постоянной: славяне выделились из индоевропейского массива около двух тысяч лет до н.э. в Восточной Европе. Наличие германских гидронимов на Волини, Подолии и в Прикарпатье исключает эти области из славянской прародины, в равной степени как и земли Северо-Западной Руси и Польши, где в гидронимии выявляются следы проживания финно-угорского населения. В первых работах Я.Розвадовский определял древними славянскими пространства между Неманом и Днепром, позднее допускал, что славянская прародина от Припятского Полесья могла простираться до Вислы.

Можно отметить, что топонимия как наука в те годы находилась в начальной стадии своего становления. Многие этимологические изыскания Я.Розвадовского, как и его современников, ныне отвергаются лингвистикой и представляют лишь историкографический интерес.

Оригинальную теорию славянского этногенеза развивал русский филолог А.А.Шахматов (1864—1920 гг.). По этой проблематике им было написано несколько работ [114]. Вопрос о колыбели славян исследователь связывал с проблемой индоевропейской прародины. А.А.Шахматов не согласился с весьма распространенной в те годы гипотезой об азиатском происхождении индоевропейцев, отрицал он и локализацию их прародины на юге России. Он присоединился к той группе ученых, которые определяли древнейшим регионом расселения индоевропейцев центральные земли Западной Европы (Австрия и Южная Германия). Здесь, по мнению А.А.Шахматова, и образовался индоевропейский этнос, отсюда индоевропейские племена расселялись в разных направлениях, осваивая огромные пространства и ассимилируя неродственное население.

Исследователь присоединялся к распространенному тогда мнению о первоначальном членении индоевропейцев на западную (кентумную) и восточную (сатемную) группы. Последняя заселила области, составляющие бассейн Балтийского моря. Через какое-то время восточная группа индоевро-

пейцев распалась: предки индо-иранцев и фракийцев двинулись на юг и юго-восток, предки же балто-славян остались на прежней территории в Юго-Восточной Прибалтике. Затем, в I тыс. до н.э. балто-славянская общность распалась, следствием чего стало образование двух этносов — балтов и славян. Последние, по А.А.Шахматову, жили между нижними течениями Немана и Западной Двины, балты-литовцы были их восточными соседями, занимая верхние течения этих рек. Отсутствие в праславянском языке собственного фитонима для обозначения бука и неславянский характер названий рек Среднего Поднепровья и Повисленья исключают эти территории из славянской прародины.

Соседями славян были также финны, германцы и кельты. Финнам принадлежали все Верхнее Поднепровье, Припятское Полесье и часть бассейна Западного Буга. Они, согласно А.А.Шахматову, отрезали славян от скифо-сарматского ареала. В Повисленьи проживали германцы и кельты. В праславянском имеется немало лексических заимствований из германских языков. А.А.Шахматов даже писал, что славяне свою материальную культуру, политическое устройство и военный быт восприняли у германцев. Кельто-славянским языковым взаимоотношениям исследователь посвятил специальную работу [115]. Выявляя по материалам топонимики следы кельтских поселений, он считал, что славяне и кельты непосредственно контактировали между собой. Кельты в Повисленьи были известны как веныды.

Со II в. н.э. германские племена устремились на юг к нижнему Дунаю и в Причерноморье. Повисленьи пустеет и заселяется славянами. По А.А.Шахматову, это была «вторая прародина славян». Праславянский язык здесь дифференцируется на две диалектные группы — западную и юго-восточную. Западная часть славян по мере отлива германского населения расселяется в бассейнах Одера и Эльбы. Во второй половине V в. после распада гуннской державы начинается мощная миграция славян юго-восточной диалектной группировки. Они засе-

ляют Галицию, Буковину, Трансильванию и нижний Дунай, осваивают все южнорусские земли вплоть до Дона.

Миграция юго-восточных славян протекала двумя основными путями: южным и восточным, что привело к образованию двух ветвей — славян южных («склавен», по терминологии Иордана и византийских историков) и славян восточных (антов). Земли между Прутом и Днепром А.А.Шахматов называет «первой прародиной русских». Это территория расселения антов, которые были предками всех русских славян. Отсюда началась миграция их, завершившаяся освоением всей Русской равнины.

Этногенетическая концепция А.А.Шахматова — первая в русской науке общая и стройная картина происхождения славян, развития этого этноса и языка в доисторическое время. Она в течение длительного периода была широко распространена среди русских ученых и в вузовском преподавании. Вместе с тем, ряд положений в построениях А.А.Шахматова подвергся серьезной критике [116].

Свои взгляды на происхождение славян и славянских языков изложил и крупнейший историк русского языка начала XX в. А.И.Соболевский [117]. Он считал, что в древности предки славян и балтов составляли единую общность, говорили на одном балто-славянском языке и проживали на юго-восточном побережье Балтийского моря. Впоследствии эта общность распалась на две группы: северную составили балты, южную — протославяне. За одно-два столетия до начала н.э. протославяне полностью смешались со скифским населением. В результате скрещения появилась новая этническая единица — славяне. Этим и объясняется то, что древние авторы ничего не сообщают о славянах до нашей эры, их еще тогда не было.

В основе гипотезы А.И.Соболевского лежит важное фонетическое явление, охватившее древний общеславянский язык — изменение индоевропейского согласного *s* в *sh*. Следы скифов исследователь отыскивает в славянской и русской лексике, топонимике и этнографии. Итогом его построений

было заключение, что общеславянский язык представляет собой соединение двух языков. Один из них (язык С) близок к балтийскому и составлял с ним некогда единое целое, второй (язык Х) принадлежал к иранской ветви, составляя одно из наречий скифского языка.

Критический анализ гипотезы А.И.Соболевского был сделан А.Л.Погодиным [118].

Известный немецкий археолог Г.Коссинна (1858—1931 гг.) специально проблемой славянского этногенеза не занимался. Однако им впервые в европейской науке были широко использованы археологические материалы для этногенетических построений, что сказалось и на изучении начальной истории славян. Вслед за О.Монтелиусом Г.Коссинна стал активно пользоваться ретроспективным методом, утверждая, что при этом возможно проследить корни поздних археологических культур в более ранних и, таким образом, перенести названия известных исторических народов на далекие доисторические культуры. Этим методом можно осветить древние, темные времена, продвигаясь от ясной современности или от тоже древних, но обладающих богатыми историческими источниками эпох [119].

Несколько работ Г.Коссинна посвятил этногенезу германцев [120], в которых утверждал, что прагерманцы сформировались на индоевропейской прародине в Северной Европе. Из этой прародины происходило расселение индоевропейских племен на широкие пространства Евразии, германцы же остались на прежних местах жительства.

Свои этногенетические построения этот исследователь начинает с римского времени, когда о германских племенах пишут многие авторы. Г.Коссинна все названные Тацитом германские племена попытался отождествить с синхронными археологическими культурами и далее ретроспективным путем через латенское и более раннее время проследить историю германцев вплоть до неолита, когда это было одно из племенных образований индоевропейцев.

Восстанавливая этническую карту Европы конца бронзового века Г.Коссинна счи-

тал, что южными соседями германцев были кельты, а восточными — иллирийцы, которые идентифицировались с населением лужицкой культуры. Что касается славян, то, согласно представлениям этого исследователя, они издревле обитали в Припятском Полесье, и только после 375 г. н.э., когда нашествие азиатских племен вызвало отлив германцев на запад и юг, они стали быстро и активно расселяться и вскоре освоили земли до Эльбы, заняли Балканы и Адриатику.

Авторитет Г.Коссинны в европейской доистории был огромным. Его концепция в течение некоторого времени сказывалась и на освещении славянского этногенеза. Многие немецкие ученые, в том числе и такие крупные археологи, как В.Ла Бом, М.Ян, Э.Блюме, Б.Рихтхоффен, Э.Петерсен, работали под воздействием школы Коссинны.

Припятско-среднеднепровскую прародину славян попытался аргументировать известный филолог-славист М.Фасмер [121]. Им были проанализированы лингвистические и топонимические данные. Языковые материалы дали основания говорить, что ближайшими соседями праславян были балты и иранцы, причем последние этносы были разделены славянской территорией, а балты, в свою очередь, разграничивали славян и финнов. Древние языковые контакты славян с германцами и кельтами при этом отрицались.

Анализ водных названий западноевропейских земель выявил древние ареалы кель-

Рис. 5. Прародина славян по М.Фасмеру
а — восточная граница распространения бука; б — то же граба; в — то же тиса

тов, германцев, иллирийцев и фракийцев, после чего славянам не осталось здесь места. Все это, по мнению М.Фасмера, указывает на локализацию славянской прародины в бассейнах Припяти и среднего течения Днепра, где выявляется несколько десятков рек со славянскими названиями. В пользу этого, как полагал исследователь, говорят и ботанические данные (рис. 5). На этой территории славянский язык выделился из балто-славянского и начал самостоятельное развитие. Общеславянский период опреде-

лялся М.Фасмером периодом между 400 г. до н.э. и 400 г. н.э., а балто-славянское единство относилось к предшествующему времени.

Исследования 20—50-х годов

20—30-е гг. XX в. характеризуются бурным развитием славистики в Польше. Много внимания при этом лингвисты и археологи уделили проблеме происхождения и эволюции славянского этноса и языка.

Большинство польских исследователей этого времени отстаивали западное происхождение славян, утверждая, что их прародина находилась в междуречье Вислы и Одера. Этногенетические работы немецких ученых того же времени, в которых эти земли отводились германским племенам, стали импульсом в разработке так называемой автохтонной (висло-одерской) прародины славян.

Наибольшую роль в развитии концепции этногенеза славян от лужицких племен эпохи бронзы сыграл польский археолог Ю.Костшевский (1885—1969 гг.). Обращаясь к проблеме гипотетической балто-славянской общности, исследователь писал, что можно говорить только о длительных соседских контактах праславянских и прабалтских племен, поскольку археологической культуры, которую можно было бы связывать с балто-славянской общностью, обнаружить не удастся. Историю славян следует начинать с лужицкой культуры, поскольку через ряд последующих звеньев ее можно связать с культурой раннесредневековых славян, зафиксированных историческими источниками. Согласно построениям Ю.Костшевского, в конце I тыс. до н.э. в области расселения лужицких племен расселились носители поморской культуры, и в результате их взаимодействия в междуречье верх-

них течений Вислы и Эльбы складывается пшеворская культура, связываемая уже с историческими венетами. Верхней хронологической границей этой культуры, по Ю.Костшевскому, было IV столетие, когда в результате «великого переселения народов» облик славянской культуры претерпел существенные изменения [122].

В 30-е гг. XX в. окончательно была разрушена так называемая «буковая» аргументация днепровской прародины славян. Анализы торфа, взятые в торфяниках Великопольши и Польского Поморья, показали, что в конце эпохи бронзы и начале железного века в условиях суббореального периода бук был не известен восточнее Эльбы-Заале. Это стало дополнительным аргументом в пользу висло-одерской прародины славян.

Концепцию висло-одерского происхождения славян и отождествления их с носителями лужицкой культуры развивали в своих трудах многие польские археологи, в том числе Л.Козловский [123], Т.Сулимирский и К.Яжджевский. Результаты археологических изысканий исследователи пытались связать с достижениями лингвистики. Так, Т.Сулимирский картографировал схему Х.Хирта (рис. 6), указывающую на степень родства и близости на основе сравнительно-исторического языкознания праславянского с другими древними индоевропейскими языками, что соответствовало его археологическим выводам [124]. К.Яжджевский на основании археологических материалов составил исторический атлас славян [125], показав в нем территории их расселения на разных этапах начиная с эпохи бронзы (рис. 7).

Эту концепцию активно поддержал и глава польской антропологии середины XX в. Я.Чекановский (1882—1965 гг.). Кроме антропологических материалов он использовал в своих работах данные археологии и компаративистики, прежде всего, изыскания польского лингвиста Е.Куриловича. Исследователь исходил из положения о формировании индоевропейцев на территории Европы и на антропологических источниках попытался проследить линию разви-

тия от индоевропейцев через североевропейскую (германо-балто-славянскую) общность к славянам. Раннеславянской, по Я.Чекановскому, была лужицкая археологическая культура. Данные языкознания дали основание говорить, что западными соседями ранних славян были германцы, и граница между ними проходила по Одеру. На северо-востоке, в Мазовии, славяне вплотную соприкасались с балтами, которые отрезали славян от финно-угорского массива. Юго-восточные окраины славянской прародины охватывали часть верхнего течения Западного Буга; Волынское Полесье уже было неславянским [126]. Для обоснования своих построений Я.Чекановский стремился использовать и другие материалы, в частности, «ботаническую аргументацию» [127], нанеся их на географическую карту (рис.8).

Чешский археолог Я.Филип утверждал, что в I тыс. до н.э. в Европе современные этносы в основном сформировались и среди них должны быть и славяне. Он привел 38 аргументов в пользу славянской принадлежности племен лужицкой культуры: сходные черты лужицкого населения и ранне-средневековых славян выявляются и в погребальной обрядности, и в материальной культуре. Обращал исследователь внимание и на то, что многие славянские городища исторического времени располагались на тех же местах, что и у лужицких племен [128].

Несколько иную точку зрения развивали чешские исследователи Я.Бем и Ю.Неуступный. Они считали, что лужицкая культура была еще индоевропейской, несовместимой с современными этноязыковыми группами Европы. Можно только говорить о том, что какая-то часть лужицких племен приняла прямое участие в славянском этногенезе

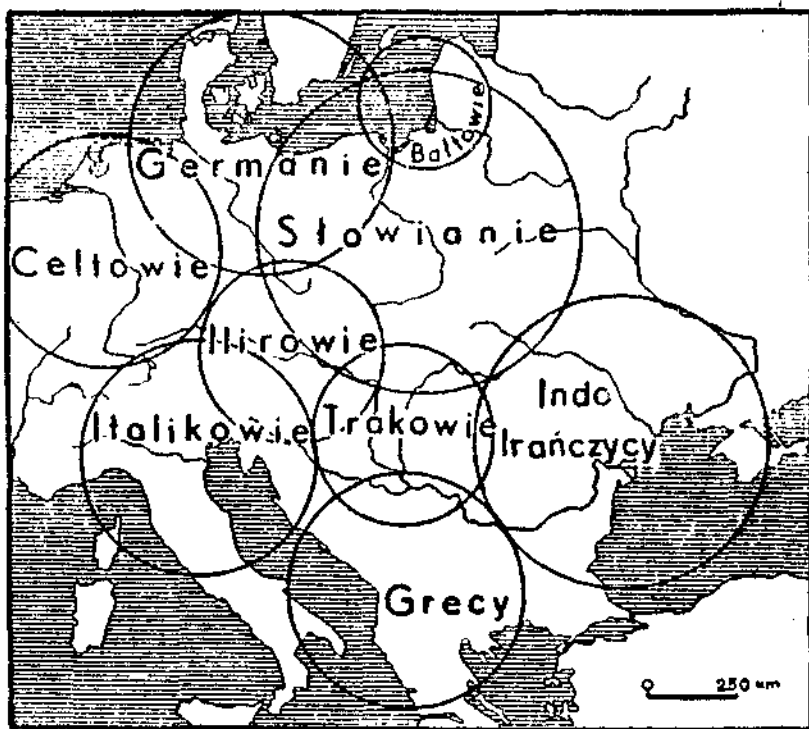

Рис. 6. Схема размещения европейских этносов в древности по Х.Хирту, локализованная на географической карте Т.Сулимирским

[129]. Таким образом, висло-одерское происхождение славян не отрицалось и этими археологами.

В пользу висло-одерского происхождения славян высказывались многие польские лингвисты. Наиболее обстоятельно вопросы этно- и глоттогенеза славян были разработаны Т.Лер-Сплавинским (1891–1965 гг.). Его монография «О происхождении и прародине славян» [130] для середины XX в. является наиболее существенным исследованием славянского этногенеза. В основе этногенетических построений Т.Лер-Сплавинского лежат материалы разных наук — языкознания, гидронимики, археологии и антропологии. Он принадлежал к тем исследователям, которые полагают, что языковые явления должны находить соответствия с археологическими, антропологическими и этнографическими данными. Более того, Т.Лер-Сплавинский считал, что неязыковые особенности в изучении этно-

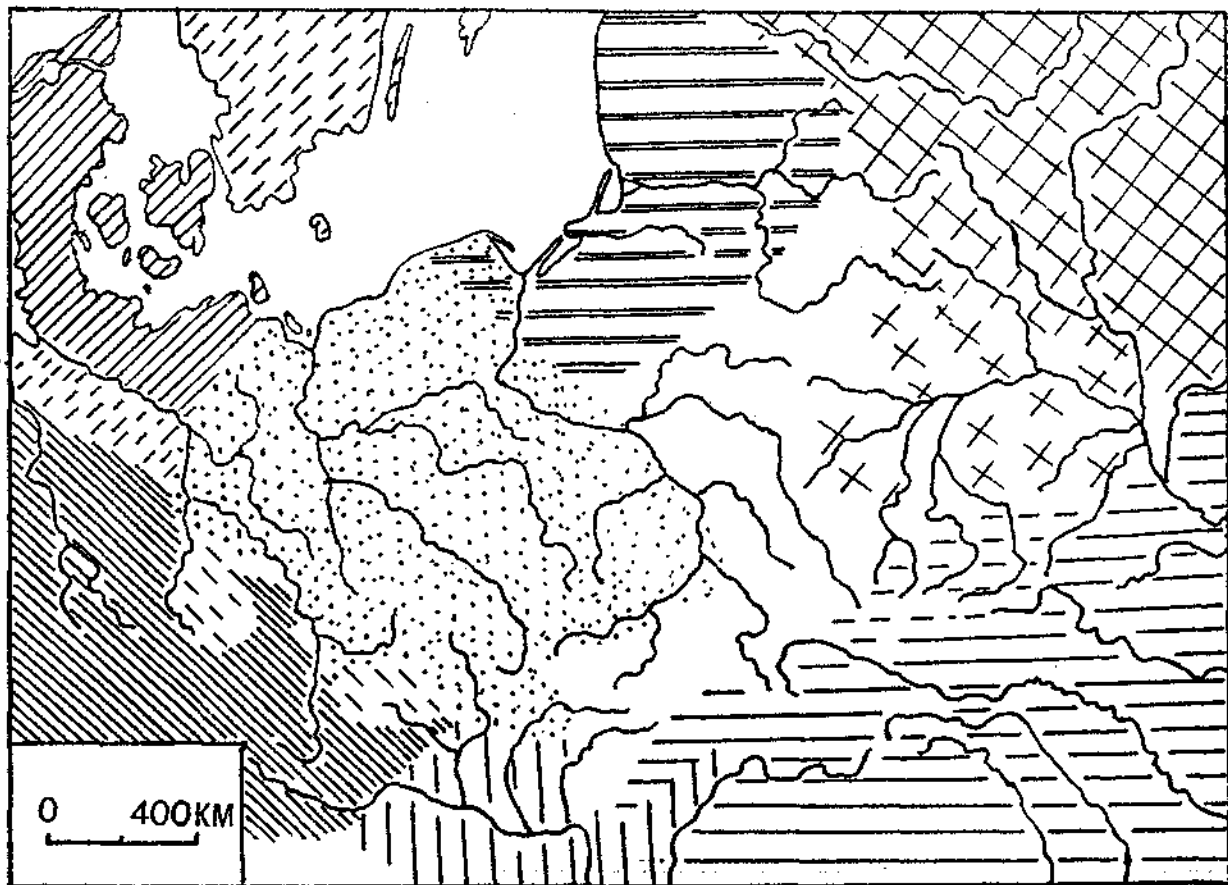

Рис. 7. Первоначальная территория славян по К.Язджевскому
 а — славяне; б — германцы; в — кельты; г — балты; д — иллирийцы; е — фракийцы;
 ж — финно-угры

генеза в ряде мест являются более важными, чем языковые.

Суть этногенетических построений этого исследователя заключается в следующем. До 2000 г. до н.э. вся Северо-Восточная Европа (вплоть до Силезии и Померании на западе) принадлежала финно-угорскому населению, оставившему культуру гребенчатой керамики. На территории современной Польши, по Т.Лер-Сплавинскому, имеются названия рек финно-угорского происхождения. Около 2000 г. до н.э. из Центральной Европы в восточном направле-

нии имела место миграция носителей культуры шнуровой керамики. На востоке эти племена достигают Среднего Поволжья и Северного Кавказа. Это была одна из групп индоевропейцев. В результате их взаимодействия с местным финно-угорским населением в пространстве между Одером и Окой складывается новое индоевропейское этноязыковое образование — балто-славяне или прабалты, включившие в себя и племена, диалекты которых позднее развились в славянский язык. Т.Лер-Сплавинский не сомневался в том, что предки славян и бал-

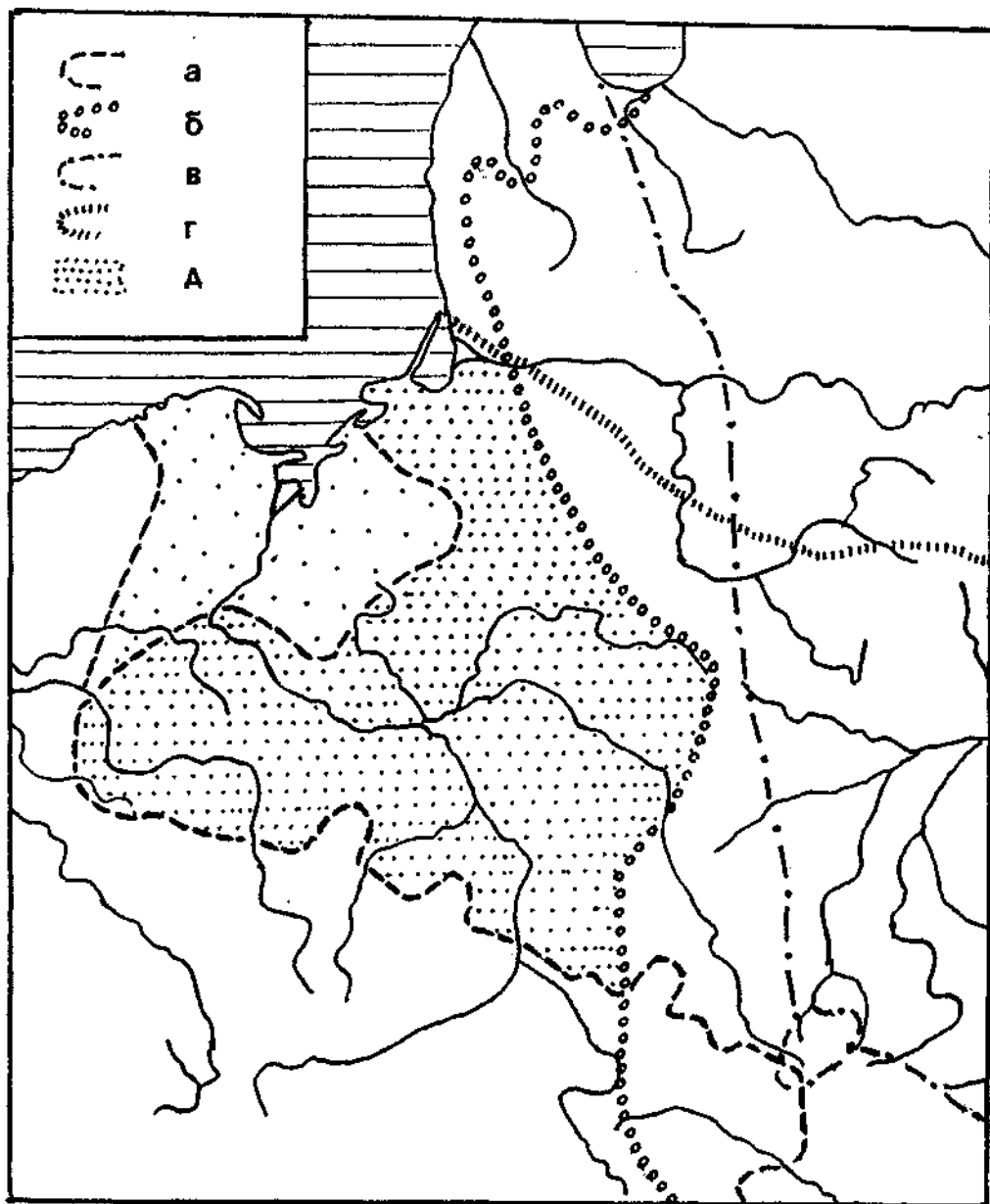

Рис. 8. Локализация прародины славян по Я.Чекановскому
 а — восточная граница распространения бука; б — то же тиса; в — то же плюща; г — северо-восточная граница распространения граба; д — прародина славян (редкими точками выделена область недавнего распространения бука)

тов пережили языковую общность. Скорей всего, уточнял он, это был не единый балто-славянский язык, а общность, объединявшая различные между собой, но достаточно близкие диалекты, которым были присущи общие языковые изменения. Объединяла эти диалекты и лексическая общность — многие слова известны в балтских и славянских языках, но отсутствуют в других индоевропейских языках. Вместе с тем, продолжает исследователь, внутри рассматриваемой общности были и существенные расхождения в словарном составе и грамматике — прабалты и праславяне были хотя и близки друг к другу, но обладали заметными различиями, унаследованными от индоевропейской общности.

Наиболее тесные контакты балто-славян были с германцами. Исследователь приводит сводку изоглосс, которые объединяют балто-славянские языки с германскими, и приводит лексические совпадения, которых насчитывается свыше 400. Кроме того, ряд языковых явлений объединяет балто-славянскую и индо-иранскую этнические группы. Эти контакты были менее тесными, чем с германцами. Так, общими для балто-славян и индо-иранцев оказывается только 120 лексем.

В итоге Т.Лер-Сплавинский приходит к заключению, что балто-славяне на западе соприкасались с германцами, на юго-западе — с кельтами и иллирийцами, а на юго-востоке — с фракийцами и иранцами. Протославяне внутри балто-славянской общности занимали западное положение, в пользу чего говорит то, что в грамматике, фонетике и лексике славянский язык связан с германскими заметно в большей степени, чем балтские.

Первым шагом в разделении балто-славянской общности стало расселение в 1500—1300 гг. до н.э. в междуречье Вислы и Одера носителей лужицкой культуры, которых Т.Лер-Сплавинский относил к индоевропейцам-венетам. Южнее и западнее Карпат племена этой культуры стали основой формирования кельтского и иллирийского этносов. Миграция лужицкого населения вызвала распад балто-славянской общности

на две части: в восточной, куда не достигла лужицкая экспансия (от устья Немана до верхней Оки), образовались прабалты, в западной началось становление праславянского этноса.

Окончательно же славяне сложились в середине I тыс. до н.э. после расселения племен поморской культуры из низовьев Вислы в ареал лужицкой культуры. Следствием этого стало формирование в Висло-Одерском междуречье пшеворской и оксывской культур, которые рассматриваются Т.Лер-Сплавинским как раннеславянские.

Локализацию прародины славян в Висло-Одерском междуречье этот исследователь пытался подкрепить топонимическими материалами. По его представлениям, гидроним *Висла* восходит к праславянской основе **vid-*, **veid-* ('вить, изгибать, плести'), что ныне отрицается лингвистами. Т.Лер-Сплавинский полагал, что славянское начало имеют и названия многих других рек на территории Польши. Еще ранее Р.Траутман и М.Рудницкий отмечали, что области между Вислой и средним Днепром вторичны по топонимическим данным по сравнению с Висло-Одерским междуречьем. Т.Лер-Сплавинский основательно развил этот тезис.

Касаясь антропологических данных, Т.Лер-Сплавинский высказал предположение, что ранние славяне принадлежали к нордическому длинноголовому светловолосому антропологическому типу. Регионом формирования его была Северная Германия со смежными землями. Таким образом, колыбелью славян могли быть области в восточных окраинах древнего ареала нордического типа, то есть как раз в северо-западной Польше.

В конце 50-х гг. Т.Лер-Сплавинский написал небольшой очерк, в котором были как бы подведены итоги его новых изысканий в области славянского этногенеза [131]. Начало независимого развития славянского и балтского этносов теперь определялось временем около 1300 г. до н.э. Это было следствием расселения иных индоевропейских племен, идентифицируемых исследователем с носителями лужицкой культуры, на части древнего балто-славянского ареала.

ла, простиравшегося от бассейнов Одера и Вислы на западе до Днепра и Волги на востоке. В зоне смешения с лужицким населением начали формироваться славяне, а на остальной территории, не подверженной лужицкому расселению, постепенно развивался балтский этнос, весьма архаичный и консервативный в языковом отношении.

Существенным аргументом в пользу славянской атрибуции населения лужицкой культуры, по представлению польского исследователя К.Тыменецкого, являются материалы топонимики. Он полагал, что гидронимы *Прут*, *Тирас* (Днестр), *Борисфен* (Днепр), *Гипанис* (Буг) и другие являются иранскими по происхождению, названия *Стырь*, *Днестр*, *Днепр*, *Дон*, *Сан* и *Остер* (нижний Дунай) имеют фракийское начало, а *Буг*, *Миния*, *Вилия*, *Вилейка* и другие — балтское. Следовательно, территории, где протекают эти реки, нужно исключить из раннеславянского ареала. Древнеславянскими, по мнению К.Тыменецкого, являются *Висла*, *Вислок*, *Вислица*, *Варта*, *Скава*, *Вебрь*, *Вилк*, *Срава*, *Вла*, *Свидер*, *Бобр*, *Ясолка* и др. — все в междуречье Одера и Вислы, что и говорит о проживании здесь славян с глубокой древности. Исследователь полагал, что на поздней стадии развития лужицкой культуры славянское население называлось лугиями (отсюда средневековые лужичане и лезане). О том же, что лужицкий ареал в Польше не мог принадлежать илирийцам, говорит и античная традиция, которая относит эти земли к Сарматии, жителями которой были и славяне-венеды [132].

Археологами делались попытки видеть славян и среди европейских племен, предшествующих населению лужицкой культуры. Так, польские археологи С.Носек и А.Гардавский утверждали, что к славянам следует относить племена тшинецкой культуры [133]. Протославянской считал эту культуру и В.Антоневич. Становление славян, по его представлениям, произошло в условиях взаимодействия носителей тшинецкой культуры с восточнолужицкими племенами и ассимиляции последними тшинецкого населения. Западной границей прасла-

вянской территории исследователь считал Вислу, и лужицкие племена более западных областей связывал с этногенезом илирийцев и кельтов [134].

В польской науке несколько особняком стоят изыскания историка и этнолога К.Мошинского (1887—1959 гг.). Ранние его работы покоились на допущении очень древних языковых контактов славян с тюрками. Исследователь полагал, что соприкасаясь на востоке с тюркоязычным массивом, ранние славяне позаимствовали целый ряд тюркизмов. Западными соседями славян были угры, южными — скифы-иранцы. В результате место жительства славян до VII—VI вв. до н.э. определялось в Средней Азии (предположительно в Туркмении). Здесь они выработали свой язык, основные элементы культуры и быта, восприняв и некоторые азиатские особенности [135].

Эта гипотеза подверглась резкой критике со стороны лингвистов (А.Брюкнер, В.Котвич и др.), показавших, что славяно-тюркские языковые контакты в столь раннее время просто невероятны. В последней монографии К.Мошинский уже считал местом проживания ранних славян Среднее Поднепровье, куда они, правда, все же пришли за несколько веков до н.э. откуда-то из пограничья Европы и Азии [136]. Исследователь попытался обосновать тезис о более раннем проживании славян в Поднепровье по сравнению с Повисленьем. Так, он утверждал, что деревья, произрастающие восточнее Вислы и Карпат, имеют славянские названия (в том числе *береза*, *липа* и др.), а в бассейнах Вислы и Одера преобладают заимствованные названия деревьев (*бук*, *явор*, *тис* и др.). Прямая связь между этническими образованиями и археологическими культурами К.Мошинским отвергалась, поэтому данные археологии им во внимание не принимались.

В конце 50-х гг. критический разбор положений Ю.Костшевского и его последователей — сторонников висло-одерской прародины славян — сделал польский языковед Г.Улашин, усматривавший в этногенетических построениях этих ученых не только чисто научные, но и националисти-

ческие тенденции. Концепция Г.Улашина покоилась на предположении о локализации индоевропейской прародины в южно-русских степях. Отсюда балто-славяне, выделившись из индоевропейской среды, продвинулись на север, заселив верхнеднепровский регион. Их соседями на юге были фракийцы и иллирийцы. На следующем этапе часть балто-славян переместилась далее к побережью Балтийского моря, и на их основе сформировались балты, а оставшееся на Днестре население стало славянами. С этого времени они длительное время контактировали со скифо-сарматами: самые древние заимствования в праславянском, по мнению этого исследователя, имеют иранское происхождение. Славяне жили в лесистой местности Восточной Европы, удаленной от античных культурных центров, и не имели контактов с основными этносами Западной Европы — италиками-латинянами и германцами, поэтому они долгое время не были известны греко-римским авторам [137].

Полемизируя с Г.Улашиным, Е.Фремани на основе природоведческих данных утверждает, что Припятское Полесье никак не могло быть областью становления славянского этноса. Природа и климат не способствовали длительному и постоянному проживанию здесь устойчивого этноса [138].

Болгарский ученый С.Романский, проанализировав данные исторической и лингвистической наук, утверждал, что все данные говорят о локализации славянской прародины к северо-востоку от Карпат. Подунавье, Балканы и Северное Причерноморье следует исключить из древних славянских земель, поскольку они достаточно хорошо отражены в античных письменных источниках. Эти области заселяли кельты, фракийцы, германцы, иранцы (скифы, сарматы и киммерийцы). Славяне в древности не могли жить по соседству с Черным морем, так как они не были известны греческим писателям и в праславянском языке отсутствуют какие-либо следы воздействия древнегреческого. Сведения классических авторов не дают возможности распространить территорию славян перед нашей эрой и в

ее начале западнее Вислы, а побережье Балтийского моря заселяли балты. Следовательно, славянская прародина могла находиться только к северо-востоку от Карпат — между Вислой и верхним Днестром с Десной. В пользу этого, как считал С.Романский, свидетельствует и топонимика (*Припять* и *Десна* — бесспорно славянские гидронимы, *Висла* — кельтский, *Днепр* — иранский) и лексика праславян (целый ряд лексем говорят о проживании их в низменной местности, изобиловавшей болотами и реками). В ранних источниках славяне именуются венетами, но не исключено, что славянами были и невры Геродота [139].

Другой болгарский ученый, Ив.Леков, считал, что славянский язык сформировался и развивался на более широкой территории между Карпатами на юге и Балтийским морем на севере, между Одером на западе и Днестром на востоке. При этом исследователь отмечал, что четких и постоянных границ эта область не имела, они изменялись со временем, территория могла в силу многих исторических обстоятельств и сокращаться и расширяться [140].

Высказывалась в научной литературе рассматриваемого периода и мысль об относительно позднем формировании славян. Так, чешский археолог Э.Шимек утверждал, что следует начинать историю славян только с венетов Тацита и Птолемея, когда они жили в Висло-Одерском междуречье, и связывать с ними синхронную археологическую культуру этого региона. Предшествующие культуры, в частности лужицкую, относить к славянам нельзя: их носителями было еще неславянское население [141].

В отечественной науке в 20—40-х гг. господствовали глотто- и этногенетические положения, покоящиеся на тезисах яфетической теории Н.Я.Марра. В качестве примера таких построений можно назвать работы лингвиста Л.П.Якубинского [142]. Он утверждал, что праславянский диалект, как и другие древние индоевропейские диалекты, образовался в результате скрещения одного из «протоиндоевропейских» диалектов с одним или несколькими неродственными диалектами. Этот процесс исследова-

тель относил к эпохе становления родового строя, когда экзогамное племя переходило к племени родовому. Период образования родовых племен, по представлениям Л.П.Якубинского, вообще характеризуется большим перемешиванием населения и результатом этого стало сложение единого праславянского диалекта.

Под влиянием теории Н.Я.Марра писались и исторические работы того периода, среди которых можно назвать книги и статьи Н.С.Державина, М.И.Артамонова, П.Н.Третьякова и А.Д.Удальцова. Так, согласно Н.С.Державину, славяне как особый народ сложились на основе нескольких древних племен, населявших Европу, в том числе киммерийцев, скифов, сарматов, готов [143]. М.И.Артамонов писал, что племенами, находящимися на яфетической стадии, но позднее ставшими славянами, были венеды, лугии, часть даков, а также другие, заселявшие земли Среднего и Верхнего Поднепровья [144]. А.Д.Удальцов утверждал, что становление славян протекало на обширной территории Европы, охватывающей бассейны Одера, Вислы, Днепра, среднего и нижнего Дуная, верховья Волги и Оки, которые в древности были заселены иллирийцами, фракийцами, венетами, скелотами (скифами) и сарматами — наполовину еще яфетидами, наполовину индоевропейцами. Процесс складывания славян на обширной территории происходил неравномерно. Раньше всех ядро славян сформировалось в Восточной Европе — автохтонное земледельческое население эпохи Геродота (скелоты, невры и часть алазон) путем длительного скрещивания и аккультурации ко II в. н.э. образовало основу славян. Это ядро со временем превратилось в восточных славян и параллельно в результате расширения территории на запад за Вислу и на юг за Дунай в условиях скрещивания с лугиями и иллиро-фракийскими племенами во II—VII вв. начали формироваться западные и южные славяне [145]. С позиций яфетической теории Н.Я.Марра была написана и книга П.Н.Третьякова [146].

После критики теории Н.Я.Марра, в 50-х гг. первые построения по славянскому

этногенезу советских археологов были зависимы от господствовавших в то время теорий польских исследователей, но вместе с тем они присоединяли к древним славянским землям и регионы, входящие в территорию СССР, хотя каких-либо фактов в пользу этого найти было невозможно. Так, М.И.Артамонов писал, что ранними славянами оставлены не только лужицкая, поморская и пшеворская культуры Польши, но и скифские культуры лесостепного Поднепровья. Невры, будины и гелоны Геродота были славянами. Позднее славяне на этой территории представлены зарубинецкой и черняховской культурами. Вместе с тем, М.И.Артамонов высказывал мысль, что славянский язык и в Повисленье, и в Поднепровье существовал уже в конце энеолита и начале бронзового века [147].

Согласно представлениям П.Н.Третьякова, протославяне вместе с протогерманцами и протобалтами составляли население культуры шнуровой керамики конца III — начала II тыс. до н.э. В бронзовом веке массив славянских племен охватывал пространство, включавшее ареал лужицкой и тшинцево-комаровской культур. В I тыс. до н.э. славянам принадлежала лужицкая культура, все скифские культуры лесостепного Поднепровья, а также более северные — верхнеднепровская и южновская. Еще позднее славяне были носителями пшеворской, зарубинецкой и черняховской культур, а также заселяли и лесные области Восточной Европы — им принадлежат верхнеднепровские древности Ярославского Поволжья типа городища Березняки [148].

Ныне эти весьма схематические построения имеют чисто историографический интерес. По мере поступления новых археологических материалов они были коренным образом пересмотрены, в том числе и самими авторами. Так, П.Н.Третьяков, с одной стороны, и позднее разделял мысль А.Гардавского о племенах тшинцево-комаровской культуры как основе славянства, а с другой стороны, считал возможным начинать изложение истории славян с пшеворской и зарубинецкой культур. Основную роль в истории раннеславянских племен на терри-

тории Восточной Европы он отводил зарубинецкой культуре. Дозарубинецкое население Среднего Поднепровья, как и верхнеднепровское эпохи раннего железа, а также носители черняховской культуры исключались из славянского этногенеза. Согласно П.Н.Третьякову, зарубинецкое население на рубеже эр продвинулось в севером и северо-восточном направлениях, где складываются поздnezарубинецкие культуры, которые стали основой последующих славянских культур — киевской и колочинской. Расселение же поздnezарубинецкого населения в южном направлении на бывшую черняховскую территорию привело к становлению славянских древностей пеньковского типа [149].

Завершая характеристику этого периода изучения славянского этногенеза, следует отметить, что в это время исследователями осознавалась необходимость публикации письменных источников по истории древних славян, и издания их были осуществлены в ряде стран [150].

Последние десятилетия XX века

Этот период, прежде всего, характеризуется более широким и более глубоким использованием в этногенетических построениях материалов археологии. Благодаря постоянному и активному пополнению археологического источникового фонда этногенетические изыскания делаются более аргументированными. Археология наряду с лингвистикой становятся ведущими науками в изучении славянского этногенеза. Существенны и достижения языкознания в выяснении многих вопросов глоттогенеза и этногенеза славян. Впрочем, наряду с фундаментальными трудами и в этот период было опубликовано немало работ, в которых излагаются гипотезы, основанные на

отдельных научных фактах при недоучете целого ряда других, явно противоречащих предлагаемым построениям.

В зависимости от той или иной локализации славянской прародины исследования рассматриваемого времени можно разделить на несколько групп.

Прежде всего нужно сказать об исследованиях, в которых славянская прародина определяется в широких пределах от Одера до Днепра, примерно так, как ее очерчивал Л.Нидерле; праславянская общность отнесена здесь, однако, к более глубокой древности.

Польский археолог В.Гензель обратился к изучению славянского этногенеза еще в середине 50-х гг. [151] и развивал эту проблему в течение трех последующих десятилетий [152]. Согласно его представлениям, в III и II тыс. до н.э. существовала балто-славянская общность, занимавшая пространство от побережья Балтийского моря и бассейна Вислы на западе до Среднего Поднепровья на востоке. Балто-славянам принадлежали жуцевская, злота и среднеднепровская культуры шнуровой керамики. При этом будущим славянам (протославянам) исследователь отводит южные части этой территории. В ранних работах В.Гензель полагал, что образование праславян соответствует формированию лужицкой культуры около 1400 г. до н.э. Одно время исследователь связывал кристаллизацию славян со временем тшинецкой культуры. Позднее В.Гензель склонялся к мнению, что праславяне образовались в период между 900 и 700 гг. до н.э. в условиях взаимодействия протославянских племен, составлявших часть балто-славянской общности, с иллирийцами — племенами лужицкой культуры. Этот процесс протекал в Висло-Одерском междуречье и Припятском Полесье (рис. 9).

В.Гензель полагал, что отождествлять археологические культуры с этносами не всегда возможно. Так, на территории лужицкой культуры в разное время проживали иллирийцы, славяне, кельты и германцы. Он не придавал существенного значения отсутствию или наличию генетических связей между культурами. Более важными ему

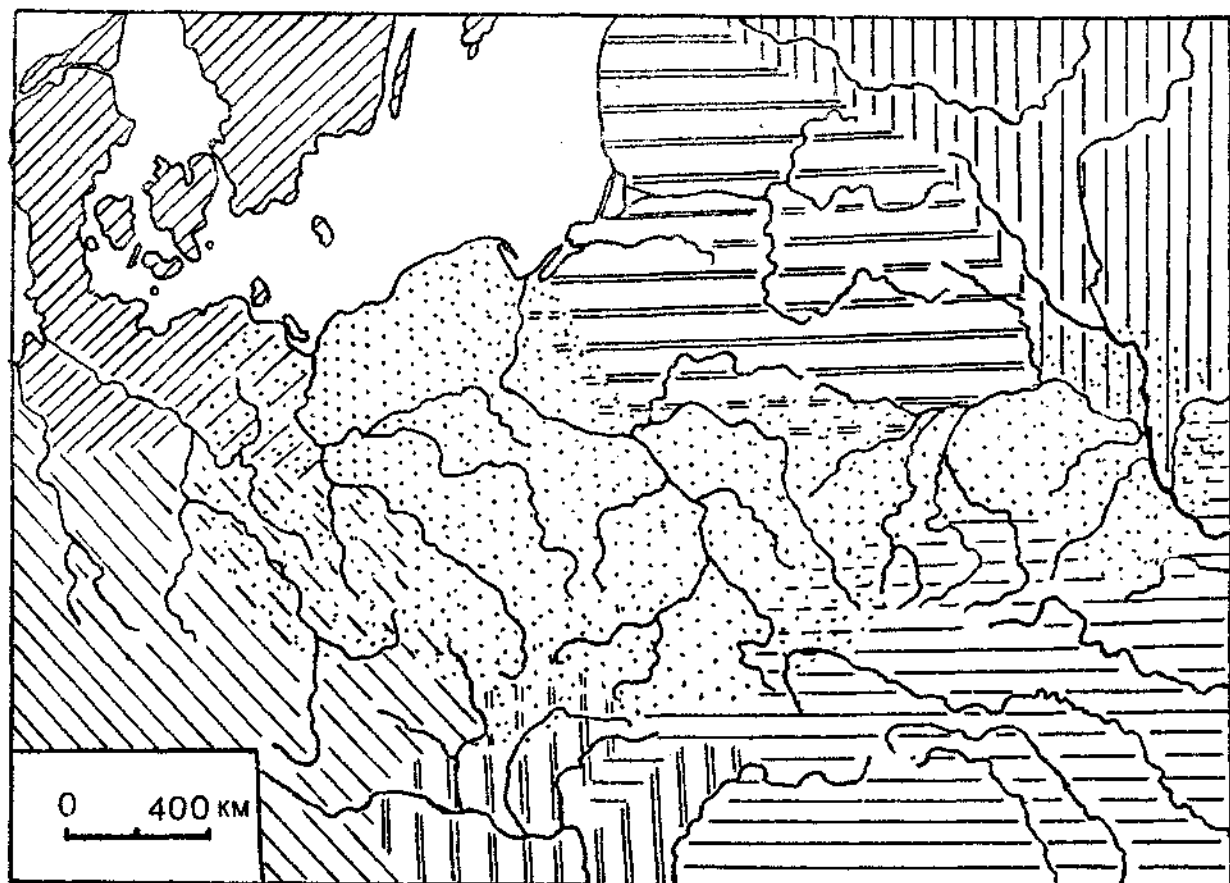

Рис. 9. Праславяне и их соседи около 1000 г. до н.э. по В.Гензелю

а — праславяне; б — прагерманцы; в — пракельты; г — прабалты; д — иллиро-венеты; е — прафракийцы; ж — финно-угры;

з — н — области взаимопроникновения праславян и других народов: з — прагерманцев; и — пракельтов; к — иллиро-венетов; л — прафракийцев; м — прабалтов; н — финно-угров

представлялось то, что славяне в древности, как установлено лингвистами, соседнили и контактировали с германцами, кельтами, иллирийцами, фракийцами, иранцами и балтами. В промежутке между этими этносами — между Одером и средним Днепром — и нужно локализовать древние славянские земли.

На рубеже эр, как считал В.Гензель,

славянами были племена пшеворской, оксывской и зарубинецкой культур. Не исключено, что в ареале этих культур проживали и неславянские племена. На основе этих трех культур латенского и римского периодов и формировались славянские древности раннего средневековья. Этногенетические построения этого исследователя не

предусматривают анализа связей между археологическими культурами. Славянство пшеворской, оксывской и зарубинецкой культур по-существу признается априорно. Археологические данные, таким образом, используются лишь в качестве иллюстративного материала.

Проблема славянского этногенеза рассматривалась в ряде работ Б.А.Рыбакова [153]. Ретроспективный метод этногенетических исследований им отрицается, поскольку игнорирует, по его мнению, скачки в развитии культур, имевшие место на определенных этапах, не учитывает влияния более развитых цивилизаций.

Построения Б.А.Рыбакова основаны на предположении, что славянский этнос на протяжении двух тысячелетий был сосредоточен на одной территории и только в раннем средневековье славяне стали выходить за пределы своего древнего ареала, расселившись на широких пространствах Европы.

Начинает этот исследователь историю славян (вслед за лингвистом Б.В.Горнунгом) с XV в. до н.э. и выделяет несколько этапов. Первый связывается с тшинецко-комаровской культурой (XV—XIII вв. до н.э.). Область ее распространения, согласно Б.А.Рыбакову, была «первичным местом объединения и формирования впервые отпочковавшихся праславян... Эта область может быть обозначена несколько туманным словом «прародина» [154]. Ареал тшинецко-комаровской культуры — от Одера на западе до левобережных земель Среднего Поднепровья на востоке (рис. 10).

Второй этап этногенеза славян определен исследователем XII—III вв. до н.э. и назван «лужицко-скифским». Славяне этого времени представлены несколькими различными культурами — лужицкой, белогрудовской, чернолесской и скифскими лесостепными. Анализ данных Геродота привел Б.А.Рыбакова к мысли, что носители скифских лесостепных культур Среднего Поднепровья, занимавшиеся, в отличие от скифов-кочевников, земледелием, были славянами, объединенными в союз под именем *сколоты*.

Падение лужицкой и скифских культур

привело к восстановлению славянского единства — наступил третий этап истории праславян (II в. до н.э. — II в. н.э.), представленный близкими между собой пшеворской и зарубинецкой культурами. Четвертый этап датируется II—IV вв. н.э. и характеризуется усиленным влиянием Римской империи на периферийные земли, где и проживали славяне. Они представлены в это время пшеворской и черняховской культурами. При этом славянам — потомкам скифских сколотов — принадлежала лесостепная часть ареала черняховской культуры, в то время как в «молдавско-приморской» зоне этой культуры проживали готы. Западная часть славянской прародины испытывала на этом этапе заметное влияние со стороны германских племен.

Пятый этап относится уже к началу средневековой поры (VI—VII вв.), когда после падения Римской империи славянское единство вновь возобновилось.

Принадлежность славянам всех перечисленных археологических культур определяется Б.А.Рыбаковым лишь тем, что ареалы их вписываются в одно и то же пространство от Одера до Днепра. Территория достоверно славянских культур VI—VII вв., отмечает исследователь, в значительной мере совпадает с регионами более ранних культур и, следовательно, их следует относить к славянам. Думается, что тезис о стабильности территории расселения славян на протяжении двух тысячелетий нуждается в доказательствах.

Территорию к северу от Карпат между бассейном Вислы на западе и средним течением Днепра на востоке как славянскую прародину определял и словацкий археолог Я.Айснер. Поскольку венедская культура (пшеворская и оксывская) сложились на основе лужицкой, писал он, то последнюю культуру в той части, где она перешла в венедскую, нужно считать славянской [155].

Согласно представлениям японского ученого М.Шимезу, протославяне, которых можно называть и балто-славянами, в эпоху неолита заселяли плодородные земли от поречья Одера и Вислы на западе до поречья Днепра на востоке. Это было земле-

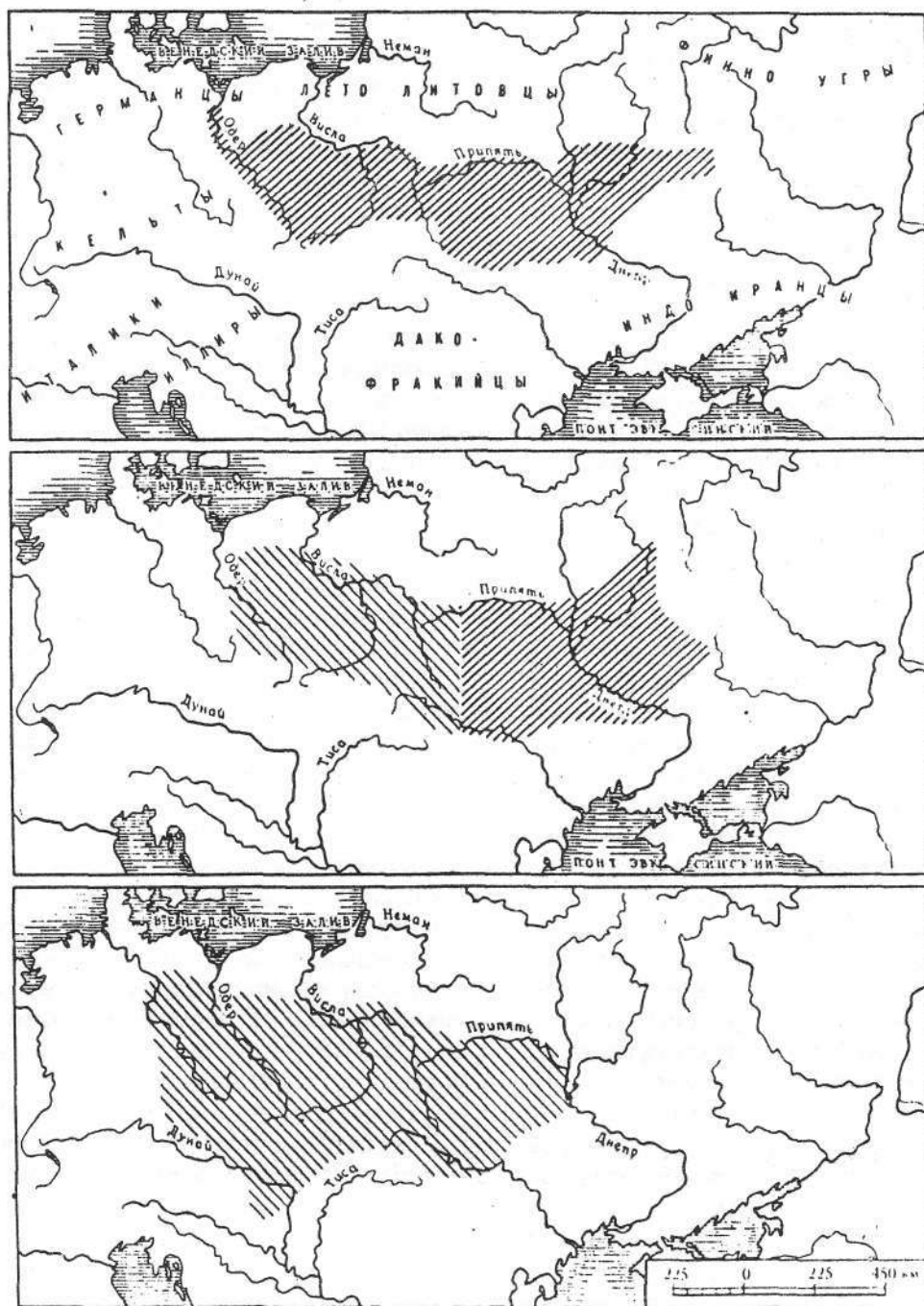

Рис. 10. Древние ареалы славян по Б.А.Рыбакову
 А — первичное обособление славян (XV—XIII вв. до н.э.);
 Б — славяне на рубеже нашей эры; В — часть славянского мира в V—VII вв. н.э.

дельческое население, составлявшее северную часть ареала культуры линейно-ленточной керамики. В конце III — начале II тыс. до н.э. регион протославян переместился на территорию между восточным побережьем Балтики и верхними течениями Днепра и Дона, а их соседями в лесной зоне были финно-угры. Лужицкая культура была праславянской. Она прекратила существование в результате скифского нападения, и на основе ее остатков в регионе между Балтийским морем и Карпатами формируется венедская культура, которая функционировала и в первых веках н.э., когда славяне-венеды зафиксированы в письменных источниках [156].

В 60-х гг. советские лингвисты приложили немало усилий для обоснования среднеднепровской прародины славян. Критически рассмотрев и отвергнув положения А.А.Шахматова, Ю.Костшевского и Т.Лер-Сплавинского, С.Б.Бернштейн утверждал, что наиболее ранняя славянская территория (IV—III вв. до н.э.) располагалась южнее Припяти между Вислой и средним течением Днепра. Припять была древней и устойчивой границей между славянами и балтами. Образование праславянского языка было результатом распада балто-славянской общности и определялось исследователем серединой I тыс. до н.э. Отрицая славянство носителей лужицкой культуры, он полагал, что из всех «известных древних археологических культур бесспорно славянскими были пшеворская культура и очень близкая и синхронная ей культура заруби-нецкая» [157].

Исследование Ф.П.Филина основано исключительно на данных языкознания, поскольку возможности археологии в изучении этногенетических процессов им отрицались [158]. На основе праславянской лексики исследователь утверждал, что прародина славян находилась вдали от моря и гор, в лесной равнинной зоне, изобиловавшей болотами и озерами. Поскольку подобный ландшафт свойствен многим областям Европы, Ф.П.Филин для локализации ранних славян использовал ботаническую аргументацию Ю.Ростафинского, дополнив

ее дополнительными примерами. В итоге славянская территория около рубежа эр определялась между Западным Бугом и средним Днепром. Сказать, где размещалась прародина в более раннее время, заключает исследователь, на основе лингвистических данных не представляется возможным.

Этот вывод отстаивался Ф.П.Филиным и в последующих работах [159]. Он утверждал, что на основе лексических заимствований, ботанической и фаунистической терминологии можно определять область расселения славян в начале нашей эры. Это было Среднее Поднепровье с сопредельными с ним более западными землями.

Заслуживает внимания предлагаемая Ф.П.Филиным периодизация развития языка праславян [160]. Как и многие современные лингвисты, он отрицал гипотезу о существовании в древности балто-славянского языка, полагая, что предки балтов и предки славян находились в длительных контактах между собой, не сливаясь в единое целое в языковом отношении. Время сложения праславянского языка определялось исследователем I тыс. до н.э. В своей эволюции он прошел три крупных этапа.

Первый этап (до конца I тыс. до н.э.) — начальная стадия формирования основы славянской языковой системы. В это время язык славян только что начал развиваться самостоятельно, постепенно вырабатывая свою систему, отличную от других языков.

На следующем, среднем этапе (от конца I тыс. до н.э. до III—IV вв. н.э.) в праславянском языке происходят серьезные изменения в фонетике (палатализация согласных, устранение некоторых дифтонгов, изменения в сочетаниях согласных, отпадение согласных в конце слова), эволюционирует его грамматический строй, получает развитие диалектная дифференциация.

Поздний этап (V—VII вв. н.э.) совпадает с началом широкого расселения славян, что в конечном итоге привело к делению единого языка на отдельные славянские языки. Языковое единство славян в это время еще продолжало существовать, однако появились условия для зарождения в разных местах славянского ареала отдельных языковых групп.

Эта периодизация во многом соответствует основным этапам исторического развития ранних славян, восстанавливаемого ниже на основе новейших данных археологии, и к ней придется еще не раз возвращаться.

Небезынтересная гипотеза этногенеза протославян принадлежит Б.В.Горнунгу [161]. Он считал, что в конце IV и первой половине III тыс. до н.э. индоевропейцы разделились на две диалектные зоны — древнюю северо-западную и древнюю юго-восточную. Протославяне, то есть племена, из которых позднее произошли славяне, были в составе последней и соприкасались с предками анатолийцев, протохарами, будущими дако-мезийцами и фракийцами. Исследователь видел протославян этого времени среди населения среднего этапа трипольской культуры, проживавшего в междуречье Днестра и Днестра.

На рубеже III и II тыс. до н.э. в диалектном подразделении индоевропейцев произошли существенные изменения — протославяне втянулись в северо-западную зону, где началось их языковое сближение с протобалтами и протогерманцами. Вскоре протобалты с протохарами продвинулись в восточном направлении и вместе с протославянами образовали отдельную восточную ветвь северо-западной диалектной зоны. Протославяне этого времени обитали в междуречье верхней Вислы и Днестра (тишинская и комаровская культуры). К I тыс. до н.э. из этой диалектной группы индоевропейцев и сформировались славяне.

Вся схема исторического развития от протославян к славянам была построена на гипотетических языковых данных, материалы археологии служили лишь иллюстративным фоном.

Концепцию балто-славянского единства Б.В.Горнунг считал фикцией, полагая, что множество сходжений, выявляемых в славянском и балтском языках, обусловлено соседским взаимодействием этих этносов. При этом исследователь утверждал, что первоначально славяне контактировали только с предками пруссов, ятвягов и галиндов, составляя с ними общую этнолингвистичес-

кую сферу, и лишь впоследствии встретились с предками литовцев и латышей, образовав вторичную сообщность.

Мысль о среднеднепровском начале славян отстаивают и многие археологи. Так, А.И.Тереножкин, используя некоторые лингво-ботанические и гидронимические данные, содержащиеся в работах языковедов, видел праславян I тыс. до н.э. в сельскохозяйственно-скотоводческом населении, проживавшем в лесостепи между Днестром и Днестром и известном по памятникам белогрудовской, чернолесской и скифообразных культур [162].

Весьма своеобразно была изложена этническая история ранних славян украинским исследователем В.П.Петровым [163]. Он начинает ее с трипольской культуры, хотя и отмечает, что языковая принадлежность ее носителей остается неизвестной. Ссылаясь на труды В.В.Хвойки, исследователь полагает, что с трипольского времени вплоть до исторической эпохи на территории Украины наблюдается непрерывное развитие земледелия, и это дает основание считать трипольское население протославянским. В дальнейшем в Северном Причерноморье сменилось множество археологических культур, менялся и язык. В эпоху раннего железа здесь проживали скифы, которые, по В.П.Петрову, были не иранцами, а особой индоевропейской языковой группой. На зарубинецком этапе язык скифов-борисфенитов модернизировался в славянский, однако еще в черняховское время это был такой язык, который нельзя отождествлять с языком раннесредневековых славян.

Остается необъяснимым, почему история протославян и ранняя история славян ограничена территорией Украины. Непрерывное развитие земледельческой культуры прослеживается во многих регионах Средней и Восточной Европы. Приводимые В.П.Петровым лингвистические и исторические материалы не подтверждают нарисованной картины славянского этногенеза, не конкретизируют ее.

Согласно представлениям М.Гимбутас, славяне начали свою жизнь в ареале между

северными Карпатами и средним Днепром. В пользу этого, по ее мнению, говорит и распространение здесь славянской гидронимии, и флористическая и земледельческая лексика славян. Соседями их на севере были балты, на юго-востоке — иранцы, на юге — фракийцы, на юго-западе — иллирийцы, а на западе — германцы. Формирование славянского этноса было длительным процессом, и на основе археологии исследователь выделяет пять фаз начиная с культуры шнуровой керамики. Первые две относятся еще к индоевропейским протославянам. Только на третьем этапе, когда складывается белогрудовская культура (1200—750 гг. до н.э.), можно говорить о ранних славянах. Далее славянский этнос представлен последовательно чернолесской, скифскими лесостепными и зарубинецкой культурами. Черняховская культура была образованием, обусловленным готским владычеством, но значительную часть ее населения составляли славяне. Таким образом, вплоть до начала эпохи средневековья славяне проживали в лесостепной Украине и юго-восточной части Польши. Движение гуннов, болгар и авар нарушило их жизнь и вызвало широкую миграцию [164].

Проблема славянского этногенеза в археологическом аспекте интересовала немецкого ученого Й.Геррманна [165]. Согласно его представлениям, славяне сформировались главным образом в правобережной части Среднего Поднепровья. Их основу составляли племена тшинецкой культуры, а сложение славянского этноса отражает формирование на ее основе чернолесской культуры. Дальнейшая история славян, по мнению этого археолога, связана с зарубинецкой культурой и частично с черняховской и пшеворской. В позднеримское время славяне представлены добродзеньской, иголомльской, нижнесилезской и прешовской группами пшеворской культуры, а также рипневской группой черняховской. Из регионов распространения этих древностей на заре средневековья и началось широкое славянское расселение, результатом которого стало формирование новых славянских культур.

Славянство чернолесской культуры, не

говоря уже о предшествующих древностях, археологическими методами обосновать невозможно. В последнее время С.С.Березанской было показано, что по всем своим показателям чернолесские древности принадлежат к кругу родственных между собой фракийских культур и их формирование было обусловлено миграцией населения с юго-запада и запада из ареала фракийских племен [166]. Чернолесские племена были не первыми фракийцами в лесостепной зоне Днепровского правобережья. Еще в XV в. до н.э. при сложении комаровской культуры имела места миграция в этот регион фракийского населения, о чем свидетельствуют многие элементы этой культуры, сопоставимые с такими достоверно фракийскими культурами, как костышты и монтеору.

В последнее время украинские археологи, своими активными экспедиционными изысканиями заметно пополнившие источниковый фонд по проблеме славянского этногенеза, к ее решению подходят осторожно, начиная изложение истории славян с позднелатенского периода. Согласно представлениям В.Д.Барана, сложение ранне-средневековых славянских культур было результатом интеграции нескольких разных культур римского времени. Так, пражская культура сформировалась на основе черняховских древностей Верхнего Поднепровья и Западного Побужья при участии элементов пшеворской и киевской культур, пеньковская — в условиях соединения элементов киевской и отчасти черняховской и кочевнических культур, колочинская возникла при взаимодействии зарубинецких и киевских элементов с балтским массивом. В итоге утверждалось, что ведущая роль в становлении культурных группировок ранне-средневекового славянства принадлежала киевской культуре — наследнице зарубинецкой. Первоначально В.Д.Баран полагал, что в более западных областях Европы, в частности в междуречье Вислы и Одера, а также в Дунайском регионе, славяне расселились только в VI—VII вв. Позднее он допускал самостоятельное возникновение и развитие пражской культуры в регионе Вислы и Одера, не конкретизи-

руя решение этого вопроса [167].

Недавно концепция славянского этногенеза целостно была изложена этим исследователем совместно с археологами Д.Н.Козаком и Р.В.Терпиловским [168]. Изложение ранней истории славян начато с первых веков н.э., когда они стали известны античным авторам под именем венедов и заселяли земли, согласно представлениям этих исследователей, к востоку от Вислы. Археологически они были представлены поселениями и могильниками всей зарубинецкой культуры и пшеворскими региона Вольни. Дальнейший генезис славян связан с позднезарубинецкими и зубрицкими древностями, а через их посредство с киевской и частью черняховской культуры, на основе которых и сформировались достоверно славянские раннесредневековые культурные группировки.

Интересный обзор современного состояния изучения раннего славянского этногенеза сделан немецким археологом К.В.Штруве [169], который подразделяет начальную историю славян на два периода. На раннем этапе, полагает исследователь, славяне могут быть выявлены лишь гипотетично. По всей вероятности, это были невры Геродота, которых К.В.Штруве помещает вслед за некоторыми учеными в Северной Буковине. Выявленная здесь Ю.Удольфом славянская гидронимия, по его мнению, соответствует области расселения невров. Конкретная история славян может быть восстановлена начиная с первых веков н.э., когда их упоминают античные источники под именем венедов. Эти материалы, продолжает исследователь, свидетельствуют о проживании этого этноса восточнее Вислы, поэтому он склонен относить к нему зарубинецкую культуру и часть пшеворских древностей, локализуемых в верхних течениях Западного Буга и Днестра. Черняховская культура соответствует готской державе, разгромленной гуннами в 375 г. Среди ее носителей выявляются сарматы, даки, германцы; славянский этнический компонент дискусионен. Около 500 г. из междуречья Вислы и среднего Днепра началось широкое расселение славян, зафиксиро-

ванное историческими источниками и распространением пражской и пеньковской керамики.

Проблеме этногенеза славян много внимания уделил польский историк Г.Ловмянский в многотомном труде «Начало Польши» [170]. Он присоединяется к тем ученым, которые видят прародину индоевропейцев в черноморских, каспийских и казахстанских степях. Выделившаяся из среды индоевропейцев германо-балто-славянская общность первоначально расселилась на средней Волге и нижней Оке. Внутри этой общности более западные земли принадлежали предкам германцев, более восточные — предкам славян, а срединные — предкам балтов. Зафиксированное письменными источниками первых веков н.э. появление венедов на Висле — результат образования славян, выделившихся из названной общности. Заселяли венеды, по Г.Ловмянскому, области от Вислы до среднего Днепра, в то же время балтам и балто-славянам принадлежали пространства к северу от славян — бассейн Оки и более западные земли. Славяне были этнически смешанным образованием — они сформировались в условиях взаимодействия балто-славян с древнеевропейским (венетским) этносом.

Исключительно на материалах языкознания среднеднепровскую прародину славян пытаются обосновать ряд современных лингвистов. Так, болгарский ученый И.Дуриданов утверждает, что собственно славянская территория, где сформировался праславянский язык, должна быть ограничена бассейном р.Припять и смежными районами Юго-Восточной Польши [171].

Согласно этногенетическим представлениям американского ученого З.Голомба, в период между 3000/2500 и 1000 гг. до н.э. существовала промежуточная балто-славянская общность, которая гипотетически локализуется в бассейне верхнего Дона. Отсюда протославяне и протобалты постепенно продвигались в юго-западном направлении. Тесные связи протославян с прабалтами со временем ослабли, в результате на Киевщине и Вольни сформировались праславяне. Позднее они распространились до Вислы, в

то время как их движение на юго-восток было блокировано скифами. З.Голомб предполагает ранние языковые и культурные контакты между праславянами и позднеиндоевропейскими группами, в особенности с протоарийцами, чуть позже с иранцами и центральноевропейскими (итало-кельтскими) группами [172].

Американский славист Х.Бирнбаум в изучении прародины славян первостепенную роль отводит лингвистическим данным. Он весьма критически встретил этногенетические построения В.Маньчака, о которых будет сказано ниже и, придавая первостепенное значение балто-славянским и славяно-иранским языковым отношениям, отстаивает концепцию о «юго-восточной прародине» славян. Считая, что древние славяне длительное время жили по соседству с балтами и иранцами, исследователь локализует их в ранний период в «Понтийском регионе» между Карпатами и средним Днепром. Это, как полагает Х.Бирнбаум, не противоречит надежно установленным ранним славяно-германским языковым контактам [173].

Польская исследовательница А.Поповска-Таборска на лингвистических материалах пытается показать, что славянская прародина находилась в Среднеднепровско-Припятском регионе, и славяне здесь контактировали прежде всего с балтами на севере и с иранцами на юге [174].

Как видно из изложенного, очень многие исследователи — и лингвисты, и археологи — являются сторонниками локализации ранних славян в среднеднепровско-припятском или волинско-среднеднепровском регионе. Однако на этом основании никак нельзя утверждать, что эта точка зрения является наиболее аргументированной или наиболее авторитетной. Имеется немало фактических данных, которые не дают возможности согласиться с этим распространенным мнением.

Белорусский лингвист В.В.Мартынов исследовал древнейшее славяно-германское лексическое взаимопроникновение, относимое им к середине I тыс. до н.э. [175]. Это дало ему надежные основания для локали-

зации ранних славян в Висло-Одерском междуречье — по соседству с древнейшими германцами, надежно размещаемыми в низовьях Эльбы и Ютландии. Естественно, этногенетические построения В.В.Мартынова покоятся на анализе языковых фактов, но в отличие от многих лингвистов он широко пользуется и данными археологии, правда, исключительно в качестве иллюстративного материала. Исследователь считает, что предки славян в глубокой древности составляли часть прабалтского этноязыкового массива. Образование же протославян было результатом воздействия италийского суперстрата на западную часть прабалтских племен. Протославяне отождествляются В.В.Мартыновым с населением лужицкой культуры. Несколько позже в условиях взаимодействия протославян с массивом иранского населения, проникшим на территорию лужицкой культуры, что привело к ее финалу, сложились славяне. Это событие определяется исследователем V в. до н.э. С этого времени начинается история собственно славянского языка и этноса [176].

В конце 70-х гг. проблема происхождения и ранняя история славян была изложена мною [177]. Этногенетические выводы основаны были на материалах археологии и получены с помощью ретроспективного метода. Самой ранней славянской определяется культура подклешевых погребений V—II вв. до н.э., локализуемая в бассейне Вислы. На ее основе в конце II в. до н.э. складывается пшеворская культура, на становление и развитие которой оказала существенное влияние инфильтрация в славянский ареал кельтских и германских племен, чем и обусловлена ее большая неоднородность. На территории пшеворской культуры выделяется два региона, различающиеся деталями погребальной обрядности, керамическим материалом и вещевым инвентарем. Восточный или Висленский регион сформировался в большей степени на основе культуры подклешевых погребений и эволюционно связывается с ранне-средневековой пражской культурой. Здесь господствовало славянское население. В Одерском регионе значительную часть на-

селения составляли германцы, хотя и здесь было немало славян.

Черняховская культура была сложным полиэтническим формированием. Определенный вклад при ее становлении внесло местное скифо-сарматское население, а в западных частях и карпо-даки. Существенную роль при этом сыграло пшеворское население, продвинувшееся в эти земли, а также южные группы зарубинецких племен, которые и составили славянское ядро носителей черняховской культуры. Доминирующими славяне были в Подольско-Днепровском регионе этой культуры. Местное скифо-сарматское население здесь подверглось постепенной славизации, в результате чего в языке, культуре и верованиях этой группировки славян проявилось иранское влияние. Это были анты, известные по письменным источникам VI—VII вв. На основе антских древностей сформировалась пенковская культура раннего средневековья.

Последовательным сторонником западной прародины славян является лингвист Е.Налела [178]. Согласно его представлениям, индоевропейская общность локализуется в Европе, приблизительно на среднем Дунае. Вслед за отступлением ледника (около рубежа V и IV тыс. до н.э.) часть индоевропейцев продвинулась на север. Этот северный индоевропейский комплекс со временем распался на три части: протославянскую, протобалтскую и третью, оставившую гидронимы на -ара. Протобалто-славянский ареал ограничивается исследователем бассейном Эльбы на западе, берегом Балтийского моря на севере и горами Средней Европы на юге. Он полагает, что в этом регионе длительное время нерасчлененно или находясь в начальной стадии дифференциации проживали предки славян и балтов. Окончательное выделение славян произошло в бассейне среднего и верхнего течений Вислы и в несколько более западных землях, может быть, вплоть до Эльбы. Для обоснования этих тезисов Е.Налела вслед за Ю.Покорным приводит ряд предполагаемых славяно-кельтских параллелей, а также привлекает топонимические данные. Поднепровье, как надежно свидетель-

ствует гидронимика, было заселено племенами балтов и иранцев.

Локализацию славянской прародины в Висло-Одерском междуречье пытается аргументировать и польский лингвист В.Маньчак [179]. Он придает большое значение славяно-германским и славяно-балтским языковым взаимоотношениям и в этой связи утверждает, что становление славянского этноса протекало в регионе между германцами на западе и балтами на востоке.

Там же локализует ранних славян и болгарская исследовательница Ц.Романска [180]. Отмечая, что границы ареала древних славян на протяжении исторического развития претерпевали значительные изменения, она полагает, что вполне определенно можно говорить о месте проживания их только для начала нашей эры. Это были земли между Карпатами и Балтийским морем.

Польский археолог К.Годловский категорически отрицает возможность проживания славян в регионах провинциально-римских культур. В поисках истоков славян, считает этот исследователь, более важным является не типологические сопоставления археологических признаков, а уровень социально-экономического развития. Обращая внимание на простоту и бедность инвентарей раннесредневековых культур славянского населения, их заметную примитивность в сопоставлении с пшеворской и черняховской, неразвитость социально-экономической структуры этого населения, К.Годловский утверждает, что раннесредневековые славяне не могли быть наследниками провинциально-римских культурных образований. Славянские древности первой половины I тыс. н.э. в этой связи следует искать среди археологических культур, не затронутых римской цивилизацией, в лесной зоне Восточной Европы. Модель раннесредневековых славянских культур по уровню общественно-экономического развития близка населению Верхнего Поднепровья первой половины I тыс. н.э., представленному позднерубинецкими древностями и киевской культурой.

Пшеворскую и черняховскую культуры К.Годловский определяет как восточногер-

манские. И только в V в., когда германцы ушли из севернопричерноморских земель и Висло-Одерского междуречья, началась бурная миграция славян из Верхнего Поднепровья на опустевшие территории и далее на западе до Эльбы, а также в Подунавье и на Балканский полуостров. Восприняв элементы местных культур, славяне создали пражскую и пеньковскую культуры. Становление этих культур, по мнению польского археолога, соответствует формированию славянской этнической общности [181].

Этой концепции довольно близки этногенетические построения петербургских археологов Д.А.Мачинского и М.Б.Шукина. Последний, подчеркивая «структурные различия» между пшеворской и черняховской культурами (для них характерно распространение мисок), с одной стороны, и раннесредневековыми достоверно славянскими (свойственны в основном горшки), с другой, утверждает, что структурно однотипными с раннесредневековыми являются древности лесной зоны к востоку от бассейна Вислы и к северу от Киевщины. Этот регион, по М.Б.Шукину, сопоставим с ведами Тацита. Население сложившейся в первой половине I тыс. н.э. киевской культуры еще было балто-славянским. И только после гуннского нашествия складываются славяне, которые представлены тремя культурами — колочинской, в основе которой лежит киевская; пеньковской, сформировавшейся из киевских, черняховских и кочевнических элементов; и пражской, вероятно, на основе «белого полесского пятна», где археологических памятников II—IV вв. н.э. пока не найдено [182].

Д.А.Мачинский на основе собственной интерпретации свидетельств античных письменных памятников видит в венах античных авторов население лесной зоны Восточной Европы от среднего Понеманья на западе до верховьев Оки и Псла на востоке. Здесь жили славяне, балты и «балто-пра-славяне»; при этом славянам принадлежала культура штрихованной керамики раннего железного века, имеющая, по представлениям этого исследователя, «общий облик» с пражской культурой раннего средневековья.

В I в. н.э. славяне продвинулись в Припятское Полесье, где стали археологически трудноуловимыми: им принадлежала зона «археологической пустоты». В дальнейшем здесь формируется пражская культура, а по соседству на основе киевской — пеньковская [183].

Украинская исследовательница В.Т.Коломиец на основе географического и этимологического анализа некоторых общеславянских названий рыб локализует славянскую прародину на сравнительно небольшой территории — к северу от Припяти и к югу от Западной Двины, между Неманом и Березиной днепровской. Здесь около середины I тыс. до н.э. в условиях взаимодействия балто-славянских диалектов, носители которых пришли из Центральной Европы, с местным финно-угорским субстратом и начал формироваться праславянский язык [184].

Согласно представлениям польского лингвиста М.Рудницкого, прародина славян находилась на южном побережье Балтийского моря, между р.Преголь и западными пределами Мекленбурга [185].

Труды немецкого исследователя Ю.Удольфа безусловно представляют крупный вклад в изучение славянской гидронимии и, следовательно, древней истории славян [186]. Существенно и то, что славянские водные названия рассматриваются во взаимосвязи с проблематикой иллирийских, фракийских и дакийских гидронимов и топонимов. Однако возможности ономастики в изучении славянского этногенеза все же ограничены. Исходя из гидронимических данных, исследователь определяет место славянской прародины в северных предгорьях Карпат (от Татр на западе до Буковины на востоке), то есть в исторической Галиции. Время пребывания славян в этом регионе определяется Ю.Удольфом около 500 г. н.э. Весьма интересно реконструируются исследователем последующие миграции славян на восток к Днепру, вниз по течению Вислы и Одера, а также на юг через Карпатские горы.

Из археологов ближе других к положениям Ю.Удольфа находятся взгляды сло-

венского исследователя А.Плятерского [187]. Он, прежде всего, отмечает, что славяне, как и большинство других народов средневековой Европы, являются гомогенным этносом, сложившимся из разных этнических групп. Прародину славян А.Плятерский локализует в верхних течениях Днестра и Прута, где, по его представлениям, зародилась пражская культура раннего средневековья. Характеризуя более ранние археологические культуры — лужицкую, пшеворскую, зарубинецкую, черняховскую, липицкую, карпатских курганов и киевскую, — исследователь приводит разные мнения, существующие в литературе, относительно этнической принадлежности их носителей, и полагает, что среди населения названных культур были предки славян.

Чешский археолог З.Ваня также считает возможным начинать историю славян только с VI в. н.э. При этом он ссылается на мнения лингвистов, которые пишут о позднем становлении праславянского языка. В предшествующее время, по мнению этого исследователя, еще протекали процессы интеграции славян и их языка в балто-германо-славянской сфере. Формирование славянского этноса происходило на стыке трех археологических культур — восточной части пшеворской, северо-западной части черняховской и южной части зарубинецкой. Ни одну из этих культур нельзя признать славянской. Только по завершении интеграционного процесса, который соответствует финалу названных культур, и сложении раннесредневековых древностей можно определенно говорить о становлении славянского этноса с его самостоятельным языком [188].

Можно упомянуть еще мнение немецкого лингвиста В.П.Шмида, который на основании лексических и ономастических материалов полагает, что тот ареал, который обычно очерчивается исследователями как славянская прародина, является новой территорией, на которую будущие славяне пришли из региона, впоследствии заселенного балтами [189].

Огромный интерес представляют исследования по вопросам славянского этногенеза

О.Н.Трубачева, изложенные в серии статей и впоследствии обобщенные в монографии [190]. Они основываются на языковых, прежде всего на этимологических и ономастических, материалах, но затрагивают и элементы культуры. Исследователь отстаивает положение о формировании и древнейшем обитании индоевропейцев в Европе. Он утверждает, что праславянский язык образовался непосредственно из индоевропейского, минуя промежуточную балто-славянскую стадию, и относит этот процесс к III—II тыс. до н.э. Древнейшим регионом славян было среднее Подунавье. Здесь славяне имели контакты с праиталиками, а на востоке с иллирийцами. Некоторые языковые элементы указывают также на их связи с кельтами (рис. 11).

Широкая миграция кельтов в восточном направлении вынудила часть славян продвинуться к северу от Карпат, в результате ими было освоено Повисленье. Здесь славяне взаимодействовали с германцами. К этому же времени относится начало контактов славян с ираноязычным населением Северного Причерноморья и индоарийскими группами, входившими в состав Великой Скифии. Во второй половине I тыс. до н.э. устанавливаются тесные связи между славянами и балтами, что отразилось во многочисленных схождениях в области фонологии, грамматической структуры и словарном фонде.

На основании топонимических данных О.Н.Трубачев пытается показать, что Паннония была славянской землей с глубокой древности и оставалась таковой вплоть до прихода венгров. Иными словами, славяне произошли оттуда, откуда их ведут древние русские летописи.

О.Н.Трубачев обсуждает и некоторые методологические вопросы славянского этногенеза. Распространенное в науке понятие о древнем языковом единстве он считает фикцией. Языковые эволюции не обязательно представляли собой развитие от языкового единства к многообразию, они включали и конвергенционные процессы, то есть объединение и слияние прежде различных языков и диалектов. Исследователь

полагает, что праславянский язык уже на ранней стадии был диалектно дифференцированным.

Остановившись на методологической основе понятия прародины, О.Н.Трубачев утверждает, что это всего-навсего рабочий термин для обозначения древнейшего региона расселения того или иного этноса. Понятие прародины включает и концепцию завоевания чужих земель (военное освоение венграми среднедунайской прародины). Исследователь критикует идентификацию регионов «чистых» топонимов и гидронимов с древнейшим расселением этнических группировок. Северное Прикарпатье, где Ю.Удольф локализует славянскую прародину, он рассматривает как одну из областей расселения славян.

В работах О.Н.Трубачева содержится множество интересных замечаний и наблюдений, имеющих существенное значение для проблемы славянского этногенеза [191].

Проблема возникновения и становления этнического самосознания славян и отдельных славянских народов была обстоятельно рассмотрена в монографии, специально посвященной этой тематике [192]. В основе исследования лежат данные письменных памятников, поэтому хронологически работа касается в основном раннесредневековой истории славянства.

Краткое обозрение последних научных построений по славянскому этногенезу содержится в книге немецкого историка

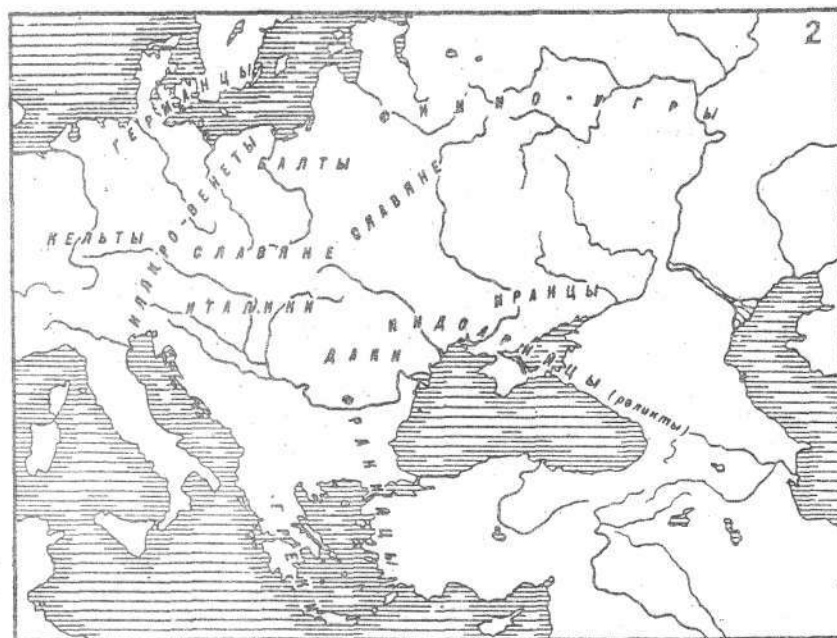
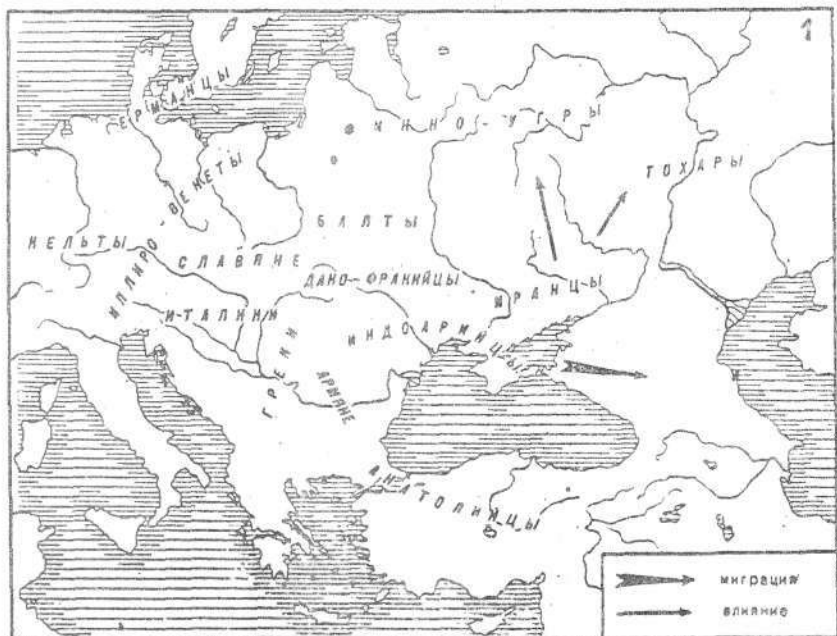

Рис. 11. Локализация славян в древности по О.Н.Трубачеву

1 — III тыс. до н.э.

2 — II тыс. до н.э.

Рис. 11 (продолжение)

- 3 — первая половина I тыс. до н.э.
 4 — вторая половина I тыс. до н.э.

К.Герке, посвященной ранней истории восточных славян [193].

В заключение можно отметить, что вопросы этногенеза, глоттогенеза и ранней истории славян находятся в сфере перво-степенных интересов Международных съездов славистов и конгрессов славянской археологии, в опубликованных материалах которых можно найти немало частных решений, догадок и наблюдений, не отраженных в настоящем исследовании [194].

Наконец, нельзя не упомянуть новую публикацию исторических сведений о ранних славянах, осуществленную группой славистов [195].

1. В научной литературе имеются и утверждения, что этноним *венеды* является древним именем славян (Gołab Z. Veneti/Venedi — the oldest name of the Slavs // The Journal of Indo-European Studies. 1975. № 3. S. 326—336).

2. Геродот упоминает племя енетов (Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972. С. 240, 241). Некоторые исследователи высказывали догадку, что *енеты* — искаженное имя венетов, и в этой связи отождествляли их со славянами. Однако из текста Геродота вполне очевидно, что речь здесь идет не о венедах Европейской Сарматии, а о венетах — народности, жившей в Северной Адриатике.
3. Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. 1. С. 25.

4. Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Л., 1969. Т. 1. С. 372, 373.
5. Клавдий Птолемей. Географическое руководство // Латышев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1893. Т. 1, Вып. 1. С. 231.
6. Die Peutingerische Tafel oder Weltkarte des Castorius, mit kurzer Erklärung, 18 Kartenskizzen der überlieferten römischen Reisewege aller Länder und der 4 Meter langer Karte in Facsimile neu hrsg. von K.Miller. Stuttgart, 1916.
7. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. Вступительная статья, перевод, комментарий Е.Ч.Скржинской. М., 1960. С. 219.
8. Lowmiański H. Początki Polski. Warszawa, 1964. Т. 1. S. 183; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 13.
9. Иордан. О происхождении и деяниях гетов...
10. Там же. С. 71, 72, 90.
11. Там же. С. 71.
12. Повесть временных лет. Ч. 1.М.; Л., 1950. С. 11.
13. Boguchwali. Chronica Polonica // Monumenta Poloniae Historica. Nov. ser. Kraków, 1952. Т. 2.
14. Magistri Vincentii episcopi cracoviensis Chronica Poloniarum sive originole regum et principum Poloniae // Monumenta Poloniae Historica. Kraków, 1952. Т. 2.
15. Fontes rerum Bohemicarum. Praha, 1884. D.III, C. 1.
16. Там же. Praha, 1893. D. V.
17. Johannis Dlugossii. Historiae Polonicae. Cracoviae, 1873.
18. Ravennatis Anonimi Cosmographia et Guidonis Geographica. Berolini, 1962.
19. Dubravius J. Historia regni Bohemiae. Praha, 1552.
20. Callimachi Vita Gregorii Sanoc (Wiszniewski) // Pomniki historyi i literatury Polski. Т. IV.
21. Cromer M. Polonia: sive de origine et rebus gestis Poloniarum. Basel, 1562.
22. Gwagnini A. Sarmatiae Europaeae discriptio. Cracoviae, 1578.
23. Рукопись Б.Ваповского не дошла до нас, ее содержание известно по пересказу М.Бельского: Monumenta Poloniae Historica. Kraków, 1952. Т. 2.
24. De origine generis et nominis polonici dialogus. 1580.
25. Strykowski M. Kronika polska, litewska, żmudzka, wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846.
26. Krantz A. Wandalia, in qui de Wandalorum populis et eorum partio solo ac in Italian, Galliam, Hispanias, Aphriam et Dalmatiam migratione etc. Colon, 1519.
27. Bielski M. Kronika wszystkiego swyata. Kraków, 1554; Monumenta Poloniae Historica. Kraków, 1952. Т. 2.
28. Bielski M. Kronika Polska. Kraków, 1607.
29. Cronica Polonorum. Т. 2.
30. Commentariorum de rebus, quae temporibus ejus in illa Europae parte, quam Pannonii et Turcae eorumque finitimi inclunt, gestae sunt, libri undecum. 1603.
31. Полное собрание русских летописей. СПб., 1908—1913. Т. 21. Ч. 1—2.
32. Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. С. 59.
33. Il regno degli Slavi, hoggi corrotamente detti Scлавeni, historia di don Mavro Orbini ravseo abbate melitense. Pesaro, MDCI. Новейшее издание: Мавро Орбини. Царството на славяните. 1601. Превод от италиански Б.Христов. София, 1983.
34. Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского, и их царей и владетелей под многими именами и со многими царствиями, королевствами и провинциями. Собрана из многих книг исторических через господина Мавроурбина, архиепископа Рагужского, в которой описуется початие и дела всех народов бывших языка славенского и единого отечества, хоте ныне во многих царствиях разсеялись, через многие войны, которые имели в Европе, во Азии и во Африке. Расширения их империи и древних обычаев, в разных временах, и познание веры Христа Спасителя под многими владетелями. Переведена со италианского на российский язык и напечатана повелением и во время счастливого владения Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского. 1722.
35. Schlözer A.-L. Allgemeine Welthistorie. XXXI. Allgemeine nordische Geschichte. Halle, 1771.
36. Шлецер Х.А. О происхождении словен вообще и в особенности словен российских. М., 1810.
37. Gatterer I.H. De Slavorum origine Getica sive Dacica. Gottingae, 1793.
38. Katančić P. Specimen philologiae et geographiae Pannoiarum. Zagrabiac, 1795.
39. Anton K.G. Geschichte der deutschen Nation. Leipzig, 1793. Teil I; Idem. Erste Linien eines Versuches über die alten Slaven. Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse. Bd. 1—2. Leipzig, 1783—1789.
40. Matyáš Jan ze Sudetů. De origine Bohemorum et Slavorum. Lipsiae, 1615.
41. Leibniz G.W. Brevis delineatio meditationum de originibus gentium ductis potissimum ex indicio linguarum. Berlin, 1710.
42. Dictionarium Septem diversarum linguarum. Praha, 1605.
43. Cluver F. Germaniae antiquae libri tres. 1631.
44. Jordan J.Chr. De originibus slavicus opus chronologico-geographico-historicum. Vindobonae, 1745.
45. Синопис или краткое собрание от разных летописцев о начале славяно-российского народа. Киев, 1674.
46. Ядро Российской империи. 1715.
47. Ломоносов М.В. Древняя Российская история. СПб., 1766.

48. Татищев В.Н. История российская. М.:Л., 1962. Т. 1.
49. Раич И. История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов сербов из тени забвения изытая и во свет исторический. Виенна, 1794. Ч. 1.
50. Allgemeines historisches Lexicon. Bd. 3-4. Leipzig, 1709. S. 602.
51. Jordan J.Ch. De originibus slavici... Vol. I. P. 130—140; Vol. II. P. 100—107, 191—216.
52. Stritters I.G. Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontum Euxinum, paludem Maeotidam, Caucasum, mare Caspium et inde magis ad septentriones incolentium ex scriptoribus historiae Byzantinae erutae et digestae. Vol. I—IV. Petropoli, 1771—1779; Штриттер И. Известия византийских историков, относящиеся истории России древнейших времен. Т. I—IV. СПб., 1770—1774.
53. Potocki I. Chroniques, mémoires et recherches pour servir à l'histoire de tous les peuples slaves. Warszawa, 1793; Idem. Voyage dans quelques parties de la Basse-Saxe pour la recherche des antiquités slaves ou Vendées fait en 1793. Hambourg, 1795; Idem. Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, Sarmatie et les Slaves recueillis et commentés par le comte J.Potocki. Brunswic, 1796.
54. Potocki I. Histoire primitive des peuples de la Russie avec une exposition complète de toutes les notions locales, nationales et traditionnelles, nécessaires à l'intelligence du quatrième livre d'Hérodote. St. Petersburg, 1802.
55. Zeuss K. Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837.
56. Dobrovsky J. Über die Bergräbniss der alten Slaven überhaupt und Boehmen ins besondere. 1786; Idem. Über den Ursprung und die Bildung des Slavischen Sprache. 1791.
57. Dobrovsky J. Geschichte der boehmischen Sprache und älteren Literatur. 1818.
58. Chodakowski Z.D. O Słowiańszczyźnie przed chrześcijaństwem // Ćwiczenia naukowe. Krzemieniec, 1818. T. 2.
59. Surowiecki W. Sledzenie początków narodów słowiańskich. Warszawa, 1824.
60. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 31—46.
61. Šafařík P. Slovanské starožitnosti. Praha, 1837; Шафарик П.И. Славянские древности. М., 1837. Т. 1.
62. Majewski W.S. O Słowianach i ich pobratymach. Warszawa, 1816; Rohusz-Siestrzeńcewicz. Recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclaves et des Slaves. St.Petersburg, 1812.
63. Bopp F. Vergleichende Grammatik des Sanskrit. Berlin, 1833.
64. Miklosich Fr. Vergleichende Grammatik des slavischen Sprachen. Vienna, 1852—1875. Bd. I—IV; Idem. Etimologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. 1886.
65. Schleicher A. Die deutsche Sprache. Berlin, 1860; Idem. Kurzer Abriss der Geschichte der slavischen Sprache. Leipzig, 1858; Шлейхер А. Краткий очерк доисторической жизни северо-восточного отдела индоевропейских языков. СПб., 1865.
66. Müller M. Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache. Bd. I. Leipzig, 1863. S. 176.
67. Lottner. Über die Stellung der Italer innerhalb des indoeuropäischen Stammes // Kuhns Zeitschrift. 1866. VII. S. 18-49, 160-193.
68. Будилович А. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян. Киев, 1878—1882. Ч. I—II.
69. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1988. Т. 1. С. 74—119.
70. Kaulfuss R.S. Die Slaven in den ältesten Zeiten bis Same. Berlin, 1842.
71. Bielowski A. Wstęp krytyczny do dziejów Polski. Lwów, 1850.
72. Lelewel J. Narody na ziemiach słowiańskich. Poznań, 1853; Contzen L. Die Wanderungen der Kelten. Leipzig, 1861.
73. Rački F. Nacit jugoslovenskich povjestij do IX stoljetia. 1857.
74. Zupan J. Etymologie der Namen der Flüsse in Kärnten // Carinthia. 1831. № 16.
75. Cuno I.-G. Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde. T. 1. Skythen. Berlin, 1871; Hellwald F. Die Ethnologie der Balkanländer. 1872; Tertenjak D. Slovanščina v romanščini. Celovcu, 1878; Sasunek F. Záhady deějepisné. Praha, 1886—1888.
76. Malte-Brun. Geographie universelle. T. VI—VII. Paris, 1859—1861.
77. Sakciński I.K. Pannonija rumska // Rad Jugoslovenski Akademi. XXIII. 1873.
78. Mannert K. Geographie der Griechen und Römer. Bd. III—IV. Leipzig, 1820.
79. Самоквасов Д.Я. История русского права. Варшава, 1888; Он же. О происхождении кладов римских монет в землях древних руссов и ляхов // Труды VIII Археологического съезда. М., 1897. Т. III.
80. Леопардов Н. О начале Славян-Руси со стороны историко-археологической. Киев, 1892.
81. Zaborowski M. Les Slaves de race et leurs origines // Bulletin et mémoires de la société d'anthropologie de Paris. 1900; Idem. Origine des slaves // Bulletin et mémoires de la société d'anthropologie de Paris. 1904; Idem. L'autochtonisme des slaves en Europe, ses premiers défenseurs // Revue de école d'anthropologie de Paris. 1905. T. 15.
82. Sembera A. Západní Slované v pravěku. Ve Vindí, 1868.
83. Kętrzyński W. O Słowianach mieszkających niegdys

- miedzy Rejnem a Labą, Sałą i granicą czeską. Kraków, 1899; Idem. Germania Welka i Sarmacja Nadwiślańska. Kraków, 1901.
84. Первольф И. Очерк истории славян до XVIII в. Варшава, 1886.
 85. Первольф И. Славянская взаимность с древнейших времен до XVIII в. СПб., 1874.
 86. Бодянский О.М. Славянские древности. Без года и места издания.
 87. Гильфердинг А. Древнейший период истории славян // Вестник Европы. 1868. № IV—V.
 88. Vocel J.E. Pravek zeme Česke. Praha, 1866-1868; Воцель Я.Э. Древнейшая бытовая история славян вообще и чехов в особенности. Киев, 1875.
 89. Некрасов А.А. Место первоначального обособления славян. Казань, 1879.
 90. Григорович В.И. Славянские древности. Варшава, 1882.
 91. Риттих А.Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование. Варшава, 1885.
 92. Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. Томск, 1894. Т. 1.
 93. Maretič T. Slaveni u davnini. Zagreb, 1889.
 94. Kollar J. Starožitelia slovjanská. Ve Vindi, 1853.
 95. Классен. Новые материалы для древнейшей истории славян. М., 1854.
 96. Чертков А.Д. О языке пелазгов, населявших Италию и сравнение его с древле-словенским. М., 1855.
 97. Obermüller. Urgeschichte der Wenden. Berlin, 1874; Rhamm K. Über den Ursprung der Slawen // Globus. 1897.
 98. Хойновский И.А. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси и опись древностей, собранных мною с объяснениями и XX таблицами рисунков. Киев, 1896.
 99. Wankel H. Beitrag zur Geschichte der Slawen in Europa. Olmütz, 1885.
 100. Pič J.L. Archaeologický výzkum ve středních Čechách podniknuty r. 1889—1890. Praha, 1893; Idem. Starožitnosti zeme česke. Praha, 1905. R. II; Idem. Die Urnengräber Böhmens. Leipzig, 1907.
 101. Boguslawski Ed. Historya Slowian. T. I—II. Kraków, Warszawa, 1888—1889.
 102. Boguslawski Ed. Einführung in die Geschichte der Slaven. Jena, 1904.
 103. Фаминцын А.С. Божества древних славян. СПб., 1884; Machal H. Entwurf einer slavischen Mythologie. Prag, 1891; М.К. О religii pogańskich Slowian. Lwów, 1894; Leger L. Études de mythologie slave. Paris, 1895.
 104. Niederle L. Slovanské starožitnosti. Praha, 1902—1919. D. I—III; Idem. Život starých slovanů. Praha, 1911—1925. D. I—III.
 105. Niederle L. Manuel de l'antiquité slave. Paris, 1923—1926. T. I—II; Idem. Rukověť slovanské archeologie. Praha, 1931; Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
 106. Szulek B. Pogled iz biljarstva u pravien slavenach // Rad Jugoslavskoj Akademii. 1877. XXXIX. S. 1—64.
 107. Rostafiński J. O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Slowian w przedhistorycznych czasach // Sprawozdania Akademii Umiejetności. Kraków, 1908. XII. S. 6—25.
 108. Brückner A. Zur Geschichte der Buchenbenennung // Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. 1913. XLVI. S. 193—197.
 109. Milewski T. Zarys językoznawstwa ogólnego. T. I—II. Lublin; Kraków, 1947—1948.
 110. Feisker J. Die älteren Beziehungen der Slaven zu Turkotataren und Germanen. Berlin; Stuttgart, 1905; Idem. The Expansion of the Slaws // Cambridge Medieval History. 1914. V. II.
 111. Погодин А.Л. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901.
 112. Погодин А.Л. Лекции по славянским древностям. Харьков, 1910.
 113. Rozwadowski J. Ze studjów nad nazwami rzek slowiańskich. Lwów, 1910; Idem. Kilka uwag do przedhistorycznych stosunków Europy wschodniej na podstawie nazw wód // Rocznik slawistyczny. 1914. VI; Idem. Studia nad nazwami wod slowjanskich. Kraków, 1948.
 114. Шахматов А.А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1899. СССXXII. С. 324—384; Он же. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Пг., 1916; Он же. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916; Он же. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.
 115. Schachmatov A.A. Zu ältesten slavisch-keltischen Beziehungen // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1912. Bd. XXXIII. S. 51—99.
 116. Бузук П.А. Взгляды академика Шахматова на доисторические судьбы славянства // Известия Отделения русского языка и словестности Академии наук. 1921. Т. XXII, кн. 2. С. 150-179; Ильинский Г.А. Проблема праславянской прародины в научном освещении А.А.Шахматова // Там же. 1922. Т. XXV. С. 419—436.
 117. Соболевский А.И. Русско-скифские этюды // Известия Отделения русского языка и словестности Академии наук. 1921. Т. XXVI. С. 1—44; Он же. Славяно-скифские этюды // Там же. 1922. Т. XXVII. С. 252—332.
 118. Погодин А.Л. Теория академика А.И.Соболевского о двояком происхождении славянского племени // Slavia. Praha, 1930—1931. Т. IX.

119. Kossinna G. Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchäologie. Würzburg, 1912.
120. Кроме вышеназванной книги можно указать: Kossinna G. Zur älteren Bronzezeit Mitteleuropas. Berlin, 1912; Idem. Die deutsche Vorgeschichte, eine hervorragend nationale Wissenschaft. Würzburg, 1913; Idem. Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit. Leipzig, 1927; Idem. Die Indogermanen. Berlin, 1932.
121. Vasmer M. Die Urheimat der Slawen // Der ostdeutsche Volksboden. Breslau, 1926. S. 118—143.
122. Kostrzewski J. Prastłowiańszczyzna // Biblioteka słowianska. Ser. I. Nr. 2. Warszawa, 1935; Idem. Prastłowiańszczyzna. Zarys dziejów i kultury Prastłowian. Poznań, 1946; Idem. Zagadnienie ciągłości zaludnienia ziem polskich w pradziejach. Poznań, 1961; Idem. Zur Frage der Siedlungsetätigkeit in der Urgeschichte Polens von der Mitte des II Jahrtausende v. u. Z. bis zum frühen Mittelalter. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965; Idem. Über den gegenwärtigen Stand der Erforschung der Ethnogenese der Slawen in archäologischer Sicht // Das Heidnische und Christliche Slaventum. Bd. I. Wiesbaden, 1969. S. 11—25.
123. Kozłowski L. Kultura lużycka a problem pochodzenia Słowian // Pamiętnik IV zjazdu historyków polskich. T. I. Lwów, 1925; Idem. Zarys pradziejów Polski południowo-wschodniej. Lwów, 1939.
124. Sulimirski T. Najstarsze dzieje narodu polskiego. Światowy związek Polaków z zagranicy. Londyn, 1945.
125. Jażdżewski K. Atlas do pradziejów słowian. T. I—II. Łódź, 1948—1949; Idem. Etnogeneza Słowian // Słownik starożytności Słowiańskich. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970. S. 301—305.
126. Czekanowski J. Wstęp do historii słowian. Lwów, 1927 (Wторое расширенное издание — Poznań, 1957).
127. Czekanowski J. Polska-Słowiańszczyzna. Perspektywy antropologiczne. (Biblioteka Wiedzy o Polsce. T. III). 1948. S. 98.
128. Filip J. Počátky slovanského osídlení v Československa. Praha, 1946; Idem. Pravéke Československo. Uvod do studia dějin pravéku. Praha, 1948.
129. Böhm J. Zaklady hallstattske periody v Cechach. Praha, 1937; Idem. Kronika objeveného veku. Praha, 1942; Idem. Původ slovanu ve světle nove česke literatury prehistorické // Časopis Matice Moravske. Roc. 68. Brno, 1948. S. 1—23; Néustupný J. O nejstarši slovanske kulturě v Čechach // Časopis Narodnoho musea. T. CXII. Praha, 1938.
130. Lehr-Splawinski T. O pochodzeniu i praojczyźnie słowian. Poznań, 1946; Idem. Prastłowianie. Kraków, 1946.
131. Lehr-Splawinski T. Szkic dziejów języka prastłowiańszczyńskiego // Studia filologii polskiej i sławiańskiej. T. 3. Warszawa, 1958. S. 243—265.
132. Tymieniecki K. Ziemia Polska w starożytności. Ludy i kultury najdawniejsze. Poznań, 1951.
133. Nosek S. Zagadnienie Prastłowiańszczyzny w świetle prehistorii // Światowit. T. XX. Warszawa, 1948. S. 1—175; Gardawski A. Tribes of the Trzciniec Culture in Poland // Materiały starożytne. T. 5. Warszawa, 1959. S. 7—189.
134. Antoniewicz W. Archeologia Polski. Warszawa, 1928; Idem. Problem rozkładu wspólnoty pierwotnej na ziemiach Polski // Pierwsza sesja archeologiczna IHKM. Warszawa; Wrocław, 1957.
135. Moszyński K. Badania nad pochodzeniem i pierwotną kulturą słowian. Kraków, 1925.
136. Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prastłowiańskiego. Wrocław; Kraków, 1957.
137. Ułaszyn H. Praojczyzna słowian. Łódź, 1959.
138. Friemann J. Polesie nie mogło być praojczyzną Słowian // Przegląd archeologiczny. T. XIII. Wrocław, 1961. S. 108—122.
139. Романски Ст. Славянская прародина // Българска историческа библиотека. Т. 2. София, 1929. С. 64—79; Он же. Прародина и разселяне на славяните // През вековете. София, 1938. N 1. С. 1—32.
140. Леков Ив. Праславянските наименования на растения (Към въпроса за славянската прародина) // Български преглед. София, 1931. N 4. С. 473—526; Он же. Насоки в развоє на фонологичните системи на славянските езици. София, 1960; Он же. Характер на дискуссионните въпроси в сравнителната граматика на славянските язици. София, 1963.
141. Šimek E. Veiká Germanie Klaudia Ptolemaia. Brno; Praha, 1930—1953.
142. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 63—67; Он же. Образование народностей и их языков // Вестник Ленинградского университета. 1947. N 1.
143. Державин Н.С. Славяне в древности. М., 1945.
144. Артамонов М.И. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси // КСИИМК. Вып. VI. 1940. С. 3—14.
145. Удальцов А.Д. Основные вопросы этногенеза славян // Советская этиография. Сборник статей. Т. VI—VII. М.; Л., 1947. С. 3—13; Он же. Происхождение славян // Вопросы истории. 1947. № 9. С. 95—100.
146. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М.; Л., 1948.
147. Артамонов М.И. Происхождение славян. Л., 1950.
148. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М., 1953.
149. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.; Л., 1966. С. 190—220; Он же. У истоков древнерусской народности. Л., 1970; Он же. По следам древних славянских племен. Л., 1982.
150. Мишудин А.В. Древние славяне в отрывках гре-

- ко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. // Вестник древней истории. 1941. № 1. С. 230—280; Pleza M. Najstarsze świadectwa o słowianach. Poznań, 1943; Idem. Greckie i łacińskie źródła do najstarszych dziejów słowian. T. I. Poznań; Kraków, 1952; Византийски извори за историју народа Југославије. Т. I. Београд, 1955; Латински извори за българската история. Т. I. София, 1953; Гръцки извори за българската история. Т. I—III. София, 1954—1960.
151. Hensel W. Pochodzenie Słowian // WA. XX, z. 3. 1954. S. 211—220; Idem. Pochad słowjanów // Letopis instituta za serbski ludospyt. Rjad B. Budysin, 1956. S. 144—155.
152. Hensel W. L'ethnogenese des slaves // Slavia Antiqua. T. 18. 1971. P. 29—47; Idem. From Studies on the Ethnogenesis of Slavs // Ethnologia Slavica. T. 7. Bratislava, 1975. P. 35—48; Idem. Skąd przyszli Słowianie. Wrocław, 1984; Idem. Etnogeneza Słowian // Mały słownik kultury dawnych słowian. Warszawa, 1990. S. 433—444.
153. Рыбаков Б.А. Исторические судьбы праславян // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. М., 1978. С. 182—196; Он же. Геродотова Скифия. М., 1979. С. 195—238; Он же. Язычество древних славян. М., 1981. С. 214—230; Он же. Киевская Русь и русские княжества. М., 1982. С. 12—46.
154. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян... С. 221.
155. Eisner J. Počátku Slovanů // Sbornik prací k počtu 75 narozi akad. V. Vojtiska. Praha, 1958. S. 149—156; Idem. Rukověť slovanské archeologie. Praha, 1966. S. 21—86.
156. Shimizu M. Początki Słowian // Archeology in the World. T. II. Tokyo, 1961. S. 205—225.
157. Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961
158. Филли Ф.П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962
159. Филли Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972; Он же. О происхождении праславянского языка и восточнославянских языков // Вопросы языкознания. 1980. № 4. С. 36—50.
160. Филли Ф.П. Образование языка... С. 99—110
161. Горнунг Б.В. Из предистории образования общеславянского языкового единства. М., 1963
162. Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961
163. Петров В.П. Етногенез слов'ян. Джерела, етапи розвитку і проблематика. Київ, 1972.
164. Gimbutas M. The Slavs. London, 1971.
165. Herrmann J. Wanderungen und Landnahme im westslawischen Gebiet // Settimane di studio del Centro italiano die studi sull'alto medicevo. Spoleto, 1983. S. 75—101; Die Welt der Slawen. Geschichte, Gesellschaft, Kultur. Leipzig; Jena; Berlin, 1986. S. 11—18.
166. Березанская С.С. Об этнической принадлежности чернолесской культуры // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. С. 12—18.
167. Баран В.Д. Славяне в середине I тысячелетия н.э. // Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978. С. 5—37; Он же. К вопросу об истоках славянской культуры раннего средневековья // Acta archaeologica Carpathica. T. 21. Kraków, 1981. С. 67—88; Он же. Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983. С. 5—48; Он же. Формування слов'янських старожитностей раннього середньовіччя за новими археологічними даними // IX Міжнародний з'їзд славистів: Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів. Доповіді. Київ, 1983. С. 167—179; Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тысячелетии н.э. Киев, 1985.
168. Баран В.Д., Козак Д.Н., Терпиловский Р.В. Происхождения слов'ян. Київ, 1991.
169. Struve K.W. Die Ethnogenese der Slawen aus der Sicht der Vor- und Frühgeschichte // Ethnogenese europäischer Völker. Aus der Sicht der Anthropologie und Vor- und Frühgeschichte. Stuttgart; New York, 1986. S. 297—321.
170. Łowmianski H. Początki Polski z dziejów słowian w I tysiąclecie n.e. T. I. Warszawa, 1964.
171. Дуриданов И. Географската лексика славян // Славистични изследвания. Сборник посветен на V Международен славистичен конгрес. София, 1963.
172. Gołąb Z. Stratyfikacja słownictwa prastowiańskiego a zagadnienie etnogenezy Słowian // Rocznik Sławistyczny. T. XXXVIII. 1977. S. 15—30; Idem. The Ethnogenesis of the Slavs in the Light of Linguistics // American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. I: Linguistics. Columbus, 1983. P. 131—146; Idem. Etnogeneza słowian w świetle językoznawstwa // Studia nad etnogenezą słowian i kulturą Europy wczesnośredniowiecznej. T. I. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1987. S. 71—80.
173. Birnbaum H. The Original Homeland of the Slavs and the Problem of Early Slavic. Linguistic Contacts // The Journal of Indo-European Studies. 1973. N 1. P. 407—421; Idem. Weitere Überlegungen zur Frage nach der Urheimat der Slawen // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. XLVI. 1986. S. 19—45; Idem. Die Karpaten als Faktor in der Entstehung, Entwicklung und Verbreitung des Slavischen // Sprach- und Kulturkontakte im Polnischen. München, 1987. S. 185—200; Idem. Zur Problematik der Urslavischen // Croatica — Slavica — Indoeuropaea. Wien, 1990. S. 21—27.
174. Popowska-Taborska H. Wczesne dzieje Słowian w

- światle ich języka. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1991.
175. Мартынов В.В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963; Он же. О надежности примеров славяно-германского лексического взаимопроникновения // Типология и взаимодействие славянских и германских языков. Минск, 1969. С. 100—113.
176. Мартынов В.В. Становление праславянского языка по данным славяно-иноязычных контактов. Минск, 1982; Он же. Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян. М., 1983.
177. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
178. Nalepa J. Słowianszczyzna północno-zachodnia. Lund, 1967; Idem. Słowianszczyzna północno-zachodnia. Podstawy jedności i jej rozpad. Poznań, 1968; Idem. Miejsce uformowania się Prastowiańszczyzny // Slavica Lundensia. T. I. 1973. S. 55—114.
179. Mańczak W. Praojczyzna Słowian. Wrocław, 1981.
180. Романска Ц. Славянские народы. София, 1969.
181. Godłowski K. Z badań nad zagadnieniem rozprzeźnienia słowian w V—VII w. n.e. Kraków, 1979; Idem. Die Frage der slawischen Einwanderung ins ostliche Mitteleuropa // Studien zur Völkerwanderungszeit im östlichen Mitteleuropa. Marburg, 1980. S. 416—447; Idem. Zur Frage der Slawensitze vor der grossen Slawenwanderung // Gli Slavi occidentali e meridionali nell'alto medioevo. T. I. Spoleto, 1983. S. 257—284.
182. Щукин М.Б. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян: Перспективы третьего пути // АСГЭ. Вып. 28. 1987. С. 103—109; Он же. Семь миров древней Европы и проблема славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 56—62.
183. Mačinskij D.A. Die älteste zuverlässige urkundliche Erwähnung der Slawen und der Versuch, sie mit den archäologischen Daten zu vergleichen // Etnologia Slavica. T. 6. Bratislava, 1974. S. 51—70; Мачинский Д.А. К вопросу о территории обитания славян в I—VI вв. // АСГЭ. Вып. 17. 1976. С. 82—100; Он же. Миграция славян в I тысячелетии н.э. По письменным источникам с привлечением данных археологии // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 31—52. О невозможности отождествления носителей культуры штрихованной керамики с ранними славянами см.: Егорейченко А.А. Племена культуры штрихованной керамики и славянский мир // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. С. 61—66.
184. Коломиец В.Т. Происхождение общеславянских названий рыб. Киев, 1983.
185. Rudnicki M. Prastowiańszczyzna — Lechia — Polska. Cz. 1—2. Poznań, 1959—1961; Idem. O prae-
- kolebce Słowian // Z polskich studiów slawistycznych. Seria 4. Językoznawstwo. Prace na VII Międzynarodowy Kongres slawistów w Warszawie 1973. Warszawa, 1972. S. 321—331.
186. Udolph J. Studien zu den slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Ein Beitrag zur Frage nach der Urheimat der Slaven (=Beiträge zur Namenforschung. N.F. Beiheft 17). Heidelberg, 1979.
187. Pleterski A. Etnogeneza Slovanov, Obrisi trenutnega stanja arheoloških raziskov. Ljubljana, 1990.
188. Váňa Z. Poznámky k etnogenezi a diferenciaci Slovanů z hlediska poznatků archeologie a jazykovědy // Památky archeologické. R. 71. Praha, 1980. S. 225—237; Idem. Der Ursprung der Slawen im Lichte der Sprachwissenschaft und Archäologie // Anthropologie. T. 19. Fasc. 2. Praha, 1981. S. 161—164.
189. Schmid W.P. Urheimat und Ausbreitung des Slaven // Zeitschrift für Ostforschung. Bd. 28. 1979. S. 405—415.
190. Трубочев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991.
191. В научной литературе последних десятилетий мнение о становлении славянского этноса в Среднем Подунавье встречается редко (Truhović V. Južne kulture i narodi prema lužičkoj kulturi Praslavenima i Slovenima // I Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej. T. I. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. S. 255—289; Зоговик С. Краток преглед на этногенезата на Словените од првите вести за нив па сè до денес // Сборник посветен на Бошко Бабиќ. Прилеп, 1986. С. 91—96).
192. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1987.
193. Goehrke C. Frühzeit des Ostslaventums. Darmstadt, 1992. S. 48—102.
194. I Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej. T. I—VI. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968; Berichte über den II. Internationalen Kongress für Slawische Archäologie. Bd. I—III. Berlin, 1970—1973; Rapports du III-e Congrès International d'Archeologie Slavs. T. 1—2. Bratislava, 1979—1980; Труды V Международного Конгресса славянской археологии. Т. I и III. М., 1987; Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. Т. 2 и 4. Киев, 1988; Славянская археология. 1990. Этногенез, расселение и духовная культура славян. М., 1993.
195. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I—VI вв.). М., 1991.

Этнологенезология СЛАВЯН

(возможности различных наук
в изучении проблемы происхождения
и древнейшей истории славян)

Проблема становления славян и их начальной истории, впрочем, как и этногенеза других европейских этносов, может быть разрешена только комплексно на основе материалов нескольких научных дисциплин, и прежде всего языкознания, археологии, антропологии, ономастики, этнологии и фольклористики. Любая из этих наук в отдельности не располагает достаточными данными для освещения этногенеза и этнической истории славян в целом.

Встает вопрос, что понимать под комплексным подходом к славянскому этногенезу, как использовать материалы и результаты различных наук, порой достаточно противоречивых в освещении историко-культурных вопросов глубокой древности. К сожалению, сотрудничество разных наук в изучении этногенеза нередко понимается ошибочно. Так, например, некоторые исследователи полагают, что если многие лингвисты локализируют ранних славян где-то в Поднепровье, то археологи вслед за ними могут искать славянскую прародину в том же регионе и причислять к славянам

какую-либо местную археологическую культуру. В результате у одних исследователей рождается мысль о славянстве носителей чернолесской культуры эпохи бронзы, другие склонны относить к ранним славянам предшествующие по времени комаровскую или сосницкую культуру, третьи видят славян в племенах милоградской культуры, четвертые отождествляют со славянами население лесостепной Скифии и т.п. Наоборот, археологи, работающие над древностями более западных регионов Европы, ссылаясь на мнения другой группы лингвистов, гипотетически размещают древних славян в Висло-Одерском регионе, рассматривают в качестве славянских местные культуры эпохи бронзы и раннего железного века. Довольно распространенное в научной литературе определение этнической принадлежности той или иной археологической культуры на том основании, что ее ареал в той или иной мере соответствует распространению раннеславянской топонимии, нельзя признать правомерным. Равным образом некорректен случайный вы-

бор лингвистами археологических культур для историко-языковых построений.

Такой подход к изучению славянского этногенеза, в том числе к определению прародины славян, является неверным в методическом отношении. Это не есть комплексное решение этногенетических проблем. Совместное исследование этногенетической проблематики представителями разных наук возможно только при условии, что выводы каждой отрасли науки покоятся на собственных материалах, а не навеяны данными смежной науки.

Очевидно, первым этапом комплексного изучения проблемы происхождения и ранней истории славян нужно считать независимые изыскания отдельно в области лингвистики, археологии, топонимики, антропологии и этнологии. Каждой из этих наук свойственны собственные методы исследования, перед каждой из них могут быть поставлены вполне определенные задачи, ограниченные источниковой базой.

Трудности возникают на втором этапе исследования этногенеза, когда результаты, полученные разными науками, необходимо сопоставить, соответствующим образом проанализировать и синтезировать. Здесь многое зависит от подготовленности исследователя к оценке и пониманию результатов, полученных смежными науками, от его умения осмыслить не только те выводы смежных наук, которые в той или иной мере совпадают, но и наблюдения, которые противоречивы в силу ряда обстоятельств. Синтез наук — не простое сложение их выводов, не выборка соответствий результатов разных наук, а более сложный процесс. У каждой из наук свой предмет, свои методы. Необходимо выработать методы сопоставлений выводов, полученных на материалах смежных наук, проникнуть в закономерности соответствий и несоответствий. Все противоречивые показания нуждаются в объективном анализе и ни в коем случае не могут быть молчаливо отброшены. Согласно В. Гензелю, этот второй этап этногенетических изысканий составляет особую интердисциплинарную науку — *этногенезологию*, требующую специальной подготовки [1].

К исследованиям по истории и этногенезу раннего славянства, в которых сделана попытка синтезирования результатов различных наук, принадлежат прежде всего труды П.И. Шафарика, Л. Нидерле и Т. Лер-Сплавинского, отражающие соответственно состояния науки первой половины XIX в., первых десятилетий XX в. и середины его.

Прежде чем перейти к изложению этногенеза и древней истории славян на основе синтеза наук, представляется целесообразным проанализировать состояние и возможности каждой из наук, изучающих вопросы славянского этногенеза.

Языкознание и этногенез славян

Средствами языкознания изучается прежде всего глоттогенез, являющийся одной из существенных составных частей этногенетического процесса. Язык — одна из основных стабильных особенностей всякого этноса.

Лингвистика свидетельствует, что славянские языки принадлежат к индоевропейской языковой семье, куда входят также балтские, германские, италийские, кельтские, греческий, армянский, индоиранские, албанский, а также распространенные в древности фракийские, иллирийские, венецианский, анатолийские и тохарские языки.

На первом этапе развития индоевропейистики исследователи полагали, что образование отдельных языков было результатом простой эволюции диалектов праиндоевропейского языка вследствие отрыва или изоляции носителей этих диалектов от основной массы, а также в результате ассимиляции иноязычных племен. Дифференциация индоевропейцев представлялась как генеалогическое дерево с единым стволом и отходящими от него ветвями. О некоторых схемах распада индоевропейской общности,

Рис. 12. Хронологическая схема образования индоевропейских языков Г.Трегера и Х.Смита

характеризующих степени близости отдельных языковых групп между собой, речь шла выше в историографическом разделе.

В настоящее время такие представления не соответствуют реалиям современной науки. О.Н.Трубачев в этой связи отмечает, что образ генеалогического древа с единым стволом и отходящими от него ветвями не отражает всей сложности процесса дифференциации индоевропейцев, этот процесс лучше изображать в виде «более или менее близких параллельных стволов, идущих от самой почвы, то есть наподобие куста, а не дерева», но и этот образ «не вполне удовлетворителен, поскольку недостаточно выражает то, что придает индоевропейскому характер целого» [2].

Первый период распада индоевропейской общности связан с отделением анатолийских и индоиранских языков. Древнейшие письменные памятники хеттского языка восходят к XVIII в. до н.э. и свидетельствуют о том, что этот язык представлял уже вполне обособленный индоевропейский язык, содержащий немалое число новообразований. Это предполагает продолжительный период развития. Носители хетто-лувийской группы индоевропейцев фиксируются в Малой Азии ассирийскими текстами конца III тыс. до н.э. Следовательно,

начало членения индоевропейской общности нужно отнести ко времени не ранее первой половины III тыс. до н.э., а возможно, и к более раннему периоду.

В переднеазиатских текстах первой половины II тыс. до н.э. засвидетельствованы следы индоиранского языка, уже отделившегося от индоевропейской общности. В хеттских памятниках письменности середины II тыс. до н.э. упоминается несколько индийских слов. Это дает основание утверждать, что и индоиранский язык начал развиваться как самостоятельный по крайней мере уже в III тыс. до н.э., а праиндоевропейскую общность отнести к V—IV тыс. до н.э. Материалы языкознания свидетельствуют, что в относительно раннее время образовались также армянский, греческий и фракийский языки. Зато языки племен Средней Европы оформились в самостоятельные сравнительно поздно. Учитывая эти наблюдения, американские лингвисты Г.Трегер и Х.Смит предложили [3] следующую хронологическую схему образования индоевропейских языков (рис. 12).

Вопрос о прародине индоевропейцев обсуждается в лингвистической литературе давно и пока не решен. Эту территорию разные исследователи локализуют как в различных регионах Европы (от Рейна до

Дона, в черноморско-прикаспийских степях, в центральных областях Европы, в Балкано-Дунайском ареале и других), так и в Азии (Месопотамия, Армянское нагорье, Индия и другие). В новейшем фундаментальном исследовании, посвященном языку, культуре и прародине индоевропейцев, Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванов попытались обосновать локализацию древнейшей территории этой общности в регионе Армянского нагорья [4]. Праиндоевропейский язык рассматривается в контексте с другими ностратическими языками; датировка его перед распадом определяется IV тыс. до н.э. На основе суммы языковых фактов исследователи реконструировали пути расселения различных индоевропейских групп. Выделение древнеевропейских диалектов, ставших основой для становления в дальнейшем кельто-италийских, иллирийского, германского, балтского и славянского языков, связывается с миграцией индоевропейского населения через среднеазиатские земли в области Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья (рис. 13). Как полагают Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванов, это движение индоевропейских племен осуществлялось в виде повторных миграционных волн. Вновь пришедшие племена присоединялись к уже осевшим на этой территории. В результате в причерноморско-нижневолжских землях образовался ареал, где в течение III тыс. до н.э., по-видимому, окончательно оформилась древнеевропейская общность. Дальнейшая история древнеевропейских диалектов связана с миграцией их носителей в западноевропейские области.

Гипотеза о древнеевропейской языковой общности как промежуточной стадии, объединившей предков западноевропейских исторических народов, впервые отчетливо была сформулирована немецким лингвистом Г.Краэ [5]. Многолетние лингвистические изыскания привели его к выводу о том, что в то время, когда анатолийские, индоиранские, армянский и греческий языки уже отделились от остальных индоевропейских и развивались как самостоятельные, полностью оформившиеся языки, италийский, кельтский, германский, славянский, балтс-

кий и иллирийский еще не существовали. Эти западноевропейские языки были еще близки между собой и составляли достаточно однородную общность диалектов, в разной степени связанных друг с другом и находящихся в постоянных контактах. Эта этноязыковая общность, согласно Г.Краэ, существовала в Центральной Европе во II тыс. до н.э. и названа исследователем древнеевропейской. Из нее позднее вышли кельты, италики, иллирийцы, венеты, германцы, балты и славяне. Древнеевропейцы выработали общую терминологию в области сельского хозяйства, социальных отношений и религии. Следы их расселения являются древнеевропейские гидронимы, выделенные и охарактеризованные Г.Краэ. Они распространены на широкой территории от Южной Скандинавии на севере до материковой Италии на юге и от Британских островов на западе до Юго-Восточной Прибалтики на востоке [6]. Среднеевропейские области севернее Альп, по представлениям этого исследователя, были наиболее древним ареалом.

Гипотеза Г.Краэ получила широкое признание и находит подтверждение в ряде новых научных фактов, но вместе с тем имеется немало ученых, не разделяющих ее.

Независимо от принятия или отрицания положения о древнеевропейской этноязыковой общности остается несомненным, что праславянский язык, как и некоторые другие западноевропейские языки, принадлежит к числу относительно молодых. Его становление как самостоятельного индоевропейского языка произошло не ранее I тыс. до н.э., на что давно обратили внимание лингвисты. Уже Л.Нидерле со ссылкой на лингвистические работы писал, что сложные праславянского языка относится к I тыс. до н.э. М.Фасмер и финский славист П.Арумаа определяли образование праславянского языка временем около 400 г. до н.э., Т.Лер-Сплавинский — серединой I тыс. до н.э. Ф.П.Филин писал, что начало праславянского языка не может быть установлено с достаточной точностью, но «мы можем быть уверены в том, что праславянский язык в I тысячелетии н.э. и в века, непосред-

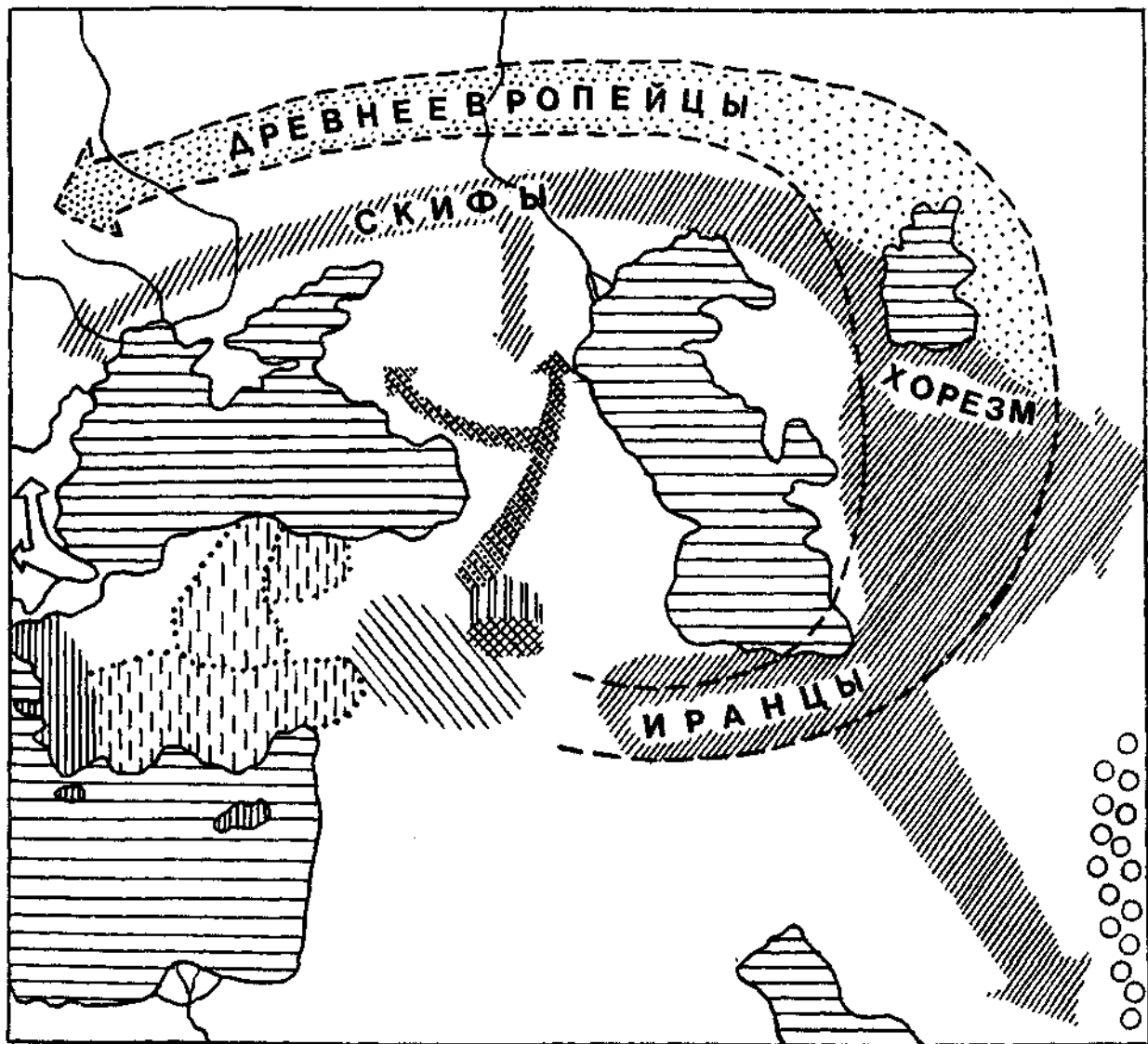

Рис. 13. Расселение древнеевропейцев по Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванову

а — предполагаемая первоначальная территория индоевропейского праязыка; б — миграция древнеевропейцев; в — области расселения иранцев и направления их миграций; г — митаннийский арийский диалект; д — возможные пути индоарийцев через Кавказ; е — протоармянский ареал; ж — догреческий (Аххияво) ареал; з — анатолийские (хеттский, лувийский и палайский) языки; и — направления поздних переселений дорийских племен; к — индоарийцы

ственно предшествующие нашей эре, несомненно существовал» [7].

Чешский лингвист А.Эрхарт определяет начало славянского языка временем около 700 г. до н.э., когда, по его представлениям, начинаются интенсивные контакты с архаическими иранскими диалектами скифов. Балто-славянская общность, существовавшая до этого, распадается, и в балтском ареале происходит консервация праиндоевропейского языка. Период от 700 г. до н.э. до 300 г. н.э. исследователь именует предславянским, а праславянский, то есть тот язык, который зафиксирован раннесредневековыми материалами, датируется 300—1000 гг. н.э. [8].

Временем около 500—400 гг. до н.э. (а возможно, в пределах 700—200 гг. до н.э.) определяет выделение раннего праславянского языка из позднеиндоевропейского (или балто-славянского) другой чешский ученый А.Лампрехт [9]. С.Б.Бернштейн считает возможным начинать праславянский период с III—II вв. до н.э. [10].

Некоторые лингвисты склонны определять начало самостоятельного развития праславянского языка более поздним временем. Так, американский славист Г.Бирнбаум считает, что подлинно славянское языковое развитие началось лишь незадолго до нашей эры [11]. З.Штибер начало праславянского языка датирует первыми столетиями нашей эры, отводя праславянскому периоду шесть-семь столетий [12], а Г.Лант — даже серединой I тыс. н.э. (время мобильного общеславянского), полагая, что реконструкция первого этапа языкового развития славян весьма проблематична [13].

Впрочем, в лингвистической литературе имеются мнения и о весьма раннем выделении праславянского языка. Так, болгарский ученый В.Георгиев, аргументируя свою позицию данными внешней реконструкции (славяно-хеттские, славяно-тохарские и иные параллели), считал возможным относить начало зарождения славянского языка к середине II тыс. до н.э. Правда, исследователь отмечал, что первое тысячелетие его истории было еще «балто-славянским состоянием» [14]. Еще к более глубокой древ-

ности относил начальные этапы славянского языка Г.Шевелов, дифференцируя их на две части: первый период мутации и становления (2000—1500 гг. до н.э.) и первый период стабилизации (1500—600 гг. до н.э.) [15]. Ориентировочно около 1000 г. до н.э. определяет возникновение языка праславян из промежуточной балто-славянской общности З.Голомб [16]. С очень раннего времени (III—II тыс. до н.э.) начинает историю языка славян и О.Н.Трубачев [17]. Однако, по всей вероятности, это были еще не славяне, а их языковые предки — носители индоевропейских (или древнеевропейских) диалектов, из которых со временем эволюционировали славяне.

Становление славянского языка — постепенный процесс эволюции диалектов древнеевропейского (или позднеиндоевропейского) языка в собственно славянский, поэтому любое утверждение об обособлении языка праславян с точностью до столетия на основе языковых данных невозможно. Можно полагать только, что во второй половине I тыс. до н.э. славянский язык уже развивался как обособленный.

Языковые материалы свидетельствуют, что сформировавшийся праславянский язык развивался довольно неравномерно; на смену спокойному развитию приходили периоды бурных изменений, мутаций, что в какой-то степени обусловлено степенью взаимодействия славян с соседними этноязыковыми группами. Периодизация праславянского языка — существенный момент в изучении проблемы этногенеза славян. Однако единого мнения по этому вопросу в науке нет.

Н.Ван Вейк и С.Б.Бернштейн подразделяли историю праславянского языка на два периода — до и после утраты закрытых слогов [18]. Три этапа в эволюции языка праславян (протославянский; ранний, когда еще отсутствовало диалектное членение; период диалектной дифференциации) видел Н.С.Трубецкой [19]. В.Георгиев «развитый» праславянский язык разделял также на три периода — ранний, средний и поздний, который датировался временем от IV—V до IX—X вв. [20]. Согласно А.Лампрехту, праславянский язык прошел также три этапа —

ранний, когда он фонологически был еще близок к балтскому; «классический», датируемый 400—800 гг. н.э.; поздний, определяемый 800—1000 гг. н.э. [21].

Наиболее простая и в то же время исчерпывающая периодизация праславянского языка предложена Ф.П.Филиным [22]. Он выделяет три основных этапа в его развитии.

Первый этап (до конца I тыс. до н.э.) — начальная стадия формирования основ славянской языковой системы. В это время славянский язык только что начал развиваться самостоятельно и постепенно вырабатывал свою систему, отличную от других индоевропейских языковых систем.

Следующий, средний этап развития праславянского языка определяется временем от конца I тыс. до н.э. по III—V вв. н.э. В этот период происходят существенные изменения в фонетике языка славян (палатализация согласных, устранение некоторых дифтонгов, изменения в сочетаниях согласных, отпадение согласных в конце слова), эволюционирует его грамматический строй. В это время получает развитие диалектная дифференциация славянского языка.

Поздний этап эволюции праславянского языка (V—VII вв. н.э.) совпадает с началом широкого расселения славян, что привело в конечном итоге к разделению единого языка на отдельные славянские языки. Языковое единство еще продолжало существовать, но появились условия для зарождения в разных регионах славянского расселения отдельных языковых групп.

Славянский лексический материал — исключительно важный источник истории, культуры и этногенеза славян. Еще в первой половине XIX в. лингвисты пытались на основе лексики определить прародину славян. Привлекалась в основном ботаническая и зоологическая терминология, но однозначного ответа получено не было. Фаунистические и флористические зоны на протяжении исторического развития сравнительно быстро претерпевали изменения, и учесть это пока не представляется возможным. Кроме того, этот лексический материал не может учитывать славянских

передвижений и процессов приспособления старой терминологии к новым условиям, ведь значения старых терминов при этом менялись.

В настоящее время можно утверждать, что использование ботанической и зоологической лексики для конкретной локализации праславянского региона ненадежно. Изменения географических зон в исторические периоды, миграции населения, переселения животных и растений, эпохальные перемены значений флористической и фаунистической лексики делают любые этногенетические выводы, основанные на этой терминологии, малоубедительными.

Из зоотерминологии для определения прародины славян существенны, пожалуй, только названия проходных рыб — лосося и угря. Поскольку эти лексемы восходят к праславянскому языку, то следует допустить, что славянский регион древнейшей поры находился в пределах обитания этих рыб, то есть в бассейнах рек, впадающих в Балтийское море. Однако эти данные используются и сторонниками Висло-Одерской локализации ранних славян, и лингвистами, локализующими область становления славян в Среднем Поднепровье (с охватом части бассейна Западного Буга), и исследователями, отстаивающими прикарпатскую прародину славян (Ю.Удольф).

Сравнительно-историческим языкознанием установлено, что в то время, когда праславянский язык выделялся из индоевропейского и развивался как самостоятельный, славяне имели языковые контакты с балтами, германцами, иранцами и некоторыми другими европейскими этносами. Сравнительно-историческое языкознание позволяет определить место праславянского языка среди других индоевропейских языков и описать структуру их взаимоотношений. Исследователи пытались выяснить степени родства или близости между различными индоевропейскими языками. В результате были предложены несколько схем, две из которых приведены в историографическом разделе.

Однако новейшие изыскания показывают, что картина языкового взаимодействия

славян с другими этноязыковыми группами не была постоянной, это был динамичный процесс, неодинаково протекавший в в разные периоды и в разных регионах. Контакты между славянами и соседними этносами были на протяжении столетий весьма разнохарактерными, они то усиливались, то ослабевали, то прерывались на какое-то время. На определенных этапах славяне в большей степени взаимодействовали то с одним этносом, то с другим.

Установлено, что славянский язык наиболее близок к балтским. Это породило гипотезу о существовании в древности единого балто-славянского языка, в результате распада которого и образовались самостоятельные славянский и балтский языки. Эта проблема обсуждается в лингвистической литературе много десятилетий. Высказано несколько различных точек зрения, объясняющих близость славянских и балтских языков. Мнения исследователей расходятся от признания полного единства между ними в древности (то есть, существования балто-славянского языка) до различных предположений о параллельном обособленном развитии этих языков при тесном контактировании. Дискуссия по проблеме балто-славянских отношениях, развернувшаяся в связи с IV Международным съездом славистов и продолжающаяся поныне, показала, что ряд существенных черт, общих балтскому и славянскому языкам, могут быть объяснены длительными соседскими контактами славян с балтами. Так, С.Б.Бернштейн попытался объяснить многие балто-славянские сходства не как результат генетической близости, а как следствие ранней конвергенции между доисторическими балтами и славянами и симбиоза между ними на сопредельных территориях [23]. Позднее эту мысль развил литовский лингвист С.Каралюнас [24].

Какое-либо балто-славянское единство категорически отрицал в своих работах А.Сенн. Он полагал, что во II тыс. до н.э. существовала отдельная общность, говорившая на позднем праиндоевропейском языке, в составе которой были протославяне, протобалты и протогерманцы. Ее распад

определялся исследователем временем между 1000 и 500 гг. до н.э., при этом балты оказались оттесненными к северу от припятьских болот и какое-то время были в абсолютной изоляции. Первые контакты со славянами начались на юго-западе накануне нашей эры в результате миграции балтов на запад. С восточными же балтами славяне встретились только в VI в. н.э. в процессе своего широкого расселения в восточно-европейских землях [25].

Х.Майер также утверждал, что праславянский язык развился непосредственно из одного из позднеиндоевропейских диалектов. Отрицая существование балто-славянского языка, он объяснял сходство между балтским и славянским языками (подчеркивая при этом наличие и глубоких различий между ними, в частности, в области вокализма) консервативной природой этих двух языковых групп [26].

Отрицая мысль о существовании в древности балто-славянской языковой общности, О.Н.Трубачев подчеркивает присутствие глубоких различий балтского и славянского языков. В этой связи исследователь утверждает, что на раннем этапе эти этносы развивались независимо, на разных, не соприкасающихся между собой территориях и лишь после миграций произошло сближение славян с балтами, что должно быть отнесено к последним столетиям до н.э. [27].

Вместе с тем, группа ученых, в том числе такие крупные лингвисты, как В.Георгиев, Вяч.Вс.Иванов, В.Н.Топоров, Г.Бирнбаум, продолжают развивать мысль о существовании в древности балто-славянской языковой общности.

В лингвистической литературе бытует теория о преобразовании праславянского языка из периферийных диалектов балтского языкового состояния [28]. В последнее время эту мысль последовательно развивает В.Мажюлис [29]. Ранее Т.Лер-Сплавинский полагал, что славяне были частью западных балтов, на которую наслонились венеты [30]. Наоборот, Б.В.Горнунг высказывал догадку, что западные балты отпочковались от «протославян» [31].

В изучении проблемы балто-славянских

языковых отношений весьма существенно то, что многие балто-славянские изоглоссы не охватывают все балтские языки. На основе данных балтской диалектологии исследователи датируют распад прабалтского языка временем около середины I тыс. до н.э. Согласно В.Мажюлису, он дифференцировался на центральный и периферийные диалектные ареалы, которые начали независимое развитие. В результате образовались отдельные группы балтов — западная, восточная (или центральная) и днепровская. Празападнобалтский язык стал основой прусского, ятвяжского и куршского языков раннего средневековья. На основе восточной группы позднее сформировались литовский и латышский языки [32].

Данные языкознания вполне определенно говорят, что славяне длительное время находились в тесном общении только с западной группой балтов. «Нет сомнений в том, что балто-славянская сообщество, — подчеркивал в этой связи С.Б.Бернштейн, — охватывала прежде всего праславянский, прусский и ятвяжский языки [33]. В.Мажюлис также отмечал, что в древнее время из всех письменно засвидетельствованных балтских языков непосредственные контакты с праславянским имел лишь прусский язык [34]. Это очень важное наблюдение надежно свидетельствует о том, что ранние славяне жили где-то по соседству западнобалтскими племенами и в стороне от области расселения предков летто-литовцев. Встреча славян с последними произошла не ранее середины I тыс. н.э., когда имело место широкое славянское расселение на просторах Русской равнины.

Для изучения истории ранних славян существенны также славяно-иранские языковые связи. Собранные к настоящему времени языковые данные говорят о значительности славяно-иранских лексических схождения и об иранском воздействии на славянскую фонетику и грамматику [35]. Время господства иранских (скифо-сарматских) племен в Юго-Восточной Европе и территория их расселения засвидетельствованы письменными источниками и надежно установлены археологией и топоними-

кой. Недифференцированное рассмотрение славяно-иранских связей дает основание считать славян постоянными соседями скифо-сарматских племен. Это обстоятельство стало одним из важнейших аргументов для локализации славянской прародины в Среднем Поднепровье и на Волыни.

Однако выявленные славяно-иранские языковые схождения при суммарном рассмотрении не дают каких-либо оснований для утверждения, что в течение всей многовековой истории контакты славян со скифо-сарматами были одинаковыми и не прерывались. Поэтому одной из первостепенных задач в области изучения славяно-иранских языковых связей является их временная периодизация. При этом сразу же из анализа следует исключить те лексические схождения, которые восходят к эпохе контактов диалектов праиндоевропейского языка. Э.Бенвенисте считал, что при рассмотрении иранизмов в славянской лексике следует различать три ряда: 1) совместно унаследованные индоевропейские термины; 2) прямые заимствования; 3) семантические кальки [36]. Х.Д.Поль, анализируя иранские лексемы в русском языке, выделял три слоя: 1) заимствования в течение праславянского периода; 2) термины, воспринятые в послеобшеславянское время; 3) слова, заимствованные в период развития русского языка [37].

Абсолютное большинство иранских лексических заимствований в славянских языках являются локальными. Они охватывают не весь славянский мир, а либо только восточнославянские языки (иногда даже части их), либо только южнославянские или западнославянские языки. Вполне понятно, что такие лексические проникновения не отражают древнейшие славяно-иранские контакты, а принадлежат уже к относительно позднему периоду — ко времени расширения славянской территории и членению праславянского языка на диалекты, а отчасти и ко времени зарождения основ отдельных славянских языков.

Обшеславянские лексические заимствования из иранских единичны. Таковы *bogъ* — 'бог', *kotъ* — 'загон, небольшой хлев', *gun'a* —

‘шерстяная одежда’ и *toporъ* — ‘топор’. Некоторые исследователи добавляют к ним: *tyль* — ‘забор’, *хузь/хузь* — ‘дом’. Все эти иранизмы (кроме первого) принадлежат к культурным терминам, обычно самостоятельно передвигающимися из языка в язык, независимо от миграций и соседства самого населения. Так, иранское *kata* достигло Скандинавии, а *tapara* — западнофинского ареала. Высказано предположение об иранском происхождении и некоторых других славянских слов [38], но их происхождение следует относить не к раннему этапу славяно-иранских контактов.

Фонетические (изменение взрывного *g* в заднеязычный фрикативный *h*) и грамматические (выражение совершенного вида глаголов с помощью превербов, появление генетива-аккузатива, беспредложный локатив-дательный) воздействия иранцев также не охватывают всех славян, а носят отчетливо региональный характер [39]. Некоторые исследователи (В.Пизани, Ф.П.Филин) высказывали предположение, что переход согласного *s* в *sh* после *i, u, r, k* в праславянском языке является результатом влияния иранских языков [40]. Несостоятельность этого была показана А.А.Зализняком [41].

Вклад скифо-сарматского населения в славянскую этнонимную и теонимную также в основном не может быть отнесен к древнейшей поре. Иранское начало таких славянских божеств, как *Хорс*, *Дажбог*, *Сварог* и *Симаргл*, представляется неоспоримым. Однако они известны далеко не во всем раннесредневековом славянском мире. Ничто не мешает отнести их появление в славянской среде к эпохе славяно-иранского симбиоза, имевшего место, как будет показано ниже, в первой половине I тыс. н.э. С этим периодом, по всей вероятности, связаны и этнонимы славян иранского происхождения (*хорваты*, *сербы*, *анты* и др.). В эпоху славянского расселения в раннем средневековье из Северного Причерноморья они были занесены по более широкой территории.

Иранское влияние на славян коснулось и антропонимии, но опять-таки связывать это явление с древнейшей порой нет никаких оснований.

Исследователи по-разному оценивают иранское влияние на славян. Одни придают славяно-иранским контактам первостепенное значение и полагают, что их начало относится к древнейшей поре (З.Голомб, Г.Бирнбаум и другие). Вторая группа исследователей (В.Манчак и другие) утверждает, что на ранних стадиях развития праславянского языка они были весьма второстепенными.

Материалы, которыми располагает к настоящему времени лингвистика, дают основания полагать, что на первом этапе истории праславян иранское население не оказало на них заметного воздействия. Это отмечал, в частности, финский лингвист В.Кипарский. Анализируя иранизмы, выявляемые в восточнославянских языках, он подчеркивал, что они не восходят к ранней фазе [42]. Только на следующем этапе, датировать который на основе языковых данных невозможно, какая-то значительная часть славян находилась в самом тесном контакте со скифо-сарматским населением Юго-Восточной Европы; возможно, имел место славяно-иранский симбиоз. Контакты с иранскими племенами здесь продолжались до раннего средневековья включительно. Однако дифференцировать их на временные этапы пока не представляется возможным.

Безусловный интерес представляет открытие О.Н.Трубачевым серии региональных лексических иранизмов в части западнославянских языков [43]. Однако предполагать в этой связи, что далекие предки поляков в скифское время занимали восточную часть славянского ареала, преждевременно. Ирано-польские лексические связи, по-видимому, являются результатом инфильтрации иранского населения в сарматскую эпоху [44].

О.Н.Трубачевым собраны языковые свидетельства о проживании на части территории Северного Причерноморья наряду с иранским индоарийского этнического компонента. В этой связи этот исследователь говорит о возможности славяно-индоарийских контактов, имевших место в древности [45].

В связи с рассмотрением проблемы сла-

вяно-иранских контактов небезынтересно обратить внимание на следующее обстоятельство. Локализуя ранних славян в Среднем Поднепровье, исследователи полагали, что славяне разграничивали скифо-сарматское и балтское население. Однако теперь надежно установлено, что балты на юге непосредственно соседнили с иранским населением, и между ними имели место тесные взаимоотношения. Это зафиксировано десятками балтских лексических заимствований из иранского, совместными новообразованиями и свидетельствами гидронимии. «В итоге, — замечает в этой связи О.Н.Трубачев, — мы уже сейчас представляем себе балто-иранские лексические отношения как довольно значительный и плодотворный эпизод в истории обеих языковых групп» [46].

Где-то на юго-западе своего ареала балты соприкасались с фракийским населением. Параллели в балтских и фракийских языках, говорящие о непосредственных балто-фракийских контактах в древности, неоднократно отмечались лингвистами. На правобережной Украине выявлен и пласт гидронимов фракийского облика, территориально соприкасающийся с ареалом древних балтских водных названий [47].

Учитывая все эти наблюдения, следует полагать, что на раннем этапе развития праславянского языка славяне соседнили с западной группой балтов и какое-то время были отделены от североиранских племен фракийцами. На следующем этапе фракийский клин был разорван, и юго-восточная часть славян вступила в тесное взаимодействие с ираноязычными племенами Северного Причерноморья.

Теоретически можно допустить, что южными или юго-восточными соседями славян на каком-то этапе были фракийцы. Однако праславяно-фракийские языковые контакты не поддаются изучению: «...выделить фракийские слова в праславянском, — писал в этой связи С.Б.Бернштейн, — не представляется возможным, так как наши сведения о фракийской лексике смутны и неопределенны. Нет вполне надежных и фонетических критериев для того, чтобы отделить общеиндоевропейское от заим-

ствованного» [48]. Выявляемые В.Георгиевым и некоторыми другими исследователями фракизмы принадлежат к числу узкорегionalных. Они связаны с Балканским ареалом и, очевидно, принадлежат к периоду славянского освоения этих земель.

Большое значение для изучения ранней истории славян имеют славяно-германские языковые отношения. Эта проблема в лингвистике разрабатывается давно. Значительный вклад при этом внесен В.Кипарским [49]. Используя результаты предшествующих изысканий, он выделил и охарактеризовал несколько слоев общеславянских заимствований из германских языков: древнейший, относимый еще к прагерманскому периоду; заимствования, свидетельствующие о контактах славян с германцами с III в. до н.э. (то есть после первого германского передвижения согласных); серия слов, попавшая в праславянский язык из готского; слою, отражающие балканско-германские связи славян и контакты с западногерманскими диалектами.

Древнейший период славяно-германского лексического взаимопроникновения, относимый к середине I тыс. до н.э., был объектом анализа В.В.Мартынова [50]. Лексические материалы поделены им на два раздела: 1) заимствования из прагерманского в праславянский; 2) лексемы, проникшие из праславянского в прагерманский. Исследователь использовал эти данные для обоснования гипотезы о Висло-Одерской прародине славян. Действительно, рассмотренные В.В.Мартыновым материалы свидетельствуют о том, что славяне на раннем этапе своей истории проживали по соседству с древним германским миром. В пользу этого говорят не только лексические, но и иные языковые данные [51]. Германские заимствования в праславянском языке, их временные различия и истоки происхождения анализировались также Г.Бирнбаумом и В.Манчаком [52].

Таким образом, компаративистика, являя бесспорный пласт древних праславяно-прагерманских языковых связей, свидетельствует о соседском развитии этих этносов. Самую раннюю славянскую террито-

рию в этой связи следует локализовать где-то по соседству с прагерманским ареалом. Время ранних славяно-германских контактов нужно определять первой половиной или серединой I тыс. до н.э. (до первого передвижения согласных в германском). В дальнейшей истории славяне, как можно судить из анализа славяно-германских языковых отношений, довольно тесно контактировали с восточногерманскими племенами (готами и другими), встречались с западными германцами, а на позднем этапе эволюции праславянского языка имели связи с германским населением Балканского полуострова.

Весьма трудной является проблема славяно-кельтских языковых отношений. «Славянам в течение длительного времени, — писал в этой связи С.Б.Бернштейн, — приходилось тесно общаться с различными кельтскими племенами, населявшими современную Чехословакию, некоторые районы Южной Польши и соседние области. Это были южные и юго-западные соседи славян в течение нескольких столетий (последние века до н.э. и первые века н.э.). От кельтов славяне познакомились с новыми приемами обработки металлов, кузнечным делом, гончарным кругом, стекольным производством и многим другим...» [53].

Однако при исследованиях кельтского влияния на праславянскую речь возникают трудности, так как от кельтских языков Средней Европы не осталось никаких следов, а сохранившиеся западнокельтские диалекты существенно отличны от них. К праславянским лексическим заимствованиям из кельтских языков в настоящее время исследователи относят несколько десятков терминов [54].

Т.Лер-Сплавинский пытался объяснить возникновение мазурения в польском языке кельтским воздействием [55]. Однако это предположение не встретило поддержки со стороны других исследователей.

Весьма существенными представляются наблюдения О.Н.Трубачева относительно этнонимии древней Европы, еще не охваченной государственными образованиями [56]. Оказалось, что тип раннего славянско-

го этнонима ближе всего стоит к иллирийской, кельтской и фракийской этнонимии. Поскольку рассматриваемые О.Н.Трубачевым этнонимы являются порождением уже обособленных этнолингвистических групп индоевропейцев, то близость этнонимии может быть объяснена только контактными связями славян с кельтами, фракийцами и иллирийцами.

Большие надежды в дальнейших этногенетических изысканиях можно возлагать на акцентологию. Немалый фактологический материал был собран исследователями первой половины XX в. Тогда же и в середине этого столетия предпринимались попытки его обобщения и фонологической интерпретации некоторых акцентологических процессов праславянского языка (Н.Ван Вейк, Е.Курилович, Х.Станг и другие). В последние годы весьма значительных результатов достигла группа славистов под руководством В.А.Дыбо [57]. Предложена полная реконструкция праславянской акцентной системы, и на этой фактологической основе создана схема праславянского диалектного членения (выделено 4 группы диалектов, в настоящее время весьма разбросанных по разным регионам славянского мира). Исследователи пытаются сопоставить выделенные акцентологические группы с поздним периодом истории праславян и археологическими ареалами раннего средневековья.

Эти изыскания дают все основания полагать, что широкая миграция славян в начале средневековой поры сопровождалась значительными перегруппировками носителей праславянских диалектов, что вполне соответствует и археологическим материалам. Первоначальные ареалы праславянских диалектов пока по данным акцентологии определить не представляется возможным.

Сказанным, пожалуй, исчерпывается все, что может дать современная лингвистика для освещения проблемы происхождения и древней истории славян. Данные языкознания позволяют восстановить процесс глоттогенеза и через его посредство решать отдельные вопросы славянского этногенеза. Вместе с тем, очевидно, что хотя язык и

является наиболее надежным признаком этнической единицы, многие детали этногенетического процесса лингвистика самостоятельно разрешить не в состоянии. Языковым материалам очень часто недостает пространственной, хронологической и конкретно-исторической определенности. Привлечение на помощь лингвистике данных археологии, этнологии и других дисциплин, способных осветить неясные стороны славянского этногенеза, — насущная необходимость современной науки.

Роль топонимики в изучении этногенеза славян

Топонимика представляет собой особые разделы языкознания, истории и географии. История каждого этноса в большей или меньшей степени проявляется в топонимии, и исследователи очень давно в изысканиях о древнем славянстве обратились к этому виду источников. Географические названия развивались исторически; их происхождение самым тесным образом связано с языками и диалектами племен и народов, населявших в древности и занимавших в последнее время те или иные местности. Научный анализ топонимии позволяет локализовать этноязыковые следы, сохраненные в географической номенклатуре, определить регионы расселения и миграций различных этнических групп. Топонимы хранят ценную информацию о былых эпохах, миграциях и смещениях племен и народов. Топонимические данные приобретают функции этноопределяющих признаков, дают возможности определять древние ареалы различных этнических групп и в ряде случаев способствуют характеристике их экономики, культуры и среды обитания. Топонимы в той или иной степени связаны с такими темами, как земледелие, ремесла,

рыбная ловля и лесные промыслы. Картографическая обработка материалов топонимики представляет исключительный интерес для лингвистики, истории, археологии и антропологии.

Попытки привлечь топонимические материалы для определения прародины славян, реконструкции их ранней истории и миграционных процессов предпринимались многими исследователями. Топонимика прошла длительный путь развития. Многие из того, что было высказано исследователями в прошлом столетии, ныне представляет в основном чисто историографический интерес. Некоторые ученые относят прошлые топонимические мнения даже к области донаучной ономастики. Действительно, современная топонимика с ее методами сбора, систематизации и анализа географических названий заметно отличается от старых изысканий, покоившихся главным образом на выборочном этимологизировании топонимов. Но и она часто встречает непреодолимые трудности в освещении многих вопросов славянского этногенеза.

Из всех географических названий для этноисторических изысканий наиболее надежными и полезными ввиду их архаичности являются гидронимы. Они сложились в древности, в основном до возникновения большинства названий населенных пунктов. Они в большей степени отражают особенности природной среды и в меньшей степени были подвержены изменениям при сменах этносов.

Длительное время в науке было распространено представление, что область древнейшего обитания славян должны быть земли с «чисто» славянскими водными названиями или территория наибольшей их концентрации.

Поисками регионов концентрации славянских водных названий или областей с «чисто» славянскими гидронимами занимались многие исследователи и приходили к весьма противоречивым результатам.

Это была явно ошибочная предпосылка. Европа в древности пережила многочисленные миграции, поэтому топонимические карты ее отдельных регионов (за исключе-

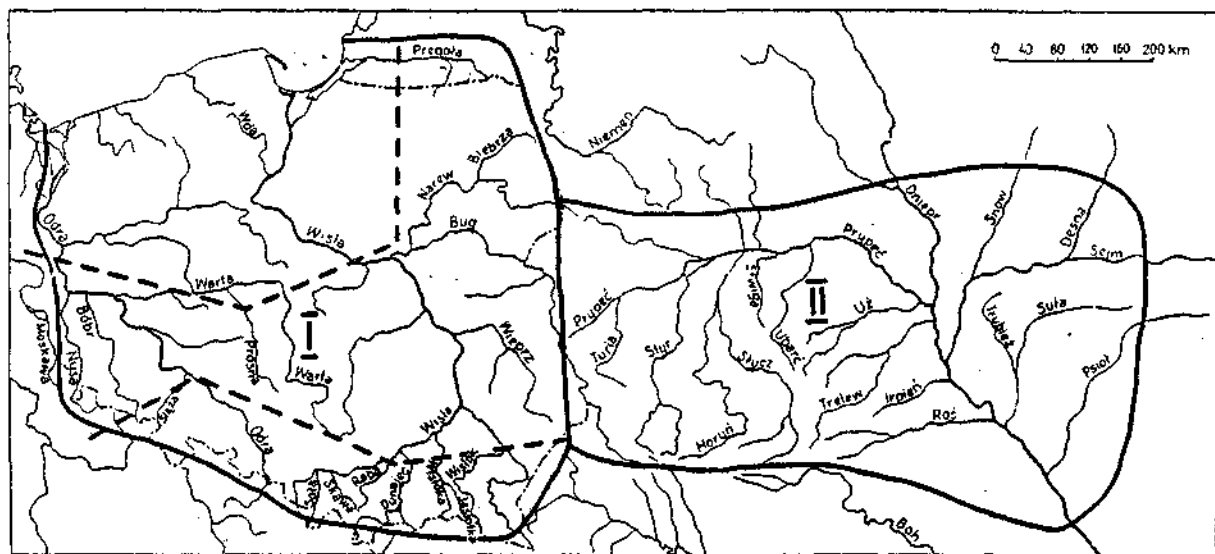

Рис. 14. Праславянские гидронимы и членение ареала праславян на две зоны по С.Роспонду

нием, может быть, северо-восточных окраин) выглядят довольно пестро. Оказывается, что области сосредоточения гидронимии определенной языковой принадлежности обычно являются показателями миграции соответствующих этнических групп. «Чистота» славянских названий вод вовсе не говорит о древности заселения славянами этого региона, последние обычны часты для территории бесспорно позднего расселения.

Для изучения этногенеза и расселения славян первостепенным является разработка стратиграфии славянской гидронимии. Вполне очевидно, что чем древнее славянские водные названия, тем более раннюю территорию славянства они обрисовывают. Если бы ученым удалось среди славянских гидронимов вычлениить надежный праславянский пласт и дифференцировать его на несколько хронологических горизонтов соответственно этапам эволюции праславянского языка, то картография отдельных горизонтов дала бы основания для определения территорий расселения ранних славян на разных стадиях их истории.

Пока праславянская гидронимия не под-

дается стратиграфическому членению. Попытка всеобъемлющего описания славянской топонимической стратиграфии была предпринята польским топонимистом С.Роспондом [58]. Однако праславянский пласт при этом не был выделен. Результаты этого труда могут быть использованы лишь для периода широкого славянского расселения, начавшегося в раннем средневековье. В другой работе [59] С.Роспонд наметил две географические зоны праславянской гидронимии — первую, более древнюю, охватывающую Повисленье со смежными землями правобережной части бассейна Одера и характеризующуюся первичными топонимическими структурами и преимущественно твердыми основами, и вторую, со вторичными, производными топонимическими структурами с мягкими основами, к которой относится Среднее Поднепровье (рис. 14). Аналогичные результаты были получены и Тлер-Славинским [60], наметившим на древней славянской территории два ареала — зону первичной гидронимии (бассейны Вислы и Одера) и зону с производными словообразовательными формами по отношению к первичным (Среднее Поднепровье).

На современном этапе развития славянской топонимики могут быть выделены древнейшие или архаические водные названия. Исследований, в которых затрагивается или обсуждается вопрос о таких славянских гидронимах, немало. Среди них наибольшее значение имеют три монографии — В.Н.Топорова и О.Н.Трубачева, рассматривающей водные названия Верхнего Поднепровья; О.Н.Трубачева, в которой анализируется гидронимия Правобережной Украины; и Ю.Удольфа «Исследования славянских гидронимов и наименований вод» [61]. К древнеславянским гидронимам в этих работах относятся такие, славянский облик которых (по лексическим, словообразовательным или фонетическим соображениям) не вызывает особых сомнений. Эти водные названия сформировались уже на собственно славянской основе. На правобережной Украине архаических славянских гидронимов насчитывается около 50, в верхнеднепровском бассейне — около 90, и в северном Прикарпатье — свыше 100.

Все эти гидронимы не принадлежат ко времени становления основ праславянского языка и, следовательно, не очерчивают славянскую прародину. Они, кажется, несомненно связаны с праславянской историей, с периодами расселения славян за пределы своей прародины. Ю.Удольф, как уже говорилось выше, относит формирование древней славянской гидронимии в Прикарпатском крае к середине I тыс. н.э. Судя по присутствию подобных праславянских названий вод на Балканском полуострове, заселение которого зафиксировано историческими материалами и датируется временем не ранее V—VI вв., некоторые архаические славянские гидронимы могут относиться и ко второй половине I тыс. н.э. (праславянский период продолжался до IX—X вв.). Впрочем, есть среди рассматриваемых архаических водных наименований и такие, которые относятся и ко времени ранее середины I тыс. н.э., но выделить их и определить дату начала отложения этого гидронимического пласта не представляется возможным.

В этой связи, абсолютно недопустимы-

ми являются предпринимаемые некоторыми исследователями сопоставления карты распространения архаических славянских гидронимов Правобережной Украины, составленной О.Н.Трубачевым, с ареалами археологических культур эпохи бронзы или раннего железного века. Такие упрощенные сопоставления не могут привести к серьезным научным выводам. Совсем иное, когда сопоставляются ареал древней балтской гидронимии с археологическими картами раннего железного века или области распространения древних финно-угорских названий вод с результатами археологии. Такие сопоставления допустимы и правомерны, поскольку анализируются материалы дославянского периода, что определяется как данными языкознания, так и археологическими изысканиями.

На раннем этапе своей истории, когда закладывались основы праславянского языка, славяне на своей прародине, нужно полагать, пользовались старыми названиями вод — индоевропейскими или древнеевропейскими, поскольку становление их языка — это процесс развития индоевропейских диалектов. Это наблюдение относится не только к славянам, но и другим европейским этносам.

Прародина славян находилась на территории древнеевропейской (или, по терминологии других исследователей древней индоевропейской) гидронимии. Звенья связи между последней и архаической славянской были нащупаны Ю.Удольфом [62]. Предпринятый этим исследователем анализ стратиграфии водной номенклатуры региона Вислы привел к заключению, что древнейшим на этой территории является пласт древнеевропейской гидронимии, одним из остатков которого является название реки Висла. В регионе нижней Вислы на этот пласт наслоилась позднее балтская гидронимия, а следующими по времени здесь являются славянские и позднегерманские водные названия.

Топонимике принадлежит значительная роль в исследованиях направлений и путей славянского расселения как в раннее время, так и в эпоху средневековья. Исследо-

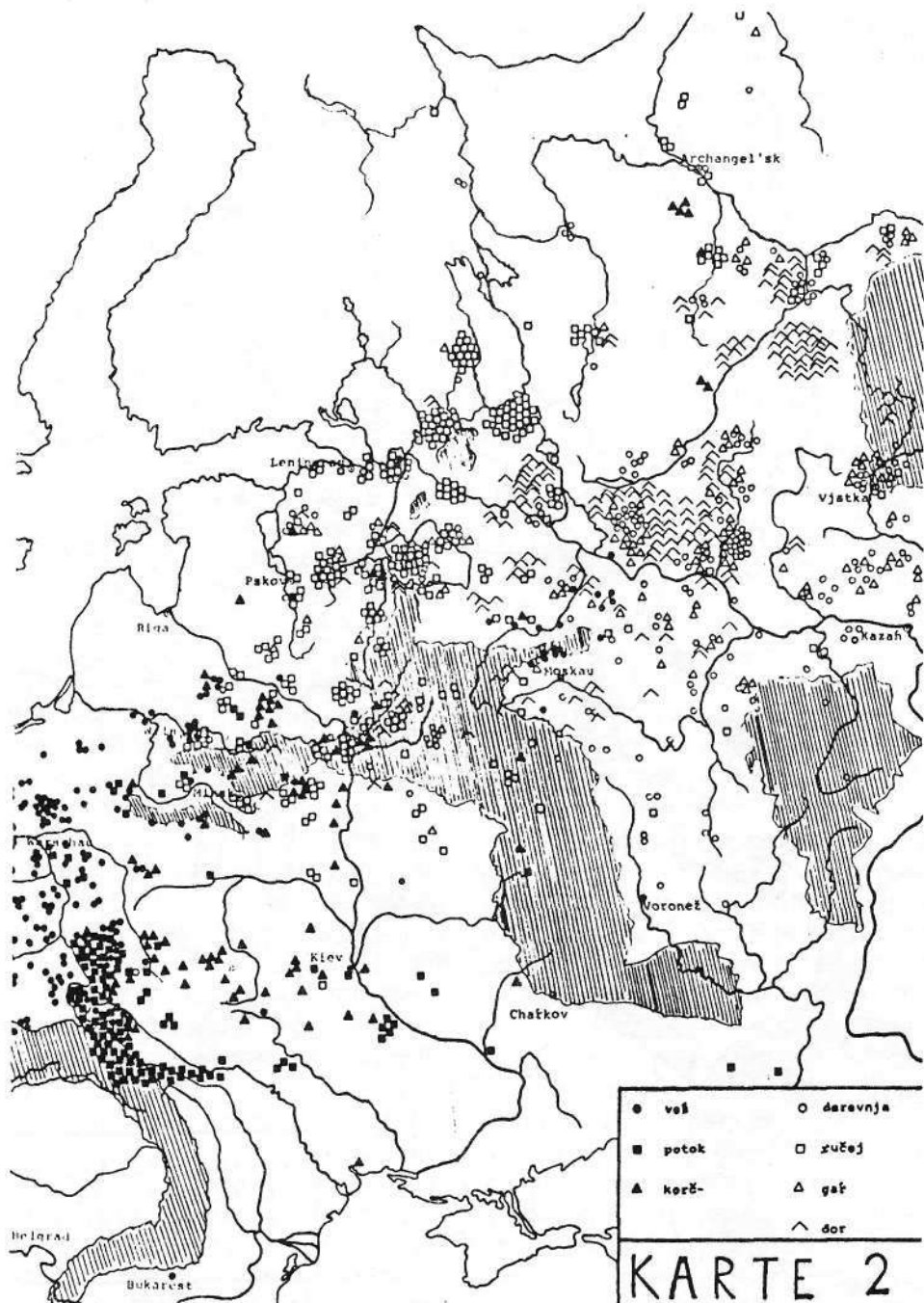

Рис. 15. Распространение ранних славянских названий по Ю.Удольфу
 а — veš; б — potok; в — korč; г — derevnja; д — ručej; е — gač; ж — dor

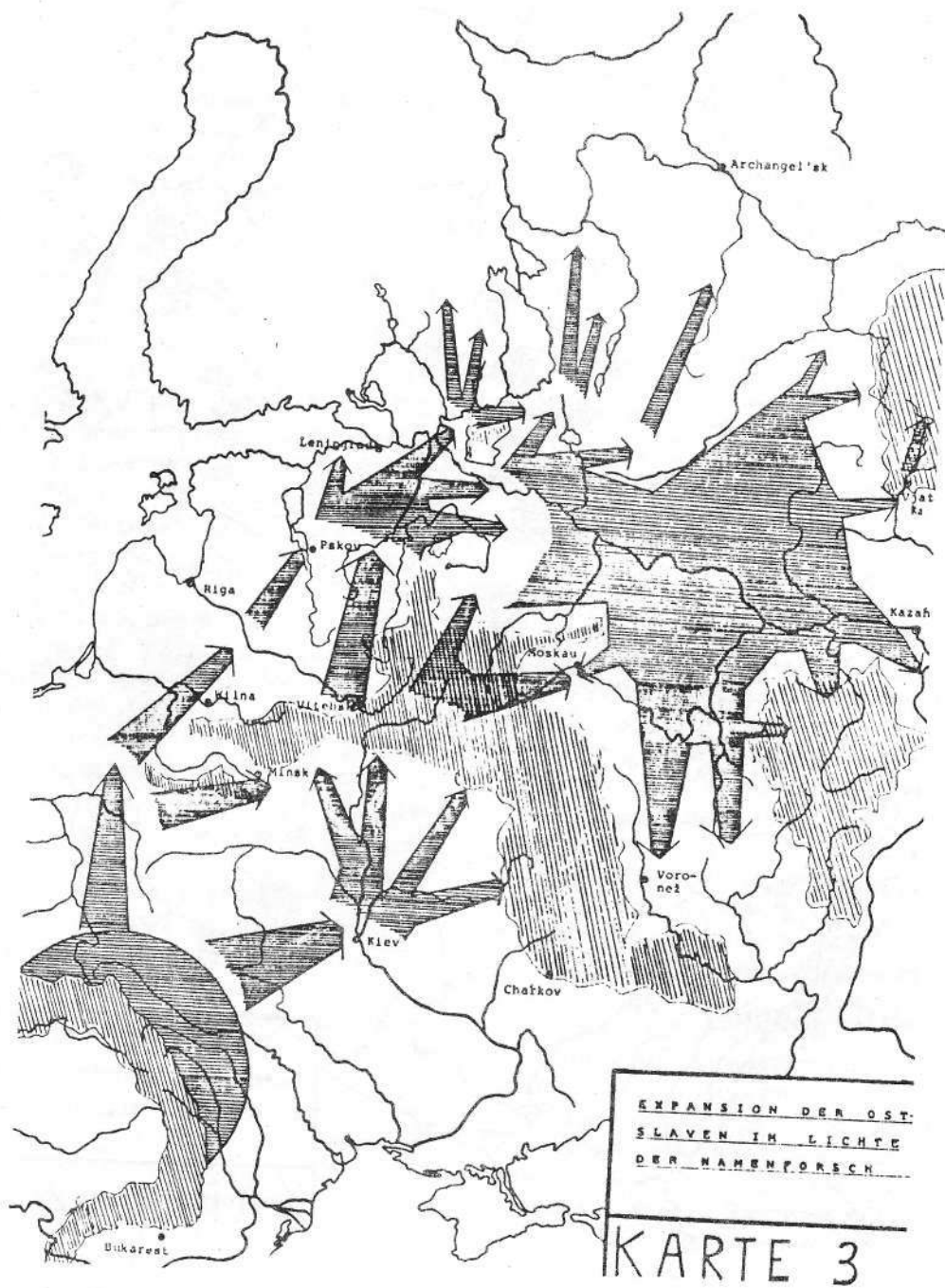

Рис. 16. Экспансия славян по данным топонимии (по Ю.Удольфу)

ватели уже давно обратили внимание на то, что систематическая повторяемость водных и иных географических наименований в определенных направлениях отражает пути миграций тех или иных племен и этнических групп.

В последнее время в этом направлении плодотворно работает Ю.Удольф. На основе картографического анализа распространения синонимических топонимов типа *veš — derevnja, potok — ručej, korč — gač* и *dor* исследователь восстанавливает картину расселения славян в Восточной Европе (рис. 15 и 16). Его основные выводы сводятся к следующему: 1) расселение было разделено на два потока — северный и южный; 2) первый направился из Северного Прикарпатья через Среднее Повисленье и Неманскую область к Псковскому озеру и Ильменю. Из Поильменья одна часть славян направилась на север, другая в восточном направлении в Верхнее Поволжье и сопредельные районы. Южный поток направился в Киевское Поднепровье и далее вверх по рекам днепровского бассейна [63].

Детальную картину славянского заселения восточной части Балканского полуострова на основе топонимических материалов попытался воссоздать болгарский исследователь Й.Займов [64]. Анализируя топонимику Болгарии, он выявил немало общеславянских лексических единиц, что вполне понятно, поскольку миграция славян на Балканский полуостров осуществлялась еще в праславянский период.

Большой интерес представляют исследования Ф.Малингудисом славянских следов в топонимических материалах Греции, которые показали, что славяне, расселившиеся в этом регионе в VI—VII вв., были прежде всего земледельцами. Уровень культуры, социальных отношений и особенно сельскохозяйственной деятельности дает все основания полагать, что славяне были хорошо знакомы с провинциально-римской цивилизацией, а не вышли из тех областей, где господствовало более примитивное земледелие [65].

Топонимика может быть привлечена и к исследованиям контактов славян с сосед-

ними этносами. Так, литовский языковед А.Ванагас в результате анализа гидронимических материалов утверждает, что балтославянской языковой общности, существование которой в древности допускается некоторыми исследователями, не было [66].

Антропологические материалы как этногенетический источник

В комплексе наук, исследующих этногенетическую проблематику, важное место принадлежит антропологии. Ее материалы охватывают все периоды истории человечества и дают надежные основания для выяснения истоков и эволюции физического облика различных этнических групп начиная с самой глубокой древности. Правда, причинные связи между антропологическим строением той или иной группы населения и ее языком и культурой отсутствуют; тем не менее антропология, характеризуя физический облик древних племен и народностей, несомненно вносит определенный вклад и в решение вопросов их происхождения и этногенетической эволюции. У всякой племенной или этнической группы в конкретно-исторических условиях мозаика антропологических особенностей обычно оформляется в специфические комплексы. При стабилизации исторической ситуации очень часто намечается непосредственная связь определенной комбинации антропологических типов с определенными этническими общностями. Наиболее четко связь антропологического типа с этническими границами проявляется в группах с относительно малой численностью. Случаев совпадения этнических территорий с антропологическими становится все больше и больше по мере проникновения в глубокую древность.

Антропологические материалы — надежный индикатор миграций населения и метисации различных этноплеменных групп. Появление нового антропологического комплекса в среде той или иной группы местных племен — неопровержимый показатель примеси пришлого населения. Появление новых антропологических черт — всегда приток нового населения. Анализу миграционных процессов и роли их в различные периоды истории человечества посвящена интересная статья В.П.Алексеева и Ю.В.Бромлея, в которой рассматриваются этнические последствия завоеваний, ассимиляционных явлений, субстратных и суперстратных воздействий [67].

Велико значение антропологии и в реконструкции демографических особенностей популяций, что весьма существенно для более глубокого познания этнографических процессов.

Вместе с тем, необходимо отметить, что антропологические материалы могут быть использованы для широких этногенетических построений и выводов только в комплексе с данными других наук. Взаимодействие наук здесь обязательно. Так, известны случаи, когда антропология свидетельствует неизменность и преемственность населения, а в действительности в этом регионе произошла смена языка и культуры. Здесь имели место или метисация двух этнических групп, принадлежащих к одному и тому же антропологическому типу, или восприятие нового языка и культурных навыков под воздействием более высокоразвитого или господствующего населения — антропологические данные зафиксировать эти процессы не в состоянии.

Переходя к рассмотрению антропологических материалов в связи с проблемой славянского этногенеза, можно сразу отметить полное отсутствие таковых для изучения ранней истории славян. Во всех тех регионах Европы, где находилась возможная прародина славян (Среднее Поднепровье и Волынь, Висло-Одерское междуречье, Прикарпатский или Дунайский регионы), и проживали славяне вплоть до их широкого расселения в начале средневековья, господ-

ствовал обряд кремации умерших. Следовательно, краниологические материалы славян эпохи бронзы и раннего железного века полностью отсутствуют.

Наиболее ранние славянские палеоантропологические материалы принадлежат уже к тому времени, когда славяне расселились на обширных пространствах Средней, Восточной и Южной Европы и пережили симбиозы с разноэтничным автохтонным населением. Самыми ранними являются краниологические коллекции VII—VIII вв. из славяно-аварских и славяно-болгарских могильников среднего Подунавья и восточной части Балканского полуострова, отражающие значительную метисацию населения. Основная же масса славянских палеоантропологических материалов датируется уже X—XIII вв.

Первое сводное исследование по палеоантропологии средневековых славян было написано И.Швидецкой [68]. Исследовательница отмечает, что славяне в эпоху средневековья и, нужно полагать, в более раннее время были гетерогенны. Однако материалы IX—XII вв. дают основания пока в теоретическом плане вести поиски специфически сходных черт, которые можно отнести к древнейшему славянству, занимавшему сравнительно небольшой ареал [69].

Польский антрополог В.Кочка писал о биогенетическом континуитете славян на основной части территории Польши [70]. Однако это не является основанием для локализации древнейших славян в этом регионе. Согласно В.В.Бунаку, ключевую роль в этногенезе восточных славян и в процессе славянизации древнего населения Русской равнины играл «днепровско-карпатский» антропологический тип, локализуемый в землях Западной Украины, верхней Вислы и Трансильвании [71].

В.П.Алексеев, анализируя восточнославянские средневековые антропологические материалы, отмечал, что если исключить субстратные особенности (в реальности субстратного воздействия сомнений не должно быть), то выступает комбинация антропологических признаков, близкая той, которая свойственна средневековым славянским могильникам Польши и Чехословакии. «Та-

кое сходство с западными славянами, — заключал исследователь, — можно трактовать как свидетельство в пользу западного и юго-западного проникновения основного антропологического типа в составе восточнославянских народов Украины, Белоруссии и Русской равнины. К сожалению, этапы его формирования на западе и юго-западе из-за отсутствия достаточно полных палеоантропологических материалов I тыс. н.э. пока неясны [72].

В статье Т.И.Алексеевой и В.П.Алексеева высказано предположение о том, что предки германцев, западных и восточных славян в глубокой древности имели общую антропологическую основу. Еще в бронзовом веке она дифференцировалась на две группы — западную, которую составили будущие германцы, и восточную или балтославянскую [73].

Глубокое расовое смешение славянства констатируют современные польские антропологи [74]. В антропологическом строении фиксируются палеоевропеоидные, средиземноморские, северноевропейские и лапоноидные компоненты.

Первостепенное значение для антропологического изучения славян в настоящее время имеют оперативное введение в научный оборот новых материалов и их осмысление по отдельным более или менее крупным регионам.

Восточнославянские краниологические материалы X—XIX вв. получили характеристику в середине XX в. в работах Г.Ф.Дебеца и Т.А.Трофимовой, а в последующие десятилетия изучались и публиковались многими исследователями — российскими, украинскими и белорусскими. Обобщающая монография по палеоантропологии восточных славян написана Т.И.Алексеевой [75]. Этой исследовательнице принадлежит также небольшой обзор по средневековой краниологии славян в целом [76]. Результатом изысканий Т.И.Алексеевой стало заключение о краниологической дифференциации ранних славян на североевропейцев (относительно широколицый долихокранный антропологический тип) и южноевропейцев (широколицый мезокранный антропологический тип).

Славянская прародина в этой связи должна помещаться в области контакта этих антропологических типов — между Вислой, Дунаем, Западной Двиной и Днестром, что в общих чертах соответствует территории древних славян, какой она представлялась Л.Нидерле.

По западнославянскому региону большая работа проведена чешским антропологом М.Стлоукалом. Им введен в научный оборот ряд антропологических материалов из раскопок кладбищ великоморавского региона и славяно-аварских могильников Подунавья. Большое место в его изысканиях уделено палеодемографическим и палеопатологическим аспектам. Этому же исследователю принадлежит и небольшая обобщающая статья по этногенезу западных славян по данным антропологии [77].

Средневековые антропологические материалы южнославянского региона нашли отражение в обобщающих работах болгарского исследователя П.Боева и югославского антрополога Ж.Микича [78].

Изучение материалов по краниологии средневековых славян дает основание для следующих наблюдений.

1. В разных регионах обширного славянского мира средневековой поры славянское население имело довольно различное антропологическое строение, что с исторической точки зрения вполне объяснимо. В процессе своего расселения славяне встретились и смешались с весьма различным по своему физическому облику населением. Следовательно, средневековые антропологические материалы не характеризуют первоначальный облик славян. Они отражают физическое строение славянского населения, сформировавшегося в результате взаимодействия с балтами и финно-уграми, с дако-фракийцами и скифо-сарматами, с готами и остатками романского населения.

2. Краниологические материалы средневековых славян являются важным источником в изучении этнических формирований эпохи средневековья, их исторической эволюции, взаимоотношений с аборигенами и соседями и т.п. Они проливают свет на демографию разных регионов славянства,

дают возможность понять экологическую ситуацию, изучить палеопатологию и др.

3. Однако эти материалы не дают возможности проникнуть вглубь веков и охарактеризовать антропологическое строение праславян на ранних этапах их истории. Данные средневековой краниологии не дают каких-либо оснований полагать, что в предшествующее время имело место антропологическое единство славян. Весьма значительный размах изменчивости ряда краниометрических признаков противоречит тезису о прежнем единстве физического облика ранних славян. Польский антрополог А.Верцинский весьма скептически воспринимает этногенетические построения антропологов. Он отмечает, что разные авторы интерпретируют одни и те же антропологические материалы по-разному и эти интерпретации в настоящее время имеют ограниченное значение [79].

4. Поскольку краниологические материалы I тыс. до н.э. и I тыс. н.э., как уже говорилось, в коренных землях славянства отсутствуют, некоторые антропологи ведут поиски истоков антропологического строения славян среди серий черепов эпохи неолита и бронзы. Представляется, что сопоставление результатов анализов антропологических материалов, разорванных более чем двухтысячелетним периодом, носит весьма гипотетический характер и ни в коем случае не может быть использовано для каких-либо этногенетических построений.

В древней Европе, как надежно свидетельствует археология, было множество крупных и небольших миграций, которые в той или иной мере вели к изменениям антропологического облика населения. Так, характеризуя древнюю ситуацию на территории Чехии, М.Стлоукал отмечает, что в эпоху неолита насельники этого региона характеризуются лептодолихокранностью. Распространение лендельской культуры принесло брахикранные элементы, в результате миграции племен культуры шнуровой керамики стал господствовать ярко выраженный долихокранный антропологический тип, а последующая инвазия населения культуры колоколовидных кубков принесла сюда

брахикранию. К этому следует добавить кельтскую экспансию на средний Дунай, а затем здесь пребывали германцы. Ранне-средневековое славянское население этого региона в той или иной степени включило в себя комбинацию всех этих антропологических типов. Подобная ситуация имела место и в других местностях Европы за исключением, может быть, ее северо-восточной части.

5. В настоящее время антропологии по-прежнему решение только отдельных вопросов раннего славянского этногенеза. К таковым, в частности, принадлежит тема взаимоотношения славянского населения со скифо-сарматскими обитателями Северного Причерноморья и, вероятно, некоторые другие частные проблемы. В дальнейшем при развитии генной антропологии, а также по мере более широкого привлечения материалов по группам крови, серологических анализов и дерматоглифики роль этой науки в изучении ранних этапов этногенеза славян, видимо, будет возрастать.

Этнография и фольклористика

Этнография располагает обширнейшими материалами по всем славянским народам, которые были собраны несколькими поколениями исследователей и краеведов, в основном на протяжении двух последних столетий. Содержится некоторая этнографическая информация о славянах и в исторических трудах более раннего времени. Значение данных этнографии для характеристики всякой этнической группы и понимания ее истории вполне очевидно.

«К числу важнейших признаков, разграничивающих отдельные этносы, — утверждают этнографы Н.Н. и И.А. Чебоксаровы, — относятся такие культурные осо-

бенности, которые каждый народ вырабатывает в процессе своего исторического развития и затем передает из поколения в поколение. Совокупность этих взаимосвязанных между собой особенностей составляет то, что в этнографической науке называют «этнической традицией». Такие традиции складываются в те или иные исторические эпохи в связи с социально-экономическими и естественно-географическими условиями жизни каждого народа, но после своего возникновения они приобретают значительную устойчивость и долго сохраняются даже тогда, когда условия жизни народа успевают сильно измениться.» [80].

Особенности культуры и быта в ряде случаев отражают этническую специфику не в меньшей степени, чем язык. Более того, иногда они оказываются более вескими признаками этноса. Так, например, сербы, хорваты, черногорцы и боснийцы-мусульмане говорят на диалектах одного сербохорватского языка, но каждый из этих этносов обладает самобытными культурными особенностями.

Ученые давно познали необходимость широкого использования этнографических материалов в изучении древней истории и этногенеза славян. Большую ценность имеют два обширных общеславянских этнографических обобщения — капитальный труд по истории культуры славянских народов чешского ученого Л. Нидерле и монография польского этнолога К. Мошинского [81]. Однако они отражают состояние этнографической науки первой половины XX в. В последующее время накоплены новые весьма значительные материалы, которые требуют научной систематизации на современном уровне.

Славяне ныне не являются единым народом, говорящим на одном языке и однородным в культурном отношении. Это большая группа родственных, но вполне самостоятельных народов, каждый из которых имеет свою историю и свои этнографические особенности. Обобщения материалов этнографии всего славянского мира на современном этапе требуют коллективных усилий исследователей. Они не могут быть

выполнены без трудоемкой работы по систематизации всей источниковой базы славянской этнографии, без выработки новейших методов исследования этнографической информации, собранной представителями разных этнографических школ и направлений.

Такой работы этнографы-слависты пока не провели. Первым шагом в этом направлении, может быть, является монографическое обобщение этнографических материалов по восточному славянству [82]. В нем содержатся очерки по различным сторонам материальной и духовной культуры. Эта научная информация в какой-то мере может быть привлечена для анализа этноисторических процессов, протекавших на Русской равнине, но пока не может быть использована для освещения этногенеза праславянского периода.

Формирование этнографических особенностей славянских народов было очень сложным многовековым процессом. В ходе широкого расселения славянский этнос включил в свой состав разноразличные массы аборигенного населения. Естественно, при этом претерпели изменения многие этнографические особенности различных славянских группировок. Тысячелетнее самостоятельное развитие отдельных славянских народов в силу конкретно-исторических условий придало каждому из них этнографическое своеобразие. Стратиграфия этнографических напластований — совершенно неразработанная проблема славянской этнографии. Представляется, что материалы этнографии могут быть широко привлечены к исследованиям вопроса о происхождении славян и ранних этапов их этногенеза лишь после составления общеславянских этнографических атласов. Систематизация этнографической информации даст основания выделить те особенности славянского этноса, которые сформировались в раннее (праславянское) время.

Большую ценность для этноисторических исследований представляют и фольклорные материалы. Фольклор всегда создавался в пределах той или иной этнической общности и поэтому принадлежит к

важным этноразличительным признакам. Однако при его использовании для изучения славянского этногенеза исследователи встречают непреодолимые пока трудности. На протяжении многовековой истории славянства фольклор не оставался неизменным. Он развивался и активно пополнялся как за счет собственной эволюции в связи с изменениями общественно-социальной и географической среды, так и в результате влияний культур соседних неславянских народов и вхождения в славянский этнос субстратного населения. Материалы свидетельствуют, что славянские племена и народности довольно активно обменивались своим фольклорным багажом как между собой, так и с соседями.

В результате многообразия фольклорных процессов каждый славянский народ, развивающийся этнически обособленно начиная с времен первых славянских государств, в настоящее время обладает своим фольклором. «Если сопоставлять южнославянские легендарные песни, русские духовные стихи, польские кантычки и другие эквивалентные группы песен, — писал в этой связи Ю.И.Смирнов, — можно заметить глубокие различия между ними, явно вызванные тем, что они возникали независимо в разных славянских странах.» [83].

Таким образом, те фольклорные материалы, которыми располагает славистика в настоящее время, являются важным историческим источником в изучении истории, культуры и этногенеза отдельных славянских народов. Вместе с тем, вполне очевидно, что этот источник содержит напластования, восходящие к ранним периодам славянской истории — праславянской эпохе. К сожалению, выявление праславянского слоя в связи с неудовлетворительным состоянием систематизации славянского фольклорного материала затруднено. Не решены и вопросы генезиса славянского фольклора, не изучена славянская фольклорная общность. Первые шаги в этом направлении предпринимались исследователями. Так, Ю.И.Смирнов выделил три последовательные стадии эволюции славянского эпоса: 1) южнославянские эпосы, характеризу-

ющиеся многообразием форм без заметной унификации (исторические условия на Балканах способствовали консервации древних эпических традиций); 2) русский эпос, который сохранил немало древних особенностей, но более поздние черты являются преобладающими; 3) западнославянская, украинская и белорусская эпика, отражающая позднее стадияльное состояние [84]. Но в целом восстановление генетической родственности и эволюции славянского фольклора, выявление его праславянского слоя — дело будущего.

Для познания духовной жизни раннего славянства большое научное значение имеет книга Б.А.Рыбакова о язычестве и религиозных представлениях славянского этноса [85]. Рассмотренные исследователем фольклорные и этнографические материалы позволили показать глубокие корни язычества и мифологии славян.

Исторические сведения о славянах

Сведения о славянах в исторических произведениях, которые могут быть надежно использованы исследователями для освещения истории и этногенеза, относятся к средневековой эпохе. Византийские авторы VI—VIII вв. (Прокопий Кесарийский, Агафий, Менандр Протиктор, Феофилакт Симокатта, Маврикий и др.) описывают в основном славян Подунавья и Балканского полуострова, что обусловлено исторической ситуацией того времени: славяне в ту пору переходят Дунай, вторгаются в пределы Византийской империи и заселяют обширные земли, включая Пелопоннес.

В сочинениях византийских хронистов содержатся интересные сведения о различных сторонах жизни и быта славян, рассказывается об их военном искусстве, политической организации и вождях, поселениях

и жилищах, об отношениях с Византией, аварами и другими соседними племенами. Но вся эта информация касается Балканского полуострова и смежных с ним земель Дунайского региона. Только в сочинении Прокопия имеются ценные данные об этногеографии Северного Причерноморья.

Некоторые сведения о славянах содержатся и в сочинениях сирийских авторов VI в. (Евграфий, Иоанн Эфесский и др.). Известия западноевропейских и арабских географов и историков относятся к более позднему времени — IX—X столетиям.

К середине VI в. славяне уже расселились на широких пространствах Европы. Миграционные процессы, крах Римской империи и взаимодействие с соседними племенами внесли существенные изменения в быт и жизнь славянского этноса. Перенести сведения о славянах раннесредневековых авторов на предшествующие периоды их истории абсолютно невозможно. К тому же раннесредневековые сочинения и не содержат данных для реконструкции этнической истории ранних славян.

Для изучения проблемы славянского этногенеза важное значение имеют сведения, сообщаемые в труде готского епископа Иордана «Getica», о котором говорилось в историографическом разделе. Что касается более ранних этапов праславянской истории, то конкретной информации о них в исторических произведениях по существу нет. Весьма краткие и отрывочные сведения о венедах, имеющиеся в сочинениях Плиния, Тацита и Птолемея (I—II вв. н.э.) и на Певтингеровой карте (III в. н.э.), безусловно представляют большую ценность. Певтингерова карта (рис. 17) достаточно определенно локализует венедев римского времени к северу от Карпат (между Карпатами и Балтикой) и свидетельствует о начале освоения ими северных районов Нижнего Подунавья.

Вместе с тем, следует отметить, что часто весьма неконкретные данные античных письменных памятников без привлечения материалов смежных наук давали и дают возможность историкам высказывать самые различные и противоречивые догадки, на-

учная ценность которых весьма невелика. Информация античных авторов о венедах может в настоящее время рассматриваться исключительно как вспомогательный источник в этногенетических изысканиях о древних славянах.

Некоторые историки считают возможным рассматривать как ранних славян невра Геродота. Следует подчеркнуть, что эта догадка не имеет никаких научных оснований. Относительно геродотовых невра в научной литературе высказано множество противоречивых предположений. Одни исследователи относят их к славянам, другие считают возможным причислять к балтскому этническому массиву, третьи утверждают, что это были кельты и т.д. Локализация невра на географической карте также дискуссионна. Фактических данных для определения этноязыковой принадлежности невра Геродота в распоряжении ученых просто нет.

Археология и славянский этногенез

Весьма отчетливым признаком всякой этнической единицы является язык. Им пользуется вполне определенная группа людей, которая при стабильном и продолжительном развитии создает свой быт, свою особую материальную и духовную культуру. Следовательно, культуру нужно относить к признакам развития жизни человеческих объединений, основанных на физическом родстве индивидуумов, то есть образований этнического порядка. Этот тезис уже подчеркивался выше при определении роли этнографии в этногенетических изысканиях.

Хорошо известно, что этнические общности обнаруживают свои специфические особенности в мелочах быта, отдельных деталях одежды и украшений, в обычаях,

верованиях, в похоронной обрядности и т.п., которые наследуются из поколения в поколение и упорно удерживаются несмотря ни на что. Эти особенности древних коллективов и изучает археология. Она фиксирует и исследует многие, в том числе мельчайшие, элементы быта, материальной и духовной культуры, следы обрядов и обычаев, творчества искусства и т.п. и, следовательно, этнографическое своеобразие древних этноязыковых образований. Поэтому данной науке принадлежит одно из ведущих мест в исследованиях этнической истории древних племен и народов. Археология дает возможности проникнуть в отдаленные периоды истории человеческого общества, осветить те стороны жизни, быта и культуры, которые не нашли отражения ни в языке, ни в материалах других наук.

Как отмечают языковеды, лингвистика в изучении этногенеза встречается с двумя нередко неразрешимыми проблемами — определением территории, где происходил исследуемый глоттогенез, и его датировкой [86]. В отличие от лингвистических материалов данные археологии конкретно-историчны. Поэтому археология позволяет осветить историю каждой этнической единицы на протяжении конкретных временных отрезков и локализовать их на определенной территории.

В науке длительное время дискусируется вопрос о соответствии или несоответствии археологической культуры и этноса. Одним из первых в европейской археологии наиболее широко материалы этой науки использовал для древних этноисторических построений немецкий ученый Г. Коссинна. Он исходил из принципиального совпадения археологической культуры и этноса [87]. Эта мысль нашла поддержку многих археологов. В частности, один из крупнейших английских археологов В.Г.Чайльд рассматривал археологические культуры и этносы как тождества [88]. На материалах эпохи неолита и бронзы это положение развивал А.Я.Брюсов [89]. Подчеркивая комплексное понимание археологической культуры, он утверждал, что она, как правило, должна соответствовать этни-

ческой общности, поскольку культура каждой родственной группы могла создаваться на основе опыта предыдущих поколений, на основе местных традиций. Такой же точки зрения придерживался и американский исследователь Х.Хенкен. Касаясь средневропейской культуры полей погребальных урн позднего бронзового века и считая ее носителей индоевропейцами, исследователь утверждал, что расселение этих племен на южных окраинах Западной Европы, в частности, в Сицилии, соответствует индоевропеизации проживавшего здесь древнего населения [90]. О соответствии археологической культуры этническим единицам писали и другие исследователи [91].

В 50—60-х гг. методы Г.Коссинны подверглись серьезной критике, в частности, в немецкой научной литературе. Отмечалось, что этот ученый упрощал этническую историю древних народов, не учитывал сложного взаимодействия с разноплеменным окружением и воздействия субстратного населения. Г.Коссинна не принимал во внимание, что элементы культуры могут быть зависимы также от экономических, технических и социальных обстоятельств. Исследователь не доучитывал существования в древности этноязыковых групп, впоследствии бесследно исчезнувших. Один из учеников Г.Коссинны М.Ян отмечал, что исторические процессы в древности не сводились к статическим отношениям. При исследованиях этногенетических процессов по археологическим данным следует учитывать и контактные взаимодействия племен, смещение их, наличие переходных зон между археологическими культурами, ассимиляционные процессы и т.п. [92].

Сложность изучения этногенеза и этнических процессов, имевших место в древней Европе, заключается в том, что здесь имели место многочисленные перемещения племен, крупные миграции нового населения, происходило интенсивное взаимодействие разных этносов, их дифференциация и ассимиляция, исчезновение одних этносов, формирование других. В критике методов Г.Коссинны некоторые исследователи преследовали цель — «сделать доисториче-

скую археологию более пригодной для исторического познания» [93].

Вместе с тем, распространилось и нигилистическое отношение к материалам археологии как к важному научному источнику в изучении этногенеза. Так, немецкий археолог Э.Вале утверждал, что данные археологии вообще не пригодны для изучения этногенетических проблем [94]. По мнению английского археолога О.Кроуфорда, выяснение этнической принадлежности древнего населения лежит за пределами возможностей археологии [95]. Подобного мнения придерживались и некоторые лингвисты, в частности Ф.П.Филин, посвятивший в своей книге о становлении восточнославянского языка несколько страниц вопросу о взаимоотношениях этноса и материальной культуры [96]. Такую точку зрения разделяют некоторые ученые и в настоящее время.

Обращаясь к этнографии, исследователи отмечали, что ряд культурных элементов не имеет этнической нагрузки, что некоторые культурные регионы, определенные по отдельным элементам, не совпадают с этническими территориями и т.п. Археологи в этой связи попытались определить среди множества элементов, составляющих археологические культуры, «этнические признаки». К числу важнейших этнических показателей причисляли керамический материал (формы сосудов, орнаменты, технику выделки) и другие. Например, А.П.Смирнов считал таковыми формы лепной посуды и погребальную обрядность [97]. Однако дальнейшее показало, что среди множества археологических культур нет и не может быть универсального признака этнической единицы.

Среди археологов и этнографов есть исследователи, которые, приводя примеры соответствий и несовпадений культурных и языковых ареалов, оперируя данными этнографий различных территорий, пытаются утверждать, что археологические культуры имеют разное содержание и представляют различные реальности, в том числе некоторые из них соответствуют древним этническим общностям. Обязательное отождествление археологической культуры с этносом

при этом отрицается, вводится понятие о вероятности соответствия [98]. Не отрицая полезности таких теоретических разработок, замечу, что они не отвечают на такой коренной вопрос — может ли современная археология определить, этнична та или иная археологическая культура или нет?

Представляются более плодотворными работы тех археологов, которые, не участвуя в дискуссиях о соотношении культуры и этноса, активно и скрупулезно разрабатывали конкретные этноархеологические вопросы на фактических материалах. И эти изыскания надежно свидетельствуют о возможности решения этногенетической проблематики по данным археологии, о возможности исследователей определять этническую принадлежность носителей многих археологических культур.

Так, поставив задачу проверить на конкретном примере, насколько археология способна своими средствами изучать проблемы этногенеза, три исследователя — два археолога и лингвист (Р.Хахманн, Г.Коссак и Г.Кюн) — независимо друг от друга на основе археологических, исторических и топонимических данных выявили неизвестную дотоле особую группу индоевропейского населения, в языковом отношении близкую германцам, кельтам и италикам [99]. Это исследование продемонстрировало огромные возможности археологии в области изучения древней этнической истории Европы.

Немецкий археолог Ф.Шлетте, рассматривая возможности археологии в изучении этногенеза, приводит ряд конкретных фактов о соответствиях этнических, исторических и археологических ареалов второй половины I тыс. до н.э. Так, латенская культура, в своей основе кельтская, показывает расселение этого этноса на разных временных отрезках и интеграцию им различных малых племен. Ясторфская культура на поздней стадии, распространенная между Везером и Одером с Парсентой, включая Ютландский полуостров, надежно связывается с германским этносом. Эта культура перерастает в культуру римского времени, которую, согласно историческим сведениям,

могли создать только германские племена [100].

Безусловно, историческое содержание археологических культур не ограничивалось этническим фактором, оно было многоплановым. Материалы археологических культур являются также важнейшим источником изучения экономики и социальных отношений [101]. Однако история человеческого общества в древности не знала чисто хозяйственных или чисто общественных этнографических группировок, которые бы существовали отдельно и наряду с этническими единицами.

Научная трактовка археологической культуры состоит не в простом суммировании ее компонентов и признаков, а в рассмотрении как целостной структуры, как системы взаимосвязанных сочетаний всех ее элементов. Создать полноценное представление о той или иной археологической культуре возможно лишь при условии выяснения истоков и путей становления и изучения дальнейшей ее судьбы.

В таком контексте о соотношении археологической культуры и этноса можно сказать следующее:

1. Археологическую культуру можно и нужно отождествлять с этнической единицей, если она характеризуется целым комплексом устойчивых однотипных признаков, проявляемых в деталях домостроительства, погребальной обрядности, украшениях и керамике, изготовленной непрофессионалами. Существенно и то, чтобы такая культура эволюционировала из предшествующей ей однородной культуры. Подчеркиваю, что при выделении археологической культуры, которую надежно можно связывать с этносом, необходимо учитывать комплекс признаков, поскольку отдельные элементы могут быть общими и для соседнего населения, а часть их не обусловлена этническими особенностями.

2. В некоторых случаях археологическая культура выделена исследователями по какому-либо яркому, но одному признаку. Относительно таких культур нельзя быть уверенным в том, что ее носители составляли этническую общность. Однако это не

может быть основанием для пессимистического отношения к этногенетическим построениям археологов. По мере дальнейшего накопления фактических материалов по такой культуре, по выяснении ее происхождения и судеб ее носителей в последующий период обычно проясняется и этническая сущность такой культуры.

3. Известно немало примеров, когда археологическая культура обладает целым комплексом однородных компонентов, но сформировалась на основе двух (или даже нескольких) предшествующих по времени культур. При этом на ранней стадии ее просматривается то или иное сочетание признаков предшествующих древностей, которые со временем нивелируются. Такие археологические культуры отражают процессы интеграции двух этнических группировок или ассимиляцию одной из них.

4. Археологические материалы предоставляют большие возможности и для изучения дифференциации этнических общностей. Такие процессы ведут к выделению диалектных зон внутри одной общности, а иногда и к возникновению новых этнических единиц.

5. Среди археологических культур имеются и полиэтничные образования. В древней истории человечества неоднократно имели место взаимопроникновения одной или нескольких этнических групп на территории других. Такие археологические культуры заметно выделяются среди прочих прежде всего длительным присутствием разнотипных элементов, проявляемых и в погребальной обрядности, и в домостроении, и в глиняной посуде, и во многом другом. Если моноэтничные культуры формируются на основе одной или нескольких близкородственных культур, а некоторая неоднородность, наблюдаемая в начальной стадии, быстро нивелируется, то полиэтничные культуры складываются в условиях взаимодействия двух или нескольких неродственных культур.

В этногенетических изысканиях на первом этапе археологи обязаны решать коренные вопросы самостоятельно, независимо от данных лингвистики или других наук.

Прежде всего исследователю необходимо приложить максимум усилий для этнического определения той или иной археологической культуры по данным своей науки, и только после этого допустимы сопоставления полученных результатов с выводами других наук.

Ведущая роль в этногенетических построениях по археологическим материалам принадлежит ретроспективному методу исследования, заключающемуся в поэтапном прослеживании истоков основных элементов археологических культур. В частности, в изучении этногенеза славян надлежит продвигаться от культур достоверно славянских, относящихся к раннему средневековью, в глубь столетий к тем древностям, которые обнаруживают генетические связи с раннесредневековыми, а от них — еще на ступень ниже и т.д.

Этот метод исследования стал применяться еще на заре этногенетической археологии. Применяя его, О.Монтелиус попытался показать, что культурное развитие от неолита до эпохи викингов на территории Скандинавии не обнаруживает серьезных разрывов и, следовательно, древние германские племена жили в Северной Европе еще в эпоху неолита [102].

После О.Монтелиуса ретроспективный метод стал применяться широко как основной в целом ряде археологических построений. В частности, им активно пользовался Г.Коссинна. Идя ретроспективным путем, утверждал этот исследователь, можно проследить корни сравнительно поздних археологических культур в более ранних и, таким образом, можно переносить названия известных исторических народов на далекие доисторические культуры. «Этот метод пользуется выводами по аналогии, — писал Г.Коссинна, — так как они позволяют осветить древние, темные времена ретроспективно, идя от ясной современности или от тоже древних, но обладающих богатыми источниками эпох» [103].

В 30—60-х гг. в научной литературе имела место дискуссия по поводу ретроспективного метода, обострившаяся в связи с критикой концепций Г.Коссинны. У некото-

рых исследователей, как уже говорилось, возникло скептическое отношение к возможностям исследования этногенеза древних народов методами археологии. Однако археологическая практика показала, что ретроспективный метод в этногенетических построениях имеет первостепенное значение. «Этническая интерпретация, — писал в этой связи немецкий археолог К.-Г.Отто, — тесно связана с ретроспективным методом исследования. Правомерность для археологии освещать историю народов или племенных групп таким путем ретроспективно — неоспорима. Очевидно, что сегодня нет больше никаких серьезных возражений против этого; это значило бы отрицать историческое развитие вообще или оспаривать участие археологии в реконструкции древнейшей истории» [104].

Современная археология в этногенетических изысканиях исходит из признания устойчивости этнографических признаков, и этнография дает множество примеров этого. С течением времени признаки могут трансформироваться и заменяться новыми, но в распоряжении археологии имеются не статические факты, а материалы, отражающие эпохальную изменчивость. Археология оперирует не отрывочными, разрозненными данными, а целыми комплексами материалов, отражающими пространственные и временные изменения. Поэтому, исследуя этнографические особенности быта, материальной культуры и духовной жизни того или иного народа или племени, ретроспективным методом можно понять историю того или иного этноса, разобраться во всех сложностях интеграционных и дифференцирующих процессов, в процессах ассимиляции и метисации, имевших место в древности. «Отождествление археологических материалов с лингвистическими группами, или, другими словами, с этносами (народами), — писал по этому поводу испанский лингвист А.Товар, — задача далеко не легкая и рискованная во многих отношениях. Тем не менее, это — единственный метод исторического проникновения в доисторию» [105].

В научной литературе до сих пор в ряде

случаев проявляется отрицательное отношение к ретроспективному методу в этногенетических изысканиях. Некоторые исследователи полагают, что ретроспективный путь не может учитывать такие факторы, имевшие место в древней истории, как влияние одной группы племен на соседнюю или высокой цивилизации на варваров, а также возможности внутреннего скачка, связанного с хозяйственными изменениями, появлением новой социальной структуры или изменениями исторической ситуации.

С таким утверждением никак нельзя согласиться. Ретроспективный метод исследования ценен тем, что он позволяет учитывать все нюансы сложнейшего взаимоотношения этносов в древности. В европейской истории нет каких-то «чистых» этносов, они складывались в результате взаимодействия и смешения различных племенных и этнических групп, как пришлых, так и автохтонных. Поэтому помимо более или менее спокойного развития археологических культур нередки иные формы перехода от одной культуры к другой. Среди таких можно выделять следующие формы взаимоотношений между археологическими культурами: 1) неравномерная эволюция, обусловленная миграционными процессами; 2) бурные изменения в культуре, вызванные вливаниями культурных элементов чуждых племен в результате контактов (в том числе и воздействий высоких цивилизаций) или инфильтраций; 3) трансформации, зависящие от изменений хозяйственной жизни и социальной обстановки; 4) полные скачкообразные преобразования, свидетельствующие о смене этноса в регионе. Во всех этих формах связей между археологическими культурами ретроспективный метод исследования разобратся в состоянии. Влияния соседних культурных групп или цивилизаций, хозяйственные или социальные изменения не сразу и не одновременно затрагивают все без исключения этнографические особенности того или иного этноса. Если, например, в каком-либо регионе наблюдаются скачкообразные изменения в экономической жизни или в домостроительстве, то это не сразу проявляется в погребаль-

ной обрядности, или, если обнаруживаются резкие трансформации в гончарной керамике или украшениях, то формы и технология лепной посуды, изготавливаемой домашним способом, не могут развиваться скачкообразно. «Если народ утрачивает свою культурную специфику, он перестает существовать как отдельный самостоятельный этнос», — подчеркивают этнографы [106].

* * *

Роль других научных дисциплин в изучении происхождения и ранней этнической истории славян носит вспомогательный, порой подсобный характер. Заканчивая характеристику возможностей основных наук, несколько слов следует сказать о палеодемографии. Структура, численность и плотность населения имеют существенное значение для правильного понимания этнических процессов древности и особенно при изучении миграций. При полном отсутствии письменных сведений палеодемографические исследования могут покоиться только на материалах археологии и антропологии. Для ранних периодов славянской истории, как уже говорилось, антропологические материалы отсутствуют, поэтому исследователи для демографических построений пользуются преимущественно данными поселенческой археологии, анализируя отдельные более изученные регионы славянского мира.

Согласно расчетам польского ученого С. Курнатовского [107], около 1000 г. н.э. славянское и славянизированное население в целом насчитывало 6,5—7,3 миллиона человек, в VI—VII вв. — 2,65—4,1 миллиона, в конце V в. — 1,45—2,68 миллиона, включая проживавшие на славянской территории этого времени остатки фракийского, германского, балтского, финского и иранского населения. Собственно славян в конце V в. было 0,7—1,3 миллиона человек (по подсчетам Г. Ловмянского, около 1,4 миллиона человек). Для обеспечения широкой славянской экспансии начала средневековой поры нужна была огромная демографическая масса, которую безусловно не

могли обеспечить слабо заселенные в римское время области лесной зоны Восточной Европы. Демографические расчеты показывают, что в раннесредневековом славянском расселении должно было участвовать население из регионов провинциально-римских культур.

* * *

Настоящее исследование древней истории славян велось на начальной стадии ретроспективным путем. Все материалы археологии были ретроспективно рассмотрены от эпохи раннего средневековья, когда славянская атрибуция культур обосновывается историческими данными, в глубь столетий. Таким образом была построена длинная цепь, связывающая основные и частные компоненты археологических культур, которые были в той или иной степени этнографичны для славянства в разные периоды его исторического развития.

Все историко-археологические наблюдения и выводы в настоящей работе обосновываются материалами археологии и не навешены данными других наук. Но после того, как они были получены, археологические результаты сопоставлялись с результатами, полученными лингвистами на материалах языкознания, с данными топонимики, истории и других наук. Учтены в исследовании и материалы естественных наук, в частности, палеоклиматологии, палеоботаники и палеогеографии.

Ретроспективный метод, заключающийся в переходе от известного к неизвестному и являющийся в настоящее время основным удовлетворительным путем археологического изучения этногенеза, плодотворен в кабинетной работе, но нецелесообразен и трудно воспринимаем при изложении результатов исследования. Поэтому история становления и развития славян в настоящей книге изложена в исторической последовательности.

1. Hensel W. L'ethnogenésologie // *Slavia antiqua*. T. XXI. Warszawa; Poznań, 1975. S. 1—4.
2. Трубочев О.Н. Этногенез славян и индоевропейская проблема // *Этимология*. 1988—1990. М., 1993. С.12.
3. Trager G.L., Smith H.L. A Chronology of Indo-Hittite // *Studies in Linguistics*. T. 8. № 3. 1950.
4. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. Т. I—II. Тбилиси, 1984.
5. Krahe H. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954; Idem. Die Struktur der alteuropäischen Hydronymie // *Akademie der Wissenschaft und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse*. Wiesbaden, 1962. № 5; Idem. Unsere ältesten Flüßnamen. Wiesbaden, 1964.
6. В.П.Шмид, продолживший исследования древне-европейской гидронимии, показал, что она имеет

- несколько более широкое распространение, и предложил считать ее раннеиндоевропейской (Schmid W.P. Alteuropäisch und Indogermanisch // *Probleme der Namenforschung im deutschsprachigen Raum*. Darmstadt, 1977. S. 98—116; Idem. Die alteuropäische Hydronymie Stand und Aufgaben ihre Erforschung // *Beiträge zur Namenforschung*. Bd. 16. H. 1. 1981. S. 1—12). Водные названия типов, определенных Г.Краз как древнеевропейские, выявлены и в Северном Причерноморье, где Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванов локализируют древнеевропейцев до их расселения в Средней Европе. По мнению этих исследователей, этот пласт гидронимии здесь оказался в значительной степени стертым в результате расселения сначала иранских, а затем несколькими волнами и тюркских племен.
7. Филлин Ф.П. К проблеме происхождения славянских языков // *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов*. М., 1973. С. 381.

8. Erhart A. U kolébky slovanských jazyků // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. 1985. R. 54. № 4. S. 337—345.
9. Lamprecht A. *Praslovanština*. Brno, 1987.
10. Бернштейн С.Б. Некоторые вопросы методики изучения проблем этногенеза славян // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья*. М., 1984. С. 16.
11. Birnbaum H. Zur Problematik der zeitlichen Abgrenzung des Urslavischen. Über die Relativität der begriffe Balto-slavisch /Frühslavisch bzw. Spätgemein-slavischer Dialekt/ Ureinzel-slavine // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1970. № 35—1. S. 1—62.
12. Stieber Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. *Fonologia*. Warszawa, 1969; Idem. *Prasłowiański język // Słownik starożytności słowiańskich*. T. IV. Ч. 1. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970. S. 309—312.
13. Lunt H.G. On common slavik // *Зборник матице српске за филологију и лингвистику*. Т. XXVII—XXVIII. Нови Сад, 1984—1985. С. 417—422.
14. Георгиев В. Праславянский и индоевропейские языки // *Славянская филология*. Т. 3. София, 1963.
15. Shevelov G.Y. *Prahistory of Slavic*. New York, 1965.
16. Gołab Z. The Ethnogenesis of the Slavs in the Light of Linguistics // *American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists*. 1. Linguistics. Columbia, 1983. P. 131—146.
17. Трубочев О.Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // *Славянское языкознание*. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 231—270; Он же. *Этногенез и культура древнейших славян*. Лингвистические исследования. М., 1991.
18. Van Wijk N. *Les langues slaves*. Mouton; Gravenhage, 1956; Бернштейн С.Б. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. М., 1961.
19. Trubetzkoy N.S. *Éssai sur chronologie des certains faits phonétiques du slave commun // Revue des études slaves*. P. II. Paris, 1922.
20. Георгиев В. Три периода развития праславянского языка // *Славянская филология*. Доклады и статьи за VII Международный конгресс на славистике. Языкознание. София, 1973. С. 5—16.
21. Lamprecht A. *Praslovanština a jeje chronologické členění // Československé přednášky pro VIII. mezinárodní sjezd slavistů v Zahrebu*. Lingvistika. Praha, 1978. S. 141—150; Idem. *Praslovanština*. Brno, 1987.
22. Филин Ф.П. *Образование языка восточных славян*. М; Л., 1962. С. 99—110.
23. Бернштейн С.Б. Балто-славянская языковая общность // *Славянская филология*. Сборник статей. Вып. 1. М., 1958. С. 45—67.
24. Karaliūnas S. Kai kurie baltų ir slavų kalbų seniausių santykių klausimai // *Lietuvių kalbotyros klausimai*. T. X. Vilnius, 1968. P. 7—100.
25. Senn A. The Relationships of Baltic and Slavic // *Ancient indo-european dialects. Proceeding of the Conference on indo-european linguistics*. Berkeley; Los Angeles, 1966. P. 139—151; Idem. *Slavic and baltic linguistic relations // Donum Balticum*. The professor Christian S. Stang on the occasion of his seventieth birthday, 15 march 1970. Stockholm, 1970. P. 485—494.
26. Mayer H. Kann das Baltische als das Muster für das Slavische gelten? // *Zeitschrift für slavische Philologie*. T. 39. 1976. S. 32—42; Idem. Die Divergenz des Baltischen und Slavischen // *Zeitschrift für slavische Philologie*. T. 40. 1978. S. 52—62.
27. Трубочев О.Н. *Этногенез и культура древнейших славян...* С. 16—29.
28. Иванов В.В., Топоров В.Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков // *Исследования по славянскому языкознанию*. М., 1961. С. 303; Топоров В.Н. К проблеме балто-славянских языковых отношений // *Актуальные проблемы славяноведения (Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 33—34)*. М., 1961. С. 211—218; Он же. К реконструкции древнейшего состояния праславянского // *Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации*. М., 1988. С. 264—292.
29. Mažiulis V. Apie senovės vakarų baltas bei jų santykius su slavais, ilirais ir germanais // *iš lietuvių etnogenezės*. Vilnius, 1981. P. 7.
30. Lehr—Splawiński T. O pochodzeniu i praoczyźnie słowian. Poznań, 1946. S. 114.
31. Горнунг Б.В. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963. С. 49. В.П.Шмид в этой связи утверждает, что ни славянский из балтского, ни балтский из славянского, ни оба из балто-славянского выводить никак нельзя (Schmid W.P. Baltisch und Indogermanisch // *Baltistica*. XII (2). Vilnius, 1976. S. 120).
32. Mažiulis V. Baltų ir kitu indoeuropiečių kalbų santykiai (Deklinacija). Vilnius, 1970. P. 314—327; *Lietuvių etnogeneze*. Vilnius, 1987. P. 82—85.
33. Бернштейн С.Б. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. М., 1961. С.34.
34. Mažiulis V. Apie senovės vakarų baltas ... P. 6, 7; Idem. Zum Westbaltischen und Slavischen // *Zeitschrift für Slawistik*. Bd. 29. 1984. S. 166, 167.
35. Зализняк А.А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 6. М., 1962. С. 28—45.
36. Benveniste E. Les relations lexicales slavo-iraniennes // *To Honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday 11 October 1966*. T. I. The Hague: Mouton, 1967. P. 197—202.
37. Поль Г.Д. Слова иранского происхождения в рус-

- ском языке // *Russian Linguistics*. 1975. № 2. С. 81—90.
38. Georgiev V.I. *Slavischer Wortschatz und Mythologie* // *Anzeiger für slavische Philologie*. 1972. № 6. S. 20—26; Polák V. *Etymologické příspěvky k slovan-skoj démonologii* // *Slavia*. 46. 1977. S. 283—291; Dukova U. *Zur Frage des iranischen Einflusses auf die slawische mythologische Lexik* // *Zeitschrift für Slawistik*. 24. 1979. S. 11—16.
39. Абаев В.И. О происхождении фонемы у(h) в славянском языке // *Проблемы индоевропейского языкознания*. М., 1964. С. 115—121; Он же. Превербы и перфективность. Об одной скифо-сарматской изоглоссе // Там же. С. 90—99; Топоров В.Н. Об одной ирано-славянской параллели в области синтаксиса // *Краткие сообщения Института славяноведения*. Вып. 28. М., 1960. С. 3—11.
40. Филан Ф.П. Образование языка восточных славян... С. 139, 140.
41. Зализняк А.А. О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами // *Краткие сообщения Института славяноведения*. Вып. 38. М., 1963. С. 22.
42. Kiparsky V. *Russische historische Grammatik. III: Entwicklung des Wortschatzes*. Heidelberg, 1975. S. 59—61.
43. Трубачев О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений // *Этимология*. 1965. М., 1967. С. 3—81.
44. Sulimirski T. *Sarmaci nie tylko w kontuszach* // *Z otchłani wieków*. 1977. № 2. S. 102—110; Седов В.В. Скифо-сарматское воздействие на культуру древних германцев Скандинавии и Южной Балтики // *Тезисы докладов VI Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии*. Ч. 1. Таллин, 1973. С. 109.
45. Трубачев О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // *Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации*. М., 1978. С. 386—405; Он же. «Старая Скифия» Геродота (IV,99) и славяне. Лингвистический аспект. // *Вопросы языкознания*. 1979. № 4. С. 41, 42.
46. Трубачев О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений... С. 20.
47. Wiesner J. *Die Thraken*. Stuttgart, 1963. S. 43; Nalepa J. *O sąsiedztwie prabaltów z pratrakami* // *Språkliga Bidrag*. V. 5. № 23. 1966. S. 207, 208; Duridanov I. *Thrakisch-dakische Studien. Die thrakisch- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen*. Sofia, 1969; Топоров В.Н. К фракийско-балтийским языковым параллелям // *Балканское языкознание*. М., 1973. С. 30—63; Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. *Этимология. Этническая интерпретация*. М., 1968.
48. Бернштейн С.Б. *Очерк сравнительной грамматики...* С. 93.
49. Kiparsky V. *Die gemeinslavischen Lehrwörter aus dem Germanischen*. Helsinki, 1934.
50. Мартынов В.В. *Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры*. Минск, 1963; Он же. О надежности примеров славяно-германского лексического взаимопроникновения // *Типология и взаимодействие славянских и германских языков*. Минск, 1969. С. 100—113.
51. Савченко А.Н. О генетической связи праславянского с прагерманским // *Типология и взаимодействие славянских и германских языков*. Минск, 1969. С. 39—48.
52. Birnbaum H. *W sprawie prasłowiańskich zapożyczeń z wczesnogermańskiego, zwłaszcza z gockiego* // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 27. 1983. S. 25—44; Idem. *Zu den ältesten lexikalen Lehnbeziehungen zwischen Slawen und Germanen* // *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 13. Wien, 1984. S. 7-20; Mańczak W. *Czas i miejsce zapożyczeń germańskich w prasłowiańskim* // *International Journal of Slavic linguistics and poetics*. Bd. 27. 1983. S. 15—23.
53. Бернштейн С.Б. *Очерк сравнительной грамматики...* С. 94.
54. Treimer K. *Ethnogenese der Slawen*. Wien, 1954. S. 32—34; Бернштейн С.Б. *Очерк сравнительной грамматики...* С. 94, 95; Трубачев О.Н. *Этногенез и культура древнейших славян...* С. 43.
55. Lehr-Splawiński T. *Kilka uwag o stosunkach językowych celtycko-prasłowiańskich* // *Rocznik slawistyczny*. T. XVIII. 1956. S. 1—10.
56. Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // *Вопросы языкознания*. 1974. № 6. С. 48—67.
57. Дыбо В.А. *Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском*. М., 1981; Булатова Р.В., Дыбо В.А., Николаев С.Л. *Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском* // *Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации*. М., 1988. С. 31—65; Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л. *Основы славянской акцентологии*. М., 1990; Они же. *Праславянская акцентология и лингвогеография* // *Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации*. М., 1993. С. 65—88.
58. Rospond S. *Stratygrafia słowiańskich nazw miejscowych (Próbny atlas toponomastyczny)*. T. 1—2. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1974—1976.
59. Rospond S. *Prasłowianie w świetle onomastyki* // *I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej*. T. I. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1968. S. 109—170.
60. Lehr-Splawiński T. *Rozmieszczenie geograficzne*

- prasłowiańskich nazw wodnych // Rocznik slawistyczny. T. XXI. 1960. S. 5—22.
61. Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины...; Udolph J. Studien zu den slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Ein Beitrag zur Frage nach der Urheimat der Slaven. Heidelberg, 1979.
 62. Udolph J. Zur Toponymie Pomesaniens // Beiträge zur Namenforschung. Bd. 16. 1981. S. 422—443.
 63. Udolph J. Die Landnahme der Ostslaven im Lichte der Namenforschung // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 29. 1981. S. 321—336.
 64. Займов Й. Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. София, 1967; Zaimov J. Die bulgarische Onomastik als Spiegel des altbulgarischen und urslawischen Wortschatzes // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. 21. 1976. S. 806—813.
 65. Maligoudis Ph. Zur frühslawischen Sozialgeschichte im Spiegel der Toponymie // Etudes balkaniques. Sofia, 1985. № 1. S. 87—91; Idem. Frühe slawische Elemente im Namensgut Griechenlands // Die Völker Südosteuropas im 6. bis 8. Jahrhundert. München, 1987. S. 53—67; Малингудис Ф. За материалната култура на раннославенските племена в Гърция // Исторически преглед. Т. XLI. Кн. 9—10. София, 1985. С. 64—71.
 66. Ванагас А. Проблема древнейших балто-славянских языковых отношений в свете балтийских гидронимических лексем. Вильнюс, 1983.
 67. Алексеев В.П., Бромлей Ю.В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // Советская этнография. 1968. № 2.
 68. Schwidetzky I. Rassenkunde der Altslawen. Stuttgart, 1938.
 69. Schwidetzky I. Ähnlichkeitsbeziehungen altslawischer Bevölkerungen // Vznik a počátky slovanů. T. VII. Praha, 1972. S. 275—283.
 70. Kóčka W. Zagadnienia etnogenezy ludów Europy. Wrocław, 1958. S. 250—293.
 71. Bunak V.V. Rassengeschichte Osteuropas // Rassengeschichte der Menschheit. 4. Lieferung: Europa II: Ost- und Nordeuropa. München; Wien, 1976. S. 81—93.
 72. Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. Краниологическое исследование. М., 1969. С. 206, 207.
 73. Aleksejeva T.I., Aleksejev V.P. Ethnogeny of Slavic Peoples. An Anthropologist's View // Ethnologia Slavica. T. 8/9. Bratislava, 1976/77. S. 13—23.
 74. Magnuszewicz M., Wrona-Kuprowska T. Analiza antropologiczna Stowian Wschodnich z IX—XIII w. // Acta Universitatis Wratislaviensis. № 213. Wrocław, 1974. S. 129—135; Kozak-Zychman W. Zróżnicowa-
 - nie antropologiczne Europy Wschodniej we wczesnym średniowieczu // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. Т. IV. Киев, 1988. С. 111—116.
 75. Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.
 76. Алексеева Т.И. Славяне и их соседи (по данным антропологии) // Anthropologie. IV—2. Brno, 1966. S. 3—37.
 77. Stloukal M. Anthropologie starých Slovanů // Archeologické rozhledy. XIX—6. Praha, 1967. S. 719—724; Idem. Die Ethnogenese der Westslawen aus der Sicht der Anthropologie // Ethnogenese europäischen Völker. Aus der Sicht der Anthropologie und Vor- und Frühgeschichte. Stuttgart; New York, 1986. S. 323—330. Stloukal M., Vyhnanek L. Slované z velkomoravských Mikulčic. Praha, 1976.
 78. Boev P. Die Rassentypen der Balkanhalbinsel und der Ostägäischen Inselwelt und deren Bedeutung für die Herkunft ihrer Bevölkerung. Sofia, 1972; Mikić Ž. Beitrag zur Anthropologie spätrömischer bis spätmittelalterlicher Bevölkerungen Jugoslawiens // Godisnjak. XXII. Centar za balkanološka ispitivanja, 20. Sarajevo, 1984; Idem. Osvrst na antropološku situaciju i problematiku istorijskih perioda Jugoslavije // Zbornik posveten na Boško BABIĆ. Прилеп, 1986. S. 151—161; Idem. Die Ethnogenese der Südslawen und Berücksichtigung von West- und Ostslawen aus der Sicht der Anthropologie // Ethnogenese europäischen Völker. Aus der Sicht der Anthropologie und Vor- und Frühgeschichte. Stuttgart; New York, 1986. S. 331—339.
 79. Wierciński A. Aktualny stan badań nad etnogenezą Słowian w antropologie // Slavia Antiqua. T. XX. Poznań, 1973. S. 15—27.
 80. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. М., 1971. С. 25.
 81. Niederle L. Život starych slovanů. T. I—III. Praha, 1911—1925; Moszyński K. Kultura ludowa słowian. T. I—II. Kraków, 1929—1939 (перездание: Warszawa, 1967—1968).
 82. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987.
 83. Смирнов Ю.И. Славянские эпические традиции. Проблемы эволюции. М., 1974. С. 6.
 84. Смирнов Ю.И. Славянские эпические традиции... С. 19—89.
 85. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
 86. Schmid W.P. Indogermanische Modelle und osteuropäische Frühgeschichte // Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen des Geistes- und sozialwissenschaftliche Klasse. Mainz, 1978. № 1. S. 3—24.
 87. Kossinna G. Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungarchäologie (Mannus-Bibliothek, 6). Würzburg, 1911.

88. Childe V.G. *Piecing together the Past*. London, 1956. P. 111, 112.
89. Брюсов А.Я. Археологические культуры и этнические общности // *Сов. археология*. Т. XXVI. 1956. С. 5—27.
90. Hencken H. *Indo-European Languages and Archaeology* // *American Anthropological Association Memoir*. № 84. 1955. P. 31, 32.
91. Артамонов М.И. Археологическая культура и этнос // *Проблемы истории феодальной России. Сборник статей к 60-летию В.В.Мавродина*. Л., 1971. С. 16—32.
92. Jahn M. Die Abgrenzung von Kulturgruppen und Völker in der Vorgeschichte // *Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Phil.-hist. Klasse*. Bd. 99 (3). 1953. S. 14—17.
93. Eggers H.J. Der «Atlas der Urgeschichte» und die «Tabela imperii romani» // *Limes Romanus Konferenz Nitra*. Bratislava, 1959. S. 118.
94. Wahle E. Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlichen Kulturprovinzen // *Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse*. 1940/1941. S. 3—17.
95. Crawford O.G.S. *Archaeology in the Field*. London, 1953. P. 16, 17.
96. Филли Ф.П. Образование языка восточных славян... С. 49—59.
97. Kehoe A. Ceramic affiliations in the Northwestern plains // *American Antiquity*. 25 (2). Washington, 1959. P. 237—246; Смирнов А.П. К вопросу об археологической культуре // *Сов. археология*. 1964. № 3. С. 3—17.
98. Монгайт А.Л. Археологические культуры и этнические общности (к вопросу о методике историко-археологических исследований) // *Народы Азии и Африки*. 1967. № 1. С. 53—59; Каменецкий И.С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация // *Сов. археология*. 1970. № 2. С. 18—36; Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Проблема археологических критериев этнической специфики // *Сов. этнография*. 1979. N 6. С. 79—89 и другие работы.
99. Hachmann R., Kossack G., Kuhn H. *Völker zwischen Germanen und Kelten. Schriftquellen, Bodenfunde und Namengut zur Geschichte des nördlichen Westdeutschlands um Christi Geburt*. Neumünster, 1962.
100. Schlette F. *Frühe Völker in Mitteleuropa. Archäologische Kulturen und ethnische Gemeinschaften des 1. Jahrtausends v.u.Z.* // *Frühe Völker in Mitteleuropa*. Berlin, 1988. S. 9—23. См. еще: Brachmann H. *Archäologische Kultur und Ethnos* // *Von der archäologischen Quelle zur historischen Aussage*. Halle; Berlin, 1979. S. 101—121.
101. Herrmann J. *Archäologische Kultur und Sozialökonomische Gebiete* // *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*. 1975. № 6. S. 97—128.
102. Montelius O. Über die Einwanderung unserer Vorfater in den Norden // *Archiv für Anthropologie*. Bd. XVII. 1888. S. 151—160.
103. Kossinna G. Die Herkunft der Germanen... S. 3.
104. Otto K.-H. *Archäologische Kulturen und die Erforschung der konkreten Geschichte von Stämmen und Völkern* // *Ethnographisch-Archäologische Forschungen*. Bd. I. Berlin, 1953. S. 2, 3.
105. Tovar A. *Linguistics and Prehistory* // *Word*. T. X. № 2—3. 1954. P. 338.
106. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. *Народы...* С. 26.
107. Kurnatowski S. *Nowe teorie na temat pierwotnych siedzib słowian w świetle analizy paleodemograficznej* // *Slavia Antiqua*. T. XXIV. Poznań, 1977. S. 17—38; Idem. *Demographische Aspekte hinsichtlich slawischer Migrationen im 1. Jahrtausend* // *Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave*. T. 1. Bratislava, 1979. S. 453—475.

Древнеевропейцы

В срединной части Западной Европы в бронзовом веке на протяжении семи-восьми столетий в окружении относительно небольших культурных группировок, обладавших разными ареалами, традициями, связями и уровнями развития, существовало довольно крупное культурно-историческое образование. В середине бронзовой эпохи это была культура курганных могил, датируемая 1500 — 1250/1200 гг. до н.э., племена которой заселяли пространство Средней Европы от Рейнских земель на западе до Тисы на востоке (рис. 18).

Культура получила название по распространенному и весьма характерному погребальному обряду — захоронения совершались под курганными насыпями [1]. Могильники обычно состоят из нескольких десятков курганов с внутренними каменными конструкциями или различными деревянными погребальными сооружениями и окружены венцом, сложенным из камней. Умершие, как правило, погребались по обряду трупоположения с сопровождающим инвентарем (чаще всего это украшения) в основаниях курганных насыпей или в грунтовых ямах под ними. Встречаются и погребения по обряду кремации, в отдельных районах они были даже преобладающими. Остатки трупосожжений помещались в глиняных урнах или цистах.

Вещевой материал, происходящий из раскопок поселений, определенно свидетельствует о земледельческо-скотоводческом характере экономики населения рассматри-

ваемой культуры. В составе стада на первом месте был крупный рогатый скот, он был и основной тягловой силой, в том числе для обработки пахотных земель.

В эпоху культуры курганных могил началось активное развитие металлургии. В значительных масштабах добыча руд производилась прежде всего в Восточных Альпах. В ареале этой культуры залежи медных руд находились еще в Карпатах и Чешских Рудных горах, где имелись и месторождения олова. Они были освоены населением культуры курганных могил. Регионы, где имелись залежи руд, в это время начинают приобретать особое значение.

Бронзовые изделия рассматриваемой культуры уже весьма многообразны. Среди украшений обычны одежные булавки с шаровидными, биконическими, дисковидными и просто завернутыми головками; плоские браслеты с двойными спиральными розетками по краям, иногда украшенные резным орнаментом; сердцевидные и лилиевидные подвески; спиральные перстни. Среди бронзовых орудий труда распространяются серпы и ножи с литыми рукоятками. Встречаются также пальштабы, топоры, шилья. Предметы вооружения представлены кинжалами, наконечниками копий и мечами с цельнолитыми рукоятками.

Весьма разнообразна глиняная посуда — амфоровидные сосуды, разнотипные миски, чаши, кувшины. Украшались они или насечками, заполненными инкрустацией, или имели пластическую орнаментацию в

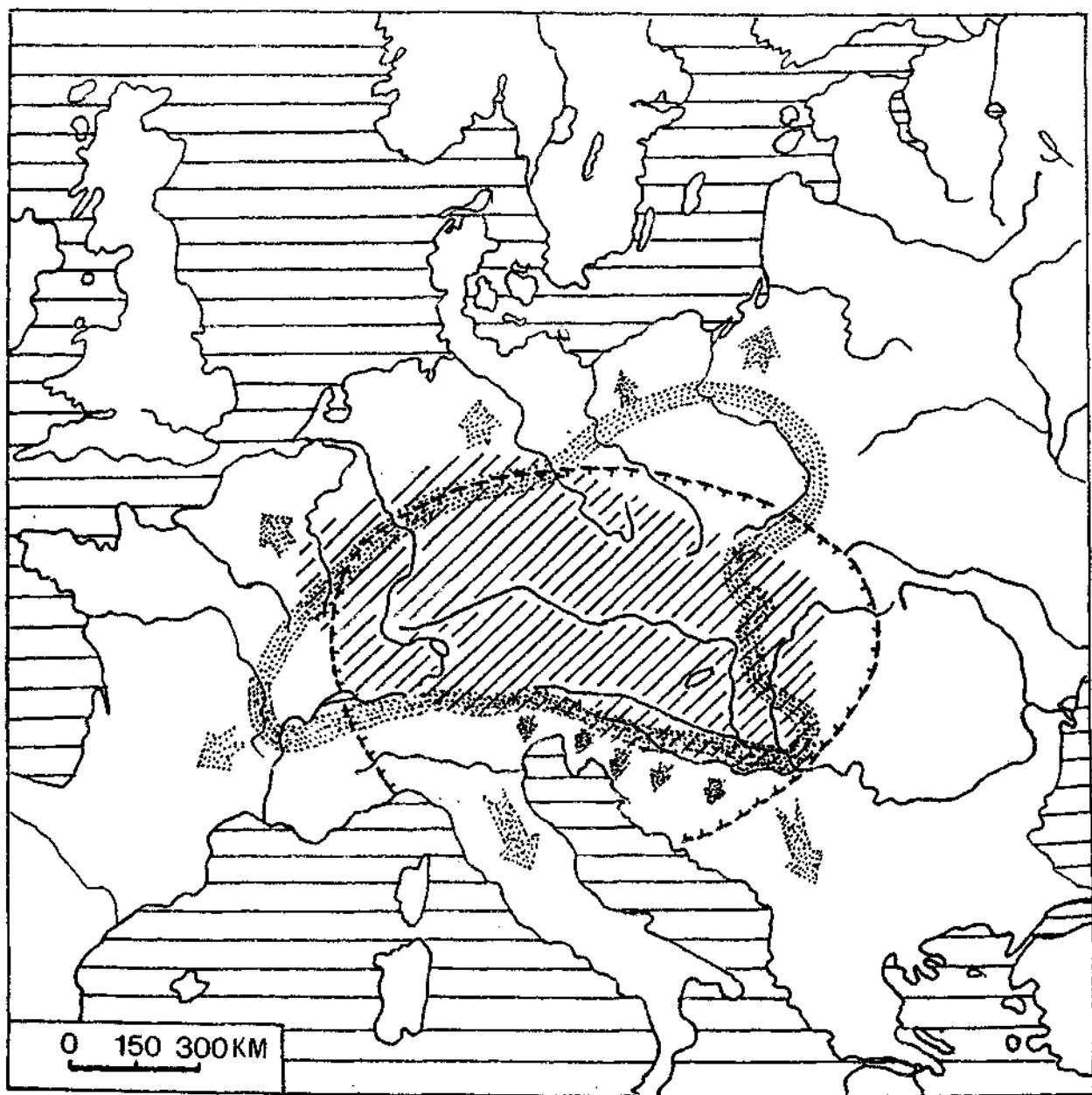

Рис. 18. Ареалы древнеевропейцев во второй половине II тысячелетия до н.э.

а — ареал культуры курганных могил; б — основной ареал средневропейской общности полей погребальных урн; в — центральноевропейский культурный регион, определяемый О.Н.Трубачевым по лексическим данным; г — направления расселения племен средневропейской общности полей погребальных урн

виде соскообразных или реберчатых выпуклостей или каннелюр. На поселении Загоре в Словакии раскопана гончарная мастерская. Гончарные печи и склады готовой продукции гончаров выявлены на целом ряде поселений, что дает основание говорить о функционировании в ареале культуры курганных могил ремесленных центров.

Племена рассматриваемого средневропейского региона создали сравнительно высокую материальную и духовную культуру, обладающую многими определенными чертами сходства. Вместе с тем выявляются и некоторые локальные различия. Так, в западной части ареала различаются нижнерейнская, вюртембергская, хагенауская (эльзасская), среднерейнская, гессенская и люнебургская (ильменауская) группы, в восточной — чешско-пфальская (восточнобаваро-чешская), среднедунайская и карпатская (юго-восточная).

Происхождение культуры курганных могил — пока нерешенная проблема. М. Гимбутас вслед за рядом других исследователей полагала, что в ее основе лежит унетичская культура, которая в предшествующее время (1800—1500 гг. до н.э.) была распространена в части ареала культуры курганных могил. Между этими культурами действительно наблюдаются черты преемственности.

Территория культуры курганных могил постепенно увеличивалась за счет расселения ее носителей и ассимиляции инокультурного населения. Археологические данные отчетливо показывают, как племена рассматриваемой культуры в ходе своего расселения распространяли свойственные им элементы обрядности, керамику и металлические изделия и, таким образом, положили начало образованию некоторых из локальных культурных групп, которые были названы выше.

На поздней стадии развития в культуре курганных могил получают распространение бескурганные захоронения по обряду трупосожжения. Этот процесс протекал постепенно и завершился во второй половине XIII в. до н.э. Обычай сооружать курганы полностью исчезает, а обряд кремации умерших повсеместно становится

господствующим ритуалом. Новая обрядность — захоронения остатков трупосожжения в урнах на грунтовых могильниках («полях погребений») — дала название новому крупному образованию — средневропейской культурно-исторической общности полей погребальных урн (рис. 18 и 19), датируемой XIII—VIII/VII вв. до н.э. [2].

Параллельно происходят и некоторые изменения в хозяйственной деятельности населения. Господствующей отраслью экономики становится земледелие, а скотоводству отводится вторая роль. Земля обрабатывалась плугом, и лошадь приобретает хозяйственное значение. Впрочем, нередко по-прежнему плуги тянулись и волами. Основными земледельческими культурами были пшеница-эммер (полба) и пленчатый шестирядный ячмень, которые культивировались в Средней Европе и раньше. Теперь к ним добавляются овес и рожь. Выращивались еще полевой горох и чечевица, культивировались также лен и масличные — мак и репс.

Наблюдается еще более активное развитие бронзовой металлургии. Орудия труда теперь более широко представлены топорами, серпами, ножами и шильями, предметы вооружения — наконечниками копий и стрел, а также мечами, при этом постепенно получают распространение мечи длиной 80—100 см с литой массивной рукояткой.

Еще более широкое распространение получают бронзовые украшения — одежные булавки разных типов, браслеты, перстни, височные кольца, ожерелья из трубочек и бус. Появляется обычай застегивать одежду фибулами, встречаются и бронзовые орнаментированные пуговицы. На позднем этапе распространяются бронзовые сосуды.

Некоторые исследователи рассматриваемых древностей считают, что на добыче руд и выплавке металлов в связи со значительным расширением этой деятельности специализировались отдельные общины. Добыча руды, металлургия бронзы и изготовление изделий из нее были весьма сложными процессами, которые могли осуществлять специалисты-ремесленники. Поэтому внутри средневропейской общности полей пог-

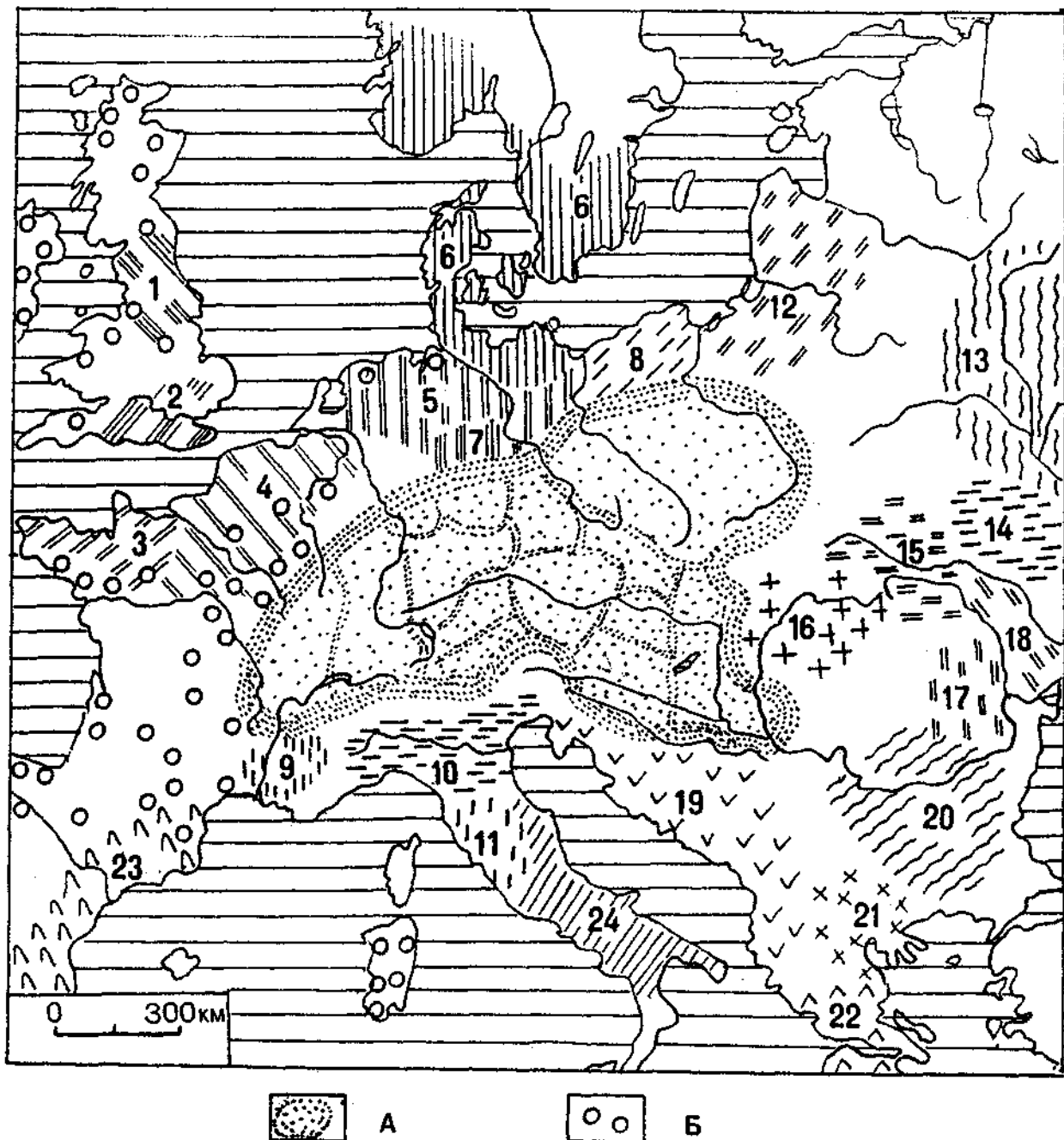

Рис. 19. Средняя Европа во второй половине II тысячелетия до н.э.

а — ареал средневропейской общности полей погребальных урн; б — распространение мегалитических сооружений

Археологические культуры: 1 — Фуд-Вессель; 2 — Уэсекс; 3 — бретонская; 4 — Сены-Уазы-Марны; 5 — нордийская-пошерзонская; 6 — нордийская-пишлейская; 7 —

ребальных урн сформировались отдельные общины из кузнецов-медников, металлургов и рудокопов, которые обслуживали другие общины, занятые сельскохозяйственной деятельностью.

Основная масса поселений средневропейской общности была неукрепленной, размеры их различны — от небольших до крупных, площадью около 50 га. Располагались они в местах, наиболее пригодных для сельскохозяйственной деятельности, на всхолмлениях вблизи рек или ручьев, иногда в речных долинах. Некоторые из селений обносились рвами. Со временем появляются и укрепленные поселения, устроенные в местах, приспособленных для обороны, — на мысах, островках, холмах, возвышениях и т.п. Они укреплялись искусственными сооружениями — стенами, сложенными из камней, валами из земли и дерева, палисадами из бревен. К числу наиболее изученных укрепленных поселений принадлежат Бискупинское, о котором речь подробнее пойдет в следующем разделе, Бухау — на острове Федерзее в Баварии [3] и ряд городищ, устроенных на холмах, в Дунайском регионе.

Жилищами служили наземные постройки со столбовой конструкцией стен. На ряде поселений средневропейской общности в Чехии выявлены жилища со стенами, обмазанными глиной. Внутри обмазка расписывалась геометрическим орнаментом белой и красной краской. На всех поселениях обычны грушевидные ямы для хранения зерна и загоны для скота. На поселении Бух близ Берлина исследованы раскопками большие закопанные в землю глиняные сосуды для хранения продовольственных запасов.

По особенностям глиняной посуды и некоторым другим культурным элементам в составе средневропейской общности полей

погребальных урн выделяется несколько групп (или культур). Наиболее крупная из них — лужицкая — занимала северо-восточные земли ареала рассматриваемой общности, включая бассейны Одера, Вислы и правобережье Эльбы. Ниже о ней будет сказано подробнее. К ранней стадии средневропейской общности принадлежат также рейнско-швейцарская, майнская, восточнофранцузская, южнонемецкая, велатицкая, бейердорфская, хотинская, вальская, кновизская и мелавичская культуры. Очевидно, это были непрочные культурные формирования: на поздней стадии развития рассматриваемой общности образуются уже иные группы. Продолжали функционировать в этот период лужицкая, рейнско-швейцарская, майнская и южнонемецкая культуры. Кроме того, выделяются нижнерейнская, южнофранцузская, каталонская, штильфридская, иллирийская крупные группы и несколько более мелких формирований.

Эти культурные образования средневропейской общности полей погребальных урн не были стабильными, границы между ними постоянно изменялись, внутри лужицкой и некоторых других культур исследователями выделяется несколько мелких локальных групп, также с нестабильными территориями. Представляется, что внутри рассматриваемой средневропейской общности протекали различные дифференционные и интеграционные процессы, причем последние имели большую силу: в начале I тыс. до н.э. культурная общность была менее пестрой, более однообразной, чем в предшествующее время. На основе анализа всех материалов, которыми располагает наука, складывается впечатление, что население средневропейской общности составляло более или менее однородный в культурном и этноязыковом отношении

унструцкая; 8 — гробовско-смердовская; 9 — Роны; 10 — террамар; 11 — протовилланова; 12 — балтийская; 13 — сосницкая; 14 — белогрудовская; 15 — комаровская; 16 — перьямош-печица; 17 — монтеору; 18 — ноа; 19 — древности Западной Адриатики (раннелибурнская, раннеяподская, среднедалматская, среднебоснийская, южнодалматская, глазнацкая, гайтан-мате и деволлская культурные группы); 20 — инкрустированной керамики; 21 — позднемакедонская; 22 — позднеэлладская; 23 — Эль-Аргар; 24 — апеннинская

массив родственных племен. Отдельные группировки его находились в постоянных контактах между собой, не создавая изолированно развивающихся образований.

Археологические материалы дают и некоторые представления о верованиях племен, составлявших среднеевропейскую общность. Близость духовной культуры этого населения несомненна, о чем говорят в частности сходные представления о символах жизни и амулеты-обереги [4]. При раскопках во множестве пунктов встречены разнообразные подвески с украшениями в виде птичьих голов. Такими же изображениями украшались бронзовые сосуды и предметы вооружения. Обычно изображались лебеди или другие водоплавающие птицы, которые были солнечными символами, связывающими небесную и земную сферы. Символами солнца служили также концентрические круги, колеса, кресты и бычьи рога. Такие элементы — символы культа солнца — характерны для всего ареала среднеевропейской общности полей погребальных урн и зарегистрированы еще только в тех регионах, где сказывается ее влияние. На позднем этапе эволюции рассматриваемой общности получает распространение обычай хоронить высших представителей общества на повозках, которые также нередко украшались изображениями птиц.

Повсеместное распространение в ареале рассматриваемой общности обряда трупосожжения, как считают исследователи, свидетельствует о господстве единых представлений о загробной жизни, согласно которым огонь помогал душе человека освободиться от тела и вознестись на небо. В погребальные костры, чтобы облегчить «полет души», иногда клали крылья птиц.

Картография поселений и могильников среднеевропейской общности говорит о повышенной плотности населения, особенно это касается поздних стадий ее развития. Очевидно, некоторый избыток населения стал одной из основных причин его миграции. В западном направлении, по видимому, из Рейнских земель носители общности полей погребальных урн прони-

кают в глубь территории современной Франции, достигая Атлантического побережья, и в северные районы Испании. Поздний этап бронзового века в этих землях характеризуется сильным воздействием среднеевропейской культуры полей погребальных урн. Некоторые исследователи древностей этих регионов пытаются выделить две миграционные волны, шедшие из ареала среднеевропейской общности [5]. Проникновение отдельных групп носителей культуры полей погребальных урн фиксируется археологией также на Британских островах, в Нидерландах и смежных землях [6].

Племена среднеевропейской общности начали распространяться и по Апеннинскому полуострову, о чем ниже будет сказано подробнее. Инфильтрация населения этой общности фиксируется археологически также в землях между Дравой и Савой и Поттисском регионе.

В позднем бронзовом веке, как считают некоторые исследователи, имела место и миграция среднеевропейского населения далеко на юго-восток. В это время заканчивает свое существование микенская цивилизация, гибнет Хеттское государство, подвергаются разрушению города Леванта. Археологи связывают эти события с миграциями населения из Средней Европы [7].

Попытки определить этническую принадлежность населения среднеевропейской общности полей погребальных урн предпринимались ее исследователями давно. В 20—30-х гг. XX в. многие археологи считали, что ядром этой общности была лужицкая культура, а другие культуры ее являлись результатом расселения лужицких племен. Лужицкие же древности предположительно приписывали и германцам, и фракийцам, и иллирийцам. Г. Коссинна идентифицировал племена лужицкой культуры с «северными иллирийцами».

В конце 30-х гг. австрийский ученый Р. Питтиони на основе археологических материалов попытался показать, что наиболее ранние древности кельтов, италиков, германцев и иллирийцев, известных по античным письменным памятникам, восходят к среднеевропейской общности полей

погребальных урн и, следовательно, эти этносы сформировались на единой основе, которую исследователь считал иллирийской [8]. Теория паниллиризма в те годы еще была весьма популярна. Она приписывала иллирийцам исключительную роль в древней европейской истории. Под ее воздействием и складывались выводы Р.Питтиони.

В тот же период чешский археолог Я.Бем в полемике с Ю.Костщевским, настойчиво проводившим мысль о славянской (венедской) атрибуции населения лужицкой культуры, в ряде работ утверждал, что носителями средневропейских культур полей погребальных урн была ветвь индоевропейских племен, неизвестная по имени, которая приняла участие в формировании кельтов, иллирийцев, славян и других исторических этносов [9].

В этой связи нельзя не обратить внимание на научную гипотезу немецкого лингвиста Г.Краэ, речь о которой уже шла выше (с. 63). Она была сформулирована автором в 50—60-х гг. и стала итогом его многолетнего изучения западных индоевропейских языков. Основная суть ее заключается в следующем. В то время, когда анатолийские, индоиранские, фракийские, армянский и греческий развивались уже как оформившиеся языки, самостоятельных италийского, кельтского, иллирийского, германского, балтского и славянского еще не было. Во II тыс. до н.э. в Центральной Европе существовала этноязыковая общность, из которой позднее вышли кельты, италики, иллирийцы, венеты, германцы, балты и на окраине славяне. Эта общность, названная Г.Краэ древнеевропейской, объединяла большую группу племен, говоривших на близких друг другу древних индоевропейских диалектах. Следы расселения древнеевропейцев являются водные названия, выделенные Г.Краэ по основам и суффиксам [10]. Об их ареале подробнее говорилось в предыдущей главе.

Тесные связи внутри западной части индоевропейского ареала подчеркивались и ранее многими лингвистами. Еще в 70-х гг. прошлого столетия Э.Лотнер полагал, что в результате распада общеиндоевропейского

языка первоначально образовался западно-европейский язык и только позднейшая его дифференциация привела к становлению кельтского, италийского, иллирийского, германского, славянского и литовского (балтского) языков, и это нашло отражение в созданной им схеме членения индоевропейской общности (рис. 3). О родственности западноевропейских языков отчетливо говорят и парные связи между италийским и иллирийским, между италийским и кельтским, между кельтским и германским, между германским и балто-славянским языками, которые изучались многими исследователями.

Исследования Г.Краэ получили поддержку в ряде работ и находят подтверждения в новых научных фактах. Так, В.И.Абаев выявил целую группу ирано-европейских (скифо-европейских) языковых сходжений и параллели в области мифологии, которые, по его мнению, вполне определенно говорят о тесных контактах древнейшего ираноязычного населения Юго-Восточной Европы с еще нерасчлененными западноевропейскими племенами. В этой связи, подчеркивает этот исследователь, древнеевропейскую языковую общность, в которую входили будущие кельты, италики, германцы и славяне (по В.И.Абаеву, и тохары), следует считать исторической реальностью [11].

Никак не связывая свои выводы с построениями Г.Краэ о древнеевропейской общности, О.Н.Трубачев на основе анализа ремесленной (гончарной, кузнечной, текстильной и деревообрабатывающей) лексики пришел к заключению, что носители раннеславянских диалектов или их предки в период, когда формировалась эта терминология, находились в тесных контактах с будущими италиками и германцами и составляли с ними вместе центральноевропейский культурный регион [12]. Сразу можно отметить, что этот регион в общих чертах соответствует ареалу средневропейской культурной общности полей погребальных урн. Позднее О.Н.Трубачев показал, что терминология древней металлургии и металлообработки объединяет ранних славян

не только с италиками и германцами, но и с кельтами [13].

Древнеевропейцам посвятили небольшой раздел Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванов в монографии о происхождении индоевропейцев [14]. Согласно этим исследователям, древнеевропейцы, из среды которых позднее сформировались кельты, италики, иллирийцы, германцы, славяне и балты, представляли еще слабо расчлененную на отдельные диалекты общность, отделившуюся от остальных индоевропейцев еще в Центральной Азии. Несколькими миграционными волнами они через Среднюю Азию продвигались в западном направлении. В III тыс. до н.э. какое-то время древнеевропейцы проживали в Нижнем Поволжье и Северном Причерноморье (отождествляются Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Ивановым с древнеямной культурно-исторической общностью), а затем двинулись в более западные регионы.

Комментируя концепцию Г.Краэ о древнеевропейцах, Р.Питтиони высказал догадку об их идентификации с неолитическими племенами культуры воронковидных кубков, расселившимися в Северной Европе (Германия, Дания, Нидерланды, Южная Швеция, Польша, часть Чехии и Западной Украины). Период же кристаллизации древнеевропейцев этот исследователь отнес к культуре колоколовидных кубков (2000—1800/1700 гг. до н.э.), носители которой были скотоводами и расселились в западноевропейских землях довольно широко — от Пиренейского полуострова до верховьев Вислы и нижнего течения Тисы [15]. Однако отождествление древнеевропейцев с этими культурами маловероятно. Археологически это никак не обосновывается. Культура колоколовидных кубков скорее всего сложилась в Северо-Западной Африке или на Пиренейском полуострове и оттуда ее носители распространились в северо-восточном направлении. Генетически вывести из среды ее племен исторических италиков, кельтов, иллирийцев и другие западноевропейские этносы просто невозможно.

Возросший объем археологической информации в настоящее время позволяет

осветить проблему древнеевропейцев, в частности образование в результате их дифференциации отдельных европейских этносов, достаточно конкретно.

Наиболее реальной представляется мысль, высказанная В.Киммигом, об идентификации древнеевропейской языковой общности с племенами средневропейских культур полей погребальных урн [16].

Принадлежность племен средневропейской общности полей погребальных урн к этой этноязыковой общности обосновывается генетической преемственностью ранних древностей исторических кельтов, иллирийцев, италиков и некоторых других западноевропейских этносов с культурами средневропейской общности бронзового века.

Рассматриваемая культурно-историческая общность целостно существовала до начала железного века (VIII—VII вв. до н.э.). В разных частях своего ареала дальнейшее развитие культур полей погребальных урн протекало по-разному, верхняя дата их функционирования неодинакова, что было обусловлено специфическими историческими обстоятельствами. Важнейшими среди них стало распространение железа, вызвавшее переворот в развитии техники и культуры. В отличие от медных и оловянных железные руды распространены в природе широко. Железо в Европе добывалось почти повсюду из бурых железняков — болотных, луговых и озерных. Распространение железа привело к прекращению функционирования прежних металлургических центров и расширило возможности средневропейского населения. Пахотные орудия с железными наконечниками и железные топоры позволили заметно увеличить площади культивируемых земель, значительно повысить производительность труда в земледелии. Появились серии орудий труда и быта, неизвестные прежде. Улучшилось деревообрабатывающее ремесло и строительное дело, заметные сдвиги произошли и в развитии вооружения. Все это стабилизировало жизнь средневропейских племен и вело к демографическим сдвигам, что не могло не сказаться на их этногенетическом развитии.

Западные и дунайские области ареала средневропейской общности полей погребальных урн становятся одним из крупнейших очагов бурного развития железной металлургии и кузнечного дела. Здесь непосредственно в результате эволюции местных древностей эпохи поздней бронзы (культуры полей погребальных урн) складывается гальштатская культура [17], которая подразделяется на две крупные области — западную и восточную.

Западногальштатская культура (VIII—V вв. до н.э., по П.Рейнеке) первоначально охватывала области верхних течений Рейна, Дуная и Роны (рис. 20), но очень скоро распространилась на земли значительной части Франции и Северной Италии [18]. Континуитет между западногальштатской культурой и культурами полей погребальных урн вне всякого сомнения. Эти культуры имеют весьма близкие характеристики. Облик поселений основной массы населения не претерпел изменений. Земледелие становится более продуктивным, что привело к увеличению концентрации населения. Наблюдается рост числа поселений и в том числе укрепленных, где проживали ремесленники и воины, составляя особую социальную прослойку. Укрепленные селения периода гальштата продолжали традиции предшествующего времени. Вместе с тем, постепенно получают распространение крупные селения, защищенные валами с внутренними деревянными конструкциями или стенами из вертикально поставленных бревен. Для сооружения укреплений широко использовался и камень. Некоторые из таких городищ стали предвестниками кельтских оппидумов.

Переход от эпохи бронзы к раннему железному веку ознаменовался в гальштатском регионе постепенным изменением погребальной обрядности. Население возвращается к старой традиции — обряду захоронений под курганами. В области верхнего течения Рейна первые курганные погребения появляются уже в IX—VIII вв. до н.э. Смена обрядности протекала эволюционно. В отдельных местах и в гальштатскую эпоху население продолжало хоронить умер-

ших в бескурганых могильниках. Так, могильник Гальштат (восточнее Зальцбурга в Австрии), давший название рассматриваемой культуре, содержит исключительно бескурганные захоронения (раскопано около 3000), относящиеся как к культуре полей погребальных урн, так и к гальштатской эпохе [18].

Западногальштатские курганы обычно имели высоту 2—4 м, но нередко достигали 6—8 м. Насыпались они над опущенными в грунт погребальными камерами, стены которых облицовывались деревом. Умерших хоронили по обряду труположения. В могилы обычно клались несколько глиняных сосудов, прототипы которых обнаруживаются в керамике культуры полей погребальных урн.

Среди западногальштатских захоронений выделяются погребения в крупных подкурганых камерах с четырехколесными повозками и богатыми деталями конской сбруи. Контраст между богатыми погребениями верхушки общества и относительной бедностью основной массы населения в гальштатское время становится весьма ярким. При раскопках гальштатских памятников найдено немало число высокохудожественной бронзовой посуды, в том числе привезенной из греческих и этрусских городов, есть и импортные золотые изделия.

Западногальштатскую культуру достаточно можно отнести к кельтам. Мысль о том, что племена кельтов были носителями гальштатской культуры, была высказана еще в конце прошлого столетия Я.Кембле [20]. Ныне представляется бесспорным, что гальштатская культура стала основой кристаллизации латенской, принадлежность которой кельтам не вызывает у исследователей никаких сомнений. Кельты латенского времени уже известны по описаниям античных авторов. Начиная с Гекаatea Милетского (около 500 г. до н.э.) и Геродота (около 450 г. до н.э.), древние авторы много рассказывают о кельтах — варварском народе, жившем первоначально «по ту сторону Альп» и отличавшемся от соседей внешним обликом, обычаями, языком и политической организацией. Еще в

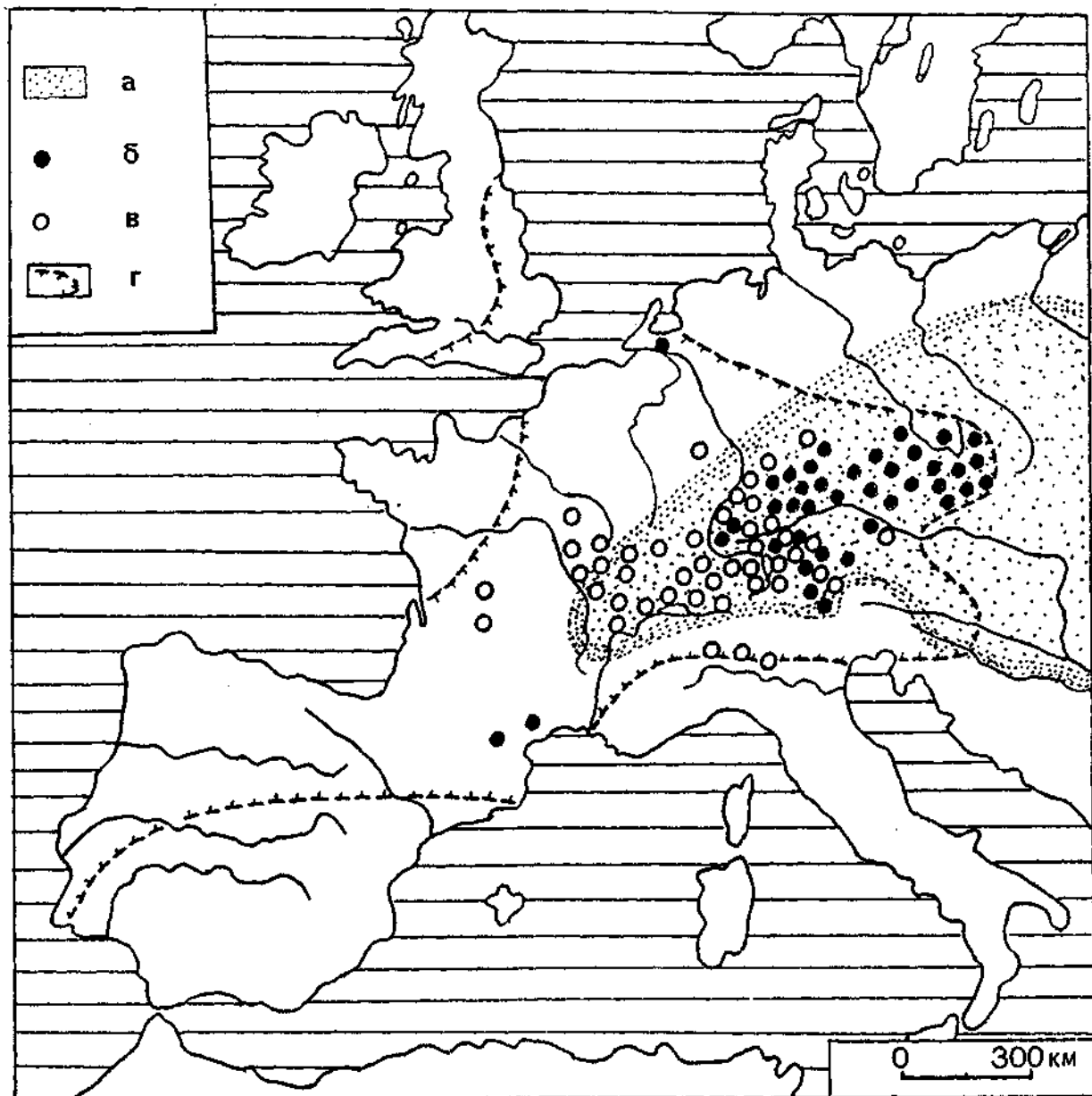

Рис. 20. Западногальштатская культура и формирование кельтов

а — ареал средневропейской общности полей погребальных урн; б — могильники периода Гальштата-С; в — могильники периода Гальштата-Д; г — границы распространения гальштатской культуры в VII—V вв. до н.э. (б — г — по С.Пигготту)

VI—V вв. до н.э. кельты появляются на Пиренейском полуострове, а в латенское время расселяются весьма широко — от Британии до Западного Причерноморья, а отдельные группы их появляются на Апеннинском полуострове и в Малой Азии [21].

Таким образом, происхождение кельтов из среды племен средневропейской общности полей погребальных урн в настоящее время представляется несомненным [22]. Некоторые исследователи выделяют в верхнерейнско-дунайском регионе ядро кельтского этноса или прямо именуют прото-кельтами население рейнско-дунайской части ареала культуры полей погребальных урн [23]. Согласно С.Пигготту, кельты и их язык сформировались около 750 г. до н.э. в части ареала средневропейской общности полей погребальных урн [24]. Я.Филип считал, что важную роль в этногенезе кельтов сыграла культура курганных могил. Она была «живительной средой», в которой начался процесс преобразования массы родственных племен, в результате чего позже сформировался новый этнос в том виде, в каком он известен истории. А непосредственными предками кельтов все же были племена средневропейской общности полей погребальных урн, проживавшие в основном в верховьях Рейна и верхнем течении Дуная [25].

Безусловный интерес представляет география кельтских гидронимов архаических типов — с формантами *-briga*, *-dunum*, *-magus* [26]. Она показывает, что такие водные названия в большом количестве распространены в Галлии, на Пиренейском полуострове и в Британии, то есть в землях, освоенных уже сформировавшимися кельтами, и почти полностью отсутствуют в регионе становления этого этноса — в верхних течениях Дуная и Рейна (рис. 21 и 22). Это интереснейшее наблюдение свидетельствует о том, что на своей прародине кельты пользовались старыми (очевидно, древнеевропейскими) водными названиями и только в процессе освоения новых земель, когда окончательно сформировался их язык и выработалась собственно кельтская топонимика, появились названия вод, относимые специалистами к архаическим кельтским.

Одновременно с раннекельтской в землях восточной Австрии, Югославии, Албании и южных районах Венгрии (рис. 23) складывается восточногалльштатская культура [27]. Ее формирование на основе средневропейской общности полей погребальных урн аргументируется достаточными материалами. При этом имело место и передвижение носителей культур погребальных урн в южных направлениях и значительные смещения их с племенами иных культурных группировок. Результатом последнего стала некоторая пестрота, наблюдаемая в погребальной обрядности восточногалльштатского ареала и значительная дифференциация на отдельные культурные области.

В основной части восточногалльштатского ареала, как и в западном регионе галльштата, получили распространение курганы с захоронениями в подкурганных камерах, обложенных деревом. Иногда они содержат богатый вещевой материал, есть и захоронения с колесницами. Обряд погребения в курганах — труположение. Наряду с курганами в восточногалльштатской области функционировали по традиции и грунтовые могильники, в основном с захоронениями по обряду кремации умерших, но встречаются и несожженные погребения на спине или в скорченном положении.

Поселения устраивались на возвышенных местах, некоторые из них укреплялись каменными стенами сухой кладки или земляными валами в один — три ряда. Известны и свайные поселения, устраивавшиеся в болотистых местностях.

Керамический материал кроме обычных галльштатских сосудов с коническим горлом содержит биконические урны, миски с высокими ручками, сдвоенные амфоры, покрытые богатой пластической орнаментацией, зооморфные сосуды. Весьма богата восточногалльштатская область металлическими изделиями. Среди них большой интерес представляют ситулы из листовой бронзы. Некоторые из них являются произведениями искусства, они украшены изобразительными фризами, выполненными тиснением и гравировкой.

Сложение восточногалльштатской культу-

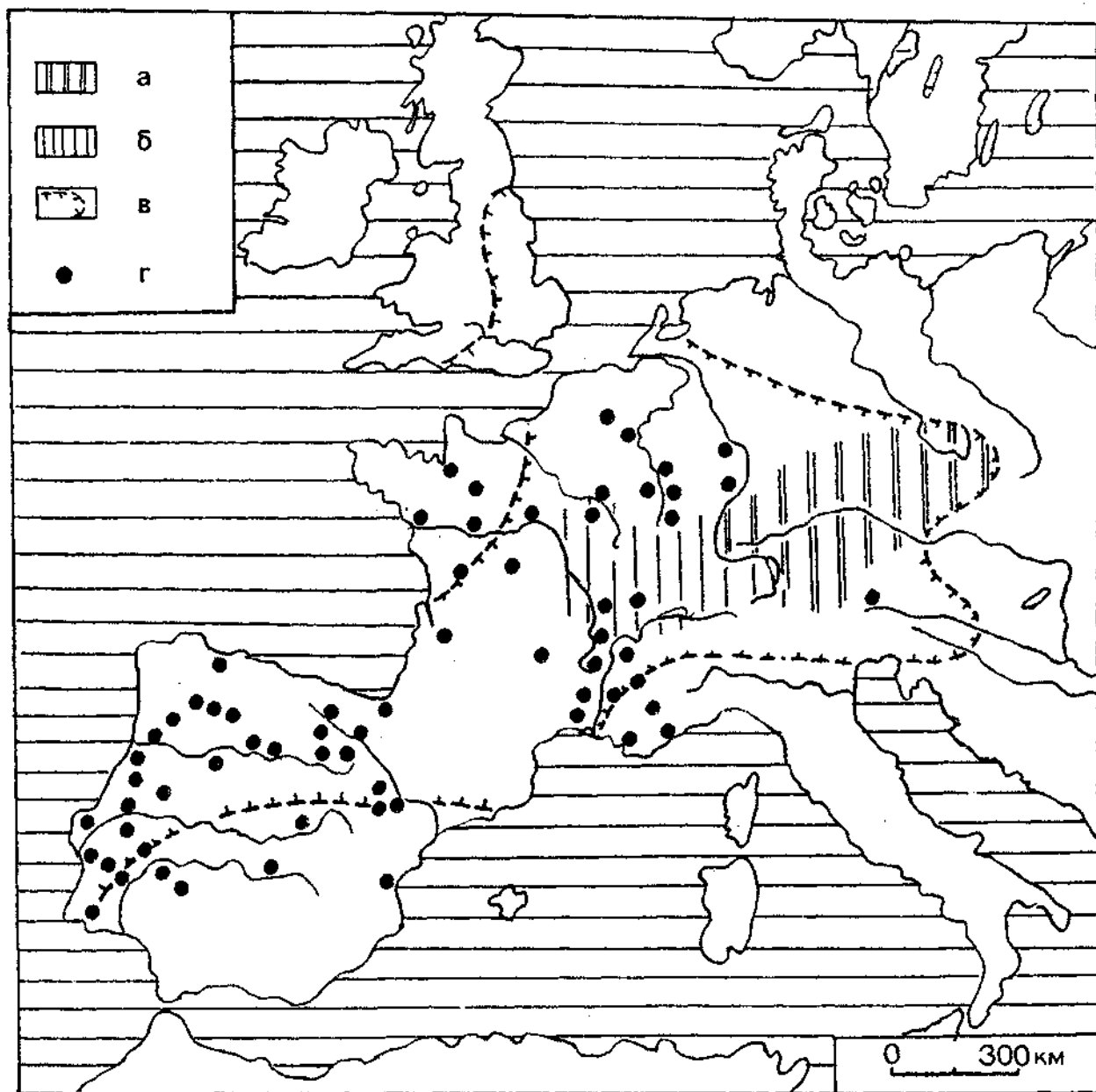
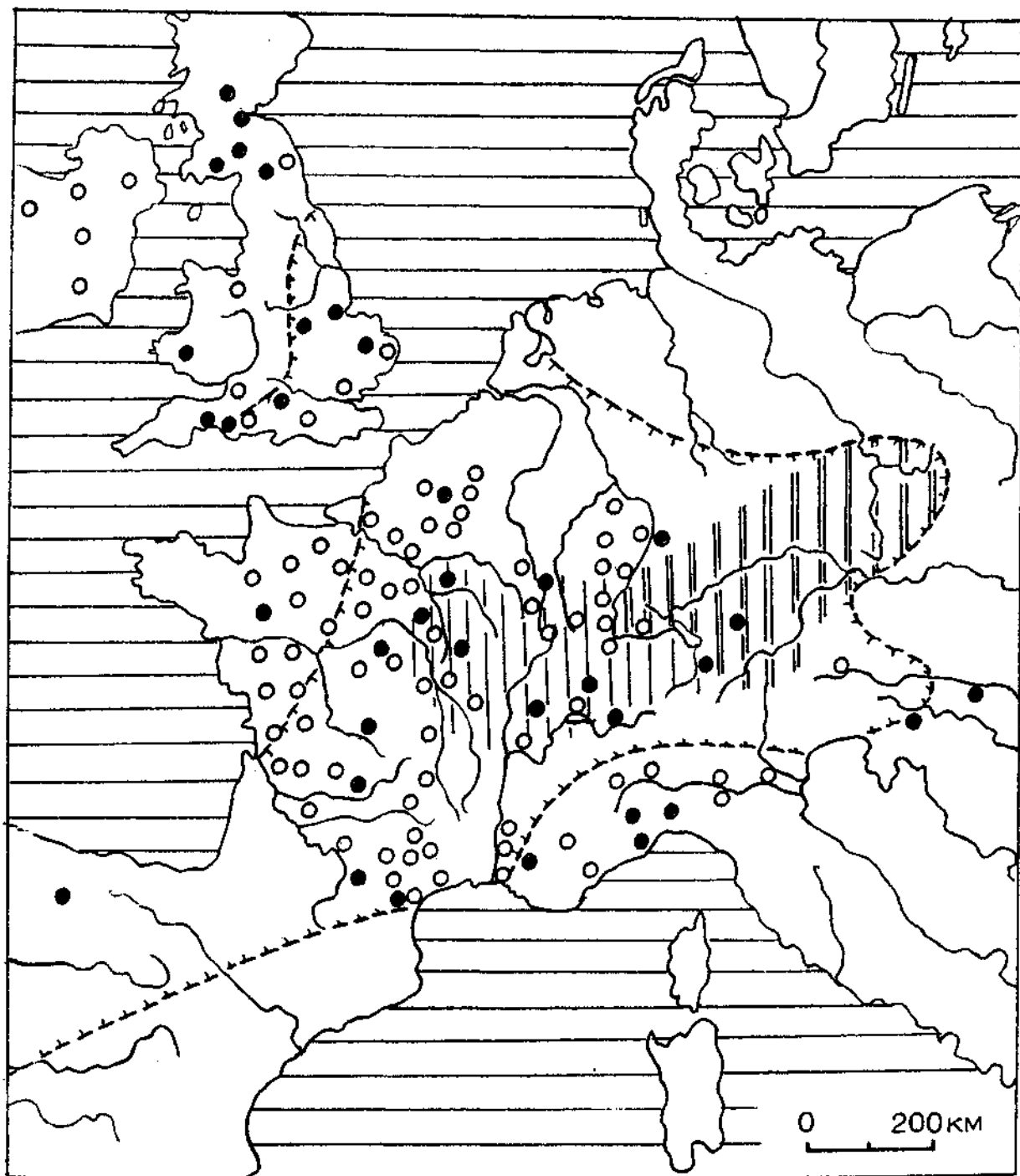

Рис. 21. Расселение кельтов в VII—V вв. до н.э.

а — регион сложения кельтов; б — первый этап расселения; в — границы распространения галльгатской культуры (по С.Питотту); г — топонимы с формантом *-briga* (по Г.Риксу)

Рис. 22. Распространение некоторых раннекельтских топонимов

а — основной регион кельтов; б — первый этап расселения; в — следующий этап расселения (территория галльгатской культуры по С.Питотту); г — топонимы с формантом *-dunum*; д — топонимы с формантом *-magus* (по Г.Риксу)

а
 б
 в
 г
 о

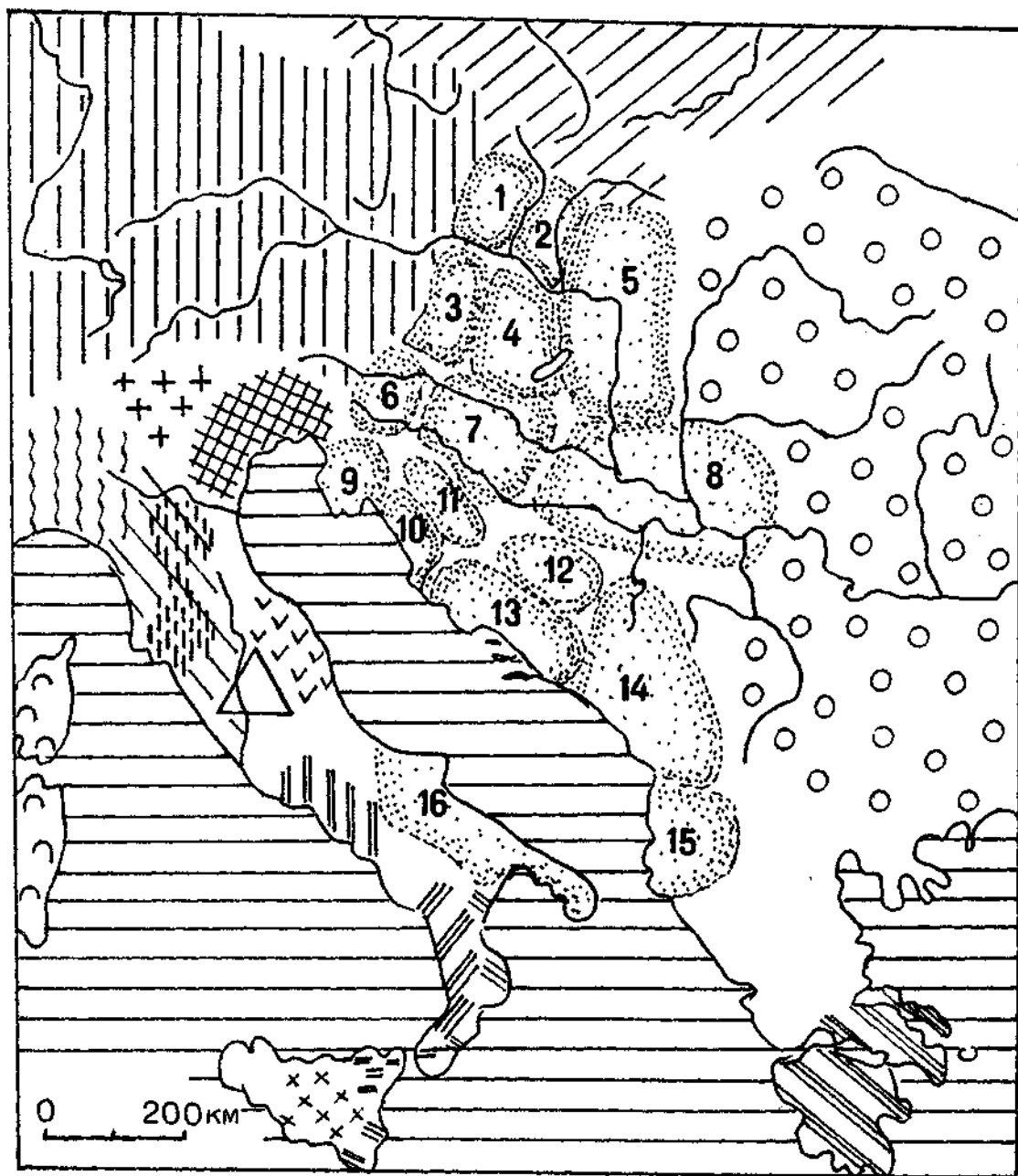

Рис. 23. Иллирийцы, италики и венеты в начале железного века

а — культурные группы иллирийцев по археологическим данным; б — западный гальштат; в — лужицкая культура; г — культура голасекка; д — мелаун; е — эсте (атестина); ж — вилланова; з — пицена; и — перни; к — Лацио; л — ямных погребений; м — нураг; н — панталика; о — авзонская; п — расселение фракийских племен; р — ареал греков

ры несомненно знаменует становление нового европейского этноса или, может быть, двух этносов. До недавнего времени казалось, что область распространения этой культуры соответствует в общих чертах расселению иллирийцев, как оно реконструируется по историческим и топонимическим материалам и, следовательно, можно было говорить о сложении здесь исторических иллирийцев. Многие исследователи стали связывать ранних иллирийцев с галыштатской культурой восточной части Приальпийского региона, а расселение племен поздней фазы культуры полей погребальных урн в северо-западные районы Балканского полуострова отождествлять с экспансией иллирийцев [28].

Однако в последнее время исследователи дифференцировали рассматриваемый ареал на две различные этнокультурные зоны, в которых генетические процессы протекали по-разному, поскольку доля участия племен средневропейской общности полей погребальных урн в каждой из них была неодинаковой.

В северной зоне (Словения, северные части Боснии и Хорватии и более северные земли восточного галыштата) население в большей степени состояло из потомков племен культуры полей погребальных урн.

В южной зоне в генезисе населения раннего железного века доминирующая роль принадлежала аборигенным племенам. Широкое расселение носителей культуры полей погребальных урн по Саве, Драве и Дунаю распространилось по Западным Балканам на юг до Македонии. Однако, как полагают исследователи, эта миграция слабо затронула восточное побережье Адриатики, где культурное своеобразие автохтонного населения сохранялось и в начале железного века. Здесь сформировалось несколько культурных групп так называемого боснийского галыштата (южноалбанская, глазнацкая,

далматинская, среднебоснийская, северодалматинская или раннелибурская, истрийская и типа Луки или яподская). В их основе, как утверждают некоторые археологи, лежат субстратные группировки бронзового века [29].

Вместе с тем, нельзя не обратить внимания на то, что полного соответствия между культурными группами позднего этапа бронзового века и культурными областями раннего этапа железного века не наблюдается. Очевидно, что расселение носителей культур полей погребальных урн в какой-то мере затронуло этнокультурную суть аборигенного населения, появление переселенцев с севера вызвало культурные трансформации и перегруппировку племен.

Субстратные элементы в культурных группах адриатического региона проявляются и в широком распространении обряда ингумации, и в преобладании курганный обрядности, и в керамических формах, и в украшениях. Северная же зона характеризуется преимущественно бескурганными трупосожжениями, специфическими формами глиняной посуды и особенно украшениями.

В этой связи к собственно иллирийцам некоторые исследователи стали относить исключительно население южной зоны, где доминировали местные культурные особенности [30], относя начало этногенеза иллирийцев к эпохе бронзы. Этот западнобалканский регион в бронзовом веке был уже индоевропейским, и в его среде будто бы и началось формирование иллирийского этноса. Население же северных приальпийско-дунайских областей отождествляется с паннонцами, известными по античным источникам периода римского императора Августа.

В письменных источниках VI—IV вв. до н.э. иллирийцы упоминаются как собирательное имя семьи родственных племен (рис.

1 — 8 — восточный галыштат; 9 — 15 — боснийский галыштат. Культурные группы: 1 — хараконская; 2 — западнословацкая; 3 — нижнеавстрийская; 4 — шопонская; 5 — северопаннонская; 6 — типа Виес; 7 — корынская; 8 — южнопаннонская; 9 — истрийская; 10 — либурская; 11 — яподская; 12 — среднебоснийская; 13 — далматская; 14 — глазнацко-мати; 15 — южноалбанская; 16 — апулийская

24), заселявших северо-западные области Балканского полуострова и Адриатику. По данным письменных памятников известно (и это подтверждается археологическими материалами), что часть иллирийских племен из Адриатики переселилась на юго-восточные области Апеннинского полуострова — Апулию и Калабрию. Прибытие иллирийцев фиксируется прекращением сооружения скальных гробниц, приписываемых сикулам, и появлением новых типов обрядности и керамических форм, имеющих параллели на Балканах.

Иллирийский язык представлен двумя разновидностями — балканской и мессапской. Мессапский язык был распространен в юго-восточной части Италии, он отражен в кратких надписях VI—I вв. до н.э. и нескольких глоссах. Балканско-иллирийский язык не засвидетельствован письменными памятниками и изучается по довольно многочисленным именам собственным (топонимы, антропонимы и этнонимы) и единичным глоссам, дошедшим в сочинениях античных авторов. По данным ономастики, иллирийский язык Балкан членился на две диалектные зоны — далматинскую и паннонскую [31].

Есть все основания полагать, что выявляемые археологически южная и северная зоны иллирийского ареала и соответствуют этим диалектным зонам. Исключать приальпийско-дунайский регион из территории расселения иллирийских племен нет никаких оснований. Следы их расселения здесь являются довольно многочисленные топонимы иллирийского происхождения, в том числе к таковым принадлежит и название римской провинции Паннония. На карте (рис. 24) сопоставлены археологические и историко-ономастические ареалы иллирийских племен. Соответствия очевидны. Некоторые несовпадения, в частности в среднедунайском регионе, исторически вполне объяснимы. Начиная с IV в. до н.э. несколькими волнами в иллирийские земли вторглись кельты. Начался процесс метисации пришлого населения с аборигенами. В результате образовались кельто-иллирийские группировки. К кельтизированным иллирий-

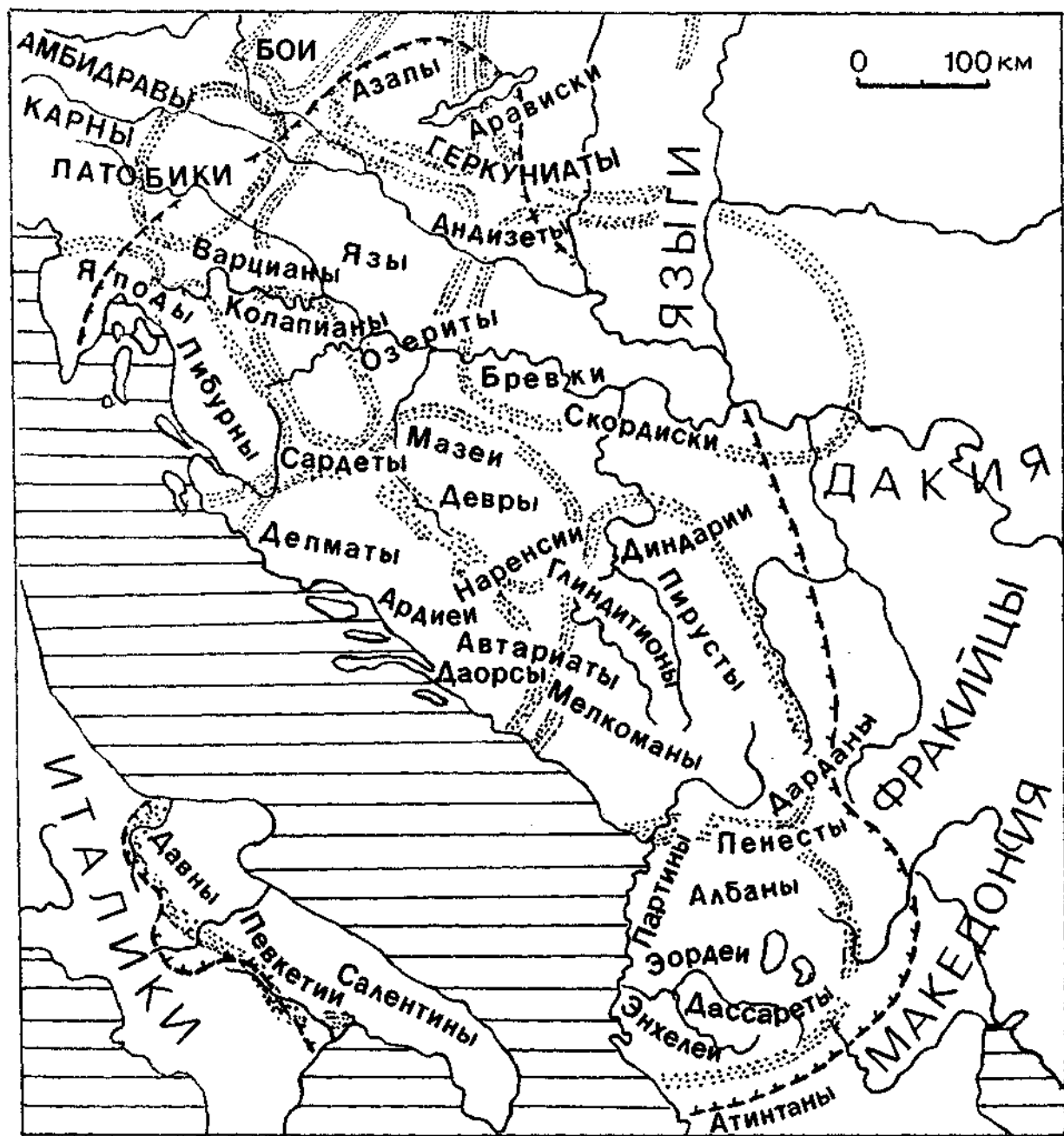
цам принадлежат, в частности, арависки в Паннонии и скордиски, расселившиеся на левом берегу р. Марга. Ягоды первоначально были иллирийцами, но после кельтского завоевания стали смешанным иллиро-кельто-венетским образованием. В условиях кельто-иллирийского взаимодействия иногда трудно определить этническую принадлежность племен, упоминаемых в письменных памятниках. Так, одни исследователи относят варцианов к иллирийцам, другие считают их кельтами.

В сочинении Тацита «Германия» содержится упоминание о «паннонском языке», на котором говорило племя озы/осы. Это племя обычно относят к иллирийцам. Но что это был за язык в начале нашей эры (диалект иллирийского, кельто-иллирийский или какой-то иной) определить невозможно [32].

Своеобразная культура иллирийцев сохранялась и в латенское время. Кельты в процессе своего расселения в восточном направлении заняли значительные области иллирийских земель. С течением времени сложились смешанные кельто-иллирийские племенные образования, так что древние авторы не всегда могут сказать, какое племя было иллирийским, а какое кельтским. Часть иллирийского ареала не была затронута кельтской экспансией и там продолжала развиваться культура на восточногалльштадтской основе, в которой все же сказывалось латенское влияние. В погребальной обрядности иллирийцев начался возврат к древнему обычаю — широко распространяются трупосожжения с захоронениями остатков кремации в урнах и грунтовых ямах без курганов. Теперь для урн в могильных ямах нередко устраивались небольшие каменные цисты.

В период от конца III до конца I вв. до н.э. иллирийские племена были покорены римлянами. Первоначально иллирийские земли находились под властью Агриппы, а после его смерти постепенно стали трансформироваться в римские провинции Паннонию, Далмацию, Мезию и Рецию. Иллирийское и кельто-иллирийское население постепенно были романизировано.

Безусловно, от средневропейской об-

-а
 -б
 Девры-в
 КАРНЫ-г
 ДАКИЯ-д

Рис. 24. Иллирийские племена в VIII—III вв. до н.э.

а — культурные группы иллирийцев VI—V вв. до н.э. по археологическим материалам;
 б — этническая граница иллирийцев по данным исторических источников и ономастики (по И.Руссу); в — этнонимы иллирийцев; г — этнонимы кельтов; д — прочие этнонимы и названия римских провинций

жности полей погребальных урн отпочковалась и группа населения, создавшая культуру эсте (рис. 23), которая получила распространение в северо-восточной части Италии — в провинциях Падуа и Венеция [33].

Ее ранний этап датируется 950—750 гг. до н.э. В это время могильниками служили «поля погребений» с захоронениями по обряду кремации умерших. Остатки трупосожжений помещались в большинстве случаев в биконических глиняных сосудах-урнах. Носители культуры эсте, как считают ее исследователи, переселились из коренных областей средневропейской общности полей погребальных урн в X в. до н.э. и заняли все удобные для поселений и сельскохозяйственной деятельности земли в долине р. По, где первое время жили изолированно. На втором этапе развития рассматриваемой культуры (750—575 гг. до н.э.) получили распространение продолговатые могильные ямы, обложенные каменными плитами. Кроме биконических появляются конические сосуды на высокой ножке и глиняные ситутлы с геометрическим орнаментом. Главным городом племен культуры эсте был Атесте (современный Эсте). На третьем этапе (575—183 гг. до н.э.) эта культура развивалась под сильным влиянием южных культур. Ее ареал становится одним из центров изготовления бронзовых ситул, часто украшенных фризами с культовыми, охотничьими и военными сценами, с изображениями животных, часто фантастических [34]. С 183 г. до н.э. этот регион становится подвластным Риму, и культура его населения вскоре была поглощена римской.

Племена культуры эсте на основании топонимики и исторических данных надежно отождествляются с венетами, язык которых выделяется в самостоятельную группу индоевропейской семьи, связанную рядом изоглосс с италийскими, кельтскими, иллирийскими и германскими языками [35]. Язык венетов зафиксирован в кратких надписях, обнаруженных в античных Атесте, Винченце, Падуе, Спине, Лаголе — в основном в ареале культуры эсте. Венетский язык в I в. до н.э. был поглощен латинским.

Апеннинский полуостров с материковой

частью Италии вплоть до приальпийских земель, по всей вероятности, долгое время принадлежал доиндоевропейскому населению. Итальянские и немецкие ученые не только вычлениют в этих землях доиндоевропейские географические названия, но и пытаются определить группы гидронимов, связываемые с конкретными племенами, известными по письменным источникам, в частности с лигурами, заселявшими области северной и средней Италии, юго-восточные регионы Франции, Корсику и Пиренейский полуостров; пелазгами, проживавшими и на части Апеннинского, и на Балканском полуострове; сиканами, которым принадлежала Сицилия, и др. [36].

Проникновение племен средневропейской общности полей погребальных урн на территорию Италии фиксируется археологическими материалами начиная со II тыс. до н.э. Согласно распространенной теории, первая волна миграции населения из Дунайских земель в Северную Италию связана с культурой террамар. Об этом свидетельствуют и погребальный обряд, и керамический материал, и бытовые изделия. С культурой полей погребальных урн связан период IV культуры террамар, когда на смену обряду ингумации приходят захоронения по обряду трупосожжения на «полях погребений». Культура террамар занимала земли по течению р. По, в основном в провинциях Эмилии-Романьи [37].

Приток населения из Среднедунайских земель был многократным. Около 1100 г. до н.э. в Лациуме, Тоскане и Эмилии начала складываться культура протовилланова (пианеллотиммари). Это безусловно результат переселения с севера из-за Альп какой-то группы носителей средневропейской общности полей погребальных урн. Около 900 г. до н.э. названная культура эволюционирует в культуру вилланова [38], принадлежность населения которой к италийской языковой группе вне всякого сомнения.

Со средневропейской культурной общностью полей погребальных урн своим происхождением связана и культура гола-секка (900—15 гг. до н.э.), получившая распространение в северных районах Ита-

лии — Ломбардии и Пьемонте [39]. Ее характеризуют «поля погребений» — грунтовые могильники с захоронениями по обряду кремации умерших. Первоначально урны с прахом помещались в простых ямах, иногда обставленных камнями, на поздней стадии стали устраиваться ящикообразные камеры из каменных плит.

Таким образом, древнеевропейские переселенцы из Средней Европы положили начало становлению италиков и итальянских языков. Лингвисты выделяют две ветви италиков — оскско-умбрскую и латино-фалискскую. Многие исследователи высказывали предположение, что предки италиков мигрировали из Центральной Европы двумя крупными волнами: первая из них принадлежала протолатинянам, которые создали культуру террамар, вторая, датируемая обычно рубежом II и I тыс. до н.э., приписывается предкам умбров и осков, оставившим культуру вилланова. В новейшей научной литературе распространено мнение не о миграции средневропейского населения крупными группами, а о длительном просачивании населения из Среднедунайских земель в среду аборигенного. Согласно Дж.Девото, протолатиняне и предки оскоумбров образовали особые диалектные группы еще в Среднем Подунавье и отсюда небольшими группами постепенно расселялись по материковой Италии и Апеннинскому полуострову среди племен тирренов, лигуров и сиканов. Исследователь допускает и миграцию морским путем через Адриатическое море, сравнивая этот процесс с распространением норманнов в раннесредневековую пору [40].

Мысль о постепенном и многоступенчатом расселении итальянских племен находит подтверждение в археологических материалах. «Поля погребений» зафиксированы исследователями не только в ареалах названных культур — террамар, вилланова и голасекка. Они известны более широко по Апеннинскому полуострову и даже в Сицилии. Однако далеко не всюду одержал верх язык нового населения. В начале железного века на Апеннинском полуострове и в Сицилии получили распространение куль-

тура ямных погребений, пиценская (новиляра), апульская и панталика, непосредственно связанные с местными древностями позднего бронзового века. По-видимому, расселявшиеся небольшие группы древнеевропейского населения в значительной степени в ряде районов растворились в среде аборигенов. Еще в середине I тыс. до н.э. территория Италии была весьма пестрой в этническом отношении. И только начиная с V—III вв. до н.э. итальянские языки распространяются здесь широко и становятся господствующими.

Антропология также свидетельствует о формировании италиков как пришлых западноевропейцев. Она указывает на значительную инвазию, имевшую место где-то на рубеже бронзового и железного века, и фиксирует взаимодействие между итальянской популяцией и автохтонными народами Средиземноморского круга [41].

Северные области ареала средневропейской общности полей погребальных урн не были затронуты гальштатской цивилизацией и развивались независимо от нее. Однако и здесь в начале железного века началось формирование исторических этносов.

Высказанная в начале XX столетия Г.Коссинной и поддержанная многими археологами и лингвистами мысль об идентификации культур эпохи бронзы Ютландии и Южной Швеции, сложившихся в условиях взаимодействия местных культур мегалитических гробниц с пришлой культурой боевых топоров, с началом германского этноса ныне абсолютно неприемлема. Первых достоверных германцев, как известно, фиксирует Цезарь в 58—50 гг. до н.э., когда границей между ними и кельтами-галлами был Рейн. Проследить генетическое автохтонное развитие от названных древностей бронзового века до культуры германцев, описанных Цезарем, не представляется возможным. Весьма существенно и то, что определяющие признаки германского языкового единства (первое передвижение согласных, перенесение ударения на начальный слог, образование специфической системы склонения и спряжения) ныне надежно датируются лингвистами только серединой I тыс. до н.э. [42].

Поэтому в новейшей научной литературе древнейшей культурой германцев признается ясторфская, начиная с которой прослеживается преемственность в генетическом развитии древностей вплоть до начала нашей эры, когда германцы были, как свидетельствуют античные авторы, единственным населением Ютландии и примыкающих к ней земель между нижним Рейном и Одером [43]. Исследователи подчеркивают прагерманский характер ясторфской культуры. Она стала основой развития последующих достоверно германских культурных группировок Европы римского времени [44].

Датируется ясторфская культура от 600 до 300 гг. до н.э., а со стадиями Рипдорф и Зеedorф доживает до конца I тыс. до н.э. Ее ареал охватывает Ютландию и материковые земли Северной Европы от Везера до нижнего Одера, включая на юге среднее течение Эльбы [45].

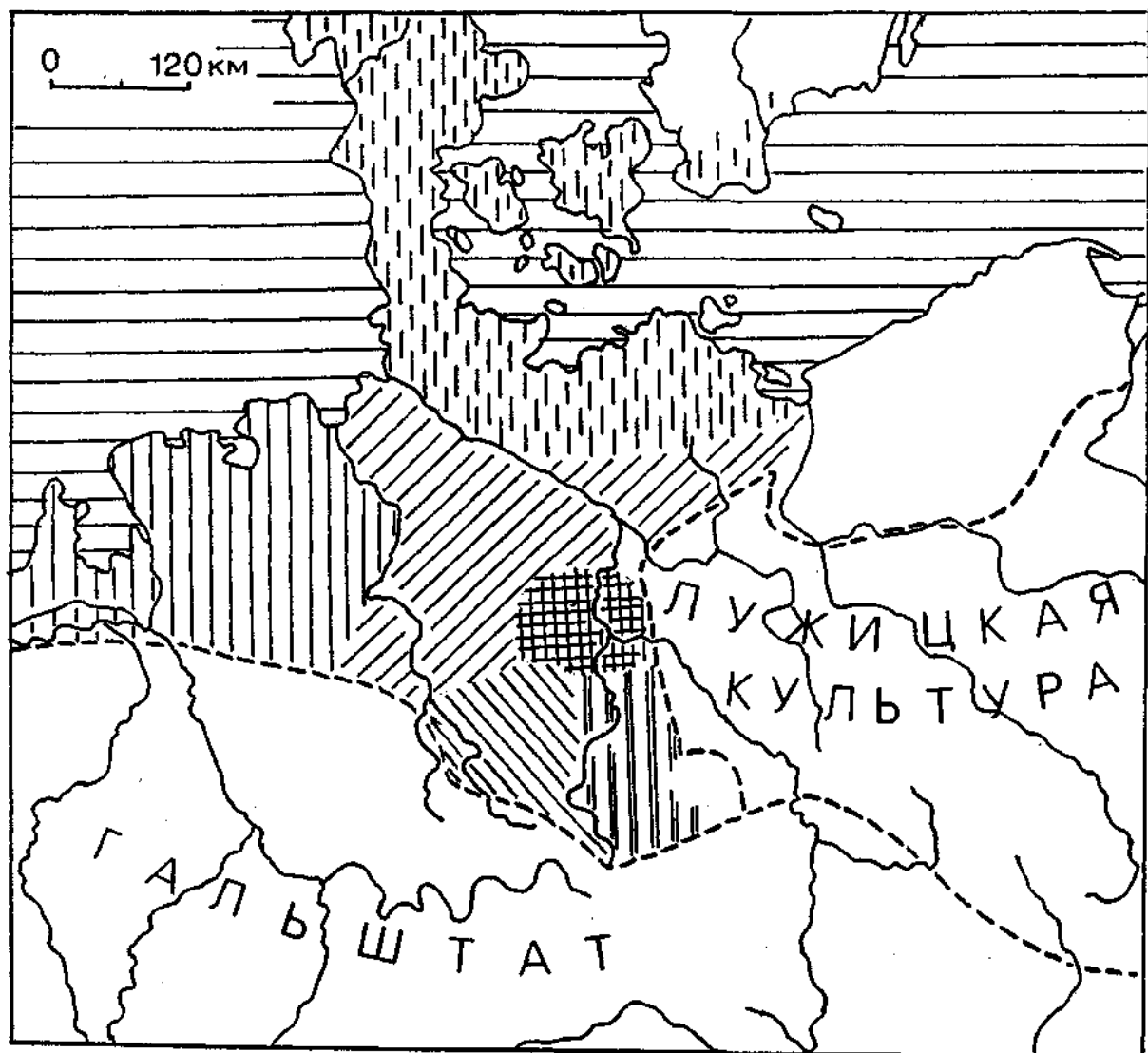
В эпоху бронзы этот ареал был неоднородным в культурном отношении. Ютландия со смежными землями материковой Европы вместе с южными областями Швеции и Норвегии составляли первоначально регион нордийской культуры. В погребальной обрядности здесь главенствовал курган. Насыпи имели обычно высоту 2—4 м, но нередко достигали и 5 м. Умерших хоронили по обряду труположения в каменных или деревянных ящиках или дубовых колодах. Весь облик материальной культуры и хозяйственной деятельности этого региона существенно отличался от средневропейской общности полей погребальных урн.

Начиная с 1150 г. до н.э. в южных областях территории нордийской культуры и в Ютландии сказывается постепенно усиливающееся воздействие средневропейских культур полей погребальных урн. Появляются первые захоронения по обряду кремации умерших, и новая обрядность постепенно распространяется на север. На смену высоким курганам сначала приходят плоские насыпи, а затем обычай сооружения курганов исчезает вовсе. К 650 г. до н.э. ритуал трупосожжения распространяется уже повсеместно и становится господствующим.

На последней стадии бронзового века нордийская культура в материковой части Европы дифференцируется на шишлейскую и пошерзонскую. Последняя по всем основным показателям уже близка к культурам полей погребальных урн и некоторыми археологами присоединяется к этой культурной общности. Около 700 г. до н.э. накануне формирования ясторфской культуры в рассматриваемом ареале по-прежнему наблюдается пестрая картина (рис. 25). На основе пошерзонской культуры образуются ниебургская (восточнее Везера) и северо-западно-немецкая (между Везером и нижним Рейном). В Ютландии продолжала свое развитие нордийская культура (влащивская стадия), в низовьях Заале существует культура домковых урн, на правом берегу Заале — халенская, на левом берегу — унструцкая культуры. Юго-восточные земли будущего ареала ясторфской культуры принадлежали лужицкому населению.

Длительное воздействие со стороны средневропейских культур полей погребальных урн, связанное с инфильтрацией их носителей, а также гальштатское влияние, которому немецкие исследователи придают большое значение, стали импульсами интеграции племен, представленных довольно различными культурами позднего этапа бронзового века, и становлению около 600 г. до н.э. единого культурного образования — ясторфской культуры (рис. 26 и 27), продолжавшей в погребальной обрядности традиции «полей погребальных урн». Следовательно, ясторфская культура была результатом консолидации местных племен периода позднего бронзового века в условиях взаимодействия с населением общности полей погребальных урн [46].

Формирование этой культуры сопровождалось временной изоляцией ее ареала от более южных областей: прекратился приток бронзы с юга, и население было вынуждено вернуться к изготовлению орудий труда и бытовых изделий из камня и кости. Какое-то значение для кристаллизации ясторфской культуры имело освоение ее носителями железодельного и железообрабатывающего производства. В этой ситуации, как

а б в г д е

Рис. 25. Рейнско-Висленское междуречье и Ютландия накануне сложения ясторфской культуры (700—600 гг. до н.э.)

Ареалы археологических культур: а — влащивской; б — нордической (пишлейской и пошерзонской); в — ниебургской; г — домковых урн; д — унструцкой; е — халленской

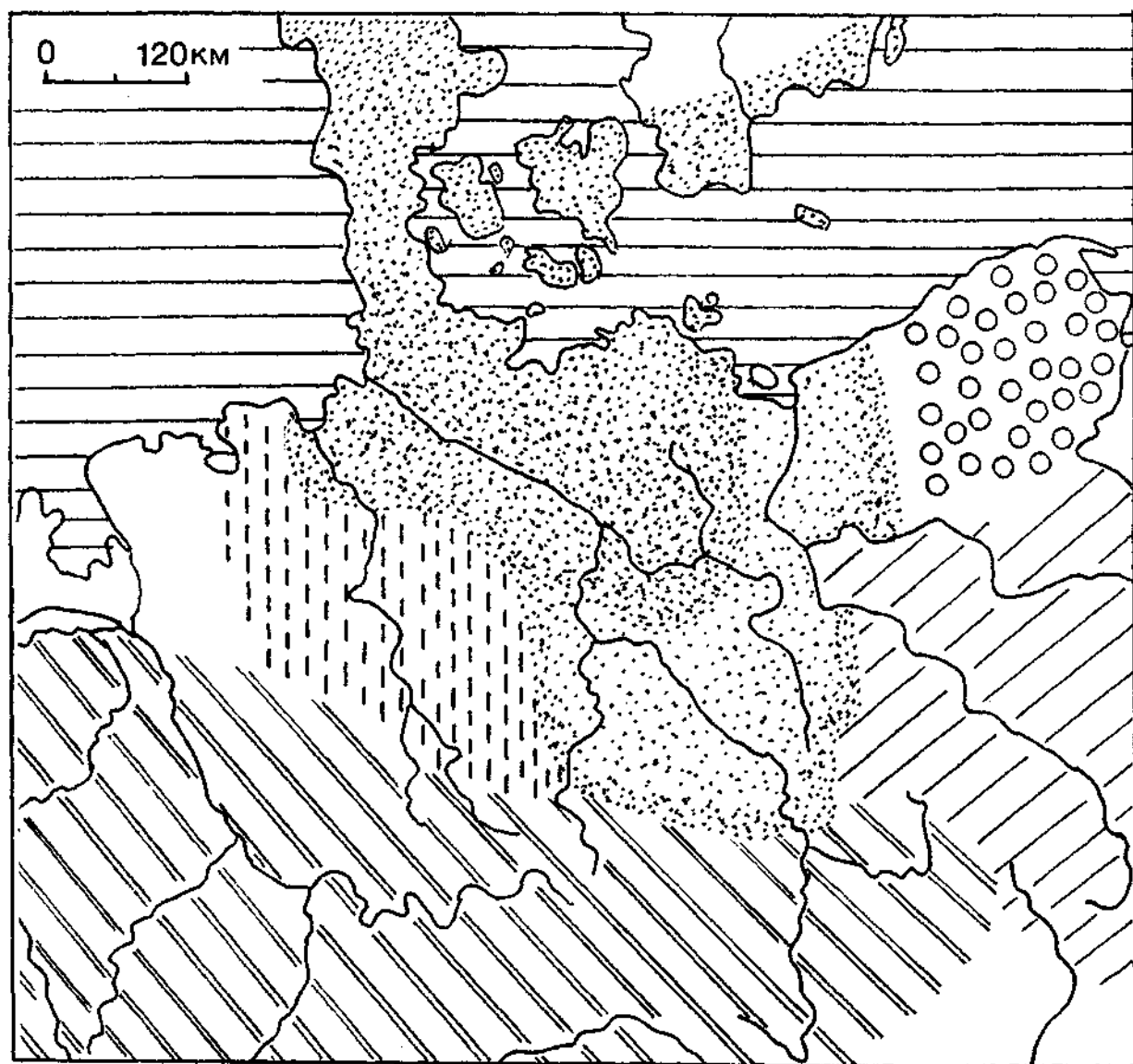
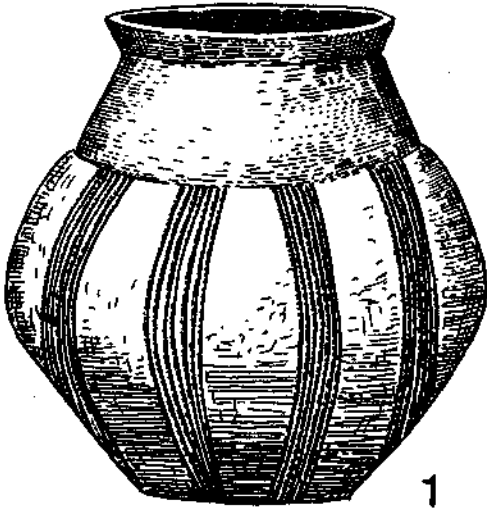

Рис. 26. Ясторфская культура и ее окружение в начале железного века

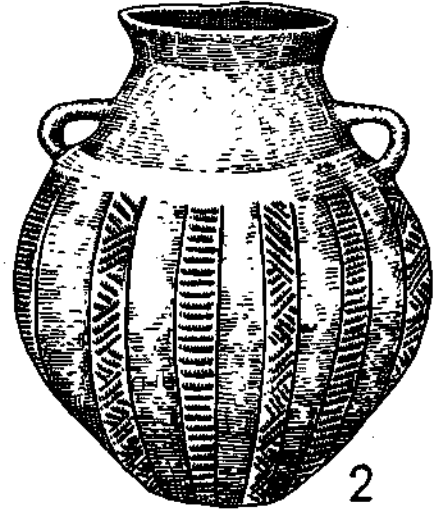
а — ареал ясторфской культуры (ее древнейший регион выделен более частыми точками);
 б — северонемецкая культурная группа, близкая ясторфской; в — расселение кельтов;
 г — ареал лужицкой культуры; д — ареал поморской культуры

Рис. 27. Глиняная посуда ясторфской культуры

1 — Деуге, около Старгарда Щецинского; 2—3 — Терпин (округ Деммин); 4 — Ванвельница, около Щецина; 5 — Бернице (округ Наумен)

1

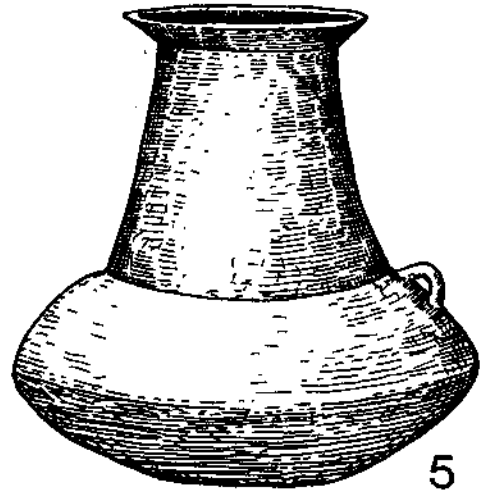
2

3

4

5

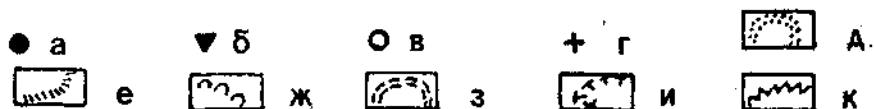
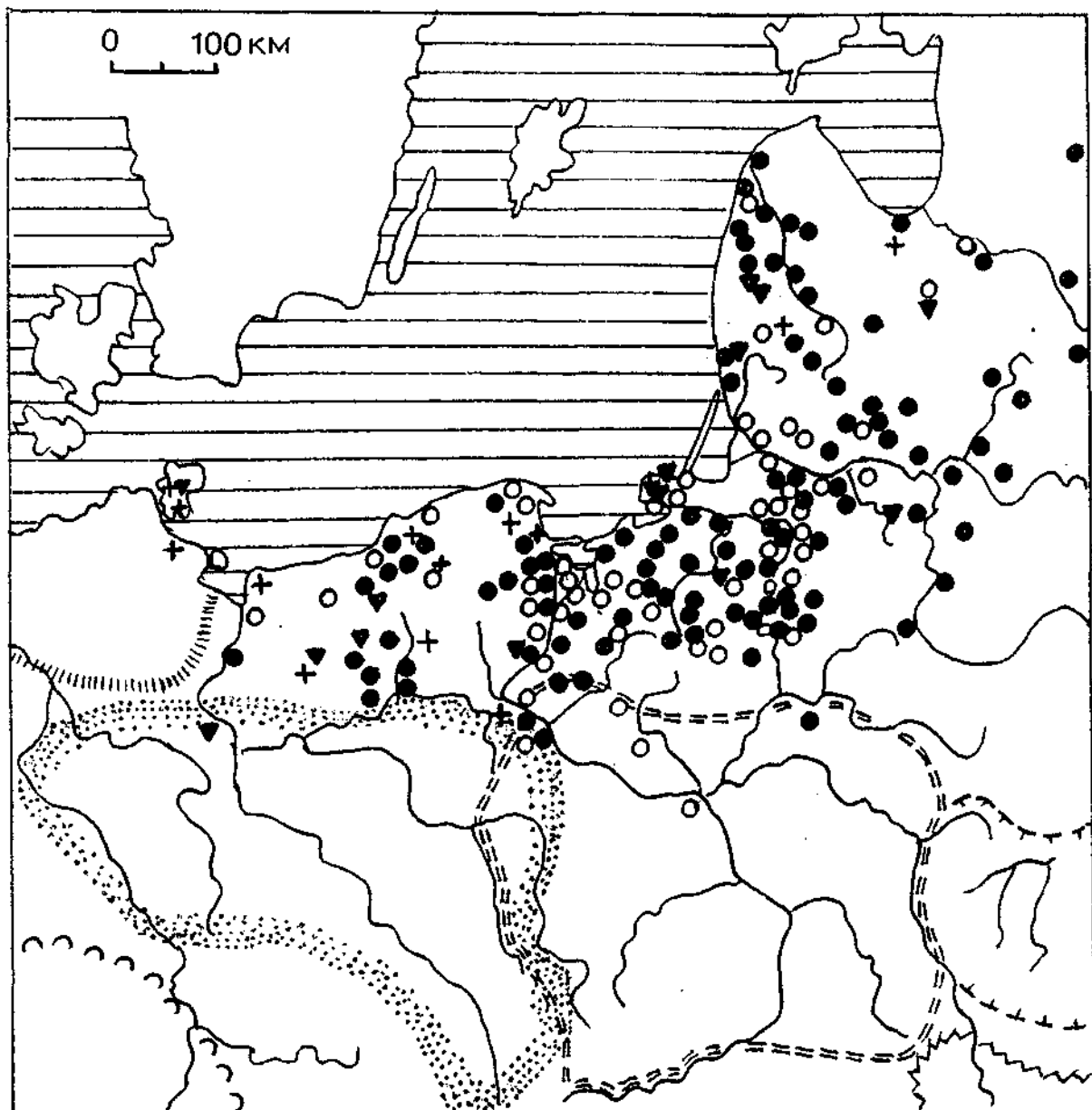

Рис. 28. Регион формирования западных балтов

Места находок: а — каменных топоров с поперечным лезвием и змеиноголовым обухом; б — топоров нортикенского типа; в — топоров с закраинами и дутообразно расширенным лезвием; г — булавок со спиральной головкой (а — г — древности приморской культуры по Л. Килиану); д — ареал преддужицкой культуры; е — юго-восточная граница

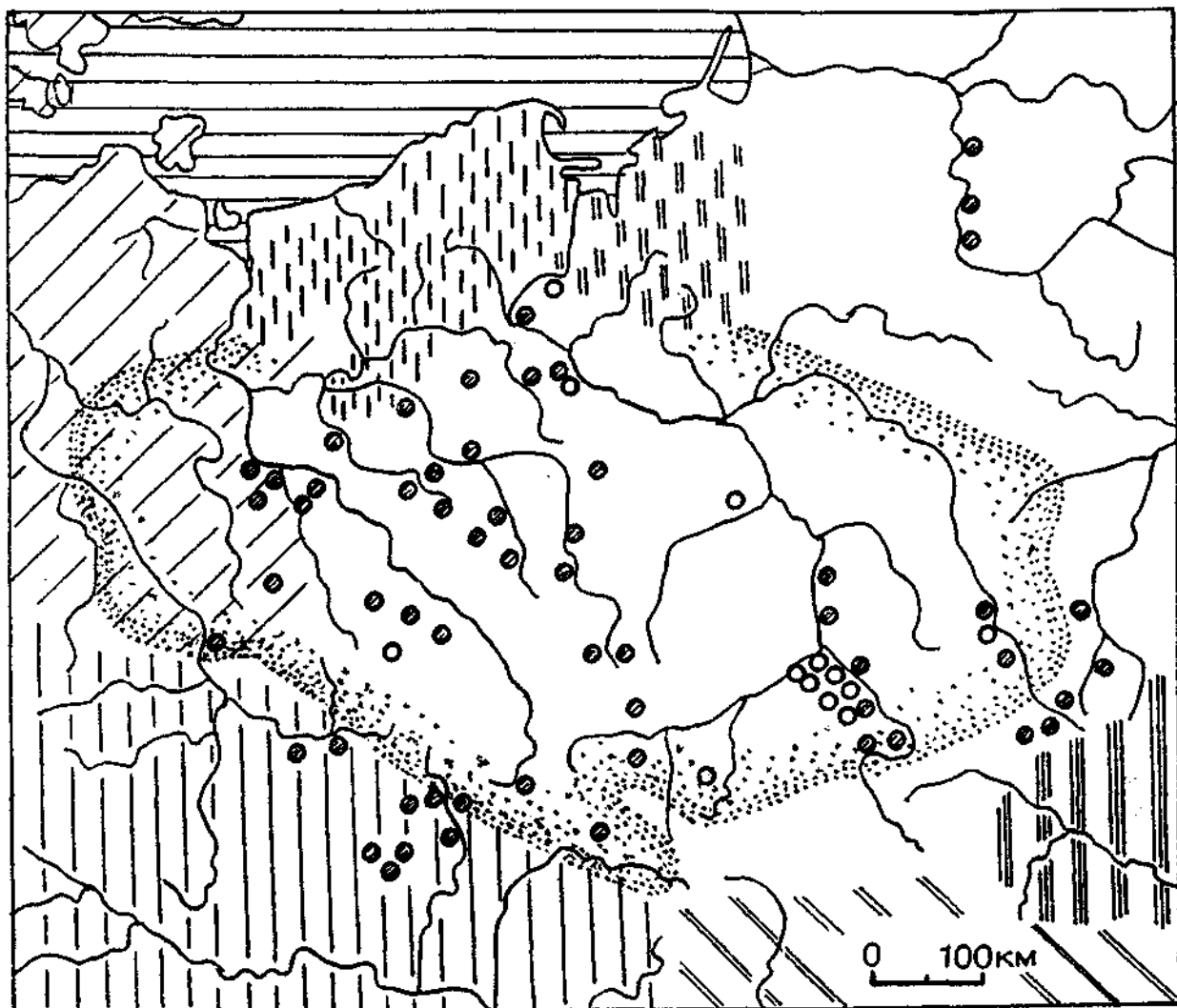

Рис. 29. Находки скифских предметов в Средней Европе

а — места находок предметов вооружения (запятичованные кружки) и колечек с гвоздевидными концами; б — ареал лужицкой культуры; в — ясторфской культуры; г — поморская культурная группа; д — самбийско-мазурская группа; е — ареал гальштата; ж — скифской культуры; з — дако-фракийцев

ареала нордической культуры; ж — северо-восточная граница верхнепалатинацко-чешской группы культуры курганных могил; з — ареал тшинецкой культуры; и — тшинецко-комаровской; к — комаровской культуры

считают ее исследователи — и археологи, и лингвисты, — и завершился процесс становления германского этноса [47]. Это не исключает возможности зарождения некоторых языковых явлений, ставших характерными для германской этнической группы, в предшествующее время, в эпоху бронзы.

Таким образом, активное участие населения средневропейской общности полей погребальных урн в начальном этногенезе германцев представляется несомненным. Некоторые ученые склонны считать прагерманцами сравнительно небольшую часть племен общности полей погребальных урн, проживавших между Везером и Рейном, где наблюдается непрерывное развитие древностей от эпохи бронзы вплоть до начала нашей эры. Однако, думается, что можно согласиться с Х.Бехагелем, отметившим в этой связи: носителей культуры полей погребальных урн нельзя еще считать германцами, хотя среди их предков, несомненно, были племена общности полей погребальных урн [48].

В северо-восточной части ареала средневропейской общности полей погребальных урн — в бассейнах Одера и Вислы — в начале железного века этноязыковая ситуация не претерпела каких-либо изменений. Здесь продолжали свое развитие древнеевропейские диалекты внутри лужицкого региона. Поскольку эти земли, как будет показано ниже, имеют прямое отношение к славянскому этногенезу, целесообразно рассмотреть лужицкие древности несколько подробнее [49].

Коренной территорией лужицкой культуры являются западные земли нынешней Польши (Силезия, Великопольша, Любуская земля и Западное Поморье), соседние области Германии (Саксония и Бранденбург) и северные районы Чехии и Словакии. Здесь лужицкая культура сформировалась на основе одной из групп культуры курганных могил, именуемой обычно предлужицкой культурой [50]. Около 1200 г. до н.э. племена лужицкой культуры расширили свой ареал в восточном направлении, освоив земли, заселенные носителями тшинской культуры (рис. 28 и 29).

Многие польские археологи включают в состав лужицкого ареала и области Польского Поморья, с чем согласиться невозможно. Здесь наряду с грунтовыми могильниками, сходными с лужицкими, широкое распространение получил курганный обряд погребения, чуждый средневропейской общности полей погребальных урн. Своеобразие этого региона подчеркивается и другими элементами культуры.

Проживало лужицкое население преимущественно в неукрепленных поселениях, состоящих из небольшого числа наземных жилищ столбовой конструкции. Систематическими раскопками они исследованы сравнительно слабо, хотя известны в большом количестве. Устраивались селения по берегам рек, иногда на всхолмлениях в поймах.

К наиболее исследованным принадлежит поселение Лютомерск, недалеко от Лодзи, где раскопками открыты остатки 13 домов. Постройки имели стены столбовой конструкции и отапливались открытыми очагами.

В самом конце бронзового века, а в основном уже в начале железного века в ареале лужицкой культуры появляются и укрепленные поселения. Устраивались городища на мысовых возвышениях, отдельных холмах или приозерных островках. Они невелики по размерам и имели оборонительные сооружения в виде валов из глины с деревянными, изредка каменными конструкциями внутри. Многие городища были плотно застроены жилыми и хозяйственными сооружениями. Как и на селищах, стены их имели столбовую конструкцию, а иногда устраивались из плетня, обмазанного глиной.

Наиболее полно изучено раскопками Бискупинское городище, расположенное в 90 км северо-восточнее Познани [51]. Устроено поселение на озерном острове, берега которого были укреплены бревнами, вбитыми в несколько рядов в дно. Овальная площадка (около 20 тысяч кв.м) была ограждена мощной конструкцией из трех рядов бревенчатых клетей, засыпанных грунтом. Длина укреплений 463 м, с западной стороны имелся воротный проезд шириной 9 м и длиной 8 м, за которым через торфя-

ник был переброшен деревянный мост длиной 120 м.

К оборонительным сооружениям с внутренней стороны примыкала кольцевая улица, замощенная деревом, в середине проложено 11 параллельных улиц, также вымощенных деревом. Вдоль последних, вплотную друг к другу, стояли постройки одинаковые по плану и конструкции (общее число их 102—106). Это — жилища, размерами около 10×8 м, со стенами, сложенными из горизонтальных бревен, заостренные концы которых входили в пазы вертикальных стояков. Каждая постройка делилась на три части: большая жилая комната с очагом, спальное помещение и хозяйственные сени. Жилища, расположенные по одной стороне улицы, имели общее двускатное перекрытие, двери их выходили на улицы. Строительными материалами были дуб и ель.

Датируется Бискупинское городище 550—440 гг. до н.э. Выделяется два периода в его функционировании: в раннее время оно имело меньшие размеры; во втором, хорошо зафиксированном раскопками, на поселении проживало около 1000—1200 жителей.

Другие лужицкие городища изучены раскопками в меньшей степени. Наряду с наземными постройками на некоторых из них открыты и полуземляночные жилища с глиняными печами.

Господствовал в лужицкой культуре, как и всюду в ареале средневропейской общности полей погребальных урн, обряд трупосожжения. Остатки кремации, собранные с погребальных костров, хоронились в круглых или овальных, очень редко в прямоугольных, ямах. Исследователями выделяется три основных разновидности погребений: 1) помещение остатков трупосожжений в глиняных сосудах-урнах, обсыпанных остатками погребальных костров; 2) безурновые захоронения, в которых кальцинированные кости перемешаны с остатками погребальных костров; 3) так называемые ямные погребения, без остатков погребального костра. В отдельных случаях могильные ямы обставлялись камня-

ми. Погребальные урны иногда покрывались мисками. Изредка встречаются так называемые подклешевые погребения — урны в них накрывались большим сосудом, опрокинутым вверх дном. Лужицкие могильники насчитывают по несколько сотен захоронений и функционировали длительное время. Так, могильник в Лясках состоял из 1800 погребений.

В некоторых лужицких захоронениях обнаруживается довольно много различных вещей: глиняные сосуды-приставки, металлические украшения (булавки, браслеты, шейные гривны, пуговицы), бусы из стекловидной массы, а также бытовые и хозяйственные предметы (бронзовые шилья, бритвы, рыболовные крючки, удила, псалии, наконечники копий и стрел, ножи). В погребениях поздней стадии появляются бронзовые втульчатые топоры, железные серпы, ножи, шилья, иглы и плоские топоры (рис. 30 и 31).

Глиняные сосуды лужицкой культуры отличаются разнообразием форм и богатством орнаментации (рис. 32—34). Наиболее характерными являются тюльпановидные и яйцевидные горшки; биконические и выпуклобочие вазы; различные кубки, кувшины, миски, черпаки; амфоры; большие сосуды для хранения запасов. Встречаются также плоские крышки, ложки, погремушки, различные глиняные фигурки. Сосуды орнаментировались шишковидными выступами и горизонтальными желобками.

Основой хозяйства лужицкого населения были земледелие и скотоводство. Возделывались просо, пшеница четырех разновидностей, многорядный ячмень, рожь, горох, чечевица, бобы. На Бискупинском городище найдены два деревянных рала, которыми обрабатывались пахотные земли. Среди домашних животных, судя по находкам костей при раскопках лужицких памятников, главное место занимал крупный рогатый скот, затем овцы, свиньи, лошади и собаки.

Важную роль в хозяйственной деятельности племен лужицкой культуры играло бронзолитейное ремесло, базирующееся на привозном сырье. Из бронзы делались ору-

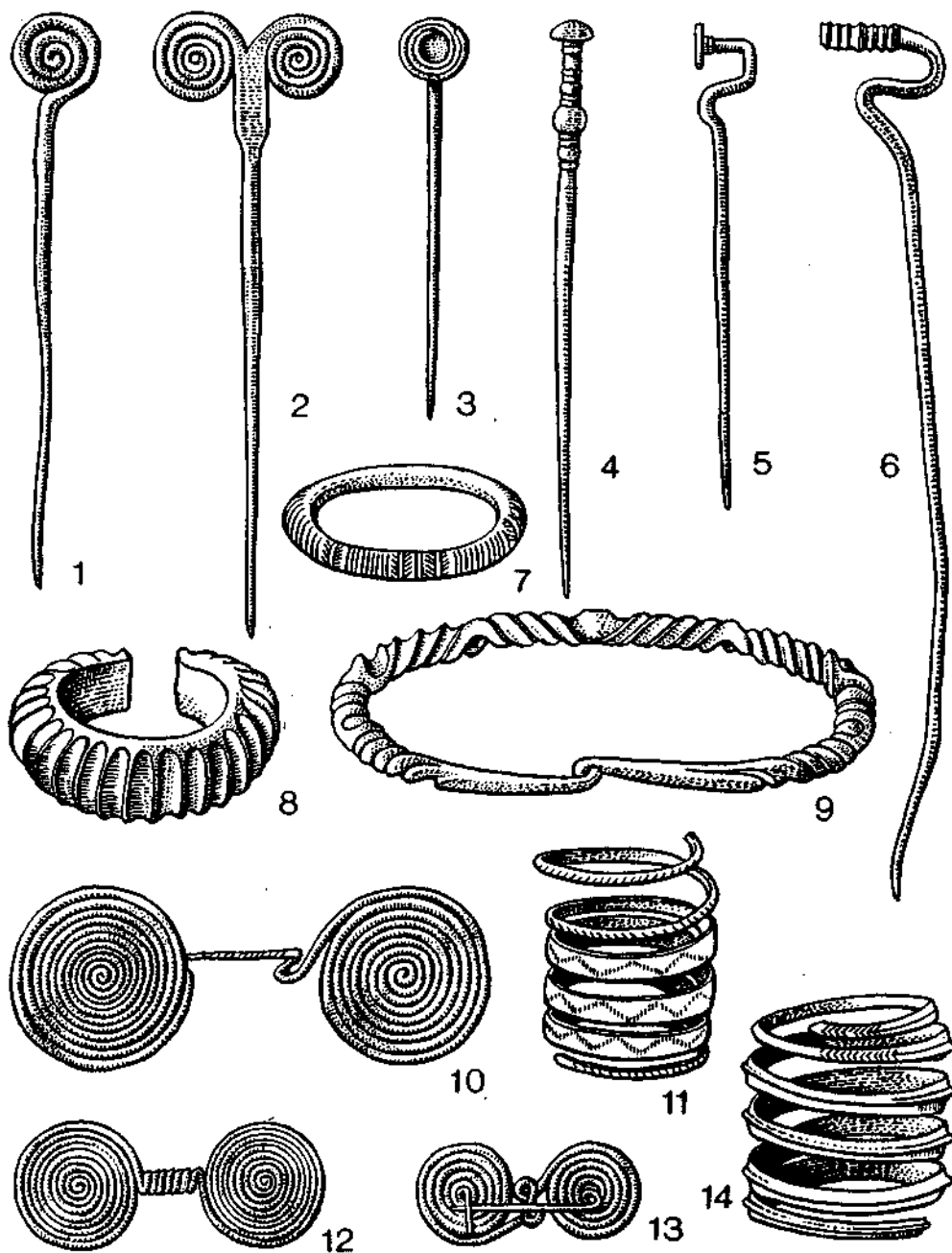

Рис. 30. Украшения лужицкой культуры

1 — Пискожевице; 2 — Слуп; 3 — Пжиток; 4 — Гавроны;
 5 — Вроцлав-Войтице; 6 — Быстрица (близ Олавы); 7 —
 Глогув; 8 — Клищув; 9 — Пельгжимув; 10 — Гоздница; 11,
 14 — Мейше (близ Немysłова); 12, 13 — Кармин

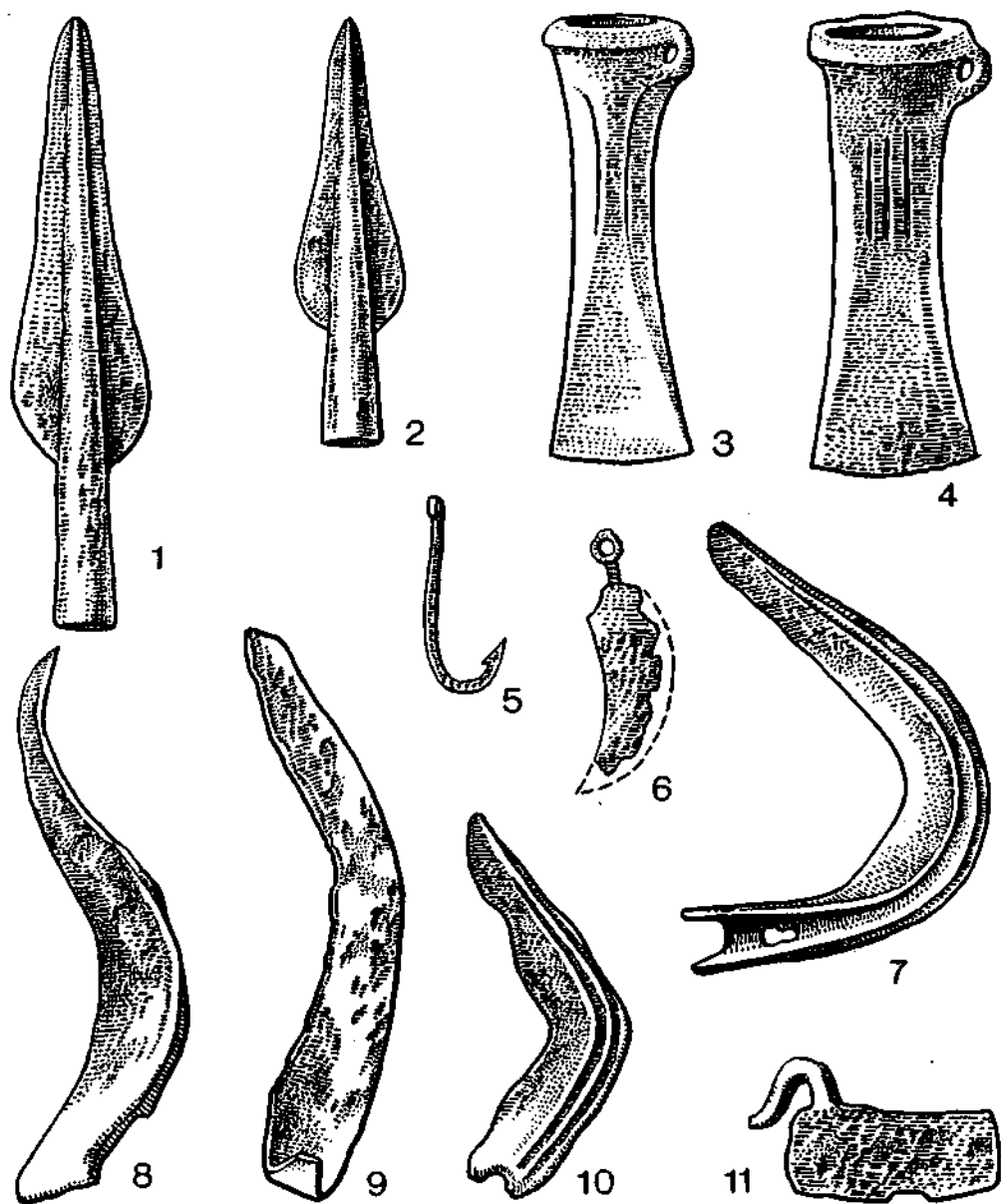

Рис. 31. Орудия труда и предметы вооружения лужицкой культуры

1, 2 — наконечники копий; 3, 4 — топоры; 5 — рыболовный крючок; 6, 11 — бритвы; 7—10 — серпы

1 — Неседле; 2 — Езежице; 3 — Вроцлав-Особовице; 4 — Чаркув;
5 — Глиняны; 6 — неизвестное место; 7 — Кармин; 8 — Тжциница
Велька; 9, 10 — Ямно под Ченстоховом; 11 — Валув

Рис. 32. Глиняная посуда лужицкой культуры

1—3 — Вроцлав-Ксенже; 4 — Бискупинец; 5 — Добровице; 6 — Хихы-Намыслув; 7 — Быстрица (близ Олавы); 8 — Лазы

Рис. 33. Глиняная посуда лужицкой культуры

1 — Вроцлав-Стабловице; 2 — Пустники; 3 — Стжижув; 4 — Хихы-Намыслув; 5 — Олштын; 6 — Безжече; 7 — Отынь; 8 — Вроцлав-Ксенже; 9 — Топорница; 10 — Вискупинец; 11 — Бержече

Рис. 34. Глиняные изделия лужицкой культуры

1, 9 — Вроцлав—Ксенже Вельке; 2 — Польгын; 3 — Плешкув; 4 — неизвестное место; 5 — Вроцлав-Войшице; 6 — Ламбиновице; 7 — Хихы-Намыслув; 8 — Валув

дия труда (топоры, серпы, долота, шилья, бритвы и другое), предметы вооружения (наконечники копий и стрел, изредка мечи) и украшения. На последней стадии эволюции лужицкой культуры появляются изделия из железа. Сначала они импортировались из восточноальпийского региона, а потом стали изготавливаться собственными мастерами из местного сырья.

Лужицкая культура не была единой на всей территории своего распространения. Исследователями выделяется несколько культурных групп, которые не были стабильными. Так, в начальной стадии выявляются западнопольская, верхнесилезско-малопольская, константиновская и саксонско-лужицкая группы. В последующий период число их увеличивается: нижнесилезская, западновеликопольская, восточновеликопольская, среднепольская, келецкая, тарнобжегская и ульвовекская группы. На поздней стадии образуются еще бяловицкая, среднесилезская, горицкая, гужицкая, биллендорфская (белинская), чешско-силезская или силезско-платенская и моравская группы. Это были неустойчивые образования с нестабильными границами, которые и дробились, и объединялись при некотором перемещении населения.

Очень вероятно, что эти культурные группы внутри лужицкого ареала отражает диалектное многообразие древнеевропейского населения рассматриваемой территории, которое еще не было устойчивым. Поэтому выявить среди лужицких групп такие, которые с той или иной долей вероятности можно было бы считать протославянскими или протогерманскими, не представляется возможным.

Вместе с тем, допустимо предположение, что в среде древнеевропейских племен общности полей погребальных урн могли зародиться и получить начальное развитие языковые элементы, ставшие впоследствии кельтскими, италийскими, иллирийскими, славянскими... В этой связи большой интерес представляют изыскания О.Н.Трубачева о древнейших преимущественно западноевропейских контактах славян. Прежде всего, это связи с протоиталийскими племенами,

которые фиксируются в лексике, семантике и словообразовании и «отражают несложное хозяйство и общие моменты условий жизни и среды обитания на стадии раннепраязыкового развития без признаков заметного превосходства или четкого одностороннего заимствования» [52]. Такие контакты следует отнести к средневропейской общности полей погребальных урн. Это были взаимоотношения древнеевропейских племенных группировок, из среды которых вышли италики и славяне. Они могли относиться и ко времени до расселения италиков на Апеннинском полуострове, и к более позднему периоду, поскольку нельзя исключать того, что какая-то часть протоиталийских племен не участвовала в миграциях на юг, оставалась на местах своего проживания, продолжая контактировать с древнеевропейцами, ставшими позднее славянами, и позднее растворилась в кельтской или иной языковой среде.

На территорию, заселенную лужицкими племенами, начиная с конца VI в. до н.э. совершали военные набеги скифы [53]. Судя по распространению находок предметов вооружения скифских типов (рис. 29) на памятниках лужицкой культуры (такие же находки сделаны и в украинских районах гальштатской культуры), походы скифских дружин на западе достигали бассейна Одера и частично Эльбы. Среди скифских находок встречено довольно много характерных наконечников стрел, некоторые из них обнаружены в валах лужицких городищ с внешней стороны. Часть городищ была сожжена или разрушена скифами. На городище Вицин в Зеленогурском регионе раскопками зафиксированы скелеты женщин и детей, погибших во время одного из скифских набегов.

В ареале лужицкой культуры встречены и скифские украшения, в частности, бронзовые колечки с гвоздевидными завершениями, золотые браслеты греческой работы, свидетельствующие и о культурно-торговых отношениях населения Висло-Одерского междуречья со скифским миром. В составе клада, найденного около Виташкова в Губинском повете, находились и

вещи, принадлежащие к произведениям искусства, выполненным в «зверином стиле».

Польские и чешские исследователи предполагают, что скифские набеги привели к некоторому упадку лужицкой культуры. Трудно сказать, отразились ли эти скифско-лужицкие контакты в языковых материалах. Т.Лер-Сплавинский относил к этому времени проникновение в славянский язык таких иранизмов, как *topoръ*, *boгъ* и др. [54].

Около 550 г. до н.э. из Польского Поморья на часть территории лужицкой культуры начинается миграция племен поморской культуры. В течение полутора столетий они освоили значительную часть бассейна Вислы и смежные районы бассейна Одера. Инфильтрация поморских племен не сопровождалась какими-либо ощутимыми перемещениями местного населения, оно не покидало мест своего обитания. Начался процесс метисации пришлого населения с аборигенным, который завершился растворением поморских племен в местной среде. В результате взаимодействия двух групп племен около 400 г. до н.э. формируется новое культурное образование — культура подклешевых погребений (рис. 35). Поскольку в последующее время носители этой культуры и их потомки развивались во всех отношениях самостоятельно вплоть до раннеисторического времени, можно заключить, что сложение культуры подклешевых погребений стало началом нового этноязыкового образования.

Есть все основания считать это образование славянами. И поскольку настоящая книга посвящена становлению и ранней истории этого этноса, то более детально процесс начального формирования его целесообразно изложить в специальном разделе.

Иные этногенетические процессы имели место в землях, примыкавших с юго-востока к Балтийскому морю, расположенных севернее ареала лужицкой культуры. Как уже отмечалось, в Польском Поморье получил распространение курганный обряд погребения. Этот регион может быть объединен с территорией синхронных древностей правобережной части нижней Вислы, бассейном р.Преголя, нижнего Немана и далее на

север вплоть до устья Западной Двины. В раннем и среднем периодах бронзового века для всех названных земель были свойственны однотипные изделия — каменные мотыги с поперечным лезвием и обухом в виде змеиной головы, бронзовые топоры с закраинами и дугообразно расширенными лезвиями (топоры норткенского типа) и булавки со спиральными головками. Исследователь этих древностей Л.Килиан [55] считает возможным объединить их в единую археологическую культуру (рис. 28) — приморскую (*Haffkustenkultur*).

Для этого региона характерен курганный обряд погребения. Курганы рассматриваемого времени располагаются обычно в могильниках совместно с более поздними погребальными насыпями, относящимися к концу бронзового века и периоду раннего железа. При их сооружении широко использовался камень — насыпи обкладывались им по окружности, поверхность покрывалась каменной вымосткой. Некоторые курганы целиком сооружались из камней.

В первые столетия I тыс. до н.э. область приморской культуры была затронута экспансией племен лужицкой культуры. В результате дальнейшее развитие культуры в разных регионах становится неодинаковым.

В Польском Поморье в начале железного века складывается названная выше поморская культура [56]. Ее ранние памятники очень слабо изучены, поэтому процессы взаимодействия лужицкого населения с аборигенным неясны. Выявляемые остатки жилищ однотипны с лужицкими, но в могильниках резко преобладают курганные захоронения. Насыпи сооружались с широким использованием камня. Камни встречаются и в грунтовых захоронениях, нередко они обставлялись камнями. Выявлено множество каменных ящиков, устроенных для погребений. Остатки трупосожжений помещались обычно в глиняные урны, но нередко ссыпались прямо на дно могильных ям [57]. В целом курганы поморской культуры по своему строению и обрядности во многом идентичны погребальным сооружениям синхронной западнобалтской культуры.

В Мазурском Поозерье и севернее до р.

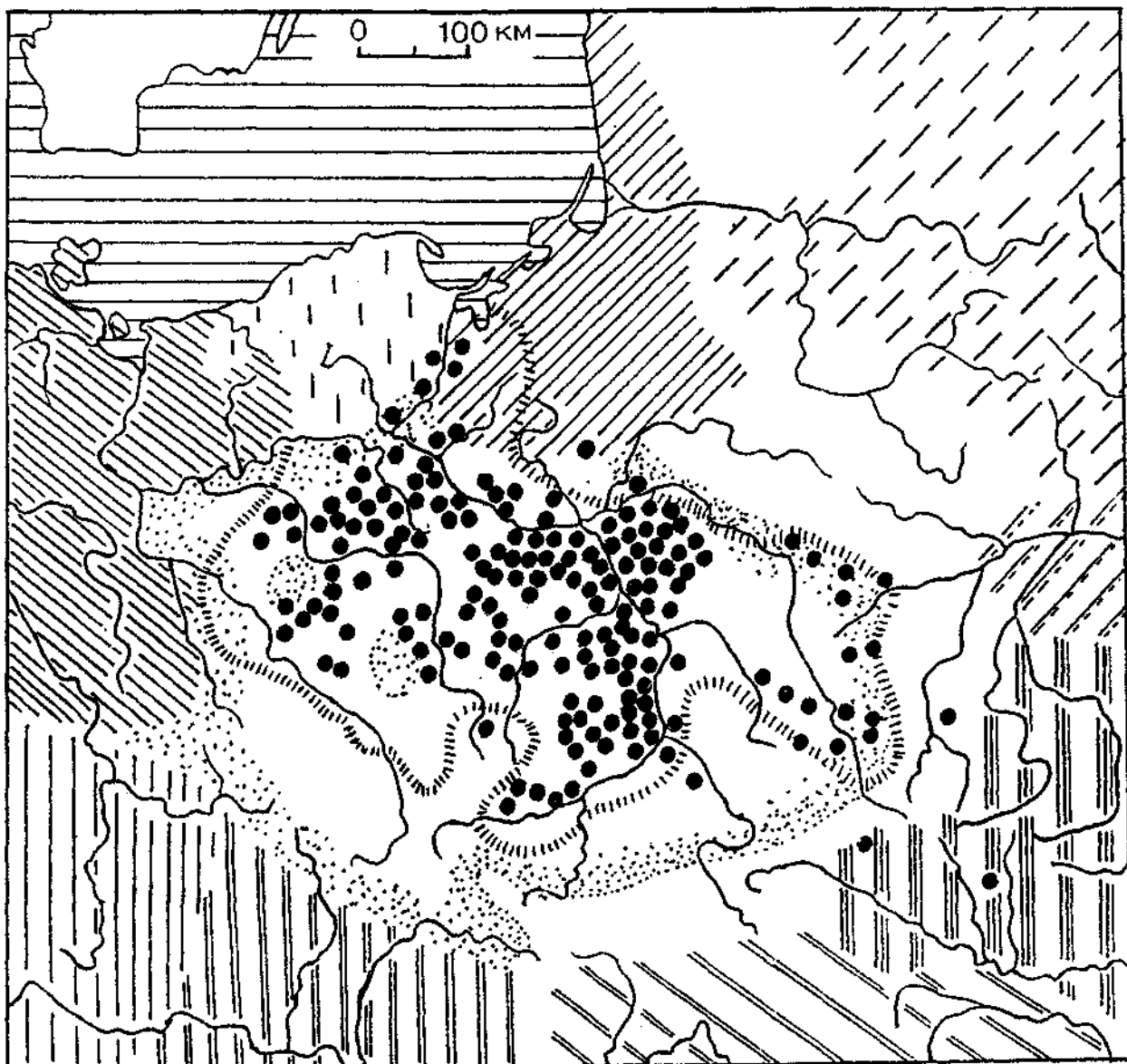

Рис. 35. Ранние памятники славян и синхронные древности их соседей

а — могильники культуры подклешевых погребений; б — исходный ареал поморской культуры; в — общий ареал расселения носителей поморских древностей; г — ареал лужицкой культуры; д — ареал ясторфской культуры; е — область западного галыштата (кельты); ж — область восточного галыштата (иллирийцы); з — ареал культуры западно-балтских курганов; и — территория восточных балтов; к — ареал милоградской культуры; л — ареал скифской культуры; м — расселение дакийских племен

Преголя в 1000—650 гг. до н.э. в результате взаимодействия пришлого лужицкого населения с местным формируется вармийско-мазурская группа древностей (рис. 36), которую некоторые польские исследователи причисляют к лужицкой культуре [58]. Проникновение лужицкого населения фиксируется археологией также в Самбии и в более северных землях вплоть до верховьев р. Вента, где обнаружены довольно многочисленные находки из бронзы и керамические материалы вармийско-мазурского и самбийского происхождения [59].

Этногенез балтов первоначально протекал вне средневропейской культурной общности полей погребальных урн. Основу этого этноса составили племена культуры шнуровой керамики, расселившиеся на территории от юго-восточного побережья Балтики до верховьев Оки и Среднего Поднепровья [60].

В той части балтского этнического ареала, где имело место лужицкое проникновение (Пруссия, Вармия, Мазурия и западные районы Литвы), в самом начале железного века формируется особая культура, получившая название культуры западнобалтских (или восточнопруссских) курганов [61]. Ее принадлежность западнобалтской общности, отделившейся от остальной части балтского этноязыкового массива и развивавшейся в дальнейшем самостоятельно, вне всякого сомнения. Можно определенно утверждать, что кристаллизация западнобалтской этнической общности имела место в культуре западнобалтских курганов [62]. С этого времени намечаются серьезные различия между западными и другими группировками балтов. На основе культуры западнобалтских курганов позднее складываются племена западных балтов — пруссов, ятвягов, галиндов и куршей, зафиксированные историческими источниками и материалами языкознания.

Сложение этой культуры в условиях взаимодействия местного балтского населения с древнеевропейским — носителями лужицкой культуры — сомнению не подлежит. Об этом свидетельствует не только то, что западнобалтским курганам предшествуют лу-

жицкие древности. В памятниках культуры западнобалтских курганов отчетливо прослеживается лужицкое наследие (глиняные сосуды, по форме напоминающие типично лужицкие; булавки с плоскоспиральными головками, спиральные браслеты и некоторые другие украшения, близкие к лужицким; втульчатые топоры). В этой связи допустимо предположение, что выделение западных балтов из остальной массы балтского этноязыкового массива обусловлено участием в их генезисе племен средневропейской общности полей погребальных урн, а отмечаемая лингвистами близость западных балтов со славянами связана с участием в их становлении населения одной из крупнейших группировок древнеевропейцев — носителей лужицкой культуры.

С балтским этносом, по всей вероятности, следует связывать и население поморской культуры (на вельковейском этапе). Правда, собственно археологическим — ретроспективным — методом это обосновать не удастся. В Польском Поморье, на своей коренной территории, эта культура функционировала до II в. до н.э., когда здесь появляются достоверные германские племена и местное население включается в германскую историю.

Вопрос об этнической принадлежности населения поморской культуры долгое время был объектом дискуссии. Немецкие исследователи первой половины XX в. писали о его германской атрибуции. Исходные положения этой точки зрения были сформулированы Г. Коссинной, который определяющими считал лицевые урны. Последние, согласно его представлениям, сначала получили распространение среди населения Скандинавии, а оттуда в результате переселения германцев появились на нижней Висле.

В польской археологической литературе господствует мысль о славянском этносе племен поморской культуры. Она покоится исключительно на предположении о том, что поморская культура является прямым развитием лужицкой. И если последняя является славянской, то и поморская должна принадлежать тому же этносу. Однако

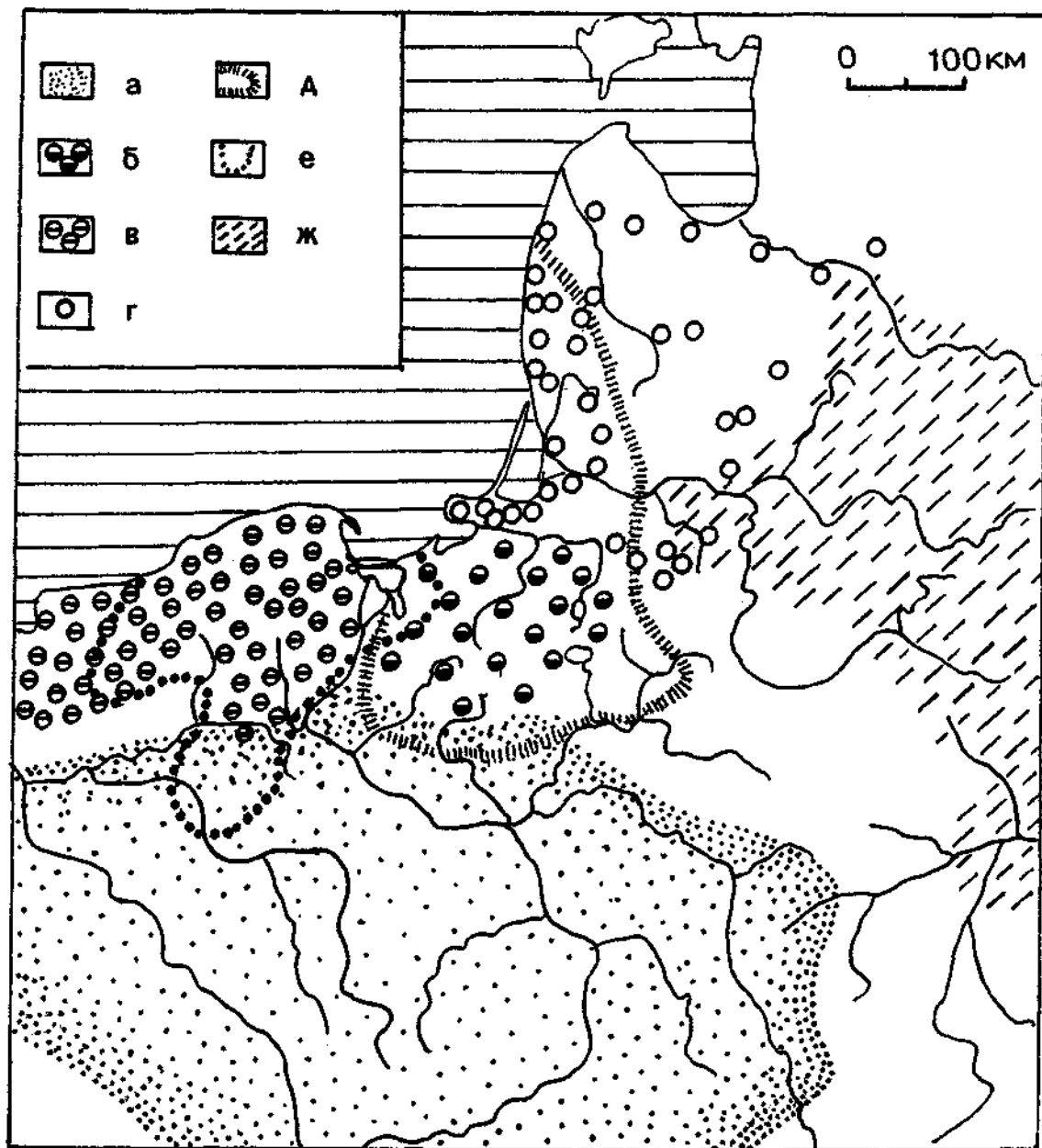

Рис. 36. Формирование западных балтов

Ареалы: а — лужицкой культуры; б — вармийско-мазурской группы; в — поморской группы; г — места находок изделий лужицких и самбийско-вармийских типов; д — ареал культуры западнобалтских курганов; е — ареал поморской культуры на вельковейском этапе; ж — территория восточных и днепровских балтов

поморские древности не были прямым развитием лужицких.

На тесную связь поморской культуры с культурой западнобалтских курганов исследователи обратили внимание еще в 20—30-х гг. [63]. Ю.Костшевский в этой связи утверждал даже, что культура западнобалтских (восточнопруссских, как он их именовал) курганов и поморская на Кашубской возвышенности составляют две группы единой археологической культуры.

В пользу балтской атрибуции поморских племен свидетельствует следующее:

1) Поморская культура родственна культуре западнобалтских курганов — они формировались на единой основе эпохи бронзы [64] и обе при участии лужицкого населения.

2) Многие элементы поморской культуры сходны с древностями западнобалтских курганов. Общими для них являются устройство курганов с самым широким использованием камня, каменные ящики, предназначенные для захоронений, обкладка погребений камнями, так называемые «коллективные захоронения», многие виды керамики (круглодонные горшки и миски, грушевидные и усеченноконические мискообразные сосуды и другие), некоторые типы

украшений (в частности, булавки с плоскими спиральными головками, булавки с коническими головками, браслеты с шишечками) и орудий труда.

3) Область поморской культуры раннего этапа находится в ареале древней балтской гидронимии [65].

Таким образом, имеются все основания полагать, что племена поморской культуры на вельковейском этапе образовывали окраинную диалектную область балтского этноязыкового массива. Может быть, в языковом отношении они занимали промежуточное положение между остатками древнеевропейцев, представленных лужицкой культурой, и собственно балтским этносом.

Согласно утверждениям некоторых лингвистов, языковые контакты балтов и германцев восходят к более раннему времени, чем славяно-германские. Выявляются сепаратные балто-германские изоглоссы, свидетельствующие об этом. Их следует отнести в первую очередь к соседству племен ясторфской культуры с населением поморской культуры, а через посредство последнего с носителями культуры западнобалтских курганов. Взаимоотношения поморского и ясторфского населения были, как показывает анализ материалов, довольно тесными.

1. Čujanova-Jilková E. Hügelgräberkultur // Filip J. Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Bd. I. Prag, 1961. S. 510—517; Piggott S. Ancient Europe from the Beginnings of Agriculture to Classical Antiquity. Edinburgh, 1965. P. 81—84; Gimbutas M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. The Hague; London; Paris, 1965. P. 71—87; Coles J.M., Harding A.F. The Bronze Age in Europe. London, 1979. P. 49, 50, 57-60; Jązdowski K. Pradzieje Europy środkowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981. S. 314—319.

2. Piggott S. Ancient Europe... P. 168—175; Gimbutas

M. Bronze Age Cultures... P. 119—159; Coles J.M., Harding A.F. The Bronze Age... P. 335—380; Jązdowski K. Pradzieje Europy środkowej... S. 334—380; Die Urnenfelderkulturen Mitteleuropas. Praha, 1987.

3. Reinert H. Das Federseemoor als Siedlungsgebiet. Augsburg, 1936.

4. Kossack G. Studien zum Symbolgut der Urnenfelder und Hallstattzeit Mitteleuropas. Berlin, 1954.

5. Sandars N.K. Bronze Age Cultures in France. The later Phases from the thirteenth to the seventh Century B.C. Cambridge, 1957. P. 116—246.

6. De Laet S.I. *The Low Countries*. London, 1962. P. 113—136.
7. Kimmig W. *Seevölkerbewegung und Urnenfeldkultur // Studien aus Alteuropa*. Bd. I. Köln; Graz, 1965. S. 220—283; Gimbutas M. *Bronze Age Cultures...* P. 329—339.
8. Pittioni R. *Die Urnenfelderkultur und ihre Bedeutung für die europäische Kulturentwicklung // Pokorný J. Zur Urgeschichte der Kelten und Illyrier*. Halle, 1938. S. 185—222; Idem. *Die Urnenfelderkultur und ihre Bedeutung für die europäische Geschichte // Zeitschrift für Celtische Philologie*. Bd. 21. 1940.
9. Böhм J. *Kronika objeveného věku*. Praha, 1941.
10. Krahe H. *Sprache und Vorzeit*. Heidelberg, 1954. S. 1—16; Idem. *Die Struktur der alteuropäischen Hydronymie // Akademie der Wissenschaft und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse*. Wiesbaden, 1962. № 5; Idem. *Unsere ältesten Flüßnamen*. Wiesbaden, 1964.
В.П.Шмид, указывая на то, что водные названия, описанные Г.Краэ как древнеевропейские, имеют более широкое распространение, относит их к ранним индоевропейцам (Schmid W.P. *Alteuropäisch und Indogermanisch // Probleme der Namensforschung im deutschsprachigen Raum*. Darmstadt, 1977. S. 98—116; Idem. *Die alteuropäische Hydronymie Stand und Aufgaben ihre Erforschung // Beiträge zur Namensforschung*. Bd. 16. H.1. 1981. S. 1—12). Эта мысль поддерживается и некоторыми другими лингвистами, однако она не может быть основанием для отрицания положения Г.Краэ о существовании в Западной Европе древнеевропейской общности.
11. Абаев В.И. *Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада*. М., 1965. С. 127—129.
12. Трубачев О.Н. *Ремесленная терминология в славянских языках*. М., 1966.
13. Трубачев О.Н. *Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования*. М., 1991. С. 81, 82.
14. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Т. II. Тбилиси, 1984. С. 938—955.
15. Pittioni R. *Alteuropäische Sprache und Urgeschichte // Anzeiger der Österreich. Akademie der Wissenschaft. Philosophische-historischen Klasse*. Bd. 95. Wien, 1959. S. 203—228.
16. Kimmig W. *Seevölkerbewegung und Urnenfeldkultur...* S. 220—283.
17. Lessing E. *Hallstatt. Bilder aus der Frühzeit Europas*. Wien; München, 1980; *Die Hallstatt-Kultur. Frühform europäischer Einheit*. Schloss Lamberg; Steyr, 1980.
18. Pittioni P. *Die urgeschichtliche Grundlagen der europäischen Kultur*. Wien, 1949. S. 270—279, 539—555; Kimmig W., Hell H. *Vorzeit an Rhein und Donau*. Konstanz, 1958.
19. Kromer K. *Das Grabfeld von Hallstatt*. Firenze, 1959; Sacken E. *Das Grabfeld von Hallstatt in Oberösterreich und dessen Alterthümer*. Wien, 1968; Pauli L. *Die Gräber vom Salzberg zu Hallstatt. Erforschung — Überlieferung — Auswertbarkeit*. Mainz, 1975.
20. Kemble J. *Horae feriales or studies in the archaeology of the northern nations*. London, 1983.
21. Moreau J. *Die Welt der Kelten*. Stuttgart, 1961; Schlette F. *Kelten zwischen Alesia und Pergamon*. Leipzig; Jena; Berlin, 1980.
22. Piggott S. *Ancient Europe...* P. 173, 187, 188; Powell T.G.E. *The Celts*. London, 1958. P. 36—48; Kimmig W. *Die Herkunft der Kelten als historisch-archäologisches Problem // Hommages à Albert Grenier. Collection Latomus. LVIII—2*. Bruxelles; Berchem, 1962. S. 884—899; Spindler K. *Die frühen Kelten*. Stuttgart, 1983; Fischer F. *Die Ethnogenese der Kelten aus der Sicht der Vor- und Frühgeschichte // Ethnogenese europäischer Völker. Aus der Sicht der Anthropologie und Vor- und Frühgeschichte*. Stuttgart; New York, 1986. S. 209—224.
23. Megaw J.V.S. *Art of the European Iron Age. A study of the elusive Image*. Bath; Somerset, 1970. P. 13; Corcoran W.P. *Preface // Chadwick N. The Celts*. London, 1970. P. 26—30; Fischer F. *Die Kelten und ihre Geschichte // Die Kelten in Baden-Württemberg*. Stuttgart, 1981. S. 45—76; Idem. *Die Ethnogenese der Kelten aus der Sicht der Vor- und Frühgeschichte // Ethnogenese europäischer Völker. Aus der Sicht der Anthropologie und Vor- und Frühgeschichte*. Stuttgart, 1986. S. 209—224; Spindler K. *Die frühen Kelten*. Stuttgart, 1983.
24. Piggott S. *Ancient Europe...* P. 173.
25. Филип Я. *Кельтская цивилизация и ее наследие*. Прага, 1961. С. 18—21.
26. Rix H. *Zur Verbreitung und Chronologie einiger keltischer Ortsnamentypen // Festschrift für Peter Goessler*. Stuttgart, 1954. S. 99—107.
27. Pittioni R. *Urgeschichte des Österreichische Raum*. Wien, 1954. Benac A., Čović B. *Glasiac. Sv. I—II*. Sarajevo, 1956—1957.
28. Krahe H. *Die Sprache der Illyrier*. Bd. 1—2. Wiesbaden, 1955—1964; Russi I.I. *Illiri. Istoria — limba si onomastica — romanizarea*. Bucuresti, 1969;
29. *Praistorija jugoslavenskih zemalja*. IV. Sarajevo, 1983; Benac A., Čović B. *Glasiac. Sv. II. Die Eisenzeit*. Sarajevo, 1957; Vasić R. *Kulturne grupe starijeg gvozdenog doba u Jugoslaviju*. Beograd, 1973; Kilian K. *Zur Früheisenzeit in Albanien // Iliria*. T. 4. 1976. S. 191—196.
30. Čović B. *Die Ethnogenese der Illyrier aus der Sicht der Vor- und Frühgeschichte // Ethnogenese europäischer Völker...* S. 55—74.
31. Krahe H. *Die Sprache der Illyrier...*; Mayer A. *Die Sprache der alten Illyrier*. Bd. 1—2. Wien,

- 1957—1959; Katičić R. Ancient languages of the Balkans. Pt. 1—2. The Hague; Paris, 1976.
32. В литературе высказывалась догадка об отношении этого языка ранним славянам (см.: Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян... С. 96—102).
 33. Randall Mocer D. The Iron Age in Italy. London, 1927; Barfield L. Northern Italy before Rome. London, 1971.
 34. Kastelic J. Situlenkunst: Meisterschöpfungen prahistorischer Bronzezeit. Wien; München, 1964; Frey O. Die Entstehung der Situlenkunst. Studien zur figürlich verzierten Toreutik von Este (Römischen-Germanischen Forschungen. № 31). Berlin, 1969.
 35. Krahe H. Das Venetische. Heidelberg, 1950; Pellegrini G.B., Prodocimi A.L. La lingua venetica. V. 1—2. Padova, 1967; Lejeune M. Manuel de la langue vénète. Heidelberg, 1974.
 36. Krahe H. Ligurisch und Indogermanisch // Germanen und Indogermanen (Festschrift für H.Hirt). Bd. II. Heidelberg, 1936. S. 241—270; Idem. Ortsnamen als Geschichtsquelle // Schrift der Universität Heidelberg. 1950. H. 4. S. 159—191; Cihar V. Die charakteristische Züge des mediterranen Substrat // Archiv Orientali. V. XXII. Roma, 1954; Battisti C. L'opera filologica di Francesco Ribezzo // Studi etruschi. V. XXIII. Firenze, 1954. P. 503—520; Hubschmid J. Zur Geschichte, Problematik und Methodik der Erklärung von Ortsnamen aus dem mediterranen Substrat // VI Internationaler Kongress für Namenforschung. Bd. II. München, 1961. S. 384—402; Idem. Ortsnamen vorindogermanischen und indogermanischen Ursprungs im Ligurischen // X Internationalische Kongress für Namenforschung. III. Supplement. Disputationes und Montion Vocabula. Wien, 1971. S. 217—240.
 37. Saflund G. Le terramare delle province di Modena, Regio Emilia, Parmae Piacenze. Roma; Lund, 1939.
 38. La necropole di Villanova. Roma, 1870; Trump D.H. Central and Southern Italy before Rome. London, 1966. P. 137—144; Barfield L. Northern Italy... P. 104—126; Pallottino M. Storia della prima Italia. Milano, 1984.
 39. Barfield I. Northern Italy... P. 127—136; Laviosa-Zambotti P. Le origini della civiltà di Golasecca // Studie etruschi. V. IX. Fiereze, 1935. P. 371—390.
 40. Devoto G. The languages of Italy. Chicago; London, 1974; Buti G.G., Devoto G. Preistoria e storia delle regioni d'Italia. Firenze, 1971.
 41. Borgognini Tarli S.M., Mazzotta F. Physical Anthropology of Italy from the Bronze Age to the Barbaric Age // Ethnogenese europäischer Völker. Aus der Sicht der Anthropologie und Vor- und Frühgeschichte. Stuttgart; New York, 1986. P. 147—172.
 42. Сравнительная грамматика германских языков. Т. I. М., 1962. С. 17, 18, 119; Жирмунский В.М. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.; Л., 1964. С. 39, 40; Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen Gentes. Köln; Wien, 1977. S. 154—157.
 43. Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa. Bd. I. Berlin, 1978; Ament H. Die Ethnogenese der Germanen aus der Sicht der Vor- und Frühgeschichte // Ethnogenese europäischer Völker. Aus der Sicht der Anthropologie und Vor- und Frühgeschichte. Stuttgart; New York, 1986. S. 247—256; Mildner G. Die Germanen in der archäologischen Forschung nach Kossinna // Germanenprobleme in heutiger Sicht. Berlin; New York, 1986. S. 310—320.
 44. Schlette F. Die Germanen zwischen Thorsberg und Ravenna. Leipzig; Jena; Berlin, 1977. S. 20; Uslar R. Die Germanen vom 1. bis 4. Jahrhundert n. Chr. // Handbuch der europäischen Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Stuttgart, 1980. S. 38.
 45. Schwantes D. Die Jastorf-Zivilisation // Reineke Festschrift zum 75. Geburtstag. Mainz, 1950. S. 119—130; Die Germanen... S. 83—117.
 46. На воздействие юго-восточных соседей при формировании ясторфской культуры указывали многие исследователи. В частности, отмечалось, что ранняя ясторфская керамика безусловно несет в себе отзвуки луужицкой глиняной посуды (Schwantes D. Die Jastorf-Zivilisation... S. 127; Idem. Jastorf und Latene // Kölner Jahrbuch. Bd. I. 1955. S. 99; Leyder A. Zum frühesten Auftreten der Jastorf-Kultur im nordischen Raum // Germania. Bd. 35. 1957. S. 271). Х.Кайлинг при рассмотрении проблемы становления ясторфской культуры сосредоточил внимание на чертах континуитета с местными древностями, но вместе с тем отмечает несомненное участие в этом процессе и неместных элементов (Keiling H. Die Formenkreise der Vorrömischen Eisenzeit in Norddeutschland und das Problem der Entstehung der Jastorf-Kultur // Zeitschrift für Archäologie. 1968. № 2. S. 161—177).
 47. Die Germanen... S. 95—115; Ament H. Die Ethnogenese der Germanen ... S. 247—256.
 48. Behaghal H. Die Eisenzeit im Raume des rechtsrheinischen Schiefergebirges. Wiesbaden, 1943. S. 131—133.
 49. Gedl M. Kultura lużycka. Kraków, 1975; Coblentz W. Die Lausitzer Kultur der Bronze- und frühen Eisenzeit Ostmitteleuropas als Forschungsproblem // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. № 12. Berlin, 1971; Malinowski T. Katalog cmentarzysk ludności kultury lużyckiej w Polsce. T. I—II. Warszawa, 1961; Niesiolowska-Wędzka A. Początki i rozwój grodów kultury lużyckiej. Wrocław, 1974; Studien zur Lausitzer Kultur. Warszawa, 1974.
 50. Gedl M. Kultura przedłużycka. Wrocław, 1975.
 51. Rajewski Z. Biskupin i jego okolica. 1000 lat his-

- torii. Warszawa, 1961; Idem. Biskupin. Osiedle obronne sprzed 2500 lat. Poznań, 1966.
52. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян... С. 22, 23.
53. Sulimirski T. Kultura lużycka a Scytowie // Wiadomości archeologiczne. T. XVI. Warszawa, 1939—1948. S. 76—100; Idem. Zagadnienie upadku kultury lużyckiej // Slavia Antiqua. T. I. Poznań, 1948. S. 152—162; Bukowski Z. Several Problems Concerning Contacts Lusatian Culture with Scythians // Archaeologia Polona. T. III. Warszawa, 1960. P. 65—88.
54. Lehr-Splawiński T. O pochodzeniu i praojczyźnie słowian. Poznań, 1946. S. 46.
55. Kilian L. Haffkustenkultur und Ursprung der Balten. Bonn, 1955.
56. Luka A. Kultura pomorska na Pomorzu Wschodnim. Gdynia, 1959; Luka L.-J. Kultura wschodniopomorska na Pomorzu Gdańskim. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1966; Kostrzewski J. Pradzieje Pomorza. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1966. S. 83—89.
57. Курганный обряд получил распространение и вне пределов Польского Поморья. В третьем периоде эпохи бронзы курганы зафиксированы нижнесилезских землях западнопольской группы лужицкой культуры, в четвертом периоде — в нижнесилезской, восточновеликопольской и на периферии среднепольской групп. Однако, в отличие от Поморского региона на территории названных групп лужицкой культуры попрежнему господствовал безкурганный погребальный обряд, курганные захоронения здесь весьма малочисленны и встречены преимущественно на окраинных землях. Весьма вероятно, что появление курганов на окраинах лужицкого ареала отражает инфильтрацию в лужицкую среду населения из более северных областей. Курганы на территории лужицкой культуры характеризуют зону взаимодействия местного населения с поморским.
58. Kostrzewski J. Stosunki między kulturą lużycką i bałtycką a zagadnienie wspólnoty językowej bałto-słowiańskiej // Slavia Antiqua. T. V. Poznań, 1956. S. 1—75.
59. Okulicz J. Pradzieje ziem Pruskich od późnego paleolitu do VII w. n.e. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973. S. 201—238; Okulicz L. Settlement and Culture Structures in the East Baltic zone of the Bronze and Early Iron Age // Archaeologia Polona. V. XVIII. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977. S. 37—62.
- Через западнобалтские земли отдельные элементы лужицкой культуры проникли в Эстонию, Финляндию и Южную Скандинавию (Moora H. Pirmatneja kopienas jekārta un agra feodālā sabiedriba Latvijas PSR teritorijā. Rīga, 1952. 22 Psl.; Граудонис Я. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига, 1967. С. 133; Вассар А.К. Укрепленное поселение Асва на острове Сааремаа // Древние поселения и городища. Таллин, 1956. С. 120; Моора Х.А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 95, 96; Meinander C.F. Die Bronzezeit in Finnland // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. T. 54. Helsinki, 1954. S. 33, 150, 177, 202; Baudouin E. Die regionale und chronologische Einteilung der jüngeren Bronzezeit im Nordischen Kreis. Stockholm, 1960.
60. Моора Х.А. О древней территории расселения балтийских племен // Советская археология. 1958. № 2. С. 9—33; Sedovs V. Balti senatnē. Rīga, 1992. 9—29 Psl.
61. Engel C., La Baume W. Kulturen und Völker der Frühzeit im Preussenlande. Königsberg, 1937; Okulicz L. Kultura kurganów zachodniobałtyjskich we wczesnej epoce żalaza. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970.
62. Okulicz L. Uwagi o etnogenezie zachodniego odłamu bałtów // Archeologia Polski. T. XIV. Z. 2. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969. S. 391—413.
63. Kostrzewski J. Kultura przedhistoryczna województwa Pomorskiego // Pamiętnik Instytutu Bałtyckiego. T. I. Toruń, 1929; Waga T. Pomorze w czasach przedhistorycznych. Toruń, 1934.
64. Gimbutas M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Paris; The Hague; London, 1965. P. 389—452.
65. Топоров В.Н. О балтийских элементах в гидронимии и топонимии к западу от Вислы // Slavica Pragensia. T. VIII. 1966. С. 255—263; Он же. К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы // Baltistica. I(2). Vilnius, 1966. С. 103—111.

Становление славян

Начиная с середины VI в. на территорию, заселенную восточными группами племен лужицкой культуры, наблюдается активная инфильтрация значительных масс населения поморской культуры. В течение полутора столетий переселенцы из Польского Поморья распространились по всему бассейну среднего течения Вислы и заселили смежные земли Одерского бассейна.

Миграция поморских племен в южном направлении была обусловлена, по всей вероятности, некоторой перенаселенностью Нижневисленских земель. Импульсом же ее стало, очевидно, вторжение в Поморье носителей культуры лицевых урн. Последние представляют собой специально изготовленные для погребальных целей стройные грушевидные глиняные сосуды с натуралистическим или схематическим изображением человеческого лица. Туловища их украшались геометрическим узором или какими-либо изображениями (коня или всадника, повозки, сцен охоты). Поверхность урн гладкая, черная, орнамент заполнен белой пастой. Крышки имели вид шапки с небольшими полями (рис. 37, Л).

Аналогичные лицевые урны одновременно с Польским Поморьем получают распространение в бассейне Эльбы, в Ютландии, южных регионах Швеции и Норвегии [1]. Подобные погребальные изделия широко известны еще в Этрурии (Италия). Уже К.Шухардт в этой связи высказал предположение, что в северноевропейских землях лицевые урны возникли как подражание

этрурским образцам. Многие немецкие археологи связывали лицевые урны с германским миром, а распространение их в Польском Поморье — с расселением в этом регионе бастарнов [2]. При этом развитие лицевых урн ставилось в связь с распространением на средней Эльбе урн в виде домиков (культура домковых урн). Однако лицевые урны не имеют общих элементов с домковыми. Ю.Костшевский попытался показать местное развитие лицевых урн в Польском Поморье [3], но это не исключает первоначального занесения антропоморфных урн какой-то пришлой группой населения. Определять этнос населения поморской культуры в зависимости от племенной атрибуции небольшой группы переселенцев никак нельзя. Материалы поморской культуры свидетельствуют о том, что пришедшее население растворилось в среде более многочисленного аборигенного.

Расселение поморского населения в Средневисленском и Одерском регионах не сопровождалось какими-либо заметными перемещениями местного лужицкого. На первом этапе поселения лужицкого и поморского населения и синхронные им могильники сосуществовали на одной территории раздельно. Но очень скоро пришедшее население смешалось с местным: образуются общие поселения и могильники. Этому во многом способствовали одинаковые хозяйственный уклад, быт и уровень общественного развития носителей лужицких и поморских древностей, а также этническая близость их.

Рис. 37. Вещевые находки поморской культуры

- 1 — лицевая урна; 2—4 — булавки; 5—8 — глиняные сосуды
 1 — Грабово Бобовское; 2 — Госьщишево; 3 — Болеславец; 4 — Орле Вельке;
 5 — Познань-Шелаг; 6 — Соколовице; 7 — Топольно; 8 — Конинко

На территории, где поморские переселенцы встретились с местным лужицким населением, наблюдается процесс постепенного смешения культурных элементов и нивелировки их. Так, в могильниках уменьшается количество коллективных захоронений, что было свойственно обрядности племен поморской культуры. Преобладающими становятся характерные для лужицкого населения индивидуальные погребения. Постепенно исчезает обычай сооружать для погребений каменные ящики, которые характерны для поморской культуры, зато получает широкое распространение типично лужицкая обрядность — захоронения в грунтовых ямах в глиняных урнах или без них. Подобная картина взаимодействия поморских и лужицких элементов наблюдается и в керамическом материале и металлических изделиях. Постепенно все большее и большее бытование в погребальной обрядности получает обычай накрывать остатки захоронений крупным колоколовидным сосудом — *кльшем* (от польского *klosz*), перевернутым вверх дном. В итоге внутрирегиональное взаимодействие лужицкого и поморского населения привело к становлению нового образования — культуры подклешевых погребений [4].

Датируется эта культура 400—100 гг. до н.э. Первоначальный ареал ее охватывает бассейн среднего и отчасти верхнего течения Вислы и целиком бассейн Варты. В среднелатенское время территория культуры подклешевых погребений расширяется до среднего течения Одера на западе и до окраинных регионов Припятского Полесья и Волыни на востоке (рис. 35). Наиболее восточные захоронения этой культуры открыты на могильниках Млынище близ Владимира Волынского и у станции Дрогичин недалеко от Пинска [5].

Культура подклешевых погребений во многом сходна с лужицкой. Некоторые польские археологи, подчеркивая эту близость, склонны были даже рассматривать новообразование не как самостоятельную культуру, а как конечную фазу развития лужицкой культуры [6]. Однако следует иметь в виду, что культура подклешевых

погребений сформировалась не на всей лужицкой территории, а лишь в той ее части, где имела место инфильтрация поморского населения. Исключать или приуменьшать роль поморского этнического компонента в этом процессе никак нельзя [7]. Нельзя согласиться и с теми исследователями, которые включают древности культуры подклешевых погребений в состав поморской культуры в качестве одного из типов захоронений [8]. Поморская культура весьма своеобразна и характеризуется сочетанием курганных и бескурганных погребений, устройством каменных погребальных ящиков и преобладанием коллективных захоронений. Все это было утрачено в условиях внутрирегионального взаимодействия с лужицким населением, в процессе метисации возобладали элементы лужицкой культуры. Судя по всему, культура подклешевых погребений в большей степени выкристаллизовалась из лужицкой, чем из поморской [9].

Подклешевые погребения появились еще в лужицкой культуре в IV периоде эпохи бронзы. В то время это была редкая обрядность, но зафиксирована она на широкой территории — на лужицких могильниках Силезии, Саксонии, Бранденбурга и Хелминской земли. В условиях территориального смешения лужицкого населения с поморским в силу каких-то причин этот тип погребальной обрядности и получил широкое распространение, став одним из характерных индикаторов нового культурного образования. В коренных землях поморской культуры этого не наблюдается, погребальный обряд там остается прежним.

Ряд могильников культуры подклешевых погребений является продолжением лужицких, свидетельствуя о том, что население ее было прямым продолжением лужицкого. Одним из таких памятников является могильник Варшава-Грохув, при раскопках которого открыто 370 могил лужицкой культуры и 20 подклешевых захоронений [10].

Все могильники культуры подклешевых погребений бескурганные. Только в северных регионах ее ареала встречаются курганы, оставленные поморским населением. Захоронения совершались по обряду крема-

ции умерших. Собранные с погребального костра остатки трупосожжения помещались в глиняных урнах и прикрывались (далеко не во всех случаях) сосудом больших размеров, опрокинутым вверх дном. Но встречаются и безурновые захоронения, в которых сожженные кости сыпались на дно могильной ямы. Как в урновых, так и в безурновых погребениях зафиксирован обычай засыпать кальцинированные кости остатками погребального костра.

В некоторых случаях погребальная урна или безурновые останки трупосожжения обставлялись камнями. При раскопках могильника в Трансбуре близ Минска Мазовецкого [11], где исследовано 126 могил рассматриваемой культуры, в одной из них выявлены следы девяти кольев, вбитых вокруг ямы. Исследователи памятника полагают, что над погребением было устроено домообразное сооружение из тонких стояков и плетневых стен. Как широко был распространен этот обычай, сказать трудно. Высказывается предположение, что в древности каждое захоронение на поверхности было обозначено легким деревянным сооружением или невысокой земляной насыпью.

Погребения рассматриваемой культуры, как правило, индивидуальные. Есть и исключения, когда в одной могильной яме находится по две-три урны, накрытые одним сосудом-клешем. Кроме урн нередко в погребениях обнаруживаются сосуды-приставки. Это безусловно лужицкая традиция. Количество приставок обычно — два-три сосуда, но есть могилы с четырьмя-пятью приставками, а в погребении 81 могильника Бжесц-Куявский Влоцлавекского повята их оказалось 117. Значительная часть захоронений принадлежит к безынвентарным, в других встречаются вещи, преимущественно булавки, фибулы, кольца.

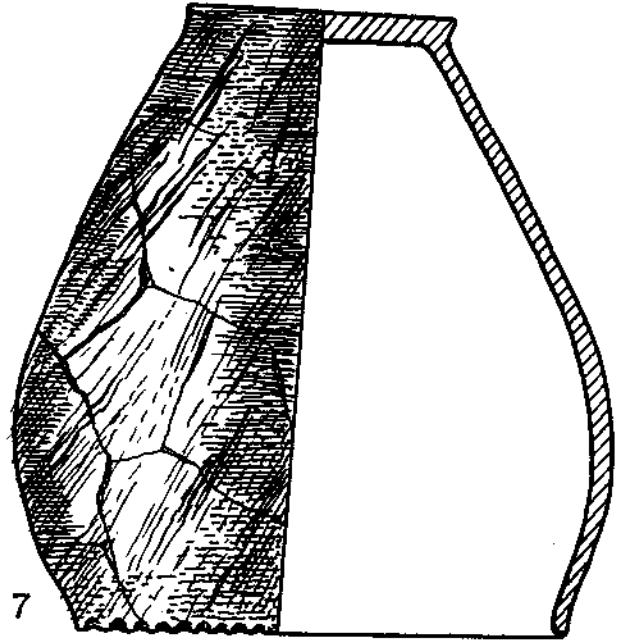
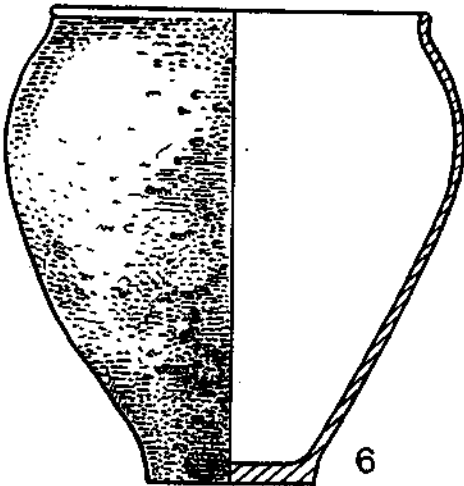
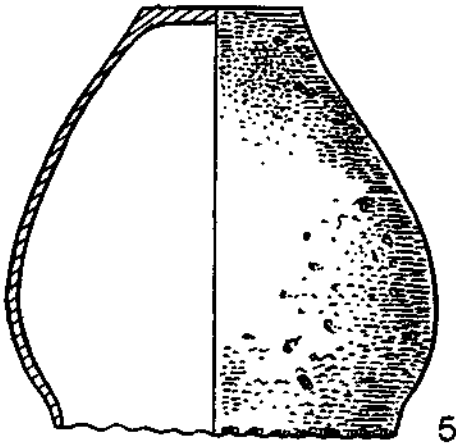
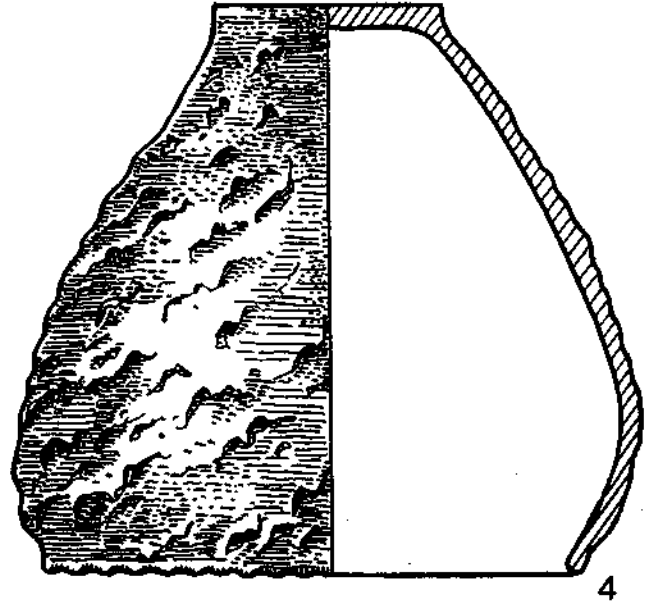
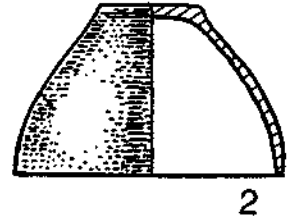
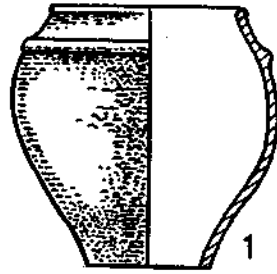
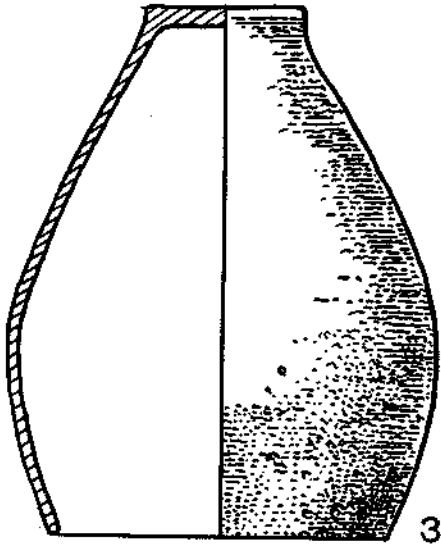
Поселения культуры подклешевых погребений были открытыми, они не имели каких-либо укреплений. По своим топографическим особенностям и величине они близки к лужицким. На основе анализа антропологических материалов из могильников Трансбур и Сохачев-Троянов поль-

ские археологи считают, что поселения насчитывали 20—40 жителей.

Поселения очень слабо исследованы раскопками. При последних выявлены жилые постройки двух типов. Основную часть их составляли наземные прямоугольные дома столбовой конструкции, продолжавшие, по всей вероятности, традиции лужицкой культуры. В постройках открыты очаги, выложенные из камней. Раскопками зафиксировано, что располагались они около одной из длинных стен. На поселении при д. Кусячи, расположенном на склоне берега р. Пульва (приток Буга) стены наземной постройки размерами 4,5×4 м внизу были обложены камнями. Пол был песчаным. Открыто два очага, обложенных камнями — один около юго-западной стены, другой в южном углу. Вход в жилище был устроен в противоположной от очагов стене [12]. На поселении Бжесц-Куявский раскопками исследованы жилища другого типа — полуземлянки подквадратной или прямоугольной формы со сторонами 3—4 м и глубиной котлованов 0,65—1 м [13].

Глиняная посуда культуры подклешевых погребений (рис. 38—41) отражает синтез лужицкой и поморской культур. Часть ее является дальнейшим продолжением лужицкой керамики. Это высокие горшки яйцевидной формы, среди которых есть и «клеши», округлобкие сосуды с двумя ушками, амфоровидные сосуды, миски с загнутым наружу краем, ситовидные сосуды, кубки, плоские круглые крышки. Другая часть эволюционировала из поморской керамики. Это выпуклобкие сосуды с гладким верхом и специально ошершавленным («хроповатым») туловом, которые употреблялись и как «клеши», амфоровидные сосуды с ошершавленной поверхностью, миски с ребристым краем и ушком, кувшины. Бытовали и сосуды, распространенные как в лужицких, так и в поморских древностях, в частности, горшки с высокой цилиндрической шейкой. Вся глиняная посуда делалась ручным способом без применения гончарного круга.

Наследием лужицкой культуры были булавки со спиральными головками и с завершениями, свитыми в ушко. Из помор-

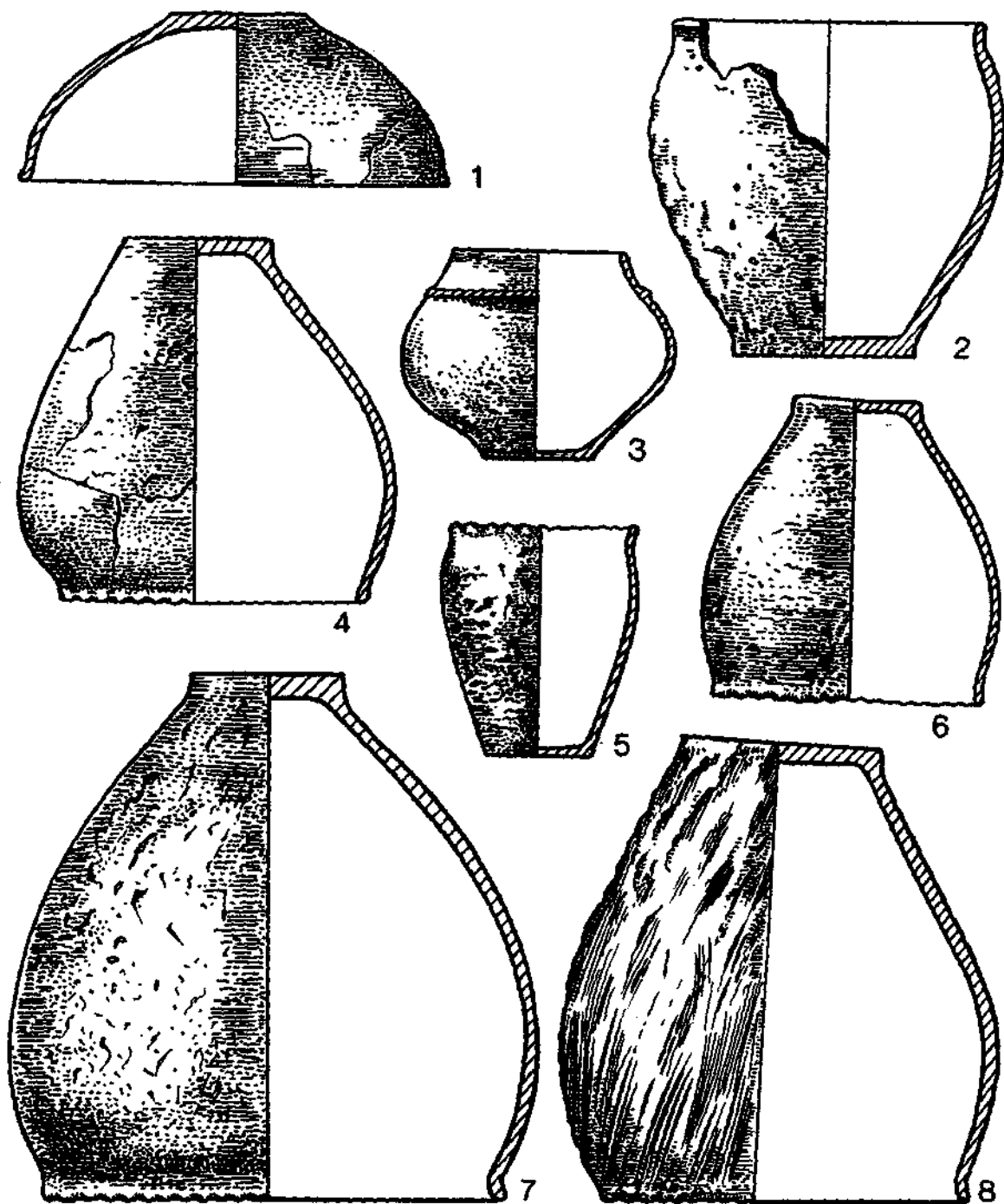

Рис. 38, 39. Глиняная посуда из могильников культуры подклевых погребений (сосуды-клеши даны в перевернутом виде)

Рис. 38. 1—3, 5, 6 — Трансбур; 4, 7 — Радванкув

Рис. 39. 1, 3, 5, 6 — Трансбур; 2, 4, 7, 8 — Радванкув

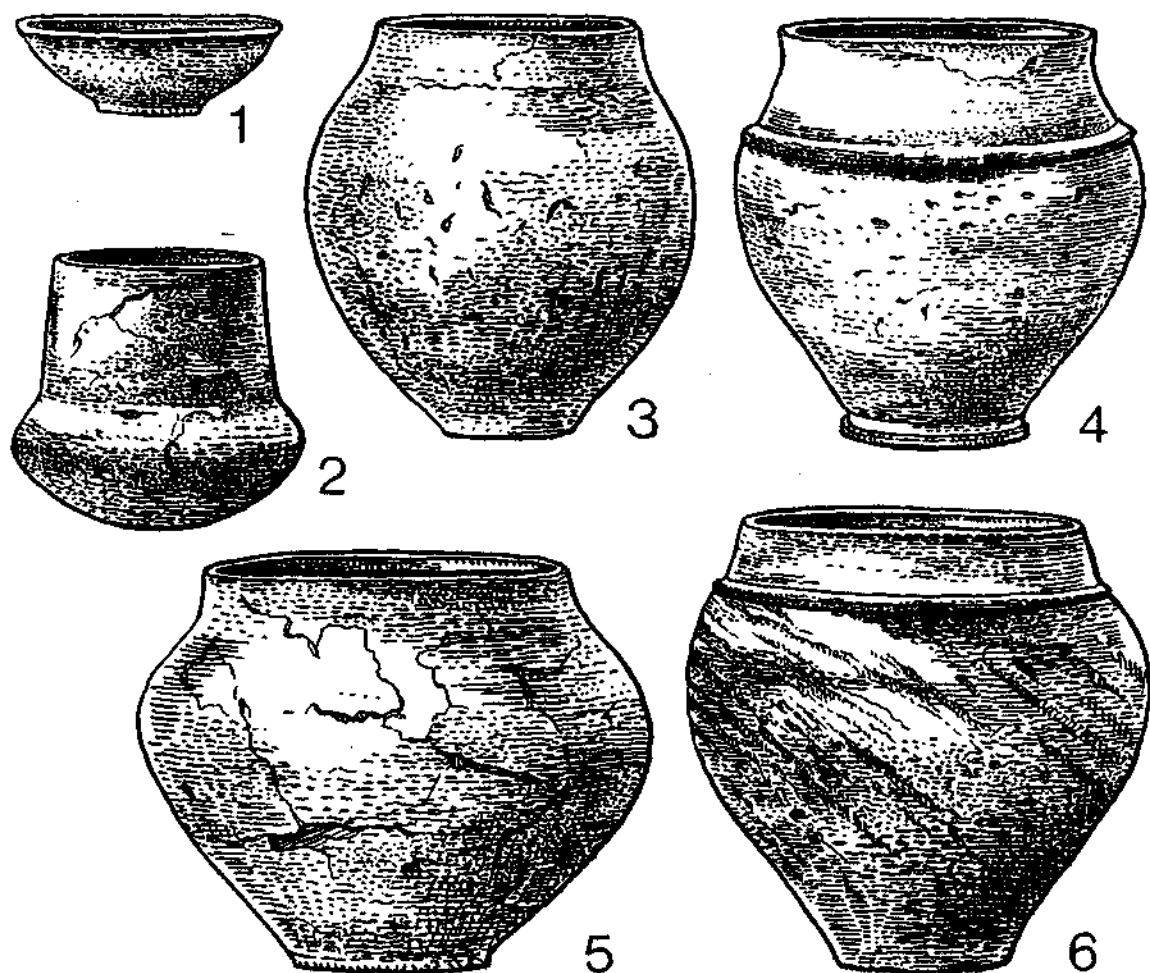

Рис. 40. Глиняные сосуды из могильника Бетоленка Дворска культуры подклешевых погребений

ской в культуру подклешевых погребений перешли булавки с дисковидными головками, фибулы чертозского типа и единичные находки ковачевичских фибул. Ряд предметов, распространенных в поморских древностях (например, нагрудники из нескольких дуговидных обручей, скрепленных ажурной пластинкой), в культуре подклешевых погребений не получил распространения.

Металлические предметы в рассматриваемое время в большинстве случаев изготавливались уже из железа. Среди них к распространенным принадлежат булавки с лебедвидными головками, гвоздевидные и

с головками в виде трубчатого ушка. Бытовали также фибулы ранне- и среднелатенских типов, ожерелья из стеклянных бус, бронзовые шейные гривны в виде корон. Среди украшений можно назвать еще бронзовые колечки со спиральным завитком, к которому привешены биспиральные (очковидные) привески (рис. 41), происходящие из упомянутого выше могильника Варшава-Грохув. Биспиральные подвески ранее были распространены в среде лужицких племен [14]. Встречены также предметы из кости и рога — иглы, проколки, орнаментированные накладки и другое.

Основой экономики населения культуры

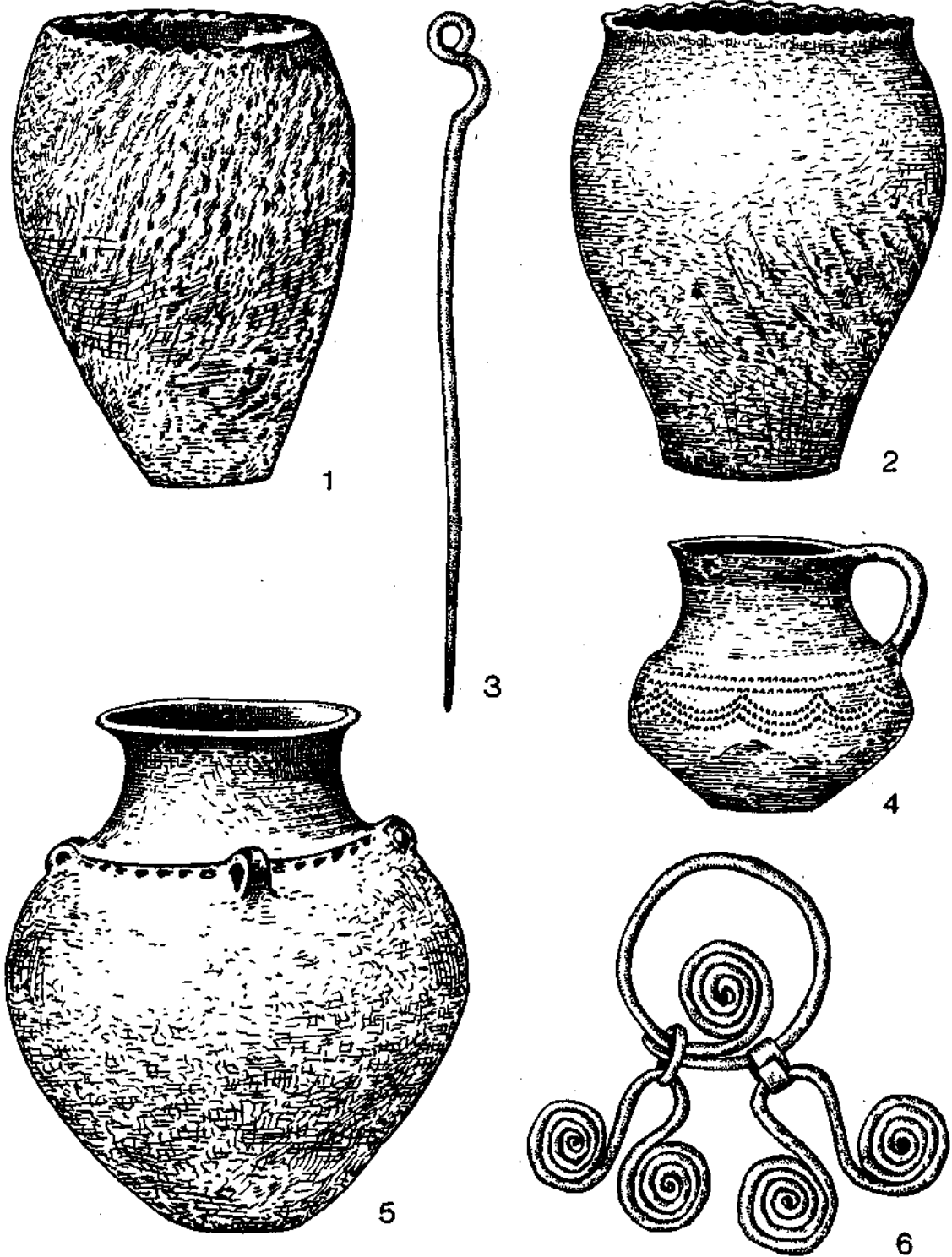

Рис. 41. Украшения и керамика культуры подклешевых погребений

1, 2, 4, 5 — глиняные сосуды; 3 — булавка; 6 — височное кольцо со спиральным окончанием и биспиральными подвесками

1 — Шимборзе; 2, 6 — Варшава-Грохув; 3 — Трансбур; 4 — Сарнувек; 5 — Бжесьц

подклевшевых погребений были земледелие и скотоводство. Обе предшествующие культуры — и лужицкая, и поморская — принадлежали к земледельческим и племена рассматриваемого периода унаследовали их традиции. Зафиксированы следы плужной обработки почвы, но пахотных орудий пока не встречено: они, очевидно, целиком были деревянными. Возделывались просо, пшеница, ячмень, горох, бобы, лен. При раскопках зафиксированы также следы занятий рыболовством, охотой и собиранием лесных плодов.

Есть все основания рассматривать население культуры подклевшевых погребений как славянское. Начиная с этой культуры прослеживаются элементы преемственности в эволюционном развитии древностей вплоть до достоверно славянских эпохи раннего средневековья. Отнесение процесса становления славянского этноса к более раннему времени представляется невозможным: лужицкая культура, как показано выше, была еще древнеевропейским образованием с несколькими неустойчивыми диалектами.

Образование единого языка (и этноса) немислимо, если в течение какого-то времени на определенной территории не существовала бы соответствующая группа населения, проживавшая в одинаковых условиях. Отмечая это обстоятельство, А.Мейе писал, что причины, вызывавшие языковые новообразования в среде индоевропейцев, еще слишком мало изучены, но одним из процессов было смещение индоевропейских племен с племенами, говорившими на других языках. В качестве примера ученый называет греческий язык [15].

Концепция А.Мейе о лингвистической дифференциации как результате внешнего импульса со стороны субстрата подверглась критике и не может быть признана всеобъемлющей. Однако из этого не следует, что мысль этого исследователя о возможном образовании новых индоевропейских языков в условиях взаимодействия двух родственных (или неродственных) диалектов должна быть отвергнута. В отличие от греческого, славянский язык сохранил множество особенностей, унаследованных от пра-

индоевропейского, элементы неиндоевропейского субстрата в нем не проявляются.

А.Мейе подчеркивал, что славянский — это индоевропейский язык архаического типа, словарь и грамматика которого в отличие от греческого не испытали потрясений [16]. Предлагаемое заключение, основанное на археологических материалах, о становлении славян как самостоятельного этноса около середины I тыс. н.э. в условиях внутрирегионального взаимодействия северо-восточных групп древнеевропейского населения (носителей лужицкой культуры) с расселившимися на их территории племенами поморской культуры, принадлежавшими к древним периферийным диалектным формированиям балтского этноязыкового массива, нисколько не противоречит каким-либо лингвистическим данным.

Культура подклевшевых погребений соответствует первому периоду истории праславянского языка. Это было время, когда язык славян только что начал самостоятельное развитие, постепенно вырабатывая собственную структуру, отличную от других индоевропейских языковых систем, и свою лексику. По времени культура подклевшевых погребений соответствует раннему этапу праславянского языка по периодизации Ф.П.Филина [17]. Характеризуя происшедшие в это время языковые новообразования, исследователь отмечает, что они касались и области гласных (ослабление роли лабиализации), и характера количественных и качественных чередований, и изменения древних ларингальных звуков, и некоторых перемен в системе согласных, и грамматических преобразований. По всей вероятности, Ф.П.Филин был прав, утверждая, что «истоки многих новообразований были заложены еще до окончательного выделения общеславянского языка из древних индоевропейских диалектных группировок» [18]. Начало языковых процессов, приведших к формированию особенностей, которые стали специфически славянскими, действительно, могло относиться к эпохе древнеевропейской общности. Ведь выделение праславянского из древнеевропейского было процессом постепенным. Началось оно в диа-

лектах древнеевропейской общности и завершилось в период культуры подклешевых погребений.

Ареал культуры подклешевых погребений полностью соответствует тем географическим особенностям, которые характеризует лексика праславянского языка — наличие большого количества терминов, относящихся к обозначению лесной растительности и обитателей лесов, озер и болот, при отсутствии слов, обозначающих специфику морей, горных местностей и степей. Древний славянский регион, или славянская прародина, таким образом, судя по лексическим данным, находился в лесной, равнинной местности с наличием озер и болот, в стороне от моря, горных хребтов и степных пространств [19].

Не противоречит локализации ранних славян в ареале культуры подклешевых погребений и данные сравнительно-исторического языкознания. На севере носители этой культуры вплотную соприкасались с племенами западных балтов. Между ареалами культуры подклешевых погребений и поморских древностей Нижнего Повисленья отчетливой границы не было. По существу это была единая территория с переходной полосой, в которой сочетались элементы той и другой культур. Отдельные подклешевые погребения, выявленные в Нижнем Повисленье, как и поморские захоронения в регионе культуры подклешевых погребений, говорят о некотором взаимопроникновении славянского и западнобалтского населения. Отношения между носителями культуры подклешевых погребений и племенами культуры западнобалтских курганов — предками средневековых пруссов, ятвягов, галиндов и куршей — были не менее тесными. Об этом, в частности, свидетельствуют нередко встречаемые в западнобалтских древностях глиняные сосуды, напоминающие по форме лужишко-подклешевые. Близкими были орудия труда и украшения, в частности булавки с плоскоспиральными головками, спиральные браслеты и другое. Некоторые металлические предметы (втульчатые топоры, массивные шейные гривны, браслеты и др.) были одинаково характерны как для

культуры подклешевых погребений, так и для древностей западнобалтских курганов.

Следует подчеркнуть, что ранние славяне, как свидетельствует лингвистика, соседствовали с древними западнобалтскими диалектами [20]. Центральное ядро балтов, представленное в эпоху раннего железа культурой штрихованной керамики, и днепровские балты (племена днепро-двинской, южновской и верхнеокской культур) находились в стороне от этих соседских контактов. Славянские земли были отделены от них естественной преградой — крупным сплошным массивом дремучих лесов, пушей. Это археологическое заключение коррелируется с данными лингвистики, говорящей об отсутствии в течение длительного времени непосредственных контактов между славянами и предками летто-литовских племен [21]. Первые контакты славян с летто-литовцами еще К. Бута определил VI—VII вв. н.э. Они соответствуют ранней миграции славян в северо-западные земли Восточно-европейской равнины, датируемой археологически серединой I тыс. н.э.

В бассейне Припяти к ареалу культуры подклешевых погребений близки были земли милоградской культуры, определение племенной принадлежности носителей которой затруднено (скорее всего, это была одна из группировок периферийных балтов), но несомненно, что к этногенезу летто-литовцев они не имели никакого отношения.

На втором месте по значимости были славяно-германские контакты. Германские племена — носители ясторфской культуры — были северо-западными соседями славян. Как свидетельствуют материалы археологии, культурные контакты между этими этносами осуществлялись как непосредственно, так и через посредничество племен поморской культуры. О последнем свидетельствует множество предметов, получивших распространение в ареалах трех названных культур. Это булавки с лебедеобразными головками, булавки с головками, свитыми в ушко, чертозские и ковачевичские фибулы, двуухие сосуды. В окраинных землях ясторфской культуры встречаются сосуды с шерохова-

той поверхностью, весьма распространенные в памятниках культуры подклешевых погребений. Наоборот, из ясторфской в ареал последней проникли кувшины с широким ухом и крышки специфического облика.

Соседскими взаимоотношениями населения культуры подклешевых погребений и ясторфской культуры обусловлено выявляемое лингвистами славяно-германское лексическое взаимопроникновение древнейшей поры. Надежные общеславянские заимствования из прагерманского получили характеристику в работах В.Кипарского [22]. В.В.Мартынов, посвятивший этой тематике специальную монографию, не только исследовал лексические заимствования из прагерманского, но и выявил обратное проникновение — праславянские лексемы, воспринятые прагерманским языком, — датировав эти контакты I тыс. до н.э. [23].

На юго-востоке ранние славяне только на весьма небольшом участке могли соприкоснуться с ираноязычными скифами. Археологические материалы не указывают на тесное взаимодействие этих этносов: находок или каких-либо иных элементов скифского происхождения в памятниках культуры подклешевых погребений не обнаруживается, как не ощущается и обратного культурного воздействия.

О славяно-иранских языковых отношениях написано множество исследований. Собранные наукой факты свидетельствуют о значительности славяно-иранских лексических схождения, об иранском воздействии на славянскую фонетику и грамматику и о контактах, затронувших идеологию, религиозную и социальную сферу жизни праславян [24]. Все это, на первый взгляд, противоречит предлагаемым здесь выводам о славянской прародине и культуре ранних славян.

Между тем, большое число славяно-иранских схождения не дает оснований для утверждения, что контакты славян со скифским миром продолжались непрерывно в течение всего многовекового периода праславянской истории. Без временного расчленения элементов славяно-иранского

взаимодействия, без учета географических факторов суммарное рассмотрение их не может привести к надежным выводам.

Еще в 20-х гг. М.Фасмер отметил, что более или менее четких иранских компонентов в древнейших славянских лексических пластах удивительно мало [25]. А.Мейе в статье, посвященной древним славянским заимствованиям из иранского, утверждал, что к таковым с уверенностью можно отнести только лексему *torogъ* [26]. Большой интерес в рассматриваемом контексте представляет статья О.Н.Трубачева, в которой отвергается существующая в науке концепция контактов между единым общеславянским языком и однородным древнеиранским миром [27]. Исключив из собственно иранских схождения, восходящие к эпохе диалектных контактов внутри праиндоевропейского языка, исследователь показал, что большинство иранских заимствований в славянских языках являются региональными — они охватывают не весь славянский мир, а только отдельные его части. Вполне понятно, что региональные заимствования не отражают древнейшие, их нельзя относить к эпохе становления славянского этноса, они принадлежат уже к последующим этапам славянской истории, когда праславянский язык дифференцировался на отчетливые диалекты.

Согласно Э.Бенвенисте [28], при рассмотрении древних славяно-иранских языковых связей необходимо различать три вида лексических схождения: 1) совместно унаследованные индоевропейские слова (слав. *svetъ, sratъ*); 2) прямые заимствования; 3) семантические кальки (иран. *baga* — слав. *bagъ*; авест. *sravah* — слав. *slovo*).

Общеславянские лексические заимствования из иранского единичны (*torogъ* 'топор', *kotъ* 'загон для скота, небольшой хлев' и *gula* 'шерстяная одежда') и принадлежат к культурным терминам, обычно самостоятельно передвигающимся из языка в язык, независимо от миграций или соседских контактов. Так, иранская лексема *kata* достигла Скандинавии, а *tapara* — западнофинского ареала. Нет свидетельств и в области славянской фонетики или грамматики,

которые бы указывали на славяно-иранские связи древнейшей поры. О.Н.Трубачев полагает, что славяно-иранские отношения начались около середины I тыс. до н.э. и затронули частично также антропонимию и этнонимию [29]. Ниже будет сказано о возможной встрече одной из групп населения, имеющей отношение к славянскому этногенезу, со скифами Поднепровья в III в. до н.э. Лингвистических же данных для такой датировки не имеется. Славянские антропонимия и этнонимия являются относительно поздними формированиями.

На юге и юго-западе соседями славян — носителей культуры подклешевых погребений — в первое время были племена лужицкой культуры, не затронутые миграцией поморского населения. Они занимали Малопольшу, Силезию и Любусскую землю. Очевидно, что здесь сохранялось население, говорившее на древнеевропейских диалектах и, очень вероятно, что именовалось оно *венетами/венедами*. Этот этноним в Европе восходит к отдаленной древности, можно полагать, к древнеевропейской общности II тыс. до н.э. В предыдущей главе отмечалось, что из этой общности вышли венеты, зафиксированные источниками в Северной Адриатике. Античным авторам было еще известно кельтское племя венетов в Бретани, покоренное Цезарем во время походов 58—51 гг. до н.э. в Галлию [30]. Трудно сказать, имеем ли мы здесь дело с остатками одного большого племенного образования, существовавшего внутри древнеевро-

пейской общности, расчлененного последующими миграционными процессами, подобно тому, как это случилось с праславянскими дулебами, или же в массиве древнеевропейцев было несколько одноименных племен.

Этноним *славяне* — самоназвание славянского этноса. Очевидно, он появился не сразу с момента его становления. Формирование этноса и рождение этнонима — явления часто не одновременные. О.Н.Трубачев, уделявший в последнее время немало внимания этому вопросу, отмечает, что появлению этнонима обычно «...предшествовал длительный период относительно узкого этнического кругозора, когда народ, племя в сущности себя никак не называют, прибегая к нарицательной самоидентификации „мы“, „свои“, „наши“, „люди (вообще)“». И далее исследователь пишет «...„своих“ объединяла в первую очередь взаимопонятность речи, откуда правильная и едва ли не самая старая этимология имени *славяне* — от *слыть, слову/слыву* в значении „слышаться, быть понятным“ » [31].

Сформировавшиеся в условиях ясторфской культуры германцы были непосредственными соседями племен, представленных остатками лужицкой культуры Силезии и Любусской земли и называвшихся *венетами/венедами*. Этот этноним со временем германцы и распространили на славян. Раннесредневековые источники, как уже говорилось, вполне определенно свидетельствуют, что венетами славян называли германцы.

1. La Baume W. Die Pommerlischen Gesichturnen. Mainz, 1963.
2. Petersen E. Die frühgermanische Kultur in Ostdeutschland und Polen. Berlin, 1929; Vorgeschichte der deutsche Stamme. Bd. III, Berlin, 1940.

3. Kostrzewski J. Die Lausitzer Kultur in Pommern. Poznań, 1958.
4. Godzikiewicz M. Wybrane zagadnienia z badań nad kulturą grobów kloszowych // WA. T. 20. Warszawa, 1954. S. 134—173; Jadczyk I. Kultura wschodniopo-

- merska i kultura grobów kloszowych w Polsce śród-
kowej // *Prace i materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi. Seria archeologiczna.* № 22. 1975. S. 167—194; Hensel W. *Polska starożytna.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980. S. 352—362.
5. Никитина В.Б. Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине // *СА.* 1965. № 1. С. 196, 197; Поболь Л.Д. Древности Белоруссии в музеях Польши. Минск, 1979. С. 77, 78.
 6. Kostrzewski J. O wzajemnych stosunkach kultury «łużyckiej» i kultury grobów skrzynkowych // *Slavia Occidentalis.* T. 3—4. Poznań, 1925. S. 280, 281; Idem. Zagadnienie ciągłości zaludnienia ziem polskich w pradziejach (od połowy II tysiąclecia p.n.e. do wczesnego średniowiecza). Poznań, 1961. S. 115; Nosek S. Materiały do badań nad historią starożytną i wczesnośredniowieczną międzyrzecze Wisły i Buga // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F.* T. 6. Lublin, 1957. S. 115.
 7. Malinowski T. Kultura pomorska a kultura grobów podkloszowych // *Zagadnienia okresu lateńskiego w Polsce.* Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. S. 10—19.
 8. Malinowski T. Obrządek pogrzebowy ludności kultury pomorskiej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969.
 9. Sałowicz K. Cmentarzysko łużyckie w Malusach Wielich i zagadnienie związków kultury łużyckiej z tzw. «kulturą grobów kloszowych» // *WA.* T. 16. 1940. S. 54—76; Nosek S. Kultura grobów skrzynkowych i podkloszowych w Polsce południowo-zachodniej. Kraków, 1946. S. 9—25; Durczewski K. Grupa górnośląsko-malopolska kultury łużyckiej w Polsce. Cz. II. Kraków, 1946. S. 153; Kostrzewski J., Chmielewski W., Jażdżewski K. *Pradzieje Polski.* Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965. S. 234—236.
 10. Podkowińska Z. Groby podkloszowe w Grochowie, w pow. warszawskim // *Księga pamiątkowa ku wczesniemu siedemdziesiątej rocznicy urodzin prof. dr. Włodzimierza Demetrykiewicza.* Poznań, 1930. S. 241—264.
 11. Kietlińska A., Miklaszewska R. Cmentarzysko grobów kloszowych we wsi Transbór, pow. Minsk Mazowiecki // *Materiały starożytne.* T. 9. Warszawa, 1963. S. 255—330.
 12. Никитина В.Б. Памятники поморской культуры... С. 199—201.
 13. Jażdżewski K. Kujawskie przyczynki do zagadnienia tubylczości słowian na ziemiach polskich // *WA.* T. 16. 1939—1948. S. 106—146.
 14. Егорейченко А.А. Очковые подвески на территории СССР // *СА.* 1991. № 2. С. 175.
 15. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938. С. 416—419, 441, 442.
 16. Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951. С. 14, 38, 395.
 17. Филлин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 101—103.
 18. Там же. С. 103.
 19. Там же. С. 110—123.
 20. Топоров В.Н. К реконструкции древнейшего состояния праславянского // *Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации.* М., 1988. С. 264—292; Zeps V. Is Slavic a West Baltic Language? // *General Linguistica.* V. 24. № 4. 1984. P. 213—222.
 21. Мажюлис В. К вопросу о взаимных отношениях балтийских языков // *Acta baltico-slavica.* IX. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. S. 65—69.
 22. Kiparski V. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934. S. 165—270; Idem. *Russische historische Grammatik. III. Entwicklung des Wortschatzes.* Heidelberg, 1975.
 23. Мартынов В.В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры (к проблеме прародины славян). Минск, 1963.
 24. Зализняк А.А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // *Вопросы славянского языкознания.* Вып. 6. М., 1962. С. 28—45; Reczek J. *Najstarsze słowiańsko-iranskie stosunki językowe.* Kraków, 1985.
 25. Vasmer M. *Iranisches aus Südrussland* // *Streitberg-Festgabe.* Leipzig, 1924. S. 367—375.
 26. Meillet A. Le vocabulaire slave et le vocabulaire indo-iranien // *Revue de études slaves.* Paris, 1926. № 6. P. 165—174.
 27. Трубачев О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений // *Этимология.* 1965. М., 1967. С. 2—81.
 28. Benveniste E. Les relations lexicales slavo-iraniennes // *To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday 11 October 1966.* I. The Hague, 1967. P. 197—202.
 29. Трубачев О.Н. *Этиогенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования.* М., 1991. С. 45—47.
 30. Merlat P. *Les Venètes d'Armorique* // *Mémoires de la Société d'Histoire et d'Archéologie de Bretagne.* Rennes, 1959. P. 5—40.
 31. Трубачев О.Н. *Этиогенез и культура...* С. 90.

Славяне и кельты

Около 400 г. до н.э. начинается мощная экспансия кельтов в восточном направлении [1]. Из рейнских и верхнедунайских областей они несколькими волнами продвигались вниз вдоль Дуная и его притоков, постепенно осваивая эти земли. Известно, что в 380—350 гг. до н.э. кельты заселили регион вокруг озера Балатон. Во вновь освоенных землях строились мощные оппидумы. Так появились Виндобона (современная Вена), Аррабона (Дьер), Бойодурум (Пассау), Новиодунум (Дрново), Сингидунум (Белград) и многие другие.

В начале III в. до н.э. один из миграционных потоков кельтов направился на юго-восток, на Балканский полуостров. По античным свидетельствам, кельты были суровыми и воинственными племенами. В 279 г. до н.э. под водительством Бренна они прошли через земли Иллирии, опустошили Македонию, затем вторглись во Фракию и Грецию и достигли Дельф, где потерпели поражение от греков.

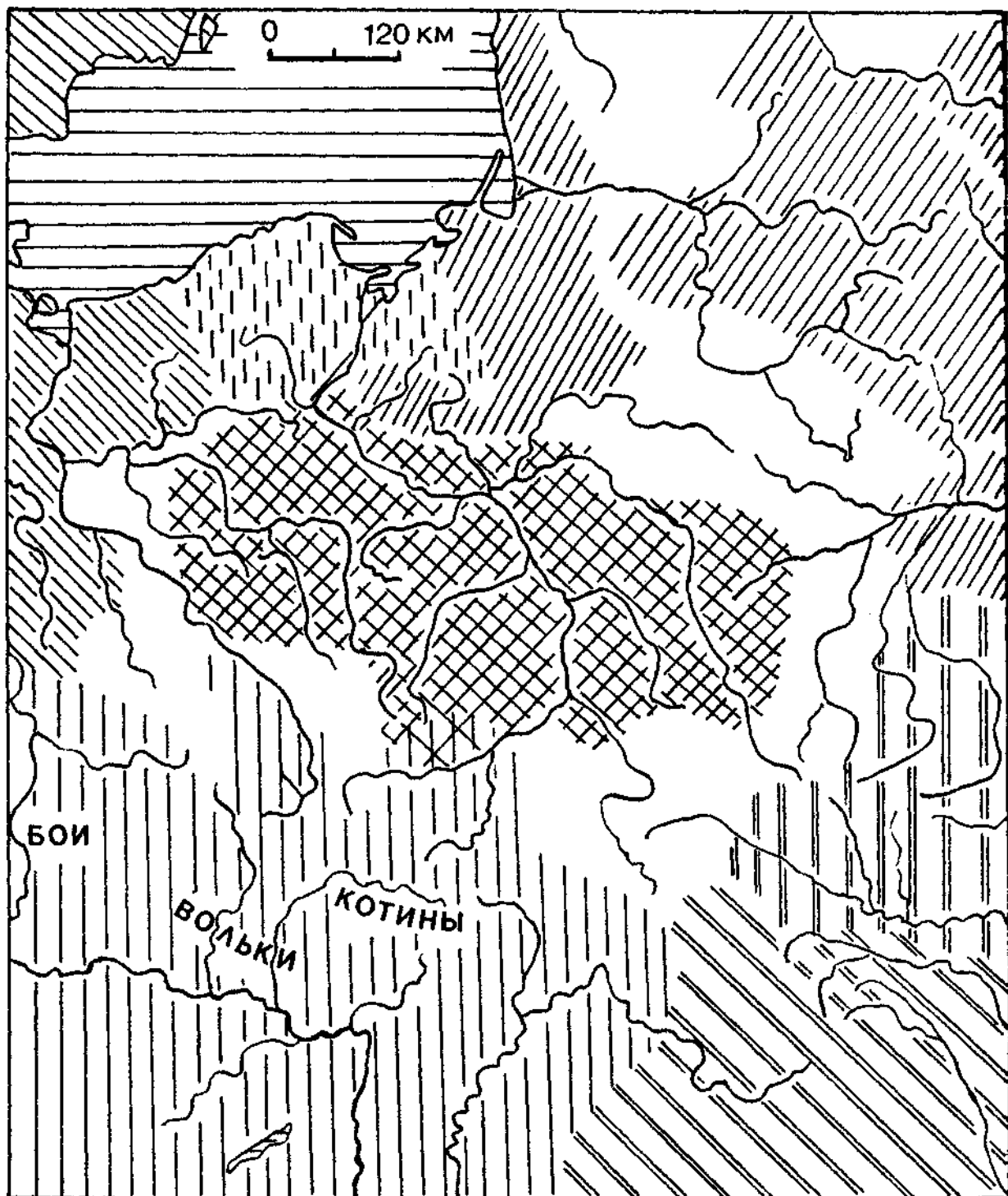
Крупная группировка кельтов (галатов) около 270 г. до н.э. поселилась в Анатолии в районе современной Анкары, где образовала государство Галатию. Из Греции воины Бренна отступили на север и обосновались в Подунавье в междуречье Савы и Моравы. Здесь возникло государство кельтского племени скордисков с центром Сингидунум. Скордиски установили свое господство над частью иллирийских и фракийских племен.

Продолжалась кельтская миграция и в

восточном направлении. В первой половине III в. до н.э. они осели в Трансильвании, Олтени и Буковине. Часть кельтов поселилась на нижнем Дунае. Отдельные группы кельтов известны и на верхнем Днестре, но были малочисленными и через некоторое время растворились в среде местного населения. На территорию к востоку от Карпат проникали, очевидно, мелкие разрозненные группы кельтов, о чем несколько подробнее будет рассказано в следующем разделе.

В процессе расселения кельты легко смешивались с местным населением — иллирийцами, фракийцами, гетами — и всюду распространяли латенскую культуру. Культура кельтов господствовала на всем пространстве Подунавья. Влияние кельтской культуры было настолько сильным и глубоким, что некоторые регионы оставались кельтизированными и после ухода или изгнания самих кельтов.

Уже в начале III в. до н.э. какая-то часть кельтов пересекла Судеты и, оторвавшись от основного массива, поселилась на плодородных землях Силезии. Во II в. до н.э. еще одна группа кельтов перешла Карпаты и, разделившись на две части, осела в Силезии среди ранее пришедшего сюда кельтского населения, а также заняла области верхнего течения Вислы. Это кельтское население уже в III в. до н.э. пришло в непосредственное соприкосновение со славянами (рис. 42). Начинается период активного кельто-славянского взаимодей-

вия, оставившего мощный пласт в культуре славян.

Прежде, чем перейти к детальному анализу этих контактов, необходимо хотя бы кратко охарактеризовать культуру кельтов рассматриваемого периода. Кельтам принадлежит латенская культура, распространение которой в Европе обусловлено их экспансией. Общая датировка латена (название происходит от поселения Ла Тен у Невшательского озера в Швейцарии) — V—I вв. до н.э. Период подразделен исследователями на несколько фаз — ранний латен (фаза 1а — 450—400 гг. до н.э.; 1б — 400—300 гг.; 1с — 300—250 гг.), средний латен (фаза 2а — 250—150 гг.; 2б — 150—75 гг.), поздний латен (фаза 3 — 75 г. до н.э. — начало нашей эры).

Исключительный вклад внесен кельтами в европейскую металлургию и металлообработку. По существу кельтская металлургия стала основой развития всей последующей центральноевропейской металлургии. Раскопками кельтских памятников исследованы производственные комплексы, в которых было сосредоточено большое число сыродутных железоделательных горнов. Обычно они располагались в местностях, где поблизости имелись крупные залежи железной руды. Для восточнокельтского региона характерны небольшие глиняные горны (диаметрами 35—50 см) с искусственным дутьем, углубленные в материк на 30—50 см, при общей высоте 50—60 см. За пределами горнов устраивались прямоугольные ямы, где хранились запасы древесного угля.

Высок был уровень кузнечного ремесла. Известны наковальни трех видов: большие, предназначенные для кузнечных работ, средние (для слесарных и некоторых ювелирных работ) и малые — для обработки тонких ювелирных изделий. При раскопках многократно встречены молоты-кувалды, молоты-ручники, шарнирные щипцы, клещи,

зубила, пробойники, напильники. В кельтских оппидумах кузнечный инструментарий насчитывает более 70 видов. Кельтские ремесленники владели техникой науглероживания, закаливания и сварки железа и стали. Кельтский мир создал множество разнообразных железных орудий (рис. 43 и 44) — плужные лемехи, косы, бороны, тесла, скобели, пилы, молотки, клещи, напильники и рашпили, сверла со спиралеобразной нарезкой, ножницы, кочергу. Были усовершенствованы топоры. Кельтам Европа обязана также дверными замками и ключами. Развитой отраслью кузнечного дела было и изготовление железного оружия.

Кельтские ремесленники добились больших успехов в технике бронзолитейного и ювелирного производств. В оппидумах и рядовых селениях кельтов имелись крупные мастерские, в которых работали высококвалифицированные мастера. Отшлифовывалась техника литья иковки цветных металлов, широко распространилось литье по восковым моделям, совершенствовалось приготовление различных видов сплавов. Кельтские ремесленники знали и широко применяли различные методы инкрустации, позолоты и серебрения. Развито было и изготовление изделий из золота — диадем, наlobных венчиков, браслетов и других предметов. Во II в. до н.э. наступил расцвет эмальерного дела. Красная эмаль становится излюбленным украшением кельтских изделий. Кельты создали большое разнообразие фибул, широко применявшихся для застегивания одежды (рис. 45).

В кельтском мире весьма распространены были также шейные гривны (торквесы). Последние связаны с религиозной символикой, их приносили и в дар божествам. Фибулы были массовой продукцией кельтских ремесленников, они видоизменялись во времени, поэтому стали надежными индикаторами для хронологии латенских древ-

Рис. 42. Начало кельтской экспансии в Висло-Одерский регион

Ареалы: а — культуры подклешевых погребений (славяне); б — кельтов; в — германцев; г — балтов; д — скифов; е — дако-фракийцев; ж — поморско-оксывских племен

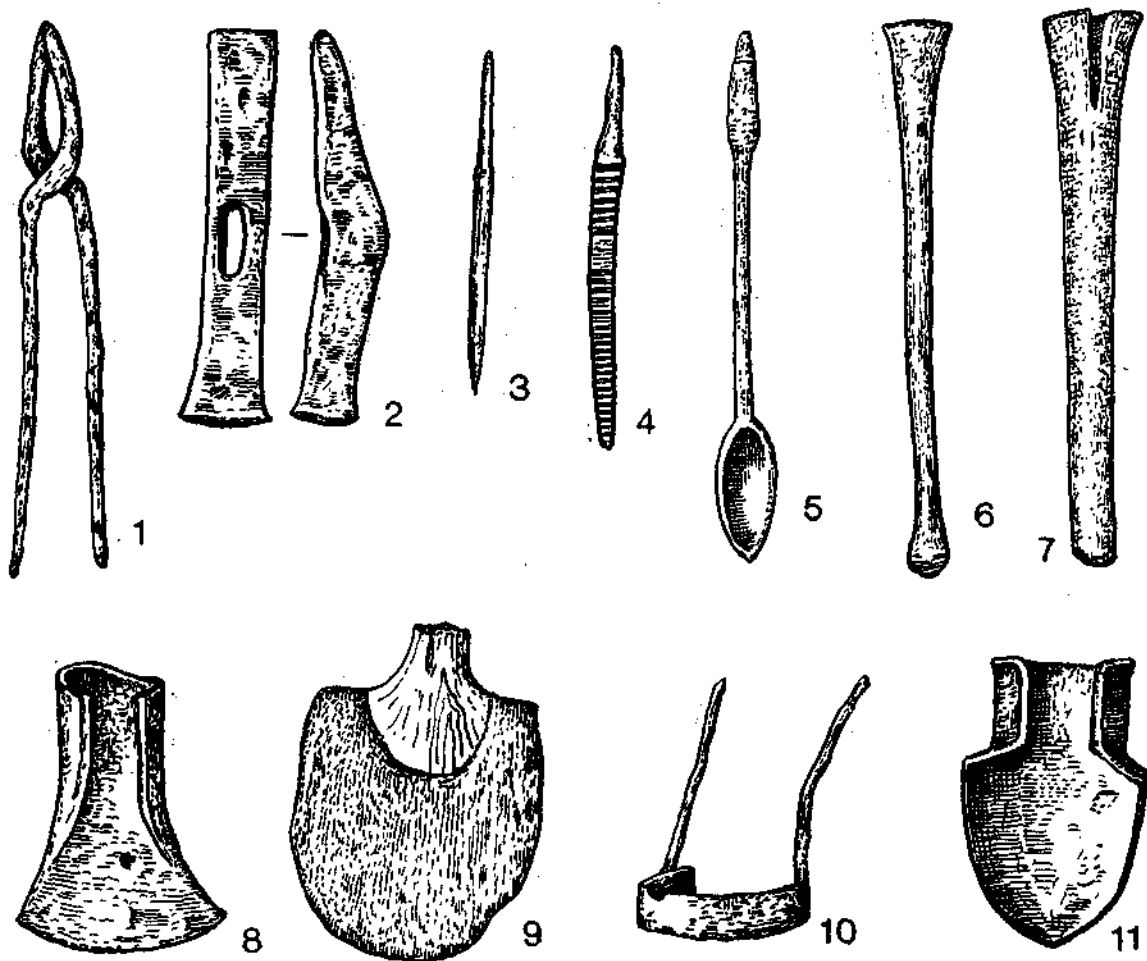

Рис. 43. Кельтские изделия (Манхинг, Бавария)

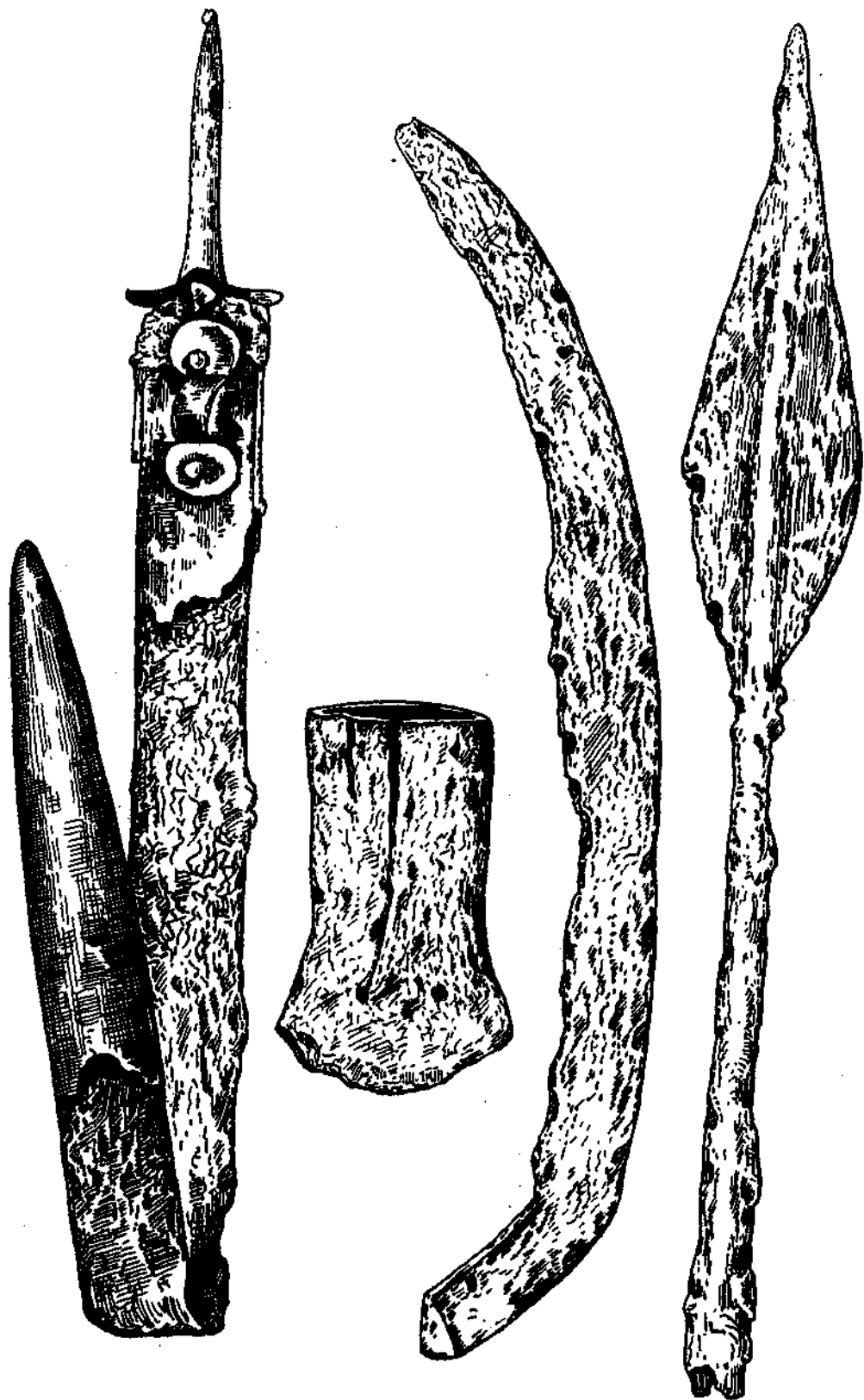
Рис. 44. Кельтские находки с территории Польши

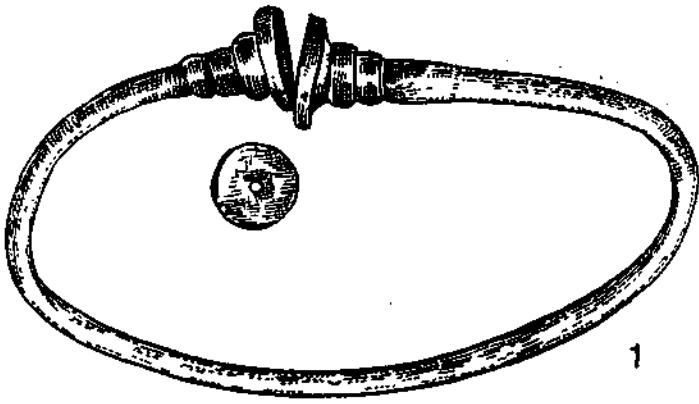
1 — меч (Варшава-Жерав); 2 — топор (Нова Гута); 3 — коса (Нова Гута); 4 — копье (Собоциско)

ностей. Прототипами фибул эпохи латена были изделия с сильно изогнутой дужкой, удлиненной ножкой и многовитковой пружиной. Раннелатенские фибулы довольно разнообразны по облику, включают зоо- и антропоморфные мотивы, а иногда украшены еще и коралловыми бусинами. Со временем дужка фибул становится менее изогнутой, количество витков в пружине уменьшается, на конце появляются диски. Для второго периода латена характерны фибулы

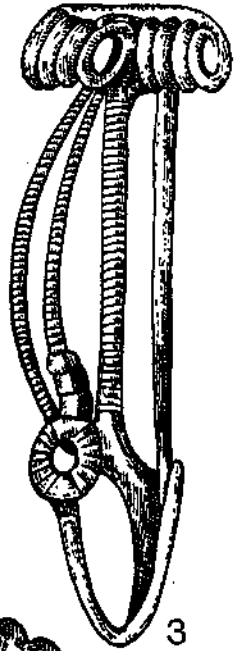
с дужкой, уплощенной в середине и украшенной геометрической орнаментацией. Начиная с III в. до н.э. фибулы упрощаются и делаются из простого куска бронзовой (реже серебряной или железной) проволоки.

Широкое развитие получило кельтское гончарное производство (рис. 46). Гончарный круг появился у кельтов в V—IV вв. до н.э., и в изготовлении глиняной посуды они достигли технического совершенства. Впрочем, немалая часть керамики по-прежнему

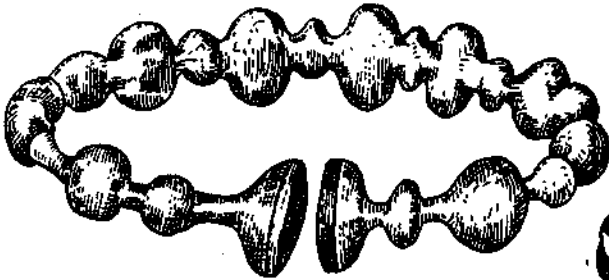

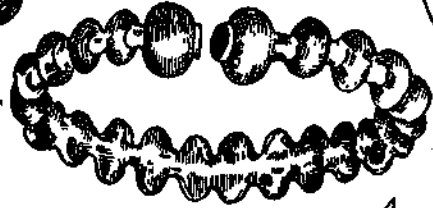
1

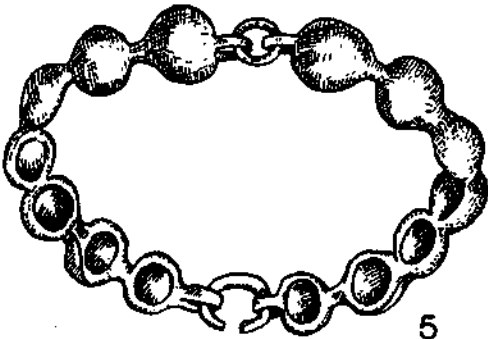
3

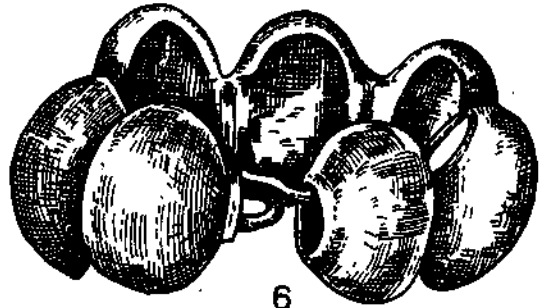
2

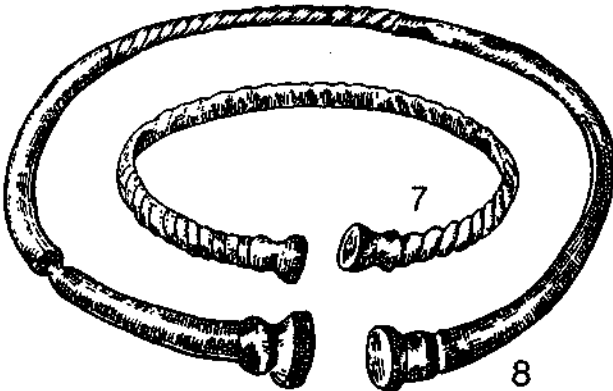
4

5

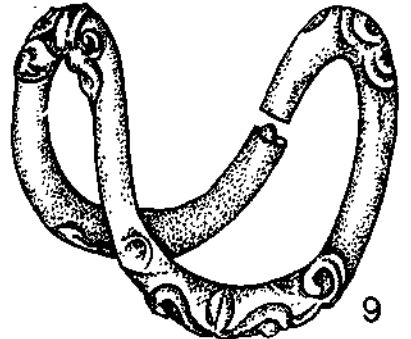

6

7

8

9

изготавливалась ручным способом, без круга. Высокому качеству глиняной посуды способствовали совершенные гончарные горны с обширной топкой, тепловыми каналами и колосниками с круглыми отверстиями. Со II в. до н.э. в ареале кельтской культуры образовались целые поселения гончаров, изделия которых распространялись по обширным регионам.

Ведущими формами керамики были разнообразные миски и мискообразные сосуды, выделяющиеся красивыми формами. Они имеют светло-серую лощеную поверхность и нередко украшены геометрическими узорами. Со II в. до н.э. заметное место в керамике кельтов заняла посуда с примесью графита в тесте, а также ведеркообразные сосуды с расчесами в виде неглубоких вертикальных желобов, расположенных по всему тулову. Бытовали еще пифосообразные сосуды, предназначенные для хранения припасов. На оппидумах встречаются также тонкостенные сосуды с росписью белой и красной краской с геометрическими узорами.

Развито было у кельтов и стеклоделие. В раннем латене широкое распространение получили желтые стеклянные бусы с круглыми белыми и синими глазками. Позднее их сменили синие бусы с белыми глазками, а в конце латенского периода широко бытовали крупные молочно-белые кольцевидные бусы. Многочисленны в кельтских коллекциях и стеклянные браслеты различных расцветок. Изготовление изделий из стекла было сосредоточено, главным образом, на Рейне. При стекловарении использовалась примесь различных металлов или костной муки, что придавало стеклу разнообразную окраску.

Кельтские ремесленники достигли успехов и в развитии деревообработки. В сред-

нем латене был изобретен токарный станок. Из дерева изготавливались транспортные средства (телеги, корабли), мебель, сандалии, различные бытовые предметы, в том числе распространенные весьма широко сосуды для хранения жидкостей. Славились кельтские мастера также обработкой кожи и изготовлением из нее различных изделий для бытовых нужд, снаряжения коня и воинов.

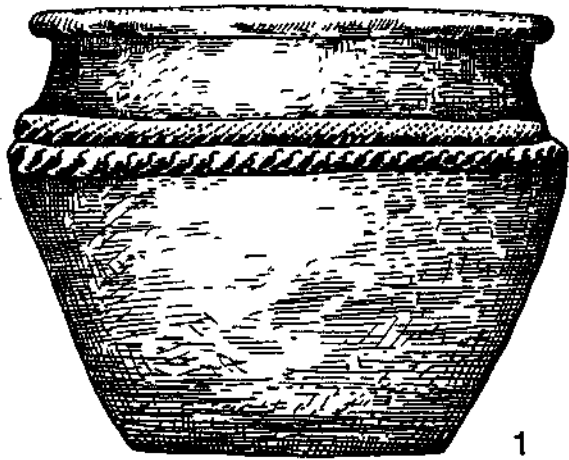
В V в. до н.э. в кельтском мире развивается художественное ремесло, продукцией которого стали замечательные произведения искусства. Кельтские мастера вырабатывали художественные изделия, используя иноземные образцы, но переосмысливая их в соответствии с местными традициями и вкусами. Несомненно, что кельты внесли значительный вклад в развитие европейского искусства. Среди высокохудожественных произведений кельтского ремесла можно назвать человеческие маски, увенчанные двулестными коронами; золотые торквесы с пластическими изображениями человеческих голов, львиных масок, сфинксов, богато орнаментированные гравировкой или инкрустацией; бронзовые кувшины с ручками, оформленными в виде голов человека или зверей; золотые браслеты и другое. Любовь кельтов к украшениям и ярким краскам проявилась и в роскошной орнаментации оружия, столовой посуды и повозок.

Хорошо известна и кельтская каменная скульптура, связанная в основном со святыщами. При исследованиях последних обнаружены четырехугольные столбы с вытесанными человеческими головами, изображения богов, в том числе двухголовых, мужских и женских голов, птиц и др. Многочисленные изображения голов в религии кельтов символизировали умерших воинов и героев. Большую роль в культовой обряд-

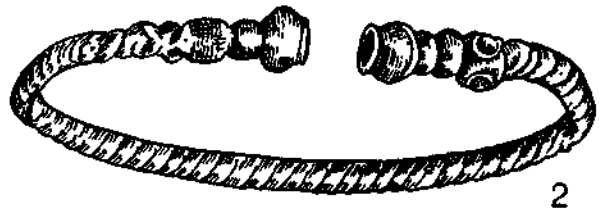
Рис. 45. Украшения кельтов из памятников территории Польши

1 — шейная гривна; 2, 4—9 — браслеты; 3 — фибула

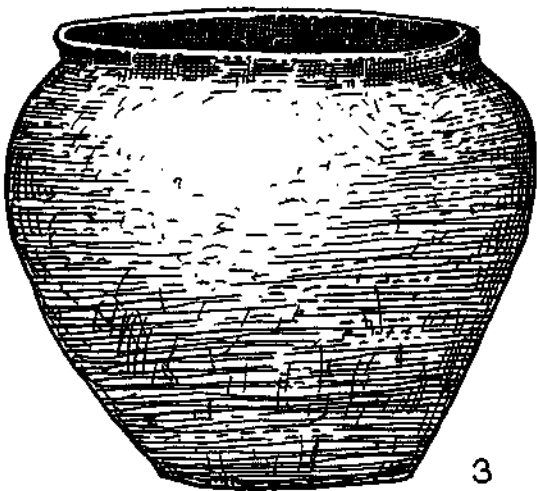
1 — Собоциско; 2, 3 — Мокронос Гурны; 4, 5 — Головнин; 6 — Жерники Вельке; 7 — Кухары; 8 — Свойкув; 9 — Кетж-Леги

1

2

3

4

5

6

ности кельтов играли маски. Обычно они делались из бронзы (в позднем латене — из железа) и повторяли несколько стилизованно человеческое лицо. Иногда маски насаживали на деревянные столбы, а в глазные впадины помещали вставки из стекла, эмали или полудрагоценных камней.

Основой экономики кельтов были земледелие и животноводство. Для обработки пашни применялся плуг с железными лемехами. В период позднего латена появился колесный плуг с череслом и отвалом для переворачивания слоя пахотной земли. С помощью такого плуга можно было уже обрабатывать тяжелые почвы. Тянули такой плуг несколько волов. Кельтам были известны прогрессивные методы земледелия, применялись удобрения и известкование почв, что в результате давало значительные урожаи. Возделывались пшеница, ячмень, рожь, овес, культивировались также репа, свекла, лук, конопля и др.

Орудиями уборки урожая были серп и коса. Зерно мололи на ручных мельницах, которые в Европе впервые появились в латенской культуре. На смену зернотеркам пришли каменные жернова. Для хранения припасов вблизи домов устраивались зерновые ямы, которые нередко облицовывались во избежание сырости плетенкой.

Важное место в хозяйстве кельтов занимало и скотоводство. Разводили главным образом свиней, крупный рогатый скот, овец и лошадей. Стада свиней в полудиком состоянии обычно паслись в дубовых рощах. Весьма распространена была и охота на диких животных.

Экономический и культурный расцвет кельтского мира сопровождался развитием как внутренней, так и международной торговли, что потребовало чеканки собственных монет. Первые монеты кельтов подражали македонско-греческим образцам. Со временем чеканка монет становится грубее, изображения на них стилизуются, что в

конечном итоге приводит к распространению монет с геометрическими рисунками на лицевой стороне и сочетаниями линий, черточек и точек на оборотной. Со II в. до н.э. местные монеты из золота, серебра, реже из меди и бронзы чеканились во многих пунктах кельтского ареала. В разных областях они были своеобразными, отражая и влияние античных прототипов, и племенные особенности кельтов. На них помещались в одних случаях изображения лошади с человеческой головой, в других реалистические или фантастические изображения животных.

Кельты, осевшие в Силезии в бассейне Одера и в Малопольше на верхней Висле по соседству со славянами, составили периферийные земли обширного кельтского мира [2]. Здесь не было оплидумов, основные массы населения проживали на неукрепленных поселениях. Некоторое представление о таковых дают раскопки селища в Новой Церекве в Силезии. Здесь открыто 22 жилых постройки, разбросанных бессистемно на площади около 8000 кв.м. Это были срубные строения, площадью от 12,5 до 24,8 кв.м, опущенные в грунт на глубину до 0,6 м. Очаги обычно занимали срединное положение. В полуземлянках обнаружен разнообразный материал — золотые и серебряные монеты, изделия из железа, бронзы и стекла, в том числе характерные кельтские браслеты, и большое число фрагментов глиняной посуды. Раскопками открыты также гончарная обжигательная печь, зафиксированы следы железодельного и бронзолитейного производств [3].

Подобные крупные поселения кельтов состояли из 15—20 домов и насчитывали около 100 жителей. Большинство же кельтских поселений было небольшими — из 4—10 жилых построек. Они были как полуземляночными, так и наземными. Стены их обмазывались глиной и раскрашивались белыми или красными полосами. На посе-

Рис. 46. Кельтская керамика и браслет из памятников территории Польши

1 — Мокронос Гурны; 2, 6 — Рацибуж-Ощице; 3 — Вилкув; 4 — Свойкув; 5 — Силезия

лении в Новой Гуте под Краковом исследован железоплавильный горн, гончарные печи выявлены на нескольких селищах. В печи, исследованной на поселении Подленже, найдена расписная керамика, свидетельствующая об изготовлении ее в Силезии.

Кельтские могильники Силезии — бескурганные, преимущественно с захоронениями по обряду труположения. Умерших клали в могильные ямы в вытянутом положении головой к северу. В погребениях встречается много вещей: глиняные сосуды, украшения, орудия труда и предметы вооружения.

В Силезии на горе Шленжи находился один из крупных культовых центров кельтов. Здесь до настоящего времени сохранились круги, выложенные из камней, каменные изваяния, названные «женщиной (панной) с рыбой», «монахом», «грибом», «медведем», и различные камни со знаками [4].

В регионах, заселенных кельтами, обнаружены клады кельтских монет (Бжезинка под Шродой, Гожув под Хжанувом, Иновроцлав). На поселении Вроцлав-Партынице найдено скопление необработанного янтаря, общим весом 1500 кг.

Польские археологи исследовали и демографический аспект кельтского расселения. Согласно З.Вожняку, на рубеже III и II вв. до н.э. в Силезии в регионе Вроцлава проживало около 5000 кельтов. Исследователи полагают, что в Малопольше в среднем латене насчитывалось около 3000 кельтов, а в позднем латене число их достигало 5500.

Между кельтами, осевшими в Силезии и Малопольше, и их северными соседями — славянами — очень скоро налаживаются тесные контакты. Свидетельствами их является большое число кельтских предметов, обнаруженных на поселениях и могильниках культуры подклешевых погребений. Это бронзовые фибулы, в том числе весьма характерные для кельтского мира духцовского и мюнсингенского типов, браслеты с полусферовидными утолщениями, браслеты, украшенные тройными шишечками, поясные принадлежности, наконечники копий латенского облика, железные топоры с четырех-

гранной втулкой. Первые кельтские находки в памятниках культуры подклешевых погребений датируются IV—III вв. до н.э. К III—II вв. до н.э. относятся находки в ареале этой культуры золотых и серебряных кельтских монет. В одном из захоронений могильника Варшава-Жеранка найден кельтский меч.

Наиболее сильное кельтское воздействие на развитие культуры подклешевых погребений приходится на II в. до н.э. Оно становится настолько активным и определяющим, что эта культура в конце II столетия трансформируется в новую, получившую название пшеворской (по большому исследованному раскопками еще в начале XX в. могильнику близ г. Пшеворска на юго-востоке Польши). Сложение этой культуры сопровождалось не только внешним воздействием, но и инфильтрацией какой-то части кельтского населения в области расселения славян. Нельзя не согласиться с К.Годловским, утверждающим, что пшеворская культура прежде всего появилась в регионах, подвергшихся наибольшему влиянию латенской культуры со стороны кельтов, тогда как в местностях, не затронутых этим воздействием, еще продолжали функционировать поселения и могильники культур подклешевых погребений и поморской [5].

Первоначальной территорией пшеворской культуры стали земли, входящие в ареал культуры подклешевых погребений. Постепенно пшеворская культура распространялась по всему этому ареалу и вскоре вышла за его пределы, на западе охватив области среднего течения Одера, где прежде жили кельты, а в последнем столетии до н.э. — и верхнее течение Вислы (рис. 47). Это привело к полной ассимиляции кельтов: к концу II в. до н.э. перестают функционировать собственно кельтские поселения и могильники в Силезии, а в конце I в. до н.э. и на остальной части Польши. В Малопольше известен целый ряд кельтско-пшеворских памятников, отражающих этап ассимиляции кельтского населения.

Пшеворская культура просуществовала до первой половины V в. н.э. Ее подробная характеристика дана в следующем разделе.

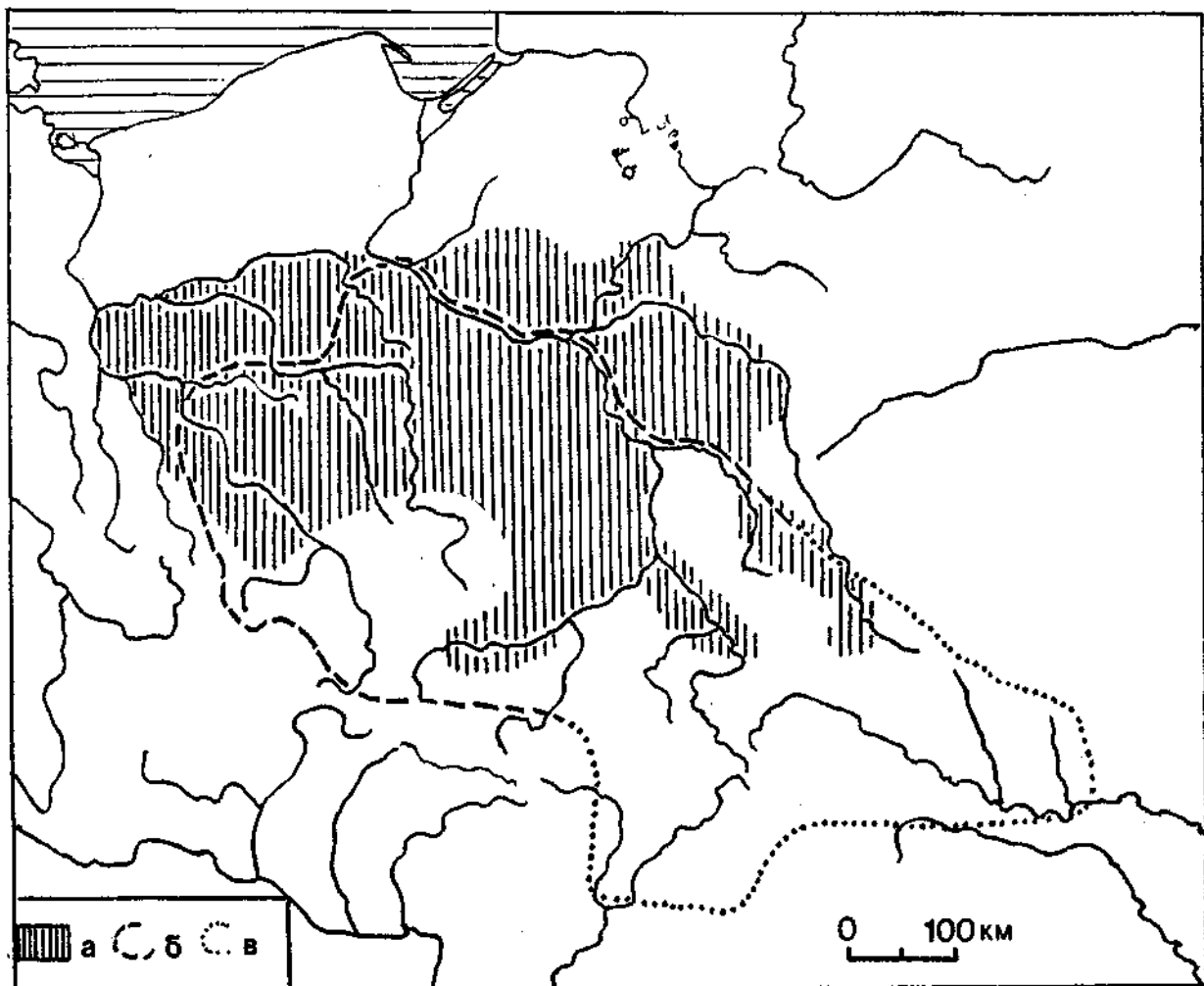

Рис. 47. Распространение пшеворской культуры (по К.Годловскому)

а — ареал позднего латена; б — граница ареала в ранней фазе позднего римского периода; в — регионы экспансии в ранней фазе позднего римского периода

С проблематикой, рассматриваемой в настоящей главе, связан в основном первый этап этой культуры.

Поселения пшеворской культуры во всех отношениях тождественны предшествующим. Польские археологи отмечают скопления в одних и тех же районах поселений подклешевой и пшеворской культур, в чем видят один из показателей непрерывного развития этих древностей. Захоронения пшеворской культуры иногда располагались

на могильниках культуры подклешевых могил, свидетельствуя о том, что при становлении новой культуры смены населения не было.

Все могильники пшеворской культуры бескурганые, включающие десятки, а нередко сотни захоронений по обряду кремации умерших. Остатки трупосожжений или ссыпались прямо в могильные ямы, или помещались в ямы в глиняных урнах. Распространение в пшеворской культуре без-

урновых трупосожжений с остатками погребального костра и фрагментами вторично обожженной керамики является безусловным наследием культуры подклешевых захоронений.

Число урновых захоронений позднелатенского периода в пшеворских могильниках невелико. Это также принадлежит к традициям культуры подклешевых погребений. Однако теперь остатки сожжений, как правило, не накрывались опрокинутыми вверх дном сосудами. О том, что пшеворская обрядность связана в основном с местной традицией, говорят могильники переходного типа, содержащие и пшеворские погребения, и захоронения культуры подклешевых могил. К таковым, в частности, принадлежит могильник Бодзаново в окрестностях Александрува Куявского, раскопками которого открыты подклешевые и раннепшеворские захоронения, сопровождавшиеся однотипными сосудами-кружками [6]. Подобные могильники исследовались и в других местах [7].

Одним из ярких показателей инфильтрации кельтов в славянский регион являются захоронения по обряду трупоположения, встреченные на пшеворских могильниках [8]. Наиболее ранние (I в. до н.э.) пшеворские трупоположения локализуются в Силезии, то есть в регионе прежнего проживания кельтов, а также в соседних районах междуречья средних течений Варты и Вислы. Очевидно, что в Силезии трупоположения отражают процесс ассимиляции местных кельтов пшеворским населением, а во втором регионе, в Куявии, где зафиксировано 7 пшеворских могильников с захоронениями по обряду ингумации, последние свидетельствуют уже о расселении кельтов среди местного населения (рис. 48). По всем деталям обрядности пшеворские трупоположения сопоставимы с собственно кельтскими. Ниже при характеристике пшеворских древностей эта тема будет рассмотрена еще раз.

Как и в погребальном обряде, в керамике пшеворских памятников прослеживается прежде всего преемственность с глиняной посудой культуры подклешевых погребений. Значительная часть пшеворской посуды

наследует местные традиции. Однако своеобразный облик пшеворской культуре с момента ее становления придает иная группа керамики, откровенно подражающая кельтской посуде. Ее составляют: а) горшки стройных форм с сильно выступающими округлыми плечиками и с лощеной поверхностью; б) горшкообразные сосуды, верхние части которых имеют рельефные горизонтальные валики; в) сосуды с раздутым туловом, аналогичные по форме кельтской росписной керамике; г) сосуды с угловатыми плечиками, подражавшие кельтской графитированной посуде; д) слабопрофилированные сосуды с граненым («фацилированным») венчиком.

В пшеворской культуре эта керамика изготавливалась ручным способом, но явно в традициях гончарной кельтской посуды. Все формы ее явно повторяют облик кельтской керамики Силезии, Малопольши и Чехии. Бытовала эта керамика в пшеворской культуре только в позднелатенское время; к началу раннеримского периода (около середины I в. н.э.) она выходит из употребления.

С этой кельтоидной керамикой коррелируются на пшеворских могильниках погребения, совершенные по обряду кремации, но заметно выделяющиеся среди прочих. Если глиняные сосуды, продолжавшие местные керамические традиции, характерны для погребений безынвентарных или малоинвентарных, содержащих единичные вещи (обычно железный нож, глиняное пряслице или фибулу), то захоронения, сопровождающиеся кельтоидной посудой, содержат, как правило, многочисленные вещи, в том числе пряжки и поясные крючки, серповидные ножи, ножницы, иглы, молотки, долота, клещи, пинцеты, напильники, наконечники копий, умбоны щитов, мечи, шпоры — предметы, принадлежащие к типам, весьма характерным для кельтского мира Средней Европы, и неизвестные в предшествующее время в рассматриваемом ареале. Принадлежат ли последние захоронения кельтам, расселившимся в местной среде, или абorigенам, воспринявшим кельтские особенности, сказать пока невозмож-

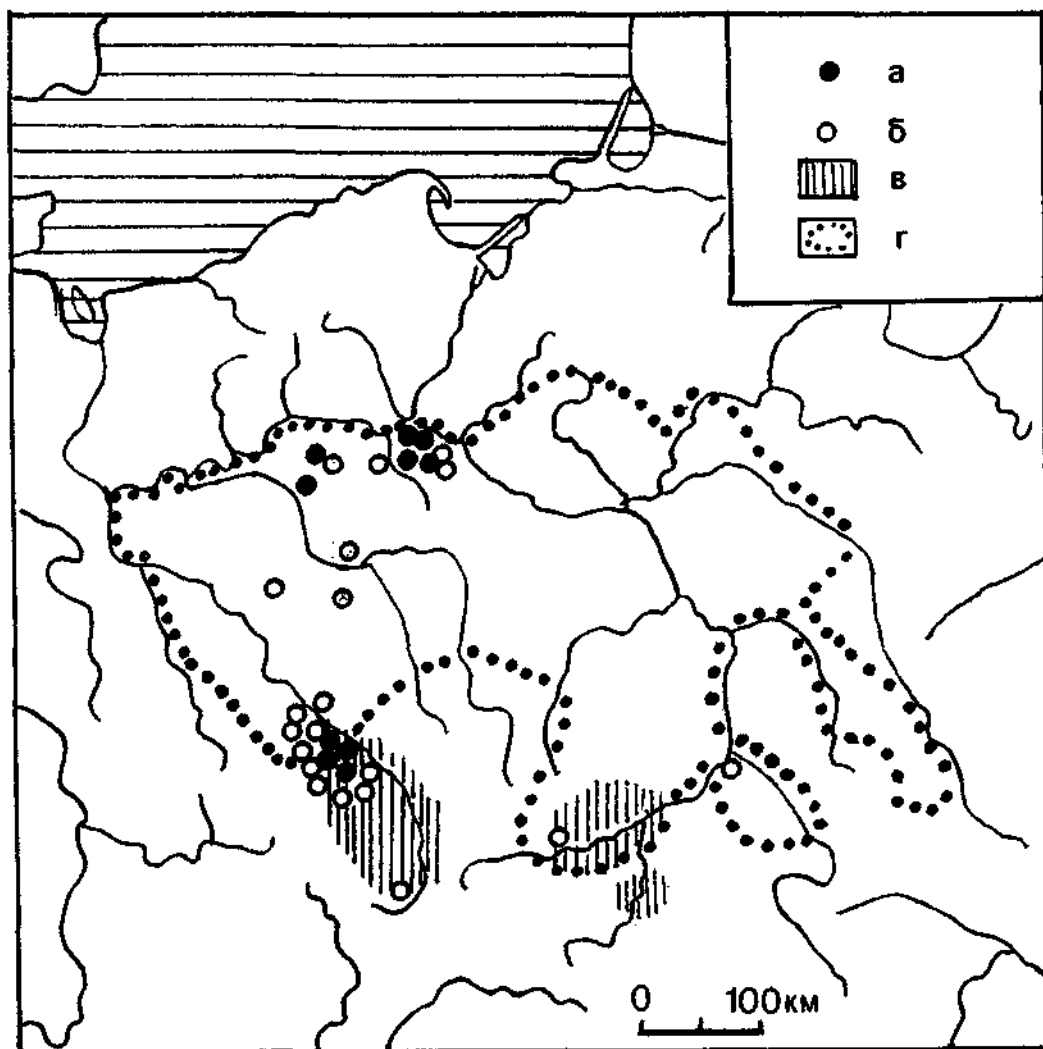

Рис. 48. Труположения в пшеворском ареале

а — могильники с труположениями позднелатенского периода; б — могильники с труположениями раннеримского времени; в — регионы, заселенные кельтами; г — граница распространения пшеворской культуры в позднелатенский период

но. Строение могильных ям таких погребений ничем не отличается от прочих.

Следует заметить, что во II—I вв. до н.э. в кельтских могильниках Среднего Подунавья наряду с характерными труположениями появляются и захоронения по обряду трупосожжения. Нередко остатки кремации при этом сыпались в длинные овальные ямы, такие же, какие выкапывались для труположений. Эта особенность кель-

тской обрядности зафиксирована на пшеворских могильниках Добжанково, Кащице, Куявске, Пиотркув и других (рис. 49). Некоторые из таких пшеворских захоронений сопровождались описанной выше кельтоидной керамикой.

О расселении кельтов среди пшеворского населения говорят и такие находки, как культовая палочка, обнаруженная в одном из захоронений могильника Весулки [9],

кельтские бусы с личиной в Домановицах [10], фибула со звериной головкой из Кащице [11]. Интересно, что во всех этих пшеворских погребениях встречена глиняная посуда кельтоидных типов. В могильниках Спецымеж и Вымыслов обнаружены глиняные изображения голов быка — священного животного у кельтов.

О значительности кельтского воздействия на многие стороны жизни и культуры населения пшеворской культуры, обусловленного как инфильтрацией кельтов, так и их соседскими контактами, говорит и большая серия вещевых находок, обнаруженных как в могильниках, так и на поселениях позднелатенского времени. При раскопках пшеворских памятников в значительном количестве встречены латенские фибулы. Они очень скоро становятся обязательной частью костюма пшеворского населения, целиком вытесняя широко употреблявшиеся ранее одежные булавки. Какая-то часть фибул поступала в пшеворскую среду от кельтов. Однако выделить среди находок из пшеворских могильников и поселений собственно кельтские почти невозможно, поскольку в ареале рассматриваемой культуры было налажено производство фибул местными мастерами по кельтским образцам.

В условиях кельтского влияния в пшеворской среде получило распространение оружие новых типов — двулезвийные мечи, наконечники копий с волнистым краем, полусферические умбоны щитов. Из кельтского мира к племенам пшеворской культуры проникли молотки, клещи, напильники, скобели, ключи и замки, пружинные ножницы, шпоры. Ю.Костшевский приводит множество примеров общих для кельтов и носителей пшеворской культуры бытовых изделий, в том числе ножей, топоров, бритв и др. [12].

Исследования последних десятилетий показали, что славянское кузнечное ремесло I тыс. н.э. по своим особенностям и технологической культуре было наиболее близко к металлообрабатывающему производству кельтов и провинций Римской империи. Последнее же продолжало и развивало ремесленные традиции кельтов [13]. Это касается не только Висло-Одерского

региона, но и славянского населения Восточной Европы. Казалось бы, что зарубинецкие и черняховские племена, среди которых, как показано ниже, были и славяне, должны бы являться преемниками высокого мастерства скифских ремесленников по обработке черных металлов. Но оказывается, что техника обработки железа у этих племен не базировалась на опыте кузнецов Скифии, а развивалась на кельтских традициях [14].

Наследием кельтского ремесла было и гончарное производство пшеворской культуры. В Малопольше в нескольких пунктах (Иголомья, Зофиполе, Тропишув) раскопками исследовано несколько десятков горнов для обжига глиняной посуды, по своей конструкции сходных с кельтскими гончарными печами. Активно функционировали они уже в римское время, когда в пшеворской культуре широкое распространение получила гончарная керамика. Из этих гончарных центров глиняная посуда поступала во многие регионы Висло-Одерского междуречья. Представляется несомненным, что развитие гончарной техники в этом регионе связано с непосредственным возрождением местных кельтских традиций [15].

Польская исследовательница Я.Розен-Пшеворска утверждает, что кельтское влияние проявляется широко не только в материальной, но и в духовной культуре славян рассматриваемого региона Европы. Оно было настолько сильным, что не может быть сравниваемо с влиянием других соседних народов [16].

Кельтское воздействие было настолько мощным, что его следы проявляются даже в раннесредневековых древностях славян. Так, исследованные археологами на славянском поселении в Гросс Радене в округе Шверина остатки языческого культового сооружения IX—X вв. [17] и следы подобного храмового строения VII—VIII вв. в Фельдберге в округе Нейбранденбург [18] находят аналогии в кельтском культовом строительстве. Й.Геррманн утверждает, что не только внешний облик этих языческих храмов сопоставим с культовыми постройками кельтов, но находят параллели в кельтском искусстве и деревянные стилизован-

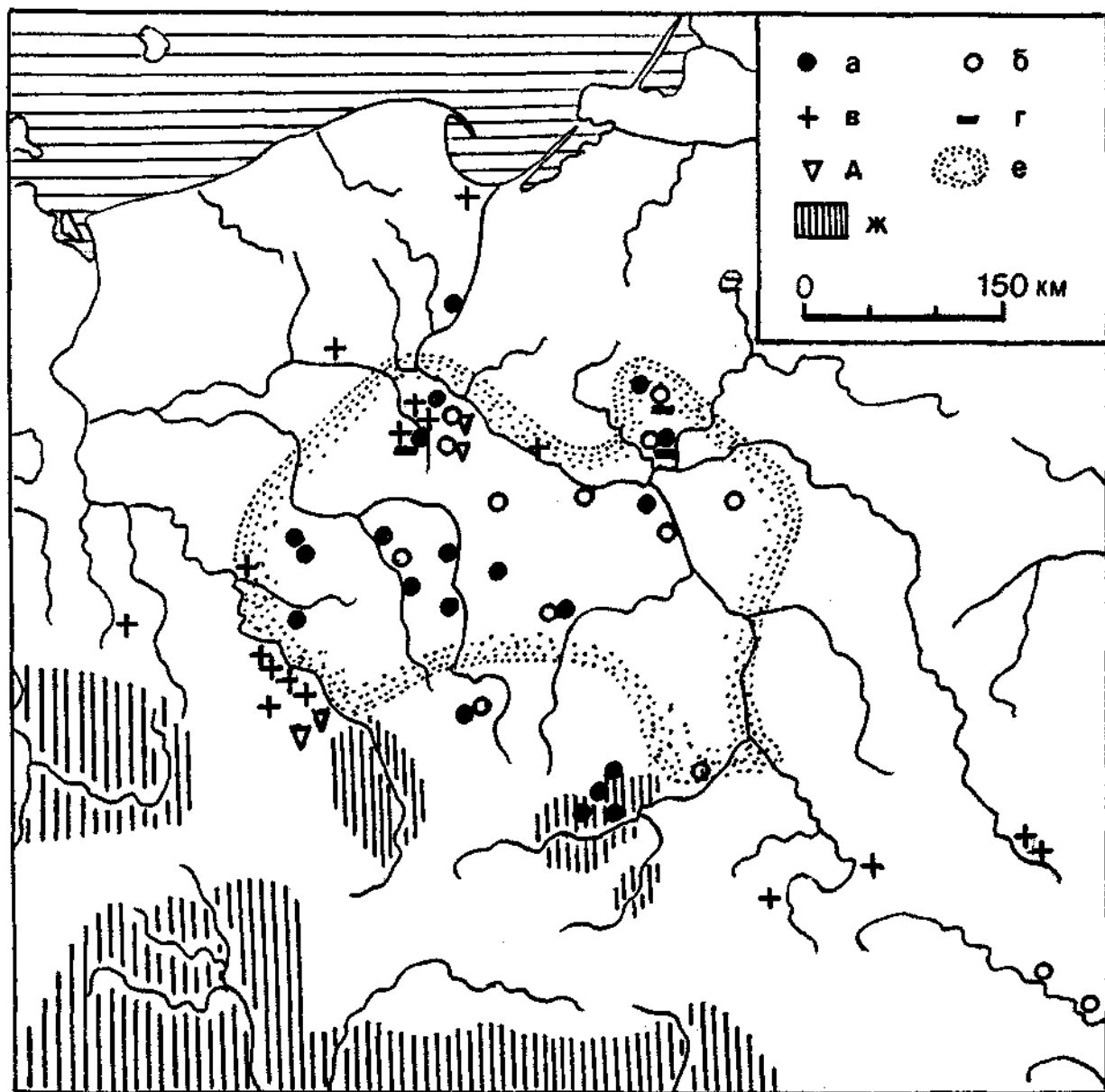

Рис. 49. Кельтские находки в пшеворском ареале

а — вещевые находки в погребениях пшеворской культуры; б — керамика в погребениях пшеворской культуры; в — находки кельтских монет и монетных кладов; г — длинные могильные ямы кельтского облика в пшеворских могильниках; д — скорченные труположения в пшеворских могильниках; е — основной ареал культуры подкляшевых погребений; ж — области, заселенные кельтами

ные фигуры, обнаруженные в Гросс Радене. С храмами кельтов сопоставимо также славянское святилище в Арконе на острове Рюген, известное по описанию Саксона Грамматика. В итоге Й.Геррманн полагает, что языческие культовые постройки северо-западных славян раннего средневековья ведут свое начало от храмового строительства кельтов Средней Европы. При раскопках раннесредневековых поселений славян того же региона неоднократно встречены деревянные культовые фигурки, в которых этот исследователь также видит кельтские традиции [19]. Я.Розен-Пшеворска видит кельтские традиции в скульптуре некоторых христианских храмов Польши.

Мощное взаимодействие славян с кельтами должно оставить какие-то следы в славянских языковых материалах. Сложность выявления кельтского влияния на праславянскую речь обусловлена прежде всего тем, что от кельтских языков Средней Европы не осталось почти никаких следов, а сохранившиеся западнокельтские диалекты, отличные от восточных, не дают достаточных данных для изучения славяно-кельтских языковых контактов.

Как говорилось в историографическом очерке, славяно-кельтскому языковому взаимодействию много внимания уделил А.А.Шахматов, полагавший, что кельты были непосредственными соседями славян. Он привел перечень предполагаемых кельтских лексических заимствований в славянском языке, среди которых видное место принадлежит общественным, военным и хозяйственным терминам [20]. Однако концепция А.А.Шахматова была встречена исследователями весьма критически.

Ю.Покорный, отметив целый ряд кельтско-славянских лексических схождений, а также некоторые грамматические параллели между древнеирландским и славянским языками, исследованные Х.Педерсеном, предложил объяснять их не непосредственными контактами славян с кельтами, а через посредство иллирийцев [21]. Эта мысль тоже не получила признания в науке.

Т.Лер-Сплавинский пытался объяснить кельтским воздействием некоторые фоне-

тические явления славянских языков, в частности возникновение польского мазурения [22], что также не признано убедительным.

Остается несомненным, что в праславянском языке имеется немалое число слов, занимающих изолированное положение и хорошо этимологизируемых на основе кельтских языков. Значительный перечень таких лексем приведен был Ю.Покорным. К.Треймер насчитывает не менее 40 слов, заимствованных праславянами из кельтских языков. Они касаются социальной, ботанической и сельскохозяйственной терминологии, а также затрагивают область материальной культуры [23]. Думается, что при специальных изысканиях таких слов может оказаться значительно больше. Нельзя не согласиться с С.Б.Бернштейном, отмечавшим, что древнекельтское влияние на праславянский, судя по исследованиям лексического сходства между кельтскими и славянскими языками, было более глубоким, чем казалось до недавнего времени [24].

Весьма важными в этой связи представляются наблюдения О.Н.Трубачева по этнонимии древних европейских этноязыковых группировок [25]. Он устанавливает, что в плане словообразовательной типологии славянская этнонимия весьма далека от типа балтских и германских имен, но близка к кельтской, иллирийской и фракийской. «У кельтов, как и у славян, бросается в глаза наличие „речных“ этнонимов... У кельтов этнонимия заметно более словообразовательная по своему характеру, что сближает ее скорее со славянской этнонимией. При этом намечаются любопытные сходства префиксальных... и суффиксальных моделей... У кельтов, как у славян, есть общий этноним для всей совокупности кельтских племен» [26]. Поскольку анализируемые О.Н.Трубачевым этнонимы являются порождением уже обособившихся индоевропейских этносов, то схождения в этнонимии должны быть обусловлены не генетическим происхождением, а непосредственными контактами славян с кельтами.

Праславянский язык, отмечает О.Н.Трубачев в другом исследовании, «обогатился рядом кентумных элементов лексики, но-

сящих бесспорно культурный характер» [27]. Очевидно, и это явление следует связывать со славяно-кельтским взаимо-

действием, имевшим место, как свидетельствует археология, в последних столетиях I тыс. до н.э. в Висло-Одерском регионе.

1. Filip J. Keltové ve Střední Evropě. Prag, 1956; Idem. Die keltischen Zivilisation und ihr Erbe. Prag, 1961; Todorović J. Kelti u Jugoistočnoj Evropi. Beograd, 1968; Szabo M. Auf den Spuren der Kelten. Budapest, 1971; Schlette F. Kelten zwischen Alesia und Pergamon. Leipzig; Jena; Berlin, 1980
2. Woźniak Z. Osadnictwo celtyckie w Polsce. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970; Czerska B. Sur problématique de l'habitat celtique en Haute Silésie // *Archaeologia Polona*. T. 12. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1970. S. 297—320
3. Czerska B. Wyniki badań późnolateńskiej osady kultury celtyckiej koło Nowej Cerekwi, pow. Głubczyce, w latach 1958—1960 // *WA*. T. XXIX. 1963. S. 289—311; Idem. Sprawozdanie z badań osady celtyckiej w Nowej Cerekwi, pow. Głubczyce, w 1962 roku // *Sprawozdania archeologiczne*. T. 16. Warszawa, 1964. S. 124—131; Idem. Sur le problème de l'habitat celtique... S. 297—320
4. Hołubowiczowa Cehak H. Kamiennie kręgi kultowe na Raduni i Ślezy // *Archeologia Polski*. T. 3. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1953. S. 57—100
5. Godłowski K. Okres lateński w Europie // *Archeologia pierwotna i wczesnośredniowieczna*. T. IV. Kraków, 1977. S. 163.
6. Zielonka B. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Lachnirowicach w pow. inowrocławskim // *Przegląd archeologiczny*. T. IX. Poznań, 1951. S. 353—386.
7. Musianowicz K. Halsztacko-lateńskie cmentarzysko w Kacicach, pow. Pułtusk // *WA*. T. XVII. Z. 1. 1950. S. 25—45
8. Potocki J., Woźniak Z. Niektóre zagadnienia związane z pobycem Celtów w Polsce // *Sprawozdania archeologiczne*. T. VIII. Warszawa, 1969. S. 81—98.
9. Dąbrowski I. i K. Cmentarzysko z okresów późnolateńskiego i wpływów rzymskich w Wesólkach, pow. Kalisz. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967. S. 81
10. Kołodziejcki A. Badania cmentarzyska w Domanowicach, pow. Głogów, w latach 1964—1971 // *Sprawozdania archeologiczne*. T. XXV. Warszawa, 1973. S. 113—134
11. Musianowicz K. Halsztacko-lateńskie... S. 40—44
12. Kostrewski J. Zagadnienie ciągłości zaludnienia ziem polskich od połowy II tys. przed n.e. do wczesnego średniowiecza. Poznań, 1961; Idem. Zur Frage der Siedlungstätigkeit in der Urgeschichte Polens von der Mitte des II Jahrtausends v. u.Z. bis zum frühen Mittelalter. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965.
13. Pleiner R. Základy slovanského železářského hutnictví v Českých zemích. Praha, 1958; Idem. Staré evropské kovárství. Praha, 1962; Piaskowski Y. Technologia zelaza na ziemiach Polskich w okresie od I do V wieku naszej ery // *Wiadomości hutnicze*. Warszawa, 1963. № 12
14. Барцева Т.Б., Вознесенская Г.А., Черных Е.Н. Металл черняховской культуры. М., 1972. С. 27—32
15. Svoboda B. Čechy v době stěhování národů. Praha, 1965. S. 84—98
16. Rosen-Przeworska J. Tradycje celtyckie w obrzędowości protosłowian. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1964. S. 54—254; Idem. Spadek po Celtach. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979. S. 50—137
17. Schuldt E. Der altslawische Tempel von Gross Raden. Schwerin, 1976; Idem. Der eintausendjährige Tempelort Gross Raden. Schwerin, 1989
18. Herrmann J. Feldberg, Rethra und das Problem der wilzischen Hohenburgen // *Slavia antiqua*. T. XVI. Poznań, 1970. S. 33—69
19. Herrmann J. Zu den kulturgeschichtlichen Wurzeln und zur historischen Rolle nordwestslawischer Tempel des frühen Mittelalters // *Slavenská archeologia*. Bratislava, 1978. № 1. S. 19—27
20. Schachmatov A.A. Zu ältesten slavisch-keltischen Beziehungen // *Archiv für slavische Philologie*. Bd. XXXIII. Berlin, 1912. S. 51—99
21. Pokorny J. Zur Urgeschichte der Kelten und Illyrier. Halle, 1938
22. Lehr-Splawiński T. Kilka uwag o stosunkach językowych celtycko-prasłowiańskich // *Rocznik sławistyczny*. T. XVIII. Cz. 1. 1956
23. Treimer K. Ethnogenese der Slawen. Wien, 1954. S. 32—34
24. Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 94—95
25. Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // *ВЯ*. 1974. № 6. С. 54—60
26. Там же. С. 58
27. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистическое исследование. М., 1991. С. 25

Славяне в составе населения пшеворской культуры

Пшеворская культура, сложившаяся в условиях славяно-кельтского взаимодействия, на протяжении столетий претерпевала значительные трансформации. Это обусловлено не только эволюционным развитием, что свойственно всем древним культурным образованиям, но и неоднократным проникновением в пшеворский ареал более или менее значительных масс нового населения. Территория пшеворской культуры не была замкнутым пространством, ограниченным какими-либо естественными рубежами. Расположенная в сердцеvine Европы, она привлекала переселенцев с запада и севера, что в свою очередь приводило в движение коренное пшеворское население, вынуждало его к миграциям, в результате территория рассматриваемой культуры расширилась в римское время в восточном и южном направлениях.

Первоначальный ареал пшеворской культуры — от правобережной части бассейна Одера на западе до верховьев Бута на востоке — в общих чертах соответствовал территории культуры подклешевых погребений (рис. 47). Западными соседями пшеворского населения были германские племена, расселившиеся в материковой части Европы от Везера до среднего и нижнего Одера.

В верховьях Одера и на верхней Висле жили кельты, вскоре растворившиеся среди пшеворского массива. Северо-западными соседями пшеворских племен были западные балты, а на востоке, на западной окраине Припятского Полесья они вплотную соприкасались с носителями зарубинецкой культуры.

Поселения пшеворской культуры, как и в предшествующее время, были неукрепленными, отражая картину жизни и быта земледельческого населения. В регионах с плодородными почвами плотность населения в пшеворском ареале была значительной. Здесь нередко поселения располагались в непосредственной близости друг от друга. Для устройства селений избирались прибрежные возвышения, иногда селились и на невысоких всхолмлениях среди низменных пространств, на мысах среди луговых долин и пойменных расширений.

Размеры поселений были весьма различными — от небольших, состоящих из двух-пяти домов с соседствующими хозяйственными постройками, до крупных, занимавших 20—30 тысяч кв. м. Со временем поселения становятся все крупнее и крупнее, хотя сохранялось множество и мелких селений. Так, исследователями пшеворских древнос-

тей Верхнего Поднестровья замечено, что средняя площадь поселений увеличивается от 2—4 тысяч кв. м в позднелатенское время до 13—14 тысяч кв. м в III в. н.э. Заметно возрастает со временем и количество селений.

Раскопками целого ряда пшеворских поселений зафиксирована их кучевая бессистемная застройка [1], которая была широко распространена в славянском мире и в последующее время, а на Руси, судя по материалам этнографии, господствовала вплоть до XVI в.

На поселении Пивонице (недалеко от Калиша) в Великопольше в раннее время (I в. до н.э. — I в. н.э.) жилища располагались вокруг свободной (незастроенной) площади. Хозяйственные строения концентрировались на отдельном участке, свидетельствуя, по всей вероятности, о совместном ведении хозяйства всеми жителями селения. В III — первой половине V в. застройка приобретает бессистемный характер [2].

Немалое число пшеворских поселений имело и рядную застройку, при которой жилища устраивались в ряд вдоль берегов рек, ручьев или оврагов. В частности, такая планировка зафиксирована на поселениях в бассейнах верхнего Днестра и Буга, где жилища находились на расстоянии 10—20 м одно от другого [3].

Среди прочих регионов пшеворской территории выделяется Верхняя Силезия, где поселения имели сравнительно небольшие размеры и состояли в основном из двух-пяти крестьянских дворов. Немало было и однодворных селений, которые располагались на относительно небольшом расстоянии друг от друга [4].

Жилищами пшеворского населения были и наземные дома, и полуземляночные строения. Первые зафиксированы раскопками на очень многих поселениях, но из-за трудности их изучения и легкости разрушения обстоятельно не исследованы. Даже трудно сказать, какую долю пшеворских жилищ составляют наземные постройки. Некоторые археологи полагают, что преимущественное значение имели полуземлянки [5].

Стены наземных жилищ имели столбовую конструкцию. Каркас из составляли вертикальные столбы, вкапывавшиеся в грунт, промежутки между ними переплетались прутьями и обмазывались глиной. Скопления глиняной обмазки от таких построек выявлены почти на всех пшеворских поселениях, подвергавшихся раскопкам. Судя по некоторым фрагментам обмазки, некоторые дома имели целиком деревянные стены. Между столбами укладывались друг на друга затесанные с двух сторон бревна, концы которых впускались в продольные пазы стояков-опор. Выявлены и жилые строения срубной и срубно-столбовой конструкции [6]. Отапливались жилища очагами, нередко выложенными из камней и промазанными глиной. Зафиксированы раскопками и печи, устроенные из камней и глины.

В плане наземные дома были прямоугольными. На поселениях Силезии их площадь равнялась 17—38 кв. м, на Волыни и в Поднестровье — 16—18 кв. м. Наиболее распространенными были постройки размерами от 3,2×3,2 до 5×4,5 м. В большинстве случаев жилища были однокамерными, но известны и двухкамерные. Нередко к домам примыкали небольшие пристройки столбовой конструкции — сени или навес.

Полуземляночные жилища выявлены также по всему пшеворскому ареалу. Выделяется два типа их. Первый образуют квадратные в плане постройки с очагами, в основном сложенными из камней или глиняных вальков (есть и простые очаги в виде скоплений угля и золы). Устраивались очаги посредине жилищ, реже — в одном из углов. Такие постройки исследовались на многих поселениях бассейнов Вислы и Одера, в том числе в Пивонице, Вульке Лясецкой, Грошовице, Вербковице-Которове, Мацкувке, Тархалице и других, есть они и на поселениях Поднестровья (Подберезцы, Сокольники). Подобные квадратные в плане полуземлянки известны в культуре подклешевых погребений, и в пшеворское время получили дальнейшее развитие.

Второй тип полуземляночных жилищ составляют постройки с удлиненными

(овальными или прямоугольными) котлованами. Стены их имели столбовую конструкцию и также обмазывались глиной. Отапливались они глиняными очагами или печами. Такие постройки открыты на многих поселениях, в том числе в Весульках, Грудеке Надбужном, Добжинковицах, Данкове, Кошчелиске, Латкове, Подберезцах и других местах.

Обычно на пшеворских поселениях обнаруживаются жилища разных типов. Раскопными изысканиями изучены некоторые детали домостроения. Стойки, образующие каркас постройки, имели обычно в диаметре 0,2—0,3 м. На столбы, вкопанные посередине коротких стен, укладывались перекладины, на которые опирались стропила двускатной крыши. Вход чаще устраивался у одного из углов жилища, напротив очага. Крыши покрывались хворостом или соломой.

На многих поселениях исследованы и хозяйственные сооружения, обычно опущенные в грунт, площадью 6—12 кв. м, без очагов. Они имели округлую, овальную или прямоугольную форму. Стены были такими же, как и в жилых строениях. Обнаружены и наземные хозяйственные постройки легкой столбовой конструкции. Кроме того, при раскопках неоднократно фиксировались ямы глубиной 0,7—1,6 м со стенками, обмазанными глиной и обожженными. Они предназначались для хранения продуктов земледелия и животноводства.

Среди памятников пшеворской культуры выделяются крупные специализированные производственные центры по добыче и обработке железа и изготовлению гончарной посуды. Известны четыре крупных металлургических центра: район Свентокшицких гор, окрестности Новой Гуты — Кракова, окрестности Тархалиц и Грошовиц в Силезии и Фаленты близ Варшавы.

В самом крупном регионе по добыче железа — Свентокшицком — археологическими работами 1955—1966 гг. зафиксировано 95 металлургических комплексов, насчитывающих свыше 4000 сыродутных горнов. В каждом комплексе обычно находилось по несколько десятков печей, но есть

среди них и такие, где было сосредоточено до двух сотен горнов. Польский археолог К. Беленин, исследовавший Свентокшицкий регион, полагает, что количество комплексов здесь достигало 4000, с общим числом железоплавильных печей до 300 тысяч. Объем их продукции — около четырех тысяч тонн железа рыночного качества [7].

Сырьем для металлургии были бурый железняк и железный шпат, использовалась и болотная руда. Руду в горах добывали достаточно совершенным шахтным способом. При изучении шахты Сташиц выявлена система шахтных стволов и штолен с остатками креплений. Сложная система деревянных креплений и подъемные приспособления изучены и при обследовании шахт около с. Рудки близ г. Кельце. Для выплавки железа использовались сыродутные печи-горны с углубленным подом и наземным стволом, который при выемке крицы приходилось разбирать.

Начало свентокшицкого железоплавильного производства восходит к позднему латену и своим происхождением связано с кельтской черной металлургией III—I вв. до н.э. В первое время металлургические комплексы из 10—12 горнов располагались непосредственно на поселениях. Их продукция удовлетворяла лишь местные потребности. В римский период производство железа стало носить организованный характер и наивысшего подъема достигло в III—IV вв. [8]. Теперь металлургические центры снабжали своей продукцией обширные районы пшеворской территории и экспортировали ее в римские провинции. Об этом свидетельствует не только количество железоделательных горнов с высокой продуктивностью, но и многочисленные находки кладов с тысячами римских монет. В эпоху «переселения народов» производство железа в свентокшицком и других центрах резко упало до уровня, отвечающего исключительно местным потребностям.

В пшеворском ареале, преимущественно в его южной части, функционировали и центры по производству керамики, из которых гончарные сосуды поступали во все регионы. Так, в окрестностях Кракова (Иго-

ломия, Тропишов, Зофиполь) исследовано археологами более сотни гончарных горнов. Целая группа поселений гончаров (Пиотрониовице, Радловице, Радванице) выявлена и в окрестностях Вроцлава. Наибольшее распространение получили двухкамерные горны, восходящие к кельтскому гончарству. В Иголомие и некоторых других пунктах исследовались и простые ямные печи с куполообразным верхом. Польские археологи считают, что эти гончарные печи были привнесены в южные районы Повисленья кельтами из Паннонии [9].

Как уже отмечалось, погребальный обряд пшеворской культуры в основных деталях продолжал традиции подклешевых захоронений. Могильники на всех стадиях эволюции этой культуры оставались бескурганскими. В очень редких случаях места погребений обозначались камнями. Исследователи пшеворских древностей полагают, что в древности пшеворские захоронения обозначались небольшими насыпями, сооружавшимися из грунта, выбранного из могильной ямы.

Для могильников выбирались возвышенные места. Функционировали они длительное время, поэтому обычно насчитывают сотни погребений. Могильные ямы имели различные очертания — округлые, овальные и подчетыреугольные — и неодинаковые размеры (от небольших диаметром 0,3—0,4 м до весьма крупных — 3—4 м при глубине от 0,3 до 0,8 м).

Господствовал обряд кремации умерших. Трупосожжение совершалось на стороне, остатки его часто ссыпали непосредственно в могильную яму, в других случаях помещали в глиняную урну и ставили на дно ямы. В III—IV вв. в ряде мест пшеворского ареала получают распространение так называемые послойные (или пластовые) захоронения, в которых остатки кремации разбрасывались, образуя тонкую прослойку на дне могильной ямы, а иногда и прямо на поверхности земли. В раннее время кальцинированные кости умерших помещались в могильные ямы с остатками погребального костра. В позднеримском периоде распространился обычай тщательного очищения

костей от остатков погребального костра.

В ямных, то есть безурновых, погребениях иногда встречаются обломки глиняных сосудов, по-видимому, ритуально разбитых в моменты захоронения. Большинство же таких погребений принадлежит к безынварным, лишь в очень немногих встречены железные ножи, шилья, пряжки или глиняные пряслица.

В урновых захоронениях кроме сосудов с кальцинированными костями нередко сопровождающие сосуды (миски, кружки, кубки) — так называемые сосуды-приставки. Возможно, их ставили в могилы с ритуальной пищей и водой. В таких погребениях встречается довольно много различных бытовых предметов, украшений и оружия. Вещевой инвентарь помещался в урну или клался около нее. В ряде случаев вещи были повреждены огнем, а предметы вооружения нередко ритуально поломаны или согнуты.

Порча оружия и заостренных предметов перед помещением в могилы — типичная особенность пшеворских погребений. Ломались наконечники копий, кинжалы, ножицы, умбоны, ручки щитов, мечи. Этот обычай был распространен среди кельтов, отражая их религиозные представления, согласно которым со смертью воина требовалось символически «умертвить» и его оружие, предназначенное служить ему в загробном мире. От кельтов этот ритуал распространился на соседние племена [10].

В сравнительно немногих могильниках пшеворской культуры открыты единичные захоронения по обряду труположения. Скелеты лежали в овальных или неправильной формы ямах, изредка в деревянных колодах. Ориентировка их различная, есть скорченные захоронения.

Вполне очевидно, что труположения в пшеворской культуре принадлежат к инородным элементам. Это погребения кельтов, проникших в пшеворскую среду, что хорошо аргументировано польскими археологами [11]. Для позднеримского времени сомнений в этом не может быть: все труположения встречены или по-соседству с регионом расселения кельтов, или в местах плотного распространения кельтских нахо-

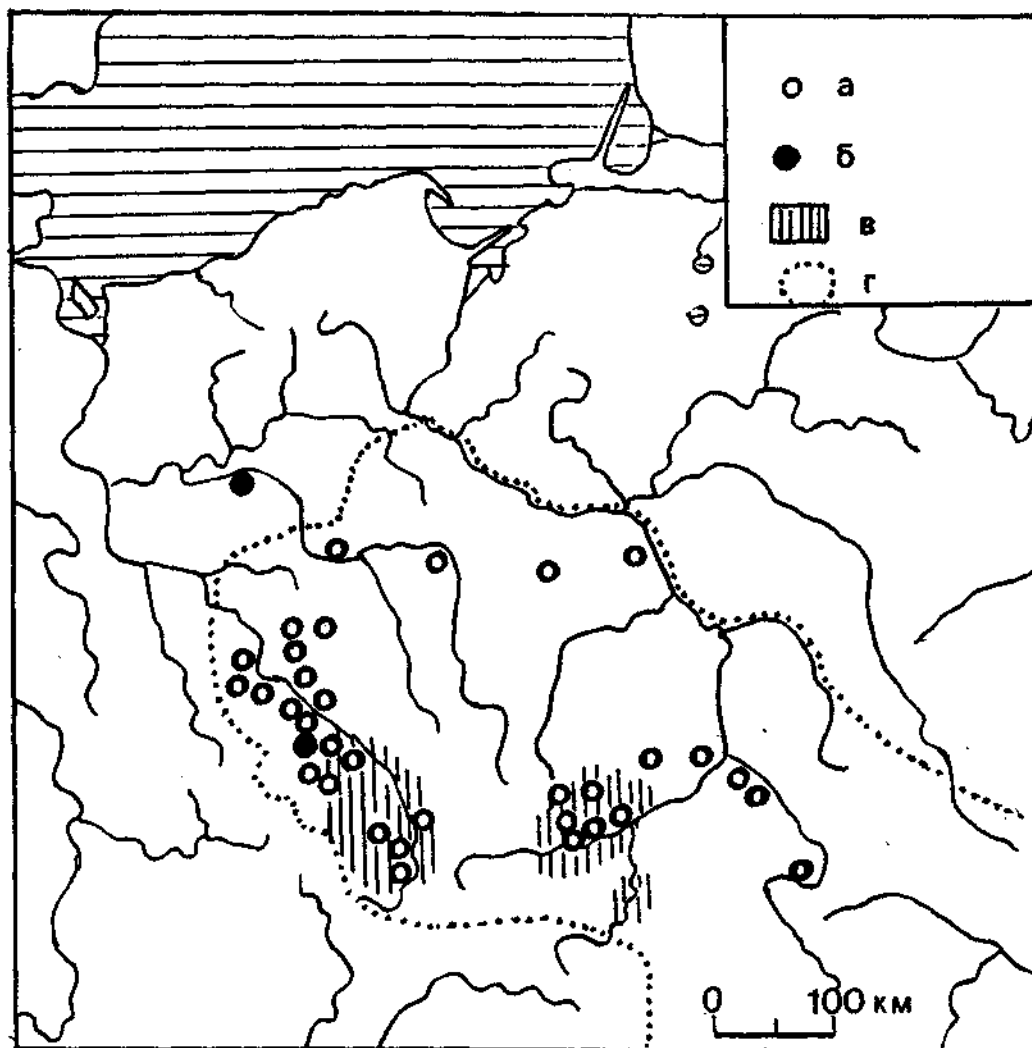

Рис. 50. Труположения позднеримского времени в пшеворских могильниках

а — могильники с единичными труположениями; б — с большим числом труположений; в — области Силезии и Малопольши, ранее заселенные кельтами; г — граница распространения пшеворской культуры

док (рис. 48). Труположения римского времени сосредоточены опять-таки преимущественно в бассейне верхнего и среднего течения Одера (рис. 50), там, где кельтское население было ассимилировано пшеворскими племенами. Впрочем, для позднеримского времени нельзя быть уверенным в кельтском наследии обряда труположения. Не исключено, что эти погребения или какая-то часть их привнесены в пшеворский ареал германскими переселенцами.

Керамический материал пшеворской культуры позднелатенского периода получил характеристику выше в связи с анализом славяно-кельтских взаимоотношений. В начале римского периода продолжали бытовать позднелатенские формы глиняной посуды, продолжавшие традиции славяно-кельтского соседства, но весьма постепенно заменялись новыми формами — горшковидными сосудами с прогнутым ступечатым горлом, сосудами с раздутым сферическим

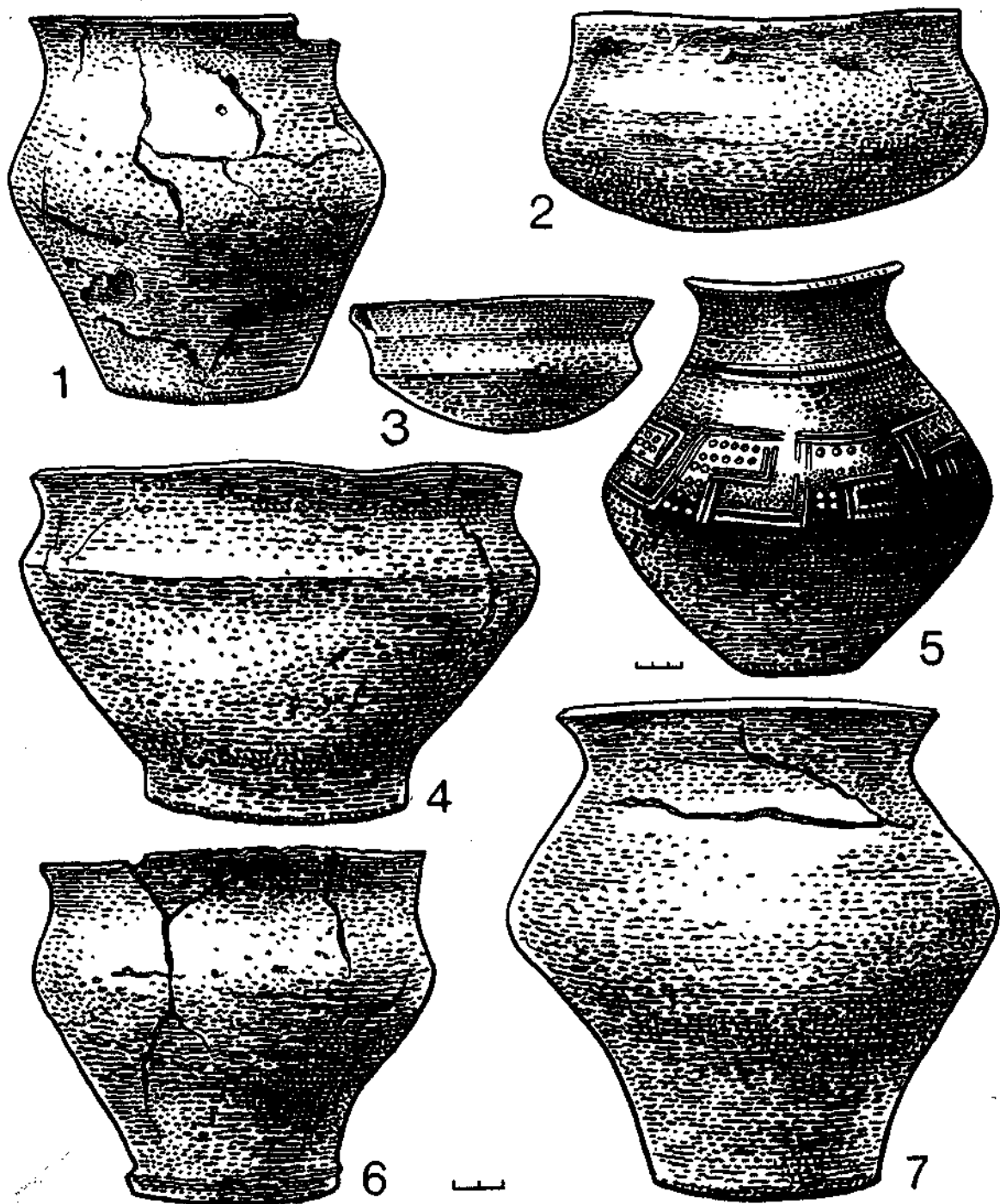

Рис. 51. Глиняная посуда пшеворской культуры

1, 5 — Великача; 2—4 — Подберезцы; 6 — Зубры; 7 — Монастыриха

Рис. 52. Глиняная посуда пшеворской культуры

1—4, 6 — Гринец; 5 — Подберезцы

туловом, грушевидными сосудами, имеющими соответствия в ясторфской культуре. В пшеворском ареале получает распространение меандровый узор (рис. 51, 5), хорошо известный в германских древностях бассейна Эльбы. Еще в конце латенского периода в пшеворских памятниках появляются сосуды с изломанным угловатым профилем, характерные для многих германских земель этого времени. Вполне очевидно, что все это является надежным свидетельством проникновения (инфильтрации) германцев в среду пшеворского населения.

Заметные изменения в керамическом материале пшеворской культуры происходят еще во II в. н.э. и в позднеримское время. Распространенные ранее сосуды, имеющие кельтские и ясторфские параллели, постепенно выходят из употребления.

Им на смену приходят горшкообразные сосуды с широким утяжеленным дном, сосуды на поддоне, кувшины, трехручные вазы, сосуды с горизонтальным валиком. Вся эта керамика связана с германским миром и находит аналогии в синхронных древностях северо-западных и северных соседей пшеворского населения. Несомненно, что это следы новых проникновений германского населения в пшеворскую среду.

Вместе с этим, во всех периодах функционирования пшеворской культуры широко бытовала и глиняная посуда, имеющая местные корни и традиции (рис. 51, 52), свидетельствующая о том, что ядро ее носителей оставалось неизменным.

Начиная со II в. н.э. в пшеворском ареале появляется, а в следующем столетии получает широкое распространение керамика

ка, изготовленная на гончарном круге. Среди нее есть и горшки, и кувшины, и миски с ручками с серой заглаженной или шершавой поверхностью. Эта черная по окраске посуда была продукцией гончаров-ремесленников, работавших в производственных центрах, которые были охарактеризованы выше. Она распространилась по всему пшеворскому ареалу, нужно полагать, в результате торговых операций и обмена. Но местное земледельческое население продолжало и теперь делать глиняную посуду ручным способом. Происходит заметное огрубление форм и выделки лепных сосудов. Нарядные чернолощенные сосуды почти полностью выходят из употребления, получают широкое распространение горшки с нелощеной или «хроповой» поверхностью коричневого цвета, иногда орнаментированные ногтевым узором или перекрещивающимися бороздками. В разных частях пшеворской территории соотношение гончарной и лепной керамики было различным. В крайних землях, например в Верхнем Поднестровье, гончарная посуда на поселениях составляла всего 2—5 процентов.

На поселениях и в могильниках обнаружены большие коллекции различных предметов — орудий труда, предметов вооружения, бытовых находок и украшений — позволяющие детально восстановить быт и хозяйственную деятельность пшеворского населения.

Представление о земледельческом труде дают железные наконечники пахотных орудий, серпы и косы. Плужные наконечники — крупные, широколопастные, заостренные; переход от лопасти ко втулке выполнен в виде ярко выраженных плечиков. Пахотные орудия с такими наконечниками тянулись волами и лошадьми. Такие орудия земледелия появились в северной части Европы в позднелатенское время, и в римский период вытеснили бытовавшие здесь ранее деревянные рала. Их происхождение обусловлено контактами с кельтским миром. Широкое распространение в пшеворском ареале получили проушные топоры с массивными обухами, которые использовались и как деревообрабатывающие орудия, и как

орудия для расчистки пахотных полей от леса и кустарника.

Исследователи пшеворской культуры считают, что господствовала двухпольная система земледелия. Поля вспахивали крестообразно, что установлено археологически по следам борозд, сохранившимся под курганами. Убирали урожай железными серпами и серповидными ножами. Запасы зерна хранились в деревянных кадушках и грушевидных ямах, обмазанных глиной. Зерно мололи ручными жерновами, а в позднеримский период появились и ротационные жернова.

Палеоботанические материалы, собранные при раскопках в различных регионах пшеворского ареала, свидетельствуют, что первое место в возделывании зерновых культур занимала рожь (22%), второе — просо (16,5%), третье — ячмень (16,3%), далее следуют пшеница и овес. В этой связи интерес представляет наблюдение К.Яжджевского о том, что в землях к западу от Одера, заселенных в рассматриваемое время германскими племенами, рожь составляла незначительную часть возделываемых зерновых культур, а первое место принадлежало ячменю. Еще раньше в ареале яstorфской культуры рожь была вообще неизвестна. Здесь господствовал ячмень, далее следовали пшеница, овес и просо. Интересно, что рожь в это время не культивировалась и в восточноевропейских землях, и только вместе со славянским расселением расширяется ареал возделывания этой культуры. Германцы переняли возделывание ржи от своих восточных соседей. Ее широкое распространение в Висло-Одерском междуречье в латенском и римском периодах К.Яжджевский признает одним из показателей славянской принадлежности пшеворского населения [12].

Остеологические находки свидетельствуют и о большой роли скотоводства в экономике пшеворского населения. Домашнее стадо состояло из коров, лошадей, свиней, овец и коз. Отмечено постепенное увеличение роли лошадей, что связано с их использованием для обработки пахотных участков. В разных регионах пшеворской тер-

ритории процентное соотношение домашних животных было различным, но почти всегда на первом месте находится крупный рогатый скот. Кроме перечисленных животных пшеворское население разводило уток, гусей и кур, широко распространена была собака. Куры в Европе появились в эпоху гальштата. Их появление в Висло-Одерском междуречье исследователи связывают с кельтами. На долю домашних животных приходилось не менее 90% костного материала, собираемого при раскопках. Судя по костям диких животных, охотничьей добычей обычно были олень, серна, бобр. Подсобную роль выполняли рыболовство и собирательство.

Основными деревообрабатывающими орудиями были проушные топоры с массивным обухом, тесла и долота. Из железных предметов, связанных с домашним обиходом, в пшеворских древностях довольно широко представлены ножи с прямой и горбатой спинкой, пластинчатые кресала, шилья, пружинные ножницы, бритвы, иголки. Нередкой находкой являются ключи и пружины от замков. Неоднократно встречаются и предметы из кости: гребни с дугообразной спинкой, проколки, ложила, амулеты из клыков кабана или медведя, нередко с отверстием для привешивания. Из глины делались пряслица, катушки для ткачества, рыболовные грузила.

Из принадлежностей одежды наиболее часто встречаются фибулы и детали поясов. На ранних стадиях господствовали, как уже отмечалось, фибулы позднелатенских типов. В римское время широкое бытование получили профилированные фибулы, фибулы с высоким приемником, подвязные и арбалетные. Среди фибул не было типов, характерных исключительно для пшеворского ареала, они были широко распространены на широких территориях Средней и Юго-Восточной Европы.

Поясной набор включал пряжки, крючки, скрепы и оковки. Пряжки были довольно разнообразными — овальные, круглые с одной утолщенной стороной, прямоугольные, в том числе с вогнутыми длинными сторонами или со сплошным металличе-

ским приемником. В погребениях римского времени встречены стеклянные бусы, различные подвески, немногочисленные булавки.

Вооружение состояло из копья, меча и щита. Находки наконечников стрел малочисленны, очевидно, лук не имел широкого распространения. Наиболее многочисленной находкой являются наконечники копий. Среди них выделяется несколько типов. В раннее время (до начала нашей эры) распространены были наконечники с длинным узким, расширенным в нижней части лезвием и хорошо выделенным ребром. Польские исследователи пшеворских древностей считают, что исходной формой их были кельтские копья. Для раннеримского времени характерны наконечники с коротким листовидным лезвием. В большом числе встречены относительно короткие ромбовидные или листовидные наконечники с ребром, заходящим на часть втулки, которые бытовали в позднеримское время. Известны и конусовидные втоки, надевавшиеся на нижний конец древка копий.

Мечи сравнительно короткие, двусторонние, подобные римским гладиусам. Реже встречаются короткие односторонние мечи, занесенные в пшеворский ареал северными соседями. Вместе с мечами в пшеворских захоронениях нередко обнаруживаются металлические оковки ножен. Среди них есть орнаментированные, а единичные принадлежат к произведениям искусства.

К таковым, в частности, принадлежат ножны меча, обнаруженные в 1975 г. при раскопках одного из погребений I в. н.э. могильника в Гриневе в Верхнем Поднепровье [13]. Лицевая сторона ножен имела ажурную оковку с чеканными изображениями (рис. 53). В прямоугольных рамках выполнено пять различных сцен: медведь, терзающий жертву; скачущий грифон; мотив брака мифологического героя с богиней; баран, поедающий растительность; вооруженный всадник. Как полагают исследователи этой находки Д.Н.Козак и Р.С.Орлов, эти сцены образуют единое целое — композицию, передающую какой-то мифологический сюжет [14].

Особенности стилистики изображений на

ножнах указывают на связи с кельтским, фракийским и провинциально-римским искусством. В Средней Европе ножны мечей с прорезными узорами были распространены в последние века до нашей эры и связываются исследователями с кельтскими мечами, появившимися в конце III—II в. до н.э. Гринеvская находка не имеет прямых аналогий среди среднеевропейских и, очевидно, была изготовлена по специальному заказу.

Довольно часто в пшеворских памятниках встречаются шпоры с острием и шипечками на концах. Среди них выделяется несколько типов. Наибольшее распространение получили шпоры из округлого дрота с высоким четырехгранным или цилиндрическим шипом.

От щитов сохранились железные части — умбоны и рукоятки. Последние имеют широкие пластины для крепления к щитам с помощью заклепок. Умбоны известны нескольких типов, среди которых более ходовыми были конические с длинным шипом или с цилиндрической шейкой и слегка вогнутой верхней частью, завершающейся пустотелым шипом.

Начало пшеворской культуры Ю.Костшевский определял временем около 100 г. до н.э., В.Антоневич и К.Яжджевский — около 150 г. до н.э. В настоящее время может быть принята датировка, предложенная К.Годловским — начало II в. до н.э. Ю.Костшевский разделил пшеворскую культуру на три периода: позднелатенский (100 г. до н.э. — 0), раннеримский (0 — 200 г. н.э.), поздне-римский (200 — 400 гг. н.э.) [15]. Согласно К.Яжджевскому, эти периоды соответственно датируются 150 г. до н.э. — 0; 0 — 200 г. н.э. и 200 — 375 г. н.э. [16]. В.Антоневич дифференцировал пшеворскую культуру на четыре этапа: позднелатенский (150 г. до н.э. — 0), раннеримский (0 — 150 г. н.э.), среднеримский (150 — 250 гг. н.э.) и поздне-римский (250 — 375 гг. н.э.) [17]. А.Невенгловский, уточняя в деталях датировку рубежей между периодами, дал им буквенное обозначение: А — от 120/100 гг. до н.э. до 1/20 гг. н.э., В — до 200/250 гг. н.э., С — до 400/500 гг. н.э. [18].

Рис. 53. Оковка ножен меча из могильника в Гринеvе

Используя в основном римские импортные находки, Г.Эггерс разработал более детальную хронологическую схему [19]. Ранняя фаза, согласно Г.Эггерсу, делится на две ступени — В1 (0 — 50 г. н.э.) и В2 (50 — 150 гг.), в средней также выделяется две ступени — С1 (150 — 200 гг.) и С2 (200 — 300 гг.), поздняя фаза определена временем от 300 до 350 г. Но, поскольку римские вещи в пшеворских древностях встречаются нечасто, К.Годловским была разработана для римского времени периодизация, основан-

ная на всей сумме археологических материалов [20]. Фаза В1 была определена 20—70 г. н.э., В2 — 70—150 г., В2/С1 — 150—200 г., С1а — 150—220 г., С1б — 220—260 г., С2 — 260—315 г., С3 — 315—350 г., D — 350—450 г. Фаза А относится к позднелатенскому (перимскому) времени.

Дальнейшая работа по уточнению периодизации и хронологии пшеворской культуры, проведенная рядом польских исследователей, показала, что границы между фазами развития культуры не были четкими и несколько различались по отдельным регионам. В этой связи К.Годловский предложил хронологическую схему с этапами, частично налегающими друг на друга [21]. Фаза В1/В2 определяется в пределах от 15 до 65 г. н.э., фаза В2 датируется 40—180 г., В2/С1 — 140—190 г., С1 — 140—250 г., С1/С2 — 200—250 г., С2 — 120—260 г., С3 — до 330 г.

Территория пшеворской культуры не оставалась стабильной. Сформировавшись в основном в пределах культуры подклешевых погребений [22], пшеворский ареал, как уже отмечалось, стал расширяться прежде всего в южном и юго-западном направлениях, где прежнее кельтское население вошло в состав пшеворского. На верхнем Одере на смену кельтской культуре приходит пшеворская с многочисленным кельтским наследием, на верхней Висле на первых порах складывается смешанная пшеворско-кельтская культура, а позднее господствуют уже собственно пшеворские древности. Очевидно, что к началу нашей эры прежнее кельтское население было ассимилировано пшеворским.

Уже во второй половине I в. до н.э. пшеворское население продвигается в юго-восточном направлении (рис. 54): памятники пшеворской культуры распространяются на верхнем Днестре и в западноволыньских землях [23]. В середине I в. н.э. пшеворское население этих регионов смешивается с зарубинецкими и липицкими племенами, в результате образуется особая культурная группа — волыно-подольская (вторая половина I — II в. н.э.). Она характеризуется сочетанием характерной пшеворской кера-

мики раннеримского времени с лепными горшками, мисками и дисками-сковородками, свойственными зарубинецким древностям, а также гончарной и лепной посудой, обычной для липицкой культуры. Во II—III вв. в верхнеднепровских землях наблюдается еще один поток миграции немногочисленных групп пшеворского населения. Его следами являются отдельные погребения с предметами вооружения, характерного для пшеворских древностей позднеримского периода.

В конце II в. н.э. пшеворское население расселяется в землях Северной Словакии. Селище и могильник в Земплине, как показал В.Будинский-Кричка [24], имеют непосредственную связь с областью Вислы, свидетельствуя о распространении групп носителей пшеворской культуры в окраинные регионы Среднего Подунавья. Подобные поселения с пшеворскими материалами ныне известны в ряде других мест [25]. Они датируются концом II — III вв. и относятся к ранней фазе прешовской культуры, несомненно отпочковавшейся от пшеворской. Но ее дальнейшее развитие имеет специфику, что обусловлено проникновением в этот регион в III в. носителей черняховской культуры.

В правобережной части Среднего Повисленья в результате расселения племен вельбарской культуры имело место сокращение ареала пшеворской культуры, о чем подробнее будет сказано ниже в связи с рассмотрением движения готов в Причерноморье.

В ареале пшеворской культуры имели место инфильтрационные процессы и микромиграции, причем протекали они в разных частях его неодинаково. Поэтому весьма существенным является дифференциация пшеворских древностей на отдельные культурные группы и их раздельное детальное изучение.

На основе анализа материалов из пшеворских и оксывских могильников позднелатенского периода Р.Хахман выделил пять культурных групп: нижневисленскую, поморскую, великопольско-силезскую, локализуемую между Одером и Вартой, лужицкую и

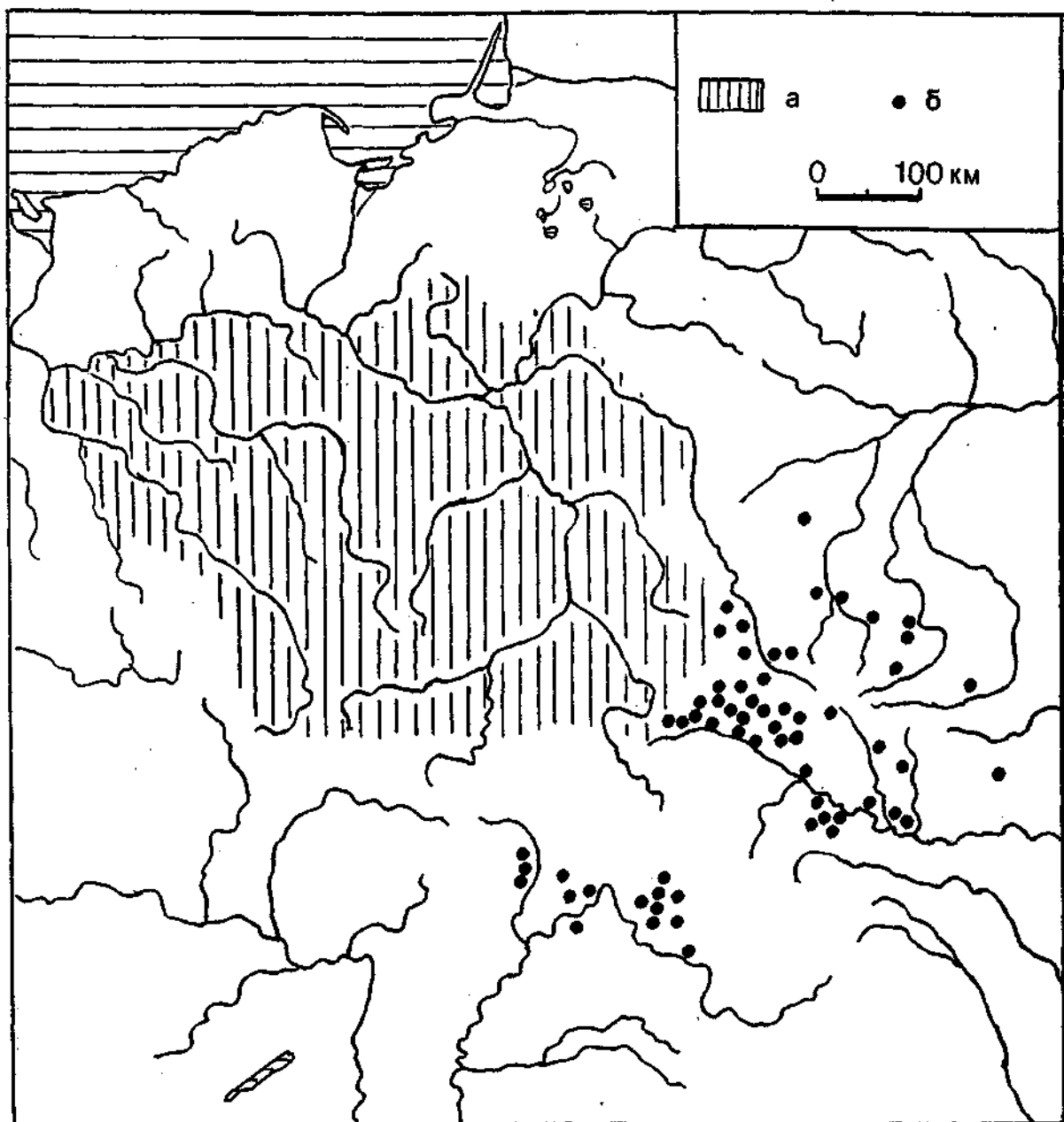

Рис. 54. Расселение пещорских племен в южном и юго-восточном направлениях
 а — основной ареал пещорской культуры; б — памятники этой культуры за его пределами

мазовецкую между средней Вислой и Наровой [26]. Членение это носит предварительный характер и нуждается в дальнейших разработках.

Более основательно выделение культурных групп на основании материалов римского времени, предложенное К.Годловским [27]. Безусловно весьма специфично развитие пшеворских древностей на территории Силезии, где выделяется две группы [28]. Древности среднесилезской группы в значительной степени сформировались в условиях воздействия кельтов, поэтому их наследие здесь наиболее ощутимо. Оно проявляется и в керамических материалах, и в металлических изделиях, и в погребальной обрядности. Обычай сопровождать умерших оружием, как полагают исследователи, на пшеворской территории появился впервые в этом регионе как наследие кельтов, а отсюда он распространился по всей территории пшеворской культуры.

Специфика верхнесилезской культурной группы обусловлена длительным проживанием в Верхней Силезии кельтов. Первые элементы пшеворского проникновения фиксируются здесь в самом конце латенского периода, а возникновение пшеворских поселений относится к раннеримскому периоду [29]. В конце II — начале III в. здесь в результате внешнего воздействия формируется особая группа добродзенского типа [30].

В южной части Великопольши и примыкающих к ней регионах Силезии в конце II в. н.э. на основе пшеворской культуры в условиях инфильтрации с севера чуждого населения складывается любошицкая культурная группа. Д.Бонсак на основе анализа письменных источников выделяет два этапа в истории бургундов [31]. В раннее время они проживали в междуречье нижнего Одера и Вислы, где им соответствует оксывская группа памятников. В конце II в. н.э. бургунды расселяются в юго-западном направлении. Собственно бургундская территория этого времени очерчивается Д.Бонсаком между средним течением Эльбы и нижним и средним Одером, но какая-то часть бургундов расселилась и в части пшеворского ареала, и любошицкая группа, по-

видимому, соответствует пшеворско-бургундскому взаимодействию [32].

Особую группу составляют пшеворские памятники Мазовии и Подляся. Специфика их в позделатенское время описана Е.Окуличем [33]. Раннеримский период этого региона характеризуется консервативным развитием керамического материала, господством ямных захоронений с малочисленным инвентарем. А.Невенгловский в результате анализа пшеворских древностей Мазовии [34] выявляет три волны миграции. Первая относится еще к рубежу II и I вв. до н.э., вторая датируется первыми десятилетиями I в. н.э., третья — второй половиной того же столетия. На рубеже II и III вв. в этом регионе имела место крупная экспансия племен вельбарской культуры, которые осели здесь и смешались с пшеворским населением.

Весьма неоднородный состав пшеворских древностей, среди которых выявляются и местные, и германские, и кельтские элементы, позволил исследователям высказывать противоречивые мнения относительно этнической принадлежности их носителей.

В самом начале изучения памятников пшеворской культуры она была отнесена к кельтам. Так, В.Дементрикевич приписывал пшеворские древности Галиции бастарнам, полагая, что это было одно из кельтских племен [35]. Но вскоре возобладало мнение о германской атрибуции этой культуры. В первой трети XX в. немецкие археологи настойчиво отождествляли носителей пшеворской культуры с германским племенем вандалов [36]. Основным аргументом при этом были не совсем ясные данные античных письменных памятников о широком расселении германских племен в римское время в пространстве от Эльбы до Буга. Ниже об этих исторических сведениях будет сказано подробнее. Были предприняты попытки археологического обоснования этой точки зрения — обращалось внимание на близость части пшеворской керамики Силезии и глиняной посуды области Вендсиссель на севере Ютландского полуострова. Было выявлено и некоторое сходство в погребальной обрядности тех же регионов.

На этом основании строилась гипотеза, согласно которой германское племя вандалов (предполагалось при этом, что топоним Вендиссель будто бы связан с этнонимом *вандалы*), проживавшее на севере Ютландского полуострова, на рубеже II и I вв. до н.э. переселилось в междуречье Одера и Вислы, создав здесь пшеворскую культуру.

К германскому племени вандалов в те же годы относили пшеворскую культуру и польские археологи [37].

Поворот в этнической интерпретации пшеворских древностей составили изыскания Ю.Костшевского. Он попытался обосновать местное развитие археологических культур на территории Польши, выявляя эволюционные связи между позднелужицкой и пшеворскими древностями, с одной стороны, и между пшеворскими и достоверно славянскими раннего средневековья, с другой. В частности, исследователь показал, что погребальный обряд трупосожжения в грунтовых ямах без урн в пшеворской культуре не привнесен из Ютландии, а имеет глубокие местные традиции. Местными по происхождению являются и многие формы пшеворской керамики. Характер поселений и домостроения пшеворской культуры также восходит к местным традициям. В результате Ю.Костшевский заключал, что для отнесения носителей пшеворской культуры к германцам-вандалам в распоряжении археологов нет никаких убедительных данных. Опираясь на лингвистические изыскания Т.Лер-Сплавинского и К.Тыменецкого, исследователь отождествил пшеворское население с венедами-славянами [38].

Большинство польских археологов поддержало эти положения Ю.Костшевского [39], пшеворская культура в польской научной литературе стала именоваться «венедской».

В последнее время некоторые исследователи вновь возвратились к мысли о германской принадлежности населения пшеворской культуры. Определяющими при этом являются разрыв, наблюдаемый между пшеворскими древностями и раннесредневековой славянской культурой Польши, и отрывочные свидетельства римских письмен-

ных источников. В частности, наиболее последовательно и активно эту точку зрения отстаивает польский археолог К.Годловский, полагающий, что пшеворское население раннеримского периода следует отождествлять с лугиями [40]. Предпринята этим исследователем и попытка связать определенные скопления памятников пшеворской культуры на территории Польши с другими конкретными германскими племенами, называемыми древними авторами [41].

Античные письменные источники позволяют локализовать в пшеворском ареале и венедево-славян, и ряд германских племен.

Венеды — одно из крупнейших племен Европейской Сарматии — согласно Птолемеею (вторая половина II в. н.э.) надежно локализируются где-то в регионе Вислы. С юга Сарматию ограничивали Карпатские горы и северный берег Понта (Черного моря), а с севера — Венедский залив Сарматского океана (Балтийского моря). Где-то поблизости от Балтики и проживали венеды. Птолемеем прямо писал: «Заселяют Сарматию очень многочисленные племена: венеды — по всему Венедскому заливу; выше Дакии — певкины и бастерны...» [42]. Принимая во внимание сообщение Тацита (конец I в. н.э.) о расселении венедево между певкинами и феннами [43], их нужно локализовать где-то от побережья Балтийского моря и до бастарно-певкинского ареала (бастарнам принадлежит культура Поянешти-Лукашевка, находящаяся между Днестром, Прутом и Серетом [44]).

На Певтингеровой карте мира, восходящей к позднеримскому периоду (III в. н.э.), венеды-сарматы помещены в том же регионе — южнее Балтийского моря и северозападнее бастарнов [45].

Античные авторы больше писали о германских племенах, которые вплотную соприкасались с Римской империей и неоднократно воевали с ней. Плиний подразделял германцев на пять групп, из которых одну составляли восточногерманские племена вандалов (вандалов). Согласно Плинию, в эту группу входили бургундионы, варины, харины и гутоны [46].

Много внимания уделил германцам Та-

цит, располагавший широкой информацией, почерпнутой из недошедших до нас сочинений более ранних авторов, а также из донесений римских полководцев и рассказов римских легионеров и купцов, побывавших за Рейном. Тацит называет следующие восточногерманские племена: вандалии, лугии, ругии, бургундионы, лемовии, готы, манимы, гельвеконы, гарнии, наганарвалы, гелизии. На востоке он упоминает еще пеукинов (бастарнов), но не знает, следует ли их считать германцами [47].

К середине II в. относятся сведения о германских племенах Птолема, а исторические события, связанные с взаимоотношениями их с Римской империей, нашли отражение в сочинениях многих современников [48].

На основании данных различных авторов в I—II вв. н.э. готы (готы) локализируются в нижнем течении Вислы (там же проживали гепиды — первоначально одно из готских племен), лемовии и ругии (ульмеруги Птолема) — по побережью Балтийского моря, на запад от нижней Вислы. Бургунды (бургундионы) в эпоху Птолема жили на среднем Одере и заходили в бассейн Варты, на западе их ближайшими соседями были западные (приэльбские) германцы. К северу от Карпат, между Одером и Вислой, обитали небольшие германские племена — гарнии, гелизии, гельвеконы, манимы и наганарвалы, входившие в состав племенного объединения лугиев. По среднему течению Одера жили вандалии (вандалы). Со II в. н.э. они стали постепенно продвигаться на юг. Согласно Диону Кассию, вандалы-силлинги и вандалы-хазинги уже занимали верхнюю часть бассейна Одера.

География различных племен, упоминаемых в античных источниках, показана на карте (рис. 55).

Таким образом, письменные источники не дают оснований относить пшеворский ареал ни целиком к венедам-славянам, ни полностью к германцам. Очевидно, следует признать, что пшеворская культура объединяла в себе элементы, связанные с различными этническими единицами. Причем, эти элементы были в значительной степени

снивелированы воздействием латенской и провинциально-римской культур. Их нивелировке способствовало и значительное территориальное смещение славянских и германских племен и неизбежная при этом метисация.

Мысль о полиэтничном составе пшеворского населения была высказана еще в 30-х годах польским археологом Р.Ямкой. Публикуя материалы раскопок пшеворского могильника в Копках и привлекая данные других погребальных памятников Малопольши, исследователь обратил внимание на существенное различие урновых и безурновых (ямных) захоронений. Последние, как правило, не содержат предметов вооружения и характеризуются бедным вещевым инвентарем. Р.Ямка в этой связи предположил присутствие в пшеворском ареале двух этнических групп населения — вандалов и славян. Последним были свойственны захоронения остатков трупосожжения в ямах без урн. Исследователь допускал, что в римское время славяне были подчинены германцам, которые не разрешали им носить оружие [49].

В 60-х годах о разноэтничной структуре населения первых веков нашей эры в Висло-Одерском междуречье (в том числе и в ареале пшеворской культуры), о проживании в этом регионе и германцев, и славяно-венедов писал польский историк Г.Ловмянский [50]. Немецкий археолог Г.Янкун в докладе на II Международном конгрессе славянской археологии высказал мысль (без какой-либо аргументации) о том, что венеда-славяне заселяли восточные регионы пшеворской культуры, а в западной части проживали германцы [51]. Й.Колендо на основании письменных источников первых веков нашей эры заключал, что памятники пшеворской культуры следует связывать с лугиями — большим союзом нескольких германских племен. Однако они, по-видимому, не были создателями этой культуры, а только группой населения, позднее проникшей в пшеворский ареал. Исследователь допускает возможность присутствия в этом союзе и других этносов [52].

Вопрос о дифференциации пшеворских

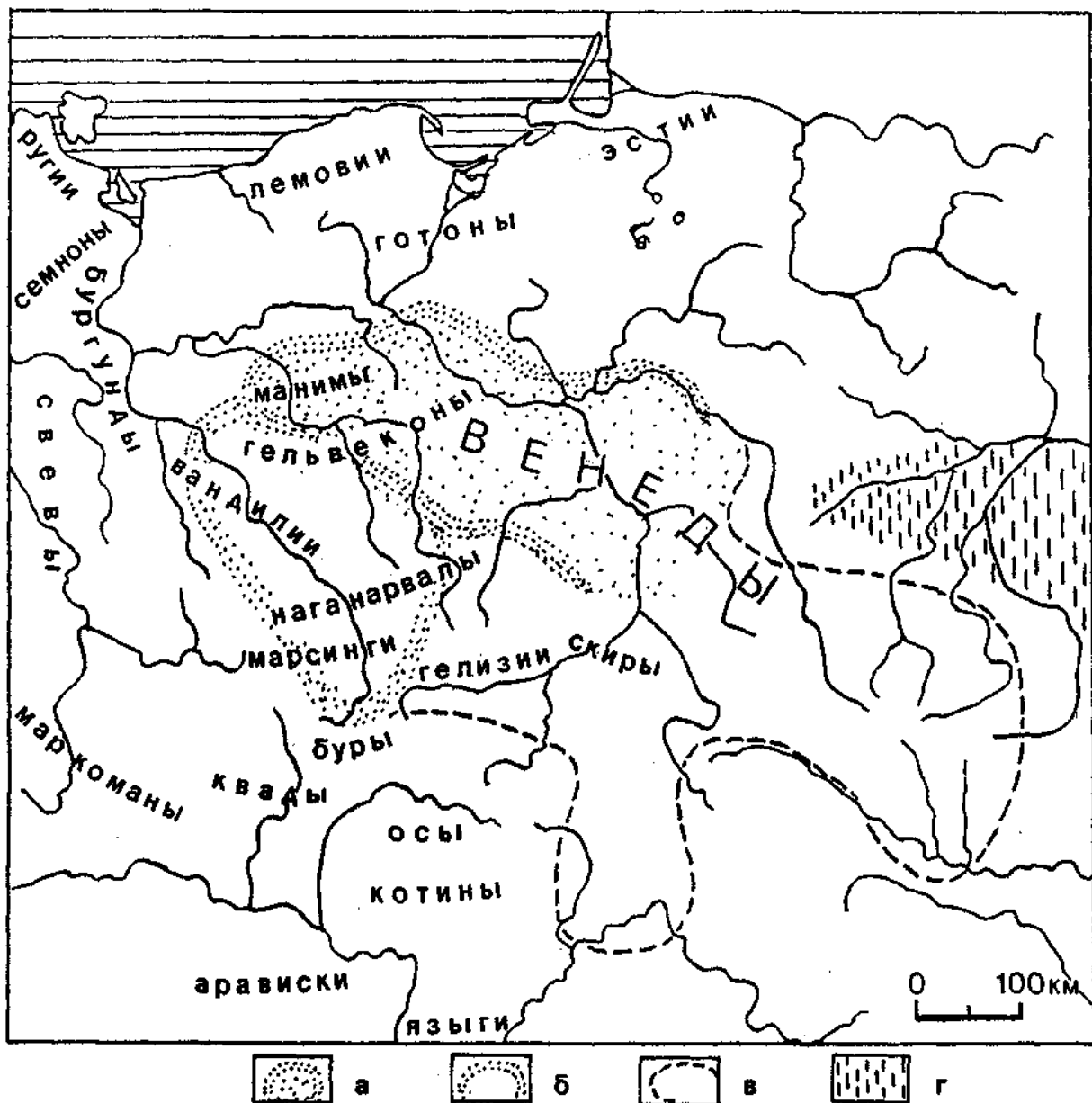

Рис. 55. Расселение различных племен по историческим данным в первые века нашей эры
 а — Висленский регион пшеворской культуры; б — Одерский регион; в — юго-восточная граница пшеворской культуры; г — ареал зарубинецкой культуры

древностей на венедские (славянские) и германские встречает массу трудностей. Материальная культура племен, обитавших в пределах пшеворского региона, во многом была однородной. Очевидно, что пшеворское население пользовалось одинаковыми орудиями труда, предметами вооружения и бытовым инвентарем, в том числе и гончарной посудой. Эти вещи, являясь продуктами ремесленного производства, не могут быть использованы для этнической характеристики носителей пшеворской культуры. Среди женских украшений пшеворских племен не было этноопределяющих. Несмотря на этническую неоднородность, население пользовалось, видимо, однообразными украшениями и металлическими принадлежностями одежды, которые также не могут быть привлечены для этнической дифференциации.

Наиболее надежные данные для изучения этнической структуры пшеворского населения предоставляют могильники. Они прежде всего подразделяются на урновые и ямные (безурновые). Правда, такое сочетание свойственно целому ряду археологических культур, в том числе и таких, моноэтничность которых не подлежит сомнению. Однако в последних вещевые материалы и глиняная посуда урновых и безурновых захоронений обычно не отличаются друг от друга: и те и другие более или менее равномерно рассредоточены по ареалам культур. Анализ же пшеворских ямных и урновых могил обнаруживает заметные различия в их вещевых инвентарях и их неравномерное географическое распределение.

Так, сразу же обращают на себя внимание количественные и качественные различия сопровождающих вещей в урновых и ямных погребениях. Если урновые содержат, как правило, самые различные предметы (оружие, шпоры, бытовые вещи, украшения, металлические принадлежности одежды, глиняные сосуды), то ямные обычно или вообще безынвентарны, или сопровождаются немногочисленными, порой единичными изделиями. Существенно различаются также погребения и по составу вещевого материала.

Результаты сопоставительного анализа

ямных и урновых захоронений, проведенного на материалах шести наиболее исследованных могильников пшеворской культуры — Вымыслово [53], Домарадзице [54], Конин [55] и Млодзиково [56] в Великопольше, Карчевец [57] в Мазовии и Хорула [58] в Силезии — сведены в две таблицы (табл. 1 и 2).

Они показывают, что урновые захоронения отчетливо характеризуются специфическими особенностями, почти не свойственными ямным погребениям. К числу таковых принадлежит обычай класть в могилу предметы вооружения. В рассматриваемых шести могильниках около трети урновых захоронений содержит оружие — копья, мечи, дротики, стрелы, умбоны от щитов (сюда же можно отнести и шпоры, поскольку в пшеворское время они были принадлежностью воина-всадника). Напротив, ямные погребения с оружием единичны. К тому же нельзя не заметить, что ямные могилы содержат единичные предметы вооружения — одно копьё, или обломки умбона, или шпоры, тогда как в урновых погребениях эти вещи обычно встречаются комплексно — два копья, две шпоры и умбон.

Довольно характерны для урновых погребений также ножницы, кресала, замки и ключи. В ямных захоронениях многих пшеворских могильников, а также целиком в могильниках, где господствуют безурновые погребения, эти вещи почти не встречаются.

Выделяются урновые захоронения и частым присутствием сосудов-приставок. Свыше трети таких погребений в рассматриваемых шести могильниках содержат кроме урн сосуды (от одного до пяти), поставленные, видимо, с какими-то ритуальными целями, в то время как абсолютное большинство ямных захоронений лишено приставок.

Обычай сопровождать умершего заупокойной пищей, отраженный находками в погребениях костей птиц, также характерен для урновых могил. Так, в могильнике Хорула из 28 захоронений с находками птичьих костей 26 были урновыми. Интересно, что в десяти из них найдены наконецники копий, в семи — умбоны, в четы-

Таблица 1. Различия урновых и ямных погребений пшеворских могильников по вещевому инвентарю (количественно)

Типы погребений	Могильники	Безыскусственные	С сосудами-приставками	С мечами	С копьями	С артефактами и стрелами	С умбонами	С шпорами	С ножницами	С кресалами	С ключами	С замками	С костями птиц	Общее количество раскопанных могил
Урновые	Вымыслово	8	35	2	15	1	4	3	6	4	9	7	-	81
	Домарадзице	1	12	3	9	-	7	4	6	2	5	6	-	30
	Карчевец	2	6	-	2	1	1	-	-	-	-	-	-	11
	Конин	9	12	-	7	2	4	1	-	-	5	4	-	49
	Млодзиково	9	56	3	26	2	8	6	9	13	19	22	-	106
	Хорула	6	9	-	38	8	24	14	28	20	14	14	26	100
	Итого:		35	130	8	97	14	48	28	49	39	52	53	26
Ямные	Вымыслово	100	4	-	5	-	4	2	3	1	-	-	-	204
	Домарадзице	66	-	-	5	1	2	1	1	-	2	2	-	127
	Карчевец	88	4	1	8	-	-	2	-	-	-	-	-	161
	Конин	9	-	-	3	-	-	-	-	-	1	3	-	37
	Млодзиково	60	9	-	3	-	4	4	-	6	3	6	-	163
	Хорула	15	-	-	4	1	2	2	-	2	-	4	2	42
	Итого:		338	17	1	28	2	12	11	4	9	6	15	2

Таблица 2. Различия урновых и ямных погребений пшеворских могильников по вещевому инвентарю (в %)

Типы погребений	Могильники	Безыскусственные	С сосудами-приставками	С оружием	С ножницами	С кресалами	С замками и ключами	С костями птиц
Урновые	Вымыслово	9,9	40,7	24,7	7,4	4,9	13,6	-
	Домарадзице	3,3	40,0	36,7	20,0	6,7	16,7	-
	Карчевец	18,2	54,5	18,2	-	-	-	-
	Конин	18,4	24,5	16,3	-	-	16,3	-
	Млодзиково	8,5	52,4	27,4	5,7	8,5	26,4	-
	Хорула	6,0	9,0	47,0	28,0	20,0	16,0	26,0
	Итого:		9,3	34,5	30,5	13,0	10,3	18,0
Ямные	Вымыслово	49,0	2,0	4,4	1,5	0,5	-	-
	Домарадзице	52,0	-	6,3	0,8	-	2,4	-
	Карчевец	54,2	2,5	5,0	-	-	-	-
	Конин	24,3	-	8,1	-	-	8,1	-
	Млодзиково	36,8	5,5	6,1	2,4	-	6,8	-
	Хорула	35,7	-	14,3	-	4,8	9,5	4,8
	Итого:		46,0	2,3	6,1	0,5	1,2	2,6

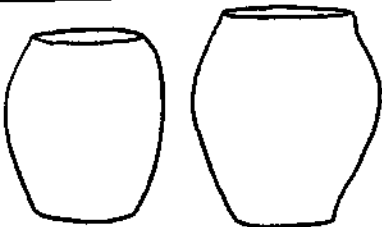

Количество погребений	В том числе с оружием (к-во и %)	Типы сосудов
13	8 61,5%	
12	7 58,3%	
19	13 68,4%	
25	2 8%	
33	5 15,1%	

Рис. 56. Типы лепной керамики могильника Спицмеж и их встречаемость в могилах с оружием

рех — шпоры, в шести — ножницы, в пяти — кресала, в стольких же — замки, в четырех — ключи. Вполне очевидно, что ритуал, связанный с находками в погребениях костей птиц, характерен прежде всего для урновых захоронений с предметами вооружения и другими типичными для них вещами. Представляет интерес и географи-

ческое расположение погребений с находками птичьих костей: все они сконцентрированы в юго-западной части пшеворского ареала, там, где наблюдается наибольшее распространение урновых захоронений.

Аналогичные различия урновых и ямных погребений проявляются и в других могильниках пшеворской культуры. В могильниках, состоящих целиком из ямных захоронений, предметы вооружения, ножницы, кресала, ключи, замки и глиняные сосуды-приставки как правило не встречаются или составляют редчайшее исключение. Так, в могильнике римского времени в Грузицах, где все исследованные раскопками погребения были безурновыми, такие предметы не обнаружены вовсе [59]. Предметы, характерные для урновых захоронений, иногда отсутствуют и в могильниках, в которых ямные погребения составляют свыше 90 %. Таков, например, могильник Щитно, где на 40 исследованных могил приходится 38 безурновых [60].

Выявляемые различия урновых и ямных погребений на основании вещевых инвентарей подкрепляются анализом керамического материала. Как известно, лепная керамика, изготовленная домашним способом без применения гончарного круга, имеет существенное значение для этнической атрибуции древнего населения. К сожалению, непосредственная корреляция определенных форм глиняной посуды с урновыми и ямными захоронениями не может быть произведена, так как безурновые могилы, как правило, не содержат целых сосудов.

Фрагменты же керамики, встречаемые как в урновых, так и в ямных погребениях и отражающие определенный ритуал погребальной обрядности, не могут быть использованы для этих целей. Поэтому типы лепной посуды можно рассматривать только в связи с присутствием или отсутствием предметов вооружения и других элементов, характерных для урновых захоронений.

Таблица, составленная на материалах одного из пшеворских могильников — Спицымежа [61] — и проверенная по данным некоторых других кладбищ, определенно показывает (рис. 56), что захоронениям с предметами вооружения и другими вещами, распространенными в урновых погребениях, характерны в основном сосуды трех типов. Это, во-первых, округлобокие горшки с наибольшим расширением посередине высоты и примерно равными по диаметру горлом и дном; во-вторых, биконические горшки с наибольшим диаметром также в средней части и равными по диаметру горлом и дном; в-третьих, миски с ребристым профилем, поддоном и ушками (рис. 57, 58).

Наоборот, для захоронений, не сопровождаемых оружием и предметами, свойственными урновым могилам, характерны иные формы лепной керамики (рис. 59). Это, во-первых, сравнительно высокие горшки с наибольшим расширением в верхней трети их высоты, с усеченноконическим туловом и слабопрофилированным венчиком. По форме и пропорциям эти сосуды обнаруживают сходство с достоверно славянскими горшками раннего средневековья, составляющими основу керамики пражско-корчакского типа. Во-вторых, это невысокие, относительно широкие сосуды, опять-таки с наибольшим расширением в верхней трети, усеченноконическим туловом и почти цилиндрическим верхом. Они также напоминают славянские горшки более позднего времени.

На основе сопоставлений с лепной керамикой можно с уверенностью говорить об этнографическом своеобразии различных пшеворских захоронений. Присутствие или отсутствие в пшеворских могилах предметов вооружения, других названных выше вещевых находок и костей птиц не могут быть социальными показателями, поскольку, как показано ниже, урновые и ямные погребения имеют несколько отличные ареалы. Не может быть речи и о господствующем и подчиненном этносах. Рассматриваемые различия прежде всего характеризуют особенности обрядности двух крупных этнических групп, составлявших основу пше-

ворского населения. Еще Л. Нидерле, изучая погребальную обрядность раннесредневекового славянского мира, подчеркивал, что для всех славян характерно простое убранство, поэтому их захоронения, в отличие от захоронений соседних этнических групп — балтских, финно-угорских, германских и других — обычно безынвентарны или содержат единичные вещи. Предметы вооружения, орудия труда, глиняные сосуды-приставки, кости птиц не свойственны славянскому погребальному ритуалу. Ямные погребения пшеворских могильников по всем своим показателям сопоставимы со славянской обрядностью.

Картирование ямных и урновых погребений выявляет в пшеворском ареале два региона (рис. 60, 61) — восточный (или Висленский), в котором господствуют могильники с заметным преобладанием ямных могил, и западный (или Одерский), где большинство составляют могильники преимущественно с урновыми захоронениями. Вполне очевидно, что какое-то число могильников с преобладанием ямных захоронений есть и на Одере и, наоборот, могильники с урновыми погребениями попадают в Повисленье. Жесткой границы между выделяемыми регионами не могло быть: разные этнографические группы пшеворского населения проживали на одной территории в основном чересполосно, речь может идти только о некотором преобладании представителей одного этноса в восточном регионе и другого — в западном.

Исследователями пшеворских древностей подмечено, что соотношение урновых и ямных погребений в разные хронологические периоды было неодинаковым. В этой связи необходимо проверить, не вмешивается ли в предлагаемое районирование пшеворского ареала хронологический фактор. Составленные карты, отражающие три основных периода эволюции пшеворской культуры (рис. 62—64), показывают, что восточный и западный регионы выделяются на всем протяжении ее эволюции: концентрация ямных и урновых захоронений в общих чертах не меняется со временем.

Правомерность выделения в пшеворском

Рис. 57. Могильник Спицымеж. Комплексы находок, характерные для урновых погребений
 А — погребение 223; Б — погребение 224; В — погребение 226; Г — погребение 274

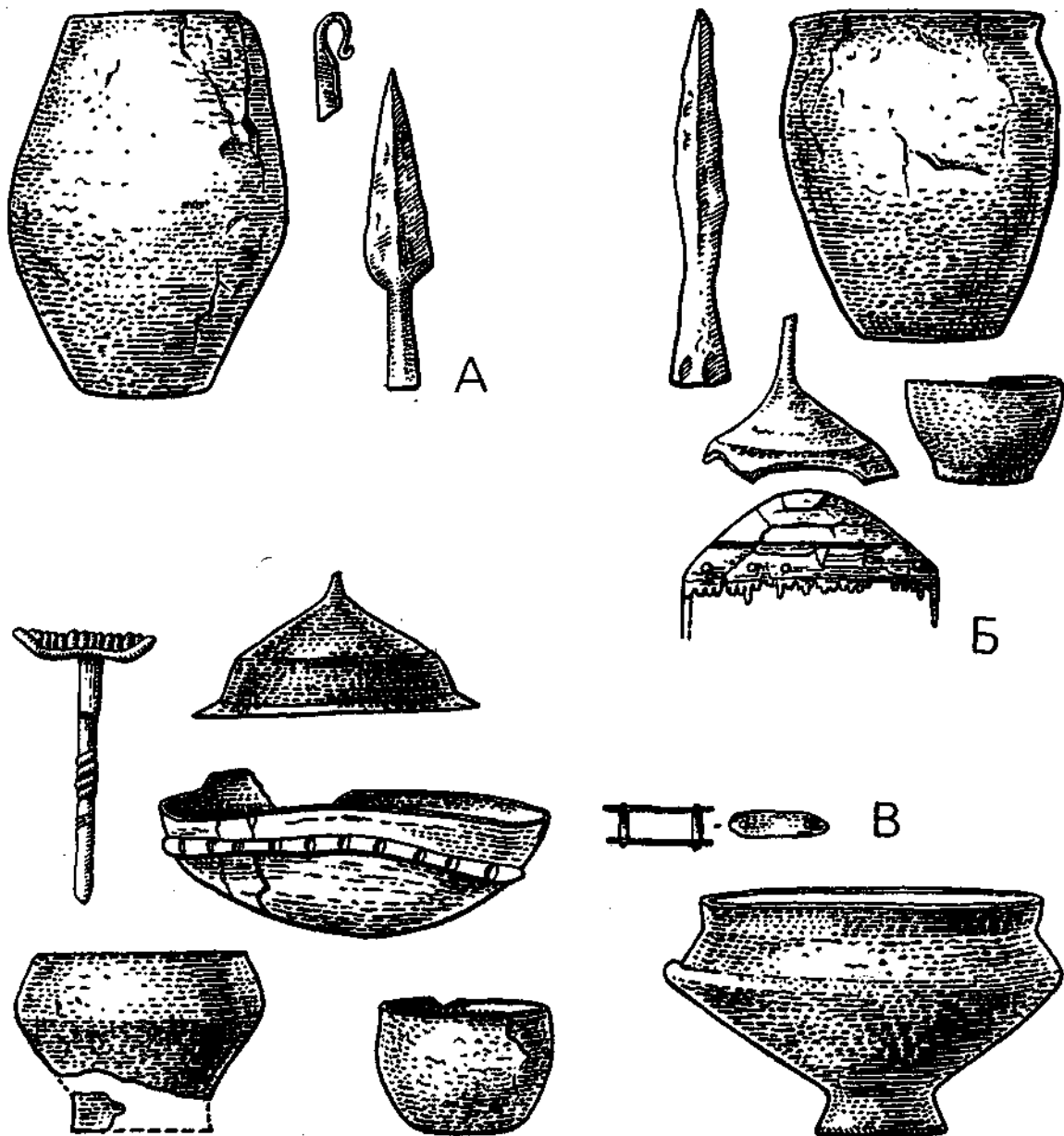

Рис. 58. Могильник Спищымеж. Комплексы вещевых находок, характерные для урновых погребений

А — погребение 38; Б — погребение 79; В — погребение 107

ареале двух этнографических регионов подкрепляется целым рядом наблюдений. Так, свыше 95% могил с находками птичьих костей, несомненно отражающих важный для этнографии ритуал, принадлежат Одерскому региону. В этом же регионе находят-

ся свыше 80% погребений, в которых отмечен ритуал вбивания в дно могильной ямы или содержимое погребальной урны оружия или орудий труда. Основная масса широких железных шпор с цилиндрическими головками на концах, имеющих аналогии в гер-

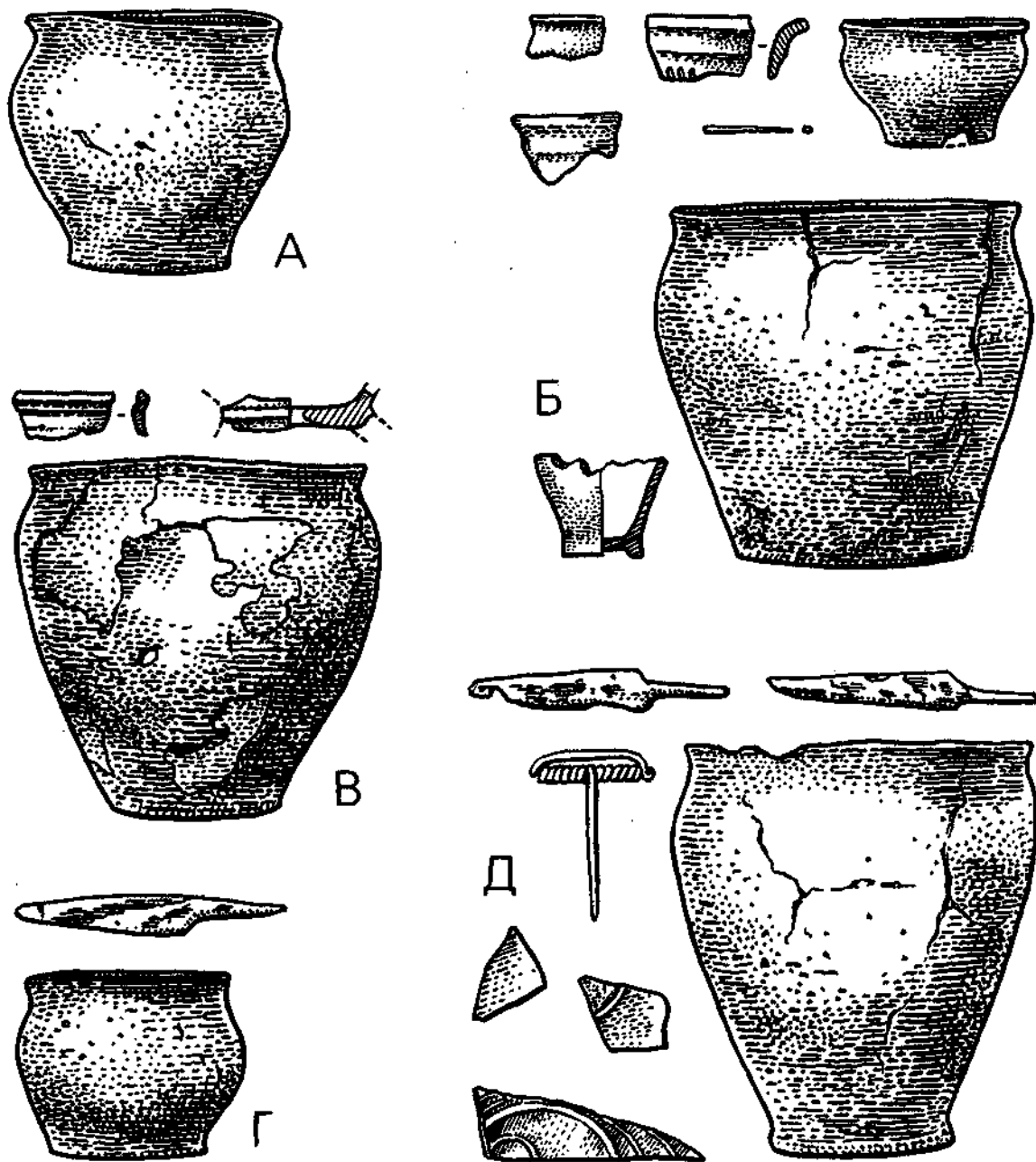
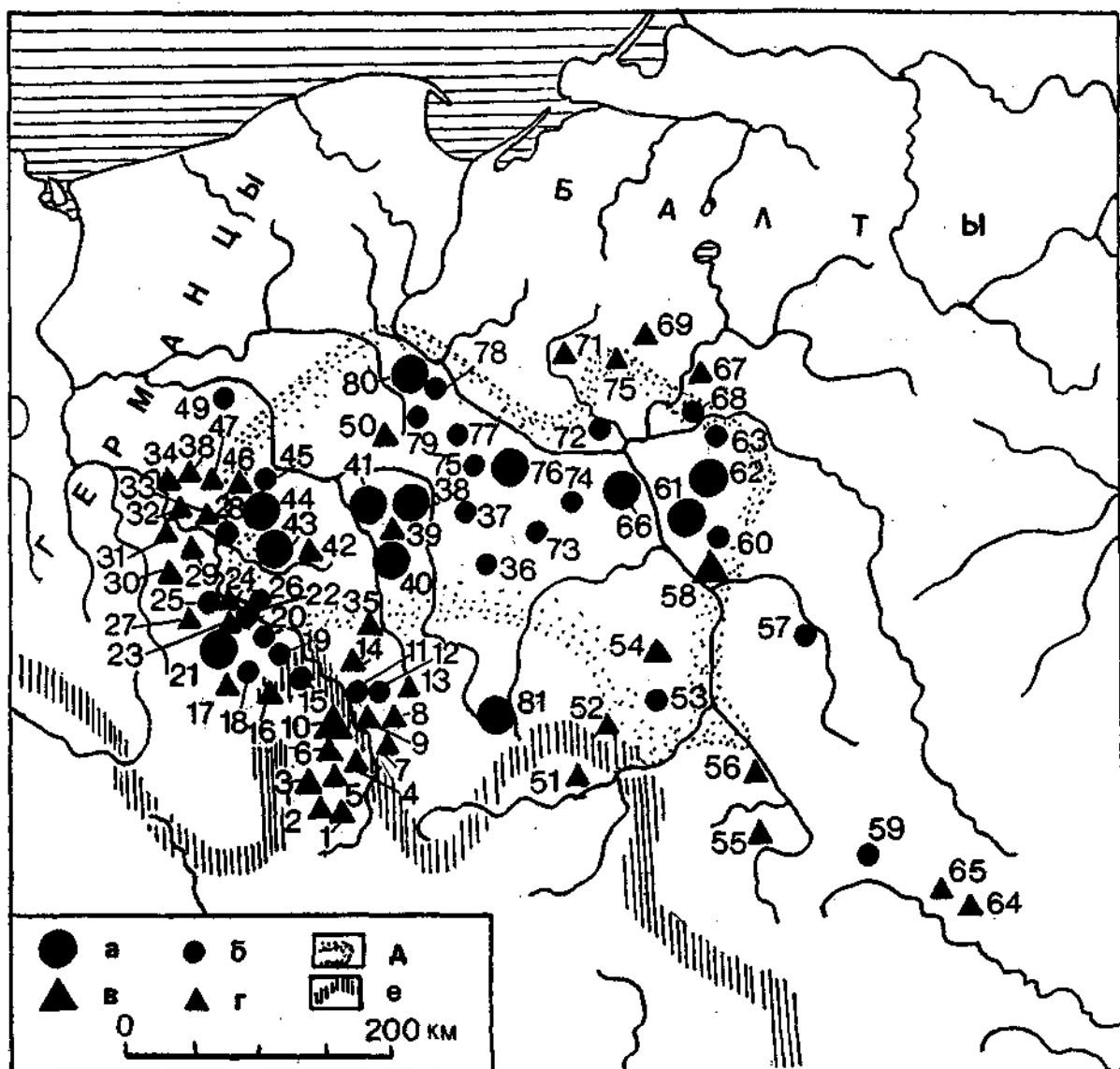

Рис. 59. Могильник Спицымеж. Глиняная посуда, характерная для ямных погребений
 А — погр. 115; Б — погр. 138; В — погр. 129; Г — погр. 191; Д — погр. 175

Рис. 60. Географическое распределение могильников пшеворской культуры с преобладанием ямных или урновых погребений

а—б — могильники с преобладанием (более 60%) ямных погребений (а — исследовано свыше 50 захоронений; б — исследовано до 50 захоронений; памятники с единичными захоронениями не картированы); в—г — могильники с преобладанием (более 60%) урновых погребений (в — исследовано свыше 50 захоронений; г — исследовано до 50 захоро-

нений; памятники с единичными захоронениями не картированы); д — основной ареал культуры подкляшевых погребений; е — северные пределы территории кельтов

- 1 — Кетж; 2 — Нова Церквия; 3 — Лисищце; 4 — Реньска Весь; 5 — Грудына Мала; 6 — Глубчыце; 7 — Гоголин-Стжебно; 8 — Калиновице; 9 — Стжешув; 10 — Хорула; 11 — Грудзице; 12 — Избицко; 13 — Шумишув; 14 — Щевжык; 15 — Гродзешовице; 16 — Клокочице; 17 — Иорданув Шленски; 18 — Яксонув; 19 — Собоциско; 20 — Жерниси Вельки; 21 — Нова Весь Вроцлавска; 22 — Вроцлав-Казанув; 23 — Вроцлав-Оторув; 24 — Страховице; 25 — Любянж; 26 — Кобылице; 27 — Нова Весь Легнишка; 28 — Вансош; 29 — Носоцице; 30 — Данковице; 31 — Глогув; 32 — Ботомице; 33 — Сербы; 34 — Котла; 35 — Цецежин; 36 — Залев; 37 — Лежниси Вельки; 38 — Спидымеж; 39 — Жезув; 40 — Задовице; 41 — Весулпи; 42 — Коможно; 43 — Домарадице; 44 — Вымыслово; 45 — Пышанца; 46 — Нащав; 47 — Чаньч; 48 — Кокожы; 49 — Слопаново; 50 — Лахмировице; 51 — Гяздовице; 52 — Кавчице; 53 — Пестжец; 54 — Страховице; 55 — Гаш; 56 — Котси; 57 — Яцув; 58 — Масув; 59 — Добростани; 60 — Нецелин; 61 — Осац; 62 — Карчевице; 63 — Стара Весь; 64 — Звенигород-Гоева; 65 — Звенигород-Садба Велькая; 66 — Виланово; 67 — Ростки; 68 — Тухлин; 69 — Пястув; 70 — Слагогура; 71 — Ксензы Двур; 72 — Дроздово; 73 — Доморадин; 74 — Гродзиск Мазовецки; 75 — Здуны; 76 — Белавы-Лубы; 77 — Щитно; 78 — Адольфин; 79 — Пиотркув Куявский; 80 — Болзаново; 81 — Дрохине

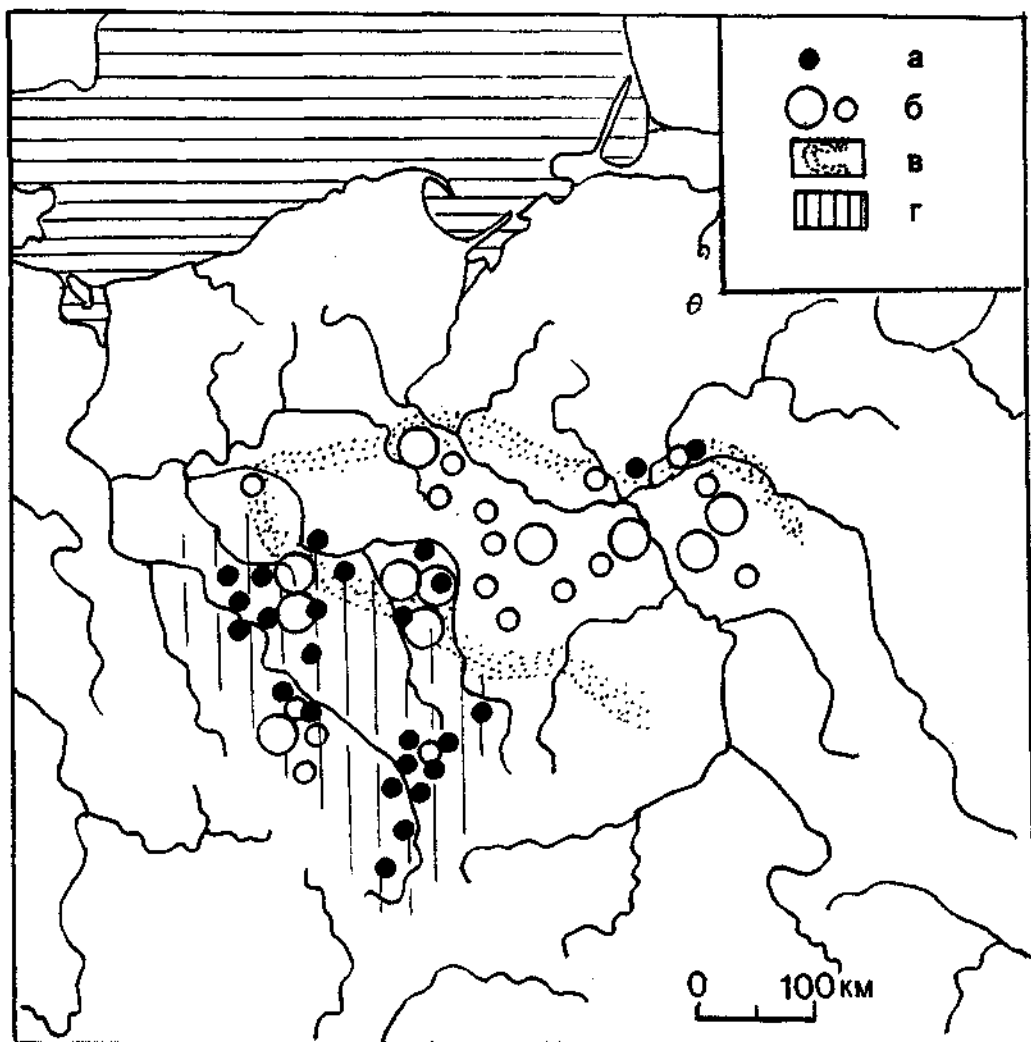

Рис. 61. Два региона пшеворской культуры

Картированы только могильники, в которых раскопано свыше 10 погребений: а — могильники с преобладанием (свыше 60%) урновых захоронений; б — могильники с преобладанием (свыше 60%) ямных погребений (более крупными значками выделены могильники с количеством вскрытых погребений, превышающим 50); в — приблизительные границы Виленского региона; г — Одерский регион

манском мире, происходит из Одерского региона (рис. 65). Преимущественно с этим регионом связаны и находки бронзовых изделий нижневиленско-поморских типов, опять-таки связанных с германскими древностями [62]. Только в Одерском регионе встречены специфически германские привески [63]. Группа находок, относящаяся к

так называемой бургундской культуре и изученная Г. Доманьским [64], также концентрируется в основном в западной части пшеворской культуры (рис. 66), свидетельствуя о несомненности проживания здесь германского населения.

Существенно и то, что выделяемый восточный регион пшеворской культуры цели-

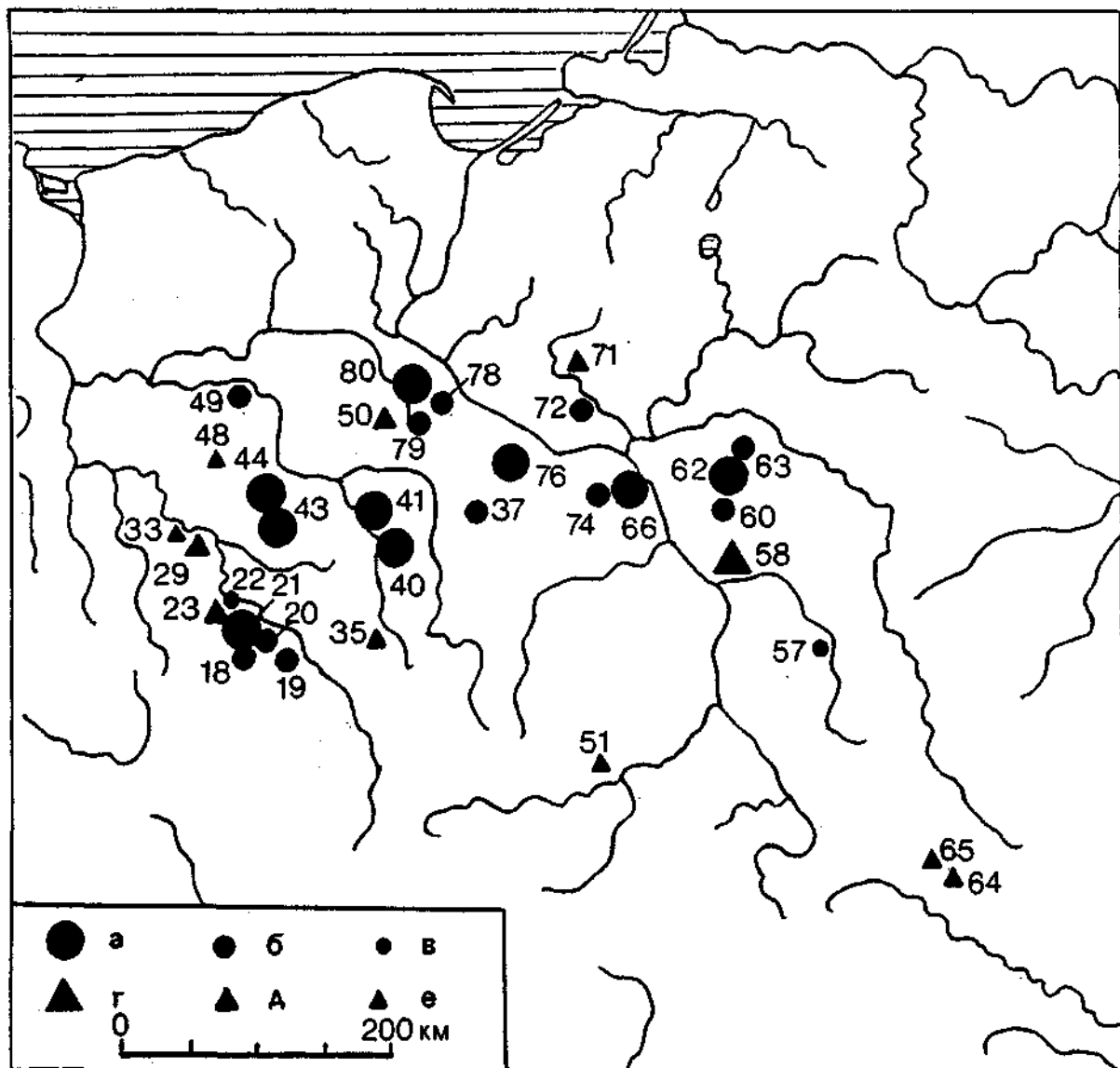

Рис. 62. Псковские могильники с захоронениями позднелатенского периода

а—в — могильники с преобладанием ямных погребений (а — раскопано свыше 50 захоронений; б — от 10 до 50 захоронений; в — до 10 захоронений; памятники с единичными захоронениями не картированы); г—е — могильники с преобладанием урновых погребений (г — раскопано свыше 50 могил; д — от 10 до 50 захоронений; е — до 10 захоронений; памятники с единичными захоронениями не картированы)

Цифровые обозначения могильников см. на рис. 60

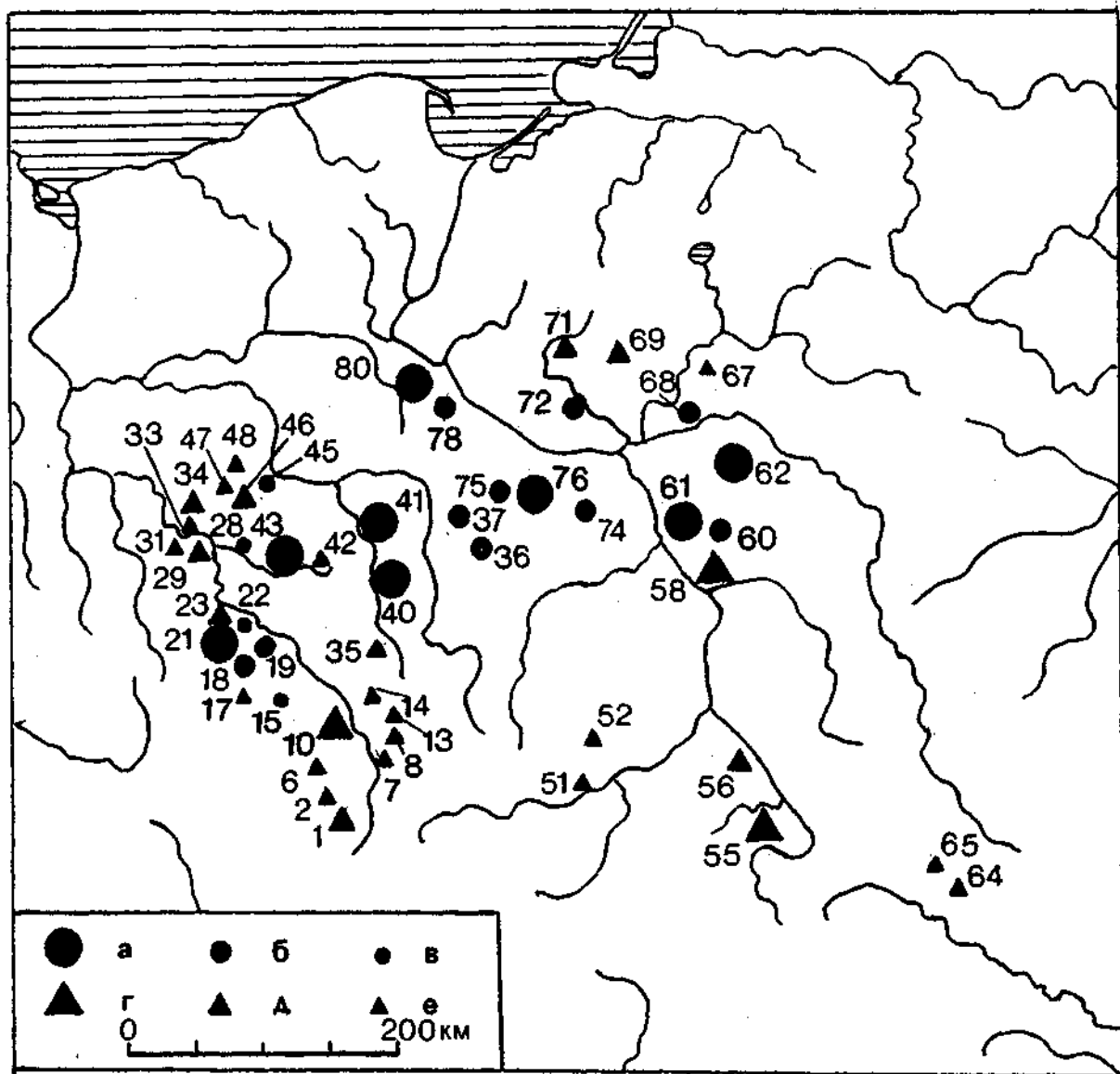

Рис. 63. Пшеворские могильники с захоронениями стадии VI
Условные знаки см. на рис. 62

ком находится в пределах территории распространения культуры подклевшевых погребений. Наоборот, Одерский регион лежит главным образом за пределами ареала этой культуры. Такие его особенности, как ритуал вбивания в остатки трупосожжения или в дно могильной ямы острых или колющих предметов, обрядность, отраженная

находками в могилах костей птиц, и др., никак не связаны с культурой подклевшевых погребений и несомненно были привнесены в пшеворский ареал пришлым населением.

Ряд особенностей западного региона пшеворской культуры обнаруживает параллели в достоверно германских древностях, что наряду со свидетельствами античных

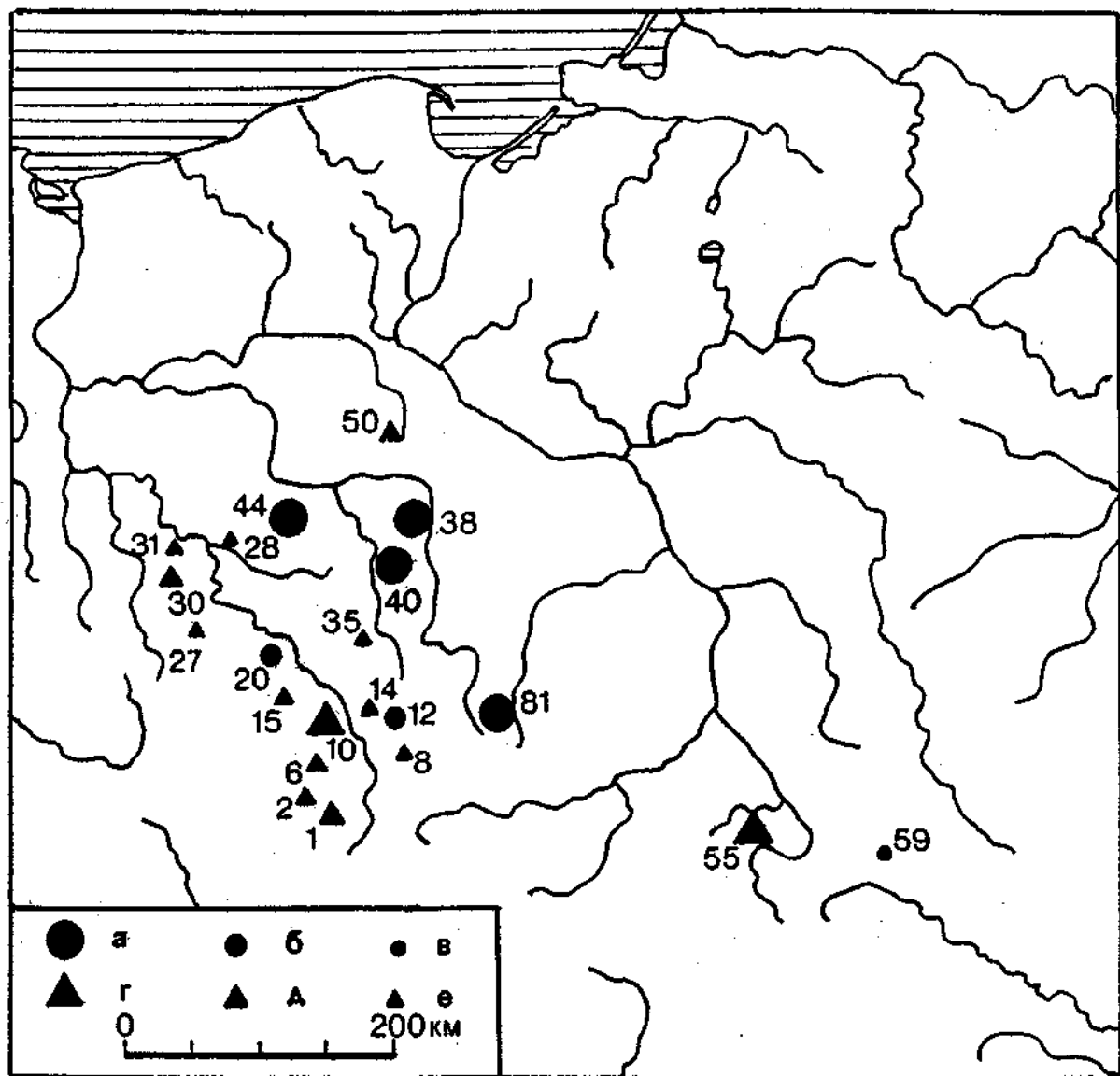

Рис. 64. Пшеворские могильники с захоронениями стадии С и D
Условные знаки см. на рис. 62

письменных памятников позволяет говорить о принадлежности какой-то, по-видимому значительной, части пшеворского населения бассейна Одера восточным германцам. Присутствовало германское население и в Висленском регионе, но преобладающим этносом здесь были славяне — потомки племен культуры подклешевых погребений.

В связи с дифференциацией пшеворской культуры на два региона необходимо отметить, что выявляемые различия урновых и ямных погребений и их неравномерное территориальное распределение не дают оснований рассматривать присутствие или отсутствие погребальной урны в том или ином конкретном захоронении в качестве

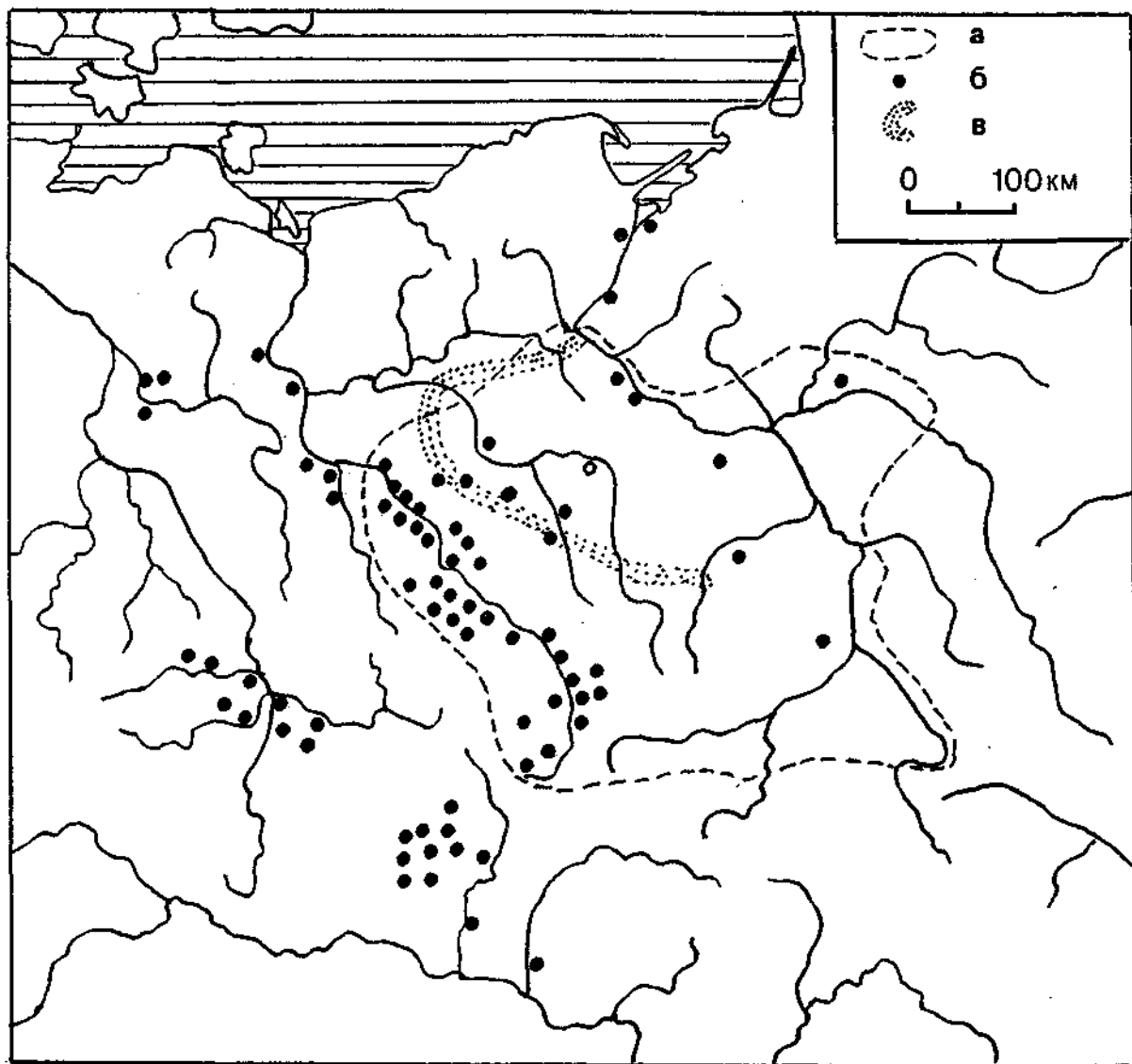

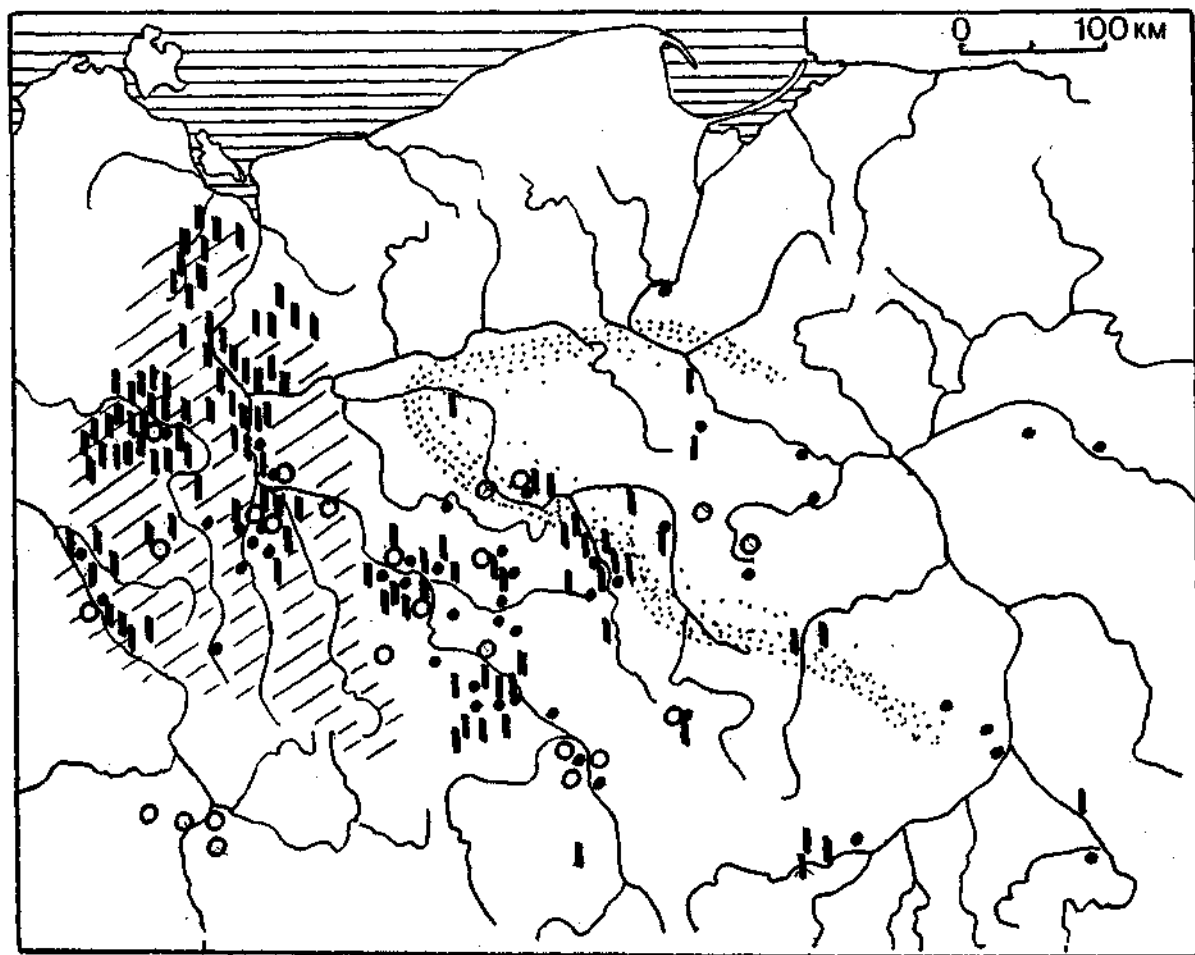
Рис. 65. Распространение пшеворских шпор с цилиндрической головкой (по Я.Тейралу)

а — основной ареал пшеворской культуры; б — места находок шпор; в — приблизительные границы Висленского региона

этноопределяющего признака. Ни в коем случае нельзя все урновые погребения относить к германскому населению, а ямные считать славянскими. Предлагаемая дифференциация пшеворских древностей позволяет говорить лишь о наличии в этой культуре двух этнических компонентов и о

различной их концентрации в Висленском и Одерском регионах.

Безусловно, что среди ямных погребений пшеворских могильников есть и неславянские и, наоборот, какая-то часть урновых захоронений могла быть оставлена славянами. Славяне и германцы в пшевор-

а б в г д

Рис. 66. Распространение культурных элементов, связываемых с бургунами

Места находок: а — керамики, орнаментированной зубчатым колесиком; б — кубков с коленчатыми ручками; в — булавок с боковыми ушками (а—в — по Г.Доманьскому); г — ареал бургунов (по Д.Бонзаку); д — приблизительные границы Висленского региона

ском ареале проживали не изолированно друг от друга. Общие поселения и могильники были обычным явлением. Совместное и длительное проживание двух этнических групп на одной территории вело и к сложению двуязычия в отдельных регионах, и к метисации населения. В результате этнографические признаки нивелировались. Детали славяно-германского взаимодействия в условиях развития пшеворской культуры по

мере поступления новых археологических материалов будут проясняться.

Для изучения этнической структуры населения пшеворской культуры интерес представляет предложенная И.П.Русановой [65] типологическая классификация керамики, учитывающая особенности форм и пропорций сосудов, их профилировку, орнаментацию и характер обработки поверхности. Всего было выделено около 200 вариантов-

разновидностей, которые объединены в четыре группы керамических комплексов.

Первую группу составили сосуды с плавным профилем, округлыми слабо выступающими плечиками, с короткой прямой или слегка отогнутой шейкой и с невыделенным венчиком, обычно неорнаментированные. Такие сосуды не имели распространения вне пределов пшеворского ареала. Они широко представлены прежде всего в памятниках Повисленья и смежных земель и бытуют здесь длительное время. Они встречены еще в позднелужицких древностях и особенно в памятниках культуры подклешевых погребений. В пшеворских памятниках сосуды первой группы бытовали на протяжении всего времени функционирования этой культуры, от латенского периода до позднеримского. В раннем средневековье сосуды рассматриваемых форм стали характерной керамикой пражско-корчакской культуры.

Пшеворские погребения, в которых встречены такие сосуды, преимущественно являются безынвентарными или содержат единичные вещи. В позднелатенское время это в основном железные ножи и фибулы, в раннеримское время — ножи, пряслица и изредка наконечники копий, в позднеримское время еще и очень немногочисленные костяные гребни. Захоронения эти составляют остатки трупосожжений, ссыпанные непосредственно в ямы или помещенные в глиняные урны.

На пшеворских поселениях керамика первой группы обычно сочетается с прямоугольными, почти квадратными в плане полуземляночными жилищами с очагами, часто сложенными из камней. Такая корреляция зафиксирована на поселениях Вулька Лясецка, Пивонице, Вербковице, Мацкувка, Тархалице и Грошовице.

Во вторую группу И.П.Русанова включила лепные сосуды нескольких никак не связанных с местными традициями форм, явно подражающие кельтской керамике. Это горшки с сильно выступающими округлыми плечиками и лощенной поверхностью, нередко имеющие горизонтальные валики; сосуды с раздутым туловом, копирующие по форме кельтскую крашеную керамику;

сосуды с прогнутым горлом и угловатыми плечиками, сопоставимые с графитированными горшками кельтов.

Погребения с керамикой второй группы обычно сопровождаются богатым и разнотипным вещевым материалом. Кроме фибул, ножей и пряслиц встречаются предметы вооружения, орудия труда, а также пряжки и поясные крючки. Это типично кельтский набор вещей, свойственный памятникам собственно кельтов.

Керамика этой группы встречена в пшеворских трупоположениях и трупосожжениях, совершенных в длинных могильных ямах. Вполне очевидно, что все это является кельтским наследием в пшеворской среде. На поселениях, где встречена рассматриваемая керамика, выявлены наземные дома столбовой конструкции, отапливаемые глиняными очагами, которые сопоставимы с домами, распространенными на собственно кельтской территории, в том числе в Силезии и Малопольше. Доживает керамика второй группы, постепенно выходя из употребления, до I в. н.э.

Уже в позднелатенское время в пшеворском ареале получают хождение грушевидные сосуды, сосуды со сферически раздутым туловом и сосуды с прогнутым ступенчатым горлом, находящие параллели в памятниках ясторфской культуры.

В самом начале раннеримского периода появляется еще один тип новой керамики — сосуды с угловатым изломанным профилем и черной лощенной поверхностью, орнаментированные меандровым узором. Они тождественны керамике германского населения бассейна Эльбы и нижней Вислы. Очевидно, из этих регионов такая посуда и была занесена переселенцами на пшеворскую территорию.

В позднеримский период в пшеворской культуре распространяются горшки с утолщенным дном, сосуды на поддоне, горшки с горизонтальными валиками, трехручные вазы и кувшины. Они также имеют прототипы в германском мире, соседящем с пшеворским населением на северо-западе и севере.

Нужно полагать, что поступление этих трех серий керамики отражает сравнительно крупные этапы инфильтрации герман-

ского населения в пшеворскую среду. Погребения с такой керамикой выделяются присутствием разнообразного вещевого инвентаря. Для этих захоронений характерны пряжки, ножницы, мечи (обычно согнутые или сломанные), копья, шпоры, замки, ключи, металлические части шкатулок. Встречаются также ножи, фибулы, пряслица и гребни.

На поселениях глиняная посуда третьей группы обычно обнаруживается в наземных и углубленных постройках прямоугольно-вытянутых очертаний, отапливаемых глиняными очагами.

Четвертую группу керамики составляют маловыразительные сосуды, аналогии которым находятся во многих культурах латенского и римского периодов. Они не могут быть привлечены для этнокультурной дифференциации пшеворских древностей.

Таким образом, и керамические материалы пшеворской культуры отчетливо и надежно свидетельствуют о полиэтничном составе ее носителей. На одной территории проживали и славяне — потомки племен культуры подклешевых погребений, и потомки кельтов, и прибывавшие несколькими потоками германские племена. Это территориально перемещанное разноплеменное население под сильным воздействием сначала со стороны латенской, а затем провинциально-римской культуры и создало пшеворскую культуру, эволюция которой нередко была связана с внешними импульсами.

Основным этносом в пшеворском ареале на всем протяжении развития этой культуры оставалось местное славянское население, особенно в Висленском регионе. Эволюция культуры в поздне-римском периоде в этом регионе имела свою специфику. Обычные для пшеворской культуры могильники здесь в значительной части прекращают функционировать. Большое число поселений этого периода не дает ни малейшего повода для предположения о запустении Висленского региона [66]. Очевидно, следует допустить, что пшеворское население здесь стало переходить к какой-то новой погребальной обрядности, вероятно, археологически трудно фиксируемой. Скорее всего, это были наземные захоронения по

обряду трупосожжения, подобные ранне-средневековым, открытым в последнее время в ряде местностей славянского ареала.

В период «великого переселения народов», когда подвижный германский этнический компонент (военно-дружинное сословие со своей свитой и окружением) покинул пшеворский ареал, а провинциально-римское производство (железоделательное и железообрабатывающее, бронзолитейное и ювелирное, гончарное), обеспечивавшее до этого потребности пшеворского населения, прекратило свое функционирование, в Висло-Одерском регионе сохранилось лишь местное, в своей основной массе славянское, земледельческое население, правда, как будет показано далее, не в полной мере. Нельзя исключать и того, что среди славянской массы сохранялись и островки германского земледельческого населения, которое со временем растворилось в аборигенной среде. Свои хозяйственно-бытовые потребности земледельческое население вынуждено было удовлетворять примитивными (по сравнению с провинциально-римскими) домашними ремеслами. В результате на рассматриваемой территории наблюдается значительный регресс культурной жизни.

Вместе с тем, местное население сохраняло свои культурные традиции, археологически прослеживаемые в погребальной обрядности, керамических материалах и домостроительстве, о чем подробнее речь пойдет в последнем разделе книги.

Хронологически пшеворская культура соответствует, согласно периодизации Ф.П.Филина, среднему этапу развития праславянского языка [67]. Он, как уже говорилось, характеризуется серьезными преобразованиями славянской языковой системы. Фонетические изменения связаны с двумя существенными трансформациями: первой палатализацией и «законом» открытых слогов. Языковые преобразования этого этапа затронули и грамматику, одновременно славянский язык пополнился немалым числом лексических германизмов [68].

Время действия закона первой палатализации заднеязычных определяется лексическими заимствованиями из германских

языков: согласно Ф.П.Филину, это приблизительно конец I тыс. до н.э. — начало I тыс. н.э. Заимствованные из восточногерманских языков такие слова, как общеславянские *меч*, *шлем* и некоторые другие, отражают этот фонетический процесс, указывая на возможную его взаимосвязь со славяно-германским языковым взаимодействием.

Таким образом, языковедение независимо от археологии отчетливо свидетельствует о тесных контактах славян с германскими племенами имеено в эпоху пшеворской культуры. Правда, лингвисты прямо не свя-

зывают фонетические преобразования в праславянском языке со славяно-германским взаимодействием, объясняя их обычно внутренними законами развития языка. Историческая ситуация, имевшая место в пшеворском ареале, как она восстанавливается по археологическим материалам, допускает предположение о том, что серьезные преобразования славянской языковой системы рассматриваемого времени были в какой-то мере обусловлены внутривнутрирегиональными контактами славян с восточногерманскими племенами.

1. Przewoźna K. Osada i cmentarzysko z okresu rzymskiego w Słopanowie, pow. Szamotyły // *Fontes archaeologici Posnanienses*. T. V. 1955. S. 63—97; Bender W., Barankiewicz B. Osada z okresu rzymskiego w Wólce Łasieckiej, pow. Łowicz // *Archeologia Polska*. T. VII. Z. 1. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962. S. 7—106; Bender W., Balke B. Wyniki badań osady z okresu rzymskiego w Wólce Łasieckiej, pow. Łowicz, w 1961 roku // *Archeologia Polska*. T. IX. Z. 1. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964. S. 72—124.
2. Dąbrowski K. Osadnictwo z okresów późnolateńskiego i rzymskiego na stanowisku I w Piwonicach, pow. Kalisz // *Materiały starożytne*. T. 4. Warszawa, 1958. S. 7—89; Idem. Osada z okresów późnolateńskiego i rzymskiego we wsi Piwonice, pow. Kalisz // *WA*. T. XXXV. Z. 3. Warszawa, 1970. S. 347—392.
3. Козак Д.Н. Пшеворська культура у Верхньому Подністрів'ї і Західному Побужжі. Київ, 1984. С. 7.
4. Godłowski K. Budownictwo, rozplanowanie i wielkość osad kultury przeworskiej na Górnym Śląsku // *WA*. T. XXXIV. Z. 3—4. 1969. S. 305—331.
5. Godłowski K. Budownictwo, rozplanowanie... S. 168; Jadczykowa I. Budownictwo mieszkalne ludności kultury przeworskiej na obszarze Polski // *Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. Seria archeologiczna*. № 28. 1981. S. 188; Козак Д.Н. Пшеворська культура... С. 7.
6. *Prahistoria ziem polskich: Późny okres lateński i okres rzymski*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981. S. 105—107.
7. Bielenin K. Starożytne górnictwo i hutnictwo w Górach Świętokrzyskich. Warszawa; Kraków, 1974; Idem. Stan i potrzeby badań nad świętokrzyskim okręgiem starożytnego hutnictwa żelaza // Stan i potrzeby badań nad młodszym okresem przedrzymskim i okresem wpływów rzymskich w Polsce. Kraków, 1986.
8. Piaskowski J. Cechy charakterystyczne wyrobów żelaznych produkowanych przez starożytnych hutników w Górach Świętokrzyskich w okresie wpływów rzymskich (I—IV w. n.e.) // *Studia do dziejów górnictwa i hutnictwa*. T. VI. Wrocław, 1963.
9. Hensel W. Polska starożytna. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980. S. 439—444.
10. Jahn M. Die Bewaffnung der Germanen in älteren Eisenzeit // *Mannus-Bibliothek*. Bd. 16. Würzburg, 1916. S. 19.
11. Kostrzewski J. Groby szkieletowe późnolateńskie w Wielkopolsce // *Sprawozdania Polskiej Akademii nauk*. T. 46. Warszawa, 1936. S. 180—183; Woźniak Z. Osadnictwo celtyckie w Polsce // *Archeologia Polski*. T. XV. Z. 1. 1970. S. 181.
12. Jazdzewski K. *Pradzieje Europy Środkowej*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981. S. 544, 545; Язджевский К. О значении возделывания ржи в культурах раннего железного века в бассейнах Одры и Вислы // *Древности славян и Руси*. М., 1988. С. 98,99.
13. Козак Д.Н. Могилиник пшеворської культури поблизу с.Гринів на Верхньому Подністрів'ї // *Археологія*. 1985. № 52. С. 59. Рис. 4.
14. Козак Д.Н., Орлов П.С. Пам'ятка стародавньої міфології // *Народна творчість та етнографія*. 1980.

- № 1. C. 104, 105.
15. Kostrzewski J. Dzieje polskich badań prehistorycznych // Biblioteka prehistoryczna. T. VIII. Poznań, 1949. S. 184.
 16. Jądzewski K. Atlas do pradziejów Słowian. Łódź, 1948. S. 63, 73.
 17. Antoniewicz W. Archeologia Polski. Warszawa, 1928. S. 155, 282.
 18. Niewęglowski A. Z badań nad osadnictwem w okresach późnolatańskim i rzymskim na Mazowszu // Biblioteka archeologiczna. T. XVIII. Warszawa; Wrocław, Kraków, 1968. S. 12.
 19. Eggers H. Zur absoluten Chronologie der römischen Keizerzeit im freien Germanen // Jahrbuch des römisch-germanischen Zentralmuseums. T. II. Mainz, 1955. S. 196—244.
 20. Godłowski K. The chronology of the Late Roman and Early Migration periods in Central Europe // Prace archeologiczne. T. II. Kraków, 1970. S. 11—28, 91—112.
 21. Godłowski K. Niektóre węzłowe problemy badań nad kulturą przeworską w okresie rzymskim // Prace archeologiczne. T. VIII. Kraków, 1967. S. 72.
 22. Памятники позднего латена близки к пшеворским известны на средней Эльбе и ее притоках Мульде и Заале. Иногда их включают в состав пшеворских древностей, что не представляется оправданным. Культура подклешевых погребений, ставшая основой пшеворской, в сложении поэльбских памятников не принимала никакого участия. Эти древности, как показывают новейшие изыскания, сформировались в условиях кельто-германского взаимодействия (Peschel K. Kelten und Germanen während der jüngern vorrömischen Eisenzeit (2.—1. Jh. v. u.Z.) и с пшеворскими имеют лишь внешнее сходство.
 23. Козак Д.Н. Пшеворська культура...
 24. Budinsky-Krička V. Sidliško z doby rimskej a zo začiatkov stahovania národov v Prešove // Slovenska archeologia. XI—1. Bratislava, 1963. S. 33.
 25. Budinsky-Krička V. Slovanské osídlenie na severovýchodnom Slovensku // Slovenska archeologia. IX. 1961. S. 347—390; Idem. Sidliško z doby rimskej... S. 5—58.
 26. Hachman R. Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit. Studien zum Stand und Forschung im nördlichen Mitteleuropa und in Skandinavien // Bericht der römisch-germanischen Kommission. T. 41. Berlin, 1961. S. 15.
 27. Godłowski K. Niektóre węzłowe problemy... S. 81.
 28. Czerska B. Stan i perspektywy badań nad okresem lateńskim na Śląsku. Zagadnienie okresu lateńskiego w Polsce. Warszawa; Wrocław, Kraków, 1968. S. 23, 24.
 29. Godłowski K. Z badań nad rozwojem osadnictwa kultury przeworskiej na górnym Śląsku // Archeologia Polski. T. IX. Z. 2. Warszawa; Wrocław, Kraków, 1964. S. 404.
 30. Szydłowski J. Grupa dobrodzieńska jako wyraz lokalnych przemian w schyłkowej fazie kultury przeworskiej. Katowice, 1977.
 31. Bohnsack D. Die Burgunden in Ostdeutschland und Polen. Leipzig, 1938; Idem. Die Burgunden // Vorgeschichte der deutschen Stämme. T. III. Berlin, 1940. S. 1033—1148.
 32. Domański G. Zagadnienie tak zwanej kultury burundzkiej // Przegląd archeologiczny. T. 21. Wrocław, 1973. S. 123—163; Idem. Kultura luboszycka między Labą a Odrą w II—IV wieku. Wrocław, Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979; Idem. Stan i perspektywy badań nad kulturą luboszycką // Stan i potrzeby badań nad młodszym okresem przedrzymskim i okresem wpływów rzymskich w Polsce. Kraków, 1986. S. 223—227
 33. Okulicz J. Studia nad przemianami kulturowymi i osadniczymi w okresie rzymskim na Pomorzu Wschodnim, Mazowszu i Podlasiu // Archeologia Polski. T. XV. Z. 2. Warszawa; Wrocław, Kraków, 1970. S. 245.
 34. Niewęglowski A. Masowsze na przełomie er. Przemiany społeczno-demograficzne i gospodarcze. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972.
 35. Demetrykiewicz W. Vorgeschichte Galiziens // Österreichische Monarchie in Wort und Bild. Wien, 1898. S. 128.
 36. Jahn M. Die Gliederung der wandalischen Kultur in Schlesien // Schlesiens Vorzeit. Bd. VIII. Breslau, 1924; Idem. Die Wandalen // Vorgeschichte der deutschen Stämme. Bd. III. Berlin, 1940. S. 943—1032; Tackenberg K. Die Wandalen in Niederschlesien. Berlin, 1925; Pescheck Chr. Die frühwandalische Kultur in Mittelschlesien (100 vor bis 200 nach Christus). Leipzig, 1939.
 37. Kostrzewski J. Die ostgermanische Kultur der Spätlatenzeit. Leipzig; Würzburg, 1919; Antoniewicz W. Archeologia Polski. Warszawa, 1928. S. 115; Smiszko M. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Małopolsce Wschodniej. Lwów, 1932. S. 69.
 38. Kostrzewski J. Prasłowiańszczyzna // Biblioteka słowiańska. Seria 1. № 2. Warszawa, 1935; Idem. Od mezolitu do okresu wędrówek ludów // Prahistoria ziem polskich. Kraków, 1939—1948. S. 300—344; Idem. Zagadnienie ciągłości zaludnienia ziem polskich w pradziejach (Od połowy II tysiąclecia p. n.e. do wczesnego średniowiecza). Poznań, 1961. S. 65—101; Idem. Zur Frage der Siedlungsstetigkeit in der Urgeschichte Polens von der Mitte des II. Jahrtausends v.u.z. bis frühen Mittelalter. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965.
 39. Jądzewski K. Z problematyki początków Słowiańszczyzny i Polski // Acta archaeologica Lodziensia. T. 16. 1968; Idem. Pradzieje Europy... S. 540—556; Hensel W. Ur- und Frühgeschichte Polens. Berlin, 1974. S. 155—185; Idem. Polska starożytna... S. 407—511.

40. Godłowski K. Zagadnienie ciągłości kulturowej i kontynuacji osadniczej na ziemiach polskich w młodszym okresie przedrzymskim, okresie wpływów rzymskich i wędrówek ludów // *Archeologia Polski*. T. 21. 1976. S. 378—401; Idem. *Kultura przeworska // Prahistoria ziem polskich*. T. 5. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981. S. 57—134; Idem. *Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1985.
41. Godłowski K. *Przemiany kulturowe i osadnicze...* S. 140—145.
42. Клавдий Птолемей. Географическое руководство // Латышев В.В. «Scythica et Caucasica». Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Вып. 1. СПб., 1893. С. 231.
43. Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. I. Л., 1969. С. 372, 373.
44. Bares M. Die Frühgermanen im östlichen Dakien in den letzten Jahrhunderten v. u.Z. *Archäologische und historische Belege // Frühe Völker in Mitteleuropa*. Berlin, 1988. S. 129—156.
45. Die Peutingerische Tafel oder Weltkarte des Castorius, mit kurzer Erklärung, 18 Kartenskizzen der überlieferten römischen Reisewege alter Länder und der 4 Meter langer Karte in Facsimile neu hrsg. von K. Miller. Stuttgart, 1916; Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М., 1991. С. 63—80.
46. Plinius Secundus C. *Naturalis historia*. T. IV. Leipzig, 1895. S. 96—99.
47. Корнелий Тацит. Сочинения... С. 353—373 и др.
48. *Древние германцы. Сборник документов*. М., 1937.
49. Jamka R. *Cmentarzysko w Korpach (pow. Nizki) na tle okresu rzymskiego w Małopolsce Zachodniej // Przegląd archeologiczny*. T. V. Z. I. Poznań, 1933. S. 59, 60.
50. Lowmiański H. *Początki Polski. Z dziejów słowian w I tysiącleciu n.e.* T. I. Warszawa, 1964. S. 215—277.
51. Jankuhn H. *Germanen und Slawen // Berichte über den II Internationalen Kongress für Slawische Archäologie*. Bd. I. Berlin, 1970. S. 63.
52. Kelendo J. *Zródła pisane w badaniach nad strefami kulturowymi i etnicznymi Europy środkowej w okresie rzymskim // Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk, 1981. S. 70—78.
53. Jasnosz S. *Cmentarzysko z okresu późno-lateńskiego i rzymskiego w Wymysłowie, pow. Gostyn // Fontes praehistorici Posnanienses*. T. II. Poznań, 1952. S. 1—284.
54. Kostrzewski B. *Cmentarzysko z okresu późno-lateńskiego i rzymskiego w Domaradzicach, pow. Rawicz // Fontes archaeologici Posnanienses*. T. IV. Poznań, 1964. S. 143—274.
55. Kostrzewski B. *Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Koninie (woj. Poznańskie) // Przegląd archeologiczny*. T. VII. Z. 2. Wrocław, 1947. S. 192—294.
56. Dymaczewski A. *Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Młodzikowie, pow. Środa // Fontes archaeologici Posnanienses*. T. VIII—IX. Poznań, 1958. S. 179—442.
57. Dąbrowska T. *Cmentarzysko kultury przeworskiej w Karczewcu, pow. Węgrów // Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne*. T. II. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973. S. 383—531.
58. Szydłowski I. *Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich w Choruli, pow. Krapkowice*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964.
59. Godłowski K. *Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich w Grudziach w pow. Opolskim // Przegląd archeologiczny*. T. XVI. Wrocław, 1964. S. 154—162.
60. Miskiewicz J. *Cmentarzysko z okresu rzymskiego w miejscowości Szczytno pow. Włocławek // Materiały starożytne*. T. V. Warszawa, 1959. S. 259—289.
61. Kietlińska A., Dąbrowska T. *Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich w wsi Spicymierz, pow. Turzek // Materiały starożytne*. T. IX. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1963. S. 143—254.
62. Tejral J. *K interpretaci severovýchodních prvků v hmotné kultuře Moravské oblasti na sklonku starší doby římské // Památky archeologické*. Praha, 1970. № 1. S. 184—215.
63. Kleemann O. *Zwei ostgermanische Kapfelanhänger // Altschlesien*. Bd. 8. Breslau, 1939. S. 76—85. Abb. 10.
64. Domański G. *Zagadnienie tak zwanej kultury bur-gundzkiej...* S. 123—163.
65. Русанова И.П. Компоненты пшеворской культуры // *Труды V Международного конгресса археологов-славистов*. Т. 4. Киев, 1988. С. 195—199; Она же. *Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир. Материалы и исследования*. М., 1990. С. 119—150.
66. Dąbrowska T., Liana T. *Stan i potrzeby badań nad młodszym okresem przedrzymskim i okresem wpływów rzymskich na Mazowszu // Stan i potrzeby badań nad młodszym okresem przedrzymskim i okresem wpływów rzymskich w Polsce*. Kraków, 1986. S. 147—166.
67. Филин Ф.П. *Образование языка восточных славян*. М.; Л., 1962. С. 103—110.
68. Kiparski V. *Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen*. Helsinki, 1934; Бернштейн С.Б. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. М., 1961. С. 95—99; Филин Ф.П. *Образование языка...* С. 104, 137. Г.Шевелов утверждает, что результатом контакта славян с германцами было не только проникновение в славянский язык германской лексики, но и фонологическое воздействие на славянский язык (Shevelov G. A. *Prehistory of Slavic*. New York, 1965. P. 617—619).

Зарубинецкая культура

III столетие до н.э. было временем наиболее активной экспансии кельтов. Их мощные перемещения на широких пространствах Европы затронули земли, заселенные разными этническими группами, и стали импульсами также для миграций последних. Результатом одного из таких передвижений населения стало сложение в последней трети III в. до н.э. зарубинецкой культуры, общий ареал которой охватывает Припятское Полесье, Среднее Поднепровье и смежные земли Верхнего Поднепровья (рис. 67, 68).

Согласно положениям Ю.В.Кухаренко, которому принадлежит первое сводное исследование зарубинецких древностей [1], их формирование связано с культурами Повисленья — поморской и подклешевых погребений. Носители последних двигались в восточном направлении и, осев на новых землях, создали зарубинецкую культуру. Исследователь полагал, что первоначально поморско-подклешевое население появилось в западной части Припятского Полесья и оттуда уже распространилось в более восточные области Поднепровья [2].

П.Н.Третьяков не согласился с Ю.В.Кухаренко и показал, что припятская группа зарубинецких памятников не старше днепровской, поэтому древности последнего региона нельзя выводить из полесского. Обращая внимание на присутствие в зарубинецких древностях местных скифских и милоград-

ских компонентов, этот исследователь рассматривал формирование зарубинецкой культуры «как синтез местных днепровских и пришлых западных элементов» [3].

Д.А.Мачинский, проанализировав все стороны проблемы становления зарубинецкой культуры, пришел к выводу о сложении ее в отдельных регионах (припятском, среднеднепровском и верхнеднепровском) не путем постепенного расселения того же населения в восточном направлении, а за счет притока его из разных регионов поморской культуры и культуры подклешевых погребений [4].

В настоящее время не вызывает сомнения, что генезис зарубинецкой культуры был процессом, отразившим взаимодействие пришлого повисленского населения с местными племенами, принадлежавшими к разным этноязыковым группам. При этом в разных регионах зарубинецкого ареала вклад пришлых элементов и роль культур местного населения были неодинаковыми.

Припятский регион, включающий среднее течение Припяти с низовьями Горыни и Стыри, в дозарубинецкое время был весьма слабо заселен. На западе к нему подступали племена культуры подклешевой культуры, известны здесь и позднелучицкие поселения, восточная часть региона была периферией милоградской культуры. Носители последней, по всей вероятности, не

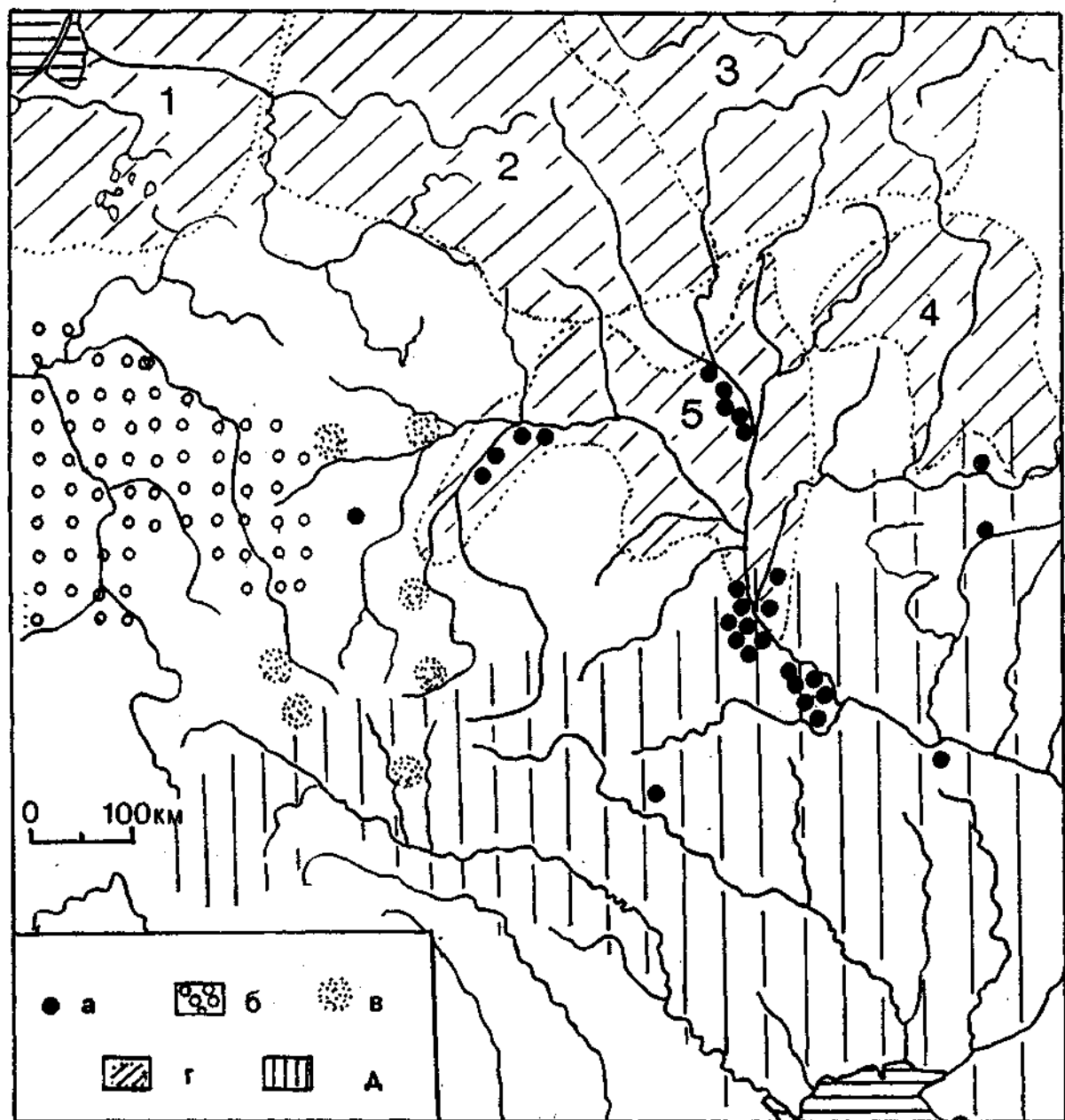

Рис. 67. Поднепровье и смежные области в период сложения зарубинецкой культуры

а — памятники зарубинецкой культуры раннего этапа; б — ареал культуры подклешевых погребений; в — места расселения носителей поморской культуры вне основного ареала; г — регионы балтов (культуры: 1 — западнобалтских курганов; 2 — штрихованной керамики; 3 — днепродвинская; 4 — кучновская; 5 — милоградская); д — ареал скифской культуры

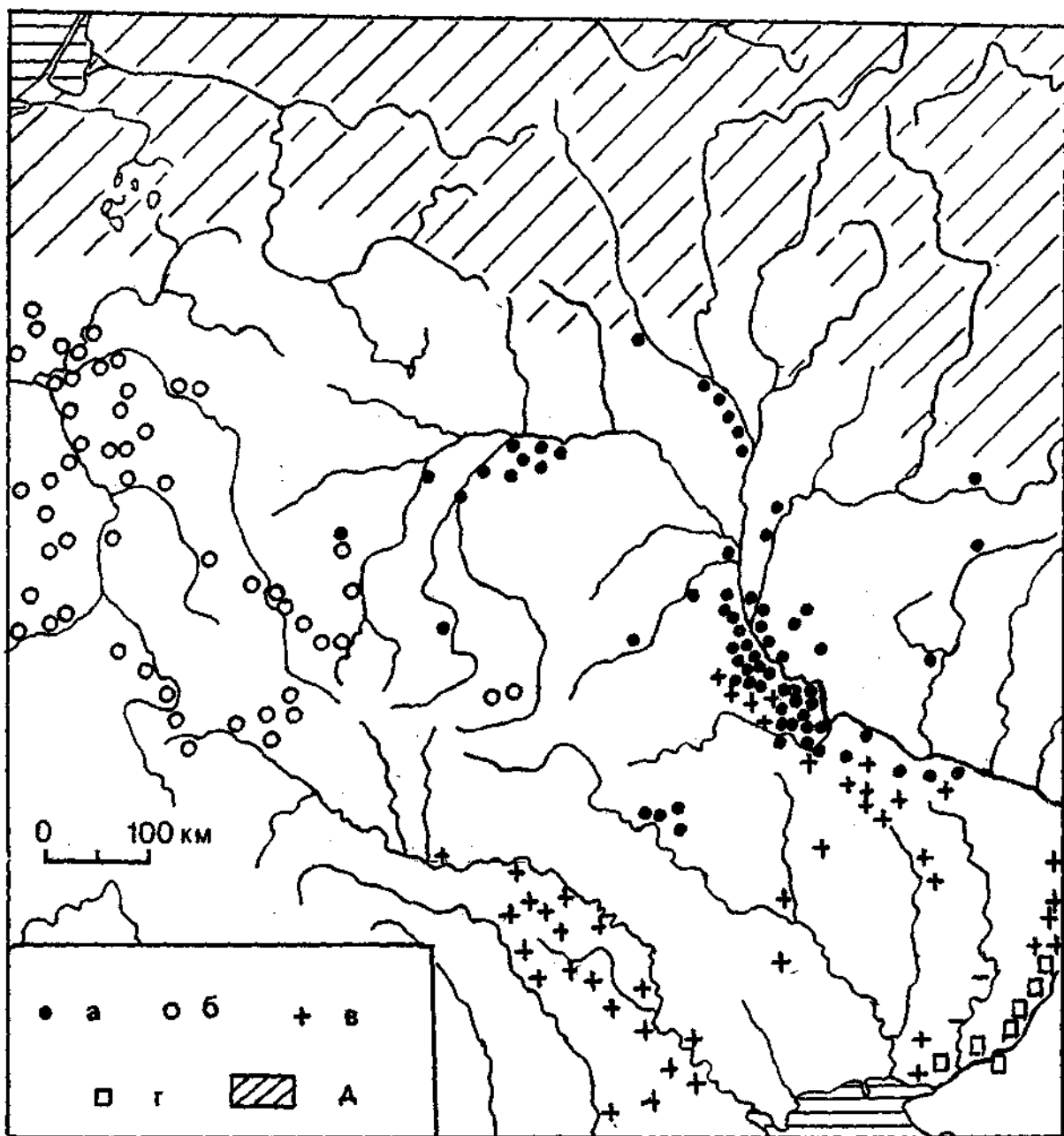

Рис. 68. Зарубинецкая культура и ее соседи в начале нашей эры

а — памятники зарубинецкой культуры; б — памятники пшеворской культуры; в — сарматские памятники I в. н.э.; г — позднескифские городища; д — ареал балтских племен

участвовали в генезисе припятской группы зарубинецких древностей. Анализ материалов наиболее ранних погребений из зарубинецких могильников Припятского Полесья (Велемичи, Воронино, Отвержичи и др.) показывает, что формирование рассматриваемой культуры здесь было в основном результатом расселения пришлого населения с территории культуры подклешевых погребений и из позднепоморских земель. Этим захоронениям, датируемым по находкам расчлененных среднелатенских фибул не позднее рубежа III и II в. до н.э., присущи отчетливые черты повисленских культур.

Среднеднепровский регион, охватывающий поречье Днепра с притоками от устья Десны до Тясмина, в предшествующее время был занят населением, оставившим скифскую лесостепную культуру. Здесь известно свыше сотни скифских поселений и курганов V—III вв. до н.э., которые можно относить к скифам-пахарям Геродота. В северной части Среднего Поднепровья имело место территориальное смещение скифских памятников с милоградскими.

Исследователи скифских памятников Среднего Поднепровья неоднократно отмечали несомненную близость их с раннезарубинецкими древностями этого региона. Это проявляется во многих элементах культуры, в том числе в формах и ornamentации глиняной посуды, в однотипности орудий труда, в конструктивных особенностях жилых и хозяйственных построек. Эти данные неоспоримо свидетельствуют о значительном вкладе местного скифского компонента в генезис зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья. Очевидно, что скифское население этого региона в своей основной массе вошло в состав зарубинецкого.

Вместе с тем, представляется несомненным, что формирование зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье не могло быть результатом простого эволюционного развития местных древностей. Смена погребальной обрядности и появление ряда новых элементов культуры свидетельствуют о расселении среди скифского населения пришлох групп из Повисленья.

Миграция эта датируется последними

десятилетиями III в. до н.э. и тогда же, как убедительно показал Е.В.Максимов, в Среднем Поднепровье получают распространение зарубинецкие поселения и могильники [5]. Расселение шло с территории распространения поморско-подклешевых древностей.

Третий регион зарубинецкой культуры — верхнеднепровский — включает территорию белорусского течения Днепра от устья Березины до Припяти и бассейны Ипути и Сожа. Эти области в предшествующее время были заняты племенами милоградской культуры, предположительно относимыми к одной из периферийных группировок балтов. Некоторая преемственность, наблюдаемая между милоградской культурой и зарубинецкими древностями этого региона, указывает на то, что аборигенное население в процессе становления новой культуры не покинуло место своего обитания, а смешалось с пришельцами и целиком включилось в происходящий культурно-генетический процесс. Исследователи зарубинецкой культуры считают, что ее сложение в Верхнем Поднепровье было результатом инфильтрации пришлого населения из различных регионов культуры подклешевых погребений и позднепоморских древностей, которая имела место на рубеже III и II вв. до н.э.

Таким образом, зарубинецкая культура сложилась в результате приблизительно одновременного расселения носителей культуры подклешевых погребений и позднепоморских древностей из бассейна Вислы. Определить в настоящее время, из какого конкретного региона шла эта миграция, не представляется возможным. Складывается впечатление, что переселение протекало не из одного, а из разных регионов. В составе переселенцев были и иноплеменники, о чем говорят отдельные, весьма незначительные, ясторфские элементы, зафиксированные в некоторых зарубинецких памятниках [6]. Все три региона зарубинецкой культуры объединяют общие черты, отражающие расселение единого этнокультурного массива племен. Это проявляется в единообразии погребальной обрядности, чернолощенной керамики и широком употреблении фибул, ведущих свое начало от латенских прототи-

пов. Вхождение в состав зарубинецкого населения местных жителей придало каждому из трех регионов свои специфические особенности. Они проявляются и в домостроительстве, и в керамических материалах, и в украшениях. Выявляются некоторые различия и в деталях погребальной обрядности, а в Среднем Поднепровье встречаются чуждые зарубинецкой культуре захоронения по обряду труположения, в которых следует видеть наследие скифского ритуала.

Импульсом перемещения отдельных групп населения из Повисленья в Днепровский регион несомненно послужила экспансия кельтов. Кельтское культурное проникновение в период формирования зарубинецкой культуры достигло днепровских земель. Здесь выявлены не только отдельные находки кельтских бронзовых украшений и предметов личного убора [7], которые могли поступать в эти регионы и в результате культурных контактов, но и комплексы, прямо свидетельствующие о проникновении далеко на восток отдельных небольших групп кельтского населения, очевидно, со временем растворившегося в местной среде. К числу таковых находок Д.А.Мачинский относит комплекс вещей, включающий латенские фибулы, из с.Залесья недалеко от устья Припяти; фибулы, обнаруженные у с.Липлява на левом берегу Днепра; бронзовое литое изображение человеческой головы, сопоставимое с масками кельтских богов, из окрестностей с.Пекари на Днепре [8]. Допустимо предположение, что кельтская миграция на средний Днепр исходила из далекой Адриатики, на что указывают находки фибул с восьмеркообразной ножкой и распространенные в раннезарубинецких памятниках фибулы с треугольной ножкой, прототипы которым имеются лишь на юго-западе Балканского полуострова и на побережье Адриатики [9]. От кельтов зарубинецкое население восприняло моду на фибулы и отдельные формы керамики.

Как и культуре подклешевых погребений, зарубинецкому ареалу были свойственны неукрепленные поселения различных размеров — от 0,1 до 2 га. В Припятском

Полесье они устраивались в невысоких местах — на останцах поймы или на надпойменных террасах. В Среднем и Верхнем Поднепровье в первое время получили распространение мысовые поселения, иногда располагающиеся на труднодоступных возвышениях. Известны случаи, когда зарубинецкое население использовало старые городища. Так, на милоградском городище Чаплин на Гомельщине оборонительный вал был подсыпан в зарубинецкое время. С середины I в. до н.э. среднеднепровские мысовые поселения, очевидно, в связи с появлением поблизости сарматов, стали укрепляться земляными валами и рвами, склоны их эскарпировались, на валах сооружались бревенчатые частоколы. Некоторые среднеднепровские поселения имели по несколько рядов укреплений.

Жилища в разных регионах зарубинецкой культуры были неодинаковыми. Припятскому были свойственны полуземляночные строения (опускались в грунт до 1 м). В Среднем Поднепровье господствовали наземные жилища с опущенным в грунт полом (до 0,3—0,5 м), стены их были каркасно-плетневыми и обмазывались глиной. На верхнем Днепре сооружались наземные дома столбовой конструкции. Все зарубинецкие жилища имели в плане квадратную или прямоугольную форму, размеры их колебались от 12 до 20 кв. м. Крыши были двускатными и имели покрытие из соломы, иногда с глиной. Отапливались жилые помещения открытыми очагами, окруженными обычно камнями или глиняными вальками. Устраивались они посередине жилища или около одной из его стен. На поселениях имелись еще хозяйственные ямы, закрываемые плетеной, обмазанной глиной крышкой. Иногда такие же ямы устраивались и внутри жилищ.

Большинство поселений состояло из 7—12 жилищ, но известны и более крупные селения. Так, на городище Пилипенкова Гора в Среднем Поднепровье, занимавшем площадь в 1,5 га, одновременно размещалось около 80 жилых построек. Е.В.Максимов на основе исследований этого и некоторых других среднеднепровских поселе-

ний высказал предположение о существовании здесь единой системы застройки — жилища располагались группами по 5—8, которые разделялись незастроенными участками. На Чаплинском городище наблюдается иная картина — жилища сосредоточены были в одной его части, а в другой находились хозяйственные строения.

Все зарубинецкие могильники бескурганные. При раскопках некоторых из них установлено, что в древности погребения обозначались столбиками. Господствовал обряд кремации умерших. Трупосожжения осуществлялись несколько в стороне от могильника; остатки кремации собирались и сыпались прямо на дно могильной ямы или помещались в глиняные сосуды-урны, которые ставились в ямы. Могильные ямы были неглубокими и имели овальные, округлые или подпрямоугольные очертания, их размеры — 1,2—1,6×0,5×1 м, диаметры округлых — от 0,5 до 1 м. В Припятском Полесье и Среднем Поднепровье господствовали ямные (безурновые) захоронения (около 90 %), в верхнеднепровском регионе встречены только безурновые погребения. В среднеднепровском регионе около половины исследованных захоронений содержали кости домашних животных (свиньи, овцы, коровы) — остатки положенной в могилы ритуальной пищи. Это наследие ритуала местного скифского населения. В V—III вв. до н.э. в Среднем Поднепровье напутственная пища помещалась скифами почти во все могилы [10]. В Припятском Полесье и в верхнеднепровском регионе отмечены лишь единичные случаи зарубинецких захоронений с костями животных.

Погребальный инвентарь небогат и однообразен. Он включает в основном глиняную посуду (горшки, миски, кружки), реже предметы личного убора и украшения (фибулы, булавки, браслеты, перстни, бусы), еще реже встречаются орудия труда.

Глиняная посуда зарубинецкой культуры (рис. 69, 70) подразделяется на лощеную с черной или темно-коричневой поверхностью и нелощеную со светло-коричневой поверхностью. Встречены сосуды с шероховатой («хроповатой») поверхностью, занесенные из

Повисленья. Лощеная посуда была столовой и ритуальной, нелощеная предназначалась для приготовления пищи и хранения продовольственных припасов.

Наиболее многочисленную группу составляют горшки и корчаги, подразделяемые обычно на округлобокие и ребристые. Верхняя часть их оформлялась по-разному: с плавно отогнутым венчиком, с высоким цилиндрическим горлом, с уступом или бороздкой, отделяющей тулово от горла и др. Весьма широко были распространены и миски разных форм: полусферические, округлоплечие, ребристые. В среднеднепровском регионе нередкими находками были также конические крышки, оканчивающиеся высокой поллой ручкой. Подобные крышки имели хождение среди скифского населения в IV—III вв. до н.э. Зарубинецкое население Среднего Поднепровья несомненно унаследовало их от скифов.

Обычны в зарубинецких древностях и глиняные сковородки — круглые диски диаметром 14—26 см и толщиной около 1 см, которые использовались для выпечки лепешек. Значительно реже встречаются вазы, кружки, кувшины, стаканчики-стопки.

Глиняная посуда орнаментировалась ямками или насечками по краю венчика горшков, корчаг и крышек. На плечиках корчаг нередко делался валик, орнаментированный ямками. Лощеные горшки украшались рельефными подковообразными псевдоушками.

Железные орудия труда в зарубинецких древностях (рис. 71) представлены ножами с прямой или горбатой спинкой; небольшими слабоизогнутыми серпами с черенками для деревянных ручек; короткими косами латенского типа, используемыми для покосов трав; топорами с вертикальными втулками; массивными рыболовными крючками; одношпными острогами; немногочисленными долотами, зубилами, сверлом, стругами и ложкарями. Из бытовых предметов обычны шилья, иглы с ушками, луновидные бритвы с петлеобразной ручкой.

На всех поселениях и в некоторых погребениях встречены глиняные пряслица — биконические или уплощенные усеченно-

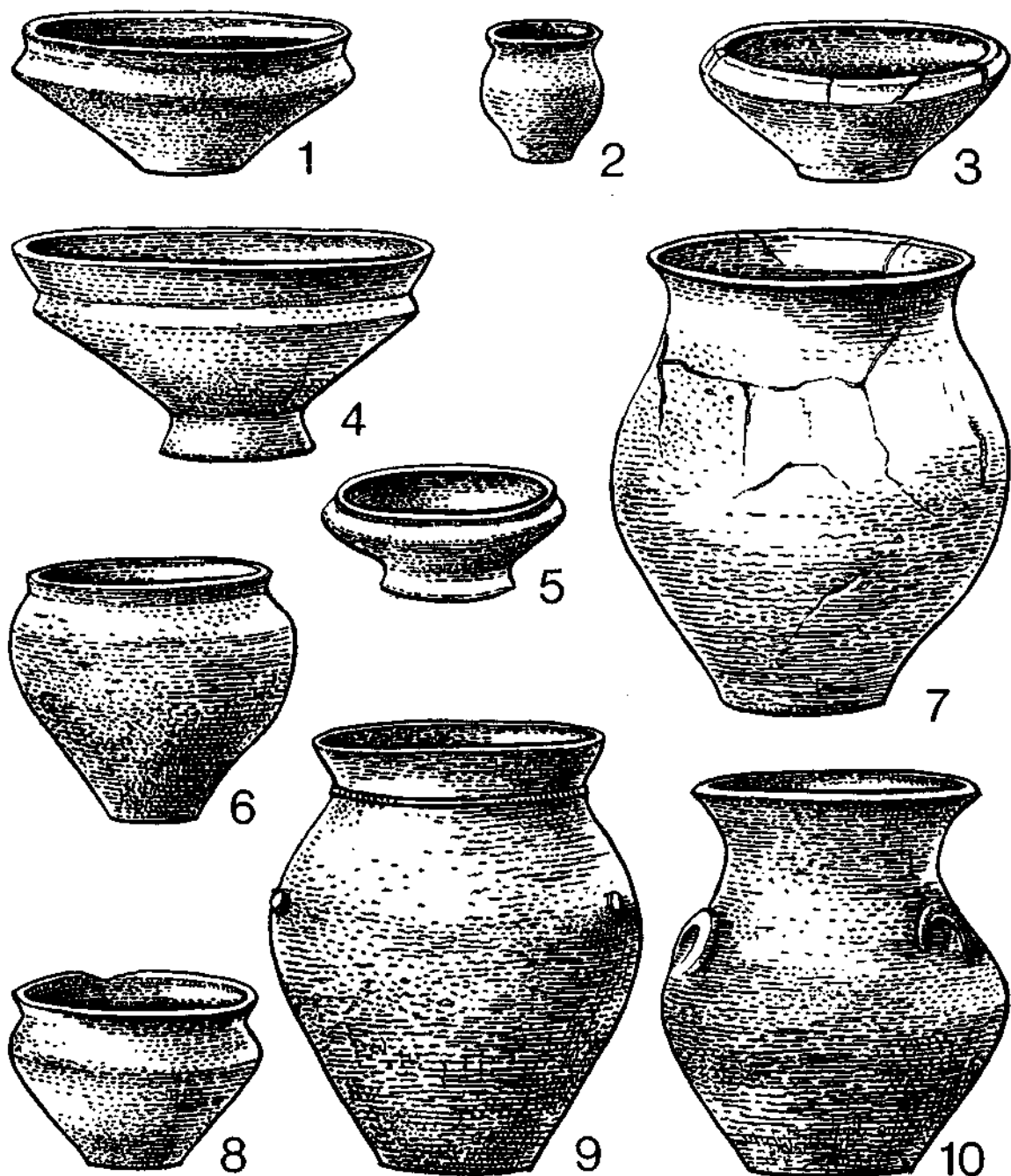

Рис. 69. Глиняная посуда зарубинецкой культуры

1—5, 7, 8 — Чаплин; 6 — Корчеватое; 9, 10 — Зарубинцы

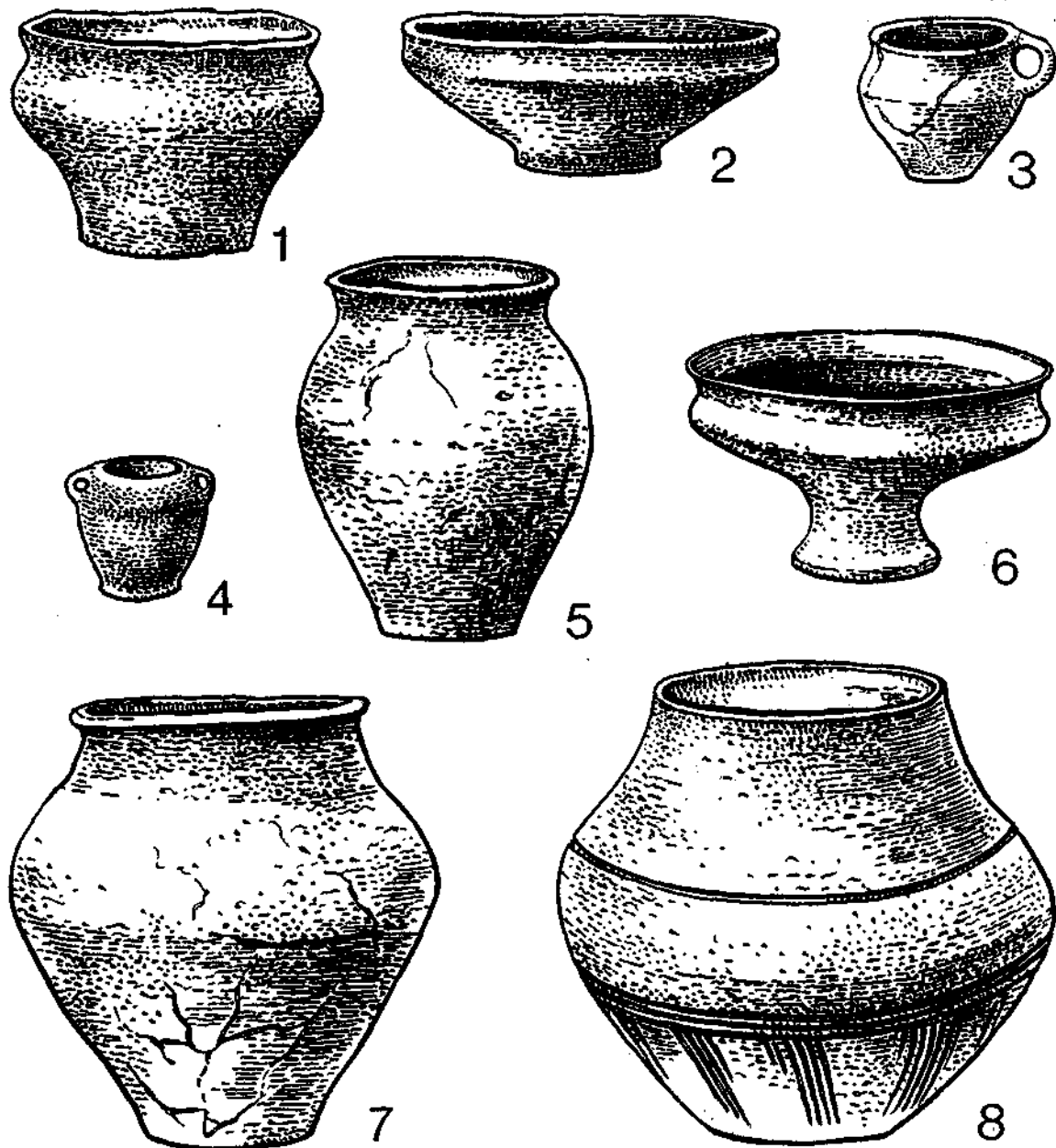

Рис. 70. Глиняная посуда зарубинецкой культуры

1—3, 6, 8 — Велемичи I; 4, 7 — Воронино; 5 — Велемичи II

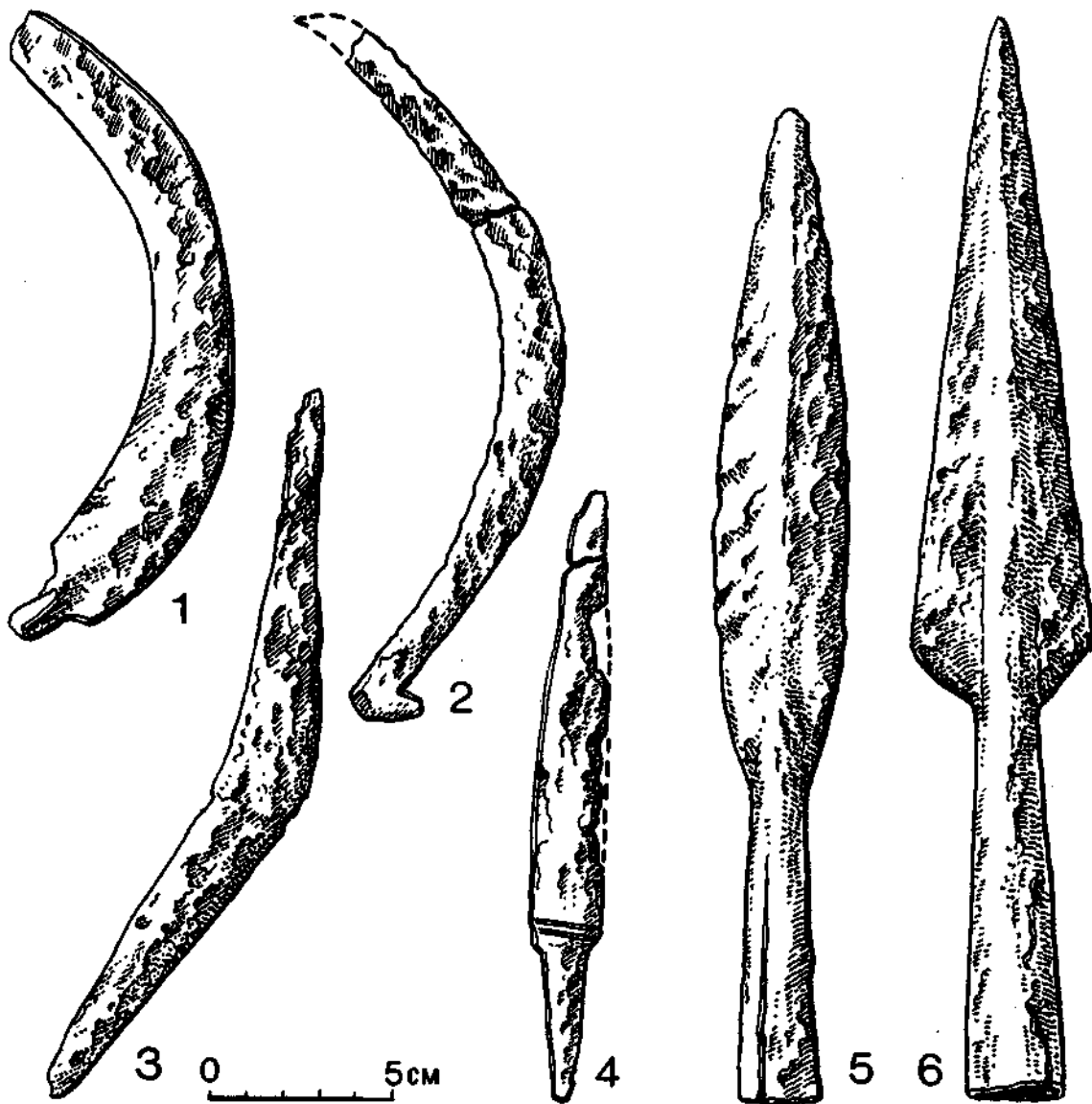

Рис. 71. Железные изделия зарубинецкой культуры

1—3 — серпы; 4 — нож; 5, 6 — наконечники копий
1, 2, 4—6 — Чаплин; 3 — Велемичи I

конические (рис. 72, 7, 10, 11). К распространенным находкам принадлежат также глиняные рыболовные грузила, точильные бруски и каменные зернотерки.

В небольшом количестве в зарубинецкой коллекции имеются и предметы вооружения. Это железные наконечники копий листовидной или треугольно-ромбической

формы (рис. 71, 5, 6), двушипные наконечники дротиков, наконечники стрел. Единичными экземплярами представлены удила и шпоры с шишечками на концах, имеющие аналогии в латенских древностях.

Из предметов личного убранства (рис. 72, 73) наибольшее распространение получили бронзовые, реже железные фибулы.

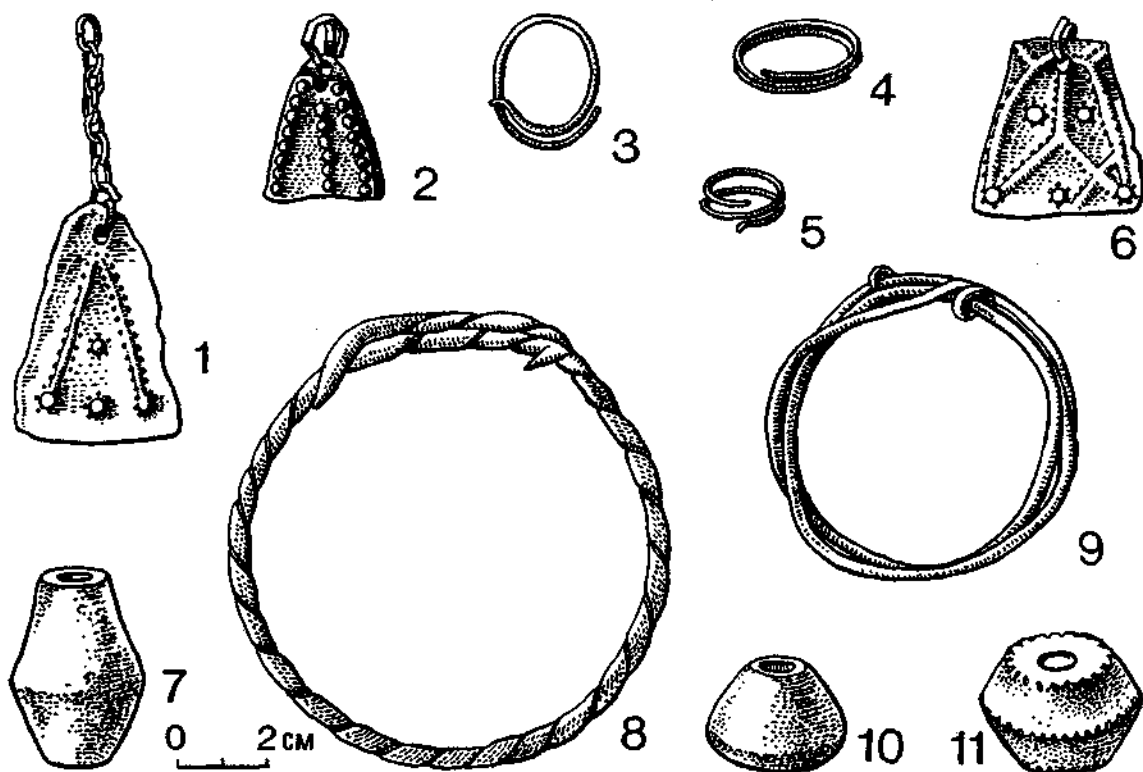

Рис. 72. Украшения и пряслица зарубинецкой культуры

1, 2, 6 — привески; 3 — височное кольцо; 4, 5 — колючки; 7, 10, 11 — пряслица; 8, 9 — браслеты (1—6, 8, 9 — бронза, 7, 10, 11 — глина)

1, 2, 6, 11 — Велемичи I; 3, 10 — Воронино; 4, 5, 7—9 — Чаплин

Они нескольких типов: латенские, провинциально-римские, подвязанные и глазчатые [11]. К раннелатенским принадлежит лишь одна фибула из могильника Черск в Припятском Полесье. Большинство фибул являются среднелатенскими, из которых более половины местные, собственно зарубинецкие — с треугольной спинкой и многовитковой пружиной. Щитки их нередко орнаментировались поперечными бороздками, узором в виде выступов или пунктирной насечкой [12].

Кроме фибул в зарубинецких материалах есть бронзовые, реже железные булавки с кольцевыми, спиральными и гвоздевидными головками; дровяные браслеты с заостренными, расширяющимися или фигурными концами; спиральные браслеты; брон-

зовые трапецевидные привески; проволочные кольца, среди которых есть и височные украшения; бронзовые бусы; подковообразные застёжки. Единичными экземплярами представлены поясные оковки и скрепы-крючки.

Наиболее тесные культурные и торговые контакты зарубинецкие племена поддерживали с северопричерноморскими землями — с греческими городами и скифо-сарматским миром. Из привозных изделий самыми многочисленными являются греческие амфоры, фрагменты которых обнаружены на всех исследованных поселениях Среднего Поднепровья. Из античных городов поступали и распространялись по всему зарубинецкому ареалу бусы: в III—I вв. до н.э. — круглые пастовые, синего или желтого цве-

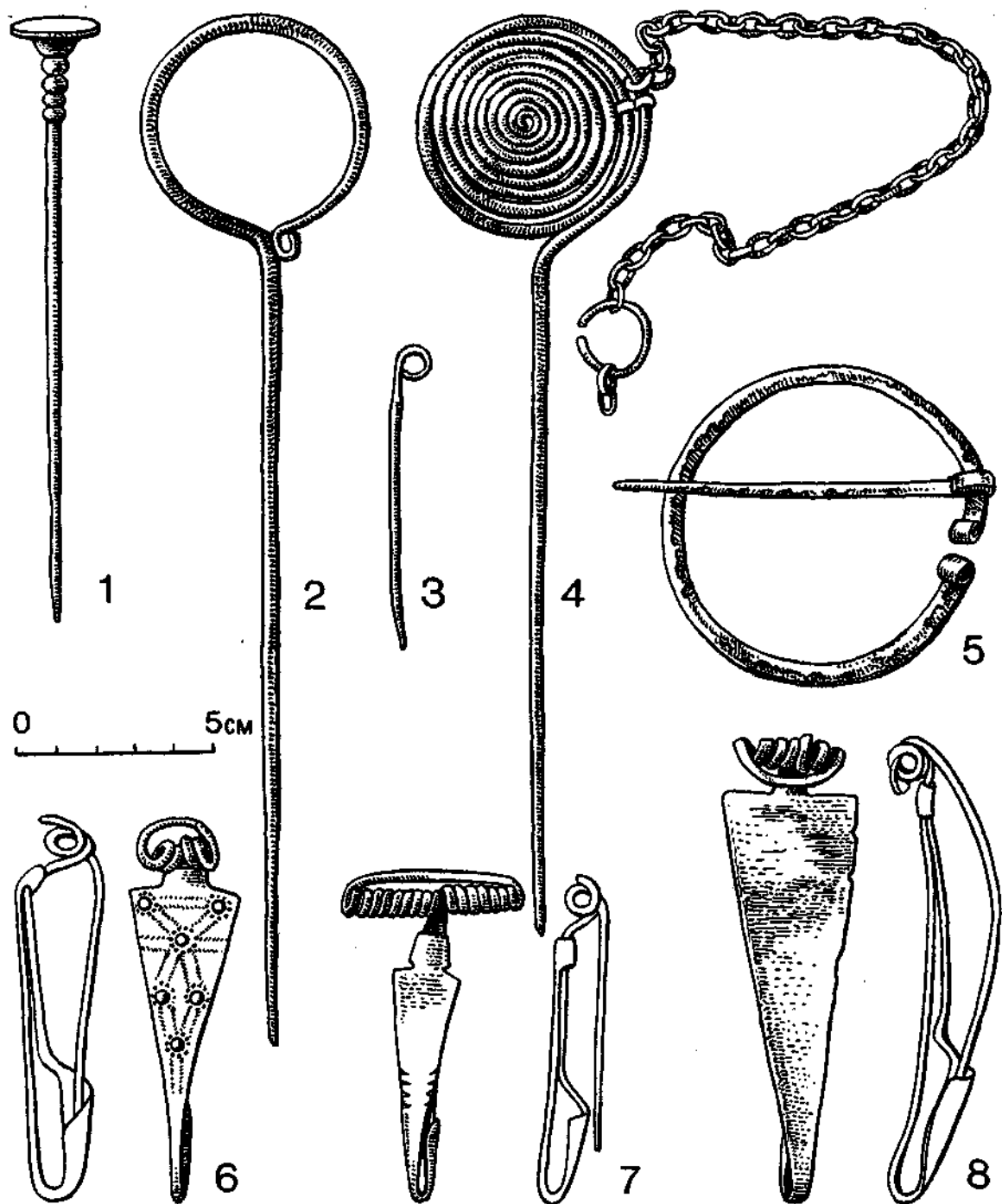

Рис. 73. Бронзовые украшения зарубинцевкой культуры

1—4 — булавки; 5 — пряжка; 6—8 — фибулы

1, 4, 6, 7 — Велемичи II; 2, 3 — Велемичи I; 5 — Чаплин;

8 — Гриневичи Вельки

та, с цветными глазками; в I в. н.э. — мелкие стеклянные, синие, зеленые или желтые, шаровидной, цилиндрической или дисковидной формы. В Субботове на среднем Днепре найден скарабей из египетского фаянса. В памятниках среднеднепровского региона встечены еще округлые серьги из бронзовой проволоки, которые привозились из Нижнего Поднепровья. По-видимому, от сарматов проникали в зарубинецкий регион бронзовые литые кольца с выступами-шишечками, которые, как полагают исследователи, имели культово-магическое значение. В нескольких пунктах территории зарубинецкой культуры найдены античные монеты.

Поддерживали зарубинецкие племена контакты и с кельтским миром. Их свидетельствами являются находки колец с шишечками, подвесок-амулетов латенского типа, шпор, фибулы «орнаваасского» типа из Велемичей, бронзового ведерка из Субботова на Тясмине. Исследователи зарубинецких древностей полагают, что их ареал не был замкнутым, импульсы из латенского мира поступали сюда постоянно.

Основой экономики населения рассматриваемой культуры было земледелие, на что указывает и тяготение поселений к наиболее плодородным участкам, и находки серпов, зернотерок, а также обнаружение отпечатков злаковых растений. Нужно полагать, что почвы обрабатывались деревянными ралами простейшего устройства. Одно из таких пахотных орудий найдено в торфянике около д.Капрановичи на реке Лани (приток Припяти). Сделано рало было из цельной части дуба: часть ствола превращена в ползун, которым рыхлилась земля (он имел подтреугольную форму с максимальной шириной 18 см), а из сука изготовлен плоский в профиле грядиль. Общая длина рала около 2,5 м, длина ползуна около 0,6 м [13].

Подобные рала найдены и в некоторых местах Поднепровья, но все они относятся к скифской культуре. Эти орудия предназначены для вспашки легких почв в поймах и на надпойменных террасах. В качестве тягловой силы использовались лошадь или вол. Системой землепользования был пере-

лог, о чем говорит и состав злаковых растений (просо, ячмень, мягкая и карликовая пшеница) и сопутствующих им сорняков. В лесных областях зарубинецкой территории важной формой земледелия была подсека. Из других культур были распространены репа, отпечатки семян которой неоднократно зафиксированы на зарубинецкой керамике. Встречены также отпечатки, свидетельствующие о выращивании конопли и льна [14].

Остеологические материалы из зарубинецких памятников указывают на развитое животноводство. Стадо состояло из свиней, крупного и мелкого рогатого скота, лошадей. На поселениях встречены кости собаки. Это животное выполняло сторожевые и охотничьи функции. Охотились, судя по костным остаткам, на лосей, оленей, кабанов, зубров, реже на медведей и косулю. Большое место, очевидно, занимала и охота на пушных зверей. Рыболовство и собирательство играли второстепенную роль.

В зарубинецком ареале получили развитие железоделательное, железообрабатывающее, бронзолитейное и гончарное ремесла. Железо получали из болотных (луговых) руд посредством плавки в глинобитных горнах. На первых порах, судя по находкам шлаков, железо делалось почти на каждом поселении. На поздней стадии возникли специальные поселки, специализировавшиеся на железоделании. Один из таковых изучался раскопками в Лютеже в Среднем Поднепровье, где железная руда сначала обогащалась, а затем в горнах выплавлялся металл. Обнаружены остатки 15 горнов, из которых три-пять функционировали одновременно, производя за сезон до 100 кг железа [15].

В кузнечном деле использовалось низкосортное кричное железо. В южных районах Среднего Поднепровья кузнецы знали сталь. Как полагают специалисты, ее получение восходит к скифскому ремеслу. В этом же регионе выявлены технологические приемы («пакетирование» изделий, цементация лезвий с последующей закалкой), свидетельствующие о восприятии зарубинецкими кузнецами кельтской (латенской) железообработки [16].

Бронзолитейное ремесло основывалось на привозном металле (из античной периферии). Плавил его в тиглях в домашних очагах. На городище Пилипенкова Гора при раскопках обнаружено более 40 небольших толстостенных тиглей. Подобные находки и глиняные льячки встречены и на некоторых других поселениях. Бронзовые изделия изготавливались с применением проковки, протяжки и чеканки.

Изготовление глиняной посуды не вышло за рамки домашнего производства. При формовке сосудов использовался гончарный круг ручного типа. Поверхность сосудов выглаживалась и полировалась костяными, глиняными или кожаными ложилами. Обжигали высушенные сосуды на кострах. Для получения чернолощеной керамики применялся метод обвара — нагретый сосуд погружался в теплый мучной раствор.

Занималось зарубинецкое население также деревообработкой, ткачеством, обработкой кожи и мехов, косторезным ремеслом (изготавливались различные проколки, рукоятки ножей и шильев и др.)

Еще в I в. до н.э. в жизни зарубинецкого населения Среднего Поднепровья происходят заметные перемены, вызванные экспансией сарматов в западном направлении. Укрепления раннее функционировавшие городища усиливаются (Пилипенкова Гора, Монастырек), возникают новые (Бабина Гора, Ходосовка и др.). Часть населения перемещается в труднодоступные места, а крупные массы его уходят в глухие районы Подесенья и на Южный Буг, где образуются еще две локальные группы зарубинецкой культуры — деснинская и южнобутская.

В контактной зоне известны немногочисленные памятники со смешанными зарубинецко-сарматскими элементами. В нижних течениях Псла и Сулы и на правом берегу Днепра исследованы курганы (Лубны, Дьяченки, Верхняя Мануйловка, Кичкас, Михайловка) с захоронениями по обряду трупосожжения (не свойственному сарматам) и керамикой, напоминающей зарубинецкую [17]. Время этой группы погребений с зарубинецким инвентарем, впу-

щенных по сарматскому обычаю в курганы, определяется среднелатенской фибулой из Верхней Мануйловки I в. до н.э. и шарнирной фибулой типа *Avcissa* первой половиной I в. н.э.

Около середины I в. н.э. наблюдается активизация сарматов в Среднем Поднепровье. Значительные их группы заселяют южные земли этого региона, что создает опасность для оседлого земледельческого населения. Зарубинецкое население вынуждено было оставить эти земли, отдельные более или менее крупные группы его расселяются в Подесенье или уходят на Южный Буг. Сохранялось оно в небольшом числе в течение второй половины I и II в. н.э. лишь на северной периферии Среднеднепровского региона. При этом зарубинецкая культура подверглась весьма существенным изменениям. Некоторые зарубинецкие черты, проявляемые в керамике, украшениях и предметах личного убора, сохранились и продолжали свое развитие. Вместе с тем, распространяются совершенно новые, не обусловленные внутренним развитием культуры элементы: в глиняной посуде ряда поселений проявляются отчетливые пшеворские особенности, получают хождение средневропейские фибулы (глазчатые и слабопрофилированные с высоким приемником). Появление новых элементов может быть объяснено только притоком сюда пришлых групп населения из пшеворского ареала.

При этом наблюдаются и другие изменения — меняется топография поселений и характер домостроительства, прекращают функционировать прежние могильники. На смену характерной зарубинецкой керамике распространяются грубые лепные сосуды, среди которых немалую часть составляют формы, свойственные пшеворской культуре. Классическая зарубинецкая культура в Среднем Поднепровье, таким образом, прекращает свое развитие и существование, формируются новые культурные группы, именуемые в археологической литературе позднесарубинецкими (рис 74).

В Среднем Поднепровье образуется две группы памятников позднесарубинецкого облика — типа Лютежа в Киевском право-

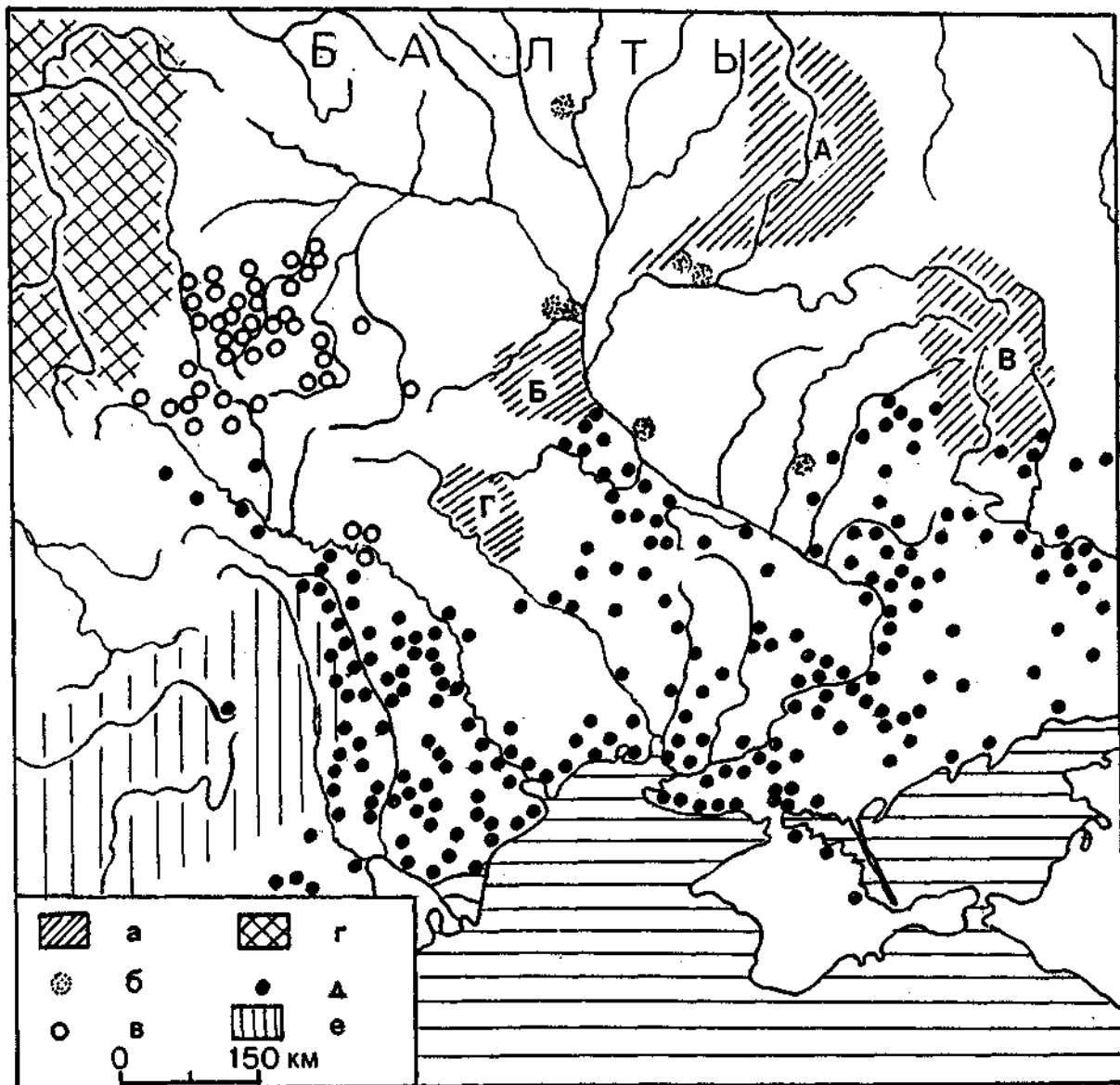

Рис. 74. Регионы позднезарубинецких древностей и их окружение

а — регионы позднезарубинецких группировок (А — почепская группа; Б — памятники типа Лютежа; В — памятники типа Картамышева; Г — бужская группа); б — памятники типа Гриней; в — памятники волинско-подольской группы пшеворской культуры; г — основной ареал пшеворской культуры; д — погребальные памятники сарматов; е — ареал гето-дакийских племен

бережье [18] и типа Картамышева—Терновки в восточном лесостепном Поднепровье и смежных землях бассейна Северского Донца [19].

Древности типа Лютежа во многом продолжали традиции классической зарубинецкой культуры. Основные формы как округлобоких, так и ребристых горшков имеют прототипы в зарубинецкой керамике. То же можно сказать и относительно ряда типов мисок (округлобоких чашевидных, ребристых с эсовидным или прямым венчиком, с зигзагообразной верхней частью). Полуземляночные жилища, исследованные на поселениях, восходят к предшествующим зарубинецким. Однако стены жилищ теперь уже не обмазываются глиной, получают распространение и срубные дома с опущенным в грунт полом. Зафиксированы немногочисленные полуземлянки с центральным опорным столбом, поддерживавшим кровлю.

В керамических коллекциях древностей типа Картамышева—Терновки содержится немало форм сосудов, восходящих к зарубинецким, но вместе с тем распространены совершенно новые типы — мискообразные лощеные сосуды с зигзаговидным профилем и прочерченным зигзагообразным узором, явно занесенные переселенцами — носителями пшеворской культуры. Близость к пшеворской керамике обнаруживают и некоторые груболепные сосуды. Обычай орнаментировать лощеные горшки узором, состоящим из меандров и свастики, также принадлежит к характерным пшеворским традициям. Выявлены в рассматриваемом регионе и отдельные памятники, непосредственно свидетельствующие о перемещении отдельных групп населения из Повисленья. Таковым, в частности, является погребение, обнаруженное у с.Пересыпки близ Путивля [20].

Жилыми постройками этой группы позднезарубинецких поселений были в основном прямоугольные в плане полуземлянки. Среди них единичные имели стены столбовой конструкции, большинство же были срубными. В срединной части полуземлянок устраивался обычно открытый очаг, в одной из построек на поселении Терновка-2 выявлен глиняный очаг, сооруженный на

выкладке из камней. В немногих жилищах зафиксирован центральный опорный столб для поддержания перекрытия. На поселении Картамышево-2 изучены остатки двух наземных домов, один из которых (его размеры 5,8×3,5 м) имел стены столбовой конструкции и центральный опорный столб, другой (3,6×2,4 м) был срубным.

Погребальные памятники носителей древностей типов Лютежа и Картамышева—Терновки не выявлены. Поселения же функционировали в течение второй половины I — II вв. н.э. Позднее эти древности трансформируются в киевскую культуру.

В верхней части бассейна Южного Буга, как уже говорилось, зарубинецкое население появилось в I в. до н.э. В середине I в. н.э. число зарубинецких поселений здесь заметно увеличивается. Изменяется и облик культуры, что было обусловлено, нужно полагать, инфильтрацией в этот регион населения пшеворской культуры. Формы лощеной и грубой посуды Побужья в общих чертах близки к керамике типа Лютежа и явно продолжают традиции керамики среднеднепровского варианта классической зарубинецкой культуры. Однако весьма распространенные сосуды баночных форм бесспорно имели пшеворское происхождение.

Жилищами населения бужского региона были полуземлянки, близкие к постройкам поселений типа Лютежа. Все они срубные. На одном из селищ (Носовцы) исследованы следы наземных построек со стенами каркасно-плетневой конструкции, обмазанными глиной.

В отличие от Среднего Поднепровья в бужском регионе известны погребальные памятники. В могильнике Рахны исследовано 12 захоронений по обряду трупосожжения, по основным показателям соответствующих зарубинецкому ритуалу. Зафиксированы и особенности, не свойственные зарубинецкой культуре, — обычай помещать вещи в погребальный костер; помещение в одной могильной яме остатков нескольких трупосожжений; обычай помещать сосуды поверх кальцинированных костей. Е.В.Максимов, детально проанализировав обрядность и инвентарь могильника Рахны, пришел к

выводу, что этот памятник отражает процесс взаимодействия зарубинецкого населения с пшеворским [21].

В процессе формирования черняховской культуры поздnezарубинецкое население Побужья вошло в состав нового образования.

В середине I в. н.э. зарубинецкое население полностью покидает Припятское Полесье [22]. Это событие вряд ли связано с сарматской экспансией Среднего Поднепровья, хотя некоторые исследователи и допускают, что они взаимосвязаны. Высказано мнение о том, что финал зарубинецкой культуры в рассматриваемом регионе отражает климатические изменения, имевшие место в это время [23]. Не исключено, что уход зарубинецкого населения с Припяти связан с движением в восточном направлении средневропейского населения, в частности пшеворского. Переселялись носители зарубинецкой культуры в основном на северо-восток, преимущественно в бассейн Десны.

Конечная дата функционирования зарубинецкой культуры в верхнеднепровском регионе определяется на основе «воинских» фибул и фибул с подвязной ножкой концом I или началом II в. н.э. Здесь классические зарубинецкие древности преобразуются в поздnezарубинецкие, которые представлены поселениями трех групп — типа Абидни, Гриней и Вовков [24]. Наиболее характерными среди них являются памятники типа Гриней, распространенные в поречье Днепра от устья Друти до Припяти; ареал их включает и Нижнее Подесенье, а отдельные, разрозненные поселения известны и южнее вплоть до низовий Псла.

Поселения устраивались на дюнах в поймах рек или у краев надпойменных террас. Жилищами были полуземлянки небольших размеров, прямоугольных очертаний. Отапливались дома глиняными очагами с бортиками, которые устраивались в одном из углов. Стены имели столбовую конструкцию и обмазывались глиной.

Глиняная посуда рассматриваемой группы древностей весьма своеобразна. Распространенной формой были тюльпановидные горшки с суженной нижней частью и ба-

ночные сосуды со слабо изогнутым венчиком. Реже встречаются ребристые горшки. Почти совсем отсутствует лощеная посуда, лишь на немногих поселениях обнаружены единичные фрагменты чашевидных или ребристых мисок. Венчики нелощеных сосудов орнаментировались насечками, а поверхность тулова нередко обрабатывалась расчесами.

Судьба населения верхнеднепровских групп поздnezарубинецкой культуры различна. Та его часть, которая проживала вблизи Среднего Поднепровья, вместе с племенами, представленными памятниками типа Лютежа, в начале III в. вошла в состав киевской культуры. В более северных землях поселения типа Гриней разрозненно функционировали и в позднеримское время.

В Брянском Подесенье носители зарубинецкой культуры впервые появились в I в. до н.э. Здесь они расселились среди племен юхновской культуры, принадлежащих к днепровской группе балтов [25]. В первое время в культуре деснинских памятников пришлые элементы сочетались с юхновскими. Так, в керамических материалах слабопрофилированные горшки с типично юхновской орнаментацией соседствовали с мисками и чашами зарубинецких типов. Занесенный сюда тип жилища — четырехугольная постройка с опущенным в грунт полом — уживался со столбовыми домами юхновского типа. При этом наблюдается постепенное увеличение элементов зарубинецкого происхождения при затухании юхновских традиций. Очевидно, что в процессе расселения зарубинецкого населения племена юхновской культуры не покидали мест своего обитания, а смешавшись с переселенцами, вместе создали новую культуру, именуемую почепской.

В конце I в. н.э. археология фиксирует в Брянском Подесенье новый крупный приток зарубинецкого населения. Заметно увеличивается число поселений, отмечается значительный рост их размеров (площади селищ достигают 15—20 тысяч кв.м). Теперь зарубинецкие черты в этом регионе становятся преобладающими, но существенно отличающимися от классическо-заруби-

нецких [26]. Приток новых групп населения исходил в основном из Припятского Полесья и был довольно мощным. Миграция зарубинецкого населения затронула и более северные регионы. В южной части Смоленского Поднепровья под воздействием зарубинецкой культуры на базе днепровской складывается культура типа среднего слоя Тушемли [27]. Отдельные зарубинецкие переселенцы проникли и в Западнодвинский бассейн, растворившись со временем среди аборигенного балтского населения.

Поселения почепской культуры сосредоточены преимущественно в брянском течении Десны и по ее притокам Судости и Навле и расположены в местах, наиболее удобных для земледелия. Жилища представлены двумя типами, функционировавшими параллельно. К первому типу принадлежат большие наземные дома со столбовой конструкцией стен, размеры их от 10×4,5 м до 20×6 м. Отапливались они открытыми очагами. Эти жилища восходят к юхновскому домостроительству. Другим типом жилых построек являются полуземлянки, неизвестные в Подесенье в дозарубинецкое время. Они имеют прямоугольные очертания, размеры — от 3×3 до 7×4 м. Стены таких жилищ были или столбовыми или срубными. В центре полуземлянок ставился опорный столб для перекрытия, около которого или близ одной из стен устраивался очаг.

Наиболее распространенной формой глиняной посуды были высокие горшки с расширенными плечиками и отогнутым наружу венчиком. По верхнему краю эти сосуды нередко украшались насечками. Другим типом керамики были ребристые миски, по внешнему облику очень близкие лютежским. Они имеют лощеную (снаружи и внутри) поверхность черного, коричневатого или серого цвета.

Зарубинецкими переселенцами в Подесенье был занесен и обычай ношения фибул. Наиболее ранние из них — железные фибулы позднелатенских схем со сплошным пластинчатым приемником, поздние — глазчатые, датируемые II в. н.э. Есть и местные фибулы, так называемого «почепского» варианта, бытовавшие в второй половине I — II вв. н.э.

Во II—III вв. носители позднезарубинецкой культуры из Подесенья расселяются в бассейне верхней Оки. В этом регионе широко распространяется керамика с черной и светло-коричневой лощеной поверхностью, не имеющая местных корней и по формам и фактуре теста теснейшим образом связанная с керамикой деснинского населения. В условиях смешения почепского населения с местным, принадлежавшим к днепровской группе балтов, в верхнеокском бассейне формируется мощинская культура, носители которой отождествляются с *Coldas* Иордана и голядью русских летописей [28].

Оставшееся в Подесенье позднезарубинецкое (почепское) население после III в. не составляло целостной культурной группы. Какая-то часть его вошла в состав носителей киевской культуры.

Большинство исследователей рассматривает зарубинецкую культуру как раннеславянскую. Мысль о славянской атрибуции населения среднечепских полей погребений, к которым принадлежат и зарубинецкие могильники последних веков до н.э. и первого столетия нашей эры, была высказана еще в начале XX в. В.В.Хвойко и, хотя и не была как-то серьезно обоснована, получила распространение в историко-археологической литературе. Правда, такие крупные исследователи, как Л.Нидерле и А.А.Спицын, не раз отмечали, что конкретных данных для этнической атрибуции зарубинецких древностей в распоряжении науки просто нет. А.А.Спицын связывал зарубинецкую культуру со скифским миром [29]. Высказывались и иные точки зрения об этносе зарубинецких племен, их относили и к германским переселенцам, и к бастарнам, и к кельтам.

Собственно археологическим, ретроспективным методом обосновать славянскую принадлежность населения зарубинецкой культуры не представляется возможным. Как показано выше, судьба этих племен была сложной и неоднозначной. Расселение потомков зарубинецкого населения на обширной территории среди разных этноязыковых групп и смешение его с аборигенами

привели к различным этническим процессам, понять которые, основываясь исключительно на археологических материалах, далеко не всегда возможно.

Отсутствуют и письменные свидетельства, которые бы могли помочь решить вопрос об этосе зарубинецкого населения. Упоминания о венедах в сочинениях Плиния, Тацита и Птолемея связать с зарубинецким населением надежно невозможно. К тому же следует учитывать, что сведения Птолемея относятся ко II в. н.э., когда зарубинецкая культура прекратила свое существование и потомки ее носителей рассеялись в разные стороны. Относящаяся к следующему столетию Певтингерова карта локализует венедов вовсе не в Поднепровье.

Для славянской атрибуции зарубинецкого населения последних веков до н.э. и начала нашей эры не могут быть привлечены и материалы топонимики. Архаические славянские гидронимы, выявленные О.Н.Трубачевым в Правобережной Украине, не обнаруживают какого-либо соответствия с зарубинецким ареалом, они известны более широко и затрагивают лишь часть земель, где проживало зарубинецкое население на рубеже эр. К тому же эти архаические водные названия не имеют хронологической определенности — отнести их к зарубинецкому времени лингвистическими методами невозможно. Самое главное же заключается в том, что зарубинецкое население в I в. н.э. в значительной массе покинуло места своего прежнего обитания, а в таком случае сохранение водных названий весьма проблематично.

Версия о германской принадлежности носителей зарубинецкой культуры покоилась исключительно на предположении, что племена поморской культуры, участвовавшие в ее генезисе, были германцами. Ныне, как говорилось выше, поморскую культуру следует связывать с периферийными балтами.

В последнее время некоторые археологи стали связывать зарубинецкое население с бастарнами [30].

Первые упоминания этого этноса в исторических сочинениях относятся к последним десятилетиям III в. до н.э.: Деметрий

из Каллатиса (в передаче Псевдо-Скимна, поскольку оригинал его сочинения не сохранился) локализовал бастарнов в Нижнем Подунавье и считал их пришлым населением [31]. В первой половине II в. до н.э. бастарны совершили несколько военных походов на Балканы, которые описаны Титом Ливием и Орозием. Позднее (до III в. н.э.) они упоминаются уже многими авторами. Наиболее информативные данные о бастарнах содержатся в «Географии» Страбона, написанной во второй половине I в. до н.э. — первых десятилетиях нашей эры. Описывая земли Северо-Западного Причерноморья (от Истра до Борисфена) греческий географ и историк говорит о «гетской пустыне», тирагетах, языгах, сарматах и ургах и далее пишет: «В глубине материка обитают также бастарны, быть может германская народность, и делятся на несколько племен. Действительно, одни из них называются атмонами, другие — сидонами; те, что владеют Певкой, островом на Истре, носят название певкинов, а самые северные, обитающие на равнинах между Борисфеном и Танаисом, роксоланов» [32]. Ни это свидетельство, ни какое-либо другое не дают ни малейших оснований для локализации бастарнов в Припятском Полесье и Среднем Поднепровье. Согласно Птолемею, бастарны были соседями тирагетов и вместе с певкинами господствовали над Дакией [33]. В настоящее время определена и археологическая культура бастарнов — это поянешты-лукашевская культура, локализуемая в основном в междуречье Днестра и Серета [34].

Мысль Д.А.Мачинского о единстве поянешты-лукашевской и зарубинецкой культур или о «зарубинецко-поянештской культурной общности», как предпочитает говорить М.Б.Щукин, имела право на существование в те годы, когда археологи полагали, что и зарубинецкая культура, и поянешты-лукашевская сформировались на единой основе в результате расселения племен поморской культуры. В настоящее время очевидно, что эти культуры имеют различное начало. Зарубинецкая культура, как сказано выше, является следствием миграции племен культур подклешевых погребений

ний и поморской и их взаимодействия со скифским и милоградским населением. Основу же поянешты-лукашевской культуры заложили переселившиеся из региона Одера-Нейсы племена ясторфской культуры при взаимодействии с нижнедунайским населением — гетами.

Процесс миграции части ясторфского населения в северопричерноморские земли ныне изучен довольно конкретно. В междуречье Одера и Нейсе выявлена отдельная группа ясторфской культуры, названная губинской [35]. На рубеже III и II столетий до н.э. часть этого населения продвинулась вдоль северных и восточных склонов Карпат [36] и осела в регионе Днестра-Серета, что и привело к формированию здесь поянешты-лукашевской культуры.

Проблема этнической принадлежности населения зарубинецкой культуры должна решаться прежде всего при учете формирующих ее компонентов. Поскольку в сложении трех основных групп этой культуры самое активное участие приняли подклешево-поморские племена, то ее этническая атрибуция непременно должна быть связана с этими племенами. Выше носители культуры подклешевых погребений определены как ранние славяне, а население поморской отнесено к периферийной группе балтов, близкой славянам. В этой связи допустимо предположение, что зарубинецкое население в языковом отношении составляло отдельную диалектную группу, занимавшую промежуточное положение между праславянским языком и окраинными западнобалтскими говорами.

Такие переходные по языку между западными балтами и славянами этнические образования в древности могли существовать. В раннем средневековье таким племенным образованием, судя по изысканиям

польского лингвиста Я.Отрембского, были ятвяги [37]. Позднее в силу исторической ситуации значительная часть ятвягов вошла в состав польской народности, а ятвяги, проживавшие на среднем Немане, стали литовцами.

Потомки зарубинецкого населения также в зависимости от исторических обстоятельств приняли участие в этногенезе славян и балтов. Та часть зарубинецких племен, которая расселилась в верхнеднепровских землях и в бассейне верхней Оки и смешалась с милоградским, юхновским, днепродвинским и верхнеокским населением, пополнила массив племен днепровских балтов. Миграция зарубинецкого населения в северо-восточном направлении не внесла существенных перемен в этноязыковую ситуацию Верхнего Поднепровья и верхнеокского бассейна. Следы этой миграции, по всей вероятности, являются гидронимы западнобалтского облика, выявляемые в левобережной части Верхнего Поднепровья и на верхней Оке [38].

В более южных регионах Поднепровья и на Южном Буге зарубинецкое население и его потомки в значительной степени смешались с пшеворским, основу которого составляли славяне. Таким образом, эта часть зарубинецкого населения волилась в состав славянства и приняла непосредственное участие в славянском этногенезе.

В этой связи целесообразно возвратиться к вопросу о прямом взаимодействии зарубинецкого населения Среднего Поднепровья с местными скифами. С этими контактами, датируемыми III—II вв. до н.э., могут быть связаны самые ранние проникновения иранских элементов в язык и культуру зарубинецких племен, которые перенесли их впоследствии в славянский этнос. Зарубинецко-иранские контакты продолжались и в сарматскую эпоху.

1. Кухаренко Ю.В. Зарубинецкая культура. САИ. Вып. Д1-19. М., 1964.
2. Кухаренко Ю.В. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // СА. 1960. № 1. С. 289—300.
3. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.: Л., 1966. С. 214—217.
4. Мачинский Д.А. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // КСИА. Вып. 107. 1966. С. 3—8.
5. Максимов Е.В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972; Он же. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982.
6. Каспарова К.В. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи латена // АСГЭ. Вып. 25. 1984. С. 108—117.
7. Кухаренко Ю.В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. 1959. № 1. С. 31—43.
8. Мачинский Д.А. О культуре Среднего Поднепровья на рубеже скифского и сарматского периодов // КСИА. Вып. 133. 1973. С. 3—9.
9. Каспарова К.В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА. 1981. № 2. С. 57—79.
10. Петренко В.Г. Правобережье Среднего Поднепровья в V—III вв. до н.э. САИ. Вып. Д1-4. 1967. С. 19, 20.
11. Кухаренко Ю.В. Зарубинецкая культура.. С. 30—35.
12. Каспарова К.В. О фибулах зарубинецкого типа // АСГЭ. Вып. 18. 1977. С. 68—78.
13. Поболь Л.Д. Деревянное рало из торфяника у дер. Каплановичи // Acta Baltico-Slavica. T. V. Białystok, 1967. С. 117—128.
14. Пачкова С.П., Янушевич З.В. Землеробство племен зарубинецкой культуры // Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969. С. 3—13.
15. Бидзиля В.И., Пачкова С.П. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж // МИА. № 160. 1969. С. 51—74.
16. Вознесенская Г.А. Металлообработка на позднелатенском поселении Галиш-Ловачка // СА. 1984. № 4. С. 171.
17. Рудинский М. Археологічні збірки Полтавського музею. Полтава, 1928. С. 43, 48—50; Махно Е.В. Похороня на Замковій горі в Лубнах (Розкопки Ф.Камінського 1881 р.) // Археологія. XVII. Київ, 1965. С. 185—189; Смиленко А.Т. Похороня в с.Кичкас (до питання про формування черняхівської культури) // Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969. С. 21-28; Максимов Е.В. Зарубинецкая культура... С. 57.
18. Максимов Е.В. Зарубинецкая культура... С. 81—97.
19. Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н.э. М.; Сумы, 1991. С. 35—47.
Небольшая часть зарубинецкого населения продвинулась на юг, вниз по Днепру. Одним из памятников этой миграции является поселение у с.Осиповка на р.Орель, где открыта полуземлянка II в. н.э. с типично зарубинецкой керамикой (Телегін Д.Я., Беляева Є.О. Пам'яткі ранньослов'янського часу на Орелі // Археологія. Вип. 18. Київ, 1975. С. 96—101.
20. Кухаренко Ю.В. Погребение у с.Пересыпки // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 33—35.
21. Максимов Е.В. Зарубинецкая культура... С. 126—132.
22. Каспарова К.В. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья // Советская археология. 1976. № 3. С. 128—140.
23. Обломский А.М., Терпиловский Р.В., Петраускас О.В. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины. Киев, 1990.
24. Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 1. Минск, 1970. С. 171—183; Максимов Е.В. Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье // МИА. № 160. 1969. С. 39—41; Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского левобережья. Л., 1981. С. 108, 109.
25. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 31, 32, 42—44; Он же. Днепровские балты // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985. С. 20—29.
26. Амброз А.К. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н.э. // Советская археология. 1964. № 1. С. 56—70; Заверняев Ф.М. Почепское селище // МИА. № 160. 1969. С. 88—118.
27. Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.;Л., 1963. С. 22—25, 54—59.
28. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья ... С. 44—48; Он же. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 41—45.

29. Спицын А.А. Поля погребальных урн // Советская археология. Т. X. М., 1948. С. 53—70.
30. Щукин М.Б. Проблема бастарнов и этнического определения поянешты-лукашевской и зарубинецкой культур // Петербургский археологический вестник. 1993. № 6. С. 89—95.
31. Латышев В.В. *Scythica et Caucasia*. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 2. СПб., 1906. С. 87, 88.
32. Страбон. География в 17 книгах. Перевод Г.А.Стратановского. М., 1964. VII: 3, 12.
33. Латышев В.В. *Scythica et Caucasia*... V: 7.
34. Babeş M. *Moldova centrală și de nord în secolele II—I î.e.n.: Cultura Poienești-Lucașevka // Rezultatul tezei de doctorat. București, 1978. P. 1—25; Idem. Die Frühgermanen im östlichen Dakien in den letzten Jahrhunderten v. u.Z. Archäologische und historische Belege // Frühe Völker in Mitteleuropa. Berlin, 1988. S. 129—156; Лапушнян В.Л., Никулице И.Т., Романовская М.А. Памятники культуры Лукашевка-Поянешты (II—I вв. до н.э.) // Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев, 1974. С. 74—85.*
35. Domański G. *Studia z dziejów środkowego Nadodrza w III—I wieku p. n.e.* Wrocław, 1975.
36. На пути миграции в юго-восточном направлении небольшая группа губинско-ясторфского населения очевидно осела на Любельщине, о чем свидетельствуют несколько памятников с ясторфскими чертами, открытыми в этом регионе пшеворской культуры (Dąbrowska T. *Wczesne fazy kultury przeworskiej. Chronologia—Zasięg—Powiązania.* Warszawa, 1988. S. 196—198).
37. Otrębski J. *Roswój wzajemnych stosunków między grupą językową bałtycką a słowiańską // Z polskich studiów slawistycznych. T. I. Warszawa, 1958. S. 146—148.*
38. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья... С. 42—48.

Миграция готов к Северному Причерноморью

Готы — одно из племенных образований германцев. Родиной их, как сообщает историк VI в. н.э. Иордан, была Скандза, то есть Скандинавия. Оттуда они во главе с королем Беригом, рассказывает этот автор, переселились на трех кораблях на южное побережье Балтийского моря (вероятно, в устье Вислы) и дали этой местности название Готискандза. Вскоре они встретились с проживавшими здесь ульмеругами (тоже германским племенем) и, сразившись, «вытеснили их с их собственных поселений. Тогда же они подчинили их соседей вандалов, присоединив и их к своим победам» [1]. Очевидно, в Нижневисленском регионе готы были главенствующим этносом. По-видимому, здесь же начинали свою историю и гепиды — племя, родственное готам. Иордан сообщает, что они ведут свое происхождение от рода готов и вместе с ними переселились на южный берег Балтики.

Короля Берига историки обычно относят к середине I в. н.э. Имена двух преемников Иордан не сообщает, четвертым королем был Гадарик, пятым — его сын Филимер, при котором, очевидно, во второй половине II в. началась миграция готов в Скифию.

В 20—40-х годах, полагая, что рассказ

Иордана заключает историческую реальность, исследователи попытались осветить раннюю историю готов, используя другие исторические сведения и археологические материалы. Наиболее крупным историческим трудом того времени является книга Л.Шмидта [2]. Археологи (Г.Коссинна, Э.Блюме и др.) устанавливали, что готы действительно переселились из Скандинавии на нижнюю Вислу около начала нашей эры, принеся сюда новую культуру и обряд ингумации. На основе анализа керамических материалов Р.Шиндлер уточнял, что готы в начале нашей эры расселились в землях к западу от нижней Вислы, а восточные области Нижнего Повисленья позднее, с середины II в., заняли гепиды [3].

С готами или гото-гепидами археологи коссинновской школы связывали оксывскую культуру Польского Поморья. Ю.Костшевский же утверждал, что появившиеся в Нижнем Повисленьи на рубеже эр готы встретились с местным славянским населением — венетами, представленными оксывской культурой [4].

Оксывская культура сложилась ранее переселения готов из Скандинавии, ее ранние памятники относятся к концу II в. до н.э. Занимала она земли между нижним

течением Одера и низовьями Вислы. Позднее западные районы ее территории были заселены населением ясторфской культуры. Исследователи оксывских древностей утверждают, что сложилась эта культура в результате непосредственного развития поморской культуры.

Потребальными памятниками рассматриваемой культуры являются бескурганые могильники, в основном с захоронениями по обряду трупосожжения. Остатки кремации с золой и углями обычно ссыпались на дно могильной ямы, изредка попадаются и урновые захоронения. На отдельных могильниках зафиксированы и единичные труположения. В начале нашей эры в связи с расселением готов в Польском Поморье получают распространение курганы типа Одры—Венсеры. Они сооружались из камней и иногда дополнительно обкладывались концентрическими каменными кольцами, именуемыми «кругами». Подобные круги из камней известны на могильниках и вне курганов. В это же время над многими бескурганскими захоронениями появляются каменные вымостки. Основным типом погребений в курганах являются труположения, число которых возрастает и среди грунтовых захоронений.

Глиняная посуда раннего этапа оксывской культуры представлена в основном выпуклобочными сосудами с утолщенным и отогнутым наружу венчиком. Для периода курганных захоронений характерными становятся вазы с Х-образным ушком и орнаментированные различными геометрическими узорами. Орудия труда в оксывских древностях представлены ножами, поясами скрепами, глиняными и костяными пряслицами. Весьма разнообразны фибулы. Из предметов вооружения имеются мечи (двусторонние латенского облика и односторонние, аналогичные находкам в ясторфской культуре).

Анализ материалов оксывской культуры свидетельствует, что расселившиеся в Польском Поморье гото-гепидские племена многое заимствовали у аборигенного населения. Постепенно различия между пришлыми и местными элементами нивелируются и, как

утверждают польские археологи, преобладающими стали местные культурные компоненты, поэтому оксывская культура рассматривалась в польской литературе как одна из групп венедекской культуры [5].

В 60-х годах польский археолог Е.Кмециньский, детально проанализировав древности раннеримского времени Нижнего Повисленья, показал, что связываемые с готами каменные круги и стелы над погребениями, труположения, грушевидные металлические привески, глиняные сосуды с узором в виде лошенных и «хротоватых» треугольников, эсовидные скрепы имели широкое распространение вплоть до нижней Эльбы. Они свойственны разным культурам и нет никаких оснований приписывать их гото-гепидам, переселившимся из Скандинавии. Исследователь полагал, что культура Нижнего Повисленья первых веков нашей эры непосредственно эволюционировала из оксывских древностей познего латена, а каменные круги и надмогильные стелы связаны с континентальными германцами. Что касается готов, то они не образовывали крупной массы, но, выйдя из Скандинавии, рассеялись мелкими группами по всему южнобалтийскому побережью и затем также мелкими группами появились на границах Римской империи [6].

В конце 70-х годов после раскопочных исследований большого могильника Вельбарк-Госцишево в низовьях Вислы древности римского периода Польского Поморья, ранее относимые к оксывской культуре, были выделены в особую культуру, названную вельбарской [7]. Это стало важным шагом в изучении готской проблемы в целом.

Как показал исследователь вельбарской культуры Р.Волонгевич, картина ее становления и эволюции была сложной и неодинаковой в разных районах. Так, в Кашубско-Крайенском поозерье отчетливо фиксируется появление нового населения: вельбарские могильники основываются здесь в новых местах, а прежние оксывские при этом прекращают функционировать. В этом микрорегионе известны каменные круги со стелами, которые не знала оксывская культура и которые имеют полные аналогии

только в Скандинавии. В других микрорегионах Польского Поморья (низовья Вислы, Словинское побережье, Дравское поозерье) притока нового населения не было: новые могильники не устраивались, население продолжало хоронить умерших на прежних местах. Вместе с тем, под сильным влиянием пришлых групп населения местная культура сравнительно быстро трансформируется — оксывская культура перерастает в вельбарскую.

Выделяется две фазы развития вельбарской культуры. В ранней фазе, называемой любовидзской и датируемой от 50 до 150 гг. н.э., ее ареал (рис. 75) ограничивается средними и восточными районами Польского Поморья (от Дравы и Реги на западе до Пасленки на востоке) и северными окраинными землями Великопольши (до излучины Варты на юге). На следующей стадии (цельской), определяемой второй половиной II — началом III в., часть регионов, занятых ранее носителями вельбарской культуры (Кашубско-Крайенское и Дравское поозерья, Словинское побережье), заустевают, но зато вельбарские памятники появляются в Мазовии и Подлясье, явно свидетельствуя о миграции значительных масс населения из Польского Поморья в юго-восточном направлении вдоль Вислы и Западного Буга (рис. 75).

Таким образом, вельбарская культура была новообразованием. Какую-то, по-видимому, небольшую часть ее населения составили переселенцы из Скандинавии — готы и гепиды, принесшие в Польское Поморье обычай сооружения каменных погребальных насыпей и каменных кругов, некоторые типы вещей, неизвестные в этих землях. Под влиянием переселенцев все большее и большее распространение получает обряд трупоположения.

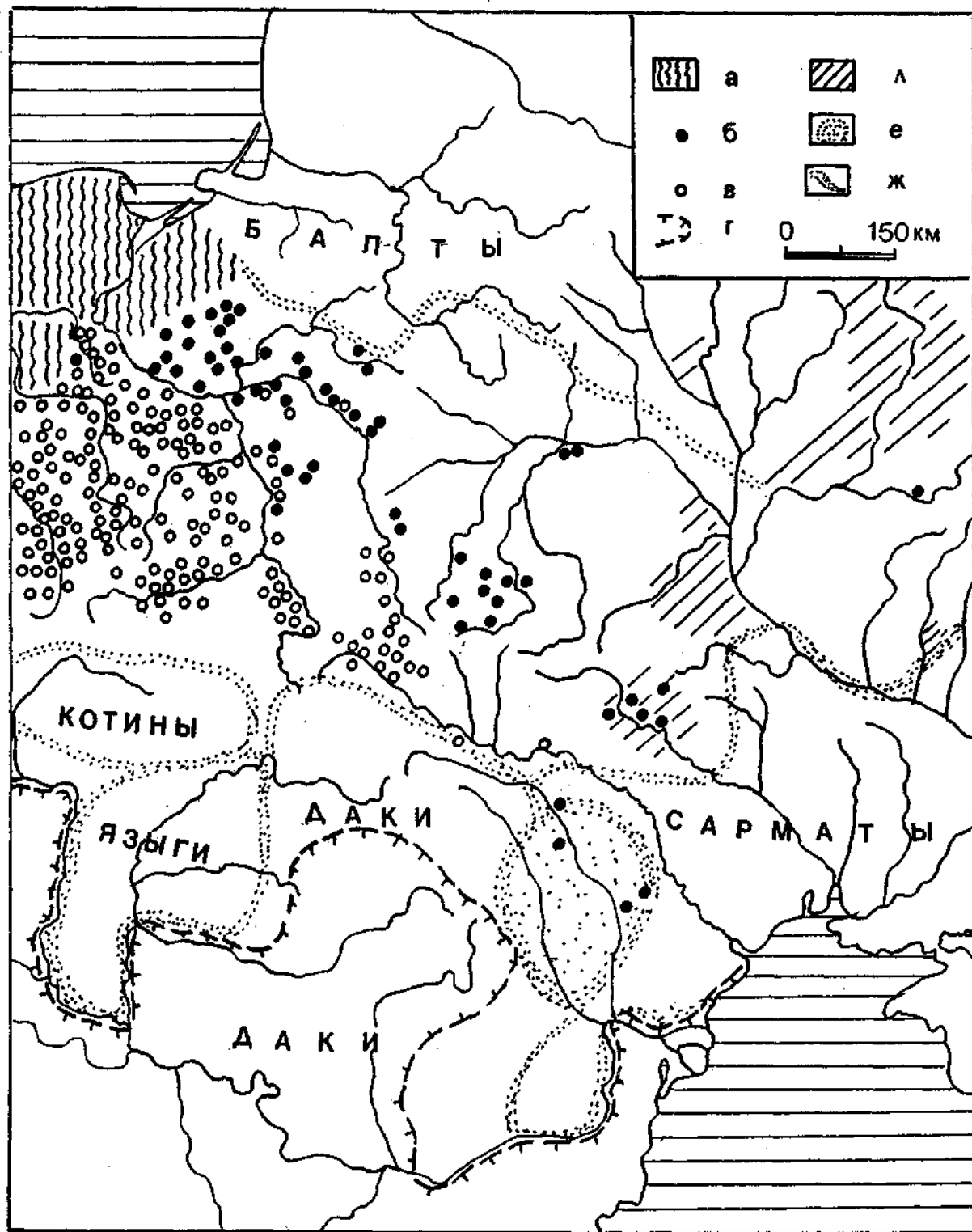
Преобладающим же в вельбарском ареале оставалось местное население — племена оксывской культуры. На первом этапе пришлое и местное население еще различались и по территориям, и по культурным характеристикам. На цельской стадии наблюдается нивелировка материальной культуры. Теперь уже невозможно выделить памятники, оставленные людьми, говорившими на готском языке, и древности населения, сохранившего местную речь. Исключение составляют только такие памятники, как Одры, Венсеры, Мецишевице и, может быть, так называемые богатые княжеские погребения, которые безусловно должны быть отнесены к восточногерманскому этносу.

По всему вельбарскому региону распространяются вазовидные сосуды — широкооткрытые с выпуклым, низким туловом и слегка отогнутым наружу венчиком. У большинства таких сосудов имеются небольшие Х-образные ушки. Характерными для вельбарских древностей становятся фибулы с тремя гребнями, трубчатым футляром для пружины и кнопкой на конце пятки (тип 96 по О.Альмгрену); бронзовые наконечники ремней в виде вытянутых треугольников, завершающихся кольцом с небольшим стерженьком с шпичкой-кнопкой; браслеты из довольно массивной пластины с сужением-перехватом и концами в виде змеиных головок (восточногерманский тип по Э.Блюме); костяные гребни с дуговидной спинкой (типа Т.А-1 по С.Томас) [8].

На основании археологических материалов выделяется две волны миграции вельбарского населения в юго-восточном направлении. Первая, как уже сказано, датируется серединой II в. н.э. Переселенцы прежде всего осваивают нижнее и среднее течение Буга и его притоки, а в конце II в. появляются на Волыни и Подолии. В процессе

Рис. 75. Первый этап миграции населения вельбарской культуры под главенством готов

а — первичный регион вельбарской культуры (любовидзская фаза); б — памятники вельбарской культуры последних десятилетий II в. н.э.; в — памятники пшеворской культуры фазы В2—С—С1а (по К.Годловскому); г — граница Римской империи; д — регионы позднезарубинецкой культуры; е — ареал культуры Поянешты—Вуртешкой; ж — границы между этносами

переселения носителей вельбарской культуры аборигенное население Мазовии и Подлясья, представленное пшеворской и западнобалтской культурами, в основной своей массе не покидало мест своего обитания. Взаимоотношения с пришлым населением не были всюду однозначными [9]. В одних микрорегионах наблюдается территориальное и культурное смещение пришлое и местного населения, о чем говорят памятники, сочетающие в себе вельбарские и пшеворские или вельбарские и западнобалтские элементы. В других микрорегионах пшеворское население, очевидно, уступило переселенцам (пшеворские поселения и могильники уже не функционируют), господствующими стали вельбарские элементы. В третьих микрорегионах сохранялось пшеворское население, вельбарские переселенцы их не затронули.

На первых порах вельбарские и местные культурные элементы еще выделялись, но очень скоро различия были сnivelированы. Некоторые пшеворские могильники продолжали функционировать, но культурный облик погребений трансформируется, приобретая вельбарские черты. Формируется своеобразный вариант вельбарской культуры с заметным присутствием пшеворских компонентов. На могильниках они проявляются в деталях погребальной обрядности, на поселениях — в присутствии пшеворской лепной керамики и в конструкциях жилых построек. Вполне очевидно, что пшеворское население Мазовии и Подлясья вошло в состав вельбарского.

Таким образом, можно полагать, что первоначально готы были небольшим племенем, расселившимся в отдельных местностях Польского Поморья среди населения, представленного оксывской культурой. Поселившись в массе инородного населения, готы по пути к Черному морю присоединили к себе многие негерманские группы населения и дополнительно пополняли миграционный поток по мере продвижения.

Мазовия, Подлясье были промежуточным этапом миграции вельбарского населения в южном направлении. Здесь наряду с распространёнными грунтовыми могильника-

ми известны также каменные курганы и каменные круги (Осицк, Гоздзих, Цецеле, Богуцин, Китки) — погребальные памятники прямых потомков гото-гепидских переселенцев из Скандинавии.

На Волини и в Подолии носители вельбарской культуры появляются в последних десятилетиях II в. н.э. и застают здесь пшеворское население (волынская группа пшеворской культуры). Взаимоотношения с местным населением, по-видимому, были неодинаковыми. Только немногие поселения пшеворской культуры продолжали функционировать и после расселения носителей вельбарской культуры. Очевидно, какая-то часть местного населения вошла в состав вельбарского. Более значительная часть пшеворских поселений Волини и Подолии прекратила свое существование под натиском вельбарских переселенцев.

Вельбарское население, осевшее на Волини и в Подолии, уже не знало курганного обряда погребения. Бескурганые могильники вельбарской культуры этих регионов в основном содержат ямные захоронения по обряду трупосожжения. Кальцинированные кости с остатками погребального костра (иногда очищенные от угля и золы) и многочисленными мелкими вещами (украшения, предметы индивидуального и хозяйственного пользования) ссыпались на дно могильных ям. Вещевой инвентарь по большей части носит следы пребывания в погребальном костре. Урновые захоронения сравнительно немногочисленны. В качестве урн использовались лепные и гончарные горшки, изредка миски. Многие урны сопровождалась сосудами-приставками. В погребальной обрядности отчетливо проявляются пшеворские черты — наличие в захоронениях вторично обожженных фрагментов глиняной посуды, наличие урн и сосудов-приставок [10].

Кроме захоронений по обряду кремации умерших на вельбарских могильниках Волини и Подолии открыты и труположения с типичным для этих древностей инвентарем. На могильниках Брест-Тришин, Любомль и Машев зафиксированы характерные для погребальных памятников Юж-

ной Скандинавии и Польского Поморья жертвенные ямы неправильной формы, заполненные золой и сверху камнями. В некоторых из них встречены обломки глиняных сосудов и кости животных. Такие ямы связываются с распространением среди германского населения Скандинавии обычая разведения возле могил культовых костров с зарыванием их остатков в особые ямы [11].

На поселениях вельбарской культуры рассматриваемой территории открыты следы наземных и углубленных жилых построек [12]. И те и другие имели глиняно-каркасные стены, от которых остались мощные завалы кусков обожженной глины с отпечатками ветвей. Наземные строения имели в плане удлинненно-прямоугольные очертания, площади их — от 60 до 120 кв. м. Как правило, они перегородами членились на две камеры, одна из которых была жилой с плотно утрамбованным полом (иногда глинобитным) и очагом посредине, другая предназначалась для хозяйственных целей. При раскопках на поселении Лепесовка в хозяйственном отсеке одной из таких построек зафиксированы зерно и остатки соломы. Стены жилищ были плетневыми и обмазывались глиной. Двускатная крыша опиралась на столбы, поставленные посредине торцовых стен.

Такие постройки, именуемые в научной литературе «большими домами», связываются с домостроительством германских племен Северо-Западной Европы [13]. Они зафиксированы также в вельбарских памятниках Польского Поморья.

Второй тип построек вельбарских поселений Волыни и Подолии — углубленные жилища площадью 9—24 кв. м — напоминают пшеворские дома и, очевидно, привнесены сюда потомками населения пшеворской культуры. На поселениях вельбарской культуры в этом регионе встречается пшеворская лепная керамика, составляющая обычно значительную долю глиняной посуды.

Таким образом, можно утверждать, что продвигавшиеся с нижней Вислы группы вельбарского населения в Мазовско-Подляском регионе в значительной степени смешались с местным пшеворским и вовлекли

его в миграционный процесс. На Волыни и в Подолии расселилось уже смешанное население, значительную часть которого составляли потомки пшеворского населения Висленского региона, то есть славяне. Были в составе вельбарского населения, по-видимому, и представители западнобалтского этноса. Однако дифференцировать вельбарские памятники на германские, славянские и иные не представляется возможным. Складывается впечатление, что вельбарское население представляло собой перемешанную в этническом отношении, но однообразную массу.

Время появления вельбарского населения определяется на основании материалов могильников. Наиболее ранние погребения в могильниках Ромощ, Боратин, Любомль, Брест-Тришин на основе фибул, гребней и наконечников поясов датируются последней четвертью II в. [14].

Миграция носителей вельбарской культуры отражает исторический процесс переселения готов в Скифию. Иордан сообщает: «Когда там [в Готоскандзе] выросло множество людей, а правил всего только пятый после Берига король Филимер, сын Гадарига, то он постановил, чтобы войско готов вместе с семьями двинулось оттуда. В поисках удобнейших областей и подходящих мест [для поселений] он пришел в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум...» [15]. И далее историк пишет: «Та часть готов, которая была при Филимере, перейдя реку, оказалась, говорят, перемещенной в область Ойум и завладела желанной землей. Тотчас же без замедления подступают они к племени спалов и, завязав сражение, добиваются победы. Отсюда уже, как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседящую с Понтийским морем, как это и вспоминается в древних их песнях как бы наподобие истории и для всеобщего сведения...» [16].

Местоположение Ойума — области, куда пришли готы, продвигаясь с нижней Вислы, — пытались определить многие исследователи. В научной литературе было высказано множество различных догадок. Ойум локализовался и в древней греческой Гилее

на левом берегу нижнего течения Днепра и его лимана, и на побережье Азовского моря, и на Керченском полуострове, и в Среднем Поднепровье в окрестностях Киева, и в южнорусских степях, и в низовьях Дуная. Интересную мысль высказала недавно В.П.Буданова, заново проанализировавшая всю информация письменных источников о готах. Она пришла к заключению, что Ойум не был конечным пунктом миграции готов. Это был один из регионов Скифии, через который проследовали они в своем движении с севера на юг [17].

Археологические данные во многом уточняют и конкретизируют переселение готов. Прежде всего они надежно свидетельствуют, что это была довольно крупная миграция, в которой приняли участие не только собственно готы, но и польско-поморское и средневисленско-пшеворское население. Волынь и Подолия стали областью концентрации носителей вельбарской культуры в процессе переселения, ее и следует отождествлять с Ойумом — «желанной землей», которой овладели готы, главенствовавшие в массе перемещавшихся племен, но численно составлявшие небольшую часть населения. В таком случае спалами, с которыми сразились готы, могли быть племена волынской группы пшеворской культуры, которым в большей части пришлось покинуть свои земли, а меньшая часть вошла в состав населения вельбарской культуры.

Иордан рассказывает, что сначала к югу двигалось все войско готов во главе с Филимером. Но затем от него отделилась половина. Некоторые историки видят в этом сообщении членение готов на остроготов и везиготов. Однако никаких оснований для такого предположения нет: эта дифференциация готов относится к более позднему времени. Археологические данные свидетельствуют, что действительно носители вельбарской культуры в конце II в. разделились на две части. Значительные массы этого населения освоили Волыньско-Подольский регион, занялись сельским хозяйством и проживали здесь длительное время. В процессе сложения черняховской культуры это население стало одной из составных частей

этого полиэтничного образования. Впрочем, в отдельных местах Волыни и Подолии, повидимому, сохранялись небольшие островки населения, сохранившего вельбарские черты. Вместе с тем, уже в последних десятилетиях II в. другая часть вельбарского населения продолжила путь к Черному морю.

Вопрос о том, к какому конкретному месту Черноморского побережья пришли готы, не решен историками. В.П.Буданова, рассмотрев существующие в науке точки зрения по этому поводу, склонна полагать, что первоначальным местом оседания готов в Причерноморье была Меотида [18]. Однако это мнение не находит подтверждения в материалах археологии. Древностей, сопоставимых с вельбарскими, в этом регионе не выявлено. Появление готов в Меотиде может быть определено временем не ранее 40-х гг. III в., когда Танаис был разгромлен неприятелем. В.Ф.Гайдукевич полагал, что этот город пострадал от нашествия боранов, в которых видел готов [19].

Византийский историк Зосим в сочинении «Новая история», рассказывая о боранах, связывает их с готами, карпами и уругундами, которые жили около Истра-Дуная. Бораны, сообщает историк, явились на Боспор с запада, переправившись через пролив на судах боспоритян [20]. Данные археологии подтверждают наиболее раннюю локализацию готов в Северо-Западном Причерноморье.

Единственной местностью в Причерноморье, где выявлены памятники, сопоставимые с вельбарскими, является междуречье Днестра и нижнего Дуная (рис. 75). Наиболее интересным среди них является могильник Козья-Яссы в Молдове, при раскопках которого обнаружены вещи, аналогичные вельбарским древностям Волыни и Побужья [21]. Самые ранние погребения этого могильника, как показал М.Б.Шукин, датируются второй половиной II в. [22].

К вельбарским памятникам этого времени принадлежит и могильник Ханска Лутэрия в Пруто-Днестровском междуречье [23].

Вельбарские захоронения имеются также среди наиболее ранних в могильнике

Данчены, расположенном в том же регионе [24]. Здесь при раскопках обнаружены соуды, идентичные по форме, орнаментации и технике изготовления керамике вельбарской культуры Волыни и Побужья. Некоторые вещи из погребений обнаруживают аналогии в древностях Повисленья. Кроме того, на площади могильника зафиксировано 17 ритуальных ям с золой, углями, костями животных и находками вторично обожженных фрагментов керамики, весьма характерных для вельбарских древностей.

Глиняная посуда, по всем своим показателям сопоставимая с вельбарской, обнаружена на поселениях Корпач на р.Руковец в Молдавии.

Миграцию готов к Днестру и нижнему Дунаю фиксируют и находки кладов римских монет, наиболее поздние из которых принадлежат императорам Коммоду и Септимию Северу [24]. Они показывают, что готы, переправившись через Днестр, распространились по долине Серета среди карпов — одного из крупнейших дакийских племенных образований, представленной культурой Поянешты-Вуртешкой, и смешались с местным населением. Очевидно, отсюда часть готов (с карпами) и продвинулась на Боспор.

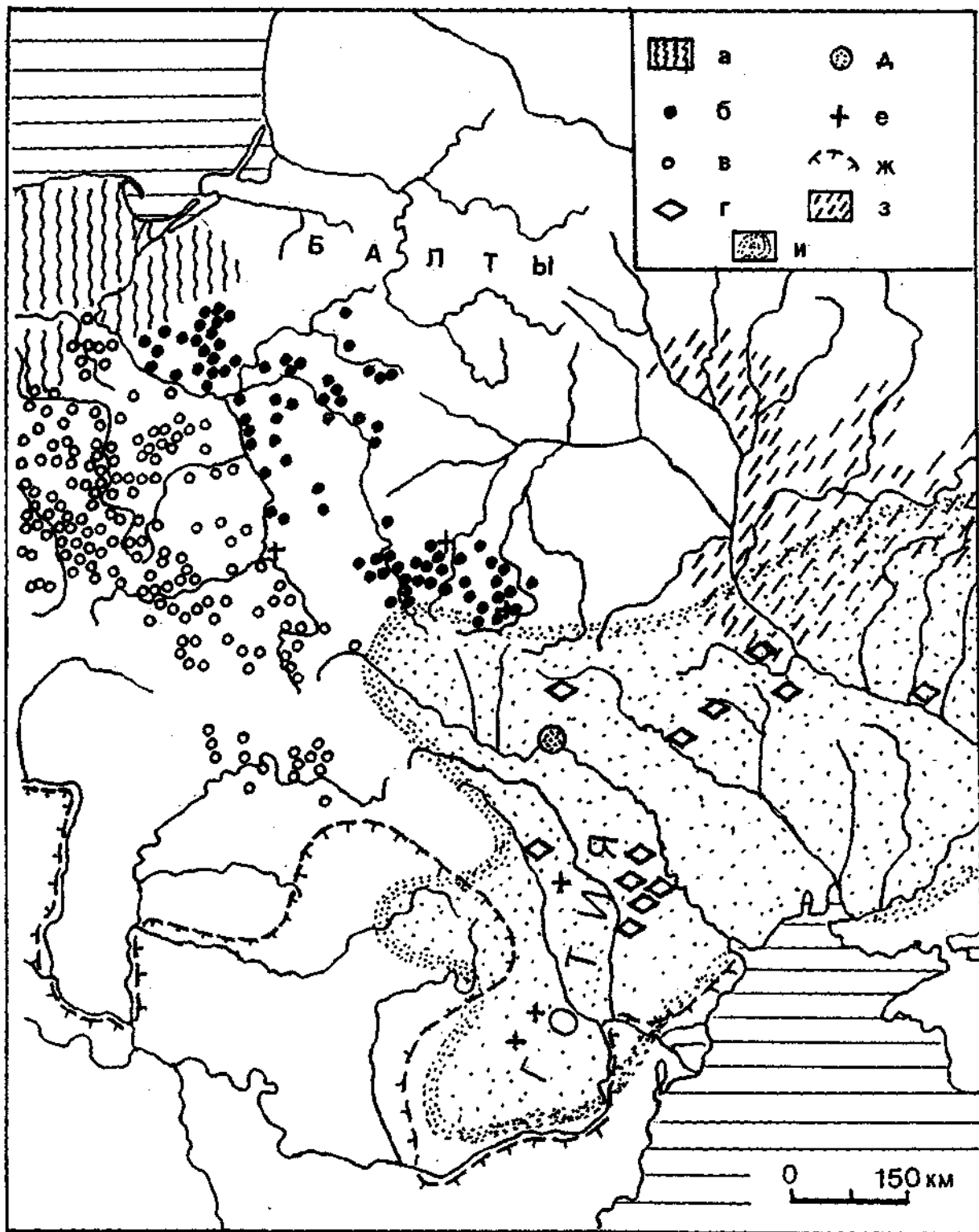
О появлении готов в Северо-Западном Причерноморье в конце II в. имеются некоторые косвенные свидетельства письменных источников. Как известно, первые достоверные сведения о готах на границах Римской империи относятся к 238 г., но можно полагать, что эта дата не определяет первоначальное проникновение готов в эти земли. Дион Кассий сообщает, что в 180 г. в пределы Римской империи было принято 12 тысяч свободных даков. В этой связи вполне допустимо предположение, что переселение даков было вызвано натиском готов, появившихся в это время в Днестровско-Дунайском регионе [26]. Император Каракалла (211—217 гг.) совершил военно-инспекционный поход в Дакию с целью укрепления границы империи и налаживания отношений с соседними народами. В «Истории Августов» говорится о победе Каракаллы над готами. В письменных

источниках записана легенда о рождении императора Максимиана (235—238 гг.) от отца-гота и матери-аланки.

Эти свидетельства вместе с материалами археологии дают все основания считать Днестровско-Дунайские земли первоначальным регионом расселения готов в Причерноморье и датировать этот процесс двумя последними десятилетиями II в. Этот регион (к северу от нижнего Дуная) и получил название Готии. Под таким именем он фигурирует в письменных источниках IV—VI вв.

Серединой III в. датируется вторая крупная волна миграции носителей вельбарской культуры (рис. 76) в том же направлении [27]. Некоторые исследователи полагают, что главенствующими в этом переселении были уже не готы, а гепиды. В Мазовии и Подлясье в это время наблюдается появление новых поселений и могильников вельбарской культуры и некоторое расширение ее территории [28]. Ряд новых поселений (Рошош, Викнины Великие и другие) и несколько могильников (Деревянное) возникают также в Волыно-Подольском регионе. Заметно оживают ранее функционировавшие могильники. Так, основная часть погребений могильника Дитиничи принадлежит второй волне миграции вельбарского населения [29]. В могильниках наблюдается увеличение захоронений по обряду ингумации.

На обширных пространствах Северного Причерноморья к этому времени сформировались основы нового образования — черняховской культуры. Носители вельбарской культуры второй миграционной волны вторглись на черняховскую территорию и сравнительно небольшими группами расселились среди местного разноэтничного населения. Вельбарские переселенцы, как правило, не создавали самостоятельных поселений, а оседали на уже существующих, не образовывали своих могильников, а хоронили умерших на черняховских кладбищах. Так, отчетливые вельбарские черты выявляются в материалах черняховских могильников различных регионов — Косаново и Рыжевка в бассейне Южного Буга, Журовка, Компанийцы и Ромашки в Среднем Поднепровье, Данчены и Будешты в Молдавии.

Об инфильтрации вельбарского населения в черняховский ареал говорят и отдельные находки на поселениях и могильниках специфически вельбарских лепных сосудов (яйцевидные и вазовидные горшки и миски, часто снабженные X-видными ушками) и украшений (подвязанные фибулы с дугообразной спинкой, иногда украшенные колечками, и фибулы других более редких типов).

Процент вельбарского населения среди черняховского, судя по материалам археологии, был в целом сравнительно небольшим. Исключение составляют земли Северо-Западного Причерноморья, то есть Готии. Здесь вельбарские элементы проявляются более широко и в большем числе. В некоторых черняховских могильниках этого региона (Балцаты, Будешты, Малаешты и др.) получают распространение каменные кладки, имеющие прямые аналогии в собственно вельбарских памятниках, а также в Скандинавии и на Готланде. В могильниках черняховской культуры Готии зафиксирова-

ны ритуальные ямы, упоминавшиеся выше в связи с характеристикой вельбарских древностей. Выделяется этот регион и по распространению труположений с северной ориентировкой, которые можно считать захоронениями восточногерманского населения. Определенно можно говорить о некоторой концентрации здесь готов.

В 232—238 гг. готы Подунавья участвовали в «скифских войнах», а в 238 г. впервые вторглись в пределы Римской империи. Эти события связаны с готами первой волны их продвижения к Черному морю. Следующее вторжение готов в земли Империи имело место в 248 г. Весьма вероятно, что к этому времени готское население Северо-Западного Причерноморья пополнилось в результате второй миграционной волны. Согласно Иордану, вторжение 248 г. было организовано королем готов Остроготой. Не исключено, что дифференциация готов на две ветви — везиготов и остроготов — была обусловлена двумя волнами их расселения в Нижнем Подунавье.

1. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. «Getica». М., 1960. С. 70.
2. Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen. München, 1934.
3. Schindler R. Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden in unteren Weichselraum auf Grund der Tongefässe. Leipzig, 1940.

4. Kostrzewski J. Pradzieje Polski. Poznań, 1949. S. 200.
5. Kostrzewski J., Chmielewski W., Jądzewski K. Pradzieje Polski. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965. S. 251—255, 265—268.
6. Kmeciński J. Zagadnienie tzw. kultury gocko-gepidzkiej na Pomorzu Wschodnim w okresie wczesnorzymskim (Acta archaeologica Lodzienia. № 11). Łódź, 1962.

Рис. 76. Миграция населения вельбарской культуры около середины III в. н.э.

а — исходный регион вельбарской культуры; б — памятники вельбарской культуры середины III в.; в — памятники пшеворской культуры фазы С1в—С2 (по К.Годловскому); г — черняховские могильники с ярко выраженными вельбарскими элементами; д — черняховские поселения с вельбарскими элементами; е — места находок рунических надписей III—IV вв.; ж — граница Римской империи; з — регион киевской культуры; и — ареал черняховской культуры

7. Wołagiewicz R. Zagadnienie stylu wczesnorzymskiego w kulturze wielbarskiej // *Studia archeologia Pomeranica*. Koszalin, 1974. S. 129—154; *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk, 1981; *Prahistoria ziem Polskich*. T. 5. Późny okres lateński i okres rzymski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981. S. 165—190.
8. Almgren O. Studien über Nordeuropäische Fibelform. Leipzig, 1923. S. 51, 52; Blüme E. Die germanischen Stämme und Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit. Bd. I. Würzburg, 1912. S. 62—72. Abb. 80-88; Thomas S. Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit // *Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege*. Bd. 8. Leipzig, 1960. S. 56, 57. Abb. 2.
9. Okulicz J. Studia nad przemianami kulturowymi i osadniczymi w okresie rzymskim na Pomorzu Wschodnim, Mazowszu i Podlasiu // *Archeologia Polski*. T. XV. Z. 2. Warszawa, 1970. S. 419—497; Pyrgala J. Mikroregion osadniczy między Wisłą a dolną Wkra w okresie rzymskim. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972; Niewęglowski A. Mazowsze na przełomie er. Przemiany społeczno-demograficzne i gospodarcze. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972.
10. Информация о могильниках вельбарской культуры Волинско-Подольского региона собрана в книге: Кухаренко Ю.В. Могильник Брест-Тришин. М., 1980.
11. Oxenstierna E.G. Die Urheimat der Goten (Mannus Bibliothek. Bd. 73). Leipzig, 1945. S. 108.
12. О результатах раскопок поселений см.: Тиханова М.А. Раскопки на поселении III—IV вв. у с. Лепесовка в 1957—1959 гг. // *СА*. 1963. № 2. С. 178—191; Крушельницька Л.І., Оприск В.Г. Поселення східнопоморсько-мазовецької культури у верхів'ях Західного Бугу // *Археологія*. Вип. 18. Київ, 1975. С. 75—80; Козак Д.Н. Поселение у с. Великая Слобода (к вопросу о памятниках вельбарской культуры на Волини и в Подолии) // *КСИА*. Вып. 178. 1984. С. 55—60; Он же. Поселение вельбарской культуры Борятин I на Волини // *СА*. 1989. № 2. С. 169—181.
13. Тиханова М.А. Еще раз о происхождении черняховской культуры // *КСИА*. Вып. 121. 1970. С. 89—94.
14. Кухаренко Ю.В. Могильник Брест-Тришин... С. 60—63; Szczukin M. Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska // *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk, 1981. S. 143—148.
15. Йордан. О происхождении и деяниях гетов... С. 70.
16. Там же. С. 71.
17. Буданова В.П. Готы в эпоху великого переселения народов. М., 1990. С. 74—82.
18. Там же. С. 75—77. Ранее о такой локализации гетов в Причерноморье писали Е.Ч.Скржинская (Йордан. О происхождении и деяниях гетов... С. 274) и некоторые другие исследователи.
19. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 443. Некоторые исследователи относят появление боранов на Боспоре к более позднему времени, чем гибель Танаиса (Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 16, 17; Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 299—304).
20. Zosimus *Historia Nova* (Ed. L. Mendelssohn). Leipzig, 1887. I:31—33.
21. Ionita I. Probleme der Sintana de Mureş—Černjachovkultur auf dem Gebiete Rumaniens // *Studia Gotica*. Stockholm, 1970. S. 100; Idem. Unele probleme privind populatia autohtona din Moldova, in secole II—IV e.n. // *Crisla Culegere de materiale si studii Oradea*. 1972. P. 183—199.
22. Щукин М.Б. К предистории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // *АСГЭ*. Вып. 20. 1979. С. 75.
23. Никулицэ И.Т., Рикман Э.А. Могильник Ханска-Лутэрия II первых столетий н.э. // *КСИА*. Вып. 133. 1973. С. 116—124.
24. Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры III—IV вв. н.э. Кишинев, 1986. С. 15—17 и др.
25. Mitrea V., Zaharia E. Descoperirea monetăra de la Oboroceni (r. Paşcani, reg. Iaşi) si impartanţa si istorică // *Arheologia Moldovei*. Vol. V. Bucureşti, 1967. P. 94—96.
26. Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme... S. 210.
27. Szczukin M. Zabytki wielbarskie... S. 143—149.
28. *Prahistoria ziem Polskich*... S. 136-157; Кухаренко Ю.В. Могильник Брест-Тришин... С. 64-77.
29. Смішко М.Ю., Свешніков І.К. Могильник III—IV ст. н.е. у с. Дитиничі // *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині*. Вип. 3. Київ, 1961. С. 89—114.

Славяне в составе черняховской культуры. Становление антов

В конце II в. или на рубеже II и III вв. н.э. в Севернопричерноморском бассейне складывается новое крупное культурное образование, получившее название по одному из раскопанных могильников у с. Черняхов в Среднем Поднепровье, — черняховская культура. В III—IV вв. она распространяется на широкой территории от нижнего Дуная на западе до Северского Донца на востоке (рис. 77).

Этническая неоднородность населения черняховской культуры в настоящее время не подлежит сомнению. Это была одна из провинциально-римских культур с развитыми металлообработкой, гончарным производством и другими ремеслами. Изделия, изготавливавшиеся в специализированных мастерских, в том числе гончарная посуда, орудия труда, бытовые предметы, оружие и многие виды украшений, распространялись по всему черняховскому ареалу независимо от этнической принадлежности населения и вели к культурной нивелировке различных племен, проживавших в нем. Неоднородность этнического состава черняховского населения проявляется лишь в элементах

культуры, не затронутых провинциально-римской цивилизацией — в отдельных признаках погребальной обрядности, тесно связанных с духовной жизнью различных племен, деталях домостроительства и изделиях домашнего производства, прежде всего в лепной керамике.

Количество выявленных памятников черняховской культуры в настоящее время достигает четырех тысяч, большую часть их составляют селища — основной тип поселений черняховского населения. Располагаются они обычно вблизи воды на первых надпойменных террасах. Размеры поселений весьма различны. В плодородных черноземных регионах преобладают крупные селения площадью около 5—10 га, наиболее крупные из них достигают 20—30 га. Вместе с тем, на всей территории черняховской культуры встречаются и менее крупные поселения, довольно много и небольших селений площадью 0,5—1,5 га.

Жилые постройки располагались в большинстве случаев свободно в один, два или три ряда вдоль береговой линии, но известно и немало поселений с кучевой бессис-

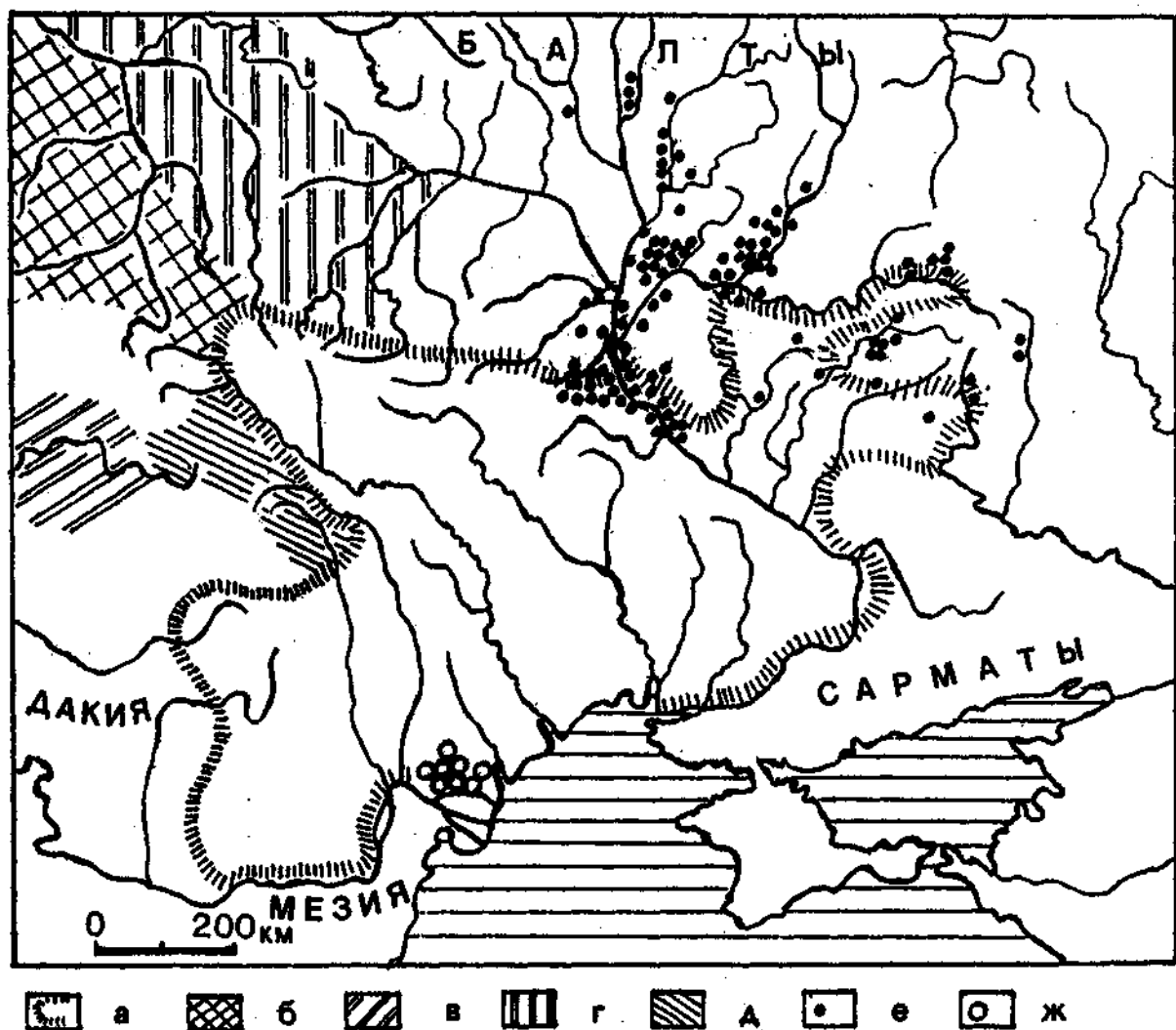

Рис. 77. Черняховская культура и ее окружение

Ареалы культур: а — черняховской; б — пшеворской; в — прешовской; г — вельбарской; д — карпатских курганов; е — памятники киевской культуры; ж — памятники типа Этулии

темной застройкой. Хозяйственные и производственные строения устраивались поблизости от жилищ. Нередко хозяйственные и жилые постройки объединялись под одной крышей. В некоторых случаях хозяйственные сооружения занимали свободные от жилищ участки поселений. Широкое распространение получили ямы-хранилища, над которыми устраивались деревянные навесы.

Выделяется несколько типов жилищ [1]. Большое распространение получили полуземлянки, впущенные в грунт обычно на 0,5—1,5 м. Они подразделяются на три вида: квадратно-прямоугольные в плане, овально-округлые и неправильные в плане с неровными стенками. Средняя площадь углубленных жилищ составляла 10—25 кв. м, но известны и крупные полуземлянки, до-

стигающие 40—50 кв. м, в том числе двухкамерные. Стены наземных частей таких жилищ были каркасно-столбовыми: вертикальные столбы переплетались прутьями и обмазывались глиной. Полы были земляными, обычно плотно утрамбованными. Крыши двускатные. Вход вырезался в материке в виде ступенек. Внутри жилищ вдоль стен устраивались лежанки или скамейки, укреплявшиеся тонкими столбиками. В качестве отопительных устройств обычно использовались простые очаги диаметром около 1 м, под которых промазывался глиной или выкладывался из небольших камней или крупных черепков. В ряде жилищ открыты и глиняные печи, своды которых делались из глиняных вальков. Иногда для печей делалась врезка-подбой в одной из стенок котлована полуземлянки. На поздней стадии черняховской культуры появляются и печи-каменки, основным регионом распространения которых было Верхнее и Среднее Поднестровье с смежными землями верховьев Западного Буга.

Наземные черняховские жилища, как правило, имели большие размеры (около 30—40 кв. м), но нередко и небольшие, площадью 10—25 кв. м. Конструкция стен их такая же, как и у полуземляночных построек. Столбы ставились через 0,7—0,8 м, угловые были более массивными. Полы были земляными, утрамбованными, крыши делались из соломы. Для отопления и приготовления пищи устраивались очаги или сводчатые глиняные печи. Среди наземных строений известны одно-, двух- и трехкамерные.

Полуземляночные и наземные жилища с глиняными стенами на каркасном основании имеют прототипы в домостроительстве пшеворской, зарубинецкой и вельбарскопшеворской культур.

Особый тип наземных построек составляют так называемые «большие дома», занимающие площади от 60 до 120 кв.м. Они членились на жилую часть с одним или несколькими очагами и неотопливаемую хозяйственную. По планировке и конструкции такие черняховские строения сходны с древнегерманскими домами, хорошо извест-

ными по материалам Северной Европы, откуда они и были привнесены в черняховский ареал [2]. В «больших домах» проживали большие патриархальные семьи, а некоторые из них могли быть предназначены для общественных собраний. На территории черняховской культуры открыто и исследовано немного таких построек, располагавшихся, как правило, по одному на поселении в окружении обычных жилищ [3].

Еще один тип черняховского домостроительства составляют каменные постройки, получившие широкое распространение в южной части рассматриваемого ареала. Стены их выкладывались из камней насухо, образуя два панциря, между которыми засыпалась забутовка из мелких камней. Толщина стен 35—50 см. Стены воздвигались на фундаментах из крупных камней, нередко опущенных в грунт. Полы были земляными. Крыша покоилась на деревянных балках, которые покрывались глиной с половой, а в исключительных случаях черепицей, характерной для античных строений Северного Причерноморья. Печи устраивались из каменных плит, но часто жилища отапливались открытыми очагами. Типичной каменной постройкой был двухкамерный, реже — трехкамерный дом размерами 5—6×15—20 м. К домам примыкал двор, куда загонялся скот, нередко огражденный каменной стеной.

Одна из интереснейших построек, сооруженных из камня и кирпича на известковом растворе, изучена раскопками на поселении Собарь в северной части Молдавии. Размеры ее 10×18 м, пол был земляным, окна со вставным стеклом, а крыша выложена черепицей. При исследовании сооружения найдены импортные изделия и обычные для черняховской культуры предметы и керамика.

Несомненно, что каменное домостроительство в черняховской культуре имеет истоки в античном мире. Строили каменные дома и проживали в них, по-видимому, в основном потомки скифского населения и выходцы из античных городов Северного Причерноморья.

В ареале черняховской культуры извест-

но три городища — Башмачка на нижнем Днепре, Александровка на Ингульце и Городок на Южном Буге. Наиболее исследованным памятником является городище Башмачка, устроенное на мысу и ограниченное с напольной стороны валом и рвом. Размеры поселения 40×60 м. Основу вала составляли две стены, сложенные из камня, с глиняной забутовкой между ними. На площадке городища исследованы наземные постройки с каменными стенами [4].

Таким же было и укрепленное поселение в Александровке. Оно имело каменные оборонительные стены и наземные постройки из камня. В конструкции оборонительных стен этих городищ выявляются позднескифские и античные традиции [5].

Могильники черняховской культуры бескурганые. Устраивались они на более высоких террасах, чем поселения, у кромки берега. Могильники преимущественно крупные, функционировавшие продолжительное время. Некоторые из них охватывали площади 5—7 тысяч кв. м, но более распространены были кладбища размерами 1000—1500 кв. м. Погребения располагались довольно свободно, в 1—3 м друг от друга. Какой-либо системы в их размещении не наблюдается. Исследователи полагают, что в древности над каждым захоронением имелась небольшая насыпь или легкое сооружение из дерева.

Характерной чертой обрядности черняховской культуры является биритуализм: на одних и тех же могильниках совершались и трупоположения, и трупосожжения. Выявлены только единичные памятники, в которых имелись только захоронения по обряду ингумации, еще меньше могильников, содержащих исключительно трупосожжения.

подавляющее большинство трупоположений совершены в обычных прямоугольных, удлиненно-овальных или эллипсоидных ямах, реже встречаются захоронения в ямах с заплечиками (очевидно, свидетельствующими о деревянных перекрытиях), еще реже в подбоях или склепах-катакомбах. Нетипичны для черняховской культуры каменные заклады могильных ям, но они зафиксированы на ряде памятников. Умерших в

могилы укладывали обычно в вытянутом положении на спине, головой на север или запад (в виде исключения встречаются и иные ориентации). Зафиксировано немало случаев захоронений с подогнутыми или перекрещенными ногами, известны и отдельные скорченные трупоположения. Был распространен ритуал разрушения останков умерших. Многие трупоположения, ориентированные головами на север (от 25 до 100% в разных могильниках), при раскопках оказываются разрушенными в верхней части туловища, обезглавленными или даже потревоженными целиком. Среди погребений с западной ориентировкой следы подобного ритуала встречаются весьма редко.

Кремация умерших совершалась на стороне. В ряде случаев открыты и места трупосожжений — участки обожженной глины и каменные сооружения в виде печей (могильники Дедовщина, Пересечное и другие). Собранные с погребальных костров остатки трупосожжений помещались в округлые или овальные ямы — в урнах или непосредственно на дно.

Составной частью погребальной обрядности черняховского населения были и другие ритуалы — засыпка погребения остатками культового костра, сопровождение умерших ритуальной пищей, битые глиняной посуды и другие.

Как трупоположения, так и трупосожжения нередко сопровождалось вещевым инвентарем — глиняными сосудами, украшениями, бытовыми предметами, орудиями труда. Среди трупоположений с северной ориентировкой свыше 80% сопровождалось инвентарем, более половины погребений с западной ориентировкой принадлежит к безынвентарным. Захоронения по обряду кремации заметно уступают трупоположениям по количеству вещевого материала.

Очень часто захоронения сопровождают керамикой. В трупоположениях северной ориентации нередко глиняные сосуды ставились по несколько штук в головах, около туловища и в ногах. В составе погребальной керамики имеются кухонные горшки, миски, кувшины, вазы, кубки, в южных регионах встречаются еще амфоры и

Рис. 78. Гончарная керамика черняховской культуры

1 — Гурбинцы; 2—9 — Черняхов; 10 — Журавка; 11 — Рыжевка

светильники, а также стеклянные сосудики.

Весьма разнообразны металлические части одежды и украшения — бусы, фибулы, пряжки, подвески. Туалетные принадлежности представлены преимущественно костяными гребнями и железными бритвами. Часть находок — морские раковины, зубы животных с отверстиями для привешивания, просверленные кости животных и птиц — по видимому, имела магическое назначение. Из орудий повседневного труда весьма распространены железные ножи и глиняные пряслица. В ряде случаев в могилы клали излюбленные вещи умершего — наборы стеклянных фишек-жетонов, костяные кубики, астрагалы, предназначенные для игр. В

немногочисленных захоронениях представлены вещи, характеризующие профессии умерших — кремневые лошала для лошения глиняных сосудов (гончар), железные косы и серпы (земледелец), бронзовый хирургический нож или медицинский пинцет (врачеватель) и т.п.

Самой массовой категорией находок на черняховских памятниках является керамика, подразделяемая на гончарную и лепную (рис. 78—80). Соотношение ее на разных поселениях и могильниках весьма различно, в погребениях, как правило, преобладает посуда, изготовленная на гончарном круге, на многих поселениях также господствует гончарная керамика, но известно и

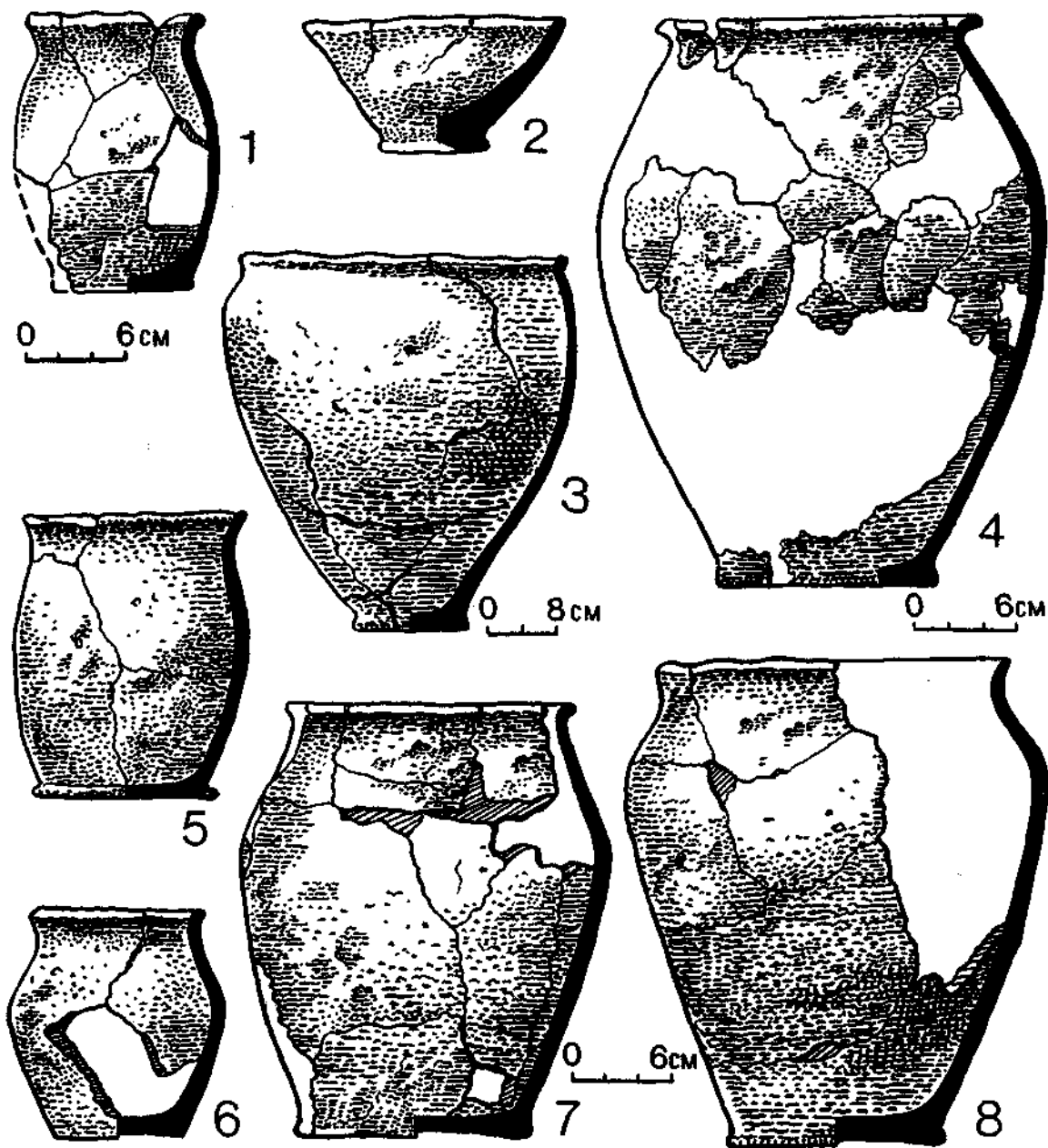

Рис. 79. Лепная керамика черняховской культуры

1—3 — Черепин; 4, 7, 8 — Бовшев II; 5 — Ракобуты; 6 — Городница

немало селищ, где значительную долю составляют сосуды домашнего изготовления. Различный процент лепной керамики на черняховских поселениях обусловлен удаленностью от гончарных центров и соци-

альным положением их жителей. Можно согласиться также с В.Д.Бараном, утверждающим, что преобладание лепной посуды на некоторых поселениях отражает этническую особенность одной из племенных групп

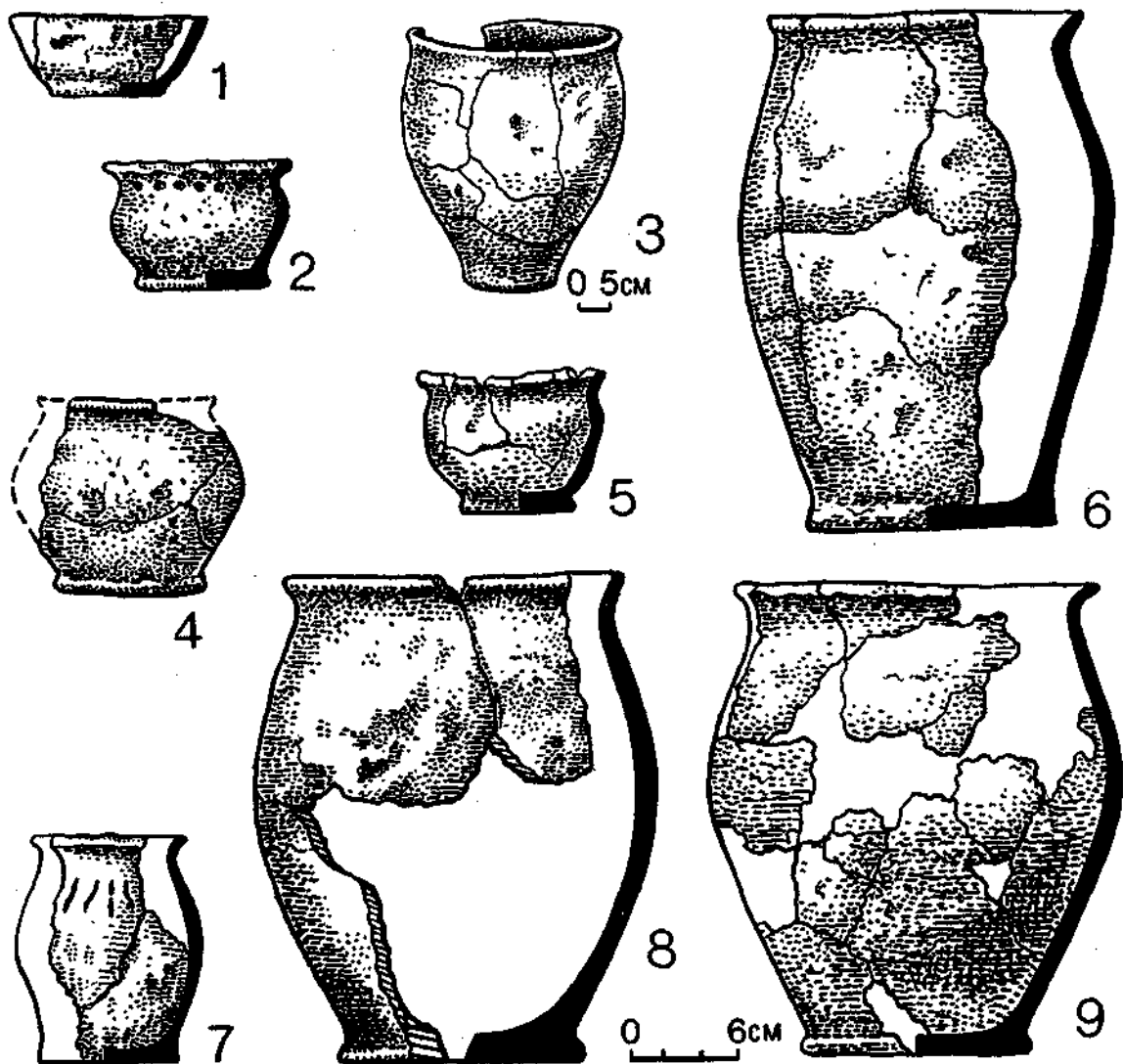

Рис. 80. Лепная керамика черняховской культуры

1 — Рипнев; 2, 5, 7, 9 — Бовшев II; 3, 4, 6, 8 — Черепин

черняховского населения, поскольку лепная керамика здесь коррелируется с полуземляночными жилищами [6].

Гончарная посуда черняховской культуры была продукцией местных ремесленников. В черняховском ареале исследователями зафиксировано свыше трех десятков пунктов с остатками гончарных печей, в которых обжигалась посуда, изготовленная на круге. Все эти пункты были недавно

скрупулезно изучены А.А.Бобринским [7]. Наиболее распространенными на рассматриваемой территории были гончарные горны видов 2 и 3 (согласно классификации этого исследователя). Горны вида 2 (с цилиндрическим столбом в топочном блоке) восходят к кельтскому гончарному производству, позднее получили широкое распространение в римских провинциях. Из последних они проникли в черняховский ареал.

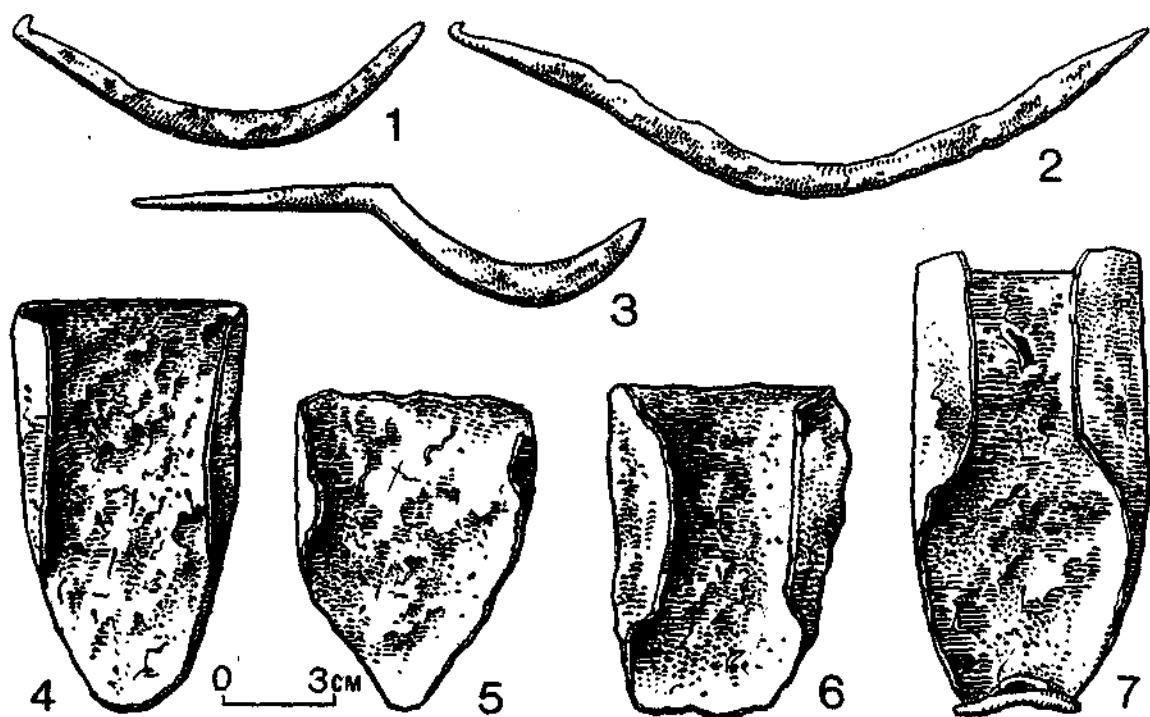

Рис. 81. Железные серпы и наральники черняховской культуры

1 — Обухов; 2 — Хлопков; 3 — Викнины Великие; 4 — Волоцкое; 5 — Рипнев II;
6 — Тилигуло-Березанка; 7 — Пряжев

Горны вида 3 и производные от него (виды 4—6) имеют перегородку в топочном блоке и принадлежат к печам с радиальными распределителями тепла. Горны вида 3 наиболее широко представлены на территориях варварского мира, не входящих в состав Римской империи (в том числе в южных регионах Польши), где длительное время сохранялись кельтские культурные традиции. Изучение подобных горнов, открытых на памятниках Чехии, показало, что кельтские традиции в области гончарного обжигательного производства были активно усвоены местным населением. Если горны вида 2 могли быть привнесены в черняховскую культуру из Нижнего Подунавья и Прикарпатья, то происхождение горнов типа 3, очевидно, связано с пшеворской культурой.

По своему облику гончарная и лепная посуда черняховской культуры во многом близки между собой, среди лепной керами-

ки есть немало подражаний посуде, сделанной на гончарном круте и, наоборот, местные гончары-ремесленники нередко следовали за традициями домашнего производства. В научной литературе предложено несколько классификаций черняховской керамики. Б.В.Магомедов сначала разработал типологию одноручных столовых кувшинов гончарного производства, получивших широкое распространение в черняховских древностях, а позднее попытался решить вопрос о происхождении различных типов гончарной керамики [8]. Г.Ф.Никитина типологизировала лепную посуду [9], сделаны попытки типологической классификации, объединяющей весь керамический материал черняховской культуры [10].

Черняховская керамика представлена разнотипными горшками, мисками, кувшинами, корчагами, вазами и кубками. Поверхность их гладкая или лошенная (иногда

частично пролощенная). Четвертая часть посуды орнаментирована вдавленными или прочерченными зигзагообразными, волнистыми или горизонтальными линиями, желобками, насечками, штампованными узорами. Чеканные орнаменты делались наколами гребенки или зубчатого колесика. Известны и немногочисленные сосуды с изображениями животных и птиц. Орнаментация имела не только декоративное, но и смысловое значение [11].

Обширнейшие вещевые коллекции, собранные при раскопках и разведочных обследованиях черняховских памятников, дают достаточно полное представление об экономике, ремесленной деятельности, быте и духовной жизни населения. Основу хозяйства населения черняховской культуры составляли земледелие и скотоводство. Среди изделий из железа имеются узколезвийные наральники, чересла, мотыжки, косы, серпы (рис. 81). На сосудах черняховской культуры имеются изображения коня и вола, тянувших плуги. Пахотные орудия свидетельствуют, что для обработки почвы применялись легкие и тяжелые плуги, способные не только взрыхлять почву, но и переворачивать верхние пласты ее. На основе зерновых находок можно утверждать, что главными культурами были пшеница, ячмень и просо, в меньшей степени овес и горох. Культивировали также лен, коноплю и некоторые огородные растения. Основой же земледелия были хлебные культуры. Многочисленные зерновые ямы, выявляемые на черняховских поселениях, некоторые из которых вмещали до 12 центнеров пшеницы, указывают на изобилие хлебов. Хлеб был также основным предметом импорта.

Хлеба убирали серпами. Раскопками открыты мельничные сооружения, на многих поселениях встречены ротационные жернова. Имеются основания утверждать, что функционировали крупные мельницы, обслуживавшие несколько окрестных селений.

Довольно многочисленными были и стада домашних животных. Скотоводство в основном было бесстойловым. Разводили крупный рогатый скот (на его долю прихо-

дится 35—40% остеологического материала, полученного при раскопках черняховских поселений), овец и коз (25—30%), свиней (15—20%) и лошадей (около 10%). В домашнем хозяйстве обычны были куры, утки и гуси, зафиксированы также собаки и кошки. Остеологические анализы свидетельствуют, что на долю диких животных приходится не более 5—10% костных материалов, собранных при раскопках. Они свидетельствуют об охоте на оленей, косуль, лосей, кабанов, зайцев, бобров и медведей. О занятиях рыбной ловлей говорят находки костей сома, осетра, судака и щуки, а также каменных и глиняных грузил от сетей и острог.

Различных изделий из железа на черняховских памятниках обнаружено огромное количество. Какая-то часть их была, возможно, завезена из ремесленных центров римских провинций, но выявить такие предметы среди черняховских коллекций пока не удастся. Несомненно, и местные кузнецы могли производить весь набор изделий, известных по раскопкам. Металлографические анализы черняховских находок свидетельствуют о довольно высоком уровне железоделания и железообработки. Местным кузнецам известны были различные технологические приемы обработки железа и стали. Железо выплавлялось из местных болотных руд. На поселении Непоротово раскопками изучена железоделательная печь — круглая в плане с продухами в нижней части, заполненная в основании шлаками. Предварительный металлографический анализ железных изделий с черняховских памятников Поднепровья, Побужья и Молдавии показал, что в развитии кузнечного дела фиксируются элементы скифо-сарматского ремесла. Дальнейшее изучение черняховских железных изделий привело исследователей к заключению, что кузнечному ремеслу черняховской культуры наиболее близок тот же технологический уровень, который наблюдается в железообработке пшеворского населения Южной Польши и населения римского времени Чехии и Словакии, где в кузнечном деле использовалось наследие кельтской технологии [12].

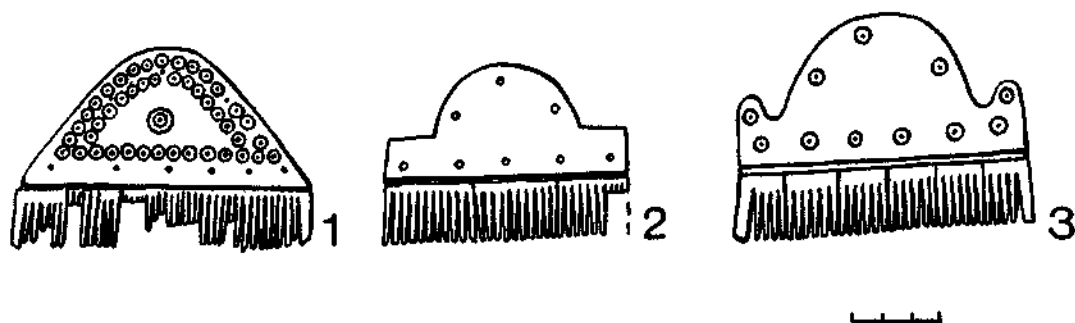

Рис. 82. Костяные гребни из памятников черняховской культуры

1 — Каборга IV; 2, 3 — Переяслав-Хмельницкий

В коллекциях железных предметов кроме уже упомянутых орудий земледельческого труда широко представлены ножи и шилья. Очевидно, большое место в деятельности черняховского населения принадлежало деревообработке. Орудия обработки дерева представлены железными топорами, теслами, долотами, скобелями, сверлами, пилой и резцами от токарных станков. Сами деревянные изделия в культурных напластованиях черняховских памятников почти не сохранились и только по фрагментарным остаткам можно говорить о бытовании таких предметов, как ведра, бочки, корыга, ларцы.

Из железа изготавливались пряжки, фибулы и оружие. Предметов вооружения в черняховских материалах сравнительно немного, что объясняется ритуалом — оружие не принято было класть в могилы. Только в единичных захоронениях, очевидно, принадлежащих воинам-дружинникам, встречаются железные втульчатые и черешковые наконечники стрел, листовидные дротики, длинные мечи без наверший и перекрестий, шпоры и сферические умбоны.

Изготовлением изделий из цветных металлов, судя по находкам глиняных тиглей, льячек и шлаков, занимались на многих черняховских поселениях. Отливались в основном украшения и принадлежности одежды — фибулы для застегивания одежды, разнотипные пряжки, бусы, привески. Наиболее распространенными были прогну-

тые подвязные двучленные фибулы. Другие типы фибул (двуластинчатые, Т-образные, с кнопкой на дужке и прочие) встречаются значительно реже. Местные бронзолитейщики и ювелиры работали на привозном сырье, использовали медь, олово, серебро. Изучение составов сплавов цветных металлов дало основание исследователям утверждать, что эти ремесла были связаны с причерноморскими центрами. По-видимому, население черняховской культуры в основном восприняло и развивало скифо-сарматскую традицию металлообработки. Черняховские сплавы цветных металлов обнаруживают наибольшее сходство с позднесарматскими, которые в свою очередь восходят к металлургии Северного Причерноморья. В сплавах цветных металлов с черняховских памятников Нижнеднепровского региона выявляются и следы влияния северноевропейской (прибалтийской) металлургии [13].

В ряде мест работали резчики по кости. Их продукцией были бусы, игральные кубики, ложила, «коньки» для скольжения по льду. Довольно частыми находками являются многочастные односторонние гребни (рис. 82), изготавливаемые из тонких костяных пластинок, соединенных бронзовыми или железными заклепками или миниатюрными трубочками. Черняховские гребни ведут свое происхождение от среднеевропейских. Типологические разработки этих изделий выполнены З.Томас и Г.Ф.Никитиной [14].

В числе украшений весьма распространены были бусы. Они имели различные форму и цветность и изготавливались из стекла, стеклянной пасты, кости, глины, бронзы и янтаря. Некоторые из бус были привозными, но многие изготавливались внутри черняховского ареала.

Из глины делались пряслица для веретен, имевшие преимущественно биконическую форму; грузила для сетей, конические и пирамидальные грузила для вертикальных ткацких станков, погремушки и бусы.

Черняховское население активно развивало торговые контакты со своими соседями, наиболее тесными были связи с позднеантичными центрами. Среди привозных вещей в черняховских коллекциях широко представлены амфоры, краснолаковая и красноглиняная столовая посуда, изделия из стекла, в том числе кубки для питья, металлическая посуда. На черняховских поселениях и в могильниках неоднократно встречены римские монеты, а в черняховском ареале зарыто большое количество кладов монет.

Черняховские памятники предоставляют исследователям обширную информацию и о духовной жизни населения. На некоторых черняховских поселениях обнаружены каменные языческие идолы. Так, около с. Иванковцы в Верхнем Поднестровье открыто три изваяния. Это — четырехгранный столб, на трех сторонах которого высечены человеческие лица; уплощенный столб с высеченными головой с бородой и усами и двумя руками, сложенными на груди и держащими меч; подобный столб без изображений [15]. В том же регионе в Ставчанах найдено каменное изваяние в виде фигуры бородатого человека в коническом головном уборе с рогом для питья в руках [16].

Для изучения языческого мировоззрения и ритуалов черняховского населения очень много дают погребальные памятники. Из могильников Ромашки и Малаешты происходят глиняные сосуды, служившие ритуальным целям. Изображения на кувшине из Ромашек, расположенные двумя горизонтальными поясами, как показал Б.А.Рыбаков, представляют собой календарь с фиксацией

языческих праздников, связанных с земледельческими ритуалами (фазы созревания хлебных растений и их зависимость от солнечных и дождливых дней). Календарь свидетельствует о довольно высоком уровне агротехнических познаний и о членении года на 12 месяцев по 30 дней в каждом [17].

Значительные успехи в развитии сельского хозяйства (плуг с железным наконечником при широком использовании тягловых животных на плодородных черноземах; ротационные жернова), достижения в ремесленном производстве (выскоразвитое гончарное дело, металлообработка) и торговые связи с позднеантичным и римским миром создали материальную базу для экономического расцвета черняховского общества. Черняховская культура впитала в себя производственно-технологические достижения провинциально-римских культур. Имеются все основания говорить о социальном расслоении, происходившем в среде населения рассматриваемой культуры. По материалам могильников выделяются погребения вождей, жрецов, воинов-дружинников. Несомненно, что черняховское общество, как и пшеворское, принадлежало к периоду военной демократии.

Об этнической принадлежности черняховского населения в литературе высказано множество гипотез и догадок, ныне представляющих чисто историографический интерес. В настоящее время почти все исследователи разделяют мысль о полиэтнической структуре носителей черняховской культуры. Дискуссия ведется о главенствующей или доминирующей роли того или иного этноса в становлении и развитии этой культуры, обсуждаются в основном две точки зрения.

М.Б.Шукин (вслед за Ю.В.Кухаренко, но с широким привлечением новейших данных) утверждает, что черняховская культура сформировалась на Волыни и в Верхнем Поднестровье на основе вельбарских (носителями которых были готы и другие германские племена) и пшеворских (вандалы и другие германские племена, но допускается, что в составе этого населения могли быть и славяне-венеды) древностей. Отсю-

да в условиях миграции носителей черняховской культуры последняя постепенно распространилась на широких просторах Северного Причерноморья, впитав в себя различные племенные массы местного населения [18].

Согласно В.Д.Барану, мнение которого разделяют многие украинские археологи, черняховская культура возникла в результате интеграции многих предшествующих культур — пшеворской, зарубинецкой, липицкой, сарматской и позднескифской и при воздействии вельбарской и киевской культур в условиях активного провинциально-римского влияния. В разных регионах черняховской территории проявляются особенности названных субстратных культур, свидетельствуя об этническом многообразии населения. По мнению В.Д.Барана, локальные особенности черняховской культуры верховьев Днестра и Западного Буга, сопоставимые с раннесредневековыми древностями славян пражского типа, дают основание рассматривать этот регион как раннеславянский [19].

Проблема этнической принадлежности населения черняховской культуры неразрывно связана с вопросом о ее происхождении. Чтобы понять его, необходимо детально проанализировать этнокультурную карту Юго-Восточной Европы накануне сложения черняховской культуры. Ситуация здесь была довольно сложной и пестрой (рис. 83).

Степные пространства будущего черняховского ареала от низовьев Дуная до Подонья заселяли сарматы, принадлежащие, как и скифы, к иранской языковой группе.

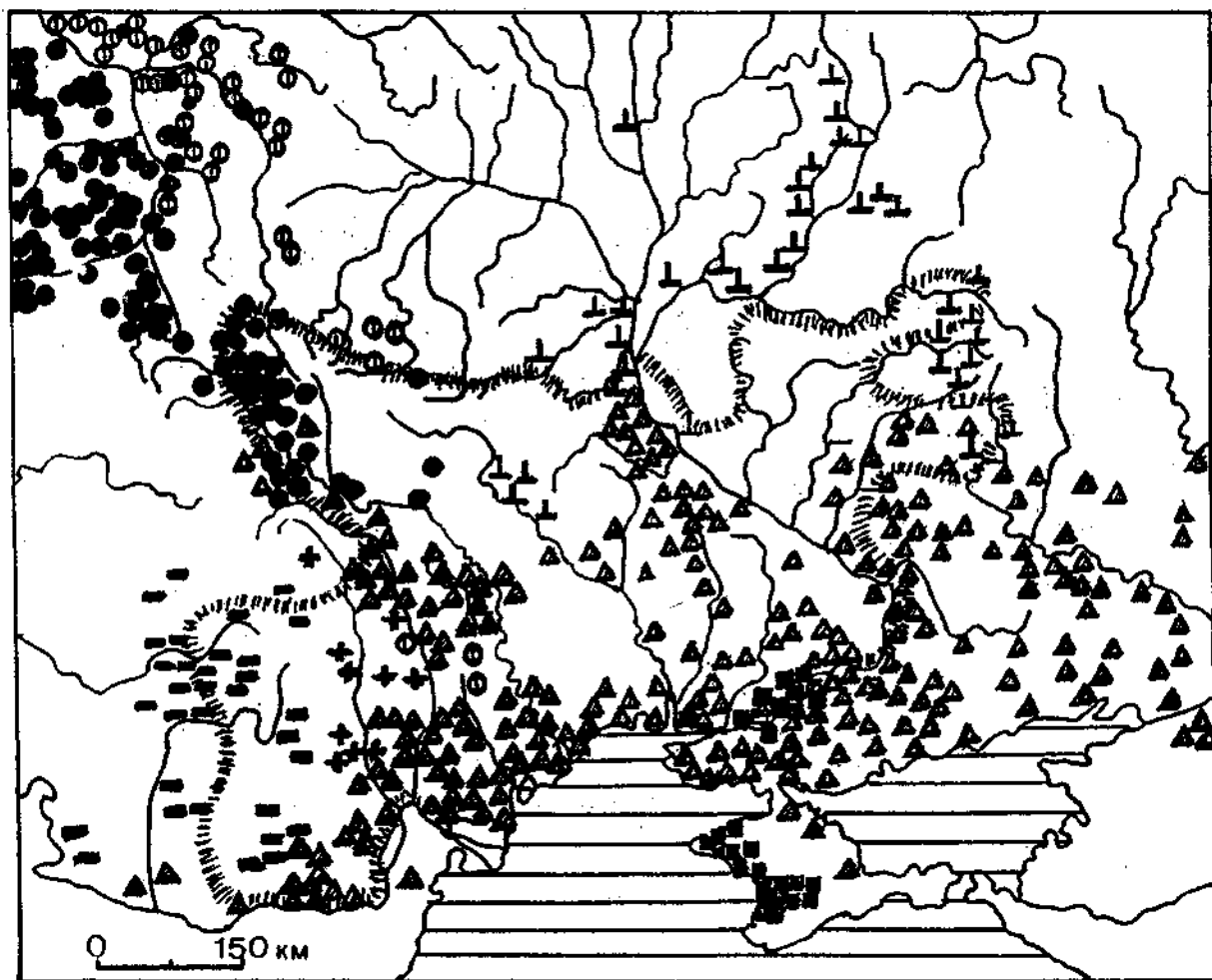
История сарматов (савроматов) начинается с VI—III вв. до н.э., когда они кочевали в степях Нижнего Поволжья и Приуралья [20]. Геродот локализовал савроматов к востоку от Танаиса (Дона), считавшегося в то время границей между Европой и Азией. Античные авторы IV в. до н.э. уже свидетельствуют о проникновении сарматов в Европу. Историки последних столетий до н.э. хорошо знают уже отдельные сарматские племена — языгов, роксолан, аорсов, сираков, алан. Лукиан Самосатский сообщает о крупных набегах сарматов из-за Дона на Скифию. Об опустошении Скифии сар-

матами писал и Диодор. В числе первых персекли степные просторы Северного Причерноморья и достигли нижнего Дуная языги и «царские» сарматы. Их называет Страбон (рубеж эр), перечисляя племена, проживавшие между Истром (Дунаем) и Борисфеном (Днепром): «...все они большей частью кочевники, но немногие занимаются и земледелием, эти последние, говорят, живут по Истру, нередко на обоих берегах его» [21].

Расселению сарматов в Скифии предшествовали военные походы. Известно, что сарматы были союзниками Митридата, воювавшего с Римом. Сарматы были среди прочих варваров, разрушивших Ольвию. Крупное сарматское войско во II в. до н.э. в Крыму выступало на стороне скифского царя Палака. Следы сарматских набегов являются разрушения конца III — начала II вв. до н.э., фиксируемые на ряде поселений Причерноморья между нижним Дунаем и Днепром.

Археологические материалы свидетельствуют, что вслед за военными набегами сарматов началось освоение ими широких пространств Северного Причерноморья. В степной части Днепровского левобережья сарматы расселяются уже в IV—III вв. до н.э. В поречье Днепра наиболее раннее сарматское погребение открыто у с. Ворона недалеко от Днепропетровска, оно датируется II в. до н.э. Основная масса сарматских курганов на правобережье Днепра относится к I в. до н.э. Отдельные сарматские погребения этого времени известны и в Поднестровье. На рубеже эр сарматы расселяются на нижнем Дунае, а в I в. н.э. появляются в долине Тисы, откуда изгоняют даков.

Сарматская культура Северного Причерноморья в предчерняховское время не была единой. Основными памятниками позднесарматского периода Левобережной Украины и степных районов Правобережья являются курганы с захоронениями по обряду труположения. Захоронения совершались в грунтовых (подкурганых) ямах, которые перекрывались деревянными накатами, поверх которых клались камни или каменные

● а ◻ б ▽ в △ г + д - е ~ ж

Рис. 83. Юго-Восточная Европа накануне образования черняховской культуры

а — памятники пшеворской культуры; б — памятники вельбарской культуры; в — памятники позднезарубинецкой культуры; г — погребальные памятники сарматов; д — памятники культуры Поянешты-Вуртешкой; е — памятники гето-даков; ж — общая граница территории черняховской культуры

плиты. Стены могильных ям иногда обкладывались деревом. На дне их обычно меловая подсыпка, доски или камышевая циновка на деревянном помосте. Со II в. широко практикуется устройство подбойных могил, появляются и катакомбные захоронения. Умерших в могильные ямы клали на

спине, нередко с подогнутыми или перекрещенными ногами, преобладала северная ориентировка. Зафиксировано немало случаев прижизненной деформации черепов. На дне ям встречаются скопления золы и пепла от ритуальных кострищ, а также остатки жертвенной пищи в виде костей овцы, ло-

шади и крупного рогатого скота. Получает распространение и обычай обставлять погребения глиняными сосудами.

В землях западнее Днепра известны и бескурганные могильники сарматов; курганные захоронения — преимущественно впускные в насыпи, сооруженные в более раннее время. Для междуречья Днестра и Дуная характерен уже бескурганный обряд погребения; захоронения, впущенные в раннее сооруженные курганные насыпи, здесь довольно редки. Погребальные ямы грунтовых могильников сарматов идентичны подкурганным. В плане они имели удлиненно-прямоугольные или овальные очертания, есть и подбойные могилы. Для удержания плах перекрытий нередко устраивались «запечки». На дне могильных ям обычны остатки ритуальных костров, встречается меловая подсыпка. В качестве ритуальной пищи клались части туш овец, ноги или головы коней. Умерших погребали как правило головой на север, но изредка наблюдаются и иные ориентировки. Фиксируются погребения с согнутыми в коленях или скрещенными ногами, типична деформация черепов.

В первых веках нашей эры сарматы расселяются в лесостепных землях Северного Причерноморья. Здесь, а также во многих степных районах Днепро-Дунайского междуречья сарматы переходят к оседлому образу жизни, о чем отчетливо свидетельствуют поселения, исследованные близ сарматских могильников, на которых выявлены следы стационарных жилищ и признаки занятий земледелием и скотоводством [22]. Сарматское население лесостепи формировалось не только за счет притока переселенцев из степных регионов. Есть все основания полагать, что в условиях инфильтрации степняков прежнее население лесостепных земель подверглось аккультурации и сарматизации. О смешении остатков позднезарубинецкого населения с сарматами говорят, например, захоронения по обряду сожжения с зарубинецким инвентарем в курганах, о чем говорилось выше. Сам переход сарматов к оседлому образу жизни был обусловлен контактами с

местными земледельческими племенами.

Представляется бесспорным, что распространение черняховской культуры не сопровождалось вытеснением или уничтожением многочисленного сарматского населения. Какого-либо хронологического разрыва между сарматской и черняховской культурами не наблюдается. Имеются все основания утверждать, что основная масса сарматского населения на пространстве от нижнего Дуная до Северского Донца вошла в состав черняховских племен.

На северном побережье Черного моря, в поречье нижнего Днестра и в Нижнем Поднестровье, а также в Крыму в условиях сарматского расселения сохранялись островки скифского населения [23]. Вдоль нижнего течения Днестра известно свыше десятка позднескифских городищ и три крупных некрополя — Николаевка, Золотая Балка и Красный Маяк. Позднескифские поселения и грунтовой могильник исследовались и на нижнем Днестре [24]. В процессе расселения в этих землях сарматов позднескифское население подверглось воздействию сарматской культуры, что проявляется не только в Днепро-Днестровском регионе, но и в Крыму.

Западными соседями сарматов в Подунавье были гето-дакийские племена. Около середины II в. н.э. это население несколько расширяет свои земли, вытесняя сарматов с части территории междуречья Днестра и Прута. Здесь, как и в Румынской Молдове, получает распространение культура Поянешты-Вырешкой, носители которой надежно отождествляются с карпами [25].

Погребальными памятниками этой культуры являются грунтовые могильники с захоронениями остатков трупосожжения в глиняных урнах. Последними обычно служили высокие кувшинообразные сосуды серого или красного цвета, обязательно накрытые специальными крышками или мисками. Изредка в качестве урн использовались и лепные биконические сосуды, также накрывавшиеся крышками. В урнах содержатся кальцинированные кости с золой и пеплом и иногда немногочисленные вещи: железные ножи, иглы, светильники, пряж-

ки, фибулы, бусы. Только единичные захоронения выделяются большим количеством вещевого инвентаря.

Для поселений карпы выбирали высокие террасы речных долин среди плодородных земель. Жилищами служили прямоугольные полуземлянки и наземные дома с плетеными стенами, обмазанными глиной. Для приготовления пищи огонь разводили прямо на полу жилищ. Только в немногих постройках выявлены очаги, сложенные из камней. Основой экономики карпов были земледелие и скотоводство. В гончарном производстве и ювелирном деле проявляются черты греко-римского воздействия. Карпы и даки в течение длительного времени имели тесные контакты с античным миром, вели с ним обширную торговлю. На поселениях и в могильниках нередко находки амфор и других предметов античного производства, найдено также большое число кладов с римскими монетами.

В начале III в. сложилось политическое объединение карпов. В письменных источниках есть сведения о набегах карпов на римскую провинцию Дакия. В середине этого столетия карпы, вероятно, были покорены готами и вошли в союз племен, возглавляемый ими.

Культура гето-дакийских племен, родственных карпам и проживавших по соседству в Придунайской низменности (Олтения и часть Мунтении), во многом тождественна древностям типа Поянешты-Выртешской. Культура типа Килии функционировала еще в III в. н.э. [26]; ее носители, можно полагать, почти целиком вошли в среду черняховского населения. По мнению Г.Диакону, серая шероховатая кухонная посуда черняховской культуры была унаследована от гето-дакийского населения [27].

Э.А.Рикман провел сопоставительный анализ древностей типа Поянешты-Выртешской и черняховской культуры и выявил черты сходства между ними в топографии поселений, погребальном ритуале и некоторых категориях вещевых находок. Исследователь утверждал, что эти факты говорят о том, что дако-фракийское население междуречья нижнего Дуная и Днестра вошло в

состав носителей черняховской культуры [28].

Лесостепные земли будущего черняховского ареала были заселены разнообразным земледельческим населением. Верхнее Поднестровье и смежные области верхнего течения Западного Буга занимали племена пшеворской культуры. Отдельные пшеворские погребения с оружием, выявленные здесь, вероятно, связаны с германскими военными отрядами, а основная масса сельского населения была славянской, о чем свидетельствует лепная керамика и элементы домостроительства [29].

С середины I до конца II в. н.э. в Верхнем Поднестровье чересполосно с пшеворским населением проживали носители липицкой культуры [30]. Это были племена гетов, переселившихся сюда из Дакии во время вторжения войск Домициана. Могильники, исследованные около сел Звенигород и Болотня, свидетельствуют о процессах смешения липицкого населения с пшеворским. На притоке Днестра Золотой Липе известны поселения (Вороняки, Майдан Гологирский, Ремезовцы), сочетающие липицкие элементы с позднезарубинецкими. Они указывают на инфильтрацию в этот регион небольших групп позднезарубинецкого населения, возможно, бежавшего с прежних мест обитания в связи с вторжением в лесостепные земли сарматов.

В конце II в. липицкие поселения и могильники прекращают функционировать. Как раз этим временем датируется новая волна миграции пшеворского населения. Еще в 30-х годах М.Ю.Смишко высказал предположение, что липицкое население ушло из Верхнего Поднестровья под натиском пшеворского расселения [31]. Новейшие материалы подтверждают эту мысль: действительно, носители липицкой культуры, не затронутые ранее пшеворским воздействием, вынуждены были покинуть этот регион.

В лесостепном междуречье Днестра и Днепра накануне сложения черняховской культуры обитали группы позднезарубинецкого населения. Его памятники изучены еще крайне слабо. В основном это поселения, давшие весьма небольшие материалы. На-

дежных данных для определения верхней даты позднезарубинецких древностей нет, поэтому сказать, доживают ли их носители до черняховской культуры, наверняка нельзя. Наличие зарубинецких элементов в черняховской культуре, о чем ниже будет сказано подробнее, дает основание полагать, что позднезарубинецкое население Днестро-Днепровского междуречья вошло в состав носителей черняховской культуры.

В нижних течениях Псла и Ворсклы и в смежных районах поречья Днепра предчерняховскими памятниками являются упомянутые выше курганы с трупосожжениями и керамикой, напоминающей позднезарубинецкую.

На Волыни с конца II в. н.э. проживали племена вельбарской культуры, этническая атрибуция которых ныне определена достаточно аргументированно. Это было смешанное население, включавшее в себя славян, западных балтов и германцев — готов или гото-гепидов. Главенствующее место среди них, очевидно, принадлежало последним. Часть носителей вельбарской культуры продвинулась на юг, осев в землях Северо-Западного Причерноморья, где впоследствии образовалась Готия.

Областью становления черняховской культуры было Верхнее Поднестровье со смежными землями, относящимися к верхним течениям Западного Буга, Стыри и Горыни. Процесс этот начался, очевидно, в конце II в. н.э. и заключался не в простой эволюции пшеворских древностей в черняховские, а в сложном взаимодействии их с несколькими культурами Юго-Восточной Европы. В Верхнеднестровском регионе пшеворская культура в результате взаимодействия с липицкими и позднезарубинецкими элементами приобретает специфические черты, складывается ее особый вариант. На базе последнего в этом регионе и начался процесс кристаллизации нового образования — черняховской культуры, а ее окончательное формирование протекало уже на более широкой территории. Становление крутовой керамики, ставшей одним из важнейших показателей черняховской культуры, имело место в Верхнеднестровском

регионе. Наиболее ранние гончарные горны вида 3, имеющие истоки в пшеворском гончарстве и ставшие характерными для черняховской культуры, сосредоточены в рассматриваемом регионе (рис. 84).

Малочисленность пшеворских и раннечерняховских могильников в Верхнеднестровском регионе дает основание полагать, что погребальный обряд местного населения был каким-то археологически трудноуловимым. Сложение же столь характерной для черняховской культуры биритуальности имело место уже на следующей стадии. Ранние материалы черняховской культуры, датируемые первой половиной III в., обстоятельно изучены в рассматриваемом регионе на поселении Черепин [32].

Среди хронологических разработок черняховских древностей последних десятилетий несомненный интерес представляет работа, проведенная Е.Л.Гороховским [33]. На основе комплексов, включающих две и более датирующие находки (импорты из металлов, стекла и керамики; фибул, пряжек и других деталей поясных наборов, костяных и железных гребней) исследователь распределил погребения черняховской культуры на несколько хронологических периодов, именуемых фазами. Захоронения фазы I содержат вещи ранней стадии римского периода C1 — начала C2, то есть конца II—III вв., но с наибольшей вероятностью Е.Л.Гороховский относит эти погребения к стадии C1b (около 230—270 гг.). Все могильники фазы I содержат уже и трупосожжения, и труположения. Обращает внимание наличие в них сарматских элементов. Следовательно, население черняховской культуры уже в это время включало и сарматский этнос. Можно полагать, что биритуализм черняховской культуры являлся следствием пшеворско-сарматского симбиоза, о чем несколько подробнее будет сказано ниже.

Картирование черняховских могильников с захоронениями фазы I (рис. 85) показывает, что около 50% их находятся в Верхнеднестровском регионе. Кроме того, наиболее ранние могильники зафиксированы разбросанно в среднем течении Южного

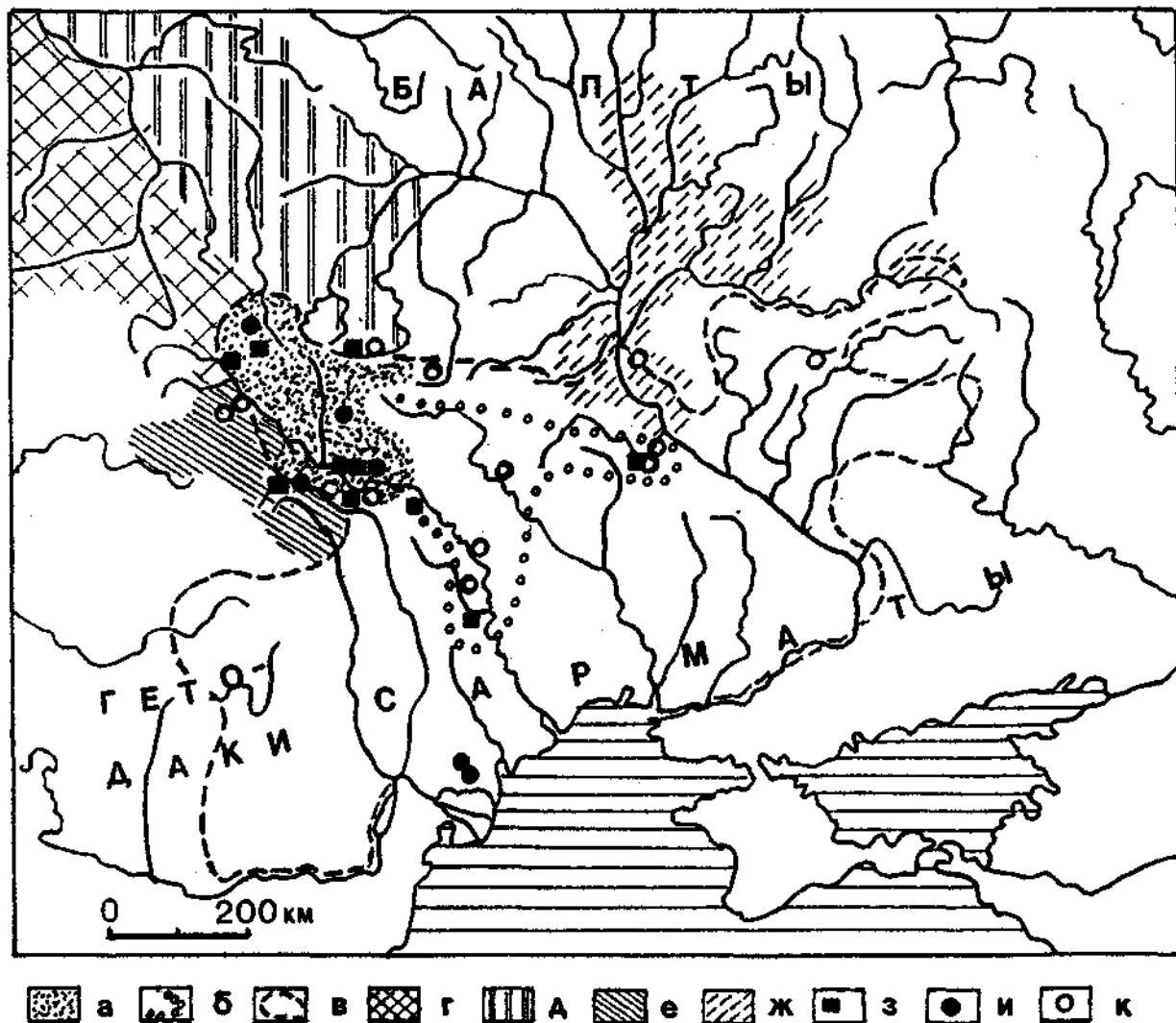

Рис. 84. Становление черняховской культуры

а — регион становления черняховской культуры на пшеворской основе; б — граница ареала черняховской культуры хронологической фазы А; в — общая граница территории этой культуры; г — ареал пшеворской культуры; д — ареал вельбарской культуры; е — ареал культуры карпатских курганов; ж — ареал киевской культуры; з — памятники, в которых выявлены гончарные горны вида 2; и — памятники, в которых исследованы горны вида 3; к — памятники, в которых исследованы горны, производные от вида 3 (з — к — по А.А.Бобринскому)

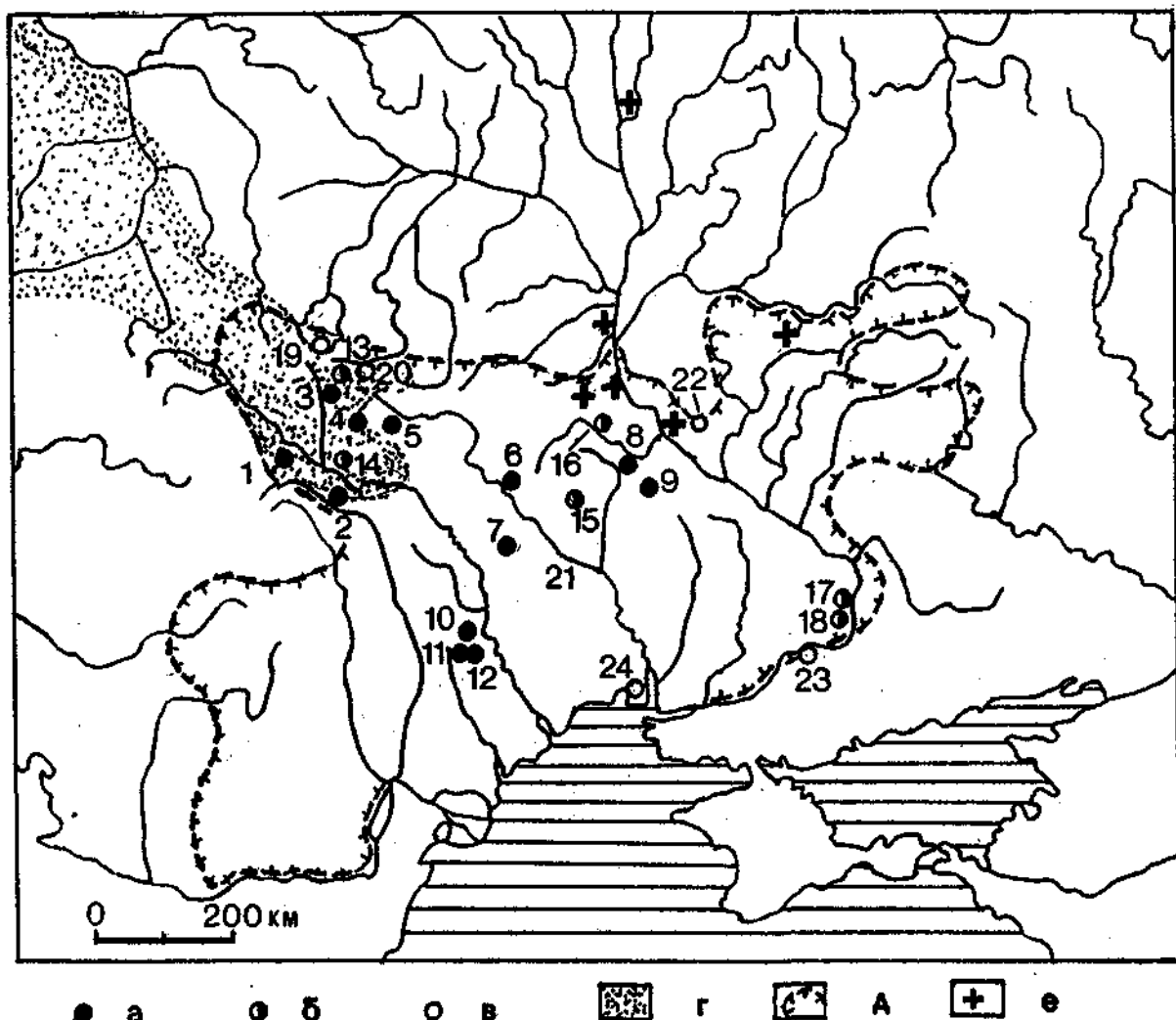

Рис. 85. Первые этапы развития черняховской культуры

а — могильники черняховской культуры с погребениями фазы 1; б — то же с погребениями фазы 1/2; в — то же с погребениями фазы 2; г — ареал пшеворской культуры (фазы — по Е.Л.Гороховскому); д — общий ареал черняховской культуры; е — памятники ранней стадии киевской культуры

1 — Городница; 2 — Романковцы; 3 — Чернилев Русский; 4 — Токи; 5 — Ружичанка; 6 — Косаново; 7 — Кринички; 8 — Завадовка; 9 — Журавка; 10 — Будешты; 11 — Данчены; 12 — Ханска-Лутерия; 13 — Раковец; 14 — Думанов; 15 — Рыжевка; 16 — Ромапки; 17 — Привольное; 18 — Ново-Александровка; 19 — Рудка; 20 — Бережанка; 21 — Данилова Балка; 22 — Соснова; 23 — Каменка Днепроvская; 24 — Каборга

Буга и смежных землях Днепрового правобережья, а также на нижнем Днестре.

Могильники с захоронениями промежуточной фазы (1а) известны на той же территории, но появляются и на нижнем Днепре. Тот же ареал занимают и черняховские могильники с погребениями фазы 2 (около 270—330 гг.), только один могильник известен в левобережной части Среднего Поднепровья.

На следующей стадии (фаза 3 определяется временем между 330 и 380 гг.) черняховская культура распространяется уже по всему ареалу, могильники с захоронениями этой фазы известны и на нижнем Дунае, и в Днепровском лесостепном левобережье (рис. 86). Новые могильники с захоронениями фазы 4 (между 350 и 400 гг.) появляются преимущественно в лесостепной зоне, свидетельствуя об увеличении здесь численности черняховского населения и плотности заселения. Об этом же говорят и вновь возникшие могильники с захоронениями фазы 5 (375/380—420/430 гг.). Следует иметь в виду, что погребальные памятники отражают завершение жизни того или иного поколения, а не периоды их активного функционирования. Это обстоятельство нельзя не учитывать в периодизации черняховских древностей.

Таким образом, можно полагать, что основа черняховской культуры выкристаллизовалась в Верхнеднепровском регионе в конце II в. н.э., и далее постепенно распространялась на широкой территории за счет расселения ее носителей и включения в ее генезис местного разноплеменного населения. Расширению ареала черняховской культуры способствовала и миграция вельбарского населения, о чем подробнее будет сказано далее.

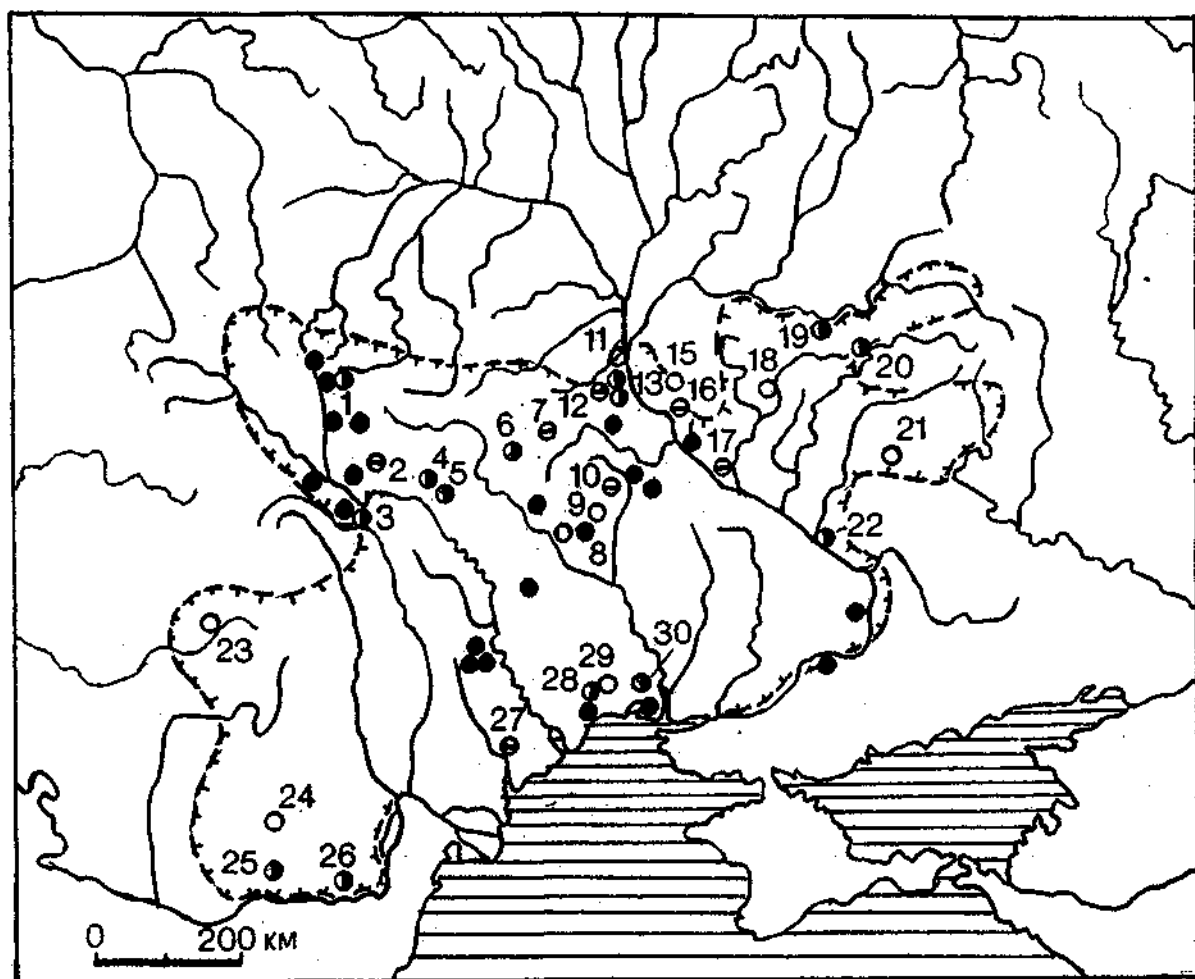
Анализ деталей погребальной обрядности и керамического материала черняховской культуры показывает, что наиболее ярко проявляются в ее составе сарматские особенности. Скифо-сарматским элементам в черняховской культуре посвящено несколько работ [34], которые позволяют считать этот вопрос достаточно разработанным.

Обряд труположения внесен в черня-

ховскую культуру в основном сарматским населением. Распределение захоронений по обрядам ингумации и кремации в крупных черняховских могильниках показано на рис. 87. Основная масса труположений, в том числе все могильники, содержащие исключительно такие захоронения, приходится на те части черняховского ареала, которые ранее были заселены сарматскими племенами. Доминирующей ориентировкой черняховских труположений была северная (рис. 88), и ее также можно было бы считать наследием сарматского погребального ритуала. Интересно, что северную ориентировку погребенных в позднескифских и античных некрополях Северного Причерноморья исследователи не без оснований объясняют влиянием сарматов. Однако обряд труположения с северной ориентировкой известен и среди гото-гепидского населения. Он мог быть принесен в Северное Причерноморье второй миграционной волной, датируемой серединой III в. В этой связи для определения сарматского вклада в развитие черняховской культуры необходимо привлечь более надежные материалы.

Безусловно сарматским элементом является устройство для черняховских труположений подбоев и земляных склепов (катакомб). Подбойные могилы появляются еще в сарматское время и получают широкое распространение в сарматской среде в хорровской культуре [35]. В Северном Причерноморье захоронения в подбоях обильно представлены в могильниках сарматов последних веков до нашей эры и первых столетий нашей эры [36]. Под влиянием сарматской обрядности подбойные могилы появляются и в позднескифских могильниках нижнего Днепра. В этой связи не подлежит сомнению, что подбойные могилы на черняховских кладбищах имеют сарматские истоки. Выявлены они только на территории, занятой в предчерняховское время сарматами (рис. 89).

Катакомбы-склепы, выявленные в тех же черняховских могильниках, что и подбои, имеют также сарматское начало. Они имеют аналогии в сарматских древностях Поволжья, Подонья, Северного Кавказа и Крыма.

● а ● б ● в ● г ⋯ д

Рис. 86. Распределение могильников черняховской культуры по хронологическим фазам, выделенным Е.Л.Гороховским

а — могильники с погребениями фаз 1 и 2; б — то же фазы 3; в — то же фазы 4; г — то же фазы 5; д — общий ареал черняховской культуры

1 — Раковец; 2 — Увисла; 3 — Оселовка; 4 — Заячівка; 5 — Вилы Яругские; 6 — Скитка; 7 — Быстрик; 8 — Курники; 9 — Островец; 10 — Маслово; 11 — Киев; 12 — Ольшанка; 13 — Черняхов; 14 — Обухов; 15 — Барышевка; 16 — Переяслав-Хмельницкий; 17 — Жовнин; 18 — Успенка; 19 — Лохвица; 20 — Сумы; 21 — Кантемировка; 22 — Компанийцы; 23 — Сынтана-де-Муреш; 24 — Тыргшор; 25 — Спанцев; 26 — Индепенденца; 27 — Холмское; 28 — Беленькое; 29 — Ранджевое; 30 — Викторовка

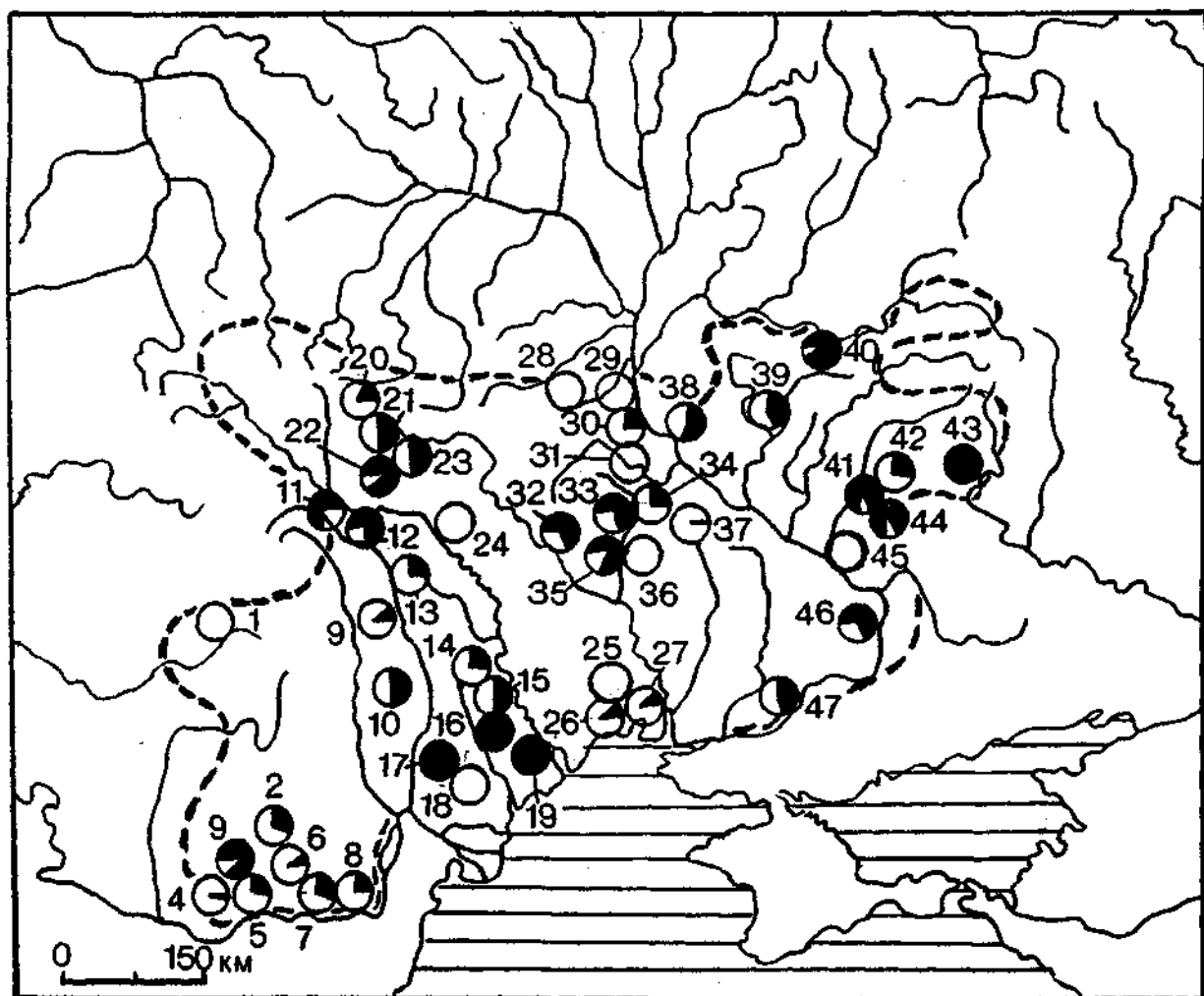

Рис. 87. Картограмма обрядов кремации и ингумации в черняховских могильниках

а — наиболее исследованные могильники (раскопано от десяти до сотен погребений). Зачерненная часть — доля трупосожжений, белая — доля трупоположений; б — общий ареал черняховской культуры

1 — Сынтана-де-Муреш; 2 — Тыргшор; 3 — Изворул; 4 — Олтень; 5 — Ойнак; 6 — Спанцев; 7 — Одобеску; 8 — Индепенденца; 9 — Ербичени; 10 — Богданешты-Фалчу; 11 — Островец; 12 — Оселовка; 13 — Малаешты; 14 — Будешты; 15 — Балцаты; 16 — Ханска; 17 — Сатук; 18 — Виноградовка; 19 — Тудорово; 20 — Раковец; 21 — Редкодубы; 22 — Вербки; 23 — Ружичанка; 24 — Заячівка; 25 — Ранжевое; 26 — Коблево; 27 — Викторовка II; 28 — Дедовщина; 29 — Деревянное; 30 — Черняхов; 31 — Ромашки; 32 — Косаново; 33 — Маслово; 34 — Стецовка; 35 — Рыжевка; 36 — Свердликово; 37 — Журавка; 38 — Переяслав-Хмельницкий; 39 — Лохвица; 40 — Успенка; 41 — Новоселовка; 42 — Кантемировка; 43 — Ново-Покровка; 44 — Писаревка; 45 — Компанийцы; 46 — Привольное; 47 — Гавриловка

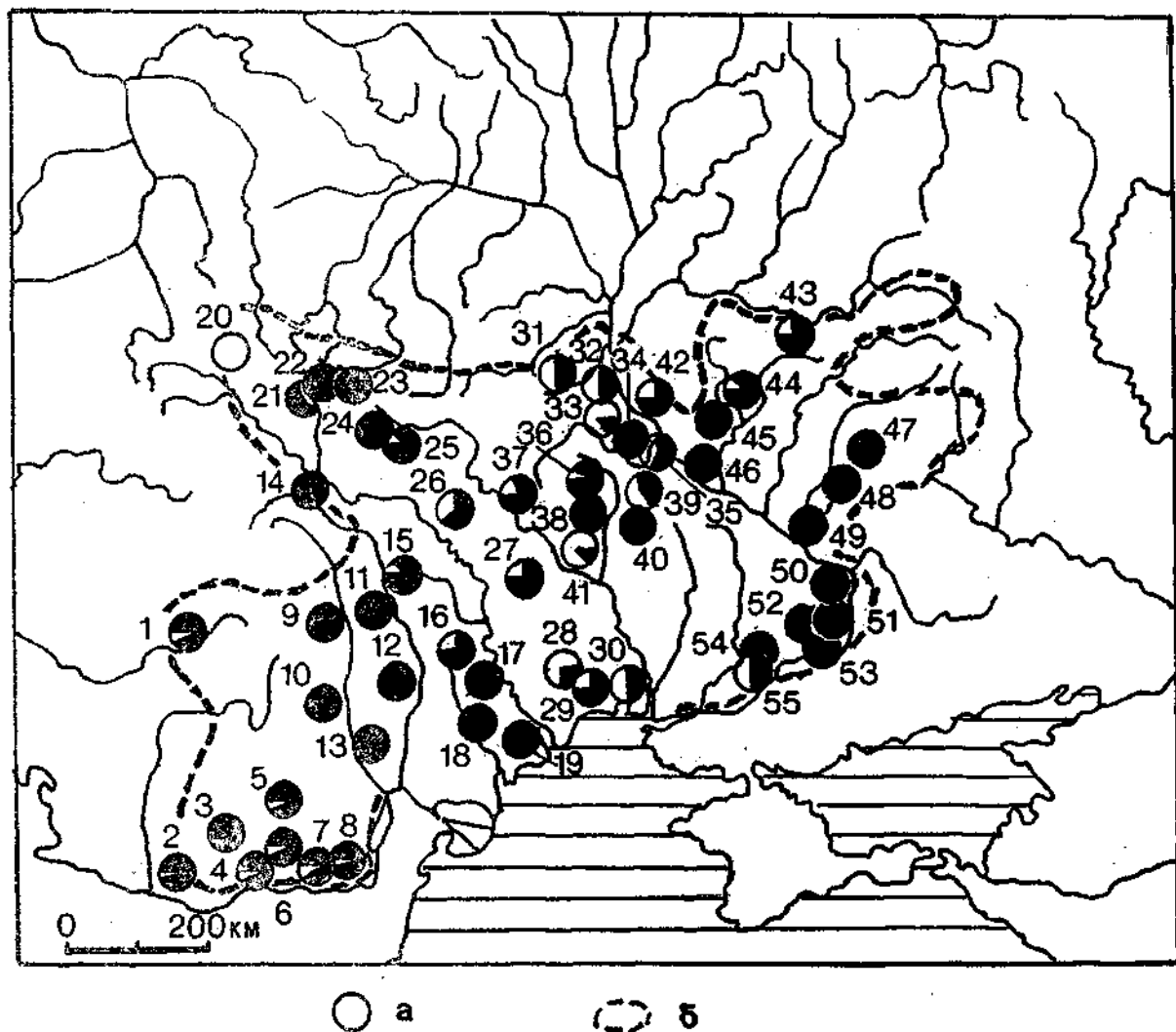
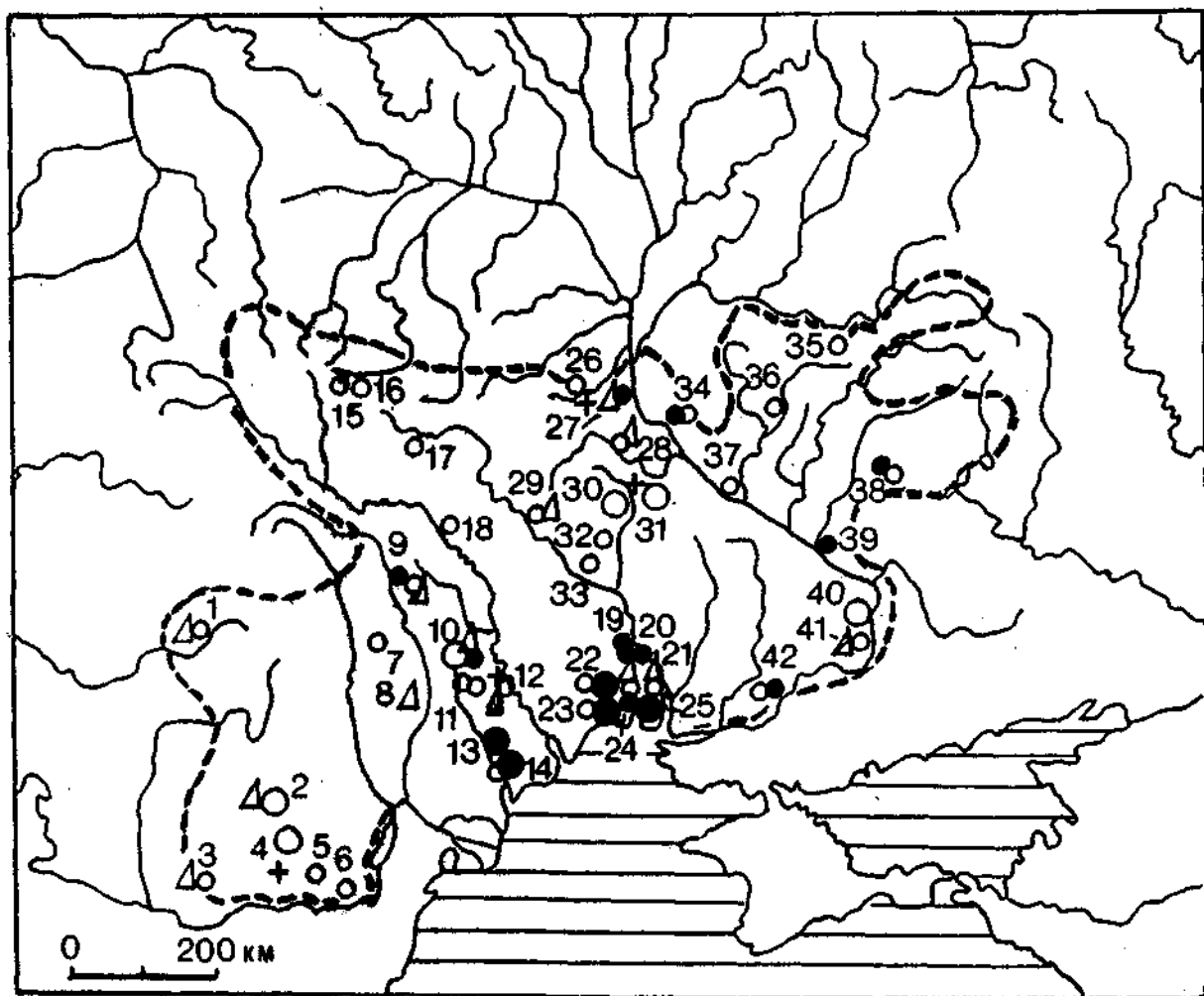

Рис. 88. Ориентация труположений в черняховских могильниках

а — наиболее исследованные могильники. Зачерненные части — доля захоронений с северной ориентировкой, белые — труположения с западной ориентировкой; б — общий ареал черняховской культуры

1 — Сьнтана-де-Муреш; 2 — Изворуд; 3 — Олень; 4 — Ойнак; 5 — Тьргшор; 6 — Спанцев; 7 — Одобеску; 8 — Индепенденца; 9 — Бырлад-Каса; 10 — Обиршени-Войнешты; 11 — Ербичени; 12 — Богданешты-Фалчу; 13 — Лецкани; 14 — Островец; 15 — Малаешты; 16 — Будешты; 17 — Балшаты; 18 — Виноградовка; 19 — Приморское; 20 — Псары; 21 — Чистилов; 22 — Раковец; 23 — Бережанка; 24 — Редкодубы; 25 — Ружичанка; 26 — Заячивка; 27 — Кринички; 28 — Ранжевое; 29 — Коблево; 30 — Викторовка II; 31 — Дедовщина; 32 — Черняхов; 33 — Ромашки; 34 — Малый Ржавец; 35 — Маслово; 36 — Арбузин; 37 — Косаново; 38 — Рыжевка; 39 — Журавка; 40 — Стецовка; 41 — Данилова Балка; 42 — Переяслав-Хмельницкий; 43 — Успенка; 44 — Лохвица; 45 — Вовчик; 46 — Жовнин; 47 — Кантемировка; 48 — Писаревка; 49 — Компанийцы; 50 — Башмачка; 51 — Войсковое; 52 — Привольное; 53 — Федоровка; 54 — Михайловка; 55 — Гавриловка

● а ○ б △ в + г ○ д

Рис. 89. Отдельные сарматские элементы в могильниках черняховской культуры

а — могильники с погребениями в подбоях (маленький значок — 1–3 могилы с подбоями, большой — 4 и более таких могил); б — могильники, в которых открыты погребения с подогнутыми и перекрещенными ногами; в — могильники, в которых зафиксированы погребения в скорченном положении; г — могильники, в которых выявлены труположения с деформированным черепом; д — границы черняховской культуры

1 — Сынтана-де-Муреш; 2 — Тыргшор; 3 — Изворул; 4 — Спанцев; 5 — Одобеску; 6 — Индепенденца; 7 — Лецкани; 8 — Ербичени; 9 — Малаешты; 10 — Будешты; 11 — Балшаты I и II; 12 — Данчени; 13 — Холмское; 14 — Фурмановка; 15 — Раковец; 16 — Бережанка; 17 — Редкодубы; 18 — Заячивка; 19 — Большая Корениха; 20 — Чубовка; 21 — Каменка-Анчекрак; 22 — Ранжевое; 23 — Коблево; 24 — Викторовка II; 25 — Каборга IV; 26 — Дедовщина; 27 — Черняхов; 28 — Ромашки; 29 — Косаново; 30 — Маслово; 31 — Журавка; 32 — Рыжевка; 33 — Данилова Балка; 34 — Переяслав-Хмельницкий; 35 — Успенка; 36 — Лохвица; 37 — Жовнин; 38 — Кантемировка; 39 — Компанийцы; 40 — Войсковое; 41 — Привольное; 42 — Гавриловка

В немалом числе черняховских погребений зафиксированы трупоположения с согнутыми в коленях или скрещенными ногами. Такая обрядность была обычной для сарматов на разных стадиях их истории, начиная с савроматской [37]. Распространение подобных погребений в черняховской культуре (рис. 89) можно поставить в связь с сарматским ритуалом. Правда, отдельные трупоположения с согнутыми или перекрещенными ногами известны еще на могильниках римского времени на Готланде, в Южной Швеции и на нижней Висле. Поэтому не исключено, что какая-то часть подобных трупоположений в черняховских могильниках связана и с вельбарской инфильтрацией. Карта же распространения черняховских захоронений с согнутыми или перекрещенными ногами свидетельствует о большей зависимости рассматриваемой обрядности от сарматского ритуала.

В позднесарматском мире бытовал обычай погребения умерших на боку в скорченном положении [38]. Бесспорным наследием этой обрядности являются такие же трупоположения, зафиксированные на некоторых черняховских могильниках (рис. 89). Все они выявлены в тех регионах, где сарматское население в предшествующее время было довольно плотным. К характерным сарматским принадлежит обычай прижизненной деформации черепов. Выявленный в единичных могилах черняховской культуры подобный ритуал должен быть отнесен к сарматскому наследию.

Среди сарматских племен был широко распространен обычай класть в могилы пищу для «заупокойных трапез». Так, в погребения прохоровской культуры помещали части туш баранов или овец, в редких случаях — часть туши лошади. В сарматских захоронениях Северного Причерноморья для «заупокойной пищи» использовались также преимущественно части туш овец или баранов, значительно реже в этих погребениях встречаются кости лошади, еще реже — кости крупного рогатого скота. Подобный ритуал неоднократно отмечен и в немалом количестве трупоположений черняховских могильников (рис. 90). Существенно то, что

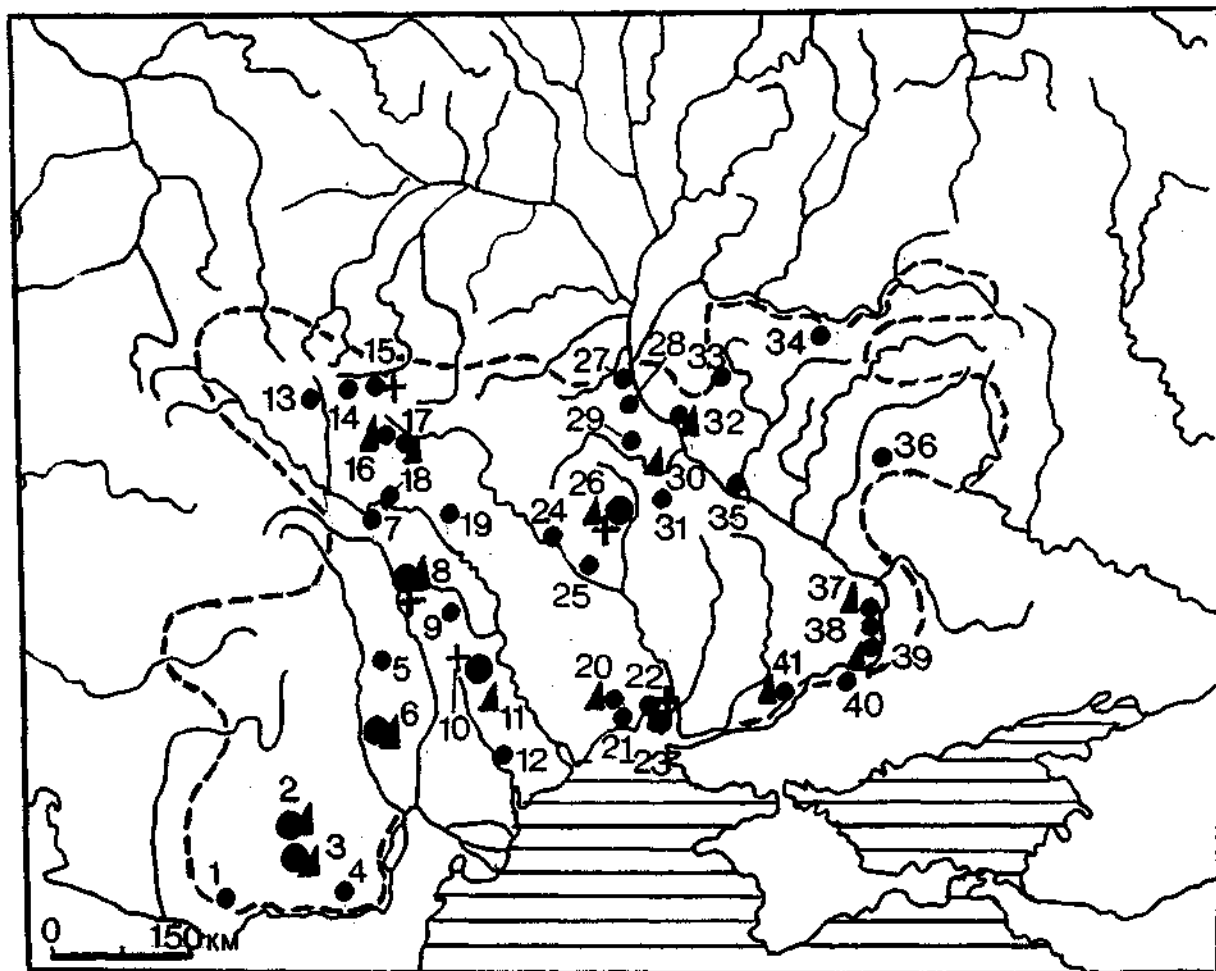
в качестве жертвенных животных здесь также употребляли преимущественно мелкий рогатый скот (около 80% черняховских захоронений из числа тех, где зафиксирована эта обрядность, содержали кости барана или овцы). В сравнительно немногих могилах обнаружены кости лошади или коровы, а в единичных погребениях юго-западного окраинного региона черняховской территории — кости свиньи.

Состав животных, использовавшихся для заупокойного ритуала в черняховской культуре, — важный показатель сарматского происхождения этой обрядности. Обычай сопровождать умерших «заупокойной пищей» известен и среди других племенных групп населения Европы. Так, в пшеворских могилах Одерского региона, как уже отмечалось, встречаются кости птиц и как редкое исключение — кости медведя и лошади, для кельтских погребений характерны преимущественно кости свиньи, для славянского населения, судя, правда, по раннесредневековым данным, — растительная пища (каша в глиняных горшках)...

Среди савроматов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья был распространен обычай ссыпать в могилы раскаленные древесный уголь и золу, нужно полагать, взятые с ритуально разведенного костра [39]. В Северном Причерноморье этот обряд бытовал среди сарматского населения предчерняховского периода. Зафиксирован он неоднократно и при исследованиях черняховских могильников (рис. 90). Безусловно, это сарматское наследие.

Немалое число могильных ям на черняховских некрополях имели ступеньки (запличики) по длинным сторонам или по всему периметру. Запличики служили для того, чтобы перекрыть могилу плахами или жердями и предохранить умершего с сопровождающим инвентарем от засыпки землей. Это особенность сарматского погребального обряда, и в черняховской культуре она принадлежит к сарматскому наследию.

К достоверно сарматским элементам в погребальной обрядности черняховского населения относится также обычай помещать в могилы кусочки мела или краски

● а ▲ б + в - - - г

Рис. 90. Отдельные сарматские элементы в могильниках черняховской культуры

а — могильники, в которых зафиксировано приношение жертвенной пищи в виде частей туш овцы, коровы или лошади. Крупными значками отмечены могильники с большим числом таких захоронений; б — могильники с погребениями, в которых встречены куски мела; в — могильники с захоронениями, в которых обнаружены ритуальные кучки мелких камней; г — граница черняховского ареала

1 — Изворул; 2 — Тыргшор; 3 — Спанцев; 4 — Индепенденца; 5 — Лецкани; 6 — Лунка; 7 — Оселовка; 8 — Малаешты; 9 — Надушита; 10 — Будешты; 11 — Балцаты; 12 — Фурмановка; 13 — Чернилев Русский; 14 — Раковец; 15 — Бережанка; 16 — Редкодубы; 17 — Ружичанка; 18 — Устье; 19 — Вилы Ярутские; 20 — Ранжевое; 21 — Коблево; 22 — Викторовка II; 23 — Каборга; 24 — Косаново; 25 — Данилова Балка; 26 — Маслово; 27 — Деревянное; 28 — Черняхов; 29 — Телешовка; 30 — Ромашки; 31 — Журавка; 32 — Переяслав-Хмельницкий; 33 — Гурбинцы; 34 — Успенка; 35 — Жовнин; 36 — Кантемировка; 37 — Войсковое; 38 — Привольное; 39 — Ново-Александровка; 40 — Каменка-Днепровская; 41 — Гавриловка

или устраивать небольшую кучку из мелких камней на дне могильной ямы.

Сарматские погребальные особенности фиксируются в немалом количестве во многих могильниках черняховской культуры почти по всему ее ареалу (рис. 91). В заметно меньшей степени они встречены лишь в Верхнеднестровском регионе, черняховское население которого, очевидно, формировалась в основном из потомков местного пшеворского.

Широкая распространенность сарматских ритуалов в погребальных древностях черняховской культуры дает основание утверждать, что ираноязычное население Северного Причерноморья вошло в состав носителей черняховской культуры в качестве одного из основных этнических компонентов.

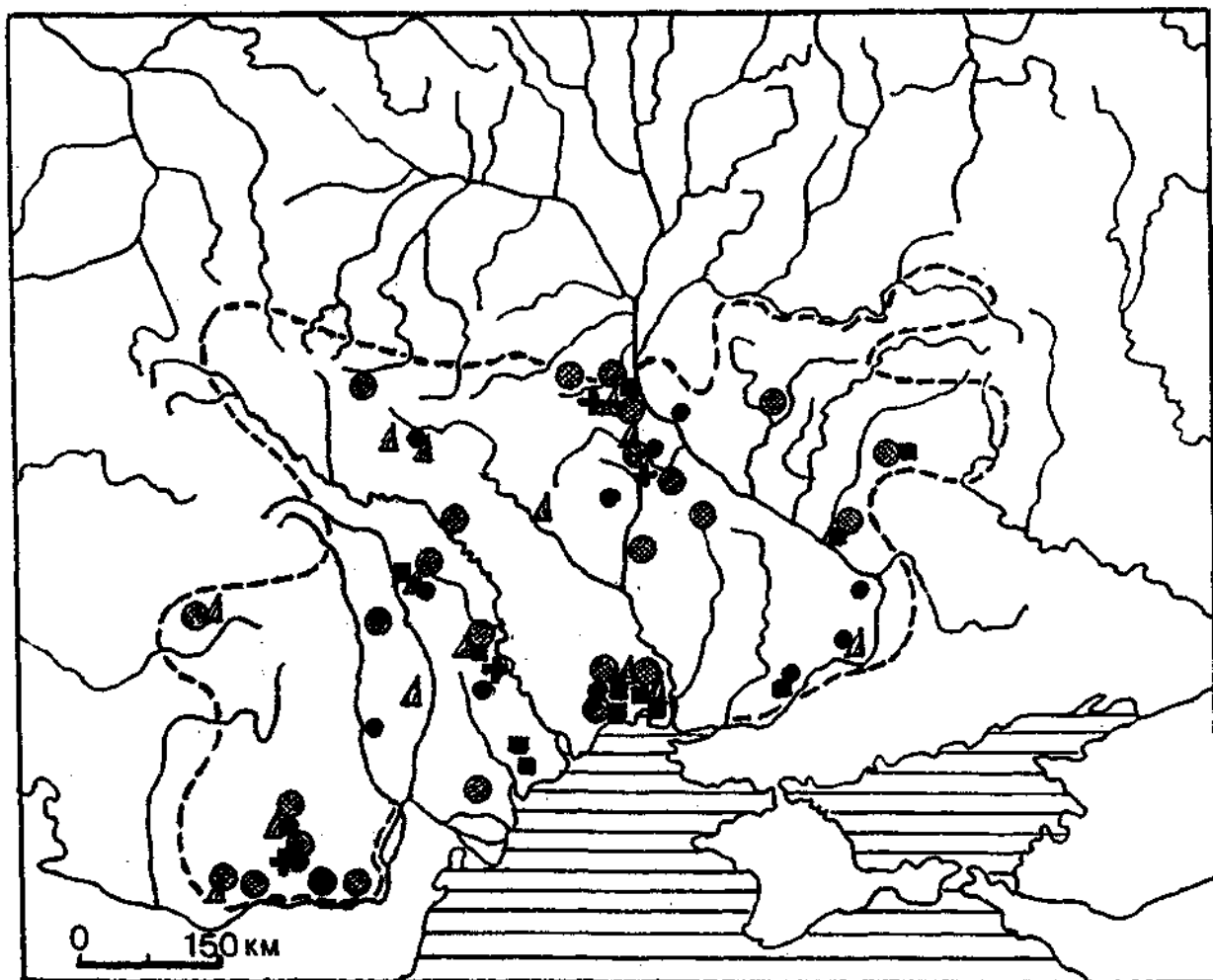
О том, что население, оставившее черняховские труположения, происходит от скифо-сарматского, достаточно отчетливо свидетельствуют и материалы палеоантропологии. Черняховское население, представленное захоронениями по обряду ингумации, принадлежит к мезодолихокранному антропологическому типу. К этому же типу относится и скифское население как степных, так и лесостепных регионов Северного Причерноморья. Сопоставление деталей строения черепов из скифских и черняховских могильников приводит антропологов к заключению, что носители черняховской культуры в значительной части были потомками местного ираноязычного населения [40]. Это наблюдение позволяет полагать, что сарматское распространение в Скифии представляло инфильтрацию отдельных групп сарматов из Нижнего Поволжья в среду более многочисленного позднескифского населения. В результате в Скифии распространялась сарматская культура, и язык скифов, принадлежащий к северо-восточной подгруппе восточноиранских языков, приобрел особенности, свойственные диалекту сарматов, относящемуся к той же подгруппе восточных иранцев.

Собственно сарматскими, обнаруживающими сходство с краниологическими материалами нижеволжских сарматов, являются черепа, характеризующиеся мезобра-

хикранией или брахикранией и более широким лицом. Такие черепа обнаружены в ряде черняховских могильников междуречья Днестра и нижнего Дуная (Будешты, Боканы, Спанцев, Ербичень). М.С.Великанова утверждает, что брахикранные черепа из Будештского могильника сопоставимы с краниологическими материалами сарматов Нижнего Поволжья [41]. Интересно, что короткоголовые широколицые черепа в черняховских могильниках Северо-Западного Причерноморья представляют значительную примесь; наряду с ними в краниологических сериях из этих памятников представлен также мезодолихокранный антропологический тип, связываемый с гето-дакийским населением. Следовательно, в формировании антропологического строения черняховского населения рассматриваемого региона участвовали и пришлые сарматы, и местное население, принадлежавшее к фракийской языковой группе. Об участии местных карпских и дакийских племен в генезисе черняховского населения Дунайско-Днестровского региона, как уже говорилось, надежно свидетельствуют и археологические материалы. Э.А.Рикману принадлежит работа, суммирующая данные по этому вопросу [42].

Выявляется и вклад сарматского населения в материальную культуру черняховского населения. Так, некоторые типы лепной черняховской посуды бесспорно ведут свое происхождение от скифо-сарматской керамики. К таковым принадлежат горшки с невысоким сферическим туловом, высоким горлом и широким дном, сосуды вытянутых пропорций с краем в виде раструба и плавно изогнутыми плечиками, горшки с высоким венчиком, имеющие многочисленные аналогии в памятниках сарматов Северного Причерноморья. Есть в черняховской керамической коллекции и сосуды, продолжающие позднескифские традиции. Сарматский облик имеют и некоторые гончарные сосуды черняховской культуры [43].

Можно говорить и о сарматском происхождении некоторых вещевых находок черняховских памятников. Румынские археологи причисляют к таковым костяные украшения призматической формы, орнаменти-

● а ■ б + в ▲ г ● д ⊃ е

Рис. 91. Основные сарматские элементы в могильниках черняховской культуры

Могильники: а — с погребениями в подбоях; б — со скорченными захоронениями; в — с деформированными черепами; г — с погребениями, в которых встречены куски мела; д — с доминированием погребений по обряду труположения; е — ареал черняховской культуры

рованные кольцевым узором, и ожерелья, составленные из бус [44]. К сарматскому наследию, скорее всего, принадлежат мелкие цилиндрические, чечевицеобразные и сферические спаянные бусы, встречаемые как на сарматских, так и на черняховских памятниках.

Скифо-сарматской традицией на черня-

ховских поселениях являются некоторые типы каменных построек, в частности, многокамерные жилища и комплексы, включающие несколько помещений, сгруппированных вокруг внутреннего двора и объединенных каменной стеной. Такие строения по планировке, интерьеру, отопительным устройствам и характеру кладки весьма близ-

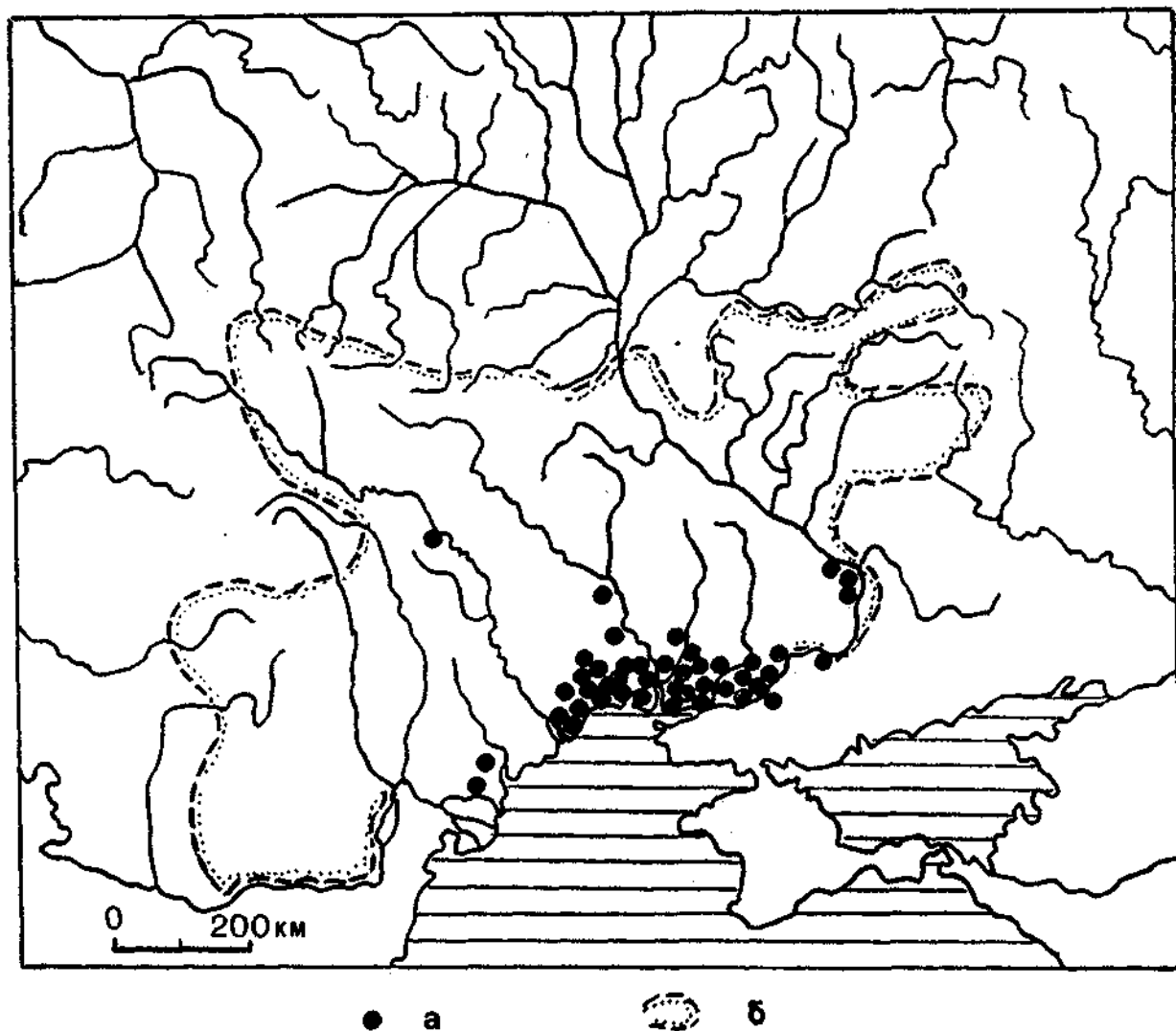

Рис. 92. Каменное домостроительство в черняховском ареале

а — поселения с каменными постройками; б — ареал черняховской культуры

ки к каменному домостроительству позднескифских памятников Северного Причерноморья [45]. Суммарное распространение каменных домов в черняховском ареале показано на рис. 92.

Если черняховский обряд труположения в основном восходит к сарматской погребальной обрядности, то обряд кремации этой культуры восходит к нескольким этнокультурным образованиям предше-

ющего времени — пшеворскому, позднезарубинецкому, вельбарскому, а в Днестровско-Дунайском междуречье — и гето-дакийскому.

К сожалению, погребения по обряду трупосожжения черняховских могильников не имеют ярких особенностей, подобных сарматскому наследию. Н.М.Кравченко, проанализировав черняховские трупосожжения, подразделила их на девять основных типов [46].

Погребения в урнах, имеющих покрытие, которые отнесены к типам 1 и 2, бесспорно связаны с гето-дакийской обрядностью. Они распространены преимущественно в Дунайско-Днестровском регионе и в небольшом числе зафиксированы в черняховских могильниках других территорий. Наследием пшеворской обрядности, согласно Н.М.Кравченко, являются особенности захоронений типа 8. Они совершались в открытой урне, с «тризной». Исследовательница подразделяет их на три варианта, один из которых образуют захоронения в перевернутой вверх дном урне.

Захоронения типов 4 (в закрытой урне, с «приношениями») и 7 (в закрытой урне, с «тризной») принадлежат к смешанным образованиям. В погребениях типа 4 наблюдается смещение черт липицкого и зарубинецкого обрядов. Н.М.Кравченко полагает, что этот тип сформировался в регионе Прикарпатья — Поднестровья, сочетая в себе гето-дакийские и пшеворские (унаследованные от позднезарубинецкого населения) элементы. Такое же смешение пшеворского и гето-дакийского обрядов наблюдается и в трупосожжениях, отнесенных к типу 7.

Сравнительно небольшим числом представлены в черняховских могильниках трупосожжения типа 5 (в открытой урне, с «приношениями»), сопоставимые с зарубинецкой обрядностью. Происхождение остальных типов выяснить затруднительно. Погребения, отнесенные к типу 9, содержат и элементы пшеворской обрядности, и особенности североевропейских захоронений, и черты липицкой обрядности.

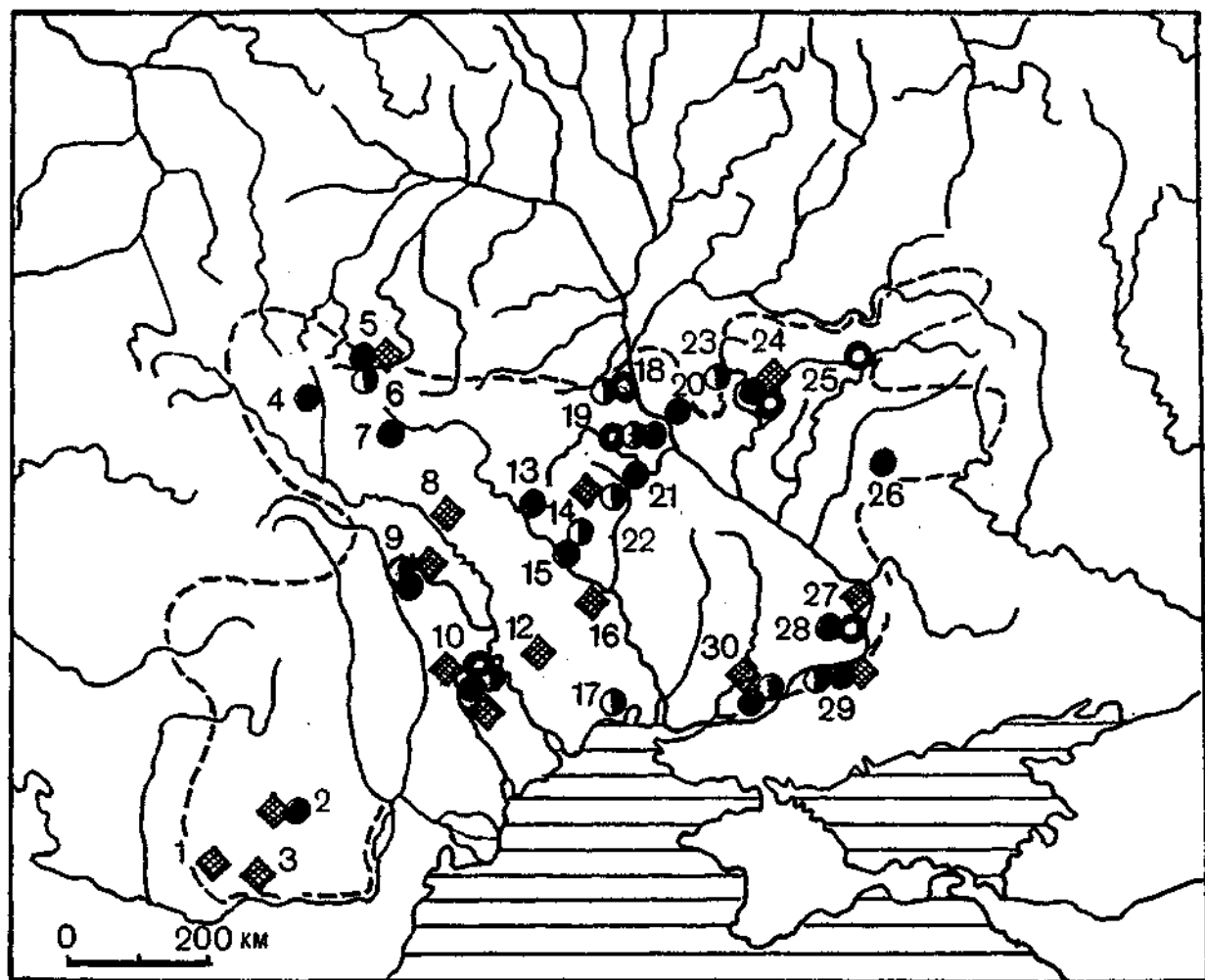
Распространение захоронений разных типов показано на рис. 93. Картирование показывает, что трупосожжения пшеворского облика сосредоточены преимущественно в лесостепной части черняховского ареала. Известны они также на нижнем Днестре. Могильники с погребениями, которым присущи зарубинецкие особенности, весьма малочисленны и локализуются в основном в Среднем Поднепровье.

Другим элементом, свидетельствующим о значительном участии пшеворского насе-

ления в формировании и развитии черняховской культуры, является лепная керамика. Основываясь на региональных изысканиях [47] и типологической характеристике больших масс этой посуды, выполненной Г.Ф.Никитиной [48], можно говорить о большом многообразии черняховского керамического материала. Выше уже отмечалось, что некоторые формы лепной посуды имеют сарматские истоки. Выявляются также параллели с гето-дакийскими древностями, есть сосуды достоверно вельбарского происхождения, отдельные формы обнаруживают сходство с керамикой приэльбских германцев. Но наиболее распространенными в черняховской культуре были лепные сосуды, сопоставимые по форме и другим особенностям с пшеворской глиняной посудой.

Аналогии в древностях пшеворской культуры имеют черняховские горшки всех трех групп классификации Г.Ф.Никитиной. Таковы сосуды группы «А» (с отогнутым венчиком) типов 5 (приземистые, округлобокие с наибольшим расширением в средней части и зауженным низом), 6 (с биконическим туловом и коротким венчиком), 10 (вытянутых пропорций, с овальным туловом), 11 (с раздутым туловом на плитчатом поддоне) и 14 (при высоте, равной диаметру венчика, с узким дном); горшки группы «Б» (с прямым венчиком) типа 1 (с крутыми плечиками при наибольшем диаметре в верхней части); горшки группы «В» (с вогнутым венчиком) типов 3 (вытянутые, с равномерно раздутым туловом) и 4 (вазообразные). Распространение черняховской лепной керамики, сопоставимой с пшеворскими формами, показано на рис. 94. Карта показывает, что эта посуда бытовала в основном в лесостепных регионах черняховского ареала, там, где фиксируется и пшеворское наследие в погребальной обрядности.

Весьма вероятно, что в основном с пшеворским компонентом связано и распространение в черняховской культуре лепной посуды, находящей параллели как в пшеворских, так и в вельбарских древностях. Носители вельбарской культуры, как

● а ◐ б ○ в ◆ г - - - е

Рис. 93. Типы трупосожжений в черняховских могильниках

Могильники: а — с трупосожжениями пшеворского облика (тип 8 по Н.М.Кравченко); б — с сожжениями пшеворско-гето-дакийского типа (типы 4 и 7); в — с сожжениями, сопоставимыми с зарубинецкой обрядностью (тип 5); г — с сожжениями, сопоставимыми с гето-дакийской обрядностью (типы 1 и 2); е — ареал черняховской культуры

1 — Олтень; 2 — Тыргшор; 3 — Спанцев; 4 — Подволочиск; 5 — Шумск; 6 — Раковец; 7 — Редкодубы; 8 — Вилы Яругские; 9 — Малаешты; 10 — Будешты; 11 — Данчены; 12 — Фрунзовка; 13 — Косаново; 14 — Орадиевка; 15 — Рыжевка; 16 — Каменная Балка; 17 — Коблево; 18 — Черняхов; 19 — Ромашки; 20 — Переяслав-Хмельницкий; 21 — Завадовка; 22 — Маслово; 23 — Гурбинцы; 24 — Лохвица; 25 — Сумы; 26 — Кантемировка; 27 — Привольное; 28 — Ново-Александровка; 29 — Каменка-Днепровская; 30 — Гавриловка

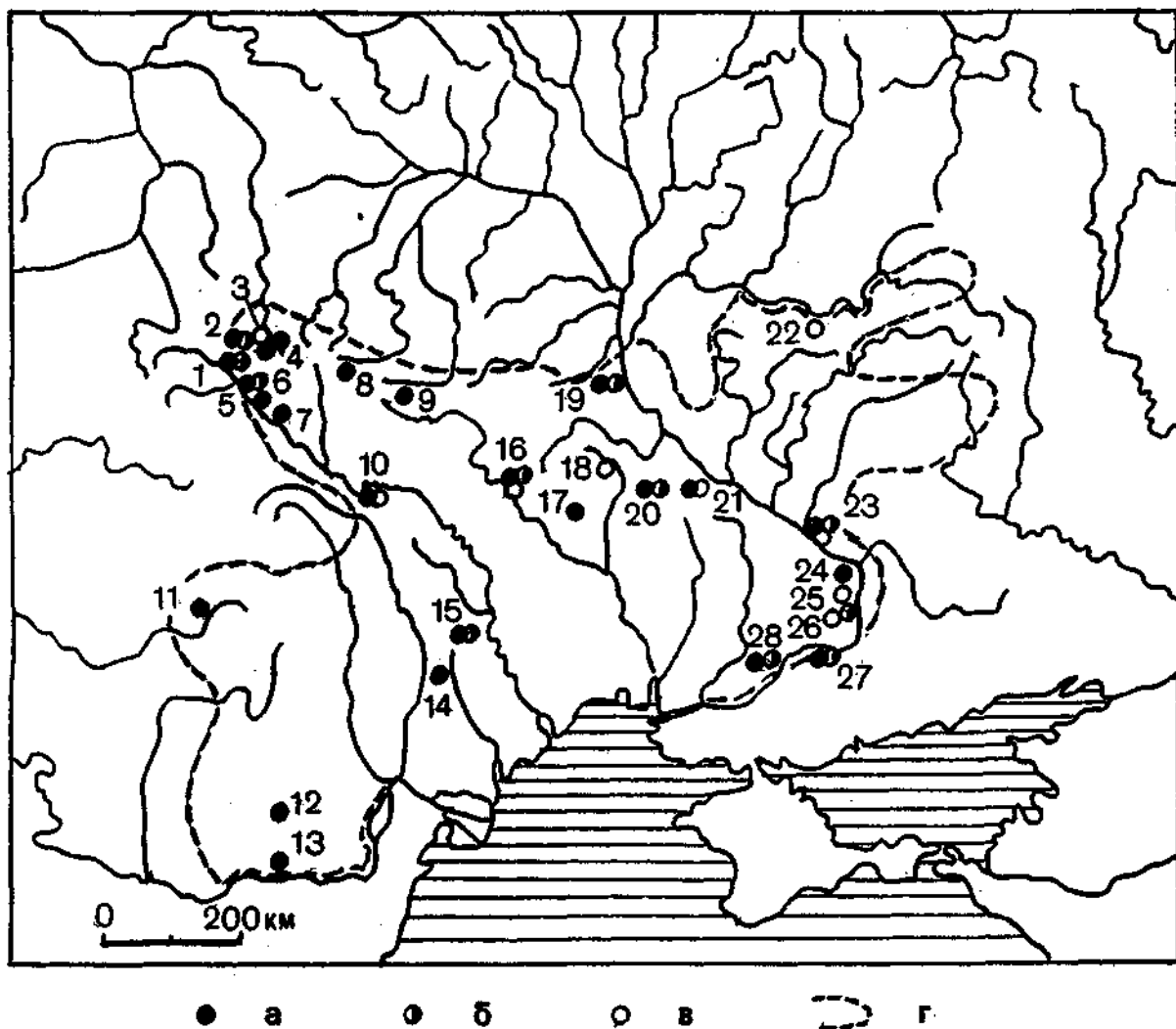

Рис. 94. Памятники черняховской культуры с лепной керамикой, сопоставимой с пшеворской и зарубинецкой глиняной посудой

Поселения и могильники: а — с находками лепной керамики, сопоставимой с пшеворской; б — с находками керамики, сопоставимой и с пшеворской, и с зарубинецкой посудой; в — с находками керамики, сопоставимой с зарубинецкой; г — границы черняховского ареала

- 1 — Демьянов; 2 — Рипнев II; 3 — Черепин; 4 — Неслухов; 5 — Бовшев II; 6 — Пряжев; 7 — Городница; 8 — Раковец; 9 — Сухостав; 10 — Комаров; 11 — Сынтана-де-Муреш; 12 — Тыргшор; 13 — Спанцев; 14 — Комрат; 15 — Буденгты; 16 — Косаново; 17 — Рыжевка; 18 — Маслово; 19 — Черняхов; 20 — Журавка; 21 — Ломоватое; 22 — Успенка; 23 — Компанийцы; 24 — Волошское; 25 — Ново-Александровка; 26 — Привольное; 27 — Каменка; 28 — Гавриловка

отмечалось выше, в процессе распространения в южном направлении включили в свой состав немалые группы пшеворского населения Мазовии, Подлясья и Волыни. Общие черты в керамике пшеворского и вельбарского населения и были обусловлены частичной метисацией носителей этих культур. К керамике, имеющей пшеворское или вельбарско-пшеворское происхождение, относятся яйцевидные горшки с загнутым внутрь краем, биконические миски «закрытого типа» и биконические невысокие кружки.

Сравнительно немногочисленные формы черняховской лепной керамики обнаруживают сходство с позднезарубинецкой посудой. Это горшки типов 3, 12 (вариант 1) и 13 группы «А» классификации Г.Ф.Никиотиной. Обнаруживаются также лепные сосуды (например, горшки типов 7 и 9 группы «А»; типа 3 группы «Б»; типа 1 группы «В»; миски типов 2, 10 и 11), которые сопоставимы как с зарубинецкой, так и с пшеворской керамикой.

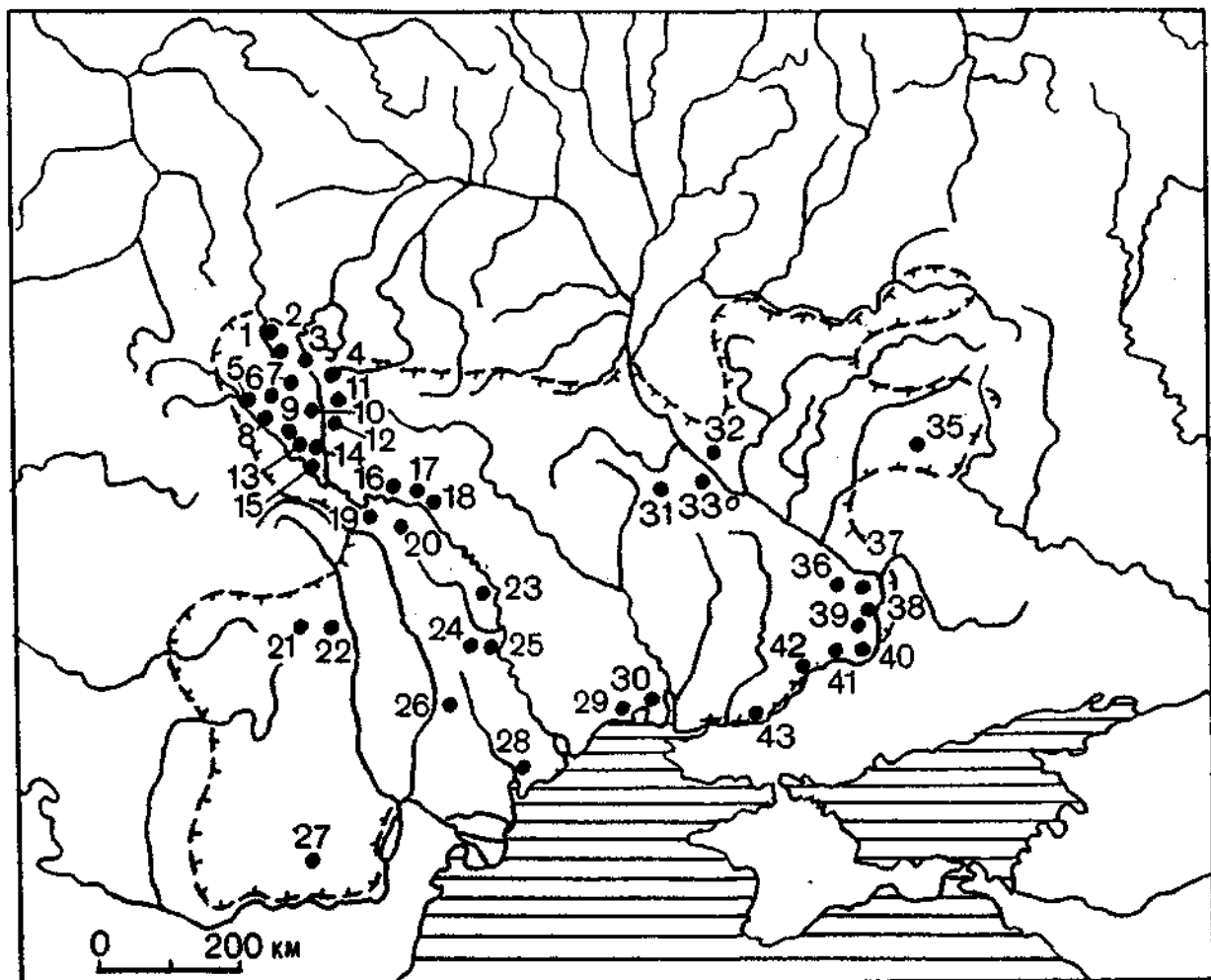
Типологическое изучение лепной керамики черняховской культуры бесспорно свидетельствует о значительном участии пшеворского этнического компонента в генезисе черняховского населения. Пшеворские элементы в черняховских древностях количественно занимают второе место после скифо-сарматских. Вполне очевидно, что пшеворские племена (вместе с остатками позднезарубинецких) составили наряду с местным ираноязычным населением ядро носителей черняховской культуры.

Еще одна этнографическая особенность черняховской культуры — полуземляночные жилища — связана, по всей вероятности, с тем же пшеворским по происхождению этническим компонентом. В пользу этого говорит и их распространение (рис.95) — преимущественно в регионах, в которых наблюдается концентрация пшеворских элементов, описанных выше. Регионом наибольшей концентрации полуземляночных жилищ является Верхнее Поднестровье. Здесь они были доминирующим типом домостроительства, а на некоторых поселениях (например, в Демьянове и Черепине) — единственной формой жилых строений.

Черняховские дома с опущенным в грунт полом весьма разнохарактерны по своим деталям — формам, размерам, интерьеру. К сожалению, многие из таких построек раскопаны были не на современном уровне методики, поэтому классификация черняховских полуземлянок во многом затруднена. Разнотипность их, по-видимому, обусловлена тем, что эти постройки не привнесены были в черняховский ареал в готовом виде. Конечно, не все черняховские полуземлянки можно связывать с пшеворским компонентом. Безусловный интерес представляет то, что в процессе эволюции черняховской культуры в ее лесостепных землях постепенно вырабатывается подквадратная в плане полуземлянка с печью или каменным очагом в одном из углов. Такие жилища в начале средневековья стали одной из характерных черт пражско-корчакской и пеньковской культур славянства. Подобные раннесредневековым сформировавшиеся полуземляночные постройки с печью или очагом в углу исследовались на ряде черняховских поселений, в том числе в Черепине, Демьянове, Рипневе, Бовшеве, Ракобутах.

Еще один этнический компонент несомненно участвовал в сложении и эволюции черняховской культуры. Это были готы или гото-гепиды, а также представители других восточногерманских племен. Движение готов в нижнедунайскую Готию надежно документируется картографией поселений с «большими домами» германского типа (рис. 96). Распространение таких жилищ показывает, что готы продвигались к Черному морю через Волынь и Среднее Поднестровье. На этом пути какая-то часть гото-гепидского населения осела на черняховских поселениях Поднестровья.

Другим немаловажным показателем именно такого пути миграции готов являются культовые ямы на черняховских могильниках, которые были описаны выше, а также наличие различных каменных конструкций в некоторых захоронениях (рис. 96). Присутствие в погребениях черняховской культуры вымосток из камня и иных каменных конструкций следует рассматри-

● а ⋯ б

Рис. 95. Распространение жилищ-полуземлянок в черняховской культуре

а — поселения, на которых исследовались полуземляночные жилища; б — ареал черняховской культуры

1 — Ракобуты; 2 — Неслухов; 3 — Рипнев II и III; 4 — Княже; 5 — Черепин; 6 — Чижиков; 7 — Купче; 8 — Демьянов; 9 — Бовшев; 10 — Путятинцы; 11 — Верхний Иванов; 12 — Коростовичи; 13 — Теревовля; 14 — Лучинцы; 15 — Незвиско; 16 — Лука Врублевская; 17 — Сокол; 18 — Бакота; 19 — Русяны; 20 — Макаровка; 21 — Костиша-Мяноция; 22 — Кутэа; 23 — Солонченъ; 24 — Будешты; 25 — Делакэу; 26 — Комрат; 27 — Стрэулешту; 28 — Приморское; 29 — Викторовка; 30 — Березанка; 31 — Журавка; 32 — Новочиновско; 33 — Червона Слобода; 34 — Ломоватое; 35 — Пересечное; 36 — Лоцмано-Каменка; 37 — Волошское; 38 — Никольское; 39 — Башмачка; 40 — Привольное

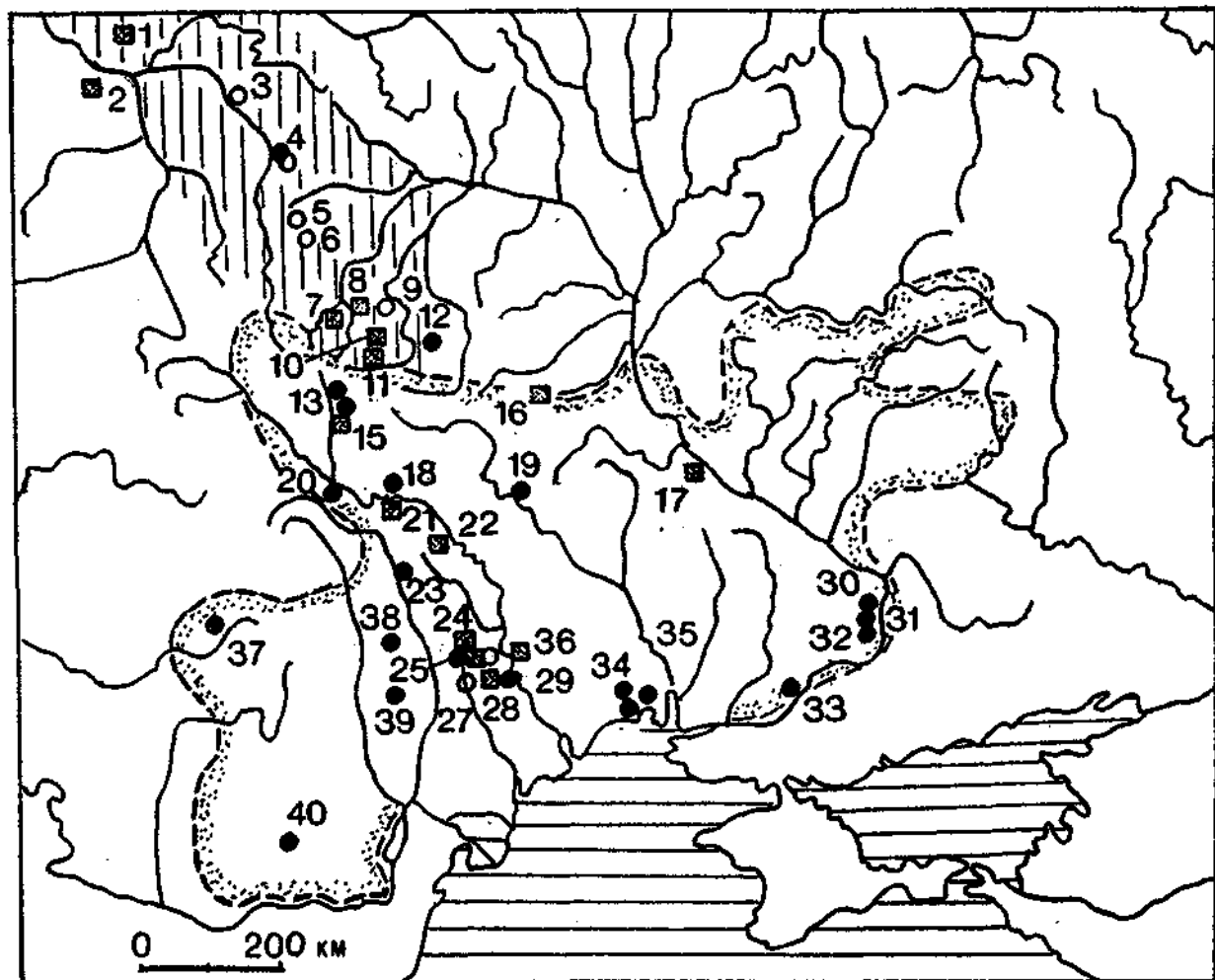

Рис. 96. Следы миграции готов к Черному морю

а — поселения с «большими домами»; б — могильники с захоронениями, в которых зафиксировано применение камня; в — могильники с ритуальными ямами; г — граница черняховского ареала; д — ареал вельбарской культуры

1 — Пошвентне; 2 — Вулька Лясецка; 3 — Дрогичин-Козарувка; 4 — Брест-Тришин; 5 — Любомль; 6 — Машев; 7 — Боратин; 8 — Костянец; 9 — Городок Ровенский; 10 — Лепесовка; 11 — Викнины Великие; 12 — Кутки; 13 — Глецева; 14 — Увисла; 15 — Сухостав; 16 — Ягнятин; 17 — Леськи; 18 — Косаново; 19 — Устье; 20 — Городница; 21 — Русяны; 22 — Собарь; 23 — Малаешты; 24 — Загайканы; 25 — Будешты; 26 — Делакаэ; 27 — Данчены; 28 — Комрат; 29 — Балшаты II; 30 — Привольное; 31 — Августиновка; 32 — Ново-Александровка; 33 — Гавриловка; 34 — Ранжевое; 35 — Викторовка II; 36 — Коблево; 37 — Палатка; 38 — Ербичени; 39 — Петрис; 40 — Тыргшор

вать как результат влияния северногерманского погребального ритуала. Подобные конструкции из камней (вымостки под труположениями, оградки, ящики, засыпи в могильных ямах) составляли характерную особенность захоронений римского времени в Скандинавии и на Готланде. В черняховском ареале применение камня в погребениях зафиксировано преимущественно в Северо-Западном Причерноморье, где захоронения с каменными конструкциями составляли в некоторых могильниках от 3 до 15% общего числа исследованных. Заслуживает внимания то, что каменные выкладки совершались и там, где поблизости не было камня и, следовательно, для совершения ритуала его приходилось привозить. Кроме региона, примыкающего к Черному морю с северо-запада, захоронения с применением камня открыты в единичных случаях на нижнем Днепре, где наблюдаются и другие германские культурные элементы, а также по пути миграции готов и других восточногерманских племен к Черному морю. В большинстве случаев на черняховской территории выявлены в могилах заклады или перекрытия из камней. Нередко камнями в один-два ряда перекрывали канавку с останками умершего, вырытую на дне могилы. В могильниках Балцаты II и Викторовка II открыты труположения, обставленные крупными камнями. Погребения в каменных ящиках единичны (Глещева, Городница, Увисла).

Инфильтрация германского населения в среду черняховского не ограничивалась регионом Северо-Западного Причерноморья. Картография вельбарских элементов, выявляемых в черняховском ареале (рис. 98), показывает, что носители вельбарских древностей небольшими группами распространились довольно широко [49]. В бассейне верхнего течения Южного Буга и на среднем Днестре открыты собственно вельбарские поселения, функционировавшие среди черняховского окружения. В других регионах вельбарские элементы выявляются на черняховских поселениях преимущественно в керамических материалах (приземистые яйцевидные и вазовидные сосуды, харак-

терные миски, иногда снабженные X-видными ушками), составляя сравнительно небольшую часть их, а также в отдельных типах украшений северноевропейского происхождения. Совершенно очевидно, что носители вельбарских древностей селились на поселениях черняховской культуры среди иноплеменного населения. В большинстве случаев вельбарские переселенцы, очевидно, составляли сравнительно небольшой процент населения того или иного региона. Но имелись в черняховском регионе, судя по могильнику Косаново на Южном Буге, местности, где вельбарское население было сравнительно многочисленным. Своеобразие Косановского могильника, выделяющее его из среды черняховских, состоит в сравнительно большом числе глиняных лепных сосудов вельбарских форм [50]. Существенно то, что все эти сосуды обнаружены в погребениях в комплексах с черняховской гончарной керамикой, свидетельствуя о включении вельбарских переселенцев в состав черняховского населения. Керамика вельбарских форм сравнительно многочисленна и в погребениях могильника Компанийцы на левобережье Днепра.

О разрозненном расселении германского населения говорят и находки в черняховских погребениях костей птиц. Выше при характеристике пшеворских древностей было отмечено распространение в части германского мира обычая сопровождать умершего заупокойной пищей, отраженного находками в захоронениях костей птиц. При раскопках черняховских могильников кости птиц в качестве жертвенной пищи зафиксированы в значительно меньшем числе погребений по сравнению с захоронениями, содержащими кости овец и баранов и отражающими сарматский ритуал, но весьма широко (рис. 97). Почти во всех могильниках это были единичные погребения.

О наличии в составе черняховского населения германского этнического компонента свидетельствуют и находки вещей с руническими надписями (рис. 97).

Сформировавшаяся черняховская культура несколько изменила облик вельбарской культуры Волыни и Западного По-

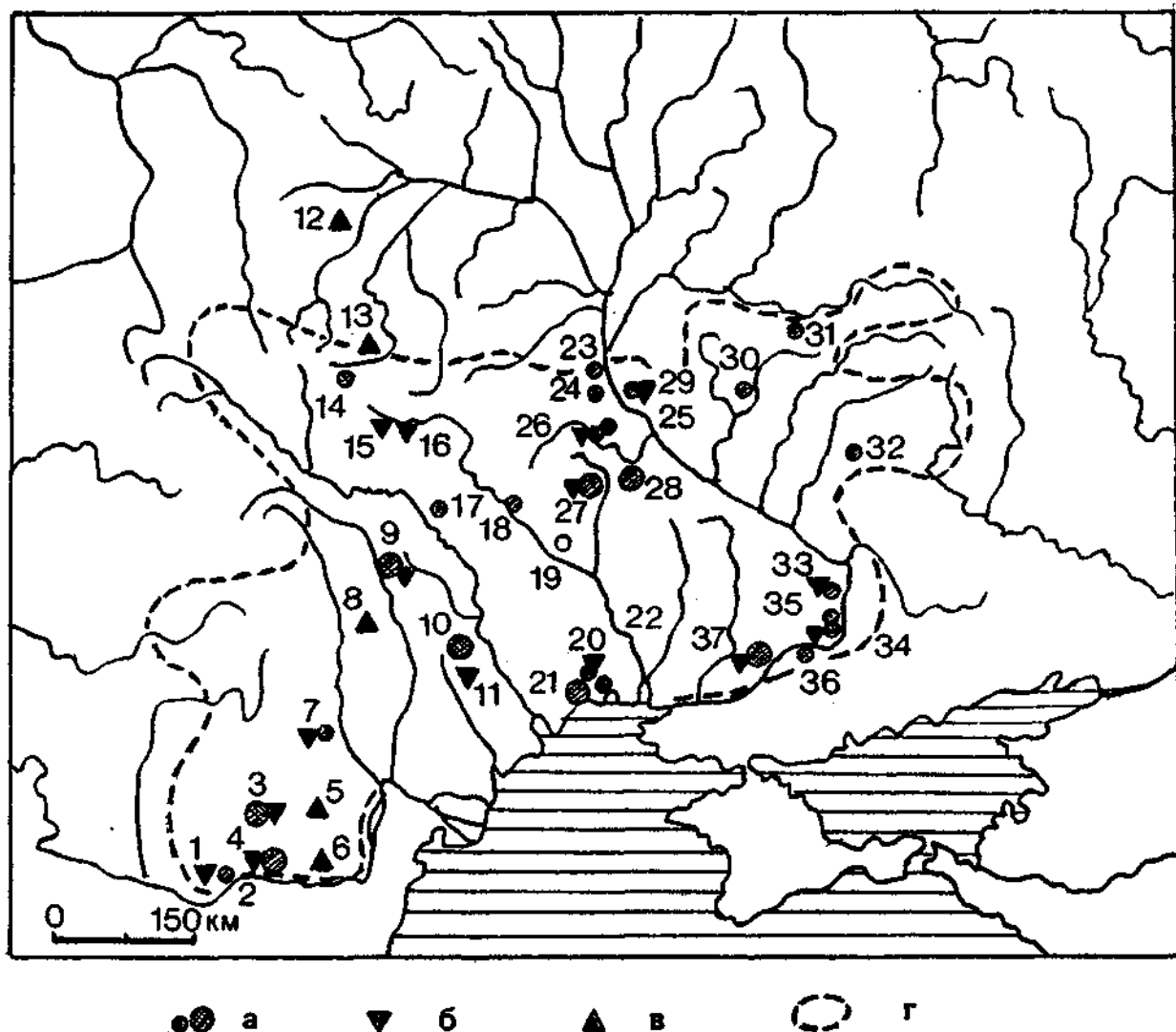
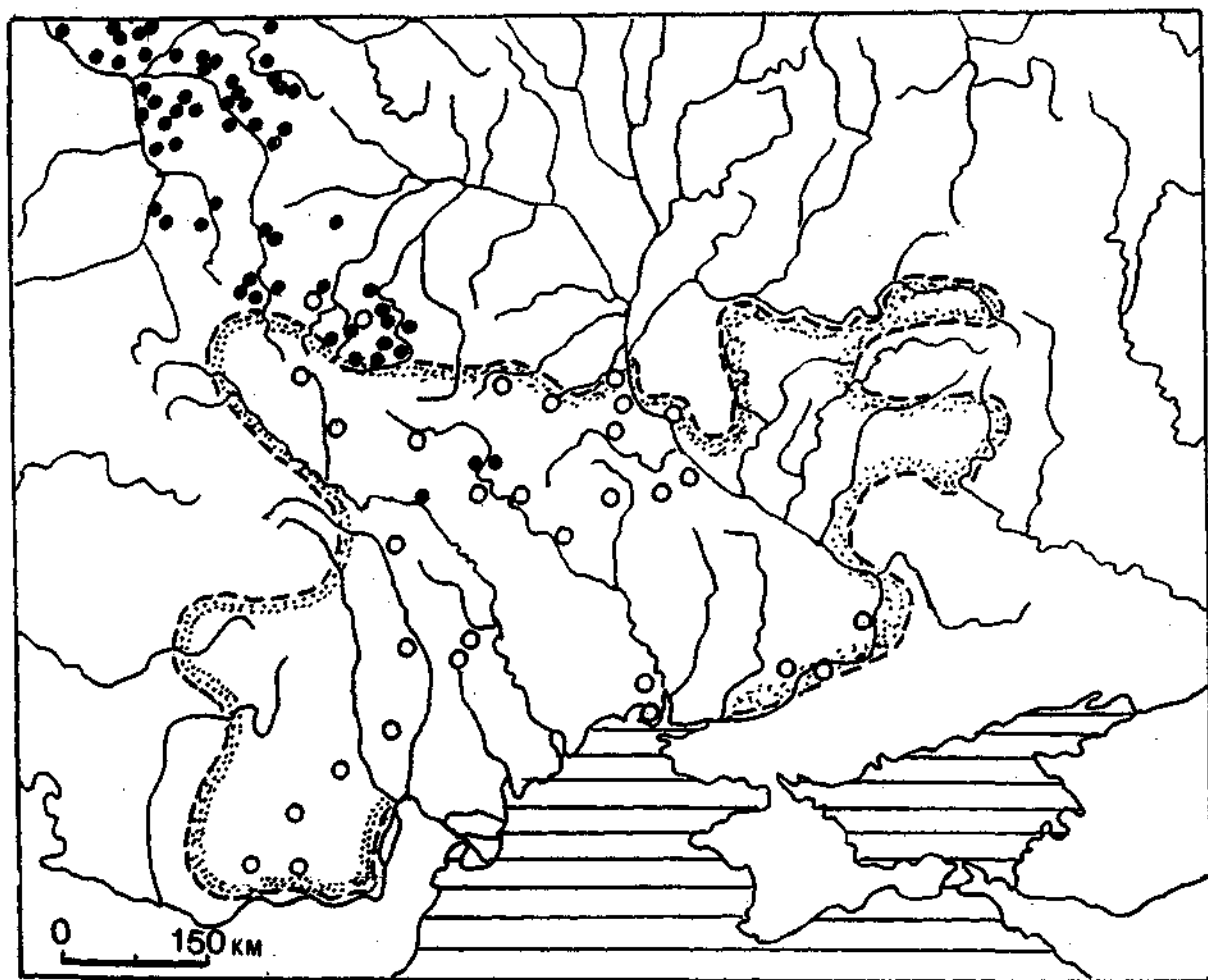

Рис. 97. Памятники с отдельными германскими элементами

а — могильники, в которых открыты погребения с «жертвенной пищей» в виде частей туш крупного и мелкого рогатого скота и лошади; б — могильники с погребениями, в которых встречены кости птиц; в — находки предметов с руническими надписями; г — ареал черняховской культуры

1 — Олтень; 2 — Изворул; 3 — Тыргшор; 4 — Спанцев; 5 — Петроссы (Пьетроаса); 6 — Раду Негру; 7 — Лунка; 8 — Лецкани; 9 — Малаешты; 10 — Будешты; 11 — Балцаты; 12 — Сушично; 13 — Лепесовка; 14 — Раковец; 15 — Редкодубы; 16 — Ружичанка; 17 — Заячивка; 18 — Косаново; 19 — Данилова Балка; 20 — Ранжевое; 21 — Коблево; 22 — Викторовка II; 23 — Деревянное; 24 — Черняхов; 25 — Телешовка; 26 — Ромашки; 27 — Маслово; 28 — Журавка; 29 — Переяслав-Хмельницкий; 30 — Лохвица; 31 — Успенка; 32 — Кантемировка; 33 — Войсковое; 34 — Привольное; 35 — Ново-Александровка; 36 — Каменка-Днепровская; 37 — Гавриловка

• а ○ б ⊙ в

Рис. 98. Памятники черняховской культуры с вельбарскими элементами (по В.Д.Барану, Е.Л.Гороховскому и Б.В.Магомедову с небольшими дополнениями)

а — памятники вельбарской культуры; б — памятники черняховской культуры с вельбарскими элементами; в — ареал черняховской культуры

лесья. На вельбарских поселениях и в меньшей степени в могильниках наряду с характерной для этой культуры керамикой распространяется черняховская гончарная посуда. Образуются вельбарско-черняховские поселения и могильники. Вероятно, в вельбарский регион проникали носители черняховской культуры. Некоторые исследователи склонны рассматривать древности Во-

лыни и Западного Полесья III—IV вв. как особый вариант черняховской культуры, с чем трудно согласиться. Вельбарские элементы сохраняются в этом регионе вплоть до последних десятилетий IV в. и свидетельствуют о неоднократных притоках сюда новых переселенцев, по-видимому, из восточногерманских земель.

Немногочисленность германского насе-

ления в основной части черняховской культуры, его разбросанное расселение небольшими группами среди иноплеменников привели в конечном итоге к ассимиляции этого компонента. Вельбарские элементы на заключительном этапе развития черняховской культуры уже не обнаруживаются. К началу V в. вельбарское население покинуло вольтыноско-полесские земли.

Особое место в истории черняховской культуры занимает регион Северо-Западного Причерноморья, где готское население было господствующим этносом на протяжении двух-трех столетий. Это была Готия, достаточно хорошо известная по письменным источникам.

Черняховское население, сложившееся в условиях территориального смешения нескольких этнокультурных групп, оставалось пестрым в этническом отношении. Рассмотренные выше сарматские, пшеворские и вельбарские элементы, выявляемые в погребальной обрядности, домостроительстве и керамических материалах, нельзя считать этноопределяющими признаками. Совместное проживание на одной территории различных этнических групп безусловно вело к метисации населения. В результате этнографические признаки в той или иной степени перемешивались, нивелировались, теряли свое прежнее значение. В такой ситуации определять на основании отдельных этнографических особенностей племенную принадлежность индивидуальных погребений или жителей того или иного дома было бы некорректным.

Неравномерная концентрация различных этнографических особенностей, унаследованных черняховской культурой от слагаемых древностей (скифо-сарматских, гето-дакийских, пшеворских, позднезарубинецких и вельбарских) явно свидетельствует о том, что в разных регионах черняховской территории имели место различные языковые и ассимиляционные процессы, которые, вероятно, остались незавершенными из-за сравнительной кратковременности функционирования рассматриваемой культуры.

Выделяется два региона черняховской культуры со своими специфическими осо-

бенностями, которые связаны с этногенезом славян. Один из них — Верхнеднепровский — занимает бассейн верхнего течения Днестра со смежными землями верховьев Западного и Южного Буга. Этому региону придает особое значение и В.Д.Баран. Отмечая его локальные особенности (широкое распространение полуземляночных жилищ и преобладание лепной керамики), возникшие на основе пшеворских и зарубинецких древностей, исследователь отмечает близость этих черт достоверно славянским культурам раннего средневековья [51].

Картография культурных особенностей, отнесенных выше к пшеворскому и зарубинецкому наследию (рис. 99), показывает исключительную концентрацию их в Верхнем Поднестровье. Они дают все основания для выделения этой области в отдельный вариант черняховской культуры. Можно напомнить, что это был регион первоначального становления черняховской культуры, откуда она распространялась по широкой территории. Спецификой этого региона является также крайняя малочисленность скифо-сарматских особенностей в обрядности и материальной культуре черняховских памятников. В этом регионе открыто немало могильников, в которых преобладали погребения по обряду кремации умерших (рис. 100). Все свидетельствует о доминирующей роли славянского этноса в Верхнеднепровском регионе. В пользу этого говорит и последующая история этого региона: здесь прослеживаются связи между черняховскими древностями и славянскими раннесредневековыми. Сарматские и вельбарские элементы, присутствующие в Верхнеднепровском регионе, весьма малочисленны, а в некоторых его частях отсутствуют вовсе. Все это как-будто указывает на то, что небольшие группы ираноязычного и германского населения здесь со временем растворились в славянской массе.

Другим регионом черняховской культуры с концентрацией пшеворских особенностей является Подольско-Днепровский, простирающийся от верхнего и среднего течения Южного Буга до левобережья среднего Днепра (рис. 99). Здесь так же, как и

Рис. 99. Верхнеднепровский и Подольско-Днепровский регионы черняховской культуры

а — Верхнеднепровский регион; б — Подольско-Днепровский регион; в — граница ареала черняховской культуры; г — поселения с жилищами-полуземлянками; д — могильники с доминированием захоронений по обряду трупосожжения; е — могильники с трупосожжениями, сопоставимыми с пшеворской обрядностью; ж — могильники, в которых среди труположений много захоронений с западной ориентировкой; з — памятники с находками лепной керамики, сопоставимой с пшеворской; и — могильники с трупосожжениями, сопоставимыми с зарубинецкой обрядностью; к — территория концентрации скифо-сарматских особенностей в черняховских могильниках

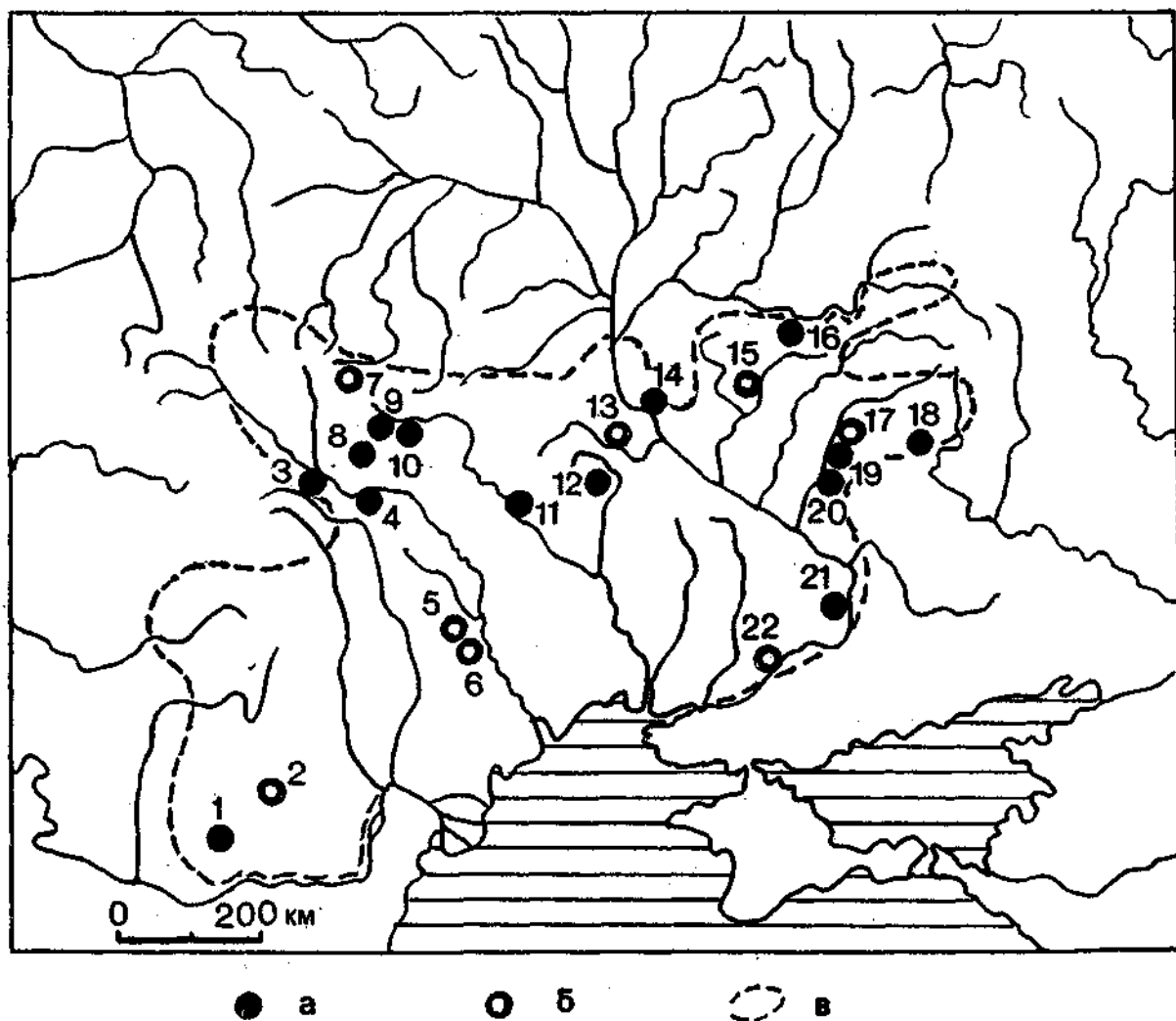

Рис. 100. Могильники черняховской культуры с большим количеством захоронений по обряду кремации умерших

а — могильники, в которых трупосожжения составляют около 50% и более захоронений; б — могильники с трупосожжениями, составляющими 30 — 48% (Картографированы только могильники, в которых раскопано не менее 10 погребений. Вычисления основаны на таблицах П_а и П_б раздела Э.А.Сымоновича в кн.: Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. Погребальные обряды племен черняховской культуры. Небольшие дополнения сделаны только по материалам румынских археологов); в — ареал черняховской культуры

1 — Олтень; 2 — Тыргшор; 3 — Островец; 4 — Оселивка; 5 — Будешты; 6 — Балшаты; 7 — Раковец; 8 — Вербки; 9 — Редкодубы; 10 — Ружичанка; 11 — Косаново; 12 — Маслово; 13 — Ромашки; 14 — Переяслав-Хмельницкий; 15 — Лохвица; 16 — Успенка; 17 — Кантемировка; 18 — Ново-Покровка; 19 — Новоселовка; 20 — Писаревка; 21 — Привольное; 22 — Гавриловка

в Верхнеднепровском регионе, немало могильников с доминированием захоронений по обряду трупосожжения, распространены погребения с пшеворскими и зарубинецкими особенностями и керамика, сопоставимая с пшеворской, на поселениях обычны полужемляночные жилища. Однако в отличие от Верхнеднепровского в этом регионе фиксируется и множество погребений с сарматскими чертами (рис. 89—91), явно свидетельствующих о двухкомпонентной структуре населения. Нужно полагать, что основу черняховского населения Подольско-Днепровского региона составили местные ираноязычные племена и расселившиеся здесь славяне — потомки носителей пшеворской и позднерубинецкой культур. Германский этнический элемент здесь несомненно присутствовал, но составлял ничтожную долю в массе славянского и иранского населения.

Два обстоятельства позволяют полагать, что в Подольско-Днепровском регионе доминирующую роль играли славяне и протекал процесс постепенной славизации ираноязычного компонента. Значительное число захоронений по обряду трупосожжения — явный показатель преобладания славянского компонента. Существенно то, что количество трупосожжений в этом регионе со временем постепенно, но заметно увеличивалось: численность таких погребений, относимых к IV в., значительно выше, чем в предшествующее столетие.

В Подольско-Днепровском регионе в большем количестве, чем в других частях черняховской культуры, открыты захоронения по обряду трупоположения с западной ориентировкой. В целом черняховские трупоположения с северной и западной ориентацией отличаются друг от друга некоторыми особенностями. Погребения, обращенные головами на север, как правило, сопровождаются многочисленным инвентарем, в том числе глиняными сосудами, количество которых иногда достигает пяти-десяти и более, могильные ямы сравнительно неглубокие, часто эти трупоположения подвергались преднамеренному ритуальному разрушению. Захоронения с западной ориентировкой

обычно лишены вещевого инвентаря или сопровождались единичными предметами. Планиграфия некоторых могильников свидетельствует, что трупоположения, обращенные головами на север, локализуются в более ранних частях некрополей. Развитие могильников начиналось с тех участков, где господствуют погребения с северной ориентировкой.

Судя по материалам Гавриловского могильника, каких-либо различий в антропологическом строении между северными и западными черняховскими трупоположениями не наблюдается [52]. Очевидно, что и те, и другие погребения оставлены в основном потомками прежнего скифо-сарматского населения. В этой связи допустимо предположение, что изменение ориентировки погребенных было обусловлено влиянием обрядности другого этноса, проживавшего на той же территории.

Как известно, для славянского похоронного ритуала, судя по средневековым материалам, было характерно положение умерших в могилы с западной ориентировкой. Целый ряд фактов свидетельствует, что эта черта обрядности славянства восходит к языческой поре, когда было принято класть умершего на погребальный костер головой на запад, то есть навстречу лучам восходящего солнца [53]. Весьма вероятно, что смена меридиональной ориентировки на западную в Подольско-Днепровском регионе черняховской культуры была следствием воздействия славян — носителей пшеворских особенностей на потомков скифо-сарматского населения. Согласно раннеславянскому погребальному ритуалу, умерший не сопровождался многочисленным инвентарем, абсолютное большинство языческих захоронений в славянском мире является безынвентарными, другие сопровождаются единичными вещами. Еще Л. Нидерле отмечал, что для древних славян была свойственна простота одежды и немногочисленность украшений. В безынвентарности и малоинвентарности черняховских трупоположений с западной ориентировкой Подольско-Днепровского региона в этой связи также можно видеть славянское влияние [54].

Процесс славизации ираноязычного населения в Подольско-Днепровском регионе, по-видимому, окончательно не был завершен. Однако это не препятствует заключению о том, что славяне черняховской культуры — это не только потомки пшеворских племен, но и ассимилированное скифо-сарматское население.

На основании различных данных в истории славяно-иранских языковых и культурных отношений выделяется период, характеризующийся активным воздействием иранского населения на одну из крупных частей славянства. Существенно то, что это влияние не затронуло весь славянский мир, а коснулось только его юго-восточной группы. Проявляется иранское влияние и в языковых материалах, и во многих сторонах культуры.

Следы иранского языкового воздействия на часть славянства обнаруживаются как в материалах лексики, так и в элементах фонетики и грамматики. В.И.Абаев показал, что изменение взрывного *g*, свойственного праславянскому языку, в задненебный фрикативный *y(h)* произошло лишь в ряде славянских наречий в условиях скифо-сарматского взаимодействия. Поскольку фонетика, как правило, не заимствуется у соседей, исследователь утверждает, что в формировании южной части восточного славянства (будущие украинские и южнорусские говоры) участвовал скифо-сарматский субстрат [55].

Тот же исследователь допускает, что результатом скифо-сарматского воздействия было и появление в восточнославянском языке генетива-аккузатива и близость восточнославянского с осетинским в перфектирующей функции превербов [56]. В.Н.Топоров объясняет беспредложный локатив-датель в славянском языке воздействием иранцев [57]. Эти фонетические и грамматические изменения в славянском языке региональны, охватывают лишь юго-восточные части древнего славянского мира и не могут быть отнесены слишком далеко вглубь праславянской истории.

Исследователи давно обратили внимание на иранское происхождение восточносла-

вянских языческих богов Хорса и Симаргла. Было достаточно убедительно показано, что они имеют скифо-сарматское начало и должны рассматриваться как заимствованные от иранского населения Северного Причерноморья [58]. Предприняты попытки обоснования скифо-сарматского происхождения и некоторых других теонимов славянского языческого пантеона [59]. В.И.Абаев полагал, что украинский *Вий* этимологически и семантически восходит к иранскому божеству ветра, войны, мести и смерти (скифский *Vauhka-sura*, названный Геродотом) [60]. Обнаруживаются также семантические и этимологические параллели между восточнославянским божеством Родом и осетинским *Naf (Род)* [61]. В языческом пантеоне западных славян божества иранского происхождения неизвестны. Усвоение и переработка частью славянского мира наследия иранской солярной мифологии отражены в митраистских заимствованиях в христианской религии [62].

Среди русских вождей, подписавших в X в. договор с Византией, были лица с именами иранского происхождения — Сфандръ, Прастень, Истръ, Фрастенъ, Фуръстенъ и другие [63]. Вполне очевидно, что в составе древнерусского общества имелись потомки ираноязычного населения.

Количество иранских параллелей в языке, культуре и религии славян настолько значительно, что возникает вопрос о славяно-иранском симбиозе, имевшем место в истории славянства. Вполне очевидно, что это историческое явление затронуло лишь часть славянского мира и часть иранских племен. В этот период, по-видимому, часть славянских племен и скифо-сарматы жили на одной территории, смешиваясь между собой, и в итоге ираноязычное население было ассимилировано.

География различных элементов иранского воздействия на славян надежно локализует славяно-иранский симбиоз в Северном Причерноморье, где обнаруживается плотная концентрация иранизмов и где ираноязычное население проживало длительное время. Культурно-языковые явления, отражающие славяно-иранское взаимодей-

ствие, не представляют возможностей для его абсолютной хронологии. Однако очевидно, что рассматриваемый исторический процесс начался на несколько столетий раньше, чем произошло заселение славянами Дунайских земель и Балканского полуострова, поскольку славянское население, осваивающее эти территории, уже испытало иранское воздействие. Известно, что первые славяне в этих областях появились в V—VI вв., следовательно, славяно-иранский симбиоз должен быть отнесен к первой половине I тыс. н.э. Таким образом, все материалы склоняют к тому же выводу, который был получен на чисто археологических данных: славяно-иранский симбиоз имел место в черняховской культуре.

В этой связи несомненный интерес представляет гидронимическая карта (рис. 101), составленная по изысканиям М.Фасмера, О.Н.Трубачева, В.Н.Топорова и В.Э.Орел [64]. В Северном Причерноморье водные названия иранского происхождения выявлены на всей территории расселения сарматских племен в предчерняховское время [65]. Сарматы в этих землях были последним крупным массивом ираноязычного населения: в послечерняховский период здесь уже господствовали тюркские племена. Иранская гидронимия Северного Причерноморья формировалась на протяжении многих столетий и передана была другим (неиранским) этноязыковым группам сарматами. Гидронимы раннеславянских типов, описанные О.Н.Трубачевым, на территории черняховской культуры известны преимущественно в Верхнем Поднестровье и в Подольско-Днепровском регионе. В последнем наблюдаются попеременно иранские и раннеславянские водные названия, подтверждающая мысль об имевшем место здесь славяно-иранском симбиозе.

Южная граница Подольско-Днепровского региона не была четкой. Пшеворские элементы выявляются также в нижнем течении Днепра и в Прутско-Днепровском междуречье. Нужно полагать, что в III—IV вв. отдельные группы славян достигали и этих земель. Однако выяснить на основании археологических материалов, какие эт-

нические процессы имели место среди разнородного черняховского населения в регионе нижнего Днепра, не представляется возможным. По всей вероятности, доминировали здесь готы и сарматы.

Судить о роли и месте славян в междуречье Днепра и нижнего Дуная также трудно. Большое число погребений по обряду трупосожжения, фиксируемое здесь в отдельных могильниках, может быть обусловлено значительным вкладом в генезис черняховского населения Северо-Западного Причерноморья гето-дакийских племен. О проникновении славянского населения в эти земли можно судить по распространенности в отдельных памятниках пшеворских особенностей. Но здесь же отчетливо проявляются и элементы сарматского наследия и несомненно присутствие гето-дакийских племен. Вполне очевидно, что черняховское население Северо-Западного Причерноморья было весьма пестрым в этническом отношении, но господствовали здесь, нужно полагать, готы. Это была Готия, известная по письменным памятникам IV—V вв. Термином «готы» авторы исторических трудов этого времени собирательно обозначали этнически различные племена, среди которых были и сарматы, и фракийцы, и, нужно полагать, славяне. Исследователи не раз обращали внимание на информацию историка последней четверти IV в. Аммиана Марцеллина, что готы, устремляясь в битву, «издавали шум на разных языках» [66].

Анализ погребальной обрядности черняховского населения междуречья нижнего Дуная и Днепра показывает, что здесь имели место неоднозначные явления, но процесс постепенного вытеснения ритуала кремации умерших обрядом трупоположения охватил, по-видимому, весь этот регион. Отмирание трупосожжений фиксируется, в частности, по материалам таких полно исследованных могильников, как Будешты, Тыргшор и Индепенденца [67]. Показательно, что в наиболее поздних черняховских могильниках Нижнего Подунавья, возникших в IV в., открыты только трупоположения. Преобладание трупоположений отличает могильники Днестровско-Дунайского

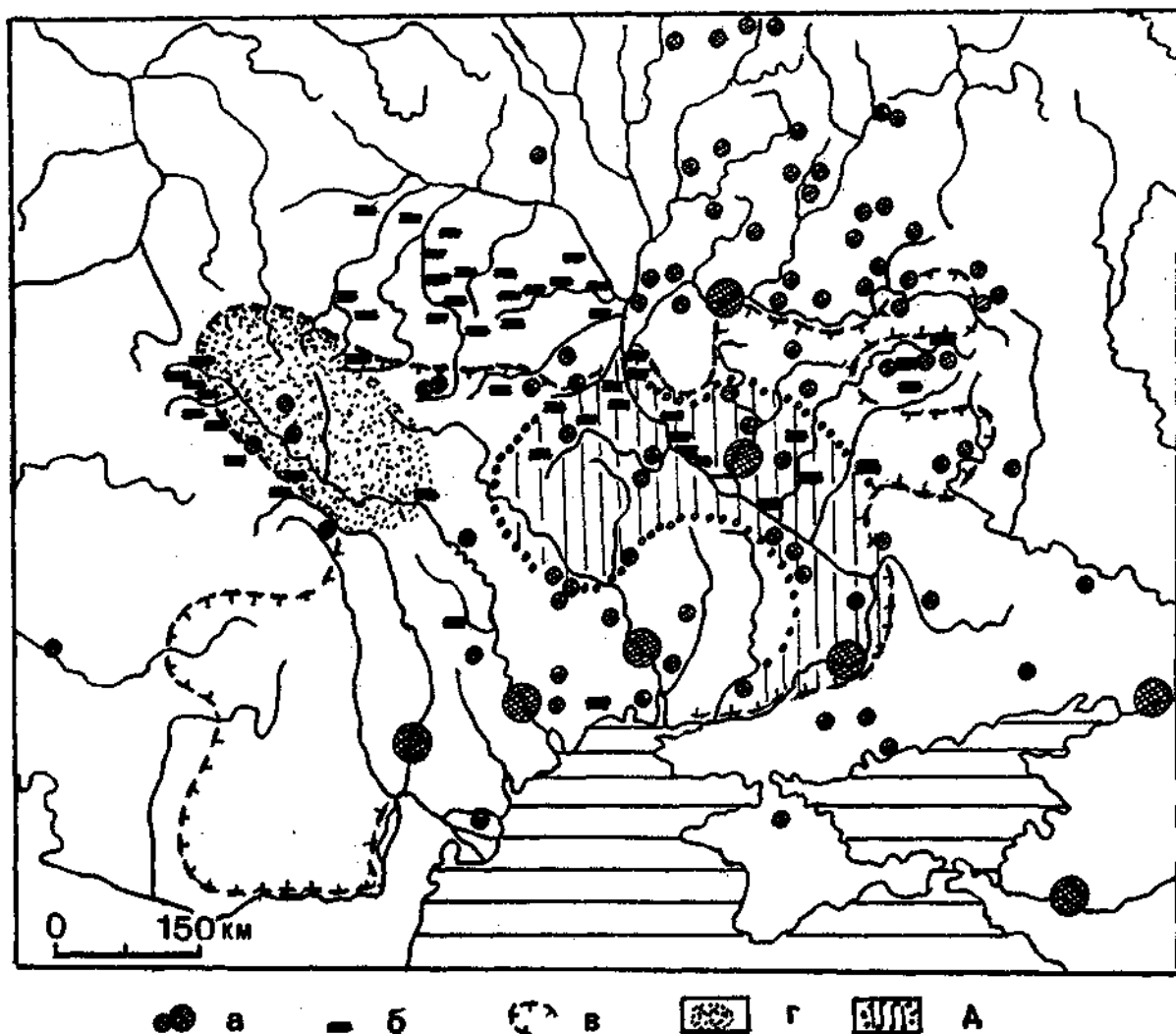

Рис. 101. Иранские и раннеславянские гидронимы в Юго-Восточной Европе

а — иранские гидронимы (большие значки соответствуют крупным рекам); б — архаические славянские гидронимы; в — ареал черняховской культуры; г — Верхнеднепровский регион; д — Подольско-Днепровский регион

междуречья от черняховских кладбищ Подольско-Днепровского региона, где зачастую доминируют захоронения по обряду кремации умерших.

Эволюция погребального обряда в соотношении основных ориентировок труположений в разных местах рассматриваемого региона была, по-видимому, неодинаковой. Изучение планиграфии могильника Будеш-

ты демонстрирует постепенное увеличение доли труположений, ориентированных по направлению запад — восток. На поздней стадии ингумации с западной ориентировкой окончательно вытесняют все другие виды захоронений, в том числе и трупосожжения. В могильнике Индепенденца также наблюдается постепенное возрастание погребений с широтной ориентацией,

но трупоположения, направленные головой на север, встречаются все же до самого конца функционирования кладбища. В литературе высказана догадка о распространении трупоположений с западной ориентировкой под влиянием христианской религии. Для Готии эта мысль вполне вероятна, но обосновать ее конкретными фактами пока не удастся. В то же время в ряде могильников Днестровско-Дунайского междуречья и на поздней стадии господствовали трупоположения с северной ориентировкой — обрядность, характерная для готско-германских племен эпохи переселения народов.

В Буджакской степи между нижними течениями Дуная и Днестра выявлена небольшая группа специфических памятников — древности типа Этулии (рис. 77). Это открытые небольшие поселения и грунтовые могильники с захоронениями по обряду трупосожжения. Они синхронны черняховской культуре. Дата (III—IV вв.) надежно определяется находками римского времени (фрагментами амфор, стеклянных кубков, костяных гребней, а также римскими монетами). На поселениях открыты полуземляночные жилища с каркасными и плетеными стенами, обмазанными глиной. Происхождение этих построек явно неместное. Очевидно, они были привнесены из лесостепных земель, но определить их конкретные истоки не представляется возможным.

Около половины керамического материала памятников типа Этулии составляют лепные горшки и корчаги, большинство которых принадлежат к явно скифоидным формам со всеми характерными деталями. Среди горшков имеются также формы, сопоставляемые исследователями этулийских древностей с зарубинецкими, поянштылукашевскими и волыно-подольскими керамическими типами. Основная масса гончарной керамики импортировалась из античных поселений. В частности, сероглиняная посуда привозилась из Тиря.

В погребальном обряде выявляются и некоторые пшеворские особенности. Вполне очевидно, что памятники типа Этулии оставлены пришлым населением, но откуда оно переселилось, определить пока не пред-

ставляется возможным. По мнению А.В.Гудковой, жилища, погребальная обрядность и лепная керамика указывают на происхождение этулийских древностей в результате миграции населения на юг из областей, заселенных позднезарубинецко-раннекиевскими и волыно-подольскими племенами [68]. Изучение связей этулийского населения с черняховским и позднескифским из-за малочисленности материалов пока затруднительно. То же следует сказать и относительно этнической атрибуции этой небольшой группы населения, хотя А.В.Гудкова и полагает, что это были славяне-венеды. Этулийские поселения и могильники прекращают функционировать в период готских войн, судьба этого населения остается неизвестной.

На Певтингеровой карте, как уже говорилось выше, венеды локализованы северо-восточнее Карпат и в Поднестровье. Карта, составленная в III в. н.э., отражает ту же ситуацию, что дают археологические материалы. Очевидно, славянский этнический компонент в III—IV вв. кроме Висленского региона занимал также Верхнее Поднестровье и вперемежку с сарматами лесостепные земли междуречья Днестра и Днепра, где имел место славяно-иранский симбиоз. Чересполосно с готами, сарматами и гетами славяне, которых германцы и римляне именовали венедами, проживали также в междуречье нижнего Дуная и Днестра. Римский император Волузиан после победы, одержанной в 50-х гг. III в. в Нижнем Подунавье в войнах империи с конгломератом «скифских племен», получил титул «Венедакий» [69]. Скифами авторы исторических сочинений того времени именовали всякое население Северного Причерноморья. Нужно думать, что венедам-славянам в его составе принадлежала немалая доля.

Есть все основания полагать, что антами, известными по историческим сочинениям VI—VII вв., называлась та группировка славян, которая сформировалась в условиях славяно-иранского симбиоза в основном в Подольско-Днепровском регионе черняховской культуры. Иордан указывает ранние координаты территории антов — «от

Данастра до Данапра», что полностью соответствует археологической локализации рассматриваемой группы славян. Раннесредневековая пеньковская культура (V—VII вв.), сложившаяся в основном на базе остатков черняховской культуры и надежно отождествляемая с антами, имеет уже более широкое распространение, что соответствует сведениям Прокопия — от северного берега Истра (нижнего Дуная) до утригуров, обитавших по побережью Меотиды (Азовского моря) [70].

Этноним *анты*, скорее всего, имеет иранское начало. Как и слово *венеды*, он не был самоназванием славян. Венедями, как говорилось выше, славян называли германцы. Этноним *анты* был распространен на юго-восточную часть славян, по-видимому, иранскими племенами Северного Причерноморья. Нельзя не согласиться с теми исследователями, которые объясняют происхождение этого этнонима из индоиранского языка Юго-Восточной Европы. Такая мысль была высказана учеными еще в конце прошлого столетия, ее разделял М.Фасмер. «Из всех существующих гипотез, как кажется, более вероятной, — писал в этой связи Ф.П.Филин, — является гипотеза об иранском происхождении слова «анты»: древ. индийское *antas* ‘конец, край’, *antyas* ‘находящийся на краю’, осетин. *att’iya* ‘задний, позади’» [71]. Эту точку зрения разделяет и О.Н.Трубачев, выводя этот этноним из древ. индийского *anta* — ‘край, конец’ [72]. Антами, по-видимому, первоначально называлось славяно-скифо-сарматское население междуречья Днестра и Днепра, а позднее его потомки — славяне, сформировавшиеся в условиях славяно-иранского симбиоза.

О том, что уже в IV в. анты принадлежали к славянскому миру, свидетельствует, в частности, такой факт. Как сообщает Иордан, в конце IV в. имела место вражда готов с антами. Первоначально анты отразили нападение готского войска, но через некоторое время все же готский король Винитарий разгромил антов и казнил их князя Божа с 70 старейшинами [73]. Судя по косвенным данным, это событие имело место где-то в регионе реки Эрак, отождеств-

ляемой многими учеными с Днестром. Как полагают исследователи, Винитарий — не имя, а прозвище готского короля, этимологизируемое на германской языковой почве. В его первой части отражен этноним *венеды/венеты*, второй компонент — ‘победитель’, то есть *Vinitharius* — ‘победитель венедов’. О.Н.Трубачев уточняет: готское *arjan* означало ‘пахать, потрошить’, таким образом, правильнее видеть в антропониме *Vinith-arius* ‘потрошитель венедов’ [74]. Следовательно, готы-германцы считали антов венедями-славянами.

К черняховскому времени, очевидно, относятся и другие бесспорные иранизмы в этнонимии юго-восточной части славянского мира. К этнонимам иранского происхождения относятся *хорваты*, *сербы* и, вероятно, *русь*. Этноним *хорваты* связывается с иранскими словами *xvratv* со значениями ‘страж скота’, ‘стеречь’ [75]. О.Н.Трубачев пишет о тождестве этнонимов *хорваты* и *сарматы*, возводя их к иранскому прилагательному **sar-ma(n)t-/*har-va(n)t-* в значении ‘женский, изобилующий женщинами’, что напоминает миф о женщинах-воительницах — амазонках [76]. Этноним этот мог возникнуть в условиях славизации скифо-сарматского населения на юго-востоке Европы — первоначально его носителями были иранцы, которые были ассимилированы славянами. В раннем средневековье этноним *хорваты* был уже собственно славянским и разнесен славянскими переселенцами далеко на запад вплоть до Адриатики.

В науке распространено мнение также об иранском или индоарийском начале славянского этнонима *сербы*. Л.Нидерле полагал, что славяне, расселившиеся в VI в. на среднем Дунае, восприняли этот этноним от местных сарматов, которые были славизированы. Но более вероятным является предположение о происхождении этнонима *сербы* в Северном Причерноморье в условиях славяно-иранского симбиоза. Согласно О.Н.Трубачеву, этот индоарийский компонент, вероятно, вошел в праславянский ареал со стороны Южного Побужья [77].

Весьма вероятно и происхождение этнонима *русь* из индоиранских языков [78].

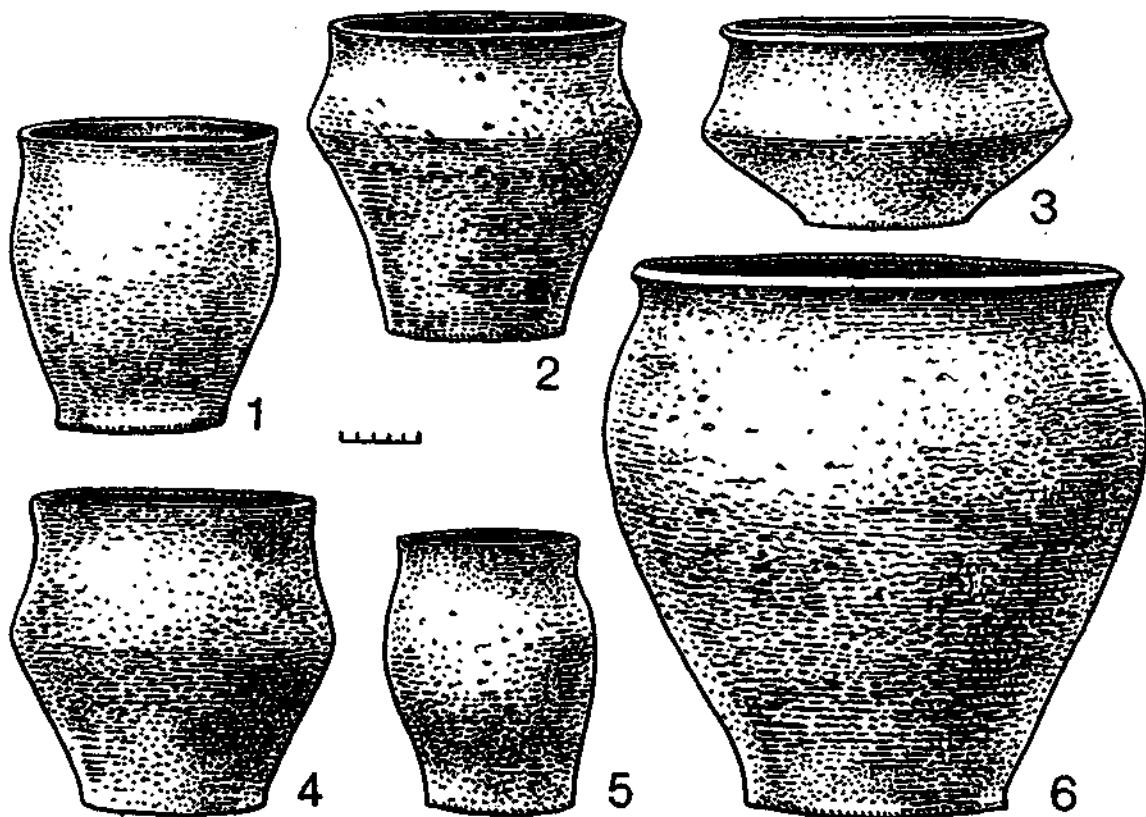

Рис. 102. Глиняная посуда киевской культуры

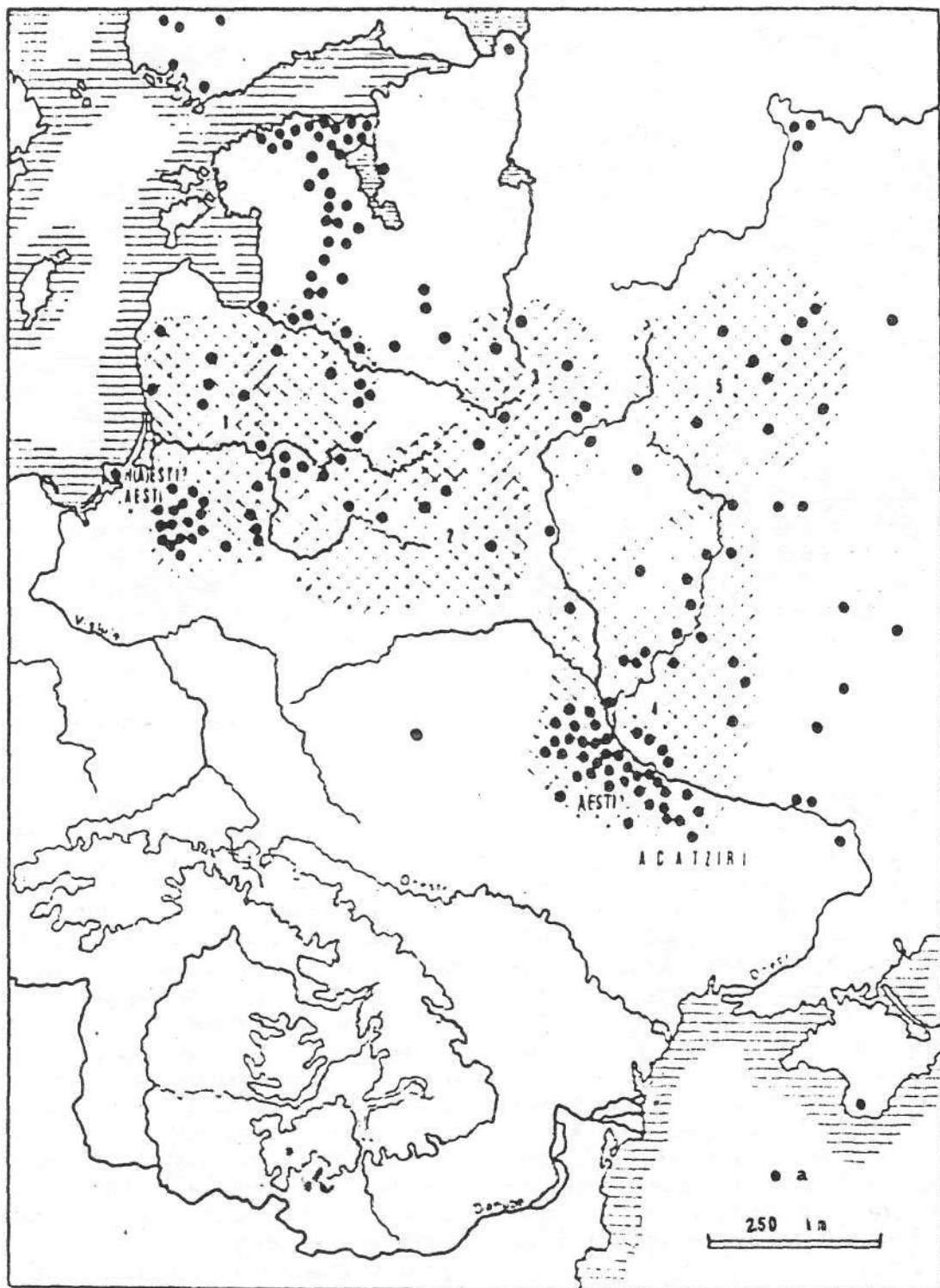
1 — Тайманово; 2 — Абидня; 3, 4 — Роише; 5 — Лавриков Лес; 6 — Обухов III

Некоторые исследователи производили имя *русь* от иранских слов со значением 'светлый, блестящий' (осетин. *ruks/goxs* 'свет, светлый', персид. *ruks* 'сияние'). В последнее время О.Н.Трубачев связывает этот этноним с индоарийскими терминами **ruksa-/*ru(s)sa-* 'светлый, белый'. Собрав и проанализировав обширный исторический и ономастический материал, отражающий эту индоарийскую номинацию, исследователь утверждает, что этноним *рос* первоначально тяготел к побережью Черного и Азовского морей и Тавриде. Здесь должен существовать особый этнос *росы*, известный грекам. Взаимодействие славян с этим народом привело к перенесению индоарийского этнонима на юго-восточные группы славянства [79].

Процессы поглощения ираноязычных

племен и остатков индоарийцев Северного Причерноморья должны быть отнесены ко времени черняховской культуры. Позднее, в раннем средневековье, хотя аланский этнический элемент и играл определенную роль в истории славянского населения Юго-Восточной Европы, доминирующими стали славяно-тюркские взаимоотношения.

Северными соседями населения черняховской культуры были балты, дифференцированные на несколько племенных группировок [80]. Ближайшими к черняховскому ареалу были днепровские балты, в раннем средневековье полностью растворившиеся в славянском этническом массиве. Древности днепровских балтов достаточно хорошо изучены, и они заметно отличаются от синхронных славянских. Дискуссионной остается этническая атрибуция лишь племен

киевской культуры [81], памятники которой распространены в северных районах Среднего Поднепровья в непосредственном соседстве с черняховской культурой, на нижней и средней Десне, а также несколько изолированными группами в могилевском течении Днепра и лесостепном междуречье Днепра и Северского Донца (рис. 77).

Поселения киевской культуры расположены в основном на краях первых надпойменных террас рек, дюнах и останцах в поймах, реже — на склонах обводненных оврагов. Они небольшие по размерам (0,5—2 га) и не имеют оборонительных сооружений. Жилищами служили квадратные или прямоугольные в плане полуземлянки небольших размеров с опущенным на глубину 0,2—1 м полом. Стены их были каркасно-столбовыми, обмазанными глиной, или срубными. Многие жилища имели в центре опорный столб, поддерживавший перекрытие. Отопительными устройствами служили открытые очаги-коптища или округлые глинобитные площадки, в единичных случаях зафиксированы и глиняные печи. Для жилищ киевской культуры характерно присутствие большого числа ям-погребов цилиндрической или колоколовидной формы.

Могильники — бескурганые, с захоронениями по обряду трупосожжения на стороне. Подавляющее большинство погребений — безурновые захоронения кальцинированных костей, перемешанных с остатками погребального костра. В могильных ямах встречаются фрагменты глиняных сосудов, иногда вторично обожженные, немногочисленные бытовые вещи и украшения, также во многих случаях испытавшие воздействие огня.

Вся керамика рассматриваемой культуры — лепная (рис. 102). Она представлена округлобкими, тюльпановидными, баноч-

ными и биконическими горшками, корчагами и дисками-сковородками. Как правило, сосуды не орнаментировались, лишь немногие из них имели насечки или вдавления по венчику или налепные валики на шейке. В виде исключения встречается лощеная керамика, напоминающая позднезарубинецкие или пшеворские формы. В основном на пограничье с черняховским ареалом на поселениях киевской культуры обнаружены и немногочисленные фрагменты черняховской гончарной посуды.

Бытовой инвентарь представлен глиняными биконическими пряслицами, железными ножами, шильями, ножницами, костяными проколками, тупиками и кочедыками.

Выделяется три этапа эволюции киевской культуры, которая в целом датируется от конца II до начала V в. Ранний этап (первая половина III в.) характеризуется выраженными позднезарубинецкими чертами, прослеживаемыми в керамическом материале. На поселениях и в могильниках встречаются предметы с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля. Второй этап (вторая половина III — первая половина IV в.) определяется сравнительно широким распространением гончарной керамики и некоторых украшений черняховской культуры. На третьем этапе (вторая половина IV в.) черняховское влияние сказывается в меньшей степени, получают развитие формы керамики, в той или иной степени сопоставимые с раннесредневековыми колочинскими и пеньковскими древностями.

В Среднем Поднепровье и Днепровском левобережье наблюдается чересполосное расположение черняховских и киевских поселений, есть данные, свидетельствующие о некотором смешении населения.

Рис. 103. Археологические культуры III—IV вв. н.э. в средней части Восточной Европы и находки предметов с выемчатыми эмалями (по В.Новакowski — Nowakowski W. Baltes et proto-slaves dans l'antiquite // Dialogues d'histoire ancienne. № 16.1. 1990. P. 359—402. Fig. 4)

а — места находок предметов с выемчатыми эмалями

Acatziri — локализация племен согласно Кассиодору и Иордану

Ареалы: 1 — западных балтов; 2 — культуры штрихованной керамики; 3 — днепровской культуры; 4 — киевской культуры; 5 — мощинской культуры

Вопрос о происхождении киевской культуры нельзя считать решенным. Ее исследователи полагают, что в ее основе лежат традиции населения нескольких групп позднезарубинецких племен в условиях притока переселенцев из лесных земель Верхнего Поднепровья. Другие археологи не соглашаются с этим, отрицая непосредственную связь киевских древностей с зарубинецкой культурой. В этой связи решение вопроса об этнической принадлежности населения киевской культуры встречает пока непреодолимые трудности. Те авторы, которые относят племена зарубинецкой культуры к славянам и считают, что киевские древности генетически восходят к зарубинецким, естественно, склонны к славянской атрибуции киевской культуры. Однако более вероятной представляется точка зрения о принадлежности носителей этой культуры к днепровским балтам, испытавшим влияние зарубинецкого (окраиннобалтского или занимающего промежуточное положение между славянами и западными балтами). Территория киевской культуры целиком входит в обширный ареал предметов с выемчатыми эмальями, получившими распространение преимущественно в балтском мире (рис. 103), и можно полагать, что эти украшения были этнографическим признаком

костюма этого этноса.

В начале средневековья племена киевской культуры приняли непосредственное участие в формировании колочинских древностей Верхнего Поднепровья, которые определяются как балтские, и стали одним из компонентов в становлении пеньковской культуры. Участие потомков носителей киевских древностей в генезисе населения пеньковской культуры не может быть основанием для заключения о славянстве рассматриваемых племен.

Историк середины I тыс. н.э. Иордан сообщает координаты племени айстов (эстиев), в котором достаточно определенно можно видеть этноязыковую группу балтов; их территория, с одной стороны, выходила к юго-восточному побережью Балтийского моря (к северо-востоку от нижней Вислы), с другой стороны, соприкасалась с акацирами [82]. Акациры — наиболее значительное гуннское племя, обосновавшееся в степях Восточной Европы и оставшееся здесь после ухода другой части гуннов в Паннонию. Им принадлежало Подонье со смежными землями Днепровского степного левобережья и Нижнего Поволжья [83]. Таким образом, айсты-балты в середине I тыс. н.э. заселяли пространство от побережья Балтики до бассейна Дона.

1. О жилищах черняховской культуры см.: Рикман Э.А. Жилища племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 50—87; Он же. Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975. С. 79—122; Журко А.И. К вопросу об углубленных жилищах черняховской культуры // КСИА. Вып. 178. 1984. С. 51—55; Он же. О соотношении наземных и углубленных жилищ черняховской культуры //

Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. С. 85—88; Гудкова А.В. Каменное домостроительство на черняховских поселениях Причерноморья // Днестро-Дунайское междуречье в I — начале II тыс. н.э. Киев, 1987. С. 6—15.

2. Рикман Э.А. К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа // Советская этнография. 1962. № 3. С. 121—138; Он же. Этническая история ... С. 88—105; Тиханова М.А. Еще раз к вопросу о происхождении черняховской куль-

- туры // КСИА. Вып. 121. 1970. С. 89—94.
3. Баран В.Д. Черняхівська культура. За матеріалами верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ, 1981. С. 59.
 4. Смиленко А.Т. Городище Башмачка III—IV в. н.э. Киев, 1982.
 5. Магомедов Б.В. Черняховское городище у с. Александровка // Днестро-Дунайское междуречье в I — начале II тысячелетия н.э. Киев, 1987. С. 26—42.
 6. Баран В.Д. Черняхівська культура... С. 75.
 7. Бобринский А.А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II—V вв. н.э.). М., 1991. С. 134—208.
 8. Магомедов Б.В. До вивчення черняхівського гончарного посуду // Археологія. Вип. 12. Київ, 1973. С. 80—87; Он же. О происхождении форм черняховской гончарной керамики // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев, 1977. С. 111—123.
 9. Никитина Г.Ф. Классификация лепной керамики черняховской культуры // Советская археология. 1966. № 4. С. 70—85.
 10. Симонович Е.О. Черняхівські горщики Подніпров'я // Археологія. Вип. 36. Київ, 1981. С. 41—53; Он же. Черняхівська кераміка Подніпров'я // Археологія. Вип. 43. Київ, 1983. С. 26—42.
 11. Симонович Э.А. Орнаментация черняховской культуры // МИА. № 116. 1964. С. 270—361.
 12. Вознесенская Г.А. Обработка железа у племен черняховской культуры // КСИА. Вып. 121. 1970. С. 34—38; Она же. Техника обработки железа и стали // Барцева Т.Б., Вознесенская Г.А., Черных Е.Н. Металл черняховской культуры. М., 1972. С. 8—49.
 13. Барцева Т.Б., Черных Е.Н. О спектроаналитических исследованиях цветного металла черняховской культуры // Советская археология. 1968. № 2. С. 93—102; Черных Е.Н., Барцева Т.Б. Спектроаналитические исследования цветного металла черняховской культуры // КСИА. Вып. 121. 1970. С. 95—103; Они же. Сплавы цветных металлов // Барцева Т.Б., Вознесенская Г.А., Черных Е.Н. Металл черняховской культуры. М., 1972. С. 50—117.
 14. Thomas S. Studien zu den germanischen Kämmer der römischen Kaiserzeit // Arbeits und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege. Bd. 8. Leipzig, 1960; Никитина Г.Ф. Гребни черняховской культуры // Советская археология. 1969. № 1. С. 147—159.
 15. Довженко В.И. Древнеславянские языческие идолы из с. Иванковцы в Поднестровье // КСИИМК. Вып. XLVIII. 1952. С. 136—142.
 16. Винокур И.С., Хотюн Г.Н. Языческие изваяния из с. Ставчаны в Поднестровье // Советская археология. 1964. № 4. С. 210—214; Винокур И.С. Языческие изваяния Среднего Поднестровья // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры (МИА. № 139). М., 1967. С. 136—143; Он же. История та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н.е. Київ, 1972. С. 104—120.
 17. Рыбаков Б.А. Календарь IV в. из земли полян // Советская археология. 1962. № 4. С. 66—82.
 18. Щукин М.Б. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // АСГЭ. Вып. 20. 1979. С. 66—89.
 19. Баран В.Д. Черняхівська культура... С. 130—177.
 20. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964; Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ. Вып. Д1-9. 1963; Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989. С. 165—177.
 21. Strabo. Geographica. Ed. A.Meinecke. Lipsiae, 1915. VII:17
 22. О древностях сарматов Северного Причерноморья см: Абрамова М.П. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н.э. — I в. н.э. // Советская археология. 1961. № 1. С. 91—110; Щукин М.Б. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // АСГЭ. Вып. 14. 1972. С. 43—52; Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первые века нашей эры. М., 1976. С. 27—70; Sulimirski T. Sarmaci. Warszawa, 1979; Дзиговский А.Н. Сарматские памятники степей Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982; Мошкова М.Г. Среднесарматская культура. Позднесарматская культура // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989. С. 177—202.
 23. Погребова Н.Н. Позднескифские городища на нижнем Днепре (Городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. № 64. 1958. С. 103—247; Дашевская О.Д. Поздние скифы (III в. до н.э. — III в. н.э.) // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989. С. 125—145.
 24. Вязьмитина М.И. Золотобалковский могильник. Киев, 1972; Гудкова А.В.; Фокеев М.М. Поселение и могильник римского времени Молога II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982. С. 55—113.
 25. Bichir Gh. Unele observatii in privire le necropole de tip Poianesti din Moldova si relatiile acestor necropole cu lumena Sarmata // Studii si cercetari de istorie veche. V. 12. Bucuresti, 1961. P. 253—273; Idem. La Civilisation des Carpes à la lumière des fouilles archéologiques de Poiana-Dulcești, de Butnărești et de Pădureni // Dacia. XI. Bucuresti, 1967.

- P. 177—225; Idem. *Cultura Carpica*. București, 1973.
26. Моринц С. Новый облик дакийской культуры в римскую эпоху // *Dacia*. V. 5. București, 1961. С. 395—402.
27. Diaconu Gh. Einige Betrachtungen über die erste Hälfte des 1. Jahrtausends u.Z. im Gebiet ausserhalb der Karpaten // *Dacia*. V. XII. București, 1968. S. 341—347.
28. Рикман Э.А. Этническая история... С. 302—317.
29. Баран В.Д. Черняхівська культура... С. 163—177.
30. Цигилик В.М. Населення Верхнього Подністрів'я перших століть нашої ери. Київ, 1975.
31. Smiszko M. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Małopolsce Wschodniej. Lwów, 1932. S. 180, 181.
32. Баран В.Д. Поселення перших століть нашої ери біля с. Черепин. Київ, 1961.
33. Гороховский Е.Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. С. 34—46.
34. Впервые сарматские элементы в черняховских памятниках Поднепровья были описаны в 50-х годах Ю.В.Кухаренко (К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях (по данным погребального обряда) // Советская археология. Т. XIX. 1954. С. 111—120). В то время и черняховские и сарматские древности Поднепровья были исследованы еще слабо, и сарматские особенности в черняховских могильниках были расценены как результат контакта черняховских племен, занимавших более северные земли, с сарматами, жившими в степях.
- О существенном вкладе сарматов в культуру черняховских племен по материалам Молдавии писал Г.Б.Федоров. В частности, обряд ингумации в черняховской культуре, по его мнению, появился в результате сарматского влияния: Федоров Г.Б. О двух обрядах погребения в черняховской культуре (по памятникам Молдавии) // Советская археология. 1958. № 3. С. 238—243. Э.А.Рикман продолжил изучение вопроса о роли сарматов в создании черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Значительность сарматских элементов свидетельствует, по его мнению, о том, что сарматы были среди носителей этой культуры (Рикман Э.А. Этническая история... С. 317—323).
- Автор настоящего исследования попытался собрать все элементы черняховской культуры, имеющие сарматское начало (Седов В.В. Скифо-сарматские элементы в погребальном обряде черняховской культуры // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 99—107).
35. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. САИ. Вып. Д1-10. 1963. С. 23.
36. Вязьмитина М.И. Сарматские погребения у с. Ново-Филиппова // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 220—244; Махно Е.В. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янци // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. IX. Київ, 1960. С. 24—38; Мелокова А.И. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты // Советская археология. 1962. № 1. С. 195—208 и др.
37. Рикман Э.А. Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья // Советская этнография. 1966. № 1. С. 73; Он же. Этническая история... С. 48; Bichir Gh. Les Sarmates sur le territoire de la Roumanie // Actes du VIII Congrès International des sciences prehistoriques et protohistoriques. T. 1. Beograd, 1971. P. 277.
38. Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана // МИА. № 78. 1960. С. 163. Скорченные захоронения известны также в некрополях боспорских городов и Танаиса (Кастанаян Е.Г. Грунтовые некрополи боспорских городов и их местные особенности // МИА. № 69. 1959. С. 277; Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса // МИА. № 98. 1961. С. 90.
39. Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья... С. 20. Табл. VI.
40. Кондукторова Т.С. Антропология древнего населения Украины. М., 1972; Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973. С. 256—263; Она же. Славяне и германцы в свете антропологических данных // Вопросы истории. 1974. № 3. С. 65.
41. Великанова М.С. Палеоантропологический материал из могильников черняховской культуры Молдавии // Труды Института этнографии. Т. XXI. 1961. С. 26—52; Она же. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1972. С. 70—90.
42. Рикман Э.А. О фракийских элементах в черняховской культуре Днестровско-Дунайского междуречья // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969. С. 178—188.
43. Корпусова В.М. Біконічні посудини перших століть нашої ери з Причорномор'я // Археологія. Вып. 3. Київ, 1971. С. 75—82; Магомедов Б.В. До вивчення черняхівського гончарного посуду... С. 83.
44. Diaconu Gh. Despre pandantivele prismatice de os din necropola de la Tirgșor // Studii și cercetari de istorie veche. București, 1962. № 2. P. 441—446. Аурелиан П. Следы культуры Черняхов — Сынтана де Муреш в Малой Скифии // *Dacia*. Vol. VI. 1962. С. 235—256.
45. Сміленко А.Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї. Київ, 1975. С. 47; Магомедов Б.В. Городища черняховской культуры // Археологи-

- ческие исследования на Украине в 1978—1979 гг. Днепрпетровск, 1980. С. 133.
46. Симонович Э.А., Кравченко Н.М. Погребальные обряды племен черняховской культуры. САИ. Вып. Д1-22. М., 1983. С. 41—51.
 47. Симонович Э.А. Лепная керамика памятников черняховской культуры нижнего Днепра // КСИИМК. Вып. 68. 1957. С. 14—19; Баран В.Д. До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межириччі Дністра і Західного Бугу // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 3. Київ, 1961. С. 77—87.
 48. Никитина Г.Ф. Классификация лепной керамики... С. 70—85.
 49. Баран В.Д., Гороховский В.Л., Магомедов Б.В. Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев, 1990. С. 46—56.
 50. Кравченко Н.М. Косановский могильник. По материалам раскопок В.П.Петрова и Н.М.Кравченко в 1961—1964 гг. // МИА. № 139. 1967. С. 77—114.
 51. Баран В.Д. Черняхівська культура... С. 130—177.
 52. Кондукторова Т.С. Палеоантропологический материал из могильника полей погребальных урн Херсонской обл. // Советская антропология. 1958. № 2. С. 76.
 53. Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 220; Седов В.В. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси // Советская археология. 1961. № 2. С. 103-105; Он же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 163.
 54. Это наблюдение нельзя распространять на другие регионы черняховской культуры, где групповые поселения с западной ориентировкой имели иное начало.
 55. Абаев В.И. О происхождении фонемы у(һ) в славянском языке // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964. С. 115—121.
 56. Абаев В.И. Превербь и перфективность. Об одной скифо-славянской изоглоссе // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964. С. 90—99.
 57. Топоров В.Н. Об одной ирано-славянской параллели из области синтаксиса // Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 28. 1960. С. 3—11.
 58. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965. С. 115—117.
 59. Топоров В.Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры. Источники и методы. М., С. 23—43; Мартынов В.В. Сакральный мир «Слова о полку Игореве» // Там же. С. 61—78; Он же. Этногенез славян. Мова і міф. Мінск, 1993.
 60. Абаев В.И. Дохристианская религия алан // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960. С. 5—7.
 61. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы... С. 110, 111.
 62. Лелеков Л.А. О некоторых иранских элементах в искусстве древней Руси // Искусство и археология Ирана. М., 1971. С. 183—190; Он же. К реконструкции раннеславянской мифологической системы // Советское славяноведение. 1973. № 1. С. 52—59.
 63. Kalmykow A. Iranians and Slavs in South Russia // Journal of American Oriental Society. Vol. 45. 1945. P. 68—71.
 64. Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I: Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923; Топоров В.Н., Трубочев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; Трубочев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968; Орел В.Э. К вопросу о реликтах иранской гидронимии в бассейнах Днепра, Днестра и Южного Буга // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 107—113.
 65. Вопрос об иранских и славянских водных названиях за пределами черняховского ареала составляет особую тему и здесь не затрагивается.
 66. Diaconu Gh. Despre sarmati la Dunarea de jos in lumina descoperirilor de la Tirgşor // Studii şi cercetari de istorie veche. T. XIV. № 2. Bucureşti, 1963. P. 341; Рикман Э.А. Этническая история... С. 326.
 67. Diaconu Gh. Tirgşor. Necropola din secolele III—IV e.n. Bucureşti, 1965; Ioniţă I. Das Gräberfeld von Independenţa (Walachei). Zur relativen Chronologie und zu den Bestattungs-, Beigaben- und Trachtsitten eines Gräberfeld der Černjachov—Sintana-de-Mureş-Kultur. Bohn, 1971; Рикман Э.А. Этническая история... С. 295—299.
 68. Гудкова А.В. Группа венедов в низовьях Дуная // Славянская археология. 1990. Этногенез, расселение и духовная культура славян (Материалы по археологии России. Вып. 1). М., 1993. С. 89—97.
 69. Миншулин А.В. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 298.
 70. Седов В.В. Анты // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 164—173; Он же. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 19—28.
 71. Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М., 1962. С. 60.
 72. Трубочев О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства: Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 25.
 73. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. «Getica». М., 1960. С. 115.
 74. Трубочев О.Н. Germanica и Pseudogermanica в древней ономастике Северного Причерноморья.

- Этимологический комментарий // *Этимология*. 1986—1987. М., 1989. С. 51.
75. Иванов В.В., Топоров В.Н. О древних славянских этнонимах: Основные проблемы и перспективы // *Славянские древности: Этногенез, материальная культура Древней Руси*. Киев, 1980. С. 32.
76. *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 8. М., 1981. С. 151.
77. Трубачев О.Н. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // *Вестник древней истории*. 1978. № 4. С. 41, 42.
78. Обзор различных точек зрения о происхождении этнонима Русь см.: Агеева Р.А. *Страны и народы: происхождение названий*. М., 1990. С. 116—153.
79. Трубачев О.Н. *К истокам Руси (наблюдения лингвиста)*. М., 1993.
80. Sedovs V. *Balti senatnē*. Riga, 1992.
81. Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. *Киевская культура. Свод археологических источников*. Киев, 1991.
82. Иордан. *О происхождении и деяниях гетов...* С. 72.
83. Артамонов М.И. *История хазар*. Л., 1962. С. 55—57, 71.

Славяне в период «Великого переселения народов»

Нашествие гуннов

Этот период европейской истории открывается мощнейшей волной вторжения на широкие пространства Юго-Восточной Европы азиатских кочевников. Миграция огромных полчищ кочевников из Средней Азии вошла в историю как гуннское нашествие. Первые упоминания о гуннах у европейских авторов относятся к середине II в. н.э., когда отдельные группы их проникают в Прикаспийские и Нижневолжские степи и оседают там. Во второй половине IV в. уже огромные массы гуннского населения, объединенные в большой племенной союз, ринулись в Юго-Восточную Европу. По пути из Средней Азии в Приуралье и Прикаспии к азиатским воинственным племенам присоединились ранее осевшие здесь гунны, а также местные аланы и угорские племена.

Форсировав около 370 года Волгу, гунны устремляются в Предкавказье и Подонье. Алано-сарматы, проживавшие в Донских землях, на первых порах пытались оказать сопротивление гуннским ордам, но внезап-

ность нашествия и огромное численное превосходство привели к победе гуннов. Приазовское ираноязычное население было частично истреблено, частью рассеяно, а какие-то группы его присоединились к гуннам и участвовали в их дальнейшем продвижении в западном направлении (рис. 104).

Одновременно другая большая группа гуннов направилась к Таманскому полуострову и, перейдя по льду Керченский пролив, вторглась в Крым. Богатые города Боспора подверглись опустошительным погромам, население — массовой резне. Пантикапей из крупного города, каким он был в середине IV в., превратился в небольшой поселок. Многие античные города окончательно погибли в огне пожаров.

В 375 г. гунны «внезапным натиском» вторглись в пределы владений готского короля Германариха. Они встретили сначала упорное сопротивление. Однако боевая мощь Германариха основывалась на военных отрядах различных севернопричерноморских племен, и при первых мощных ударах со стороны гуннов из готского войска отошли росомоны. В результате остроготское государственное образование было разгромлено, а Германарих вынужден был

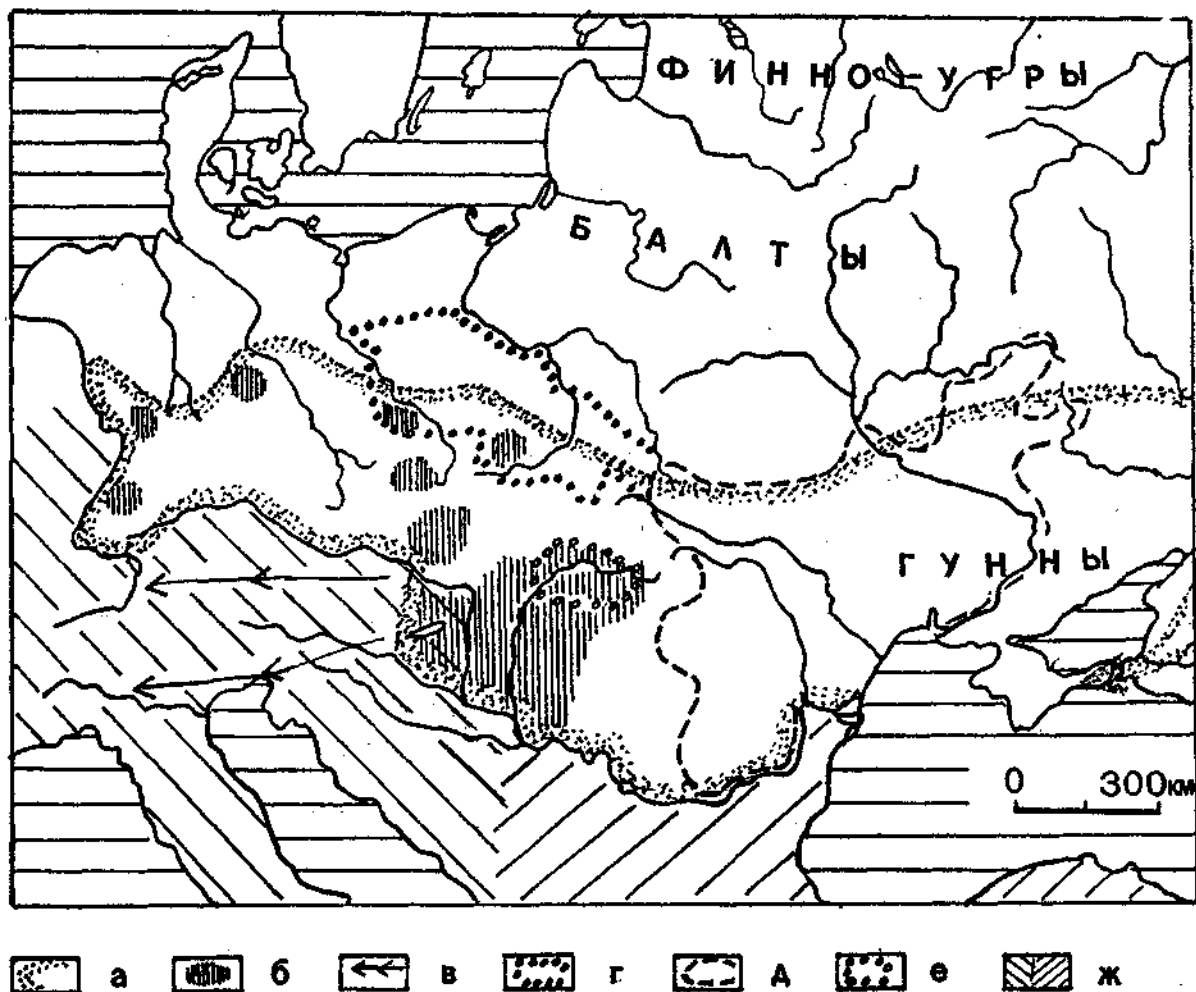

Рис. 104. Нашествие гуннов в Европу

а — приблизительный регион экспансии гуннов; б — районы концентрации гуннов; в — направления походов гуннов (а—в — по К. Яджевскому); г — ареал пшеворской культуры в позднеримский период; д — ареал черняховской культуры; е — ареал прешовских древностей; ж — территория Западной и Восточной Римских империй

покончить жизнь самоубийством. Часть остроготов была покорена гуннами, а остальные во главе с Витимиром отошли на запад. К ним присоединилась и часть аланского населения. Преследуя остроготов, гунны вышли к Днестру, пересекли его и вынудили отступающих отойти к отрогам Карпат. В 376 г. значительная часть везиготов, по-видимому, также в связи с нападениями

гуннов, с разрешения императора Валента переселилась в Мезию в пределы Римской империи.

Вопрос о сущности и пределах государства Германариха дискутируется в исторической литературе. Каких-либо оснований для отождествления этого политического объединения с черняховской культурой, о чем неоднократно высказывались догадки,

в распоряжении науки просто нет. Черняховская культура была образованием, обусловленным прежде всего развитием провинциально-римской ремесленной деятельности. Государственное объединение Германариха, по-видимому, было аморфным недолговечным военно-политическим формированием. О нем ничего не знают современные историки, и рассказывает только Иордан, который явно приукрашивает историю готов. Не подлежит сомнению, что Готский союз обосновался где-то в пределах черняховского ареала, скорее всего, в северо-западной части Причерноморья и на Нижнем Днепре.

Гуннское нашествие затронуло весь черняховский ареал. Погром гуннами севернопричерноморских земель опустошил эту территорию, большая часть черняховских поселений прекратила существование, ремесленные центры, снабжавшие своей продукцией широкую округу, оказались полностью разрушенными, поступление импортных вещей прервалось. Разрушение гуннскими ордами жизни и культуры населения Северного Причерноморья стало концом черняховской культуры. «Побежденные скифы были истреблены гуннами, — писал современник гуннского нашествия Евнапий, — и большинство их погибло: одних ловили и избивали вместе с женами и детьми, причем не было предела жестокости при их избивании; другие, собравшись вместе и обратившись в бегство, числом не менее 200000 самых способных к войне...» [1] переселились в другие земли, главным образом за Дунай. Условия жизни в лесостепных регионах Днестровско-Днепровского междуречья коренным образом изменились. Ситуация усугублялась и враждой оставшихся на нижнем Днепре и покорившихся гуннам готов с антами. Об одном из эпизодов, когда анты были разгромлены готским королем Винитарием, говорилось выше. Попытки этой части готов (к ним присоединились и некоторые аланские племена) освободиться от гуннской зависимости оказались безуспешными — в последнем сражении на реке Эрак готы были разбиты гуннским вождем Баламбером и готский король Витимир погиб в бою. Севернопри-

черноморские степи оказываются в полной власти кочевников. Из гуннских племен, обосновавшихся в степях Юго-Восточной Европы, наиболее значительным были акациры, локализуемые Приском Панийским весьма неопределенно в Припонтийской Скифии.

Основные орды гуннов продолжили движение на запад (рис. 104). Разгромив вестготов где-то на нижнем Днестре, гунны достигли Дуная и вторглись в пределы Римской империи, разорив несколько пограничных крепостей. Пройдя огнем и мечом по Фракии, гунны осели в степных просторах Нижнего Подунавья, а после того, как аланы, составлявшие авангардную группу гуннского воинства, в 406 г. оставили Паннонию, переместившись вместе с вандалами в Галлию, гуннские орды освоили и степные просторы Среднего Подунавья. Вскоре гуннское могущество возрастает, гунны подчиняют себе окрестные народы расширяют свою территорию. В 434 г. они осаждали Константинополь. Результатом деятельности известного вождя гуннов Атиллы (445—454 гг.) стало создание мощной Гуннской державы. Организовав несколько походов в Центральную Европу, этот гуннский повелитель значительно расширил подвластную территорию. Он свергал королей и включал в свою державу побежденные народы — франков, бургундов, тюрингов и, очевидно, часть славян, проживавших в верхних течениях Вислы и Одера. Обосновавшиеся в Средней Европе гунны удерживали в своей власти и северопричерноморские племена. Повелителем акациров и других причерноморских народов Атилла поставил своего старшего сына Эллака. Иордан отмечает, что гунны держали во власти весь варварский мир.

Гуннские завоевания на Западе были приостановлены в 451 г., когда в Галлии на Каталанических полях (в 150 км восточнее Парижа) в семидневном сражении гунны потерпели поражение. Через год Атилла, собрав мощное войско, вновь вторгся в Галлию, но завоевать ее не смог. После смерти Атиллы Гуннская держава распалась [2].

Начало пражско-корчакской культуры

В начале эпохи переселения народов в пшеворской культуре наблюдается заметный отлив населения. К границам Римской империи двинулись крупные группы германцев. Часть славянских насельников Висло-Одерского междуречья также была подхвачена волнами переселений и ушла на юг через Карпатские перевалы. Число поселений и могильников пшеворской культуры, относящихся к стадии D по К.Годловскому (350/370 гг. — середина V в.), значительно сокращается по сравнению с предшествующими периодами, и в основном они локализируются в южной части ареала[3]. Жизнь славянского населения в этом регионе продолжалась без каких-либо потрясений вплоть до появления здесь гуннов.

Если в причерноморских степях гунны сокрушали все на своем пути, грабя и сжигая селения, опустошая поля, убивая людей, то в Средней Европе они расширяли свои владения, разоряя, но сохраняя в значительной степени местное земледельческое население. Гуннские разрушения на территории пшеворской культуры были менее существенными по сравнению с Северным Причерноморьем. Археологически пожары зафиксированы только на небольшой части пшеворских поселений. Так, в одном из крупных центров гончарного производства пшеворской культуры, Тропишуве недалеко от Кракова, раскопками были открыты гончарные печи, загруженные глиняными сосудами. Процесс керамического производства оказался прерванным. В результате внезапного нападения поселение, где работали гончары, снабжавшие своей продукцией широкие регионы, было полностью разгромлено и позднее не восстановлено.

В итоге гуннского завоевания в большей степени, по-видимому, пострадали ремесленные центры, что в конечном итоге при-

вело к краху пшеворской культуры. Однако жизнь продолжалась. Преимущественно в южной части пшеворского ареала выявлен целый ряд памятников гуннского и послегуннского времени, возникших на пшеворской основе и являющихся их дальнейшим развитием (рис. 105). Среди них наиболее исследованными являются поселения в Пивонице недалеко от Калиша, Иголомье в Малопольше, Хорула в Силезии и другие. Жилища, открытые на поселениях V в., — наземные постройки столбовой конструкции и подквадратные полуземлянки — по всем своим деталям ничем не отличаются от пшеворских. Многие глиняные сосуды по формам и фактуре сопоставимы с позднешеворскими (рис. 106). Среди лепной керамики, как и прежде, в небольшом числе встречены горшки, аналогичные характерным пражско-корчакским. Континуитет с пшеворской культурой проявляется и в широко распространенной гончарной керамике. Позднеримские традиции в производстве глиняной посуды в Южной Польше сохраняются в течение всего рассматриваемого периода. Серая гончарная керамика, начало которой восходит к пшеворской культуре, довольно широко бытовала в V в. и, по-видимому, доживает до середины следующего столетия. Погребения по обряду трупосожжения этого времени, вскрытые на могильниках, сходны с более ранними.

Вполне очевидно, что основу населения южнопольских земель в рассматриваемый период составляли потомки пшеворских земледельцев. Культура этого населения занимает промежуточное положение между местной провинциальной римской и ранне-средневековой пражско-корчакской культурами. Утверждение К.Годловского, что культура сохранившегося пшеворского населения в Южной и Центральной Польше не имеет никакой связи с появляющейся здесь в V в. раннесредневековой славянской культурой, в большей степени обусловлено не конкретными материалами, а авторской концепцией. Славянскую культуру исследователь выводит из зарубинецких и постзарубинецких древностей, полагая, что славяне пришли в Висло-Одерский регион из лесных областей

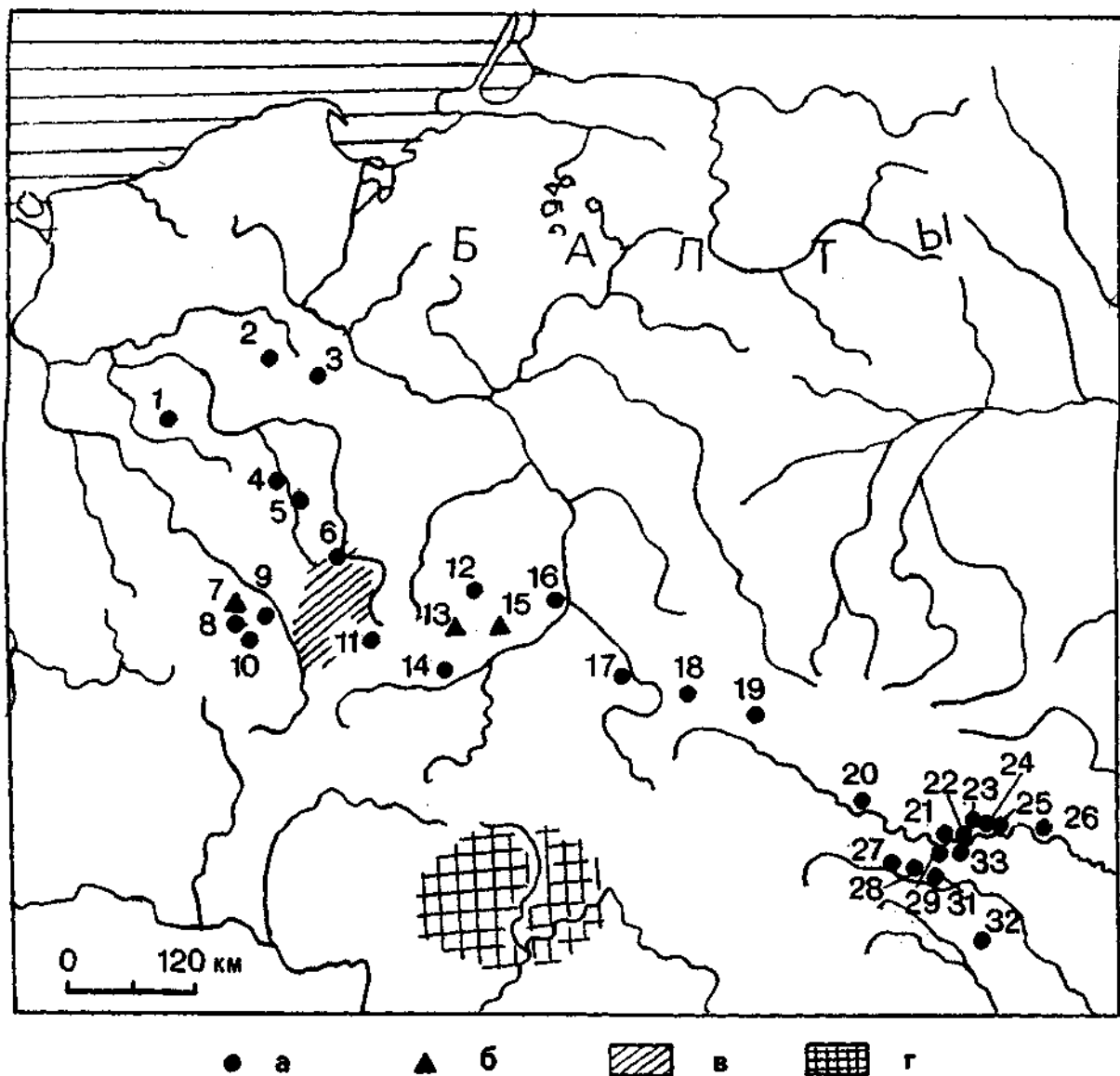

Рис. 105. Памятники периода переселения народов с традициями провинциально-римской культуры в пшеворском ареале *

а — памятники V в. с местными особенностями, восходящими к провинциально-римской культуре; б — памятники гуннов (или гунно-аланов); в — регион добродзенской культурной группы; г — ареал пшеворской группы

1 — Бониково; 2 — Бискупин; 3 — Радзейув; 4 — Пивонице; 5 — Гледзянувек; 6 — Пживуз; 7 — Ендрыховице; 8 — Немча; 9 — Пенпице; 10 — Росошница; 11 — Семонна; 12 — Бизоренда; 13 — Пжеменчаны; 14 — Иголомиа; 15 — Якишовице; 16 — Злота; 17 — Бахурз; 18 — Лукавица; 19 — Черешин; 20 — Зеленый Гай; 21 — Каветчина; 22 — Сокол; 23 — Устье; 24 — Теремцы; 25 — Бакота; 26 — Бернашевка; 27 — Гореча; 28 — Кодын I; 29 — Рашков II; 30 — Рашков III; 31 — Кодын II; 32 — Ботошаны

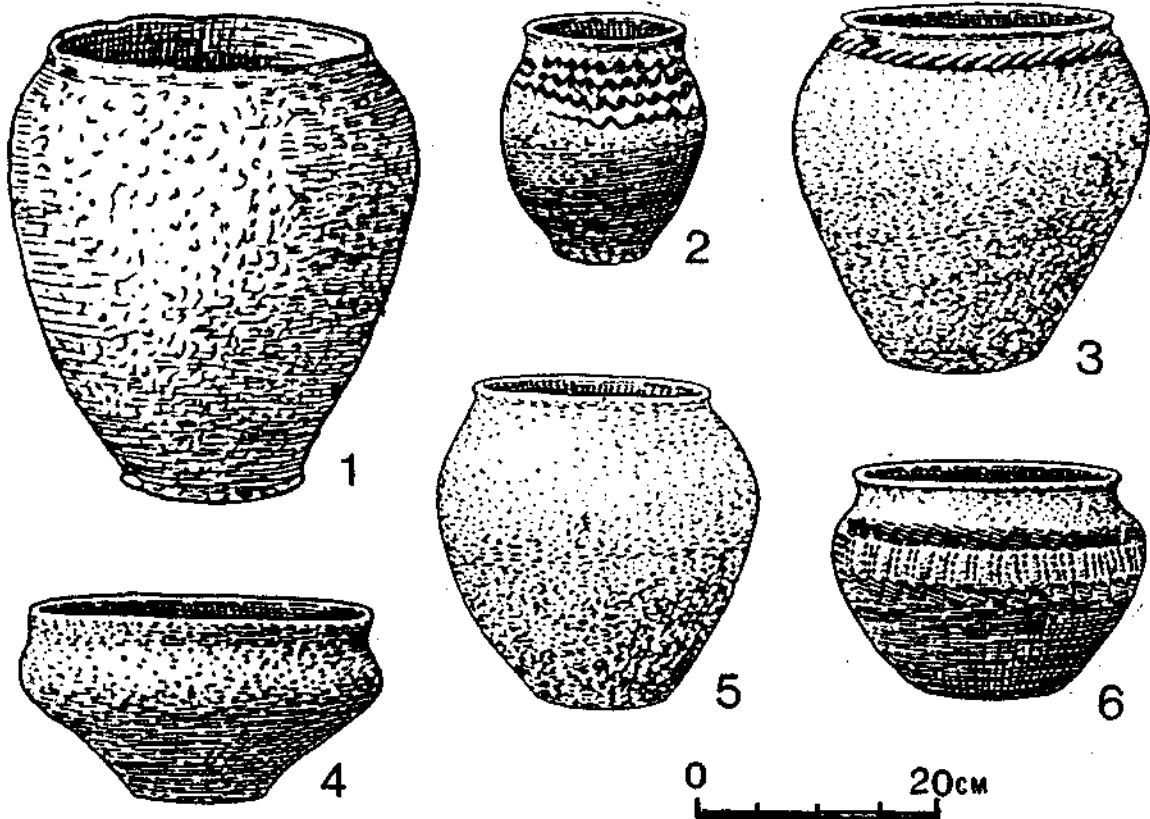

Рис. 106. Глиняная посуда периода переселения народов в пшеворском регионе

1 — Семония; 2 — Прешов; 3, 5 — Олевин; 4 — Дессау-Мозиткау; 6 — Жерники Вельке

Поднепровья [4]. Нельзя не согласиться с замечанием, высказанным по этому поводу лингвистом: «... сам момент постулируемого, таким образом, прихода славянского населения на Вислу и Одер с Востока выглядит у Годловского крайне неубедительно и декларативно (обращает на себя внимание, что Годловский и не пытается, например, выявить элементы зарубинецкой культуры на Висле и Одере, которые так ожидалось бы, по логике автора), и само изложение этого коренного вопроса разительно отличается от проведенного им тщательного раскрытия динамики и миграции пшеворского... населения Висло-Одерского региона первых пяти веков нашей эры.» [5].

Особую культурную группу составляют памятники добродзенского типа, занимающие сравнительно небольшой регион в меж-

дуречье верховьев Одера и Варты. Зарождение этих древностей относится к концу IV в. Истоки их несомненно восходят к пшеворской культуре. Небольшие поселения добродзенской группы образовывали несколько жилищ — полуземлянок и наземных построек столбовой конструкции, идентичных с пшеворскими. Могильники состояли из грунтовых захоронений по обряду кремации умерших. В отличие от пшеворских погребений племени добродзенской группы не хоронили остатки трупосожжений в индивидуальных ямах, а рассыпали кальцинированные кости с остатками погребального костра на больших площадях. В каждом таком скоплении остатков кремации находилось по несколько захоронений, разграничить которые не представляется возможным.

Большинство глиняных сосудов на посе-

лениях и могильниках добродзеньской группы — круговые, и по своему облику сопоставимы с посудой, бытовавшей среди германских племен. В то же время, основная часть лепных сосудов обнаруживает аналогии среди позднепшеворской керамики. В могильнике Семониа найден лепной горшок с «хрповатой» поверхностью, по форме идентичный с характерными пражско-корчакскими сосудами. Фрагментарно такая керамика встречена и на некоторых других добродзеньских памятниках. Коллекция металлических находок включает как изделия пшеворских форм, так и предметы, свойственные германскому миру того времени.

Носителями добродзеньских древностей, по всей вероятности, была какая-то группа германцев, переселившаяся с юга из-за Карпат в связи с нашествием гуннов в пшеворскую среду и перемешавшаяся с местным славянским населением.

Известны на рассматриваемой территории и погребения гуннов. Очевидно, какая-то небольшая часть их пересекла Карпаты и осела среди потомков пшеворского населения. В верхних течениях Вислы и Одера (Енджиховицах, Якушовицах и Пшемечнах) раскопками были исследованы богатые гуннские захоронения V в.

Таким образом, этническая ситуация в южных частях пшеворского ареала в период переселения народов оставалась сложной, но можно констатировать, что доминирующим этносом здесь оставались славяне — земледельческое население, не склонное к постоянным передвижениям и лишь в небольшой степени участвовавшее в политических событиях того времени. Активно действующие в пшеворской культуре довольно крупные ремесленные центры, массово снабжавшие сельское население гончарной керамикой, качественными изделиями из железа и украшениями, перестали функционировать. Прекратилось поступление товаров из Римской империи, которая сама была разгромлена варварами и прекратила существование. Наступил общий упадок культуры. Население вынуждено было изготавливать предметы, крайне необходимые для хозяйства и быта, домашним способом.

Качество этих изделий было заметно более низким по сравнению с продукцией провинциально-римских мастерских. Ассортимент используемых в быту предметов сократился. Лепная керамика получала все большее распространение.

Вместе с тем, необходимо отметить, что потомки пшеворского населения окончательно не утратили традиции и навыки кельто-римского ремесла. Они сохранялись, как свидетельствуют раннесредневековые археологические материалы, «бродячими» (странствующими) ремесленниками. Провинциально-римское наследие отчетливо и постоянно проявляется в культуре славянского населения раннего средневековья. Так, например, предпринятые в последние десятилетия изыскания Ф.Малингудиса убедительно показали, что славянское население, расселившееся в VI—VII вв. на территории Греции, безусловно было знакомо с провинциально-римской культурой, что проявляется в технике земледелия, строительной терминологии, обработке металлов и дерева, ткачестве, рыболовстве и пчеловодстве [6].

Численное доминирование славянского населения привело к постепенной ассимиляции племен, проживавших в тех же землях и принадлежащих к другим этносам. Процесс славизации способствовал становлению на широкой территории Северного Прикарпатья от истоков Вислы на западе до Верхнего Поднестровья на востоке относительного культурного единообразия. Верхнеднестровский регион в III—IV вв. входил в ареал черняховской культуры, но сформировался он на пшеворской основе. В послечерняховское время в своем культурном развитии этот регион вновь составил единую зону с южнопольскими землями. Становление культурного единообразия в этой зоне происходило в условиях развития одной из крупных диалектно-племенных групп раннесредневекового славянства и заключалось в постепенном сложении на основе пшеворского наследия пражско-корчакской керамики и жилищ-полуземлянок подквадратной формы с отопительным устройством в одном из углов.

Благодаря активным и плодотворным

полевым изысканиям украинских археологов в настоящее время наиболее отчетливо эволюционное развитие от заключительного этапа провинциально-римской культуры к раннесредневековой прослеживается на материалах Верхнеднепровского региона (кроме бассейна верхнего течения Днестра в него входят смежные земли среднего течения этой реки и верховьев Прута) [7].

Уже на заключительном этапе черняховской культуры здесь появляются подквадратные полуземлянки с каркасно-глиняными или срубными стенами и печами-каменками. Так, на поселении Черепин раскопками изучено два жилища, которые могут быть сопоставлены с типичными славянскими домами раннего средневековья. Среди лепной керамики этого поселения выявляются формы сосудов, занимающие промежуточное положение между черняховской, изготовленной домашним способом, и раннесредневековой пражско-корчакской. Полуземляночные жилища подобного облика и такая же лепная керамика выявлены и на некоторых других черняховских поселениях.

В рассматриваемом регионе изучена и довольно выразительная группа поселений с комплексами гуннского времени. Напластования V в. выявлены на ряде черняховских поселений. Очевидно, Верхнее Поднепровье в меньшей степени пострадало от нашествия азиатских орд. На поселениях Теремцы, Сокол, Черепин и Рогизна с напластованиями гуннского времени связаны подквадратные полуземляночные жилища, занимающие промежуточное положение между черняховскими и раннесредневековыми. Типологически они безусловно восходят к римскому времени, в то же время не подлежит сомнению эволюционная связь с ними последующего пражско-корчакского домостроительства. Существенно и то, что

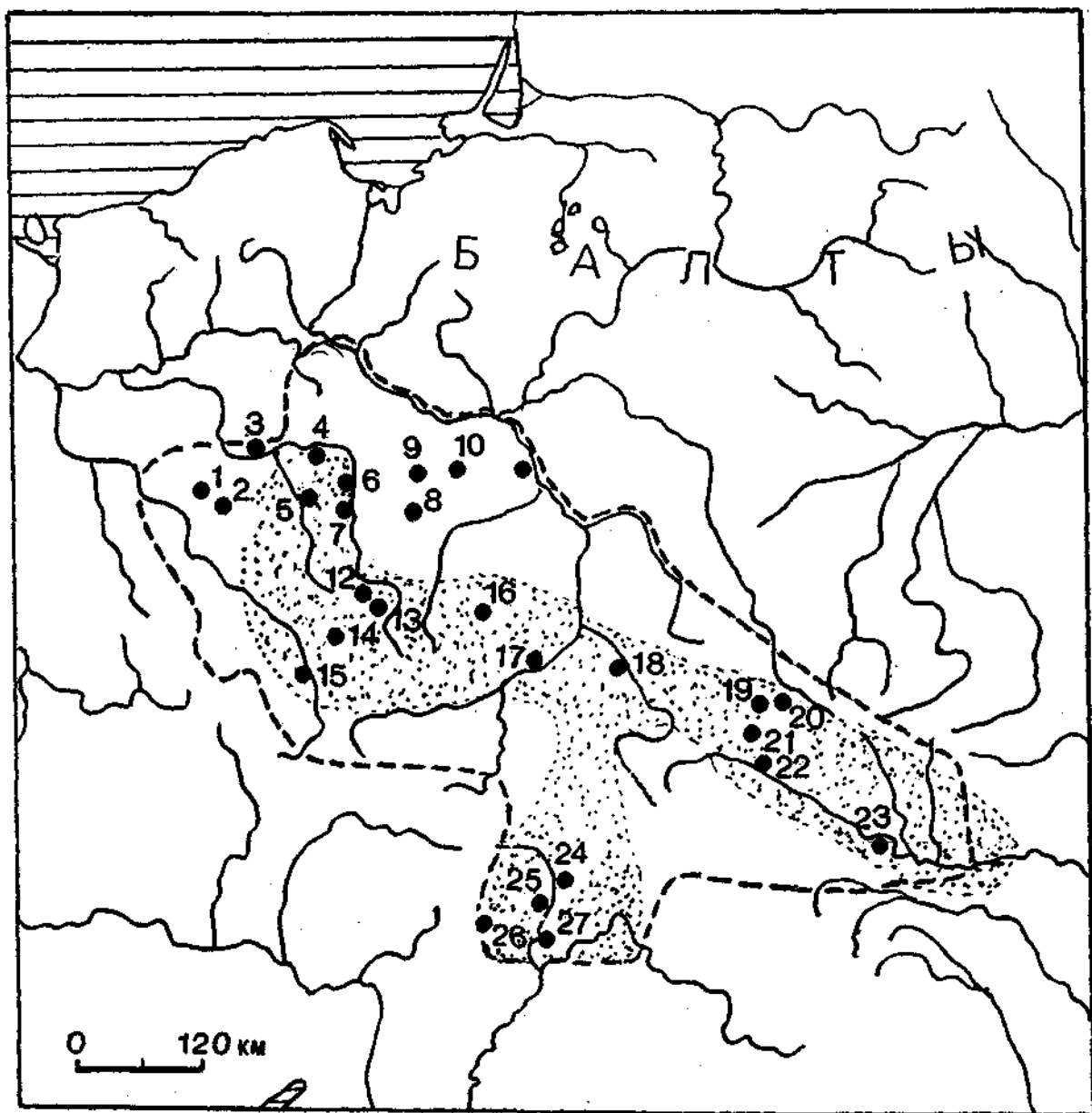
в гуннское время подквадратные полуземлянки становятся более распространенным типом жилых построек по сравнению с предшествующим периодом. Стены таких домов были или каркасно-столбовыми с обмазкой глиной или срубными, печи складывались в основном из камня. Такие строительные особенности свойственны и славянам пражско-корчакской культуры раннего средневековья.

Керамический комплекс поселений Верхнеднепровского региона, датирующихся V столетием, характеризуется сочетанием в различном количественном соотношении гончарной и лепной керамики. Основной формой лепной посуды были горшки, в меньшем числе встречаются миски и сковородки. Горшки представлены несколькими типами, некоторые из них изготовлены по образцам гончарных. В целом, как отмечают исследователи рассматриваемых памятников, лепная посуда характеризуется чертами, с одной стороны сближающими ее с лепной керамикой черняховской культуры Верхнеднепровского региона, с другой — находящими аналогии в керамических комплексах из жилищ-полуземлянок начального этапа пражско-корчакской культуры.

Сероглиняная гончарная керамика, встречаемая на верхнеднепровских поселениях V в., идентична серой посуде, представленной на синхронных поселениях Малопольши. Она получила широкое распространение еще в провинциально-римских культурах, и в гуннское время изготавливалась на ряде поселений, сохранивших традиции прежнего гончарного производства. В Верхнеднепровском регионе серая гончарная посуда встречается, составляя от одного до десяти процентов всей керамики, и на поселениях раннего средневековья (Зеленый Гай, Кодын, Лука-Каветчинская, Рашков III, Устье и другие). На поселении пражско-корчак-

Рис. 107. Распространение керамики, напоминающей пражско-корчакскую, в памятниках римского времени и периода переселения народов

а — памятники с находками керамики, сопоставимой с пражско-корчакской; б — границы территории пшеворской культуры в поздне-римское время; в — приблизительный регион становления пражско-корчакской культуры

● а

▭ б

6

▭ в

в

1 — Садовин; 2 — Доморадице; 3 — Млодзиково; 4 — Конин; 5 — Весульки; 6 — Спицымеж; 7 — Заспы; 8 — Бяла; 9 — Гледзянувек; 10 — Белявы; 11 — Вилянуп; 12 — Опатув; 13 — Закшув; 14 — Нова Весь; 15 — Хорула; 16 — Бизренда; 17 — Злота; 18 — Копки; 19 — Неслухов; 20 — Рипнев; 21 — Черепин; 22 — Бовшев; 23 — Незвиско; 24 — Прешов; 25 — Себастовице Барча; 26 — Педер; 27 — Шена

ской культуры у с. Глыбока в Черновицкой области раскопками открыт гончарный горн с выходом в жищице. В последнем обнаружены фрагменты серой гончарной посуды и лепные горшки, в том числе типичной пражско-корчакской формы, в гончарной печи — сероглиняная керамика [8].

Погребальные памятники гуннского времени в Верхнем Поднестровье пока не обнаружены. Весьма вероятно, что это обусловлено распространением в славянском мире какой-то обрядности, следы которой археологически трудноуловимы.

Поселения гуннского времени составляют важное звено в цепи культурного развития славянского населения от римского времени к раннесредневековому. Истоки пражско-корчакской культуры несомненно восходят к периоду переселения народов. Начало ее, как показал В.Д. Баран на конкретных находках, восходит к V в. [9]. На первых порах керамический комплекс пражско-корчакской культуры был еще довольно разнотипным. Если на одних поселениях значительное место в керамических коллекциях занимают горшки пражского типа, то на других характерные пражские горшки были немногочисленными, доминирующими здесь являются сосуды, восходящие по своим формам к лепной посуде заключительного этапа провинциально-римской культуры.

Регионом становления пражско-корчакской культуры раннего средневековья (рис. 107), нужно полагать, была территория, где известны поселения периода переселения народов, оставленные потомками носителей пшеворской культуры (с верхнеднестровскими землями), и где в римское время бытовали сосуды, напоминающие характерные пражско-корчакские горшки. В ареал становления этой славянской культуры входит и область распространения древностей прешовского типа, которые доживают до середины V в. Поздним отложениям прешовских памятников свойственны полуземляночные жилища, сопоставимые с раннесредневековыми; наряду с серой гончарной керамикой, тождественной пшеворской и черняховской, в это время появляются сосуды, напоминающие дунайскую посуду,

характерную для раннесредневекового славянства Среднедунайского региона; среди лепной керамики есть сосуды, тождественные пражско-корчакским [10].

На ряде исследованных памятников прешовского типа прослеживается эволюционное развитие древностей позднеримского времени в раннесредневековые славянские. К числу таковых, в частности, относится поселение Блатны Реметы, где наблюдается эволюционное развитие древностей (среди них уже есть сосуды, сопоставимые с характерными пражско-корчакскими горшками) от прешовских до IX в. Анализ керамического материала ряда поселений и могильников позднеримского времени и начала периода переселения народов в Западной Словакии (Очков, Бешенев и другие) показывает, что глиняная посуда этих памятников заметно отличается от керамики германских племен, заселявших в это время территории Моравии и Австрии.

Первый этап славянского освоения северной части Русской равнины

Иной была судьба населения пшеворской культуры в северных регионах. Значительные части его вынуждены были оставить места своего прежнего проживания в связи с ухудшением природных условий.

Первые четыре века нашей эры в Средней Европе были весьма благоприятными в климатическом отношении, что во многом способствовало развитию сельскохозяйственной деятельности, которая была основой экономики славянского населения. Согласно данным палеоклиматологии, в это время наблюдается повышение среднегодовых температур на 1—2 градуса по сравнению с

современной. Количество осадков было на современном уровне при некотором уменьшении в I—II вв. и небольшом увеличении в III—IV вв. [11].

Материалы пшеворской культуры наглядно показывают стабилизацию жизни и деятельности населения, заметный прогресс в развитии земледелия, подъем ремесленного производства, оживленные связи с Римской империей. Успехи в экономике и благоприятная климатическая ситуация вели к заметным демографическим сдвигам — увеличивается численность населения, растет количество поселений.

В конце IV в. в Европе наступает похолодание. Еще в 366 г. отмечены сильные морозы. Замерз Рейн и лед был настолько толстым, что по нему проходили войска. Необычно суровая зима отмечена и в 370 г. На рубеже IV и V вв. лютые морозы достигли даже Византии.

Особенно холодным было V столетие. Письменные источники сохранили информацию о необычайно морозных и продолжительных зимах в 441—442 и 442—443 гг. Это был период максимального похолодания не только для I тыс. н.э., самые низкие температуры наблюдались в это время за последние 2000 лет. В V в. резко повышается увлажненность земли, что связано и с низкими температурами, и с увеличением выпадения осадков, и с трансгрессией Балтийского моря. Заметно повышается уровень вод в реках и озерах, поднимаются грунтовые воды, разрастаются болота. Поймы многих рек или затопливаются, или покрываются аллювиальными отложениями и, таким образом, исключаются из хозяйственного использования.

Такая климатическая ситуация была характерна и почти для всего следующего столетия. В это время отмечено шесть необычайно холодных зим, когда птицы замерзали на лету. Но это неполная информация. Очень часто шли обильные дожди, приводившие к сильнейшим наводнениям. Очень холодным и дождливым во всей Западной Европе был 586 г. Даже в Италии были полностью затоплены поля, население полагало, что наступил новый

потоп. Наводнения были продолжительными и длились до 590 г.

Таким образом, период от конца IV до последних десятилетий VI в. в лесной зоне Европы во всех отношениях был крайне неблагоприятным для земледельческого населения. Многие поселения римского времени в результате повышения уровней рек и озер и подъема грунтовых вод оказались затопленными, а значительные участки пашенных угодий стали непригодными для земледелия.

Такая же ситуация сложилась и во многих местностях Балтийского ареала. В северных районах Германии, как установлено археологическими изысканиями, уровень рек и озер в этот период повысился настолько, что население вынуждено было покинуть большую часть поселений, функционировавших в римское время [12]. Известно, что необычайно сильные наводнения в Ютландии и смежных районах Северо-Западной Германии заставили тевтонов переселиться на другую территорию.

Среднее Повисленье, характеризующееся низменным рельефом, очевидно, наиболее пострадало от наводнений и переувлажненности. Климатические изменения и неблагоприятные условия для хозяйственной деятельности стали причиной миграции основных масс населения из этого региона. Все многочисленные поселения, существовавшие здесь в римское время, были заброшены в период переселения народов.

Решить вопрос о том, куда ушло население из Висленского региона пшеворской культуры, довольно трудно. Начавшиеся крупные передвижения германских племен, нашествие азиатских орд и крушение Римской империи самым существенным образом изменили культуру земледельческого населения пшеворского ареала. Ремесленные центры, в частности металлургические и гончарные, обеспечивавшие прежде население провинциально-римских культур, перестали функционировать. Среди земледельцев, очевидно, не было собственных кузнецов, ювелиров и гончаров, и они оказались неподготовленными сразу перейти к изготовлению хозяйственных и бытовых изде-

лий в домашних условиях. Наступил резкий регресс культуры и быта населения, которое вынуждено было к тому же переселиться на новые места жительства, где, естественно, началось формирование его нового культурного облика. В такой ситуации проследить археологически процессы перемещения населения очень и очень трудно.

На рубеже IV и V столетий в лесной зоне Восточноевропейской равнины появляются две крупные группы населения, которые можно связывать с потомками пшеворских переселенцев из Повисленья. Одна из этих групп представлена культурой ранних (псковских) длинных курганов, датируемых в целом V—VIII вв. До середины I тыс. н.э. в бассейнах озер Псковского и Ильменя, где первоначально осели эти переселенцы (рис. 108), проживало прибалтийско-финское население, представленное культурой текстильной керамики. Значительную роль в его экономике играли присваивающие формы хозяйственной деятельности. Вновь расселившееся здесь население было земледельческим. Все особенности культуры псковских длинных курганов дают основания рассматривать ее как славянскую. Лишь отдельные второстепенные детали сопоставляются с прибалтийско-финскими древностями, что вполне объяснимо: новое население расселилось в среде аборигенного, и часть последнего оказалась ассимилированным [13].

Полную характеристику культуры длинных курганов целесообразно сделать в разделах, посвященных раннесредневековым древностям славян. Здесь же можно отметить, что эта культура не была привнесена со стороны, а складывалась в северо-западной части Восточноевропейской равнины. Сам обычай сооружать длинные курганы зародился уже в Новгородско-Псковской земле. Курганный обрядности предшествовали грунтовые захоронения по обряду трупосожжения [14]. Большинство таких погребений, как и трупосожжения в длинных курганах, являются безынвентарными и безурновыми, и такая обрядность вполне может иметь истоки в пшеворской культуре.

Лепная керамика культуры псковских

длинных курганов неоднородна (рис. 109). Отдельные сосуды по форме отдаленно сопоставимы с пражско-корчакскими, другие находят аналогии в Висленском регионе (имеется в виду глиняная посуда из раскопанного В.Шиманьским поселения Шелиги и аналогичных памятников того же края) [15], третьи напоминают керамику тушемлинской культуры, о которой речь пойдет ниже, четвертые имеют баночные формы и, по всей вероятности, восходят к древностям субстратного населения. Вполне очевидно, что глиняная посуда первых трех групп была привнесена в Ильменский и Псковский бассейны переселенцами.

Исследователи культуры псковских длинных курганов неоднократно обращали внимание на топографические особенности расположения этих памятников. Замечено, что почти все они находятся в стороне от крупных водных артерий, всегда в некоторой удаленности от водоемов, иногда на расстоянии нескольких километров. Для могильников выбирались песчаные возвышенности в сухих борových лесах, вблизи сухопутных дорог. Синхронные могильникам поселения обычно устраивались неподалеку.

Все могильники рассматриваемой культуры зафиксированы в возвышенных местах, поднятых не менее чем на 150 м над уровнем моря. Очевидно, что переселенцы, создавшие позднее культуру длинных курганов, выбирали участки, наиболее возвышенные, сухие, недоступные для наводнений. Кажется, все склоняет к заключению о том, что группа славян, расселившаяся на северо-западе Русской равнины, вышла из Висленского региона пшеворской культуры. Намечается и маршрут миграции этой группы переселенцев.

Среди немногочисленных вещевых находок из псковских длинных курганов наибольший интерес представляют В-образные рифленые пряжки (рис. 110). Ознакомившись с одной из таких находок, происходящей из захоронения в длинном кургане Полибинского могильника в верховьях Ловати, Й.Вернер достаточно определенно показал ее среднеевропейское происхождение [16].

Первые рифленые пряжки с В-образно

Рис. 108. Ранний этап культуры длинных курганов

а — могильники с длинными курганами V—VI вв.; б — места находок В-образных пряжек середины I тыс. н.э.; в — пшеворские могильники стадии D (350/370 — середина V в.); г — ареал раннего этапа культуры длинных курганов

Пунктиром обозначены возвышенные местности, неподверженные затоплению и чрезмерному увлажнению в конце IV — начале V в.

1 — Бартилокув; 2 — Дездеверух; 3 — Червоный Двур; 4 — Высокое; 5 — Емелисте; 6 — Папишкес; 7 — Вилькяутинис; 8 — Багочай; 9 — Памусис; 10 — Пабарай; 11 — Забелишкес; 12 — Парайсчай; 13 — Черная Лужа; 14 — Таурапилс; 15 — Цигельня; 16 — Рекучай; 17 — Желядь; 18 — Пильвины; 19 — Судацис; 20 — Понизье; 21 — Засвирь; 22 — Наравай-Григишкес; 23 — Лихула; 24 — Рысна-Сааре; 25 — Арнико; 26 — Линдора; 27 — Северик; 28 — Светлые Вешки; 29 — Володи; 30 — Янкевичи; 31 — Полибино; 32 — Михайловское; 33 — Липецы; 34 — Млевский Бор; 35 — Пуйга; 36 — Варшавский шлоз; 37 — Усть-Белая IV

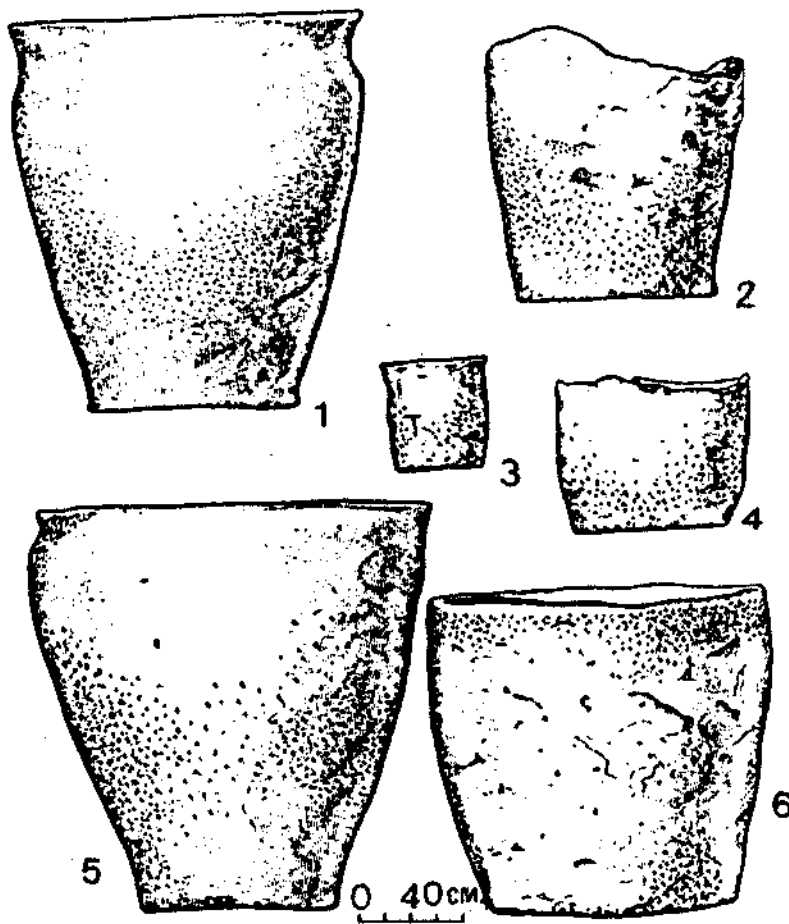

Рис. 109. Глиняные сосуды из длинных курганов псковской группы

1, 5 — Михайловское; 2—4 — Казиха; 6 — Обинисте

изогнутой рамкой появляются в среднеевропейских землях между 350 и 450 г. В конце IV и особенно в первой половине V в. широко распространяются и те типы В-образных рифленых пряжек, к которым принадлежат находки в псковских длинных курганах [17]. Бытовали они в целом до рубежа VI и VII столетий, когда мода на рифление исчезает и заменяется гравировкой и насечками. Тогда же выходит из употребления и В-образная форма пряжек.

Серии находок В-образных пряжек с рифлением принадлежат к надежным свидетельствам перемещения более или менее крупных групп населения. Это в ряде случаев подтверждается историческими источ-

никами. Так, по письменным памятникам известно, что во второй четверти V в. в южные пределы Британии вторглись саксы. И именно в это время, как уже свидетельствуют данные археологии, в долине Темзы получают распространение В-образные пряжки тех типов, которые известны в материковых германских землях, в том числе в коренных землях саксов — между Рейном и Эльбой [18].

В псковских длинных курганах В-образные рифленые пряжки найдены в пяти пунктах — уже упомянутом могильнике Полибино, где находка определенно датируется не позднее первой половины V в. [19], в Линдора и Рысна-Сааре на западном

побережье Псковского озера, в Млевском Бору (бассейн Мсты) и Усть-Белой на Кабоже [20]. Разбросанность этих находок, как и самих ранних длинных курганов, свидетельствует о расселении первых славян в Новгородско-Псковском крае рассеянно сравнительно небольшими группами в наиболее возвышенных местностях.

Находки подобных пряжек в регионе среднего течения Немана (с Нерисом-Виллией), нужно полагать, фиксируют маршрут миграции славян (рис. 108). Из Повисленья, очевидно, крупные массивы переселенцев двинулись в северо-восточном направлении вдоль гряды ледникового происхождения. Какая-то часть населения осела на возвышенных участках Средненеманской гряды, преимущественно в бассейне Нериса-Вилпи, в землях, занятых балтами — носителями культуры штрихованной керамики. Верхняя дата последней определяется рубежом IV и V вв. На поселениях появляются инокультурные напластования, характеризующиеся шероховатой керамикой, получают распространение каменные курганы ятвяжского облика. Переселенцами, по видимому, были западные балты.

Другая часть повисленских переселенцев продвинулась дальше, вплоть до Валдайской возвышенности и сравнительно небольшими группами разбросанно расселилась в бассейнах Ильменя и Псковского озера, создав культуру псковских длинных курганов.

Такой же маршрут расселения славян реконструировал на основании топонимических данных Ю.Удольф. На основе картографии названий местностей со славянскими основами *veš, potok, korč-, ručej, gař, dor, derevnija* исследователь выявляет одно из крупных северных направлений славянского освоения Восточноевропейской равнины — из Повисленья через средний Неман, бассейн Нериса-Вилпи до Новгородско-Псковских земель [21].

Согласно изысканиям Р.А.Агеевой [22], в гидронимии Новгородско-Псковской земли имеется ряд прямых и косвенных подтверждений очень раннего расселения славян. Оно протекало еще в то время, когда были продуктивны праславянские модели

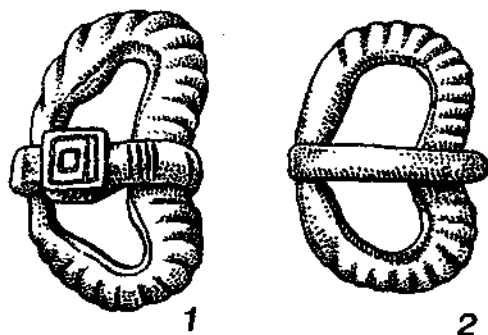

Рис. 110. В-образные пряжки из длинных курганов. 1 — Линдора; 2 — Полибино

водных именовании. По данным гидронимии выделяются регионы наиболее раннего славянского расселения — бассейн реки Великой, земли к югу от Ильменя и пространство между Псковским озером и средним течением Луги. Это как раз области концентрации псковских длинных курганов.

Анализ водных названий Русского Северо-Запада подтверждает положение о происхождении славянского населения этого края из западных областей древнего славянского мира. Так, в гидронимии Новгородско-Псковских земель обычны лексемы *терев-* (от глагола *теребить* — 'расчищать землю, готовить ее под пашню'), которые весьма характерны для Среднего и Верхнего Повисленья (кроме того, они распространены в Чехии и Словакии), а в Восточной Европе их ареал ограничивается территорией кривичской колонизации [23]. Отмечены и другие новгородско-псковско-западнославянские сходства в гидронимии Северо-Западного региона [24].

Древненовгородский диалект, выявляемый на основе анализа текстов берестяных грамот из раскопок в Новгороде и современных псковских говоров, является ответвлением праславянского языка. Отсутствие в нем элементов второй палатализации — явный показатель того, что славяне, рано расселившиеся в бассейнах озер Псковского и Ильменя, оторвались от основного славянского массива и какое-то время проживали изолированно от него [25].

Миграционный поток, достигший Севе-

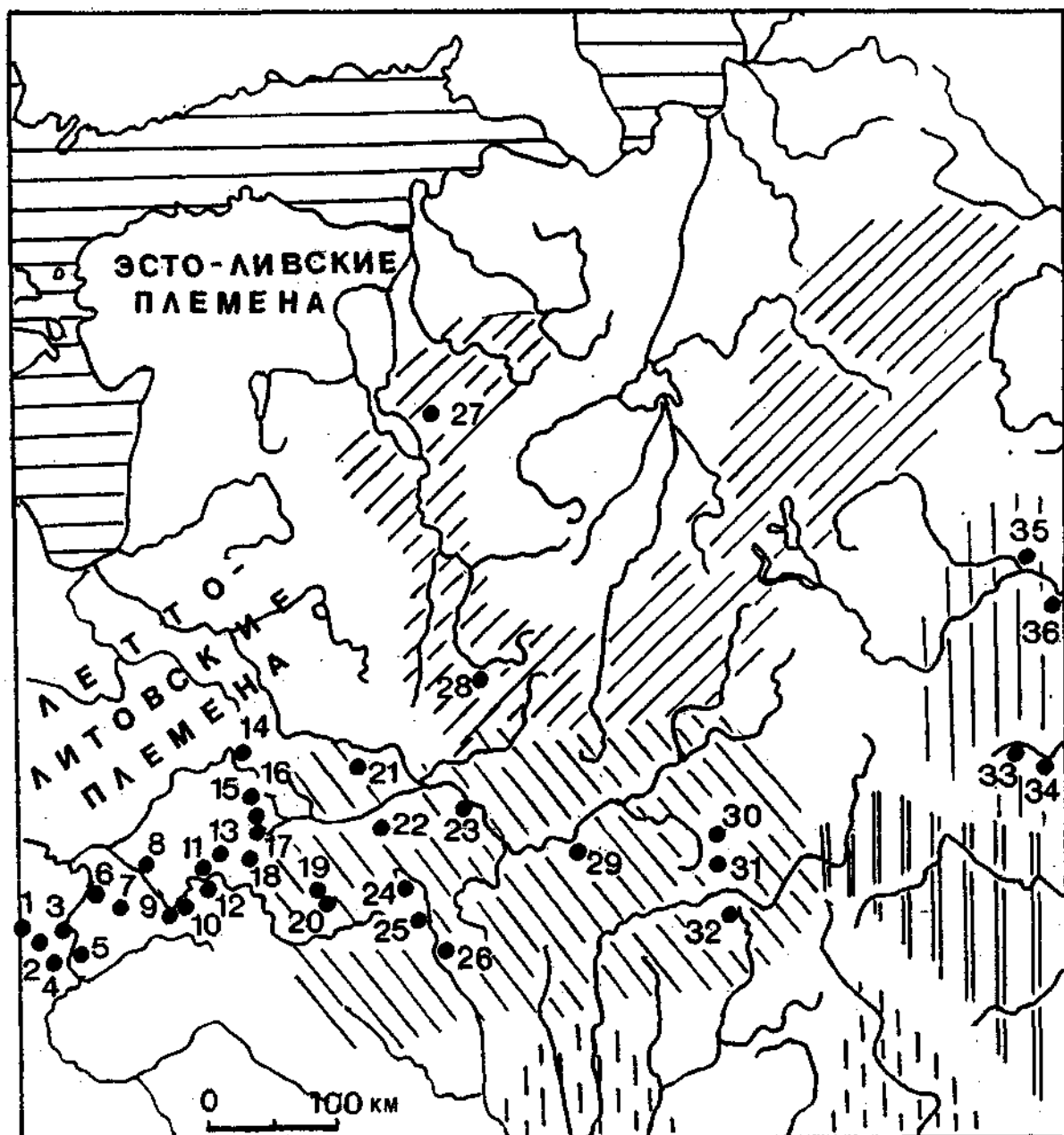

Рис. 111. Расселение носителей браслетообразных височных колец на раннем этапе

а — памятники с находками браслетообразных височных колец середины I тыс. н.э.
 Ареалы: б — псковских длинных курганов; в — тушемлинско-банцеровской культуры; г —
 позднелдыжовских древностей; д — мощинской культуры; е — колочинской культуры

ро-Запада Русской равнины, по всей вероятности, не был этнически однородным. Среди переселенцев, очевидно, были не только славяне, но и западные балты, земли которых были затронуты при движении на северо-восток. Балтские названия вод в Новгородско-Псковских землях довольно обширны, среди них имеются гидронимы с западнобалтскими особенностями [26]. Заслуживает внимания то, что последние сосредоточены преимущественно в основном ареале ранних длинных курганов.

Расселившиеся в лесных землях Новгородско-Псковского региона славяне-земледельцы прежде всего вынуждены были заняться освобождением от лесов участков для сельскохозяйственной деятельности. О том, что это было в основном земледельческое население, свидетельствует освоение им преимущественно земель, по почвенным характеристикам наиболее пригодных для произрастания хлебных культур. Очевидно, в составе переселенцев не оказалось ремесленников-профессионалов. Не располагая качественными орудиями для обработки пахотных угодий и, видимо, тягловыми животными, славяне вынужденно перешли к подсечно-огневой системе земледелия, которая на какое-то время стала доминирующим приемом подготовки почвы к посевам. Подсечное земледелие, основанное на использовании огня и ручных орудий обработки почвы, в сочетании с охотой, рыбной ловлей и лесными промыслами стало основой экономики населения, оставившего ранние длинные курганы.

Нужно полагать, что тем же маршрутом прошла и другая группировка ранних славян, осевшая в Полоцком Подвинье, Смоленском Поднепровье и в части Волго-Клязьменского междуречья. Следы ее расселения являются находки браслетообраз-

ных височных колец (рис. 111), встречаемые на памятниках названных регионов начиная с середины I тыс. н.э. [27]. Как известно, женское головное убранство финноязычных и летто-литовских племен не включало височных колец. Единичные височные украшения славянского облика, иногда обнаруживаемые в финно-угорских и балтских землях Прибалтики, Волго-Камья и Приуралья, явно принадлежат к инородным элементам, отражающим контакты со славянским миром. Поэтому появление браслетообразных височных колец на поселениях и могильниках середины I тыс. н.э. в средней полосе Русской равнины следует рассматривать как явное свидетельство расселения славянского этноса. Тем более, что ношение таких височных украшений славянами прослеживается без каких-либо перерывов вплоть до XIII столетия.

В отличие от Новгородско-Псковских земель, где славяне расселились среди сравнительно редкого прибалтийско-финского населения, в Верхнеднепровско-Двинском регионе ситуация была иной. Здесь проживали довольно многочисленные балтоязычные племена днепро-двинской культуры. По-видимому, на первых порах славяне-переселенцы разбросанно расселились среди аборигенного населения, что привело к существенной трансформации местной культуры.

В настоящее время установлено, что тушемлинско-банцеровская культура, получившая распространение с конца IV в. на рассматриваемой территории, не была простой эволюцией днепро-двинской. Ее формирование можно объяснить только приливом в эти земли каких-то масс нового населения. Его этническую принадлежность и определяют славянские височные украшения, появившиеся в ареале тушемлинско-банцеровской культуры. Таким образом,

-
- 1 — Радостай-Алекнонис; 2 — Луксенай; 3 — Бакшай; 4 — Сейлюнай; 5 — Слабаделе;
 - 6 — Мигонис; 7 — Аукштадварис; 8 — Кернаве; 9 — Жвирбляй; 10 — Кайренай; 11 — Пакраугле;
 - 12 — Варапнишкес; 13 — Граужиняй; 14 — Дусету; 15 — Эйкотишкес; 16 — Жадавайняй;
 - 17 — Рокенай; 18 — Мижнионис; 19 — Микольцы; 20 — Городище; 21 — Прудники;
 - 22 — Свила; 23 — Бельчицы; 24 — Васильковка; 25 — Дедалиовичи; 26 — Аздягичи;
 - 27 — Городня; 28 — Казиха; 29 — Бороники; 30 — Акатово; 31 — Близнаки;
 - 32 — Демидовка; 33 — Бородинское; 34 — Троицкое; 35 — Отмичи; 36 — Топорок

Миграции населения из черняховского ареала

нужно полагать, что население этой культуры было смешанным, состоящим из местных днепровских балтов и пришлых славян. Начался медленный процесс славизации аборигенов, который, по-видимому, был не всегда прямолинейным и завершился только в период древнерусской государственности.

Дославянское население Верхневолжья и Москворечья, где также в памятниках середины I тыс. н.э. появляются немногочисленные браслетообразные височные кольца, по всей вероятности, было родственно племенам тушемлинско-банцеровской культуры. Об этом наряду с домостроительством и вещевым инвентарем весьма отчетливо свидетельствует массовый керамический материал [28]. Очень вероятно, что в этом регионе из-за немногочисленности пришлого населения оно растворилось в среде местного: браслетообразные височные кольца здесь вскоре выходят из употребления.

Носители браслетообразных височных колец расселились и в более восточных землях Волго-Окского междуречья среди поволжско-финских племен мери и муромы [29]. В междуречье Волги и Клязьмы происходят принципиальные изменения в системе расселения. На смену небольшим городцам приходят неукрепленные поселения более крупных размеров. Возрастает численность населения. Ведущую роль в экономике теперь стало играть земледелие: основная часть селений тяготеет к участкам с наиболее плодородными почвами. В раннем средневековье в этих регионах начался сложный процесс славяно-финского взаимодействия. Под влиянием славян какие-то части финноязычного населения стали носить браслетообразные височные кольца, но концы их были оформлены несколько иным образом (в виде втулки и остря, входившего в нее, или в виде плоской петли и крючка), отлично от собственно славянских. Позднее в этих землях наблюдаются притоки новых групп славян, что в итоге привело к сложению ядра древнерусского населения Северо-Восточной Руси, включившего в себя как пришлых славян, так и славизированных аборигенов.

Гуннское нашествие разорило большую часть черняховских поселений Северного Причерноморья, но не уничтожило основных масс этого весьма многочисленного населения. Какая-то часть его, безусловно немалая, погибла в военных сражениях, в огне пожарищ, во время грабежей и т.п. Часть черняховского населения разбежалась в разные стороны, более или менее крупные группы переселились в другие земли, а в лесостепных областях, как показано ниже, какая-то доля земледельческого населения сохранилась и через некоторое время стала создавать новую культуру и разрастаться.

Значительные массы черняховского населения двинулись на запад и осели в Среднем Подунавье (рис. 112). Коллекцию керамики, приходящую из нескольких десятков среднедунайских памятников и явно продолжающую традиции черняховской гончарной посуды, обстоятельно исследовал чешский археолог Я.Тейрал [30]. Среди потомков черняховских поселенцев в среднем течении Дуная и Потисье получили бытование специфические фибулы («kurze Blechfibeln»), развившиеся из черняховских прототипов. Судя по распространению последних преимущественно в междуречье нижнего Дуная и Днестра, нужно полагать, что в Среднем Подунавье расселилось черняховское население, ранее проживавшее в Северо-Западном Причерноморье.

Исследователи древностей периода переселения народов Среднего Подунавья полагают, что носителями черняховской культуры, осевшими в этих землях, были преимущественно сармато-аланы и германцы, а также гунны. Дифференцировать этнически древности этой разнородной массы населения не представляется никакой возможности. Вполне допустимо предпо-

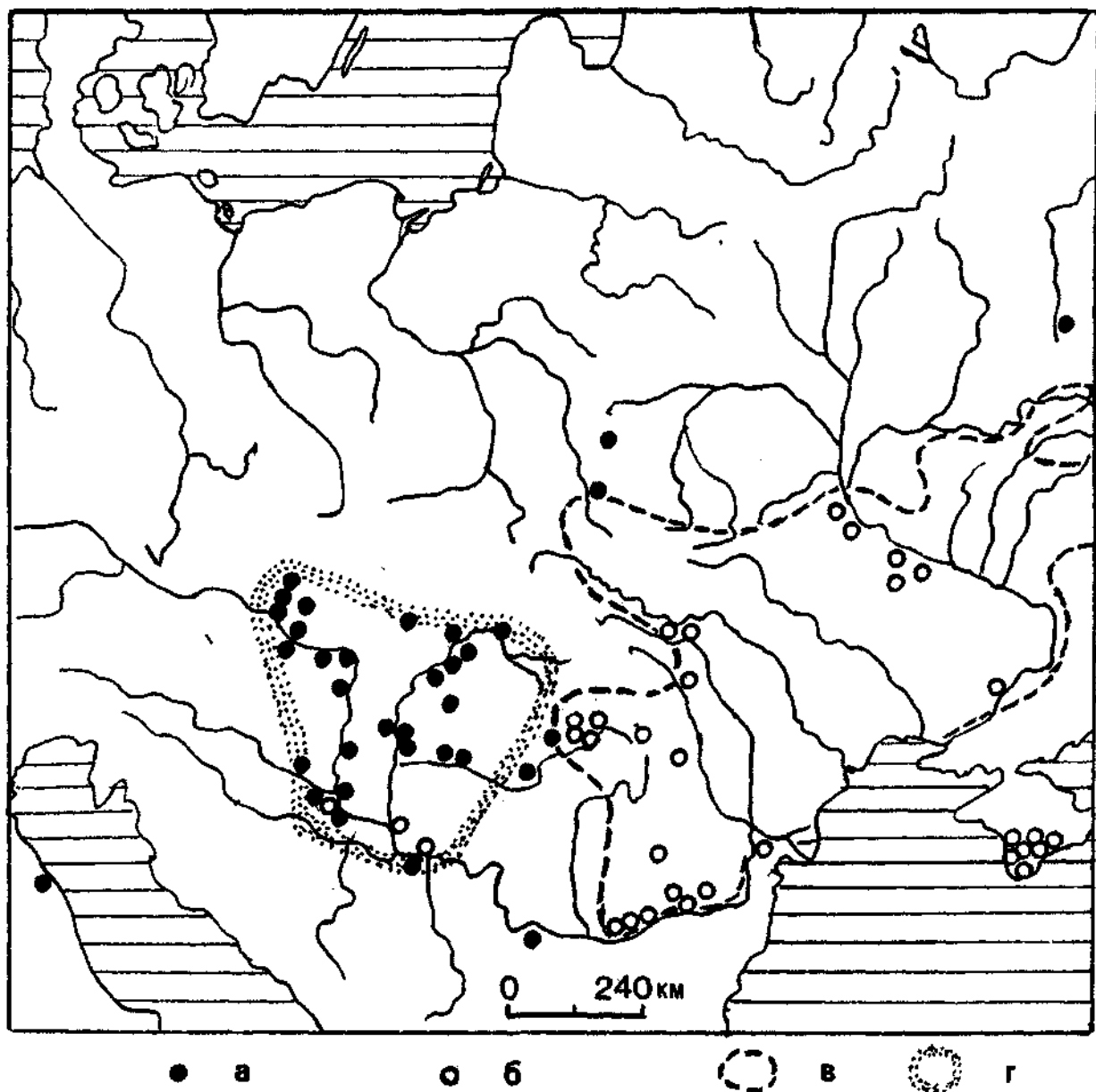

Рис. 112. Расселение племен черняховской культуры в Среднем Подунавье

а — места находок серебряных дунайских фибул типа Вена—Нижняя Трансильвания (по Я.Тейралу); б — находки черняховских прототипов этих фибул; в — граница ареала черняховской культуры; г — область наиболее плотного распространения дунайской керамики, истоки которой находятся в черняховской посуде (по Я.Тейралу)

ложение, что в массе черняховских переселенцев были и славяне. В 448 г. ставку Атиллы посетила византийская посольская миссия, возглавляемая сенатором Максиминном. Секретарем Максимина был Приск Панийский. В составленном им отчете об этом посольстве содержится много ценной информации о жизни и быте населения гуннской ставки. Славяне у Приска нигде не названы, но изложенные сведения указывают на проживание их в части Среднедунайского региона. Приск слышал и записал славянские слова *medъ* и *strava*, которые достаточно авторитетно устанавливают наличие в середине V в. славянского населения в этом регионе. В пользу этого говорят и некоторые другие наблюдения Приска, а также гидронимы Тиса и Тимиш [31].

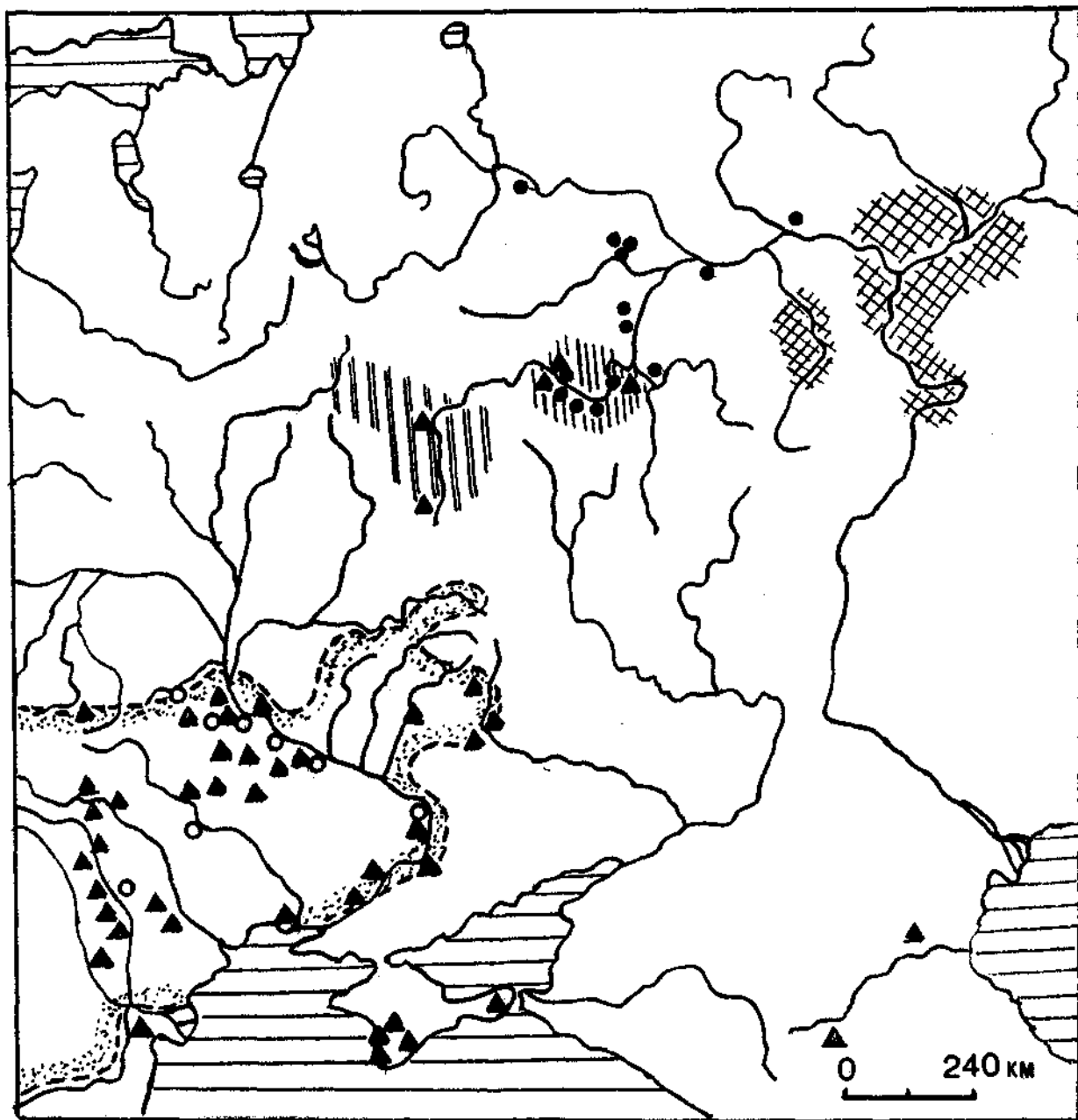
Отдельные географические названия Среднего Подунавья, упоминаемые в письменных источниках первой половины I тыс. н.э., со времен П.И.Шафарика некоторыми исследователями рассматриваются как славянские, в связи с чем этот европейский регион относится к раннеславянской территории. Эта мысль подверглась основательной критике, в том числе со стороны таких ученых, как М.Фасмер, Й.Миккола, С.Романский. В последние годы тезис о Среднем Подунавье как древнейшей территории славянства активно отстаивает О.Н.Трубачев [32]. Следует заметить, что в археологических материалах это положение не находит подтверждения. Можно допустить, что первые небольшие группы славянского населения появились в среднедунайских землях еще в позднеримское время вместе с германскими племенами, увлекшими в своем движении на юг к границам Римской империи часть висло-одерских славян. Поэтому не исключено, что отдельные географические названия Среднего Подунавья, восходящие к римскому времени и связываемые некоторыми исследователями со славянским этносом, может быть, и отражают действительную картину оседания в этом регионе сравнительно небольших групп славянских переселенцев. Впрочем, славянское происхождение географической номенклатуры Среднего Подунавья первой половины I тыс.

н.э. весьма дискуссионно и отрицается многими учеными и в настоящее время [33].

Какая-то часть черняховского населения Северного Причерноморья под угрозой гуннского разорения бежала в более северные области Поднепровья (вплоть до Смоленщины). Сводку черняховских древностей, разрозненно фиксируемых в более чем десяти пунктах Верхнего Поднепровья, опубликовал Э.А.Сымонович [34]. Не исключено, что часть этих находок, возможно, обусловлена контактами провинциально-римского населения с северными соседями. Находки же, происходящие с памятников V—VI вв., уже бесспорно отражают инфильтрацию в среду днепровских балтов небольших групп черняховского населения.

Более крупная группа черняховцев осела, по всей вероятности, в бассейне верхней Оки (рис. 113). Мощинская культура, сформировавшаяся в этом регионе во II—III вв. в условиях взаимодействия местной верхнеокской культуры с пришлыми почепскими (постзарубинецкими) элементами из Подесенья [35], в конце IV — начале V в. претерпела некоторые изменения. Они проявляются в распространении особенностей, которые не могут быть объяснены ни деснинско-зарубинецким воздействием, ни местными традициями. К числу таковых принадлежат, прежде всего, грубые и лощеные сосуды с высоким прямым горлом и крутыми плечиками, переходящими в коническое тулово, а также некоторые миски, сопоставимые с черняховскими. Такая керамика обычна для верхних горизонтов поселений мощинской культуры, в курганах Шаньково и Почепок она датируется V в. О притоке нового населения свидетельствуют и наблюдения над стратиграфией залегания лощеной керамики на поселениях мощинской культуры: в нижних слоях, как правило, встречаются единичные фрагменты такой посуды, а в верхних число их резко увеличивается. На городищах Дуна и Федяшево почти вся лощеная керамика найдена в верхних горизонтах культурных отложений.

Если раньше, до миграции черняховского населения, верхнеокские племена про-

а б в г д е ж

Рис. 113. Расселения племен черняховской культуры в северо-восточном направлении

Ареалы: а — черняховской культуры; б — мощинской культуры; в — рязанско-окских могильников; г — именьковской культуры. Места находок: д — Т-образных («крестовидных») фибул; е — среднеднепровских прототипов «крестовидных» фибул; ж — прогнутых подвязанных фибул (двучленных 1 серии с узкой ножкой — вариант 2 по А.К.Амброзу)

живали в основном на городищах, то теперь широкое распространение получают селища. Некоторые из них имели весьма крупные размеры и сопоставимы по топографическим особенностям с черняховскими. Приток нового населения безусловно активизировал сельскохозяйственную деятельность в этом регионе.

Параллельно в мощинской культуре появляются характерные черняховские фибулы. Так, встречающиеся массово в черняховских древностях двучленные прогнутые фибулы с подвязанной ножкой найдены на поселениях мощинской культуры Свинухово, Лужки, Дешевка, Серенск. В двух последних памятниках находки принадлежат к так называемому «крымскому варианту» (по А.К.Амброзу), которые датируются последней четвертью IV — первой третью V в. На мощинских поселениях Дуна и Федяшево обнаружены бронзовые перекладчатые фибулы, имеющие среднеднепровское происхождение [36].

Приток нового населения на верхнюю Оку ощущается и на материалах Подмосковья. И.Г.Розенфельдт фиксирует волну мощинской экспансии, проявляющуюся и в керамике, и в металлических вещах москворецких древностей и датируемую IV—V вв. [37].

Определить на основании данных археологии, были ли носители черняховской культуры, расселившиеся в бассейне верхнего течения Оки, славянами, или это было полиэтничное население, невозможно; да это, может быть, и не существенно. Потомки населения, вышедшего из черняховского ареала, по всей вероятности, постепенно растворились в местной среде. Вопрос об этнической принадлежности мощинских племен ныне можно считать решенным. В перечне восточноевропейских племен, помещенном в «Гетике» Иордана, имеется этноним *Coldas* [38], в котором явно проступает *голядь*, известная по древнерусским летописям. Последние локализируют в XII в. остатки этого племени на р. Протве, притоке Оки. Более ранний регион голяди определяется на основе топонимов и гидронимов, производных от этого этнонима, и он совпадает в общих чертах с террито-

рией мощинской культуры. Потребовался мощный приток славянского населения, который датируется VIII в., прежде чем началась славизация окских балтов.

Из мощинского региона значительные группы населения, уже испытавшего черняховское влияние, продвинулись на рубеже IV и V вв. в рязанское течение Оки (рис. 113). Здесь проживало поволжско-финское население — потомки племен городецкой культуры раннего железного века. В условиях взаимодействия местного населения с довольно значительной массой пришлого в культуре рязанско-окских могильников происходят существенные изменения [39]. В V в. появляется новый для этого региона обряд трупосожжения. А.П.Смирнов заметил, что такие погребения в Борковском могильнике обычно сопровождаются вещами неместного происхождения [40]. Наряду с характерными для финно-угорского мира захоронениями по обряду ингумации с меридиональной ориентацией тогда же получают распространение трупоположения с широтной ориентировкой. Одновременно в Рязанском Поочье распространяется чернолощенная керамика. Она встречена в ряде могильников и на многих синхронных им поселениях и бытует продолжительное время. О ее происхождении из западных окских земель свидетельствует неравномерная встречаемость: количество фрагментов чернолощенной посуды заметно уменьшается в восточном направлении.

Одним из показателей оседания в Рязанском Поочье черняховского населения или его потомков являются фибулы, обнаруженные в нескольких пунктах. Единичными экземплярами представлены двупластинчатые фибулы с укороченной ромбической ножкой, распространенные преимущественно в среднеднепровской части черняховского ареала; двучленные фибулы с надставленной пружиной, встречаемые на черняховской территории более широко; двучленные фибулы второго — четвертого вариантов (по А.К.Амброзу); прогнутые подвязанные фибулы, также имеющие широкие черняховские аналогии [41].

Потомки черняховского населения в

Рязанском Поочье, по-видимому, были многочисленными. С прекращением производства фибул в ареале черняховской культуры в рассматриваемом регионе вырабатывается специфический тип фибул — так называемые крестовидные фибулы (Т-образные с пружиной), ставшие характерными только для населения Среднего и отчасти Нижнего Поочья. Прототипами их были черняховские фибулы среднеднепровского типа [42].

Можно полагать, что в числе групп черняховского (или мощинско-черняховского) населения, переселившихся в Рязанское Поочье, были славяне. Опять-таки прямые указания на это в археологических материалах выявить трудно, но о присутствии немногочисленного славянского населения в этом крае говорят находки антских пальчатых фибул в захоронениях Кузьминского и Подболотьевского могильников.

В VII — начале VIII в. в рязанско-окских могильниках в небольшом числе появляются и браслетообразные височные кольца, свидетельствующие о незначительной инфильтрации в эти земли славян другой племенной группировки [43].

Первые волны славянского проникновения в Рязанское Поочье безусловно не могли привести к ассимиляции местного населения. Они лишь подготовили почву для дальнейшего освоения славянами этого края.

В отличие от Окского региона, где потомки черняховского населения расселились среди местных балтских и финноязычных племен, в среднем течении Волги наблюдается иная картина. Здесь в середине I тыс. н.э. расселяется большой массив нового населения, осваивая свободные земли. Результатом этой миграции стало сложение новой культуры (рис. 114), получившей название именьковской [44].

Первые переселенцы из регионов Волыни и Верхнего Поднестровья появились в Самарском Поволжье во II—III вв. н.э. Их памятниками являются поселения славянского типа, получившие название по одному из первых исследованных памятников у с. Славкино Сергиевского района Самарской обл. [45]. Древности славянского типа

не имеют местных корней. Предпринятые Г.И.Матвеевой поиски прототипов глиняной посуды выявили явное сходство с пшеворской керамикой Верхнеднепровского региона и Волыни [46]. С пшеворскими древностями сопоставимы и другие элементы памятников славянского типа. Прямоугольные жилища с опущенным в грунт полом находят прямые параллели в пшеворском домостроительстве. Почти полное совпадение наблюдается и при сравнительном анализе славянских и пшеворских глиняных пряслиц. Такая близость рассматриваемых древностей может быть объяснена только миграцией какой-то группы пшеворского населения в Самарское Поволжье. Время этого переселения определяется приблизительно, поскольку надежно датированных находок на памятниках славянского типа пока не обнаружено. Пшеворское поселение Подберезцы, с материалами которого сопоставляются славянские древности, датируется I—III вв. н.э. Весьма вероятно, что переселение группы пшеворского населения в Самарское Поволжье обусловлено было первой волной вельбарской экспансии.

В III—IV вв. в Самарском Поволжье получают распространение поселения лбищенского типа, получившие название по исследованному городищу Лбище в Ставропольском районе [47]. Материалы этого памятника находят многие аналогии в древностях пшеворской, черняховской и постзарубинецкой культур. Керамические материалы поселений лбищенского типа включают лепные горшки, миски, воронкообразные крышки и диски, служившие лепешницами-сковородками. Одни типы горшкообразных сосудов находят аналогии среди лепной посуды черняховской культуры, другие сопоставимы с зарубинецкой керамикой. Разнообразные миски лбищенских памятников имеют прототипы среди посуды пшеворской культуры. Диски-лепешницы тождественны пшеворским (и зарубинецким), воронкообразные крышки сопоставимы с черняховскими (и с зарубинецкими). Единичными фрагментами представлена гончарная керамика серого цвета,

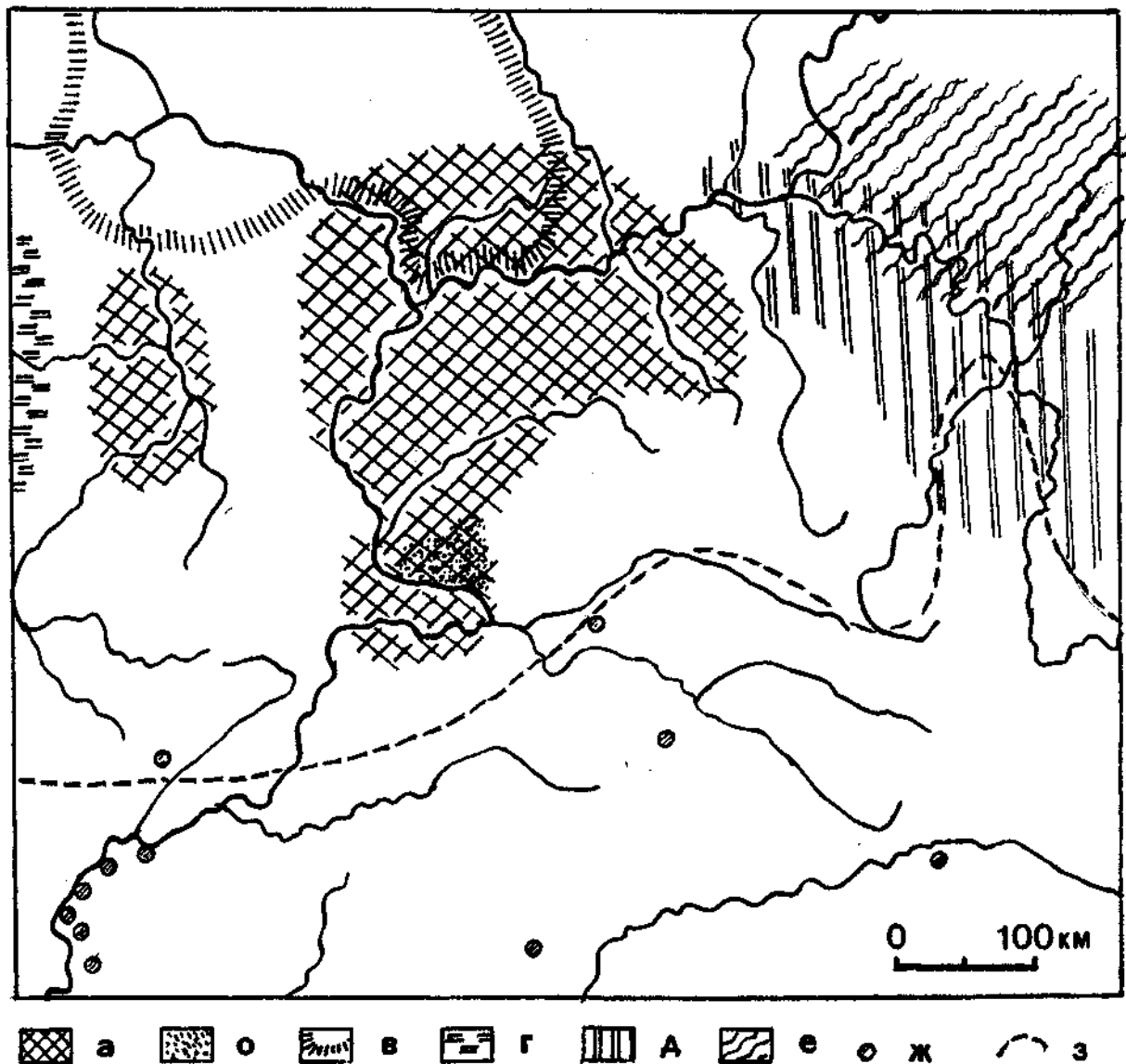

Рис. 114. Именьковская культура и ее окружение

а — общий ареал именьковской культуры; б — область распространения древностей славянского и лбищенского типов; в — южные пределы территории азелинской культуры; г — регион городецкой культуры; д — ареал кушнаренковской культуры; е — ареал бахмутинской культуры; ж — памятники кочевников; з — северная граница степи

иногда с лошением, имеющая сходство с черняховской посудой.

Ряд вещей из городища Лбище (двучленная, прогнутая подвязная фибула конца IV в., бронзовые пряжки с полуовальной рамкой и несомкнутыми концами, браслет

с утолщенными концами) имеют прямые аналогии в древностях тех же западных культур — пшеворской и черняховской. Вполне очевидно, что появление поселений лбищенского типа в Самарском Поволжье было обусловлено новой волной миграции насе-

ления из черняховского ареала. Определить, из какой конкретной местности шло это переселение, не представляется возможным. Весь облик лбищенских древностей, кажется, свидетельствует о культурной неоднородности переселенцев. По всей вероятности, миграция осуществлялась из одного или даже нескольких регионов, в которых имело место смешение черняховского населения с пшеворским.

Третья, наиболее мощная волна миграции охватила не только Самарский регион, а распространилась широко от Самарской луки на юге до нижнего течения Камы на севере и от среднего течения Суры на западе до реки Ик на востоке. Результатом этой миграции и стало становление именьковской культуры. Большая масса переселенцев заняла наиболее плодородные земли Поволжья, до этого пустовавшие некоторое время. Только в правобережных районах Нижнего Прикамья именьковское население вытеснило азелинские племена. Здесь время наиболее поздних азелинских древностей определяется концом IV в. Этим временем и следует датировать начало именьковской культуры.

Именьковская культура характеризуется устойчивыми традициями земледельческо-скотоводческого хозяйствования, не имеющими местных корней. К настоящему времени выявлено свыше 600 именьковских поселений и грунтовых могильников. Основная часть населения проживала на открытых поселениях, площадь которых колеблется от 5 до 50 и более тысяч кв. м. Преобладают крупные селища площадью свыше 20 тысяч кв. м, имеются и поселения, достигающие 200—240 тысяч кв. м. Устраивались поселения на краях высоких надлуговых террас, иногда на мысах между оврагами. Известны и укрепленные селения. Для них выбирались высокие мысовые площадки между оврагами или в излучинах рек. Иногда использовались и заброшенные городища, давно оставленные прежним населением. Площади именьковских городищ не превышают 5 тысяч кв. м, есть, впрочем, и единичные более крупные укрепленные селения. Система оборонительных со-

оружий была несложной — земляные валы, возводимые, как показали их раскопки, на деревянных конструкциях, и рвы. В конструкцию валов входили и обожженные слои глины. У большинства городищ имеется по одному валу и рву, устроенным с напольной стороны. Редкие городища укреплялись двумя-тремя валами с напольной стороны и дополнительным валом в мысовой части.

Выделяется два типа жилищ именьковского населения. К первому принадлежат квадратные в плане полуземлянки со стенами срубной конструкции. Размеры их котлованов — от 3,8×3,4 до 8×8 м, глубина 0,4—0,7 м. В двух постройках выявлены остатки разрушенных очагов, в третьей в одном из углов открыт развал печи-каменки. На дне котлованов жилищ имелись ямы для хранения припасов. Раскопками установлено, что перекрытие одного из жилищ было четырехскатным.

Жилые строения второго типа — слабо углубленные в грунт каркасно-столбовые дома размерами от 9,7×4,4 м до 12,6×5,5 м. В одной из таких построек открыто три очага, один из которых был обложен известняковыми камнями.

Отапливались жилища очагами, представляющими собой или глинобитные площадки, или воронкообразные углубления, иногда обмазанные глиной.

Интересные материалы по именьковскому домостроительству получены раскопками Старо-Майнского городища, расположенного на мысу надпойменной террасы р. Майна, недалеко от ее впадения в Волгу, в 6 км от пос. Старая Майна Ульяновской обл. [48]. Городище подмывается водами Куйбышевского водохранилища, размеры его сохранившейся части 280×180 м. Жилые постройки, исследованные раскопками, располагались более или менее правильными рядами параллельно валам и берегу реки. Они, как полагает исследовательница памятника Г.И. Матвеева, принадлежат одному строительному периоду, датируемому вещевым инвентарем от середины V до конца VI в.

На городище исследованы квадратные в

плане полуземлянки со срубными, реже столбовыми стенами. Они имели центральный опорный столб и четырехскатное перекрытие, основу которого составляли плахи, покрытые соломой. Иногда со стороны входа к полуземлянкам пристраивались сени. Более значительную часть жилищ составляли наземные прямоугольные постройки каркасно-столбовой конструкции. Полы таких домов опускались в грунт на 0,1—0,5 м. Перекрытие было двускатным. Размеры прямоугольных домов различны — от 5,4×4 до 10×7 м. Г.И.Матвеева отмечает, что домостроительство Старо-Майнского городища не имеет местных поволжских истоков; оно сопоставимо с приднепровским и, очевидно, привнесено было переселенцами из более западных регионов. Среди прямоугольных жилищ Старо-Майнского городища выявлена постройка, которая должна быть отнесена к типу «больших домов», охарактеризованных выше в связи с германским этническим элементом в черняховской культуре. Ее размеры 22,9×4,4—4,6 м, пол был опущен в грунт на глубину 0,2—0,5 м. Двумя перегородками строение было разделено на три помещения, в каждом из которых имелся очаг. В полу жилища были вырыты хозяйственные ямы, имевшие деревянные крышки. Перекрытие постройки было двускатным [49].

Вне жилищ на именьковских поселениях зафиксировано множество хозяйственных ям, среди которых есть ямы-кладовки грушевидной или цилиндрико-конической формы. Стенки некоторых из них обмазывались глиной или обшивались деревом. На Старо-Майнском городище раскопками вскрыто свыше сотни таких ям, подразделяемых на несколько типов: 1) ямы-зернохранилища; 2) ямы для хранения овощей; 3) погреб для хранения мясных и молочных продуктов или рыбы; 4) ямы для посуды и иной домашней утвари. Стенки зерновых ям обжигались при помощи соломы и облицовывались берестяной корой или досками. Сверху они перекрывались деревянными крышками, обмазанными глиной. Иногда над зерновыми ямами делались двускатные крыши.

Именьковские могильники — бескурган-ные кладбища, насчитывающие по несколько десятков захоронений [50]. Все они совершались по довольно единообразному обряду: умерших сжигали на стороне; остатки кремации, собранные с погребального костра, ссыпали на дно могильной ямы или помещали в виде небольшой кучки. Среди остатков сожжения иногда встречаются отдельные вещи: украшения, принадлежности одежды, орудия труда (железные ножи, шилья, глиняные пряслица). В могильные ямы, кроме того, обычно ставились глиняные сосуды. Ямы были преимущественно овальными, размерами 60—100×50—80 см, дно их уплощено. Встречаются и подчетыреугольные ямы с чашевидными днищами.

Основная масса глиняной посуды именьковской культуры изготавливалась ручным способом. По характеру обработки поверхности сосудов выделяется две группы. Первую составляют сосуды с неровной бугристой поверхностью, иногда со следами небрежного сглаживания, подмазки или зачистки. В глиняном тесте таких сосудов присутствует крупный шамот с песком. Вторую группу образуют сосуды с аккуратно обработанной поверхностью, иногда лошешеной. Тесто их включает шамот и песок.

Преобладают горшковидные сосуды (рис. 115). Среди них наибольшее распространение имели горшки с округло-биконическим туловом и цилиндрическим или раструбообразным горлом. Встречаются также миски, небольшие баночные усеченно-конические сосудики и глиняные диски диаметром от 16 до 36 см с бортиками или без таковых. В подавляющем большинстве именьковская керамика не орнаментирована. Лишь изредка встречаются горшки, миски и диски с узором в виде насечек, пальцевых зацепов или ямочных вдавлений.

Вещевая коллекция из именьковских памятников многообразна. Среди орудий труда, связанных с земледелием, имеются железные наральники, серпы, косы-горбуши, мотыжки, каменные жернова. Железные удила и подпружные костяные пряжки указывают на широкое использование ло-

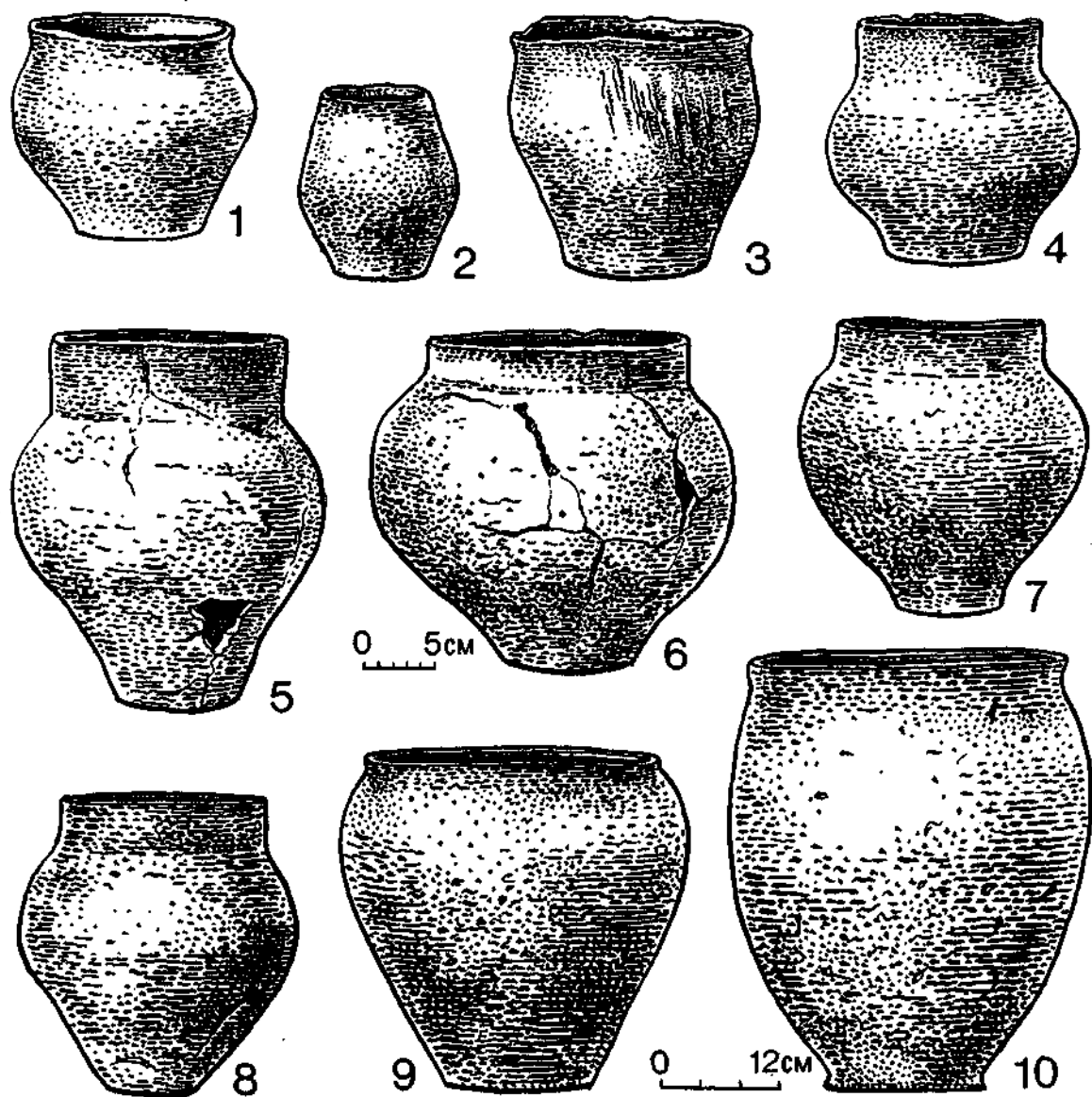

Рис. 115. Глиняная посуда именьковской культуры

1—8 — Рождествено (поселение и могильник); 9, 10 — Именьково (городище)

шади. Орудия рыболовства представлены железными крючками, каменными и глиняными грузилами. Довольно частыми находками являются железные ножи и узколезвийные проушные топоры. Имеются также железные долота, молотки, шарнирные клещи, зубило, струг, напильник и бронзовые пинцеты. Некоторые из этих находок без-

условно происходят из провинциально-римских культур.

На Маклашеевском II городище и на селищах Рождественском IV и Кармалы изучены остатки сыродутных горнов [51]. Металлографический анализ именьковских изделий показал, что значительная часть их изготовлена с применением стали. Имень-

ковские кузнецы, очевидно, работали не только на свою общину, но и на более широкую округу. На Щebetском I селище при раскопках обнаружен клад из более чем десятка новых железных топоров, очевидно, предназначенных для широкого распространения. Металлографические изыскания именьковских железных изделий показывают, что местные кузнецы обладали высокими техническими навыками в области получения стали путем цементации железных заготовок и термической обработки их, а также квалифицированно выполняли ковку и сварку. В период, предшествующий именьковской культуре, в Среднем Поволжье, а также в культурах этого региона, синхронных именьковской, ничего подобного не было известно.

О развитии бронзолитейного ремесла говорят находки на поселениях тиглей, льячек, литейных формочек, бронзовых шлаков и готовых изделий. На упомянутом Щebetском поселении исследованы остатки двух меднолитейных мастерских с очагами и находками тиглей. Вблизи открыт клад латунных слитков. Остатки бронзолитейного производства выявлены также на Новинковском V селище. Среди находок из цветных металлов на именьковских памятниках имеются височные кольца из тонкой проволоки; посоховидные булавки; треугольные подвески с орнаментацией, выполненной техникой чеканки; поясные пряжки, накладки и бляшки; пластинчатые сердцевидные привески; браслеты и шейные гривны.

Весьма распространенными находками являются глиняные пряслица усеченно-конической, цилиндрической или линзовидной формы. Из глины изготавливались также бусы. На памятниках именьковской культуры встречено несколько десятков миниатюрных фигурок, изготовленных из сырой глины и обожженных. Поверхность их заглажена. В большинстве это скульптурные изображения домашних животных, главным образом лошадей, но есть и фигурки человека.

На ряде поселений встречены сасанидские монеты второй половины VI—VII вв. К импортным предметам принадлежат халцедоновые и сердоликовые бусы.

Основным оружием именьковского населения, по-видимому, был лук со стрелами. Наконечники стрел (железные и костяные разных типов) найдены на многих поселениях. Обнаружены также костяные заполненные пластины с нарезкой по краю — накладки сложных луков. Другим видом оружия были копья. На двух памятниках найдены обрывки кольчуг.

Ведущая роль в экономике именьковского населения принадлежала земледелию. Преобладающей культурой было просо. Широко распространены были также посевы пшеницы, полбы, ячменя, ржи, овса и гороха. Анализ остеологических материалов из раскопок поселений говорит о распространенности в домашнем хозяйстве лошадей, крупного и мелкого рогатого скота и свиней. Кости диких животных в коллекциях разных памятников составляли от 6,4 до 26,1 процента.

На первых этапах изучения именьковской культуры исследователями было высказано несколько догадок относительно ее происхождения и этнической атрибуции. Ее относили и к местным финнам, и к буртасам, и к уграм-мадьярам, и к пришлым из Приуралья и Западной Сибири тюркам. Дальнейшее пополнение источниковой базы показало, что ни одна из предложенных гипотез о происхождении именьковских древностей не подтверждается фактическими материалами. Собранные к настоящему времени данные показывают, что основа именьковской культуры формировалась на базе культур «полей погребений» Днепровского региона. Г.И.Матвеева указала на значительное сходство основных элементов рассматриваемой культуры с постзарубинецкими, пшеворскими и черняховскими. Заключение ее о формировании именьковской культуры в условиях миграции днепровского населения на среднюю Волгу представляется достаточно авторитетным [52].

Погребальный обряд, домостроительство и глиняная посуда явно свидетельствуют о западном происхождении носителей именьковской культуры. Исследователи этих древностей обнаруживают все новые и новые черты сходства с элементами черняховской

культуры [53]. В формировании именьковской культуры, помимо переселенцев из черняховско-пшеворского ареала, приняло участие и население, оставившее памятники славянского и лбищенского типов. По всей вероятности, эти группы племен принадлежали к единому этносу, были родственны по языку.

Н.Г.Салугина произвела технико-технологические анализы глиняной посуды из городища Лбища и ряда памятников именьковской культуры [54]. Устанавливается, что облик именьковского населения определяют уже сложившиеся культурные традиции, проявляемые как в сфере технологии гончарства, так и в ассортименте глиняной посуды. При этом обнаруживаются компоненты, принимавшие участие в формировании именьковской керамики. Их в основном два — постгородецкий, проявляющийся в сфере конструирования посуды лоскутным комковатым способом с использованием форм-моделей, и лбищенско-зарубинецкий, которому свойственны традиции создания донно-емкостного, мелкого доэлементного спирально-жгутового начина и спирально-жгутового полого тела. К сожалению, сопоставительный анализ технологии именьковской глиняной посуды с соответствующими характеристиками пшеворской и черняховской керамики пока невозможен из-за неизученности последних.

Исходный регион миграции именьковского населения определить пока не удается. Можно только полагать, что вышли они из той части черняховской территории, где существенная роль принадлежала пшеворским и отчасти постзарубинецким культурным элементам. Этот регион почти не был затронут сарматским влиянием. Таким условиям отвечает Верхнее Поднепровье с прилегающими землями Волыни и Подолии.

Г.И.Матвеева, утверждая, что основным компонентом носителей именьковской культуры были племена, переселившиеся в Поволжье с запада на рубеже IV и V вв., предполагает их славянскую принадлежность [55]. А.Х.Халиков пытался обосновать балтскую атрибуцию именьковцев [56].

В настоящее время этнос именьковского

населения может быть определен анализом его последующей истории. Около рубежа VII и VIII вв. именьковская культура прекращает свое существование. Очевидно, значительные массы населения вынуждены были оставить средневолжские земли.

Именно в это время в левобережной части Среднего Поднепровья расселяется крупный массив нового населения с своей вполне сложившейся культурой — волынцевской. Ее носители рассеянно расселились на обширной территории от средних течений Псла и Ворсклы на юге до Брянска на севере, заселенной племенами пеньковской и колочинской культур. Волынцевская культура, впитав в себя некоторые местные элементы и приняв в свой состав новых славянских переселенцев, постепенно трансформировалась в роменскую. Вполне очевидно, что носителями волынцевских древностей была одна из многих племенных группировок раннесредневекового славянства.

Сопоставление же всего комплекса элементов волынцевской культуры с именьковскими свидетельствует о значительном сходстве их, о родственности этих культур. И это может быть объяснено только тем, что волынцевское население Днепровского левобережья пришло из именьковского ареала Среднего Поволжья. Следовательно, ретро-спективно носителей именьковской культуры нужно отнести к славянскому этносу [57].

Именьковское население в основной массе покинуло средневолжские земли, очевидно, под натиском тюркоязычных приазовских племен. Но безусловно какие-то группы именьковцев в отдельных местностях Поволжья сохранились, об этом свидетельствуют археологические данные — следы проживания потомков именьковского населения в раннеболгарское время зафиксированы, в частности, на реке Черемшан; надо полагать, что со временем они обнаружатся и в других местах. Неслучайно восточные источники последних столетий I тыс. н.э. волжских болгар обычно называют славянами.

Начало пеньковской культуры

Материалы археологии свидетельствуют, что после гуннского разорения 70-х гг. IV столетия какие-то разрозненные группы черняховского населения в лесостепной зоне не покинули мест своего обитания. Отдельные черняховские поселения функционировали и в самом конце IV, и в начале V в. К числу таковых, в частности, принадлежит селище у с. Хлопков на реке Трубеж в Киевском Поднепровье. Оно раскапывалось В.Д.Бараном и А.Н.Некрасовой в начале 80-х годов. Исследовано 8 прямоугольных жилищ-полуземлянок, идентичных тем, которые в то же время получают доминирующее место в домостроительстве Верхнего Поднестровья. Керамическая коллекция поселения состоит из гончарной сероглиняной посуды (71%), сопоставимой с позднечерняховской, и лепных сосудов (29%), меньшая часть которых полностью соответствует черняховской. Основную же часть сосудов, изготовленных без гончарного крута, составляют биконические горшки и корчаги с налепным валиком, которые уже близки керамике пеньковской культуры. Время поселения (конец IV — начало V в.) определяется овальной пряжкой с массивной дужкой и изогнутым на конце язычком и стеклянным кубком со шлифованными овалом.

В течение V столетия в Подольско-Днепровском регионе бывшего черняховского ареала формируется новая культура, получившая название пеньковской. Ее создателями стали потомки местного черняховского населения, по-видимому, в условиях инфильтрации переселенцев из более северных земель (потомков киевской культуры).

Памятники начального этапа пеньковской культуры выявлены и исследовались в Среднем Поднепровье и на Южном Буге (рис. 116). На селище у с. Куня в Винниц-

кой обл. П.И.Хавлюком было открыто полуземляночное жилище с печью-каменкой, на полу которой найдена лепная пеньковская керамика и железная двучленная фибула (с длинной дужкой и сплошным плоским приемником), датируемая концом IV—V вв. [58].

На поселении у с. Голики в том же регионе Побужья исследовано четыре полуземлянки с керамическим материалом, близким к посуде вышеописанного селища. Три открытых жилища отапливались очагами, в четвертом имелась печь-каменка.

Поселение того же времени раскапывалось в бассейне Южного Буга П.И.Хавлюком и у с. Пархомовка [59]. Исследовано было четыре полуземлянки с печами-каменками или очагами, в которых встречена пеньковская посуда. В одном из жилищ найдена бронзовая фибула с лукообразной дужкой, которые бытовали в V в.

В верховьях Южного Буга О.М.Приходнюком исследовалось поселение у с. Кочубеевка. В полуземляночных жилищах наряду с пеньковской лепной посудой встречены и фрагменты сероглиняной черняховской керамики, изготовленной на гончарном круте.

В Среднем Поднепровье одним из достаточно хорошо исследованных памятников с культурными наслоениями V в. является поселение Хитцы на Полтавщине [60]. Основную часть керамического материала здесь составляет пеньковская посуда. Некоторые сосуды по формам сочетают в себе черты пеньковской и киевской керамики, свидетельствуя об участии в генезисе населения пеньковской культуры потомков носителей киевских древностей. Кроме того, на поселении встречены фрагменты гончарной сероглиняной черняховской культуры и костяной гребень, датируемый V в. К раннепеньковским принадлежит и поселение у с. Жовнин, находящееся недалеко от впадения Сулы в Днепр. На этом поселении найдена костяная ложечка, датируемая по северокавказским аналогиям второй половиной IV—V вв. [61].

К раннему этапу пеньковской культуры относится один из грунтовых могильников у с. Великая Андрусовка на р. Тясмин.

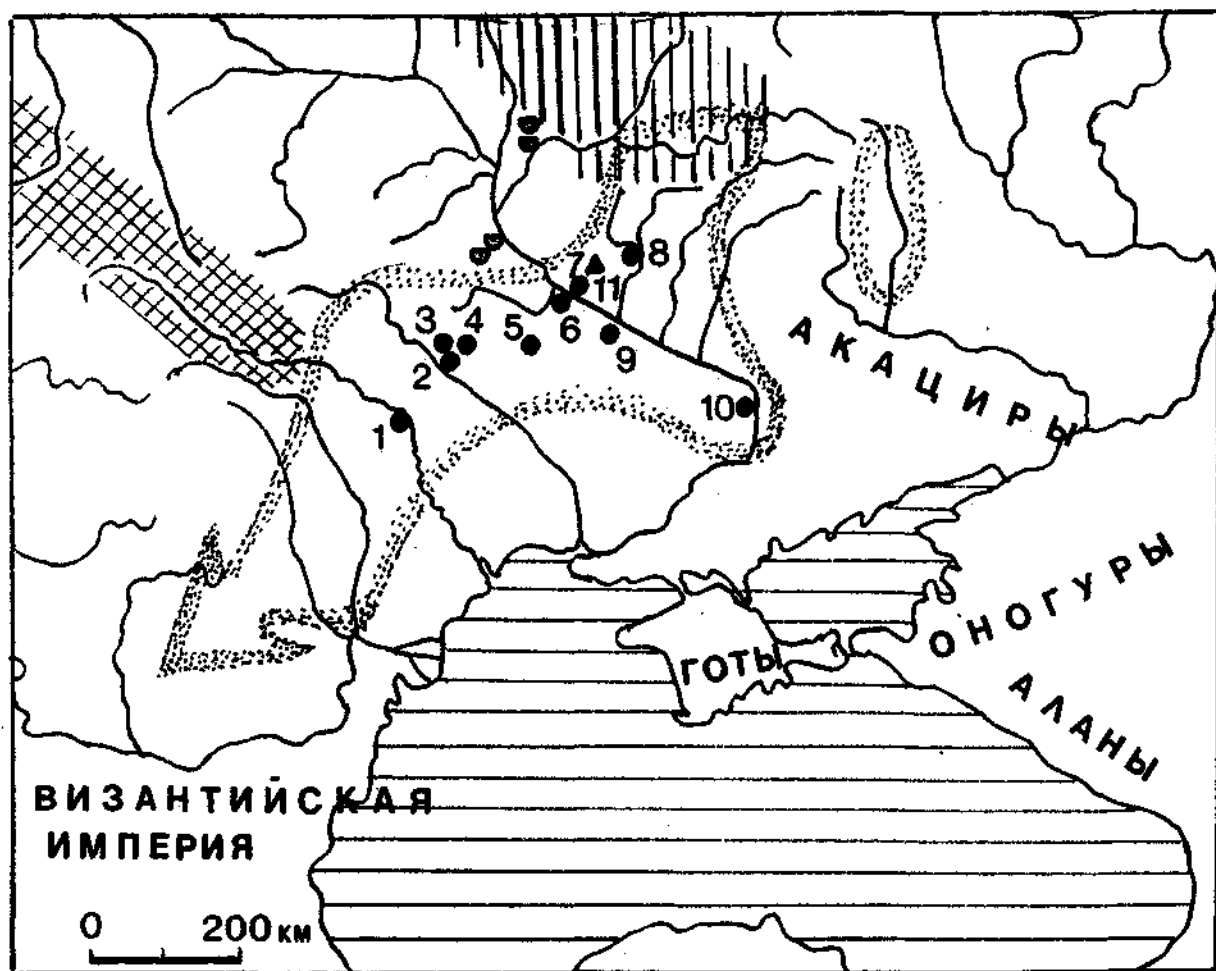

Рис. 116. Формирование пеньковской культуры в V в.

а — памятники пеньковской культуры V в.; б — памятник черняховской культуры первой половины V в.; в — ареал пеньковской культуры в VI в.; г — памятники киевской культуры V в.; д — ареал колочинской культуры; е — ареал пражской культуры в V в.

1 — Ханска; 2 — Куня; 3 — Пархомовка; 4 — Голики; 5 — Кочубеевка; 6 — Крешатик; 7 — Сушки; 8 — Хитцы; 9 — Андрусовка; 10 — Звонецкое; 11 — Хлопков

Раскопками его открыто четыре погребения по обряду трупосожжения в небольших ямках [62]. В одном из захоронений встречена бронзовая литая пряжка, датируемая V в.

Изложенные материалы дают основание утверждать, что пеньковская культура постепенно складывается в течение V столетия и что ее создателями были потомки

черняховского населения, сохранившегося в Подольско-Днепровском регионе после гуннского разорения. Некоторые исследователи склонны преувеличивать роль киевской культуры в формировании пеньковских древностей, полагая, что киевская культура стала основой пеньковской [63]. Такой вывод нельзя считать оправданным. Поселениям

этих культур действительно свойственны полужемляночные жилища, но следует учитывать, что полужемлянки киевской культуры по своим конструктивным особенностям и интерьеру существенно отличны от раннесредневековых пеньковских. Встреченные же на отдельных пеньковских поселениях немногочисленные жилища, сходные с полужемлянками киевской культуры, следует рассматривать как показатель участия потомков населения этой культуры в генезисе пеньковского. В целом отлична от посуды киевского типа и керамика пеньковской культуры. Элементы сходства безусловно есть, что опять-таки следует объяснять участием племен, оставивших киевские древности, в становлении пеньковской культуры. Весьма существенно и то, что киевские древности вне Подольско-Днепровского региона стали основой формирования иной культуры раннего средневековья — колочинской. Следовательно, прямыми потомками племен киевской культуры стало население колочинского ареала, а не носители пеньковских древностей.

В VI в. население пеньковской культуры разрастается, оно активно осваивает новые обширные территории (рис. 116). В настоящее время не подлежит сомнению, что это были славяне, а конкретно — анты. Согласно информации Иордана, как уже отмечалось, они заселяли земли между Днестром и Днепром. Иордан, как показал Р.Хахманн, позаимствовал эти данные у Кассиодора, автора конца V — начала VI в. и, следовательно, они фиксируют историческую ситуацию, вероятно, еще V столетия. Византийский историк середины VI в. Прокопий Кесарийский сообщает уже о более широком расселении антов — их юго-западным пределом был нижний Дунай, а на востоке они соседнили с утигурами, жившими в Приазовье. Ареалы пеньковской культуры в V и VI вв. полностью соответствуют информации письменных источников [64].

В 50-х годах Е.В.Веймарн, А.П.Смирнов и С.Ф.Стржелецкий на основе анализа крымских могильников III—IV вв. — Ай-Тодорского, Чернореченского и других, в которых обнаружены некоторые вещи черняховских типов, — предполагали славянскую принадлежность этих памятников и писали о раннем расселении славян в Крыму [65]. Впоследствии эта точка зрения подверглась основательной критике, поскольку черняховские древности нельзя целиком считать славянскими. Действительно, исследователи не располагают ни письменными, ни археологическими данными, прямо свидетельствующими о проникновении славян в Крым в позднеримское время.

Однако расселение черняховского населения в Крыму достаточно хорошо отражено археологическими материалами. Здесь найдена типично черняховская гончарная керамика (сероглиняные горшки, лощеные и нелощеные миски нескольких типов, чернелощеный кувшин с биконическим туловом, миска-ваза, орнаментированная пролощенным узором в виде сетки и др.) и типично черняховские фибулы (двучленные прогнутые подвязные и двупластинчатые) [66], документирующие проникновение части черняховских племен в Таврику. Это расселение, очевидно, связано с экспансией готов в данный регион. О крымских готах раннего средневековья писали многие современники. Их древности ныне обстоятельно изучены археологами. На памятниках готов VI—VII вв. в небольшом числе встречены пальчатые фибулы славянских типов, указывающие на возможное проживание в Крымской Готии небольших групп славянского населения. Не исключено, что проникли первые группы славян в Таврику в составе черняховских переселенцев. Лингвистические данные о раннем появлении славян в этом регионе недавно были проанализированы О.Н.Трубачевым [67].

1. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. 1: Греческие писатели. СПб., 1893. С. 726.
2. О гуннах в Европе см.: Altheim Fr. Geschichte der Hunnen. Bd. 4: Die europäischen Hunnen. Berlin, 1962; Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.
3. Godłowski K. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1985.
4. Godłowski K. Przemiany kulturowe i osadnicze... S. 155.
5. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древних славян. Лингвистические исследования. М., 1991. С. 6.
6. Malingoudis Ph. Studien zu den slawischen Ortsnamen Griechenlands // Akademie der Wissenschaft zu Mainz. Abhandlung der Geistes- und Sozialwissenschaftliche Klasse. 1983. № 3. S. 174—181; Idem. Toponymy and History. Observations concerning the Slavonia Toponymy of the Peloponnese // Cyrillo-methodianum. VII. 1983. P. 99—111; Малингудис Ф. За материалната култура на раннославянските племена в Гърция // Исторически преглед. ХЛ. Кн. 9—10. София, 1985. С. 64—71.
7. Баран В.Д. Истоки пражской культуры (по материалам Днестра и Прута) // Studia nad etnogenezą słowian i kulturą Europy Wczesnośredniowiecznej. Т. 1. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1987. S. 35—51.
8. Вакуленко Л.В. Раннеславянское поселение у с. Глубокого в Прикарпатье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 246—250.
9. Баран В.Д. Раннесредневековые древности славян Юго-Восточной Европы (проблемы сложения, периодизации и социальной структуры) // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. Вып. 1. М., 1987. С. 52—66.
10. Poulík J., Chropovský V. Grossmähren und die Anfänge der tschechoslowakischen Staatlichkeit. Praha, 1986. S. 90—101.
11. Данные о климатических особенностях Европы в I тыс. н.э. здесь и ниже почерпнуты из следующих трудов: Lamb H.H. Climate: Present, Past and Future. Vol. 2. London; Methuen, 1977; Idem. Climate. History and the modern world. London; New York, 1982; Climate and History. Studies in past climates and their impact on Man. Cambridge, 1981; Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988 и другие.
12. Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jahrhundert. Berlin, 1970. S. 150.
13. Седов В.В. Длинные курганы кривичей. САИ. Вып. Е1-8. М., 1974; Он же. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 46—58.
14. Гроздилов Г.П. Археологические памятники Старого Изборска // АСГЭ. Вып. 7. 1965. С. 81; Орлов С.Н. Археологические исследования в низовьях реки Мсты // Советская археология. 1968. № 2. С. 166, 167; Носов Е.Н. Поселение и могильник культуры длинных курганов на оз. Съезжее // КСИА. Вып. 166. С. 65, 66; Аун М.Э. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия н.э. Таллин, 1980. С. 38—45; Она же. Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин, 1992. С. 85—137.
15. Szymański W. Szeligi pod Plockiem na początku wczesnego średniowiecza. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967. Й.Геррманн именует такую керамику суково-шелигской и очерчивает раннесредневековый ареал ее от нижней Эльбы на западе до Среднего Повисленья на востоке (Welt der Slawen. Geschichte, Gesellschaft, Kultur. Leipzig; Jena; Berlin, 1986. S. 33—36).
16. Werner J. Bemerkungen zum nordwestlichen Siedlungsgebiet der Slawen im 4.—6. Jahrhundert // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte. Bd. 1. Berlin, 1981. S. 700.
17. Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю. Хронология В-образных рифленых пряжек в Европе (к проблеме нижней датировки длинных курганов) // Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986. С. 129—135; Они же. В-образные рифленые пряжки в Европе как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. Вып. 198. 1988. С. 28—35.
18. Evison V. The fifth century invasion south of Thames. London, 1965.

19. Станкевич Я.В. Курганы у деревни Полибино на реке Ловати // КСИА. Вып. 87. 1962. С. 34. Рис. 11:2; Й.Вернер склонен был относить эту находку ко второй половине V в. (Werner J. Bemerkungen zum nordwestlichen Siedlungsgebiet... S. 700). Однако полибинская пряжка наиболее близка к находке из погребения 252 могильника Притцир в Мекленбурге, которое надежно датировано Э.Шульдтом серединой IV в. и наиболее поздние захоронения этого памятника не выходят за пределы первой половины V в. (Schuldt E. Pritzier. Ein Urnenfriedhof der späten römischen Kaiserzeit in Mecklenburg. Berlin, 1955. S. 71—73).
20. Schmiedehelm M. Kääbaskalnistud Lindoras je mujal Kagu-Eestis // Släavi-iaanemeresoome suhete ajaloost. Tallinn, 1965. Lk. 43. Joon 8:5; Аун М. Об исследовании курганного могильника Рысна-Сааре II. // Известия Академии наук Эстонской ССР. Общественные науки. 1980. № 4. С. 370, 371. Табл. IX,12; Леонтьев А.Е. Древнерусские поселения верхней Мологи // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983. С. 68. Рис. 3,2.
21. Udolph J. Die Landnahme der Ostslaven in Lichte der Namenforschung // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. Bd. 29. Wiesbaden, 1981. S. 321—336; Idem. Kritisches und Antikritisches zur Bedeutung slavischer Gewässernamen für die Ethnogenese der Slaven // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. XLV. H. 1. Heidelberg, 1985. S. 33—57.
22. Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1974. С. 158—185.
23. Смолицкая Г.П. Некоторые лексические ареалы. По данным гидронимии // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С. 171—179.
24. Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада... С. 158—160, 182—184.
25. Зализняк А.А. К исторической фонетике древненовгородского диалекта // Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982. С. 60—81; Он же. Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. М., 1984. С. 36—158.
26. Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада... С. 185—201.
27. Седов В.В. Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н.э. // Российская археология. 1994. № 2. С. 56—69.
28. Дубынин А.Ф. Троицкое городище // Древнее поселение в Подмосковье. М., 1970. С. 96—98; Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974. С. 90—197.
29. Седов В.В. Из этнической истории населения средней полосы... С. 61—67.
30. Tejral J. Die donauländische Variante der Drehscheibenkeramik mit eingeglätteter Verzierung in Mähren und ihre Beziehung zur Tschernjachower Kultur // Vsnik a počátky slovanů. Sbornik pro studium slovanských starožitnosti. T. VII. Praha, 1972. S. 77—139.
31. Баришић Ф. Приск как извор за најстарију историју јужних словена // Зборник радова. Кн. XXI: Византинолошки институт, кн. I. Београд, 1958. С. 53—59; Гиндин Л.А. К вопросу и характеру славизации Карпато-Балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 64—86.
32. Трубочев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян...; Он же. Древние славяне на Дунае (Южный фланг) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 3—23.
33. Гиндин Л.А. К вопросу и характеру славизации... С. 52—92: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I—V вв.). М., 1991 (см. комментарии к трудам авторов первой половины I тыс. н.э.).
34. Сымонович Э.А. Черняховская культура и памятники киевского и колочинского типов // Советская археология. 1983. № 1. С. 91—102.
35. Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 41—45.
36. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ. Вып. Д1-30. М., 1966. С. 63, 71.
37. Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры... С. 197.
38. Йордан. О происхождении и деяниях гетов. «Gética». М., 1960. С. 89.
39. Седов В.В. Рязанско-Окские могильники // Советская археология. 1966. № 4. С. ; Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987. С. 93—97.
40. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА. № 28. М., 1952. С. 141.
41. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части... Табл. 21,2; 23,2; 24,2,3; 25,3.
42. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части... С. 76, 93. Табл. 26,2.
43. Седов В.В. Из этнической истории населения средней полосы... С. 63.
44. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. САИ. Вып. Д1-32. М., 1967.
45. Агапов С.А., Пестрикова С.И., Салугина Н.П. Памятники славянского типа в Куйбышевской обл. // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981; Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы I

- тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 160—162.
46. Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье... С. 160—162.
 47. Матвеева Г.И. Раскопки городища Лбище // Археологические открытия 1982 года. М., 1984. С. 159, 160; Она же. Работы на городище Лбище // Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 162, 163; Она же. Работы Куйбышевского университета // Археологические открытия 1984 года. М., 1986. С. 141, 142.
 48. Матвеева Г.И. Жилые и хозяйственные постройки Старо-Майнского городища // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993. С. 156—183.
 49. Богатов А.В. Большой дом Старо-Майнского городища // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991. С. 159—171.
 50. Старостин П.Н. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 90—104.
 51. Семькин Ю.Л. О металлургических горнах именьковской культуры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 131—136.
 52. Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья // Куйбышев, 1981. С. 52—73.
 53. Казаков Е.П. Новые материалы II—III четверти I тысячелетия новой эры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 124.
 54. Салугина Н.П. Технология изготовления керамики на городище Лбище (по результатам микроскопического анализа) // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 105—117; Она же. Некоторые вопросы истории именьковских племен в свете данных технико-технологического анализа керамики // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988. С. 119—144.
 55. Матвеева Г.И. К вопросу об этнической принадлежности племен именьковской культуры // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма (Сборник тезисов). М., 1988. С. 11—13.
 56. Халиков А.Х. К вопросу об этносе именьковских племен // Памятники первобытной эпохи Волго-Камья. Казань, 1988. С. 119—126.
 57. Седов В.В. Очерки по археологии славян. М., 1994. С. 59—65.
 58. Хавлюк П.И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 212—214.
 59. Там же. С. 184—188.
 60. Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепро-Днепровского Левобережья. Л., 1981. С. 66—79.
 61. Рутковська Л.М. Дослідження поблизу с. Жовнин Черкаської області // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ, 1972. С. 224.
 62. Березовець Д.Т. Могильники уличів у долині р. Тясмину // Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969. С. 67—68.
 63. Приходнюк О.М. Об этнокультурной ситуации в Днепровском лесостепном пограничье во второй половине I тысячелетия н.э. // Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978. С. 110, 111; Он же. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н.е. Київ, 1980. С. 75, 76.
 64. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 119—133; Он же. Анты // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 16—22; Он же. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 19—28.
 65. Веймарн Е.В. К вопросу о славянах в Крыму // Вопросы истории. 1952. № 4. С. 94—99; Смирнов А.П. К вопросу о славянах в Крыму // Вестник древней истории. 1953. № 3 (45). С. 32—45; Он же. К вопросу об истоках Приазовской Руси // Советская археология. 1958. № 2. С. 270—278.
 66. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части... С. 61, 62, 64, 66, 71, 82; Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967. С. 109; Симонович Е.О. Про кераміку черняхівського типу в Криму // Археологія. Вип. 18. Київ, 1975. С. 80—86.
 67. Трубочев О.Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993.

Указатель археологических культур и этносов

- Авзонская культура 108
Авары 13, 14, 24, 28, 46, 83
Азелинская культура 310
Айсты 23, 282
Алазоны 39
Алано-сарматы 287
Аланы 6, 10, 13, 15, 17, 18, 244, 287
Амаксовни 6
Акациры (Acatziri) 281, 282, 289
Анатолийцы 45, 62
Андрофаги 18
Анты 8, 14, 20, 23, 30, 49, 69, 233, 277, 278, 289, 318
Аорсы 244
Апеннинская культура 99
Арийцы 23
Армяне 62
Ассирийцы 23
Атмоны 218
- Балто-праославяне 50
Балто-славяне 29, 34, 36, 38, 40, 42, 44, 47, 62
Балты 3, 6, 26, 29—31, 33, 34, 36, 38, 41, 46—51, 62, 63, 66—68, 70, 79, 101, 102, 130, 132, 145, 151, 202, 204, 219, 220, 248, 279, 281, 282, 301
Балты восточные 68, 131
Балты днепровские 68, 131, 145, 216, 217, 219, 279, 282, 304, 306
Балты западные 6, 67, 68, 118, 130, 131, 145, 166, 219, 281, 282, 301, 303
Балты-литовцы 29
Балты окские 308
Балты периферийные 218, 219
Баски 21
Бастарны (бастерны) 6, 8, 17, 136, 178—180, 217, 218, 221
Бахмутинская культура 310
Белогрудовская культура 42, 45, 46, 99
Бессы 21
Боевых топоров культура 113
Болгары 11, 15, 18, 46
Болгары волжские 315
Болгары-тюрки 14
Бораны 228, 232
Борисфены 18
- Боснийский гальштат 109
Боснийцы-мусульмане 81
Бретонская культура 98
Будины 18, 20, 22—24, 26, 29
Бургундская культура 190, 199, 200
Бургунды (бургундионы) 178—180, 195, 199, 289
Буртасы 314
- Вандальская культура 199
Вандалы (вандилии) 9, 11, 13, 15, 16, 178—180, 199, 222, 243
Вандалы-силлинги 180
Вандалы-хазинги 180
Варины 179
Варцианы 110
Везиготы 228, 231, 288
Велеты (вельты) 18
Вельбарская культура 176, 178, 223, 224, 226—229, 231, 232—235, 244, 245, 248, 249, 261, 266, 269
Вельты см. Велеты
Венгры 51, 52
Венедская культура 42, 44, 179, 223
Венеды/венеты (Venedi) 5, 6, 7, 8, 11, 14—18, 20—23, 24, 28, 29, 32, 37—39, 44, 47, 50, 53, 63, 67, 83, 84, 147, 179, 180, 218, 222, 243, 277, 278
Венеды-сарматы (Venedi-sarmatae) 6, 7, 15, 84, 179
Венеты адриатические 22—24, 101, 102, 147
Венеты Бретани (или Галлии) 24, 147
Венды/винды (Wenden/Winden) 5
Верхнеднепровская культура 39
Верхнеокская культура 145, 306
Вестготы 283
Византийцы 16
Вилланова культура 108, 112, 113
Винделики 14
Винды-венеды 14, 16
Влахи/волохи 9, 14, 21, 23
Влащивская культура 114, 115
Вольно-подольская культура 176
Вольнцевская культура 315
Воронковидных кубков культура 102
Востоногальштатская культура 105, 109, 129
- Галаты 149
Галинды 6, 45, 130, 145
Галлы-кельты 16
Гальштатская культура 25, 103, 105, 106, 109, 119, 127
Гарнин 180
Гелизии 180
Гелоны 39
Гельвеконы 180
Гепиды 180, 222, 224, 231
Германцы 3, 5, 6, 10, 15, 17—23, 25, 28—31, 33, 34, 36, 38, 40, 41, 46—51, 62, 63, 66, 79, 86, 102, 103, 113, 114, 119, 130, 132, 147, 151, 172, 173, 179, 180, 194, 197, 199, 200, 218, 222, 223, 248, 277, 278, 290, 293, 304
Германцы восточные 193
Германцы западные 71
Германцы-вандалы 179
Германцы приэльбские 261
Гето-даки 245, 275, 277
Геты 6, 13, 14, 16—18, 21, 54, 149, 219, 231, 247
Голасекка культура 108, 112, 113
Голядь 218, 308
Городешкая культура 308, 310
Гото-гепиды 223, 248, 264
Готоны (готы) 6, 180
Готы 6, 8, 10, 12—18, 28, 39, 42, 71, 79, 176, 180, 222—224, 226—229, 231, 243, 247, 248, 264, 266, 267, 275, 277, 278, 287, 289, 318
Готы крымские 318
Гребенчатой керамики культура 34
Греки 9, 14, 19—21, 62, 108, 149, 279
Гробовско-смердовская культура 99
Гунно-аланы 291
Гунны 14, 15, 17, 18, 24, 28, 46, 47, 282, 287—291, 293, 304, 319
Гутоны 179
- Даки 6, 8, 12—14, 16, 21, 22, 39, 47, 244, 247
Дако-фракийцы 79, 119, 151
Дако-мезийцы 45
Далматы 12
Днепро-двинская культура 145, 202, 217, 281, 303

- Добродзеньская группа 46, 178, 199, 291—293
- Домковых урн культура 114, 115, 136
- Древнеевропейцы 62, 64, 95, 96, 102, 127, 130, 132, 147
- Древнеямная культурно-историческая общность 102
- Дулебы 147
- Европейцы 62
- Энефы см. Энефы
- Жуцевская культура 40
- Западнобалтских (восточнопруссских) курганов культура 129—132, 145, 202, 224
- Западногальштатская культура 103, 104, 108, 129
- Западноевропейцы 113
- Зарубинецкая культура 39—42, 44, 46, 47, 51, 166, 176, 181, 201—213
- Злата культура 40
- Иллирийцы 13, 14, 16, 17, 21—23, 31, 34, 36—41, 46, 51, 63, 71, 100—102, 108—111, 129, 133, 149, 164
- Иллиры 12
- Иллиро-венеты 41
- Именьковская культура 307, 309—315
- Ингевоны (ингвеоны) 5, 6
- Индоарийцы 64, 279
- Индоевропейцы 18, 20—22, 27—30, 32—34, 36, 39, 45—47, 49, 51, 61, 62, 85, 102, 133, 144
- Индоевропейцы-венеты 36
- Индоиранцы 21, 29, 36, 62
- Индо-хеттиты 62
- Индусы 19
- Инды 19
- Инкрустированной керамики культура 99
- Иранцы 31, 36—38, 41, 45, 46, 48, 49, 64, 66, 258, 278
- Истры 12
- Италики 86, 100—102, 113, 127
- Италики-латиняне 38
- Итало-кельты 48
- Итальянцы 10
- Карвоны 18
- Карпатских курганов культура 51, 234, 249
- Карпо-даки 49
- Карпы 10, 228, 229, 246, 247
- Кельто-галлы 113
- Кельтская культура 155
- Кельты 3, 13, 15, 17, 18, 21—23, 28, 29, 31, 34, 36—38, 40, 41, 51, 63, 71, 83, 86, 100—106, 108, 110, 111, 116, 129, 133, 149, 149, 151, 152, 155, 157, 158, 160—166, 169, 170, 174, 178, 189, 196, 197, 199, 201, 205, 217
- Киевская культура 40, 46, 47, 49—51, 216, 217, 231, 234, 244, 249, 250, 279, 281, 282, 316—318
- Килии типа культура 247
- Киммерийцы 18, 24, 38, 39
- Колоколовидных кубков культура 80, 102
- Колочинская культура 40, 46, 50, 302, 315, 317, 318
- Комаровская культура 45, 46, 60, 119
- Костишты культура 46
- Кривичи 18
- Курганных могил культура 95—97, 105, 119, 120
- Курши 130, 145
- Кушнарниковская культура 310
- Латенская культура 86, 149, 151, 152, 157, 158, 197
- Латиняне 19, 38
- Латыши 45
- Лацио культура 108
- Лезане 37
- Лемовии 180
- Лендельская культура 80
- Литовцы 219
- Летто-литовцы 68, 145
- Лехиты 9
- Лигуры 112, 113
- Линейно-ленточной керамики культура 44
- Липицкая культура 51, 176, 244, 247, 248
- Литовцы 16, 18, 21—23, 29, 45
- Лицевых урн культура 136
- Лугии 37, 39, 179, 180
- Лужицкая культура 31—33, 36—40, 42, 44, 48, 51, 99—101, 108, 116, 119—131, 134—136, 138, 139, 144, 147
- Лужицко-силезская культура 25, 26
- Лужичане 17, 37
- Любошицкая культура 199
- Ляхи 55
- Манимы 180
- Маркоманны 17
- Мегалитических гробниц культура 113
- Меланхлены 18, 24
- Мелаун культура 108
- Меотиды 15
- Меря 304
- Милоградская культура 60, 129, 145, 201, 201, 204
- Монтеору культура 46, 99
- Мошинская культура 217, 281, 302, 306—308
- Мурома 304
- Наганарвалы 180
- Невры 18, 22—24, 26, 28, 38, 39, 47, 83
- Нненбургская культура 114, 115
- Новгородцы 11
- Нордйская культура 114, 115
- Нордйская-пошерзонская культура 98, 114, 115
- Нордйская-шишлейская культура 98, 114, 115
- Норики 14, 22
- Норманны 10, 113
- Нураг культура 103
- Озы/осы 110
- Оксывская культура 36, 41, 42, 222—224, 226
- Оски 113
- Оско-умбры 113
- Остроготы 228, 231, 288
- Паннионцы 109
- Панталика культура 108, 113
- Пафлагонцы 12
- Певкины (пеукины) 6, 179, 180, 218
- Пелазги 24
- Пеньковская культура 40, 46, 47, 49, 50, 264, 278, 282, 315—318
- Перни культура 108
- Персы 19
- Персы-мидийцы 19
- Перьямош-Лечица культура 99
- Пианеллотимари культура 112
- Пидена культура 108, 113
- Подклевешевых погребений культура 48, 128, 129, 138, 139, 141—147, 151, 158—160, 163, 166, 169, 176, 189, 192, 193, 196, 197, 199, 201, 202, 204, 205, 218, 219
- Позднелужицкая культура 302

- Поздnezарубинецкая культура 40, 47, 49, 213, 216, 217, 226, 245, 248, 273
 Позднемакедонская культура 99
 Позднеэлладская культура 99
 Поляки 9, 11, 12, 14, 17, 69
 Поляне 283
 Поморская культура 32, 36, 39, 116, 119, 128—132, 135—139, 144, 201, 201, 204, 218, 219, 223
 Постзарубинецкая культура 309
 Почепская культура 216, 217
 Поянешты-вырешской культура 226, 228, 229, 245, 246, 247
 Поянешты-лукашевская культура 179, 218, 219, 221
 Праарийцы 27
 Прабалты 34, 36, 47, 48
 Прагерманцы 30, 39, 41, 45, 120
 Пражская (пражско-корчакская) культура 46—48, 50, 51, 196, 264, 290, 293, 294, 296, 297
 Праиталики 51
 Пракельты 41
 Праславяне 20, 27, 36, 38, 40—42, 44, 45, 47, 48, 65, 71, 164
 Прафракийцы 41
 Предлужицкая культура 118, 120
 Прешовская культура 46, 176, 234, 291, 296
 Приморская культура 118, 128
 Провинциально-римская культура 233, 243, 290, 291, 293, 294, 296, 297
 Провинциально-римские культуры 49, 180, 197, 313
 Протоарийцы 48
 Протобалты 39, 41, 45, 47
 Протоболгары 26
 Протовилланова культура 99, 112
 Протогерманцы 39, 45
 Протоиталики 51
 Протокельты 105
 Протолатиняне 113
 Протославяне 22, 30, 36, 39, 40, 42, 45—48, 281
 Протословенцы 26
 Протохочары 45
 Проточехи 26
 Прохоровская культура 251, 256
 Пруссy 45, 130, 145
 Псковских (ранних) длинных курганов культура 298, 299, 301, 302
 Пшеворская культура 32, 36, 39, 41, 42, 44, 46—51, 158—163, 166, 168—185, 188, 190, 192—200, 203, 213—215, 221, 224, 226, 227, 231, 234, 235, 240, 244, 245, 247—250, 261, 273, 288, 290, 292—294, 296—298, 309, 310
 Римляне 9, 12, 14, 21, 110, 277
 Римская культура 112
 Роксоланы 6, 10, 11, 15, 17, 218, 244
 Роменская культура 315
 Роны культура 99
 Россомоны 287
 Россы 15, 55, 279
 Ругии 180
 Русские 11, 12, 14, 30
 Русь (племя) 278, 279
 Рязано-окских могильников культура 307, 308
 Савроматская культура 283
 Савроматы 244, 256, 283
 Саксы 300
 Сармато-аланы 304
 Сарматская культура 244, 246, 258
 Сарматы 5, 6, 10, 11, 13—18, 20, 23, 38, 39, 47, 205, 212, 213, 218, 244—247, 251, 258, 275, 277, 278, 283
 Сарматы-венеды 15
 Свевы 22
 Северо-западнонемецкая культура 114
 Сены-Уазы-Марны культура 98
 Сербо-хорваты 27
 Сербы 12, 17, 18, 23, 24, 55, 69, 81, 278
 Сербы-лужичане 17
 Сидоны 218
 Сиканы 112, 113
 Сикулы 110
 Сираки 244
 Скиры 5, 6
 Скифо-сарматы 3, 28, 38, 49, 68, 79, 273, 274
 Скифская культура 119, 129, 202, 212
 Скифские лесостепные культуры 39, 42, 46, 204
 Скифы 10, 13—19, 23, 24, 28, 30, 37—39, 45, 48, 127, 146, 147, 151, 219, 244, 258, 283, 289
 Скифы-аланы 6
 Скифы-борисфениты 45
 Скифы-земледельцы 18
 Скифы-иранцы 37
 Скифы-кочевники 42
 Скифы-пахари 18, 26, 204
 Сколоты 39, 42
 Скордиски 149
 Славяне балтийские 17, 24
 Славяне восточные 17, 27, 30, 39, 53, 78, 79
 Славяне далматинские 12
 Славяне западные 11, 39, 79
 Славяне полабские 17, 22
 Славяне южные 11, 12, 22, 30, 39
 Славяне-анты 14
 Славяне-венеды 8, 11, 14, 15, 17, 37, 44
 Славяне-сарматы 11, 14
 Славяне-энепы 11
 Славянорусы 23
 Словяки 17
 Сосницкая культура 60, 99
 Спалы 227, 228
 Споры 18, 23
 Среднеднепровская культура 40
 Среднеевропейская культурная общность полей погребальных урн 85, 96—105, 109, 110, 112—114, 120, 121, 127, 130
 Ставаны 6, 18
 Судины 6
 Сулоны 6
 Тевтоны 297
 Текстильной керамики культура 298
 Тирагеты 218
 Трипольская культура 45
 Тушемли среднего слоя культура 217
 Тушемлинская культура 298
 Тушемлинско-банцеровская культура 302—304
 Тишинецкая культура 37, 39, 40, 46, 119, 120
 Тишинецко-комаровская культура 39, 42, 119
 Тохары 62, 101
 Тюринги 289
 Тюрки 37, 314
 Угры-мадьяры 314
 Ульмеруги 180, 222
 Умбры 113
 Унетичская культура 97
 Унструцкая культура 99, 114, 115
 Урги 218
 Уругунды 278
 Утригуры 278, 318
 Уэсекс культура 98
 Фенны 6, 179

- Финно-угры 21, 34, 41, 44, 79, 219
 Финны 6, 10, 18, 20, 26, 29, 31, 314
 Фракийцы 16—18, 23, 29, 31, 34, 36,
 38, 39, 41, 45, 46, 70, 100, 149, 275
 Франки 13, 289
 Фуд-вессель культура 98
- Халенская культура 114, 115
 Хазары 10, 14
 Харини 179
 Хирры 5
 Хорваты 9, 12, 24, 69, 81, 278
 Хорваты дунайские 9
- Черногорцы 81
 Чернолесская культура 42, 45, 46, 60
 Черняховская культура 39, 40, 42,
 45—47, 49—51, 176, 216, 220, 228,
 229, 231—252, 254—260, 262—
 265, 267—276, 278, 279, 281, 282,
 288, 289, 293, 294, 304, 305,
 307—310, 314, 316, 317
- Чехи 9, 11, 12, 14, 17
- Шнуровой керамики культура 34,
 39, 46, 80, 130
- Штрихованной керамики культура
 50, 145, 202, 281, 301
- Эль-аргар культура 99
 Энеолит 11, 12, 16, 18, 24, 53
 Эсте культура 108, 112
 Этруски 21
- Южновская культура 39, 145, 202,
 216
- Языги 6, 218, 244
 Ямных погребений культура 108,
 113
 Яподы 110
 Ясторфская культура 86, 114—116,
 119, 129, 132, 134, 145—147, 172,
 173, 196, 219, 223
 Ятвяги 45, 145, 219
 Яфетиды 39
- Acaziți см. Акациры
 Coldas 217, 308
 Sintana de Mureș—Cernjachov Kul-
 tur см. Черняховская культура
 Venedi 7, 84
 Venedisarmatae (Venedi-sarmatae)
 7, 84
 Wenden/winden 5

Указатель географических названий

- Абидня 216, 179
 Августиновка 266
 Австрия 29, 103, 105, 296
 Адольфин 189
 Адриатика 11, 16—18, 21, 24, 31,
 109, 110, 205, 178
 Адриатика Северная 53, 147
 Адриатическое море 10, 11, 22, 23,
 113
 Аздяичи 303
 Азия 9, 16, 18, 20, 22, 23, 37, 54, 63,
 244
 Азия Центральная 102
 Азовское море 15, 228, 278, 279
 Ай-Тодорский могильник 318
 Акатово 303
 Албания 12, 105
 Алезия (Alesia) 165
 Александр Куяевский 160
 Александрия (Египет) 6
 Александровка 236, 283
 Альпы 63, 103, 112
 Альпы (Карпаты) 8
 Альпы Восточные 95
 Анатолия 149
 Анкара 149
 Аленинский полуостров 100, 105,
 110, 112, 113, 127
 Апулия 110
- Арбузин 254
 Аркона 164
 Арнико 299
 Армянское нагорье 63
 Аррабона 149
 Асва 135
 Ассирия 11
 Атесте 112
 Аукштадварис 303
 Африка 54
 Африка Северная 5
 Африка Северо-Западная 102
- Бабина Гора 213
 Бавария 99, 152
 Багочай 299
 Бакота 265, 291
 Бакшьяй 303
 Балатон 149
 Балканский полуостров 8, 12, 17,
 18, 21, 50, 71, 74, 77, 78, 82, 83,
 109, 110, 112, 149, 205, 275
 Балканы 10, 11, 26, 31, 38, 82, 91,
 109, 110, 218
 Балтийское море 5, 6, 10, 11, 15,
 17, 23, 29, 30, 38, 40, 44, 49, 50,
 66, 128, 179, 180, 222, 282, 297
 Балтика 6, 11, 18, 24, 44, 83, 92,
 130, 179, 222, 282
- Балцаты 231, 253—255, 257,
 266—268, 272
 Бартилокув 299
 Барышевка 252
 Бахурз 291
 Башмачка 236, 254, 265, 283
 Бедьнь (Видин) 12
 Безжече 125
 Белавы-Лубы 189
 Белград 149
 Беленькое 252
 Белявы 295
 Белоруссия 79, 220
 Бельчицы 303
 Бережанка 250, 254, 255, 257
 Березанка 265
 Березина (Днепровская) 50, 204
 Березняки 39
 Берлин 99
 Бернашевка 291
 Берницке 116
 Бетоленка Дворска 142
 Бешенев 296
 Бжезинка 158
 Бжещ 143
 Бжещ-Куяевский 139
 Бизоренда 291, 295
 Бискупин 99, 120, 121, 291
 Бискупинец 124, 125

- Блатны Реметы 296
 Ближний Восток 5
 Близнаки 303
 Бобр 37
 Бовшев 238, 239, 263—265, 295
 Богданешты-Фалгу 253, 254
 Богомице 189
 Богуцин 226
 Бодзаново 160, 189
 Бойодурум 149
 Боканы 258
 Болгария 9, 10, 12, 77
 Болгарская земля 8, 12
 Болеславец 137
 Болотия 247
 Бониково 291
 Боратин 227, 266
 Борисфен (Днепр) 37, 218, 244
 Борки 308
 Босния 9, 10, 109
 Боспор 9, 228, 229, 232, 287
 Бородинское 303
 Бороники 303
 Бранденбург 25, 120, 138
 Брест Тришин 226, 227, 232, 266
 Британские острова 63, 100
 Британия 105, 300
 Брянск 315
 Будешты 229, 231, 250, 253—255, 257, 258, 262, 263, 265, 266, 368, 272, 275, 276
 Буджакская степь 277
 Буковина 30, 50, 149
 Буковина Северная 47
 Бух 99
 Бухау 99
 Бырлад-Каса 254
 Быстрик 252
 Быстрица 122, 124
 Бяла 295

 Валдайская возвышенность 301
 Валдайские горы 22
 Валув 123, 126
 Ванвельница 116
 Вансош 189
 Варапнишкес 303
 Вармия 130
 Варта 26, 28, 37, 138, 160, 176, 180, 224, 292
 Варшава 168
 Варшава-Грохув 138, 142, 143
 Варшава-Жезав 152
 Варшава-Жеранка 158
 Варшавский шлюз 299

 Васильковка 303
 Вда 37
 Везер 5, 86, 114, 120, 166
 Везувий 5
 Велемичи 204, 208—212
 Великача 171
 Великая 301
 Великая Андрусовка 316, 317
 Великая Слобода 232
 Великопольша 25, 32, 120, 167, 178, 182, 274
 Вельбарк-Госцишево 223
 Вена 149
 Венгрия 105
 Венгров (row. Węgrów) 200
 Вендиссель 178, 179
 Венедский залив (Сарматского океана) 6, 179
 Венецианская республика 16
 Венеция 12, 23, 112
 Венсеры 223, 224
 Вента 130
 Вепрь 37
 Вербки 253, 272
 Вербковице 195
 Вербковице-Которово 167
 Верхневолжье 304
 Верхняя Мануйловка 213
 Весулки 161, 169, 189
 Весульки 295
 Византийская империя 82
 Византия 83, 274, 297
 Викнины Великие 229, 240, 266
 Викторовка 252, 253, 255, 257, 265, 266-268
 Виланово 189
 Вилейка 37
 Виляя 37
 Вилк 37
 Вилкув 157
 Вилькьяутинис 299
 Вилы Яругские 252, 257, 262
 Вилянув 295
 Виндобона 149
 Виницкая область 316
 Виноградовка 253, 254
 Винченце 112
 Висла 5, 6, 8—12, 14, 16, 17, 23—26, 28, 29, 32, 36—40, 42, 44—50, 73, 74, 78, 79, 99, 102, 120, 128, 130, 135, 136, 138, 149, 157, 158, 160, 166, 167, 175, 176, 178—180, 196, 198, 204, 222—224, 227, 256, 282, 289, 293
 Вислица 37

 Вислок 37
 Висло-Одерское междуречье 36, 38, 40, 48—50, 60, 78, 127, 162, 173, 174, 180, 290
 Вистула (Висла) 5, 6, 8
 Виташков 127
 Вицын 127
 Владимир Волынский 138
 Влоцлавекский повят (pow. Włocławek) 139, 200
 Влтава 9
 Вовки 216
 Вовчик 254
 Войсковое 254, 255, 257, 268
 Волга 15, 17, 37, 39, 47, 287, 292, 293, 304, 309, 314
 Волго-Камье 303
 Волго-Клязьминское междуречье 303
 Волго-Окское междуречье 304
 Володи 299
 Волошское 240, 263, 265
 Вольнь 28, 29, 47, 68, 78, 138, 167, 224, 226—229, 232, 243, 248, 264, 267, 269, 309, 315
 Волынское Полесье 33
 Ворона 244
 Воронино 204, 208, 210
 Вороняки 247
 Ворскла 315
 Восточноевропейская (Русская) равнина 14, 17, 18, 30, 68, 78, 79, 81, 145, 296, 298, 301, 303
 Восточноримская империя 8
 Вроцлав 158, 169
 Вроцлав-Войтице 122, 126
 Вроцлав-Казанув 189
 Вроцлав-Ксенже 124—126
 Вроцлав-Опорув 189
 Вроцлав-Особовице 123
 Вроцлав-Патынице 158
 Вроцлав-Стабловице 125
 Вулька Лясецкая 167, 196, 198, 266
 Вымыслово 162, 182, 183, 189, 200
 Высокое 299

 Гавриловка 253—255, 257, 262, 263, 266, 268, 272, 273, 283
 Гавроны 122
 Галатия 149
 Галиция 28, 30, 50, 178, 199
 Галиш-Ловачка 220
 Галлия 16, 24, 54, 105, 147, 289

- Гальштат 103
 Гаць 189
 Германия 6, 9, 16, 22, 102, 120, 297
 Германия Северная 36, 88
 Германия Северо-Западная 297
 Германия Южная 29
 Гилея 227
 Гиндукуш 24
 Гипанис (Буг) 37
 Гледзянувек 291, 295
 Глещева 266, 267
 Глиняны 123
 Глогув 122, 189
 Глубчыце 165, 189
 Глыбока 296
 Гняздовице 189
 Гоголин-Стжебннов 189
 Гожув 158
 Гоздик 226
 Гоздница 122
 Голики 315, 316
 Головнин 155
 Гомельщина 205
 Гореча 291
 Городище 303
 Городница 238, 250, 263, 266, 267
 Городня 303
 Городок (на Южном Буге) 236
 Городок Ровенский 266
 Горынь 201, 248
 Гостын (row. Gostyn) 200
 Госьцишево 137
 Готискандза 222, 227
 Готия 229, 231, 248, 264, 270, 275, 277
 Готланд 231, 256, 267
 Грабово Бобовское 137
 Граужиняй 303
 Греция 9, 77, 93, 149, 293
 Гринев 172, 174, 175, 198
 Гриневичи Вельки 211
 Грини 216
 Гродзиск Мазовецкий 189
 Гродзешовице 189
 Гросс Раден 162, 164
 Грошовице 167, 168, 195
 Грудек Надбужный 168
 Грудзицы (Grudzicy) 184, 200
 Грудына Мала 189
 Губинский повят 127
 Гурбинцы 237, 257, 262

 Дакня 6, 8, 11, 14, 17, 18, 21, 54
 Далмация 9—12, 15, 54, 110
 Данилова Балка 250, 254, 255, 257, 268
 Дания 9, 15, 102, 179, 200
 Данковице 189
 Данково 168
 Данчены 229, 232, 250, 255, 262, 266
 Двор 149
 Дедовщина 236, 253—255
 Деделовичи 303
 Делакэу 265, 266
 Дельфы 149
 Демидовка 303
 Деммин 116
 Демьянов 263—265
 Деревянное (Волинь) 229
 Деревянное (Среднее Поднепровье) 253, 257, 268
 Десна 38, 204, 216, 217, 281
 Дессау-Мозигкау 292
 Дитиничи 229, 232
 Деллеверух 299
 Деуге 116
 Дешевка 308
 Днепр (Данапр) 11, 14, 17, 18, 20, 23, 26—31, 36—42, 44—48, 50, 204, 205, 212, 213, 216, 220, 228, 236, 244, 247, 251, 261, 267, 270, 275, 277, 278, 281, 289, 316, 318
 Днепровское левобережье 251, 281, 282, 315
 Днепропетровск 244
 Днепро-Дунайское междуречье 246
 Днестр (Данастр) 6, 8, 14, 45, 37, 47, 47, 51, 79, 149, 167, 176, 179, 218, 219, 228, 229, 244, 246, 247, 251, 258, 267, 270, 275, 277, 278, 283, 288, 289, 294, 304, 318
 Днестро-Днепровское междуречье 248, 289
 Днестровско-Дунайское междуречье 260, 261, 275, 277
 Добжинковицы 168
 Добжанково 161
 Добровице 124
 Добростани 189
 Домановице 162
 Доморадзин 189
 Доморадзице 182, 183, 189, 200, 295
 Дон 10, 15, 22, 23, 30, 37, 44, 47, 63, 220, 232, 244, 282, 283
 Драва 100, 109
 Драва (Польша) 224
 Дравское Поозерье 224
 Дрново 149
 Дрогичин 138
 Дрогичин-Козарувка 266
 Дроздово 189
 Дрохлине 189
 Друть 216
 Дубровник 12
 Думанов 250
 Дуна 306, 308
 Дунай 6, 8—12, 14, 15, 17, 18, 20—24, 29, 30, 39, 49, 79, 80, 82, 103, 105, 109, 149, 228, 229, 233, 244, 246, 247, 251, 258, 275, 277, 278, 289, 304, 318
 Дусету 303
 Дьер 149
 Дьяченки 213

 Евразия 30
 Европа 3—6, 10, 11, 13, 16—18, 21—25, 27, 30, 32, 33, 37, 39, 42, 44, 46, 49, 51, 54, 60, 62, 63, 71, 72, 78, 80, 83, 85, 86, 102, 114, 147, 151, 157, 162, 166, 173, 174, 201, 244, 256, 278, 288, 297, 319
 Европа Восточная 6, 10—12, 16, 18, 22, 23, 29, 38—40, 45, 49, 50, 77, 78, 90, 162, 220, 281, 282, 301
 Европа Западная 29, 38, 85, 95, 133, 297
 Европа Северная 5, 16, 30, 88, 102, 114, 235
 Европа Северо-Восточная 34
 Европа Северо-Западная 227
 Европа Средняя 18, 22, 45, 49, 62, 71, 78, 90, 95, 97, 98, 100, 113, 119, 160, 164, 165, 174, 175, 198, 199, 200, 289, 290, 296
 Европа Центральная 34, 50, 63, 101, 113, 199, 289
 Европа Юго-Восточная 15, 22, 68, 69, 101, 165, 174, 244, 245, 248, 276, 278, 279, 287, 289
 Европа Южная 22, 78
 Египет 6
 Езежице 123
 Емелисте 299
 Ендрыховице 291, 293
 Ербичени 253—255, 258, 266

 Жадавайняй 303
 Жвирбляй 303
 Жежув 189
 Желядь 299
 Жерники Вельке 155, 189, 292
 Жовнин 252, 254, 255, 257, 316
 Журавка 229, 237, 250, 253—255, 257, 263, 268

- Заале 28, 32, 114, 199
 Забелишкес 299
 Завадовка 250, 262
 Загайканы 266
 Загора 97
 Задовице 189
 Захшув 295
 Залев 189
 Залесье 205
 Зальцбург 103
 Западная Двина 25, 29, 50, 79, 128
 Западнодвинский бассейн 217
 Западный Буг 28, 29, 33, 44, 47, 66, 139, 166, 167, 178, 224, 232, 235, 244, 248, 270, 283
 Зарубинцы 207
 Засвирь 299
 Заспы 295
 Заячивка 252—255, 268
 Звенигород 247
 Звенигород-Гоева 189
 Звенигород-Садмба Великая 189
 Звонецкое 317
 Здуны 189
 Зеленый Гай 291, 294
 Земплин 176
 Злота 291, 295
 Знаменское 283
 Золотая Балка 246
 Золотая Липа 247
 Зофиполь 162, 168
 Зубры 171
- Иванковцы 243, 283
 Иванов Верхний 265
 Иголомья 162, 168, 169, 290, 291
 Избицко 189
 Изворул 252, 254, 255, 257, 268
 Ик 311
 Иллирик 9, 18
 Иллирия 10—14, 21—23, 149
 Ильмень 18, 23, 77, 298, 301
 Именьково 313
 Ингулец 236
 Индепенденца 252—255, 257, 275, 276
 Индия 23, 63
 Иновроцлав 158
 Ионийское море 10
 Иорданув Шленски 189
 Ипать 204
 Испания 54, 100
 Истр (Дунай) 21, 218, 228, 244, 278
 Истрия 9, 12
- Италия 12, 16, 21, 24, 54, 63, 110, 112, 113, 136, 297
 Италия Северная 103
- Кабожа 301
 Каборга 242, 250, 255, 257
 Каветчина 291
 Кавказ 16, 54, 64, 221
 Кавказ Северный 34, 251
 Кавказские горы 22, 23
 Кавказский хребет 23
 Кавчице 189
 Казиха 300, 303
 Кайренай 303
 Калабрия 110
 Калиновице 189
 Калиш 167, 198, 290
 Кама 17, 311
 Каменка-Анчекрак 255
 Каменка-Днепровская 250, 257, 262, 263, 268
 Каменная Балка 262
 Кантемировка 252—255, 257, 262, 268, 272
 Каплановичи 212, 220
 Каринтия 9, 10, 14
 Кармалы 313
 Кармин 122, 123
 Карпаты 6, 8—10, 14, 15, 18, 22, 26, 28, 36—38, 42, 44, 46, 48—51, 83, 95, 149, 180, 219, 277, 288, 290, 293
 Карпатские горы 6, 10, 15, 50, 179
 Картамышево 215
 Карчевец 182, 183, 200
 Карчевице 189
 Каспийское море 23
 Каталанские поля 289
 Кацице 161, 162
 Кашубия 10
 Кашубская возвышенность 132
 Кашубско-Крайнское поозерье 223, 224
 Кельце 168
 Кенигсберг 27
 Кернаве 303
 Керченский пролив 228, 287
 Кетж 189
 Кетж-Леги 155
 Киев 6, 228, 252
 Киевская губ. 28
 Киевщина 47, 50
 Китки 226
 Кичкас 213, 220
 Клишув 122
- Клокочице 189
 Клязьма 304
 Княже 265
 Коблево 253—255, 257, 262, 266, 268
 Кобылице 189
 Ковель 16
 Кодын 291, 294
 Козья-Яссы 228
 Кокожин 189
 Комаров 263
 Коможно 189
 Компанийцы 229, 252, 253—255, 263, 267
 Комрат 263, 265, 266
 Конин 182, 183, 200, 295
 Конинко 137
 Константинополь 289
 Копки 180, 189, 200, 295
 Корениха Большая 255
 Коринфия 9
 Коростовичи 265
 Корпач 229
 Корсика 112
 Корчеватое 207
 Косаново 229, 250, 253—255, 257, 262, 263, 266—268, 272
 Костиша-Мяноциа 265
 Костянец 266
 Котла 189
 Кочубеевка 316, 317
 Кошчелиск 168
 Крайна 9
 Краков 158, 168, 290
 Крапковице (pow. Krapkowiec) 200
 Красный Маяк 246
 Кременец 27
 Крещатик 317
 Кринички 250, 254
 Крым 244, 246, 251, 287, 318
 Крымская Готия 318
 Коензы Двур 189
 Кубань 23
 Кузьминский могильник 309
 Куня 316, 317
 Купче 265
 Курники 252
 Кусичи 139
 Кутки 266
 Кутэа 265
 Кухары 155
 Куявия 160
 Куявск 161
- Ла Тен 151

- Лаба 9, 17, 199
 Лавриков Лес 279
 Лагола 112
 Лазы 124
 Ламбиновице 126
 Лань 212
 Латвия 135
 Лахмировице 189
 Лациум 24, 112
 Лбище 309, 310, 315
 Леванг 100
 Лежницы Вельки 189
 Лепесовка 227, 232, 266, 268
 Леськи 266
 Лецкани 254, 255, 257, 268
 Линдора 299, 301
 Липецы 299
 Липлява 205
 Лисицице 189
 Литва 130
 Лихула 299
 Ловать 298
 Лович (row. Lowicz) 198
 Лодзь 120
 Ломбардия 113
 Ломоватое 263, 265
 Лохвица 252—255, 262, 268, 272
 Лоцмано-Каменка 265
 Луара 24
 Лубны 213, 220
 Луга 301
 Лужки 308
 Лука Врублевецкая 265
 Лука-Кавегчинская 291
 Лукавица 291
 Луксенай 303
 Лунка 257, 268
 Лучинцы 265
 Любельщина 221
 Любомль 226, 227, 266
 Любусская земля 120, 147
 Любянж 189
 Лютеж 212, 220
 Лютомерск 120
 Ляски 121

 Мазовия 33, 178, 182, 199, 200, 224, 226, 229, 232, 264
 Мазурия 130
 Мазурское Поозерье 128
 Майдан Гологирский 247
 Майна 311
 Макаровка 265
 Македония 12, 15, 109, 149
 Маклашеево 313
 Малаешты 231, 243, 253—255, 257, 262, 266, 268
 Малая Азия 12, 16, 62, 105
 Малопольша 147, 157, 158, 160, 162, 170, 180, 196, 199, 200, 290, 294
 Малый Ржавец 254
 Мануйловка Верхняя, см. Верхняя Мануйловка
 Манхинг 152
 Марга 110
 Маслово 252—255, 257, 262, 263, 268, 272
 Масув 189
 Мацкув 167
 Мацкувка 195
 Машев 226, 266
 Мезия 12, 110, 288
 Мейше 122
 Мекленбург 50, 320
 Меотида 6, 228, 278
 Месопотамия 10, 11, 24, 63
 Мецишевице 224
 Мигонис 303
 Мижонис 303
 Мизия 11
 Микольцы 303
 Миния 37
 Минск Мазовецкий 139
 Михайловка 213, 254
 Михайловское 299, 300
 Млевский Бор 299, 301
 Млодзиково 182, 183, 200, 295
 Млынице 138
 Мокронос Гурны 155, 157
 Молдавия 229, 235, 240
 Молдова 221, 228, 232, 246
 Молога 283
 Монастырек 213
 Монастыриха 171
 Моравя 17, 149, 149
 Моравия 15, 25, 296
 Москва 11, 14
 Москворечье 304
 Московия 11, 12, 14, 54
 Мста 301
 Мульде 199
 Мунтения 247

 Навля 219
 Надушита 257
 Наравай-Григишкес 299
 Нарова 178
 Наумен 116
 Нацлав 189
 Невшатальское озеро 151
 Незвиско 265, 295
 Нейбранденбург 162
 Нейсе 219
 Неман 23, 29, 36, 50, 128, 219, 301
 Немча 291
 Немыслов 122
 Непоротово 240
 Нерно-Вилия 301
 Неседле 123
 Неслухов 263, 265, 295
 Нецеплин 189
 Нидерланды 100, 102
 Низки (row. Nizki) 200
 Николаевка 246
 Никольское 265
 Нова Весь 295
 Нова Весь Вроцлавска 189
 Нова Весь Легницка 189
 Нова Церквия 189
 Новая Гута 152, 158, 168
 Новая Церква 157, 165
 Новгород 301
 Новгородская земля 11
 Новгородско-Псковская земля 298, 301, 303
 Новинка 314
 Новнодунум 149
 Ново-Александровка 250, 257, 262, 263, 266, 268
 Ново-Покровка 253, 272
 Новоселовка 253, 272
 Новочинновско 265
 Норвегия 114, 136
 Носовцы 215
 Носоцице 189
 Норик 14

 Обиршени-Войнешты 254
 Обухов 240, 252, 279
 Обиннсте 300
 Одер (Одра) 11, 17, 18, 28, 29, 32—34, 36—42, 46, 50, 73, 86, 99, 114, 120, 127, 128, 138, 157, 158, 166, 167, 170, 173, 176, 178—180, 185, 193, 198, 199, 219, 223, 232, 289, 292, 293
 Одесса 27
 Одобеску 253—255
 Одры 224
 Ойнак 253, 254
 Ойум 227, 228
 Ока 27, 34, 36, 39, 47, 50, 130, 217, 219, 306, 308
 Олава 122, 124

- Олевин 292
 Олт 8
 Олтения 149, 247
 Олтень 253, 254, 262, 268, 272
 Олштын 125
 Ольвия 244
 Ольшанка 252
 Опатув 295
 Опольски (pow. Opolski) 200
 Орадиевка 262
 Орель 220
 Орле Вельке 137
 Оселовка 252, 253, 257, 272
 Осецк 189
 Осицк 226
 Осиповка 220
 Остер (нижний Дунай) 37
 Островец 252—254, 272
 Отвержичи 204
 Отмичи 303
 Отынь 125
 Охридская земля 12
 Очаков 296
- Пабарай 299
 Падуя 112
 Пакраутле 303
 Палатка 266
 Памусис 299
 Паннония 9, 10, 14, 15, 18, 21, 23, 24, 51, 54, 110, 169, 282
 Пантикапей 287
 Папишкес 299
 Парайсчай 299
 Париж 289
 Парсента 86
 Пархомовка 316, 317
 Пасленка 224
 Пассарге (Passarge) 232
 Пассау 149
 Пафлагония 11, 16
 Певк 218
 Педер 295
 Пеетжец 189
 Пекари 205
 Пелопоннес 82
 Пельжимув 122
 Пеннице 291
 Передняя Азия 8—10, 23
 Перяслав-Хмельницкий 242, 252—255, 257, 262, 268, 272
 Пересечное 236, 265
 Пересыпки 215, 220
 Персидский залив 24
 Петрис 260
- Петроссы (Пьетроаса) 268
 Пжеменчаны 291, 293
 Пживуз 291
 Пжиток 122
 Пивонице 167, 195, 198, 290, 291
 Пиза 10
 Пилипенкова Гора 205, 213
 Пильвины 299
 Пинск 138
 Пиотркув 161
 Пиотркув Куявский 189
 Пиотрновице 169
 Пиренейский полуостров 102, 105, 112
 Писаревка 253, 254, 272
 Пискожевице 122
 Плешкув 126
 По 112
 Побужье 20, 215, 216, 228, 229, 240, 316
 Побужье Западное 46, 198
 Повисленье 17, 28, 29, 37, 39, 51, 73, 169, 185, 196, 201, 204—206, 215, 229, 298, 301
 Повисленье Верхнее 301
 Повисленье Нижнее 145, 222, 223
 Повисленье Среднее 77, 176, 297, 301
 Поволжье 251, 283, 311, 315
 Поволжье Верхнее 77
 Поволжье Нижнее 63, 102, 244, 256, 258, 282
 Поволжье Самарское 309, 310
 Поволжье Среднее 34, 314, 315
 Поволжье Ярославское 39
 Подберезцы 167, 171, 172, 309
 Подболотьевский могильник 309
 Подвинье 220
 Подвинье Полоцкое 303
 Подволочиск 262
 Подесенье 213, 217, 306
 Подесенье Брянское 216
 Подесенье Верхнее 220
 Подесенье Нижнее 216
 Подмосковье 308
 Подленже 158
 Подлесье 178, 199
 Подлясье 224, 226, 229, 232, 264
 Поднепровье 20, 37, 39, 49, 60, 147, 201, 212, 215, 218, 219, 241, 292, 306
 Поднепровье Верхнее 27, 29, 39, 49, 50, 74, 93, 201, 204, 205, 219, 220, 282, 306, 315
 Поднепровье Киевское 77, 316
- Поднепровье Нижнее 212
 Поднепровье Смоленское 217, 303
 Поднепровье Среднее 29, 37, 39, 40, 42, 44, 46, 66, 68, 70, 73, 78, 130, 201, 204—206, 210, 212, 213, 215, 216, 218—220, 228, 233, 251, 261, 281, 283, 316
 Поднепровье 167, 244, 261, 264, 277, 282
 Поднепровье Верхнее 46, 167, 173, 174, 198, 235, 243, 247, 248, 264, 270, 275, 277, 293, 294, 296, 309, 315, 316
 Поднепровье Нижнее 246
 Поднепровье Среднее 235, 264, 283
 Подолия 28, 29, 224, 226—228, 232, 315
 Подольская губ. 28
 Подонье 244, 282, 251, 287
 Подунавье 8, 13, 14, 20, 21, 23, 24, 26, 38, 50, 51, 78, 79, 82, 149, 231, 246, 282
 Подунавье Нижнее 6, 14, 83, 218, 231, 240, 275, 277, 289
 Подунавье Среднее 113, 161, 176, 305, 306, 304
 Познаньское воеводство (woj. Poznańskie) 200
 Познань 120
 Познань-Шелаг 137
 Поильменье 77
 Полесье Западное 267, 269
 Полибино 298, 299, 300, 301
 Полтавщина 316
 Польгын 126
 Польское Поморье 10, 32, 120, 128, 130, 135, 136, 222—224, 226, 227
 Польша 9—12, 14, 28, 29, 32, 34, 36, 37, 39, 46, 47, 78, 102, 120, 152, 155, 157, 158, 164, 165, 179, 198, 199, 200, 240, 241
 Польша Центральная 290
 Польша Южная 71, 290
 Померания 34
 Поморье Восточное 199
 Поморье Западное 120
 Понеманье 50
 Понизье 299
 Понт (Черное море) 6, 179
 Понтийское море 227
 Поочье Нижнее 309
 Поочье Рязанское 308, 309
 Поочье Среднее 309
 Потнсье 304

- Почепок 306
 Пошвентне 266
 Преголь 50, 128, 130
 Предкавказье 287
 Прешов 199, 292, 295
 Приазовье 318
 Прибалтика 29, 303
 Прибалтика Юго-Восточная 63
 Привольное 250, 253—255, 257, 262, 263, 265, 266, 268, 272
 Придунайская низменность 247
 Прикамье Нижнее 311
 Прикарпатье 20, 29, 74, 232, 240, 261
 Прикарпатье Северное 52, 77, 293
 Прикаспий 287
 Приморское 254, 265
 Припятское Полесье 27—29, 31, 38, 40, 50, 138, 166, 201, 204—206, 210, 216—218, 220
 Припять 28, 31, 38, 44, 47, 50, 1456, 201, 204, 205, 212, 216
 Притцир 320
 Приуралье 244, 287, 303, 314
 Приуралье Южное 256, 283
 Причерноморье 16, 29, 176, 228, 229, 232, 244, 289
 Причерноморье Западное 105
 Причерноморье Северное 6, 8, 10, 14, 15, 24, 38, 45, 51, 63, 69, 70, 80, 83, 90, 91, 102, 222, 229, 235, 242—244, 246, 251, 256, 258, 260, 274, 275, 277—279, 283, 289, 290, 304, 306
 Причерноморье Северо-Западное 218, 228, 229, 231, 248, 258, 267, 270, 275, 283, 304
 Протва 308
 Прудники 303
 Пруссия 130
 Прут 30, 37, 51, 179, 240, 294
 Пруто-Днестровское междуречье 6, 228, 275
 Пряжев 240, 263
 Псары 254
 Псел 50, 213, 216, 315
 Псковское озеро 77, 298, 301
 Пуйга 299
 Пульва 139
 Пустники 125
 Путивль 215
 Путятинцы 265
 Пшеворск 158
 Пьемонт 113
 Пышанца 189
 Пястув 189
 Равенна 10
 Равич (row. Rawicz) 200
 Радванкув 141
 Радванице 169
 Радзейув 291
 Радловице 169
 Радостай-Алекнонис 303
 Раду Негру 268
 Ракобуты 238, 264, 265
 Раковец 250, 252—255, 257, 262, 263, 268, 272
 Ранжеевое 252—255, 257, 266, 268
 Рахны 215
 Рашков 291, 294
 Рацибуж Ощице 157
 Рега 224
 Редкодубы 253—255, 257, 262, 268, 272
 Рейн 5, 22, 24, 25, 62, 103, 105, 113, 114, 120, 155, 180, 297, 300
 Рейнско-Висленское междуречье 115
 Рекучай 299
 Ремезовцы 247
 Реньска Весь 189
 Реция 110
 Рим 112, 244
 Римская империя 5, 9, 42, 83, 162, 179, 180, 223, 226, 229, 231, 240, 288—290, 293, 297, 306
 Рипнев 239, 240, 263—265, 295
 Рион 23
 Рипейская гора (Рипа) 9
 Рогизна 294
 Рождествоно 313
 Роище 279
 Рокенай 303
 Романковцы 250
 Ромашки 229, 243, 250, 253—255, 257, 262, 268, 272
 Ромош 227, 229
 Рона 24, 103
 Росошница 291
 Россия 9, 11, 12, 15, 18, 29
 Росткы 189
 Рудка 250
 Рудки 168
 Ружичанка 250, 253, 254, 257, 268, 272
 Руковец 229
 Румыния 24, 232
 Русская равнина, см. Восточноевропейская (Русская) равнина
 Русский Северо-Запад 301
 Русь 10, 14, 15, 167, 198
 Русь Северо-Западная 29
 Русь Северо-Восточная 304
 Русяны 265, 266
 Рыжевка 229, 237, 250, 253—255, 262, 263
 Рысна-Сааре 299, 300
 Рюген 164
 Сааремаа 135
 Сава 100, 109, 149
 Садовин 295
 Саксония 120, 138
 Самарская лука 311
 Самарская область 309
 Самбия 130
 Сан 28, 37
 Сарматия 6, 11—15, 37, 179
 Сарматия Европейская 6, 11, 12, 14, 24, 53, 179
 Сарматия Птолемея 10
 Сарматия-Русь 11
 Сарматский океан (Балтийское море) 6, 10, 179
 Сарнувек 143
 Сатук 253
 Свебия 6
 Свентокшицкие горы 168, 198
 Свердликово 253
 Светлые Вешки 299
 Свицер 37
 Свила 303
 Свинухово 308
 Свойкув 155, 157
 Себастовице Барча 295
 Северик 299
 Северное море 5
 Северная Двина 17
 Северский Донец 215, 233, 246, 281
 Сейдонай 303
 Семонна 291—293
 Сенарская равнина 9, 10
 Сербия 9, 10, 12
 Сербы 189
 Сергеевский район 309
 Серенск 308
 Серет 179, 218, 219, 229
 Сибирь 24
 Сибирь Западная 314
 Силезия 15, 25, 34, 120, 138, 147, 149, 157, 158, 160, 167, 168, 170, 178, 182, 195, 199, 290
 Силезия Верхняя 178

- Силезия Нижняя 199
 Силезия Средняя 199
 Сингидунум 149
 Сицилия 85, 112, 113
 Скава 37
 Скандза 222
 Скандинавия 13, 69, 88, 92, 130, 146, 199, 222—224, 226, 227, 230, 267
 Скандинавия Южная 63, 135
 Скитка 252
 Скифия 10, 16, 20, 54, 60, 162, 221, 222, 227, 228, 244, 258
 Скифия Большая 10
 Скифия Великая 51
 Скифия Славянская 10
 Скифия Припонтийская 287
 Скифия Причерноморская 14
 Славкино 309
 Слабаделе 303
 Славогура 189
 Словакия 97, 120, 199, 241, 296, 301
 Словакия Северная 176
 Словения 109
 Словеное озеро 11
 Словинское побережье 224
 Слуп 122
 Смоленщина 220, 306
 Собарь 235, 266
 Собоцко 152, 155, 189
 Согопаново 189, 198
 Сож 204
 Сокол 265, 291, 294
 Соколовице 137
 Сокольни 167
 Солончены 265
 Соснова 250
 Сохачев-Троянов 139
 Спанцев 252—255, 257, 258, 262, 263, 268
 Спина 112
 Спицымеж 162, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 200, 295
 Срава 37
 Средняя Азия 22, 24, 37, 102, 287
 Средненеманская гряда 301
 СССР 39
 Ставропольский район 309
 Ставчаны 243, 283
 Стара Весь 189
 Старая Майна 311
 Старгард Щецинский 116
 Сташицы 168
 Стецовка 253, 254
 Стжешув 189
 Стжижув 125
 Страховице 189
 Стрзулешты 265
 Стырь 37, 201, 248
 Субботово 211, 212
 Судачис 299
 Судеты 149
 Судость 217
 Сула 213, 316
 Сумы 252, 262
 Сура 311
 Сухостав 263, 266
 Сушично 268
 Сушки 317
 Сынтана-де-Муреш 252—255, 263
 Таврида 279
 Таврика 318
 Тайманово 279
 Таманский полуостров 287
 Танаис (Дон) 218, 244
 Танаис, город 228, 232
 Тархалице 167, 168, 195
 Татры 50
 Таурапило 299
 Тжциница Велька 123
 Телешовка 257, 268
 Темза 300
 Теревовля 265
 Терек 23
 Теремцы 291, 294
 Терновка 215
 Терпин 116
 Тимнш 306
 Тира 277
 Тирас (Днестр) 37
 Тиррены 113
 Топольно 137
 Топоринца 125
 Топорок 303
 Тилигуло-Березанка 240
 Тиса 8, 95, 102, 244, 306
 Токи 250
 Тоскана 112
 Трансбур 139, 141, 143
 Трансильвания 24, 30, 78, 149
 Троицкое 303
 Тропишув 162, 169, 290
 Троя 12, 16
 Трубеж 316
 Тудорово 253
 Турек (row. Turek) 200
 Туркмения 37
 Турция 54
 Тухлин 189
 Тыргшор 252—255, 257, 262, 263, 266, 268, 272, 275
 Тянь-Шань 24
 Тясмин 204, 212, 316
 Увисла 252, 266, 267
 Угорская земля 8
 Украина 45, 46, 79, 283
 Украина Западная 78, 102
 Украина Левобережная 244
 Украина Правобережная 70, 74, 92, 93, 218
 Ульяновская область 311
 Умбрия 24
 Урал 6
 Успенка 252—255, 257, 263, 268, 272
 Устье 257, 266, 291, 294
 Усть-Белая 299, 301
 Фаленты 168
 Федерзее 99
 Федоровка 254
 Федяшево 306, 308
 Фельдберг 162
 Фессалия 12
 Финляндия 92, 135
 Фракия 14, 21, 149, 289
 Франция 103, 112
 Фрунзовка 262
 Фурмановка 255, 257
 Хаддея 9
 Ханска 253, 317
 Ханска-Лутэрия 228, 232, 250
 Хжанув 158
 Хелминская земля 138
 Хеттское государство 100
 Хитцы 316, 317
 Хихы-Намыслув 124—126
 Хлопков 240, 316, 317
 Ходосовка 213
 Холмское 252, 255
 Хорватия 9, 10, 12, 109
 Хорватия Великая или Карпатская 9
 Хорватия Далматинская 13
 Хорула (Chorula) 182, 183, 189, 200, 290, 295
 Хорутания 9
 Цеcejин 189
 Цецеле 226
 Цигельня 299

- Чаньч 189
 Чаплин 205—207, 209—211
 Чаркув 123
 Ченстохов 123
 Червона Слобода 265
 Червоный Двор 299
 Черемшан 315
 Черепин 238, 239, 248, 263—265, 291, 294, 295
 Черная Луза 299
 Чернилев Русский 250, 257
 Черновицкая область 296
 Черногория 10
 Черное море 6, 12, 23, 38, 226, 228, 231, 246, 264, 266, 267, 279
 Чернореченский могильник 318
 Черняхов 233, 237, 252, 254, 255, 257, 262, 263, 268
 Черск 210
 Чехия 9, 10, 12-15, 80, 99, 102, 120, 160, 240, 241, 301
 Чехословакия 71, 78
 Чешские Рудные горы 95
 Чижигов 265
 Чистиллов 254
- Чубовка 255
- Шаматулы (Szamatuly) 198
 Шаньково 306
 Швейцария 151
 Шверин 162
 Швеция 114, 136
 Швеция Южная 102, 113, 256
 Шелиги 298
 Шена 295
 Шибеник 14
 Шимборзе 143
 Шленжа 158
 Шумишув 189
 Шумск 262
- Щебетское 314
 Щевжик 189
 Щецин 116
 Шрода (row. Środa) 158, 200
 Щитно (Szczytно) 184, 189, 200
- Эгейское море 10, 11
 Эйкотишкес 303
 Эльба 5, 10—12, 17, 25, 26, 28, 29, 31, 32, 48—50, 114, 127, 136, 172, 178, 196, 199, 223, 300, 319
- Эмилия 112
 Эмилия-Романья 112
 Эпир 54
 Эрак 278
 Эрдан 18
 Эстония 135
 Этрурия 24, 136
- Югославия 105
 Южное Побужье 278
 Южный Буг 14, 23, 37, 213, 215, 219, 229, 236, 248, 251, 267, 270, 316
 Ютландия 48, 113—115, 136, 179, 297
 Ютландский полуостров 86, 178, 179
- Ягнятин 266
 Якишовице 291, 293
 Яксонув 189
 Ямно 123
 Янкевичи 299
 Ясолка 37
 Ясы (Jasi) 232
 Ящув 189

Указатель имён

- Абаев В.И. 92, 101, 133, 274, 285
 Абашина Н.С. 286
 Абрамова М.П. 283
 Август, римский император 8, 82, 109
 Агапов С.А. 320
 Агафий, византийский историк 8
 Агеева Р.А. 286, 301, 320
 Агриппа, римский военачальник 110
 Аделунг Х. 19
 Айснер Я. 42, 58
 Александр Македонский 9, 10, 12, 13, 15
 Алексеев В.П. 78, 79, 93
 Алексеева Т.И. 79, 93, 284
 Альмгрен О. 224
 Амброс А.К. 220, 307, 308, 320, 321
 Аммиан Марцеллин, античный автор 275
 Анастасий, царь 12
- Антенор, легендарный предводитель знетов 12
 Антон К.Г. 14, 54
 Антоневиц В. 37, 57, 175, 199
 Анучин Д.Н. 22
 Артамонов М.И. 39, 57, 94, 286
 Арумаа П. 63
 Арутюнов С.А. 94
 Аттила, вождь гуннов 12, 289
 Аун М.Э. 319, 320
- Бабич Б. (Баби́к Б.) 93
 Бажан И.А. 319
 Баламбер, гунский предводитель 289
 Бальбин Б. 14
 Баран В.Д. 46, 58, 238, 244, 269, 270, 283—285, 296, 316, 319
 Бариший Ф. 320
 Барцева Т.Б. 165, 283
 Белевский А. 21, 55
 Беленин К. 168, 198
- Бельский Иоаким 12
 Бельский Мартин 12, 15, 54
 Беляева С.О. 220
 Бем Я. 33, 57, 101, 133
 Бенвенисте Э. 68, 91, 146, 148
 Березанская С.С. 46, 58
 Березовец Д.Т. 321
 Бериг, король готов 222, 227
 Бернштейн С.Б. 44, 58, 65, 67, 68, 70, 71, 91, 92, 164, 165, 200
 Бехагель Х. 120, 134
 Бидзила В.И. 220
 Бирнбаум Х. 48, 58, 65, 67, 69, 70, 91, 92
 Бломе Э. 31, 222, 224
 Бобринский Ал. Аф. 232, 249, 283
 Богатов А.В. 321
 Богданов А.П. 22
 Богуславский Е.Р. 25, 56
 Богухвал, средневековый историк 9, 54
 Бодянский О.М. 22, 56

- Боев П. 79, 93
Бож, антский князь 278
Бонзак Д. 178, 195, 199
Бопп Ф. 18, 19, 55
Борисенков Е.П. 319
Бренн, кельтский предводитель 149
Бромлей Ю.В. 78, 93
Брюкнер А. 27, 37, 56
Брюсов А.Я. 85, 94
Буга К. 145
Буданова В.П. 228, 232
Будилович А.С. 20, 28, 55
Будинский-Кричка В. 176, 199
Бузук П.А. 56
Булатова Р.В. 92
Бунак В.В. 78, 93
- Вакуленко Л.В. 319
Вале Э. 86, 94
Валент, римский император 288
Ван Вейк Н. 65, 71, 91
Ванагас А. 77, 93
Вандал, легендарный потомок Яфета 16
Ванкель Г. 25, 56
Ваня З. 51, 59
Ваповский Бернард 11, 12, 54
Варшевицкий Христиан 11
Вассар А.К. 135
Веймарн Е.В. 318, 321
Великанова М.С. 258, 284
Вернер Й. 298, 319, 320
Верцинский А. 80, 93
Винитарий, готский король 278, 289
Винокур И.С. 283
Винцентий Кадлубек 9, 54
Витимир, король готов 288, 289
Вожняк З. 158, 165, 198
Вознесенская Г.А. 165, 220, 283
Волонгевич Р. 223
Волузиан, римский император 277
Воцель Я.Э. 22, 23, 56
Вранич Фауст 14
Вязьмитина М.И. 283, 284
- Гадариг, король готов 222, 227
Гайдукевич В.Ф. 228, 232
Галл Аноним 16
Гамкрелидзе Т.В. 63, 64, 90, 102, 133
Гардавский А. 37, 39, 57
Гатгерер И.Х. 14, 54
Гваньини А. 11, 54
Гвидо из Лизы («Равеннский географ») 10
- Гекатей Милетский, античный автор 103
Гелльвальд Ф. 21
Гельмольд, средневековый историк 16
Гензель В. 40, 41, 58, 61, 90, 148, 198, 199
Георгиев В. 65, 67, 70, 91, 92
Герберштейн С. 13, 54
Герке К. 53, 59
Германарих, король готов 287, 288, 289
Геродот, античный историк 18, 20, 22—24, 26, 28, 38, 39, 42, 47, 83, 103, 204, 244, 274
Геррманн Й. 46, 58, 94, 162, 164, 165, 319
Гизель И. 15
Гильфердинг А. 22, 56
Гимбутас М. 45, 58, 97, 132, 135
Гиндин Л.А. 320
Годловский К. 49, 59, 158, 159, 165, 175, 176, 178, 179, 198—200, 226, 231, 290, 292, 319
Голомб З. 47, 48, 53, 58, 65, 69, 91
Гомер, античный поэт 11, 12
Горнунг Б.В. 42, 45, 58, 67, 91
Гороховский Е.Д. 248, 250, 252, 269, 284
Горюнов Е.А. 220, 321
Граудонис Я. 135
Григорий из Санока, средневековый автор 10, 54
Григорович В.И. 23, 56
Гроздилов Г.П. 319
Гудкова А.В. 277, 282, 283, 285
- Дажбог, языческое божество 69
Далимил, средневековый летописец 9
Дарий, персидский царь 16
Дебец Г.Ф. 79
Девото Дж. 113, 134
Дементрикевич В. 178, 199
Дементрий из Каллатиса, древний автор 218
Державин Н.С. 39, 57
Дзиговский А.Н. 283
Диакону Г. 247
Диодор, античный автор 244
Дион Кассий, древний автор 180, 229
Длугош Я. 10, 15, 16, 54
Добровский Й. 16, 17, 55
Довженок В.И. 283
- Долежал П. 14
Доманьский Г. 190, 195, 199, 200, 221
Домициан, римский император 247
Дубравский, средневековый автор 10, 54
Дубынин А.Ф. 320
Дуриданов И. 47, 58, 92
Дыбо В.А. 71
- Евграфий, сирийский автор раннего средневековья 83
Евнапий, древний автор 289
Егорейченко А.А. 59, 148
- Жирмунский В.М. 134
Журко А.И. 282
- Заборовский М. 22, 55
Заверняев Ф.М. 220
Займов Й. 77, 93
Зализняк А.А. 69, 91, 92, 148, 320
Замятина Г.И. 92
Зоговик С. 59
Зосим, византийский историк 228
- Иван IV, русский царь 13
Иванов Вяч. Вс. 63, 64, 67, 90, 91, 102, 133, 286
Ильинский Г.А. 56
Иоанн Эфесский, сирийский автор раннего средневековья 83
Иордан, историк готов 5, 8, 14, 20, 30, 54, 83, 217, 222, 227, 228, 231, 277, 278, 281, 282, 289
Иордан Я.Х. 15, 16, 54, 55
Истрь, летописный персонаж 274
- Казаков Е.П. 321
Кайлинг Х. 134
Каменецкий И.С. 94
Каминьский Ф. 220
Каракалла, римский император 299
Караллонас С. 67, 91
Карамзин Н.М. 17, 18, 55
Каргапольцев С.Ю. 319
Кассиодор, раннесредневековый историк 8, 281, 318
Каспарова К.В. 220
Кастанаян Е.Т. 284
Катанчич П. 14, 54
Каульфус Р.С. 21, 55
Кембле Я. 103, 133
Кентжинский В. 22, 55

- Килиан Л. 118, 128, 133, 135
 Киммиг В. 102, 133
 Кипарский В. 69, 70, 92, 146, 148, 200
 Классен 24, 56
 Кловвер Ф. 15, 54
 Клячевский Ст. 14
 Кмезинский Е. 223
 Козак Д.Н. 47, 58, 174, 198, 199, 232
 Козловский Л. 32, 57
 Козьма Пражский, средневековый хронист 9, 16
 Колендо Й. 180, 200
 Коллар Я. 24, 56
 Коломиец В.Т. 50, 59
 Коляда, легендарное языческое божество 15
 Коммод, римский император 229
 Кондукторова Т.С. 284, 285
 Константин, император 12
 Концен Л. 21
 Корпусова В.М. 284
 Коссак Г. 86, 94, 132
 Коссинна Г. 30, 31, 57, 85, 88, 93, 94, 100, 113, 130, 222
 Костшевский Ю. 32, 37, 44, 57, 101, 132, 135, 136, 147, 148, 162, 165, 175, 179, 198, 199, 222, 231
 Котвич В. 37
 Кочка В. 78, 93
 Кравченко Н.М. 260, 261, 262, 272, 285
 Кранц Альберт 11, 54
 Крауфорд О. 86, 94
 Краэ Г. 63, 90, 101, 102, 133, 134
 Кромер Мартин 11, 15, 54
 Кропоткин В.В. 321
 Кругликова И.Т. 232
 Крушельницка Л.И. 232
 Куно И.Г. 21, 55
 Купала, легендарное языческое божество 15
 Курилович Е. 32, 71
 Курнатовский С. 89, 94
 Кухаренко Ю.В. 201, 232, 243, 220, 284
 Кюн Г. 86, 94
 Ла Бом В. 31, 135, 147
 Лада, легендарное языческое божество 15
 Лампрехт А. 65, 91
 Лант Г. 65, 91
 Лапушнян В.Л. 221
 Латышев В.В. 53, 200, 221, 319
 Леванда И. 19
 Левек П.Х. 19
 Лейбниц Г.В. 14, 54
 Лекков И. 38, 57
 Лелевель И. 21, 55
 Лелеков Л.А. 285
 Леонтьев А.Е. 320
 Леопардов Н. 21, 55
 Лер-Сплавинский Т. 33, 34, 36, 44, 57, 61, 63, 67, 71, 73, 91, 92, 128, 135, 164, 165, 179
 Лех, легендарный родоначальник племени лехитов (поляков) 10, 12, 13, 15
 Ловмянский Г. 47, 54, 58, 89, 180, 200
 Ломоносов М.В. 15, 54
 Лотнер Э. 20, 55, 101
 Лукиан Самосатский, античный автор 244
 Маврикий, византийский автор 8, 82
 Магомедов Б.В. 240, 269, 283, 284
 Мавро Орбини (Мавроурбин) 13, 54
 Майевский В.С. 19, 55
 Майер Х. 67, 91
 Мажюлис В. 67, 68, 91, 148
 Максимин, римский император 229
 Максимов Е.В. 204, 205, 215, 220
 Малингудис Ф. 77, 93, 293, 319
 Мальбрен 21
 Маннерт К. 21, 55
 Маньчак В. 48, 49, 59, 69, 70, 92
 Маретич Т. 24, 56
 Марин Тирский 6
 Марр Н.Я. 38, 39
 Мартынов В.В. 48, 59, 70, 92, 146, 148, 285
 Матвеева Г.И. 309, 311, 312, 314, 315, 320, 321
 Матвей Судетский (Иоанн-Матвей Судетский) 14, 54
 Матей из Мехова (Матей Меховит, Матей Меховский) 12, 14, 54
 Махно Е.В. 284
 Мачинский Д.А. 50, 59, 201, 205, 218, 220
 Мейе А. 144, 146, 148
 Мелокова А.И. 284
 Менандр Протиктор, византийский автор 8, 82
 Микич Ж. 79, 93
 Миккола И. 306
 Миклошнич Ф. 19, 55
 Милевский Т. 27, 56
 Митридат, царь Боспорского государства 244
 Мишулин А.В. 57, 285
 Монгайт А.Л. 94
 Монтегнус О. 30, 88, 94
 Моора Х.А. 135
 Моринц С. 284
 Мосох, потомок Яфета 11, 15
 Мошинский К. 37, 57, 81, 93
 Мошкова М.Г. 283, 284
 Мюллер М. 20, 55
 Налепя Е. 49, 59, 92
 Невенгловский А. 175, 178, 199, 232
 Некрасов А.А. 23, 56
 Некрасова А.Н. 316
 Нестор, древнерусский летописец 8, 13, 18, 21, 23
 Неуступный Ю. 33, 57
 Нидерле Л. 18, 25—27, 40, 56, 61, 63, 79, 81, 185, 217, 273, 278 285
 Никитина В.Б. 148
 Никитина Г.Ф. 240, 242, 261, 264, 283, 285
 Николаев С.А. 92
 Никулице И.Т. 221, 232
 Новаковский В. 281
 Ной, библейский персонаж 15
 Носек С. 37, 57, 148
 Носов Е.Н. 319
 Обломский А.М. 220
 Окулич Е. 178
 Оприск В.Г. 232
 Орел В.Э. 275, 285
 Орлов Р.С. 174, 198
 Орлов С.Н. 319
 Орозий, древний автор 218
 Острогота, легендарный король готов 231
 Отрембский Я. 219
 Отто К.-Г. 88, 94
 Палак, скифский царь 244
 Пасецкий В.М. 319
 Пасториус Й. 14
 Пачкова С.П. 220
 Педерсен Х. 164
 Пейскер Я. 28, 56
 Пенка К. 22

- Первольф И. 22, 56
 Пестрикова С.И. 320
 Петерсен Э. 31, 147
 Петраускас О.В. 220
 Петренко В.Г. 220, 283, 284
 Петр Великий 13, 15, 54
 Петров В.П. 45, 58, 285
 Пигготт С. 104—106, 132, 133
 Пизани В. 69
 Питтиони Г. 100—102, 133
 Пич Й.Л. 25, 56
 Плиний Старший Гай, римский автор 5, 6, 11, 15, 17, 24, 38, 83, 179, 200, 218
 Плятерский А. 51, 59
 Поболь Л.Д. 148, 220
 Погодин А.Л. 28, 30, 56
 Погребова Н.Н. 283
 Позвизд, легендарное языческое божество 15
 Покорный Ю. 49, 133, 164, 165
 Поль Х.Д. 69, 91
 Поп Дуклянин, средневековый автор 10
 Поповска-Таборска А. 48, 58
 Потоцкий Я. 16, 55, 165
 Прастень, летописный персонаж 274
 Прибик Пулкава из Раденина 9
 Приск Панийский, древний автор 289
 Приходнюк О.М. 321
 Прокопий Кесарийский, византийский историк 8, 14, 18, 82, 83, 278, 318
 Псевдо-Скимн, древний автор 218
 Птолемей Клавдий, римский географ и историк 6, 12, 15, 17, 24, 38, 54, 83, 179, 180, 200, 218
 Публичка Ф. 14
 Пясецкий П. 14
- Раич И. 16, 55
 Рафалович И.А. 232
 Рачки Ф. 21, 55
 Рейнке П. 103
 Ретциус А. 21
 Рикман Э.А. 232, 247, 258, 282, 284, 285
 Рикс Г. 106, 133
 Риттих А.Ф. 23, 24, 56
 Рихтхоффен Б. 31
 Род, реконструируемое языческое божество 274
 Розвадовский Я. 28, 29, 56
- Розен-Пшеворска Я. 162, 164, 165
 Розенфельдт И.Г. 308, 320
 Романовская М.А. 221
 Романска Ц. 49, 59
 Романский С. 38, 57, 306
 Роспонд С. 73, 92
 Рострафинский Ю. 27, 28, 44, 56
 Рогуш-Сестрженьевиц С. 19
 Рудницкий М. 36, 50, 59
 Рудинский М. 220
 Рус, легендарная личность 9, 12, 14
 Русанова И.П. 195, 196, 200
 Руссу И. 111, 133
 Рутковська Л.М. 321
 Рыбаков Б.А. 42, 43, 58, 82, 93, 243, 283
- Савченко А.Н. 92
 Саксон Грамматик, средневековый автор 164
 Сакцинский И.К. 21, 55
 Салугина Н.П. 315, 320, 321
 Само, основатель первого славянского государства 13
 Самоквасов Д.Я. 21, 55
 Сасинек Ф. 21, 55
 Сварог, языческое божество 69
 Свешников И.К. 232
 Семькин Ю.Л. 321
 Сенн А. 67, 91
 Септимий Север, римский император 229
 Симаргл, языческое божество 69, 274
 Симонович Е.О., см. Сьмонович Э.А.
 Синицын И.В. 284
 Скржинская Е.Ч. 6, 54, 232
 Смиленко А.Т. (Сміленко А.Т.) 220, 283, 284
 Смирнов А.П. 86, 94, 308, 318, 320, 321
 Смирнов К.Ф. 283, 284
 Смирнов Ю.И. 82, 93
 Смит Х. 62, 90, 91
 Смишко (Смішко) М.Ю. 199, 232, 247, 284
 Смолицкая Г.П. 320
 Соболевский А.И. 30, 56
 Соловьев С.М. 20, 55
 Сосети Ф. 18
 Спицын А.А. 217, 221
 Станг Х. 71
 Станкевич Я.В. 320
 Старостин П.Н. 320, 321
 Стлоукал М. 79, 80, 93
- Страбон, античный историк 218, 221, 244, 283
 Страгановский Г.А. 221
 Стредониус А. 14
 Стржелецкий С.Ф. 318
 Стрыйковский М. 11, 15, 16, 54
 Судетский И.-М. см. Матвей Судетский
 Сулимирский Т. 32, 33, 57, 92, 135, 283
 Суровецкий В. 17, 55
 Сьмонович Э.А. (Симонович Е.О.) 272, 283, 285, 306, 320, 321
 Сфаньдрь, летописный персонаж 274
- Татищев В.Н. 15, 55
 Тацит, римский автор 6, 15, 17, 22, 24, 30, 38, 50, 54, 83, 110, 179, 180, 200, 218
 Тейрал Я. 194, 200, 304, 305, 320
 Телегин Д.Я. 220
 Тереножкин А.И. 45, 58
 Терпиловский Р.В. 47, 58, 220, 286
 Терстеньяк Д. 21, 55
 Тит Ливий, древний автор 218
 Тиханова М.А. 232, 282
 Товар А. 88, 94
 Томас С. 224, 242
 Топоров В.Н. 67, 74, 91—93, 135, 148, 274, 275, 285, 286
 Траутман Р. 36
 Траян, римский император 18, 21
 Треймер К. 92, 164, 165
 Трегер Г. 62, 90
 Третьяков П.Н. 39, 40, 57, 201, 220
 Трофимова Т.А. 79
 Трубачев О.Н. 51, 52, 59, 62, 65, 67, 69—71, 74, 90—92, 94, 133—135, 146—148, 164, 165, 218, 275, 278, 279, 285, 306, 318—321
 Трубецкой Н.С. 65, 91
 Туберо-Черва (Црневич) 12
 Тыменецкий К. 37, 57, 179
- Удальцов А.Д. 39, 57
 Удольф Ю. 47, 50, 52, 59, 65, 74—77, 93, 301, 320
 Улашин Г. 37, 38, 57
- Фаминцын А.С. 56
 Фасмер М. 27, 31, 32, 57, 63, 146, 275, 278, 285, 306
 Федоров Г.Б. 284
 Феофилакт Симокатта, византий-

- ский историк 8, 82
Филимер, король готов 222, 227, 228
Филин Ф.П. 44, 58, 63, 66, 69, 82, 90—92, 94, 144, 148, 197, 198, 200, 278, 285
Филип Я. 33, 57, 105, 132, 133, 165
Флоринский В.М. 24, 56
Фокеев М.М. 283
Фома Сплитский, средневековый автор 12
Фрастенъ, летописный персонаж 274
Фремманн Е. 38, 57
Френцель М. 13
- Хавлок П.И. 316, 321
Хазанов А.М. 94
Халиков А.Х. 315, 321
Хам, потомок Яфета 10
Хахманн Р. 86, 94, 199, 318
Хвойко (Хвойка) В.В. 45, 217
Хенкен Х. 85, 94
Хирт Х. 32, 33, 134
Ходаковский З.Д. 17, 55
Хойновский И.А. 24, 56
Хорс, языческое божество 69, 274
Хотюн Г.Н. 283
- Цезарь, римский император 9, 113, 147
Цейс К. 16, 55
Циглик В.М. 284
Цупан Я. 21
- Чайлд В.Г. 85, 94
Чебоксаров Н.Н. 80, 93, 94
Чебоксарова И.А. 80, 93, 94
Чекановский Я. 32, 33, 35, 57
Черных Е.Н. 165, 283
Чертков А.Д. 24, 56
Чех, легендарный родоначальник племени чехов 9, 10, 12, 13, 15
- Шафарик П.И. 13, 14, 18, 20, 22, 23, 55, 61, 306
Шахматов А.А. 27, 29, 30, 44, 56, 164, 165
Швицкая И. 78, 93
Шевелов Г. 65, 91, 200
Шелов Д.Б. 232, 284
Шембера А. 22, 55
Шибеник 14
Шиманский В. 298, 319
Шимезу М. 42, 58
Шимек Э. 38, 57
- Шиндлер Р. 222
Шлейхер А. 19, 24, 55
Шлетте Ф. 86, 94, 133, 134, 165
Шлецер А.-Л. 14, 54
Шлецер Х.А. 14, 54
Шмид В.П. 51, 59, 90, 91, 93, 133
Шмидт Е.А. 220
Шмидт Л. 222
Штибер З. 65, 91
Штриттер И. 16, 55
Штруве К.В. 47, 58
Шулек Б. 27, 56
Шульдт Э. 165, 320
Шухардт К. 136
- Щукин М.Б. 50, 59, 218, 221, 228, 232, 243, 283
- Эггерс Г. 94, 175, 199
Эллак, вождь гуннов 289
Эрхарт А. 65
- Юстиниан, император 12
- Яжджевский К. 32, 34, 57, 132, 148, 173, 175, 198, 199, 231, 288
Якубинский Л.П. 38, 39, 57
Ямка Р. 180, 200
Ян М. 31, 85, 94, 198, 199
Янкун Г. 180, 200
Янушевич З.В. 220
Яфет, библейский персонаж 11, 13, 15, 16
- Aleksejev V.P., см. Алексеев В.П.
Aleksejeva T.I., см. Алексеева Т.И.
Almgren O. 232
Altheim Fr. 319
Ament H. 134
Anton K.G., см. Антон К.Г.
Antoniewicz W., см. Антонец В.
Babeş M. 221
Balke B. 198
Barankiewicz B. 198
Barfield L. 134
Bargognini Tarli S.M. 34
Bareş M. 200
Battisti C. 134
Baudou E. 135
Behaghal H., см. Бегагель Х.
Benac A. 133
Bender W. 198
- Benveniste E., см. Бенвенисте Э.
Bicher Gh. 283
Bielenin K., см. Беленин К.
Bielowski A., см. Белёвский А.
Bielski M., см. Бельский Мартин
Birnbbaum H., см. Бирнбаум Х.
Blume E. 232
Bovc P., см. Боев П.
Bogognini Tarli S.M. 134
Boguchwal, см. Богухвал
Boguslawski Ed., см. Богуславский Е.Р.
Bohnsack D., см. Бонзак Д.
Böhm J., см. Бем Я.
Bopp F., см. Бопп Ф.
Brachmann H. 94
Brückner A., см. Брюкнер А.
Budinsky-Krička V., см. Будинский-Кричка В.
Bucowski Z. 135
Bunak V.V., см. Бунак В.В.
Buti G.G. 134
- Chadwick N. 133
Childe V.G., см. Чайлд В.Г.
Chmielewski W. 148, 231
Chodakowski Z.D., см. Ходаковский З.Д.
Chropovský V. 319
Cihar V. 134
Cluver F., см. Клювер Ф.
Coles J.M. 132
Corcoran W.P. 133
Čović B. 133
Crawford O.G.S., см. Крауфорд О.
Cromer M., см. Кромер Мартин
Čujanova-Jilková E. 132
Cuno I.-G., см. Куно И.Г.
Czekanowski J., см. Чекановский Я.
Czerska B. 165, 199
- Dąbrowska T. 221, 200
Dąbrowski K. 198
Dąbrowsky I. 165
Dąbrowsky K. 165
De Laet S.I. 133
Demetrykiewicz W., см. Дементрикевич В.
Devoto G., см. Девото Дж.
Diakonu Gh. 284, 285
Długoss Johannis, см. Длугош Я.
Dobrovsky J., см. Добровский Й.
Domański G., см. Доманьский Г.
Dubravius J., см. Дубравский
Dukova U. 92

- Durczewski 148
 Duridanov I., см. Дуриданов И.
 Dymaczewski A. 200
- Eggers H., см. Эггерс Г.
 Eisner J., см. Айснер Я.
 Engel C. 135
 Erhart A. 91
 Evison V. 319
- Filip J., см. Филип Я.
 Fischer F. 133
 Frey O. 134
 Friemann J., см. Фремманн Е.
- Gatterer I.H., см. Гаттерер И.Х.
 Gedl M. 134
 Georgiev V., см. Георгиев В.
 Gimbutas M., см. Гимбутас М.
 Godłowski K., см. Годловский К.
 Godzikiewicz M. 134, 147
 Goehrke C., см. Герке К.
 Gołąb Z., см. Голомб З.
 Gregorij Sanok Wiszniewski, см. Григорий из Санока
 Gwagnini A., см. Гваньини А.
- Hachmann R., см. Хакманн Р.
 Harding A.F. 132
 Hellwald F. 55
 Hencken H., см. Хенкен Х.
 Hensel W., см. Гензель В.
 Hermann J., см. Геррманн Й.
 Hirt H., см. Хирт Х.
 Hołubowiczowa Sehak H. 165
 Hubschmid J. 134
- Jaczyk I. 147
 Jaczykowa I. 198
 Jahn M., см. Ян М.
 Jahnkuhn H., см. Янкун Г.
 Jamka R., см. Ямка Р.
 Jasnosz S. 200
 Jądzewski K., см. Яджевский К.
 Jordan J. Chr., см. Иордан Я.Х.
- Ionita I. 232, 285
- Kalmykow A. 285
 Karaliūnas S., см. Каралюнас С.
 Katančič P., см. Катанчич П.
 Katičić R. 133, 134
 Kaulfuss R.S., см. Каульфус Р.С.
 Kehoe A. 94
 Keiling H., см. Кайлинг Х.
- Kemble J., см. Кембле Я.
 Kętrzyński W., см. Кентжинский В.
 Kietlińska A. 148, 200
 Kilian L., см. Килиан Л.
 Kimmig W., см. Киммиг В.
 Kiparsky V., см. Кипарский В.
 Kleeman O. 200
 Kmeciński J. 231
 Kóčka W., см. Кочка В.
 Kolendo J., см. Колендо Й.
 Kollar J., см. Коллар Я.
 Kołodziejcki A. 165
 Kossak G., см. Коссака Г.
 Kossinna G., см. Коссина Г.
 Kostrzewski B. 200
 Kostrzewski J., см. Костшевский Ю.
 Kozak-Zychman W. 93
 Kozłowski L., см. Козловский Л.
 Krahe H., см. Краэ Г.
 Krantz A., см. Кранц Альберт
 Kromer K. 133
 Kühn H., см. Кюн Г.
 Kurnatowski S., см. Курнатовский С.
- La Baume W., см. Ла Бом В.
 Lamb H.H. 319
 Lamprecht A., см. Лампрехт А.
 Lana T. 200
 Laviosa-Zambotti P. 134
 Leger R. 56
 Lehr-Splawiński T., см. Лер-Сплавинский Т.
 Lejeune M. 134
 Lelewel J., см. Лелевель И.
 Leibniz G.W., см. Лейбниц Г.В.
 Lejeune M. 134
 Lessing E. 133
 Leyder A. 134
 Łowmiański H., см. Ловмянский Г.
 Łuka A. 135
 Łuka L.-J. 135
 Lunt H.G., см. Лант Г.
- Machal H. 56
 Mačinskij D.A., см. Мачинский Д.А.
 Magnuszewicz M. 93
 Majewski W.C., см. Майевский В.С.
 Malingoudis Ph. см. Малингудис Ф.
 Malinowski T. 134, 148
 Mańczak W., см. Маньчак В.
 Mannert K., см. Маннерт К.
 Maretić T., см. Маретич Т.
 Matyáš Jan ze Sudetů, см. Матвей Судетский
- Mavro Orbini, см. Мавро Орбини
 Mayer A. 133
 Mayer H., см. Майер Х.
 Maziulis V., см. Мажюлис В.
 Mazzotta F. 134
 Megaw J.V.S. 133
 Meillet A., см. Мейе А.
 Meinander C.F. 135
 Mendelssohn 232
 Merlat P. 148
 Mikić Ž., см. Микич Ж.
 Miklaszewska R. 148
 Miklosich Fr., см. Миклошич Ф.
 Mildenberger G. 134
 Milewski T., см. Милевский Т.
 Miller K. 54, 200
 Miskiewicz J. 200
 Mitrea B. 232
 Montelius O., см. Монтелиус О.
 Moora H., см. Моора Х.А.
 Moreau J. 133
 Moszyński K., см. Мошинский К.
 Musianowicz K. 165
 Müller M., см. Мюллер М.
- Nalepa J., см. Налепя Е.
 Néustupny J., см. Неуступный Ю.
 Niederle L., см. Нидерле Л.
 Niesiolowska-Wędzka A. 134
 Niewęglowski A., см. Невенгловский А.
 Nosek S., см. Носек С.
 Nowakowski W., см. Новаковский В.
- Obermüller 56
 Okulicz J. 135, 232, 199
 Okulicz L. 135
 Otrębski J. 221
 Otto K.-H., см. Отто К.-Г.
 Oxenstierna E.G. 232
- Pallotino M. 134
 Pauli L. 133
 Peisker J., см. Пейскер Я.
 Pellegrini G.B. 134
 Pescheck Chr. 199
 Peschel K. 199
 Petersen E., см. Петерсен Э.
 Piaskowski J. 198
 Pič J.L., см. Пич Й.Л.
 Piggott S., см. Пигготт С.
 Pirgala J. 232
 Pittioni R., см. Питтиони Г.
 Pleiner R. 165
 Pleterski A., см. Плятерский А.

- Pleza M. 58
 Plinius Secundus, см. Плиний Старший Гай
 Podkowińska Z. 148
 Pokorny J., см. Покорный Ю.
 Polák V. 92
 Popowska-Taborska H., см. Поповска-Таборска А.
 Potocki J., см. Потоцкий Я.
 Poulik J. 319
 Powell T.G.E. 133
 Prosdocimi A.L. 134
 Przewoźna K. 198

 Rački F., см. Рачки Ф.
 Rajewski Z. 134
 Randall Mocver D. 134
 Reczek J. 148
 Reinerth H. 132
 Rhamm K. 56
 Rix H., см. Рикс Г.
 Rosen-Przeworska J., см. Розен-Пшеворска Я.
 Rospond S., см. Роспонт С.
 Rostański J., см. Ростафинский Ю.
 Rozwadowski J., см. Розвадовский Я.
 Rudnicki M., см. Рудницкий М.
 Russu I.I., см. Руссу

 Sacken E. 133
 Šafařík P., см. Шафарик П.И.
 Saflund G. 134
 Sakciński I.K., см. Сакцинский И.К.
 Salewicz K. 148
 Sandars N.K. 132
 Sasinek F., см. Саснек Ф.
 Schachmatov A.A., см. Шахматов А.А.
 Schindler R. 231

 Schleicher A., см. Шлейхер А.
 Schlette F., см. Шлетте Ф.
 Schlözer A.-L., см. Шлецер А.-Л.
 Schmiedehelm M. 320
 Schmidt L. 231
 Schmid W.P., см. Шмидт В.П.
 Schudt E., см. Шульдт Э.
 Schwantes D. 134
 Schwidetzky I., см. Швидецкая И.
 Sembera A., см. Шембера А.
 Senn A., см. Сенн А.
 Shevelov G.Y., см. Шевелов Г.
 Shimizu M., см. Шимезу М.
 Šimek E., см. Шимек Е.
 Smiszko M., см. Смишко М.Ю.
 Smith H.L., см. Смит Х.
 Spindler K. 133
 Stieber Z., см. Штибер З.
 Stloukal M., см. Стлоукал М.
 Strabo, см. Страбон
 Stritters I.G., см. Штриттер И.
 Struve K.W., см. Штруве К.В.
 Strykowski M., см. Стрыйковский М.
 Sulimirski T., см. Сулимирский Т.
 Surowiecki W., см. Суровецкий В.
 Svoboda B. 165
 Szabo M. 165
 Szczukin M., см. Щукин М.Б.
 Szulek B., см. Шулек Б.
 Szydłowski I. 200
 Szydłowski J. 199
 Szymański W., см. Шиманьский В.

 Taskenberg K. 199
 Tejral J., см. Тейрал Я.
 Terstenjak D., см. Терстеняк Д.
 Thomas S. 232, 283
 Todorović J. 165

 Tovar A., см. Товар А.
 Trager G.L., см. Трагер Г.
 Truhović V. 59
 Treimer K., см. Треймер К.
 Trubetzkoy N.S., см. Трубеткой Н.С.
 Trump D.H. 134
 Tymiński K., см. Тыменецкий К.

 Udolph J., см. Удольф Ю.
 Ułaszyn H., см. Улашин Г.
 Uslar R. 134

 Van Wijk N., см. Ван Вейк Н.
 Váňa Z., см. Ваня З.
 Vasić R. 133
 Vasmer M., см. Фасмер М.
 Vincentii, см. Винцентий Кадлубек
 Voceľ J.E., см. Воцель Я.Э.
 Vyhnánek I. 93

 Waga T. 135
 Wahle E., см. Вале Э.
 Wankel H., см. Ванкель Г.
 Wenskus R. 134
 Werner J., см. Вернер Й.
 Wierciński A., см. Верцинский А.
 Wiesner J. 92
 Wołagiewicz R. 232
 Woźniak Z., см. Вожняк З.
 Wrona-Kuprowska T. 93

 Zaborowski M., см. Заборовский М.
 Zaharia E. 232
 Zaimov J., см. Займов Й.
 Zeuss K., см. Цейс К.
 Zielonka B. 165
 Zosim 232
 Zupan J. 55

Valentin V. Sedov

Slavs in Antiquity

Summary

In the first chapter of the book the development of knowledge about the origin and ancient history of Slavs is considered. It begins with the analysis of the Roman and medieval authors' ideas on the beginning of Slavdom and concludes with the historiographic situation in the late 20th century. The chapter has the following sections: «Ancient Authors about Early Slavs» (p. 5); «Notions about Ancient Slavs in the Chronicles and Historical Writings of Middle Ages» (p. 8); «From Mavro Orbini to P.J.Šafařík» (p. 13); «From P.J.Šafařík to L.Niederle» (p. 18); «Lubor Niederle and his Time» (p. 25); «The Investigations of the 20—50-es» (p. 32); «The Last Decades of the 20th Century» (p. 40).

In the chapter «Ethnogenesisology of Slavs» (p. 60) the contemporary state of the problem of Slavs' origin and early history is analysed. The potentialities of different disciplines in the investigation of this problem are appraised: linguistics, onomastics, ethnology, archaeology, anthropology, history, folkloristics. It is beyond doubt that this problem may be solved only by means of cooperation of all these disciplines, two of them being leading today — linguistics (the questions of glottogenesis) and archaeology (the study of cultural development of certain population in the concrete territorial and chronological circumstances).

The prehistory of Slavs is characterized in the chapter «Ancient Europeans» (p. 95). It

begins with the time-point of the 2nd millennium B.C. when the Central European community of Urnfield cultures existed. It is identified with Ancient Europeans of H.Krahe — an ethno-linguistic community, which united a big group of tribes speaking similar ancient Indo-European dialects. In the late 2nd — first half of the 1st millennium B.C. Celts, Italics, Venets, Illirians, Germanians, Western Balts and Slavs appeared from this conglomeration.

The question of Slavs' formation is considered in details in the next chapter (p. 136). Slavs as a separate ethnos were being formed about the middle of the 1st millennium B.C. on the basis of Lusatian (Lausitz) culture, which belonged to the Central European community of Urnfield cultures. Podkloszove Burials culture (Middle and Upper Vistula with Right-bank Oder) was the first Slavonic one.

The 3rd and the 2nd centuries B.C. are the period of close contacts between Slavs and Celts («Slavs and Celts», p. 149). Celts, that migrated into the Slav territory in contemporary Poland, influenced upon the development of agriculture, crafts and culture of Slavs greatly. The pottery-making, metallurgy and metal-working which reached the highest level in Southern Poland during Roman epoch, were the heritage of Celts. As a result of contacts between Slavs and Celts the Przeworsk culture appeared.

«Slavs in Przeworsk culture» (p. 166). The

territory of Slavs in the late La-Tène and Roman time was not isolated. Several migrations of Germanians into the environment of Slavs are observed archaeologically. The territory of Przeworsk culture expands to the south-east (Upper Dniester, Volyn') and to the south (northern-eastern Slovakia). The two regions of this culture are distinguished — the Vistula region (where Slavs dominated) and the Oder one (where Germanians were also numerous). The Slavonic language underwent some considerable changes in the spheres of phonetics, grammar and vocabulary.

«Zarubintsy culture» (p. 201). As far as in the 3rd/2nd centuries B.C. a part of the population of the Podkloszowe Burials culture and the Pomorye culture settled in the Pripyat' basin, Middle Dnieper and part of Upper Dnieper. As a result of their contacts with the local tribes of Milograd culture and Scythian Forest-Steppe cultures, the Zarubintsy culture was formed. The ethnic identity of its population is not clear. Most probably, those people were close both to Slavs and to Western Balts by their language. Later the Zarubintsy population moved to the northern regions, mostly to the Desna basin (Pochep culture) and Upper Oka (Moshchiny culture), and some separate groups in the south joined the Cherniakhov culture.

«Migration of Goths to the North Pontic Area» (p. 222). In the last decades of the 2nd century A.D. a movement of a great mass of population from the Lower Vistula region towards south under the leadership of Goths took place. The most part of it settled in Mazovia, Podlasie and Volyn' (Wielbark culture), but a part moved further — to the western part of North Pontic Area, where the basis of future Gothia was laid. The second wave of migrants under the leadership of Goths dates back to the middle of the 3rd century. Some large groups of the migrants settled at those times between Dniester and Lower Dnieper, and

some little ones — widely within the Cherniakhov territory.

«Slavs in the Cherniakhov Culture. Formation of Ants» (p. 233). Cherniakhov culture (late 2nd — early 5th centuries A.D.) was a polyethnic conglomeration. The most part of its population were Sarmatians, that settled widely between Lower Danube and Meotida (the Sea of Azov), and Slavs. In the Dniester-Danube region also Gets-Daks and Goths-Gepids tribes lived, belonging to this culture. The formation of Cherniakhov culture was a result of interaction of the South-Eastern Przeworsk tribes with Sarmatians. Some uniformity of Cherniakhov territory was conditioned by spreading of Roman Provincial Culture. In the region of Podolia and Middle Dnieper a new dialect-tribal formation — Ants — was generated under the circumstances of Slavic-Iranian symbiosis.

«Slavs during the Migration Period» (p. 287). The migration of Germanian tribes towards the borders of Roman Empire and the Huns invasion in late 4th century A.D. changed the cultural situation in South-Eastern Europe considerably. The development of Provincial Roman cultures had been interrupted, the majority of crafts centres stopped functioning, the period of cultural regress began, and it was strengthened by the unfavourable conditions for the agriculture. A part of Slavic population was forced to leave the Przeworsk and Cherniakhov territories and to move to the other lands.

During the 5th century, as the stabilization of life had begun, the process of formation of the early medieval Slavic cultures took place: Prague-Korchak culture on the basis of Przeworsk remains; Pen'kovka culture on the basis of Podolia-Dnieper variant of Cherniakhov culture with the participation of northern immigrants (the population of Kiev culture); the culture of Pskov Long Barrows; Imen'kovo culture and some other small ones.

Translated by N.Lopatin

Список сокращений

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.

ВЯ — Вопросы языкознания. М.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.

СА — Советская археология. М.

САИ — Свод археологических источников. М.

WA — Wiadomości archeologiczne. Warszawa.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
История знаний о древних славянах	5
Древние авторы о ранних славянах	5
Представления о древних славянах в хрониках и исторических сочинениях эпохи средневековья	8
От Мавро Орбини до П.И.Шафарика	13
От П.И.Шафарика до Л.Нидерле	18
Любор Нидерле и его время	25
Исследования 20—50-х годов	32
Последние десятилетия XX века	40
Этногенезология славян (возможности различных наук в изучении проблемы происхождения и древнейшей истории славян)	60
Языкознание и этногенез славян	61
Роль топонимики в изучении этногенеза славян	72
Антропологические материалы как этногенетический источник	77
Этнография и фольклористика	80
Исторические сведения о славянах	82
Археология и славянский этногенез	83
Древнеевропейцы	95
Становление славян	136
Славяне и кельты	149
Славяне в составе населения пшеворской культуры	166
Зарубинецкая культура	201
Миграция готов к Северному Причерноморью	222
Славяне в составе черняховской культуры. Становление антов	233
Славяне в период «Великого переселения народов»	287
Нашествие гуннов	287
Начало пражско-корчакской культуры	290
Первый этап славянского освоения северной части Русской равнины	296
Миграции населения из черняховского ареала	304
Начало пеньковской культуры	316
Указатель археологических культур и этносов	322
Указатель географических названий	325
Указатель имён	333
Valentin V. Sedov. Slavs in Antiquity. Summary	340
Список сокращений	342

Валентин Васильевич Седов

СЛАВЯНЕ В ДРЕВНОСТИ

Художник Н.С.Сафронова
Оригиналы карт: В.В.Седов
Верстка: Н.В.Лопатин

Подписано к печати 5.12.1994
Формат 84×108 1/16
Усл. печ. л. 36,1. Уч.-изд. л. 32,2
Тираж 1000 экз.

Издательство НПБО «Фонд археологии»
ЛР № 062652 от 26.05.93

Типография «Христианского издательства»
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 1